



ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 7

Июль 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летнему юбилею*

Возвышение права – миссия С. С. Алексеева (к 100-летию выдающегося правоведа) (Окончание) • На изломах истории (М. А. Аржанов – человек, ученый, эпоха) • Проекция когнитивных технологий трансформации ценностей на суверенную российскую государственность • Глобализм и цивилизация в парадигме философии права • Формирование современной историографической модели политico-правовых знаний • О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 4 • Социализация правосудия как вектор развития гражданского процесса: история и современность • Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации • Гармонизация коллизионной автономии воли сторон и регулятивная конкуренция

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 7, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Возышение права – миссия С.С. Алексеева (к 100-летию выдающегося правоведа) (Окончание)

М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко

7

На изломах истории (Михаил Александрович Аржанов – человек, ученый, эпоха)

В.Н. Плигин, М.Н. Кобзарь-Фролова

27

* * *

Проекция когнитивных технологий трансформации ценностей на суверенную
российскую государственность

Е.В. Виноградова

40

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Глобализм и цивилизация в парадигме философии права

В.И. Жуков

50

Формирование современной историографической модели политico-правовых знаний

В.С. Горбань

64

Справедливость как атрибутивная и функциональная характеристика современного государства

Л.И. Черкесова

79

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Правосознание: из истории философии права

Е.А. Фролова

86

Роль трактата «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа в формировании
утилитарного взгляда Дж. Бентама на уголовное наказание

И.В. Колосов

98

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

Традиция и идеология правового статуса человека в российском конституционализме

А.А. Джагарян, И.М. Сокольщик

105

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный
проступок: правоприменительная практика, общие подходы

Часть 4. Подходы к совершенствованию и повышению эффективности
организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей

М.И. Клеандров

115

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Социализация правосудия как вектор развития гражданского процесса:
история и современность

В.В. Момотов

126

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Реализация права на образование детьми с миграционной историей:
российские практики и зарубежный опыт

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева, Е.А. Сорокина, В.И. Чехарина

141

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Методологический индивидуализм и правовое регулирование экономической деятельности

А. В. Ефимов

155

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

К вопросу о понятии «молодой специалист» в законодательстве о труде и занятости населения

А. В. Серова

166

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации

Т. А. Полякова, Г. Г. Камалова

174

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Концептуальные подходы к определению правового статуса ребенка в современных условиях

Н. В. Летова

184

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гармонизация коллизионной автономии воли сторон и регулятивная конкуренция

Н. Ю. Ерпылева, И. В. Гетман-Павлова, А. С. Касаткина

192

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

On digital identification of personal actions

О. А. Степанов, М. М. Степанов

205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия

Обзор Международной конференции «Российское государство и вызовы XXI века», приуроченной к 30-летию Конституции РФ и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

Д. В. Пожарский, Н. В. Кроткова

211

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К вопросу о многообразии национальных моделей регулирования информационных (цифровых) отношений

Эдвард Дж. Свон. Интернет-право: краткое руководство по регулированию во всем мире

А. А. Тедеев, К. Р. Ошманкевич

223

CONTENTS

Number 7, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

The rise of law – the mission of S.S. Alekseev (on the 100th anniversary of the outstanding jurist) (The end)

M.F. Kazantsev, V.N. Rudenko

7

At the breaks of history (Mikhail Aleksandrovich Arzhanov – man, scientist, era)

V.N. Pligin, M.N. Kobzar-Frolova

27

* * *

Projection of cognitive technologies of values transformation on the sovereign Russian statehood

E.V. Vinogradova

40

PHILOSOPHY OF LAW

Globalism and civilization in the paradigm Philosophy of Law

V.I. Zhukov

50

Formation of a modern historiographical model of political and legal knowledge

V.S. Gorban

64

Justice as an attributive and functional characteristic of the modern state

L.I. Cherkesova

79

LEGAL, POLITICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

Legal awareness: from the history of the Philosophy of Law

E.A. Frolova

86

The role Beccaria's on crimes and punishments on the formation
of Bentham's utilitarian theory of criminal liability

I.V. Kolosov

98

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

Tradition and ideology of the human legal status in Russian constitutionalism

A.A. Dzhagaryan, I.M. Sokolshchik

105

JUDICIAL POWER

On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct:
law enforcement practice, general approaches

Part 4. Approaches to improving and improving the efficiency of the organizational
and legal mechanism of disciplinary responsibility of judges

M.I. Kleandrov

115

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Socialization of justice as a vector of development of the civil process: history and modernity

V.V. Momotov

126

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Realization of the right to education by children with migration history:
Russian practices and foreign experience

N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva, E.A. Sorokina, V.I. Chekharina

141

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Methodological individualism and legal regulation of economic activity

A. V. Efimov

155

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

On the issue of the concept of “young professionals” in the legislation on labor and employment

A. V. Serova

166

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

State secret as an institution of legal support for national sovereignty and security of the Russian Federation

T.A. Polyakova, G. G. Kamalova

174

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Conceptual approaches to determining the legal status of a child in modern conditions

N. V. Letova

184

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Harmonization of conflict of laws party autonomy and the regulatory competition

N. Yu. Erpyleva, I. V. Get'man-Pavlova, A. S. Kasatkina

192

SCIENTIFIC REPORTS

On digital identification of personal actions

O. A. Stepanov, M. M. Stepanov

205

SCIENTIFIC LIFE

The rights and duties of the individual: in search of civil consent

Review of the International Conference “The Russian statehood and the challenges of the XXI century”, dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th anniversary of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

D. V. Pozharsky, N. V. Krotkova

211

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

On the issue of the diversity of national models of regulation of information (digital) relationships

Edward J. Swan. Internet law: a concise guide to regulation around the world

A. A. Tedeev, K. R. Oshmankevich

223

In the article (*Pibaev, I.A. (2024). The U.S. Supreme Court and the “ministerial exception” doctrine // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 145–153*) it should be read:

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-01013, <https://rsrf.ru/project/23-78-01013/>

**ВОЗВЫШЕНИЕ ПРАВА – МИССИЯ С.С. АЛЕКСЕЕВА
(к 100-летию выдающегося правоведа)
(Окончание)¹**

© 2024 г. М. Ф. Казанцев*, В. Н. Руденко**

*Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург*

*E-mail: kazan.m@mail.ru

**E-mail: rudenko@prm.uran.ru

Поступила в редакцию 05.06.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся ученому и организатору науки, правоведу, философу, мыслителю, публицисту, писателю, государственному деятелю, члену-корреспонденту Российской академии наук, доктору юридических наук, профессору Сергею Сергеевичу Алексееву (1924–2013). Прослеживается биография С.С. Алексеева, его ипостаси как теоретика права, цивилиста, философа, организатора науки, публициста, писателя, государственного деятеля, законотворца, дается оценка его вклада в науку, становление современной правовой системы в нашей стране, раскрывается роль в создании Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. В статье процитированы фрагменты ранее не публиковавшихся произведений С.С. Алексеева.

Ключевые слова: С.С. Алексеев, общая теория права, аналитическая теория права, инструментальная теория права, философия права, конституционное право, гражданское право, Институт философии и права УрО РАН, Исследовательский центр частного права, правотворчество, Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ.

Цитирование: Казанцев М.Ф., Руденко В.Н. Возвышение права – миссия С.С. Алексеева (к 100-летию выдающегося правоведа) (Окончание) // Государство и право. 2024. № 7. С. 7–26.

DOI: 10.31857/S1026945224070014

**THE RISE OF LAW – THE MISSION OF S.S. ALEKSEEV
(on the 100th anniversary of the outstanding jurist)
(The end)²**

© 2024 М. Ф. Kazantsev*, V. N. Rudenko**

*Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg*

*E-mail: kazan.m@mail.ru

**E-mail: rudenko@prm.uran.ru

Received 05.06.2024

¹ Начало см.: Государство и право. 2024. № 6. С. 7–32.

² For the beginning, see: Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2024. No. 6, pp. 7–32.

Abstract. The article is devoted to the outstanding scientist and organizer of science, jurist, philosopher, thinker, publicist, writer, statesman, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Sergey S. Alekseev (1924–2013). The biography of S.S. is traced. Alekseev, his hypostasis as a legal theorist, civilist, philosopher, organizer of science, publicist, writer, statesman, legislator, is evaluated for his contribution to science, the formation of the modern legal system in our country, reveals his role in the creation of the Constitution of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation. The article quotes fragments of previously unpublished works by S.S. Alekseev.

Key words: S.S. Alekseev, General theory of law, analytical theory of law, instrumental theory of law, Philosophy of Law, Constitutional Law, Civil Law, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Research Center for Private Law, lawmaking, Constitution of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation.

For citation: Kazantsev, M.F., Rudenko, V.N. (2024). The rise of law – the mission of S.S. Alekseev (on the 100th anniversary of the outstanding jurist) (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 7–26.

Конституция. Конституционный процесс в новой России начался летом 1990 г. с образования Конституционной комиссии³. К концу 1990 г. ею был подготовлен проект Конституции, в течение 1991 г. он дорабатывался⁴.

В феврале 1992 г. Политсовет Российской движения демократических реформ (РДДР), которого не устроил подготовленный Конституционной комиссией проект Конституции Российской Федерации из-за своего во многом просоветского характера, принял решение о подготовке своего (альтернативного официальному) проекта Конституции и назначил ответственным за подготовку члена Политсовета, мэра Санкт-Петербурга А.А. Собчака⁵. Тот привлек к работе С.С. Алексеева. Они давно и хорошо знали друг друга как коллеги по юридической науке и преподаванию в вузах (оба были заведующими кафедрами), а в последнее время – и по совместной работе в Комитете по законодательству Верховного Совета СССР, где Алексеев был председателем, а Собчак его заместителем.

В свою очередь, С.С. Алексеев, возглавивший группу по подготовке проекта Конституции, позвал в помощь Ю.Х. Калмыкова, ученого-правоведа, до избрания народным депутатом СССР заведовавшего кафедрой гражданского права Саратовского юридического института, тоже заместитель, причем первый, Председателя Комитета по законодательству, а затем и Председатель (по рекомендации

С.С. Алексеева, оставившего председательский пост), и С.А. Хохлова, одного из выдающихся мастеров юридического дела (по словам С.С. Алексеева), к этому времени уже исполнительного директора Исследовательского центра частного права, до того работавшего в возглавляемых С.С. Алексеевым Комитете по законодательству и Комитете конституционного надзора СССР, а еще раньше – на кафедре хозяйственного права Свердловского юридического института.

Как потом вспоминал Сергей Сергеевич, работа над проектом Конституции проходила в Санкт-Петербурге, в одном из помещений Смольного, с огоньком, как говорится, на одном дыхании, заслонив все остальное – суетное, недобродорное⁶. В марте 1992 г. альтернативный проект Конституции РФ был подготовлен⁷, в апреле одобрен Политсоветом РДДР, в мае опубликован отдельным изданием⁸. Его называют проектом Алексеева – Собчака (по именам публичных фигур, хотя юридически у проекта четыре автора – С.С. Алексеев, А.А. Собчак, Ю.Х. Калмыков и С.А. Хохлов).

Первая глава альтернативного проекта Конституции была посвящена гражданам России (включала разделы: Основные права и свободы; Права и обязанности граждан Российской Федерации; Обеспечение прав и свобод гражданина). И только вторая глава – Российскому государству (включала разделы: Федерация; Устроство государства).

Как известно, альтернативный проект не воплотился в Конституцию, но его отдельные положения (прежде всего из первой главы о гражданах России)

³ См.: постановление СНД РСФСР от 16.06.1990 г. № 37-1 «Об образовании Конституционной комиссии» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 3, ст. 24.

⁴ См.: Проект Конституции Российской Федерации в редакции на 24 октября 1991 г. // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 2: 1991 год / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2008. С. 564–608.

⁵ См.: Хроника участия Российского движения демократических реформ в конституционном процессе. [Материалы к альтернативному проекту] // Вестник РДДР. 1992. № 4 (Спецвып., декабрь 1992 г.). С. 1–12.

⁶ См.: Алексеев С.С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 16.

⁷ Концепция Конституции подробно изложена С.С. Алексеевым (см.: там же. С. 17–30).

⁸ См.: Конституция Российской Федерации (Проект). Альтернативный вариант / авторская разработка проекта – С.С. Алексеев, А.А. Собчак при участии Ю.Х. Калмыкова, С.А. Хохлова. М., 1992.

позднее оказали влияние (через Алексеева, как увидим чуть ниже) на проект, ставший ныне действующей Конституцией РФ.

Конституционный процесс между тем продолжался и в 1993 г. в полной мере наложился на политические события в стране, самым значимым (и трагичным!) из которых стало противостояние Президента Б.Н. Ельцина и Верховного Совета, возглавляемого Р.И. Хасбулатовым. Конституционной комиссией, контролируемой Верховным Советом, после октября 1991 г. было подготовлено еще несколько редакций проекта Конституции РФ – по состоянию на 2 марта 1992 г., на 22 октября 1992 г., на 2 марта 1993 г. и на 8 апреля 1993 г.⁹

Президент Б. Н. Ельцин для усиления своей позиции на назначенному на 25 апреля 1993 г. всероссийском референдуме о доверии Президенту (запомнившимся слоганом «ДА–ДА–НЕТ–ДА») решил задействовать проект Конституции как программу будущего государственного устройства России. А поскольку такого проекта Конституции не было, его предстояло создать (в противовес проекту Конституционной комиссии). Разработку «президентского» проекта Конституции Президент поручил С.С. Алексееву и С.М. Шахраю, поставив им задачу при личной встрече¹⁰. Выбор Б.Н. Ельцина вполне понятен: в Алексееве он видел крупнейшего ученого-правоведа¹¹, уважал его как «нейтрального профессионала»¹², а в компетентности и надежности С.М. Шахрая он убедился еще во время августовского путча 1991 года, к тому же

⁹ См.: Проект Конституции Российской Федерации в редакции на 8 апреля 1993 г. // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 4: 1993 год. Кн. 1 (январь–апрель 1993 года) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. С. 324–377.

¹⁰ Эта встреча состоялась 9 апреля 1993 г., судя по Журналу учета посетителей приемной Президента Российской Федерации (см.: Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 138 (документ № 08398)).

¹¹ Так Б.Н. Ельцин охарактеризовал С.С. Алексеева на совещании руководителей республик в составе Российской Федерации, глав администраций краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга, где 29 апреля 1993 г. С.С. Алексеев сделал доклад о «президентском» проекте Конституции (см.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. М., 1995. Т. 1. С. 4).

¹² По свидетельству С.М. Шахрая, «отвечая прессе на многочисленные вопросы, почему он выбрал именно Сергея Сергеевича в качестве одного из ключевых юристов для доработки текста Основного Закона, президент РФ особо подчеркивал, что уважал его как «нейтрального профессионала»» (см.: Шахрай С.М. По закону Сергея Алексеева. Пускай каждый россиянин поймет и скажет: «Это моя Конституция!» // РОСС. газ. 2013. 21 мая).

тот был официальным представителем Президента в Конституционной комиссии.

Работа над президентским проектом Конституции подробно описана С.С. Алексеевым¹³ и С.М. Шахраем¹⁴, причем как на уровне технологии (процесса), так и идеологии (концепции). Они работали напряженно, быстро, слаженно, признавая друг в друге профессионалов.

С.М. Шахрай считал С.С. Алексеева одним из двух юристов фундаментального, энциклопедического уровня в советский период (второй – В.Н. Кудрявцев). О своем старшем коллеге говорил, что он был нейтрален и абсолютно профессионален. «Ради успеха общего дела Сергей Сергеевич спокойно отказался от собственных амбиций. Когда началась работа над окончательным текстом Конституции, он сразу же заявил о необходимости отложить все личные проекты в сторону и относиться к ним лишь как к источнику тех или иных идей, формулировок. А ведь это были не просто прекраснодушные призывы. Он говорил в том числе и о своем собственном проекте, который написал в 1992 г. вместе с тогдашним мэром Санкт-Петербурга Собчаком и другими коллегами из Российского движения демократических реформ»¹⁵.

С.С. Алексеев отзывался о С.М. Шахрае как о человеке незаурядном, талантливом, с добрыми чертами, и вместе с тем – настроенным на усиление президентской власти¹⁶.

Меньше чем за месяц президентский проект Конституции был подготовлен¹⁷. Это был новый проект, а не доработанный или переработанный какой-либо из проектов, существовавших ранее (президентский проект нередко называют проектом Алексеева – Шахрая). Конечно, при подготовке этого проекта были использованы и прежние наработки. С.С. Алексеевым активно

¹³ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 31–33.

¹⁴ См.: Шахрай С.М. Новая Конституция России: искусство возможного и взгляд в будущее // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 6: Дополнительные, мемориальные, справочные материалы / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2010. С. 994–1009; Его же. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 55–91.

¹⁵ Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. С. 56, 58.

¹⁶ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 32.

¹⁷ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Федерации. Проект [Подгот. по поручению Президента Российской Федерации] / [С.С. Алексеев, С.М. Шахрай и др.] // Известия. 1993. 30 апр. (29 апр. – Моск. вып.); Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. Т. 1. С. 11–66.

использовались разработки, выраженные в альтернативном проекте Конституции (проекте Алексеева—Собчака), и прежде всего о правах и свободах человека, о гражданах Российской Федерации (они нашли отражение в первых двух главах президентского проекта). С.М. Шахрай при разработке глав проекта о федеративном устройстве, об органах власти задействовал наработки из проекта Конституции РФ, составленного под его руководством¹⁸. При работе над проектом также было взято самое ценное из предшествующих проектов Конституции, включая проект Конституционной комиссии и проект А.Д. Сахарова.

29 апреля 1993 г. Президент представил проект Конституции главам российских регионов. С докладом о концептуальных политико-правовых основах проекта Конституции выступил С.С. Алексеев. Он назвал его проектом Конституции возрождения и единения России.

«В нем имеется комплекс единых идей, идейный стержень, на который нанизывались все конструктивные, лучшие положения. Этот комплекс идей, единый стержень можно свести к следующим пяти положениям. Краткое их значение можно назвать — человек, крепкая стабильная власть, экономическая свобода на основе закона, правосудие и действительная Федерация»¹⁹.

Здесь нет возможности подробнее останавливаться на содержательной характеристике президентского проекта Конституции, но одно обстоятельство все же отметим: современное название высшего органа законодательной власти и его палат впервые появилось именно в президентском проекте в апреле 1993 г.

«Среди общих вопросов, — писал позже С.С. Алексеев, — мы тогда вместе с ним [С.М. Шахраем²⁰], в частности, определились с сохранившимися до нынешней поры статусом и названиями высших органов законодательной

¹⁸ См.: Конституция Российской Федерации. Проект (вариант «0») от 9 апреля 1992 г. Подготовлен рабочей группой под руководством С.М. Шахрая // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990—1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2009. С. 769—802.

¹⁹ Алексеев С.С. [Доклад на совещании руководителей республик в составе Российской Федерации, глав администраций краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга о концептуальных политико-правовых основах проекта Конституции Российской Федерации, представленного Президентом Российской Федерации, 29 апреля 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. Т. 1. С. 5—10.

²⁰ Прим. авторов настоящей статьи.

власти — Федеральное Собрание, Государственная Дума, Совет Федерации»²¹.

Далее проект Конституции был доработан рабочей комиссией (в ее состав наряду с С.С. Алексеевым и С.М. Шахраем вошли еще сорок человек) под председательством Президента и представлен последним специально созванному Конституционному совещанию для рассмотрения и завершения подготовки проекта Конституции. Как участник Конституционного совещания С.С. Алексеев активно включился в его работу. Вместе с В.Ф. Шумейко он являлся координатором группы представителей товариществ производителей и предпринимателей, неоднократно выступал на пленарном заседании Конституционного совещания и его групп²².

По словам С.С. Алексеева, «привлеченные к работе совещания правоведы, по сути дела — весь цвет советской правоведческой науки, с успехом потрудились над текстом с технико-юридической стороны. И хотя юридико-техническая правка здесь нередко отдавала стереотипами советского толка, она придала документу большую юридическую строгость и респектабельность»²³.

Окончательная доводка текста проекта Конституции велась в президентской администрации.

По свидетельству С.С. Алексеева, «некоторые коррективы вообще не были известны никому из непосвященных. Особо печальным и в чем-то странным следует признать исчезновение из окончательного текста положения о том, что частная собственность является естественным правом человека. Печальным и странным — в частности, потому, что именно это положение являлось основой экономико-правовой части заключительного доклада Президента на Конституционном совещании летом 1993 г. (говорю об этом со знанием дела, так как готовил материалы для указанной части доклада) и оно неизменно присутствовало во всех опубликованных вариантах, вплоть до последних рабочих публикаций в октябре—ноябре»²⁴.

12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации была принята всенародным голосованием и вступила в силу.

Позже С.С. Алексеев — один из основных создателей Конституции РФ — дал ей такую, по его мнению, главную, ключевую характеристику:

«Конституция России 1993 года — это первая за всю историю России демократическая Конституция, соответствующая основным общедемократическим требованиям.

²¹ Алексеев С.С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. С. 32, 33.

²² См., напр.: Алексеев С.С. [Выступление на пленарном заседании Конституционного совещания о замечаниях и предложениях по проекту Конституции и его концептуальных положениях, 5 июня 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. Т. 2. С. 16—21.

²³ Алексеев С.С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. С. 34.

²⁴ Там же. С. 38, 39.

Она положила конец системе Советов, идеологизации государственной власти, всему комплексу начал и постулатов советского тоталитарного режима и одновременно закрепила главные ценности, определяющие взаимоотношения человека и власти в обществе, утверждающем и развивающем основы демократии – принципы народовластия, разделения властей, федерализма, законности. <...> В целом, при всех минусах, ошибках, недоработках, это основательный конституционный документ, который по праву стал основой государственно-правового развития России²⁵.

Гражданский кодекс. Вклад С.С. Алексеева в создание Гражданского кодекса Российской Федерации колоссален, уникален и многогранен:

именно он инициировал подготовку проекта нового Гражданского кодекса;

он же осуществлял общее стратегическое и научное руководство разработкой проекта кодекса;

помимо того, он принимал непосредственное участие в подготовке проекта кодекса в составе рабочей группы;

и наконец, он взял на себя идеологическое и организационное обеспечение продвижения кодекса от проекта к действующему закону в органах государственной власти.

Организованный в конце 1991 г. по инициативе С.С. Алексеева и возглавляемый им Исследовательский центр частного права (вначале как Межреспубликанский исследовательский центр частного права) главной своей задачей поставил подготовку проекта Гражданского кодекса РФ. Началом этой работы можно считать разработку в декабре 1991 г. макета-схемы Гражданского кодекса республики²⁶.

В 1992 г. с опорой на структуру макета-схемы началась подготовка текста проекта Гражданского кодекса РФ. На июнь 1992 г. была подготовлена первая (неполная) редакция проекта Гражданского кодекса²⁷. Затем в течение года проводились обсуждение и доработка указанной редакции проекта, разработка не вошедших в первую редакцию глав и разделов. Однако к лету 1993 г. стало ясно, что разработка проекта Гражданского кодекса в полном объеме займет объективно длительное время. Чтобы ускорить создание хотя бы общих юридических норм, наиболее значимых для развития

²⁵ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 101.

²⁶ См.: Гражданский кодекс республики. Макет-схема. Рабочий вариант от 20 дек. 1991 г. Подготовлена в нояб.–дек. 1991 г. коллективом Межреспубликанского исследовательского центра частного права в составе: С.С. Алексеев, Ю.Г. Басин, М.И. Брагинский и др. (см.: Архив ИЦЧП; частично опубл.: Закон. 1992. № 1. С. 69–82). Состав коллектива указан в справке исполнительного директора ИЦЧП С.А. Хохлова, подписанной в 1996 г. без указания точной даты (см.: там же).

²⁷ См.: там же.

экономики и стабилизации гражданского оборота, в июле 1993 г. было решено разделить проект Гражданского кодекса на две части – первую (включающую первые три наиболее проработанные на тот момент раздела, образующие своего рода общую часть Кодекса) и вторую (включающую остальные разделы) с последующим принятием каждой из частей Кодекса в качестве отдельного закона. И уже к концу июля 1993 г. была готова первая редакция проекта части первой Гражданского кодекса РФ²⁸. Текст проекта был удостоверен подписью председателя Совета Исследовательского центра частного права С.С. Алексеева на титульном листе 28 июля 1993 г. (в день его 69-летия – так совпало).

Вместе с С.С. Алексеевым, осуществлявшим общее стратегическое руководство подготовкой и продвижением проекта Гражданского кодекса, наибольший вклад в его создание внесли С.А. Хохлов и А.Л. Маковский. Они возглавляли практическую работу по подготовке проекта, сами были разработчиками структуры кодекса, текста многих его глав и реадаптировали текст проекта в целом. С.А. Хохлов был не просто организатором разработки проекта кодекса, он был душой коллектива разработчиков – по единодушному признанию самих разработчиков.

С. С. Алексеев также принимал непосредственное участие в подготовке структуры и текста проекта Гражданского кодекса. Имеются документальные подтверждения его участия в разработке как минимум разд. I («Общие положения») и II («Право собственности и другие вещные права») проекта.

Он единолично написал проект гл. 1 («Неотъемлемые гражданские права и свободы»)²⁹, предусматривавшейся первоначальной структурой Кодекса. Для примера приведем здесь одну из девяти статей главы – четвертую:

«Статья 4. Свобода и нерушимость договора

При установлении имущественных и личных отношений граждане, юридические лица государства, автономные и административно-территориальные образования исходят из принципа свободы договора: они не ограничены

²⁸ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Проект [Редакция на 28 июля 1993 г.] / [Проект подготовлен в соответствии с планом законопроектных работ авторским коллективом в составе: С.С. Алексеев, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский и др.] // Там же; Сов. юстиция. 1993. № 21/22. С. 2–63 (без справки об авторском коллективе, подготовившем проект). Сведения об авторском коллективе взяты из сопроводительной записи к проекту, а также из Распоряжения Совета Министров – Правительства РФ от 8 мая 1993 г., которым была образована рабочая группа для завершения работы по подготовке проекта Гражданского кодекса РФ (см.: САПП. 1993. № 19, ст. 1750).

²⁹ Алексеев С. С. [Проект главы 1 «Неотъемлемые гражданские права и свободы» Гражданского кодекса Российской Федерации] / подготовлен С. С. Алексеевым в марте–июле 1992 года // Архив ИЦЧП (вверху текста проекта главы рукой ее автора написано: «С.С. Алексеев»).

в выборе контрагентов, закреплении в договоре любых, не противоречащих закону, условий, в осуществлении предпринимательской деятельности, не выходящей за требования деловой этики.

Провозглашается нерушимость договора.

Любые отступления от его условий (кроме тех, которые предусматриваются соглашением самих сторон) влекут за собой применение мер ответственности имущественного и организационного порядка».

В более поздние редакции проекта гл. 1 с названием «Неотъемлемые гражданские права и свободы» не вошла, но зафиксированные в ней наработки в той или иной мере были использованы в проекте. Не трудно заметить, что положения процитированной четвертой статьи алексеевского проекта нашли отражение в ст. 1 («Основные начала гражданского законодательства») и 421 («Свобода договора») действующего Гражданского кодекса РФ.

Место первой по счету главы Гражданского кодекса заняла гл. 1 с названием «Гражданское право», впоследствии замененным на «Гражданское законодательство». Проект гл. 1 («Гражданское право») в редакции на 25 мая 1993 г.³⁰ был разработан С.С. Алексеевым совместно с С.А. Хохловым. Главе 1 предшествует ими же написанная преамбула ко всему Гражданскому кодексу. Впоследствии преамбула была исключена С.А. Хохловым из проекта, но, несмотря на это (а может, именно поэтому) заслуживает быть здесь воспроизведенной, так как она ранее не публиковалась (знают о ней единицы) и способна вызвать научный интерес:

«Гражданский кодекс Российской Федерации определяется в соответствии с Всеобщей Декларацией прав и свобод человека и Конституцией Российской Федерации права граждан и всех других лиц как участников имущественных и личных неимущественных отношений, закрепляет экономическую свободу и правовые основы рыночных отношений, условия полного и беспрепятственного осуществления имущественных и личных неимущественных прав, их стабильность и правовую обеспеченность законом и судом, защищенность от административного вмешательства, от посягательства кого бы то ни было».

Кроме того, С.С. Алексеевым и С.А. Хохловым были написаны гл. 10 («Общие положения о собственности»), 11 («Собственность и другие вещные права на землю и иные природные объекты»), 12 («Приобретение права собственности») в редакции на апрель–май 1993 г.³¹

³⁰ См.: Алексеев С.С., Хохлов С.А. [Проект главы 1 «Гражданское право» Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции на 25 мая 1993 г.] / подготовлен С.С. Алексеевым и С.А. Хохловым // Архив ИЦЧП (вверху текста проекта главы рукописно указаны ее авторы: С.С. Алексеев, С.А. Хохлов; на тексте имеются рукописные замечания и правки А.Л. Маковского).

³¹ См.: Алексеев С.С., Хохлов С.А. [Проект глав 10 «Общие положения о собственности», 11 «Собственность и другие вещные права на землю и иные природные объекты»],

Надо сказать, Гражданский кодекс рождался не просто. То и дело на пути проекта кодекса возникали серьезные препятствия, для устранения которых С.С. Алексееву приходилось предпринимать решительные действия, пускать в дело весь свой авторитет.

Так, в самом начале 1994 г. доработанный после обсуждения в российском Правительстве проект части первой Гражданского кодекса был передан в президентскую администрацию, где он, по словам С.С. Алексеева, «неожиданно застрял». И дальше он продолжает:

«Как выяснилось позже, проект застрял не где-нибудь, а в уже упомянутом ранее ГПУ – Государственно-правовом управлении, почитавшем себя высшим вершителем юридических вопросов в стране. При этом, судя по всему, причиной задержки стало, пожалуй, не столько влияние на руководство ГПУ научных кругов, исповедующих идеи хозяйственного права, сколько стремление этого суперюридического ведомства, подкрепленное аналогичной позицией Госкомимущества, представить дело так, что все нормативные документы по собственности и имуществу имеют только одного двуединого «творца» – Госкомимущество и ГПУ. Как ни парадоксально это выглядит, стало известно, что ГПУ не только организует разгром подготовленного проекта, но и вербует специалистов-правоведов для подготовки «своего» проекта Гражданского кодекса (затея, из которой – несмотря на крупные затраченные на сей счет суммы – ничего не получилось).

Более полугода, до мая 1994 года, проект Гражданского кодекса не получал дальнейшего движения, покоился в президентском аппарате – время, которое, впрочем, было использовано специалистами-разработчиками для усовершенствования текста. Более того, когда состоялась встреча с Президентом³², то выяснилось, что судьба Кодекса уже решена: настойчивое мнение ГПУ возымело свое действие, и президентская администрация уже готовила материалы по отрицательному решению – не представлять проект Кодекса в Государственную Думу.

И вот здесь нужно отдать должное Президенту России: основания, предопределяющие острую необходимость для реформируемой России современного Гражданского кодекса, оказались достаточно весомыми для того, чтобы уже принятное решение, перекрывающее дальнейшее движение проекта Кодекса, было изменено и подписано

12 «Приобретение права собственности» Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции на апрель–май 1993 г.] / подготовлен С.С. Алексеевым и С.А. Хохловым // Там же (вверху текста проекта глав рукописно указаны справа его авторы – С.С. Алексеев, С.А. Хохлов, а слева рукой последнего написано: «Вариант С.С. Алексеева (начало)»).

³² Эта встреча С.С. Алексеева с Б.Н. Ельциным состоялась 5 мая 1994 г., судя по Журналу учета посетителей приемной Президента РФ (см.: Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 138 (документ № 08398)). – Прим. авторов настоящей статьи.

распоряжение³³ о представлении проекта в Государственную Думу»³⁴.

Приведенная выше столь длинная цитата, думается, не нуждается в пояснениях. Надо просто отдать должное С.С. Алексееву, который, в сущности, спас проект части первой Гражданского кодекса.

Менее чем за пять последующих месяцев проект Гражданского кодекса (часть первая) проходит в Государственной Думе все стадии законодательного процесса: 26 мая 1994 г. – принимается в первом чтении, 22 июля 1994 г. – во втором чтении и, наконец, 21 октября 1994 г. – в третьем чтении (причем с минимальным перевесом голосов – противилась фракция коммунистов)³⁵.

29 октября 1994 г. Гражданский кодекс направляется на рассмотрение в Совет Федерации и 31 октября регистрируется в нем как поступивший. Совет Федерации согласно ст. 105 Конституции РФ должен был в 14-дневный срок рассмотреть его – одобрить или отклонить. Однако в пределах этого срока (он закончился 14 ноября) Совет Федерации не принимает никакого решения по кодексу, т.е. не рассматривает его.

Председатель Государственной Думы И.П. Рыбкин, полагая, что вследствие не рассмотрения Кодекса в установленный срок он считается одобренным Советом Федерации в силу ст. 105 Конституции РФ (в ней такое правило действительно есть), 16 ноября 1994 г. направляет Кодекс Президенту РФ Б.Н. Ельцину для подписания, указав на конституционные основания для этого в сопроводительном письме № 2.2.4-354³⁶. Казалось бы, еще немного и на свет появится новый российский Гражданский кодекс (пусть пока только в объеме части первой).

Но не тут-то было. В тот же день, 16 ноября 1994 г., Совет Федерации, как бы спохватившись, принимает постановление, которым решает «отклонить часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации ввиду неприемлемости ее главы 17» (эта глава посвящена праву собственности на землю). Перспектива подписания

³³ Речь идет об Указе Президента РФ от 05.05.1994 № 856 «О проекте части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 1994. № 3, ст. 161). – Прим. авторов настоящей статьи.

³⁴ Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 121, 122.

³⁵ Здесь и далее для упрощения изложения не упоминается Федеральный закон о введении в действие части первой Гражданского кодекса, который проходил по стадиям законодательного процесса вместе с Гражданским кодексом.

³⁶ См.: Рыбкин И.П. [Письмо Б.Н. Ельцину от 16 ноября 1994 г. № 2.2.4-354 о части первой Гражданского кодекса Российской Федерации] // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 8. Оп. 5. Д. 3 (документ № 35815).

Кодекса Президентом РФ в одночасье становится туманной.

Чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию, Министр юстиции РФ Ю.Х. Калмыков, председатель Совета научно-консультативного центра частного права СНГ А.Л. Маковский, исполнительный директор Исследовательского центра частного права С.А. Хохлов 17 ноября 1994 г. пишут Президенту России (как его представители при рассмотрении Кодекса в палатах Федерального Собрания) письмо, в котором приводят доводы в пользу подписания Кодекса³⁷.

В свою очередь, Председатель Совета Федерации В.Ф. Шумейко 21 ноября 1994 г. шлет Президенту РФ письмо № 01-08-15732 с выражением надежды, что Б.Н. Ельцин, рассматривая Кодекс, примет во внимание позицию Совета Федерации, представляющего интересы субъектов Российской Федерации³⁸.

Начальник Государственно-правового управления Президента РФ Р.Г. Орехов, проанализировав ситуацию вокруг Кодекса, приходит к выводу, что проблема из правовой стала политической. При любом решении Президента (подписать закон или наложить вето) он столкнется с позицией одной из палат Федерального Собрания. Считая, что Государственно-правовое управление не имеет права давать рекомендации политического характера, 28 ноября он направляет Кодекс на рассмотрение Президента. Вместе с тем в сопроводительном письме № А19-1-2549 он все же пишет, что лучшим выходом из ситуации считает направление закона в обе палаты, чтобы они в процессе согласительных процедур разрешили создавшуюся коллизию³⁹. И прилагает к своему письму проект письма Президента председателям палат В.Ф. Шумейко и И.П. Рыбкину, предусматривающий направление Кодекса на их рассмотрение с тем, чтобы палаты как можно скорее разрешили разногласия между собой.

Президент должен решить: подписать это письмо или все же Кодекс. По букве Конституции кодекс считается одобренным Советом Федерации и юридических препятствий для его подписания нет, – так полагают Председатель Государственной Думы И.П. Рыбкин и представители Президента

³⁷ См.: Калмыков Ю.Х., Маковский А.Л., Хохлов С.А. [Письмо Б.Н. Ельцину от 17 ноября 1994 г. о части первой Гражданского кодекса Российской Федерации] // Там же (документ № 35888).

³⁸ См.: Шумейко В.Ф. [Письмо Б.Н. Ельцину от 21 ноября 1994 г. № 01-08-15732 о части первой Гражданского кодекса Российской Федерации] // Там же (документ № 36292).

³⁹ См.: Орехов Р.Г. [Письмо Б.Н. Ельцину от 28 ноября 1994 г. № А19-1-2549 о части первой Гражданского кодекса Российской Федерации] // Там же (документ № 37320).

при рассмотрении проекта кодекса. Однако Совет Федерации, пусть с пропуском 14-дневного срока (всего на два дня), но ведь отклонил же Кодекс и настаивает на учете своей позиции. К тому же Государственно-правовое управление не рекомендует подписывать Кодекс. Ситуация складывалась явно не в пользу подписания Гражданского кодекса.

Но...

22 ноября 1994 г. в Москву возвращается С.С. Алексеев из Гамбурга, где с 25 октября был на лечении и перенес операцию на сердце. Войдя в курс дела (С.А. Хохлов в деталях рассказывает о развитии ситуации с Кодексом), он начинает действовать (в те дни один из авторов настоящей статьи как раз был в Москве и стал свидетелем тех событий, а много лет спустя о них ему рассказывал Сергей Сергеевич). 29 ноября Алексеев пишет Президенту письмо, которое стоит воспроизвести полностью:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Нахожусь на обследовании после, на мой взгляд, удачно прошедшей операции на сердце. Тем не менее, не могу не высказать свое мнение по поводу Гражданского кодекса, принятого 21 октября Государственной Думой.

Этот важнейший закон был 16 октября 1994 года передан Вам Думой на подписание исходя из того, что к этому времени истек установленный статьей 105 Конституции 14-дневный срок на рассмотрение данного федерального закона Советом Федерации. Между тем Совет Федерации в этот же день принял решение, поставившее одобрение Кодекса в зависимость от исключения из него главы 17, предусматривающей положения о собственности на землю. Судя по выступлениям ряда членов Совета Федерации, можно сделать вывод о том, что задержка с принятием Кодекса, кроме того, входит в расчеты сепаратистски настроенных деятелей, стремящихся до его принятия успеть установить свои порядки по вопросам собственности и обязательств.

Как и ранее, считаю, что скорейшее принятие и введение в действие Гражданского кодекса является настоящей потребностью. Кодекс нужен для закрепления сложившихся рыночных отношений, стабилизации экономического законодательства, чего ждут и в России, и за рубежом. Он, кроме того, является прямым результатом победы демократических сил в Государственной Думе, где против Кодекса открыто и с напором выступила фракция коммунистов.

Против Кодекса выступают те, для кого неприемлема стабилизация сложившихся рыночных отношений, исключающая и возврат к прошлому, и новые, в том числе земельные, переделы в стране. На отрицание возможности частной собственности на землю и итогов земельной реформы была направлена и позиция ряда членов Совета Федерации при рассмотрении в нем Кодекса.

Очевидно, что такая позиция находится в противоречии с Конституцией, закрепившей право граждан иметь землю в собственности, и оформлена с нарушением установленного Конституцией срока, то есть после того, как Кодекс должен в силу истечения этого срока признаваться одобренным Советом Федерации.

Задержка подписания и введение в действие Гражданского кодекса в таких условиях стала бы уступкой консервативно настроенным кругам, тем, кто любыми способами, в том числе антиконституционными, пытается воспрепятствовать стабилизации экономического законодательства, затормозить осуществление реформ. Поэтому считаю, что есть и конституционные основания, и настоятельная необходимость в ближайшие дни подписать и обнародовать этот основополагающий закон»⁴⁰.

С.А. Хохлов тут же везет пакет в Кремль и передает первому помощнику Президента РФ – В.В. Илюшину, который кладет его на стол Президенту. Тот, ознакомившись с письмом, незамедлительно приглашает его автора к себе, и в ходе часового разговора С.С. Алексеев убеждает Президента подписать Гражданский кодекс. Помимо обоснования значимости для России нового Гражданского кодекса он говорит Президенту о роли Наполеона в создании Гражданского кодекса Франции, названного впоследствии Кодексом Наполеона, приводит известное изречение Наполеона: «Моя истинная слава не в том, что я выиграл сорок сражений; Ватерлоо сотрет память о всех этих победах. Но что не забудется, что будет жить вечно, – это мой Гражданский кодекс». В итоге Президент уже 30 ноября 1994 г. подписывает Гражданский кодекс.

К вечеру того же дня офицер фельдсвязи доставляет копию подписанного документа в Исследовательский центр частного права, на Ильинку, 8. Вскоре там собирается большинство из причастных к разработке Кодекса – С.А. Хохлов, А.Л. Маковский, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Г.Д. Голубов, В.А. Дозорцев, Ю.Х. Калмыков, П.В. Крашенинников, Е.А. Суханов, В.Ф. Яковлев (вероятно, кто-то еще). За столом (оперативно накрытым Лидией Николаевной – помощницей С.А. Хохлова, которая, по ее рассказам, работала в приемных властных кабинетов еще при Ворошилове) царили радостное возбуждение и удовлетворенность от сделанной работы (за тем столом в тот вечер довелось сидеть и одному из авторов настоящей статьи).

В.Ф. Яковлев, взяв слово, отдает должное С.С. Алексееву в создании и подписании Кодекса и помимо прочего говорит (здесь излагается только суть сказанного): «Гражданский кодекс принят и подписан. И с этого момента произошло отчуждение кодекса от авторов его проекта. Теперь кодекс будет жить своей жизнью. Теперь уже не столь важно, что думали разработчики при подготовке проекта, какой смысл вкладывали в его положения, ведь они не смогут довести этот смысл до каждого, кто реализует и применяет эти положения.

⁴⁰ Алексеев С.С. [Письмо Б.Н. Ельцину от 29 ноября 1994 г. о части первой Гражданского кодекса Российской Федерации] // Архив ИЦЧП.

Граждане, юридические лица и суд будут постигать смысл законоположений кодекса из самих этих законоположений, исходя из того, как они написаны».

Самого Сергея Сергеевича Алексеева среди собравшихся не было, и он в тот вечер не праздновал рождение в России нового Гражданского кодекса, хотя, без сомнения, испытывал удовлетворение от результата своих усилий. Думается, именно С.С. Алексеева с полным правом можно назвать отцом Гражданского кодекса.

Турист. Казалось бы, туристскую ипостась С.С. Алексеева здесь, в статье об ученом, можно опустить. Но нет, нельзя. И вот почему. Ознакомившись с приуроченной к его 85-летию книгой⁴¹ (нам довелось приложить к ней руку), Сергей Сергеевич в личной беседе высказал сожаление (единственное) об отсутствии в ней рассказа об очень значимой стороне его жизни – о походном, спортивном туризме, о горных лыжах. Восполняем здесь, пусть запоздало и кратко, этот пробел.

Тяга, даже, пожалуй, страсть к походам у Алексеева с детства. Уже на восьмом десятке лет он вспоминал:

«Со школьных лет я грезил стать геологоразведчиком (втайне, уже старшеклассником, – литератором, писателем): книги об уральских рудознатцах, вылазки в лес, мечтания о сплаве по Чусовой, участие в полевых геологоразведочных экспедициях сделали свое дело. Такой настрой сохранился и в армии, на войне, с ним после демобилизации, в сентябре 1945 г. вернулся домой, в Свердловск. Сказался он и потом, в моих, уже во взросlostи, увлечениях туризмом во всех его ипостасях, в горнолыжных страстиах»⁴².

А точкой отсчета реализации его мечты о походах стала излучина на реке Чусовой в 1956 г. Вот как поэтично и по-философски глубоко рассказал об этом сам Алексеев:

«Поразительно, что наиболее ярким «фотоснимком» в моей памяти стал рядовой природный речной пейзаж, ничего, казалось бы, не значащий.

Я не просто помню это место на реке Чусовой, много раз и в лодке, и на байдарке проходил эту излучину реки с плавным поворотом направо. Я помню эту излучину в неизвестных деталях как «остановившуюся» картину первого моего сплава по Чусовой.

Широка живая водная гладь реки, с заметным спадом, искрящаяся серебристая нервность воды, перекатный скрежет днища о гальки, с трудом находимый проход по мели, спадающий к правому берегу, когда на самом повороте лодку подхватывает поток, все более устремляющийся назад

⁴¹ См.: Казанцев М.Ф., Руденко В.Н., Сурина Е.М. Алексеев Сергей Сергеевич. Правовед, Мыслитель, Публицист. Библиография. К 85-летию со дня рождения ученого / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург, 2009.

⁴² Алексеев С.С. Круг замкнулся. Повесть о праве // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4. С. 149.

берег с мелким редким кустарником... Что тут особого, приметного? Ничего!

А самое яркое, жестко врезавшаяся в память картинка из десятков моих водных походов именно это – вылазка по Орлику. Почему?

Наверное, – потому что именно здесь открылось самое важное. Вся природа (вся! – а не только избранные, изысканные, поражающие воображение ее уголки) – прекрасна. И особенно прекрасна там, где водная гладь, горы и солнце.

И с той излучины на Чусовой, судя по всему, началось мое азартное, не спадающее увлечение походами – водными, пешими, горными, лыжными – всякими. Началось в общем-то внезапно, хотя с детства запомнился Таганай, вылазки с родителями и с ребятами-сверстниками в пригородные леса, помнилась замечательная книжка с описанием водного путешествия энтузиастов-писателей по Чусовой еще в 1930-е гг. (вспоминаю, что я стал всерьез готовиться, собирая и прятал какие-то копейки, сэкономленные на школьных завтраках, потом никак не мог оправдаться, когда «заначка» была найдена родителями).

А тут, в 1956 г., когда моя жена Зоя отдохала с дочкой-малышкой в Коуровском доме отдыха и я решил подменить ее, дать ей отдохнуть в пешем походе, а затем и сам решил по договоренности с каким-то начальником из Коуровской турбазы участвовать в первом послевоенном пробном походе по Чусовой. С тем, чтобы затем открыть плановый маршрут...

И вот уникальная река, прорезавшая Уральский горный хребет с востока на запад, перекаты и «таши» (спрятанные в воде камни, отсюда – название пригородного озера – «Шарташ»), еще не тронутые туристами диковатые берега, непонятные по величавости скалы (вот они-то называются с демидовских времен и тогдашних сплавов «камнями»). Многое можно вспомнить, если попытаться припомнить былое, глядя на несколько сохранившихся любительских фотоснимков. А в памяти неотступно одна картина – излучина речки с широко разлившейся на мелком перекате серебристой водой»⁴³.

В начале 60-х годов С.С. Алексеев организовал в Свердловском юридическом институте туристский клуб «Аврора» и долгие годы руководил им. Студенты и преподаватели института прошли походами по всей стране – пешком, на лыжах, велосипедах, лодках, плотах. На «Одноклассниках», в других социальных сетях можно встретить воспоминания студентов-туристов тех лет, фотографии с турпоходов. И на многих снимках можно увидеть Сергея Сергеевича.

Не так давно, в сентябре 2023 г., Сергей Васильевич Запольский поведал по телефону одному из нас удивительную историю. Пересказываем здесь ее канву.

В ноябре 1962 г. восьмиклассник Сережа Запольский в составе школьной туристской группы

⁴³ Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Екатеринбург (Свердловск) – СПб., 1996–2007 // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. Л. 29–30. Публикуется впервые.

выдвигается из родного уральского городка Дегтярска в поход на гору Шунут, расположенную около полусотни километров юго-западнее Свердловска. После долгого перехода уставшие ученики останавливаются на ночевку в местной школе. Через какое-то время к школе подъезжает на автобусах группа туристов-студентов из Свердловска и тоже располагается на ночлег. Тем временем школьники ужинают, ложатся спать. Их будит стук. В дверном проеме возникает фигура высокого спортивного человека. Он называет себя руководителем вузовских туристов и просит поделиться хлебом – за деньги (дескать, купили бы в магазине, да уже не работает). Школьники не прочь поделиться хлебом, но не за деньги (по их мнению, хлебом не делятся за деньги), а за песни (слушали через стенку, как пели студенты): мы вам четыре буханки хлеба, а вы нам – четыре песни. Договорились. И руководитель студенческой группы туристов сам переписывает для школьников четыре песни (Визбора, Окуджавы, еще кого-то). Утром обе группы вместе завтракают, вместе добираются до горы Шунут, покоряют ее и вместе обедают. Школьники остаются на горе, а студенты со своим моложавым руководителем, который успел рассказать про свой институт и обаять школьников, идут дальше...

Четыре года спустя, после окончания школы, в 1966 г., Сережа Запольский поступает в Свердловский юридический институт, идет на первую лекцию по теории государства и права и видит: лекцию читает тот самый руководитель студенческой туристской группы – Сергей Сергеевич Алексеев. После лекции он обращается к первокурсникам: «Кто хочет записаться в турклуб?» Сережа подходит: «Я хочу!» С. С. Алексеев, присмотревшись к первокурснику: «А не ты ли тот мальчик, который несколько лет назад встретился нам в походе?» Мальчик радостно: «Точно!»

И студент Сережа Запольский становится активнейшим участником турклуба. В 1970 г. он оканчивает институт (научный руководитель выпускной дипломной работы – С. С. Алексеев), в 1975 г. защищает кандидатскую диссертацию (научный руководитель – С. С. Алексеев), преподает на кафедре хозяйственного права, куда в 1980 г. после окончания Свердловского юридического института приходит тот из авторов этой статьи, которому С. В. Запольский поведал вышеупомянутую историю. А Запольский в 1981 г. переезжает в Москву, в 1989 г. защищает докторскую диссертацию (официальный оппонент – С. С. Алексеев) и делает впечатляющую карьеру, истоки которой можно увидеть во встрече школьной и студенческой туристских групп в далеком 1962 г. (о карьере см. в Википедии; здесь только один эпизод: в 1994–1995 гг. депутат Государственной Думы С. В. Запольский занимается продвижением в Думе проектов первой

и второй частей Гражданского кодекса, разработка которых велась, как известно, под общим руководством С. С. Алексеева). Карьера, впрочем, не завершена, ее текущий этап проходит в Институте государства и права РАН⁴⁴.

Особо следует сказать о «походной компании» профессоров Свердловского юридического института. В ее костяк входили С. С. Алексеев, Г. П. Орлов (зав. кафедрой философии) и В. Ф. Яковлев, по выражению последнего, – три институтских мушкетера. Лидером был С. С. Алексеев. О походах и буднях этой компании впоследствии подробно рассказал В. Ф. Яковлев (здесь в кратком изложении): обошли весь СССР ногами, на байдарках, на лыжах. Жён в поход не брали. Бродили везде, но больше любили север и восток. Байкал, остров Ольхон, Камчатка, Южные Курилы. Нас не тянуло за границу, потому что России хватит на всю жизнь. Направления выбирал Алексеев. Он зимой занимался тем, что находил, изучал и выстраивал маршрут. И мы тщательно к нему готовились – продумывали время, транспорт, исходную точку, экипировку, количество денег, продуктов. У нас существовало распределение функций. Алексеев – командор, генератор идей. Я отвечал за походные дневники. Писали мы по очереди. Жора Орлов был завхозом⁴⁵.

Как вспоминал С. С. Алексеев, «самое памятное из всех путешествий (это более, чем 50 процентов всех – всех жизненных впечатлений) – это Дальний Восток и Камчатка. Даже прибытие туда и сюда – из ряда чудес. При посадке во Владивостоке сначала был шикарный круг над городом и бухтой с кораблями, и все в зелени с непонятным красочным южным оттенком, где-то около 1970-х гг. Посадка в Петропавловске-Камчатском после нескольких дней томления в Хабаровске вновь чудо – самолет юлит среди остроконечных потухших вулканов (Ключевской – действующий) и вдруг оказался на земле»⁴⁶.

К 70-м годам, признается в своих неопубликованных записках С. С. Алексеев, «в увлечениях даже чуть перенасытился туризмом, все больше переключался на горнолыжные страсти»⁴⁷. И дальше продолжает: «Где-то с конца 1960-х гг. (после случайно прочтенного в спортивной газете урока по горнолыжной технике) – сначала с целью овладения лыжными навыками для лыжных походов, а потом и по сути данного спортивного дела – увлекся этой “заразной” страстью. Да еще как! Специальные весенние поездки

⁴⁴ Необходимое добавление к этому рассказу: уже после изложения рассказа С. В. Запольского в этой статье выяснилось, что и С. С. Алексеев помнил о случившейся в начале 60-х годов встрече школьной и студенческой групп, говорил об обмене песен за две (а не за четыре, как Запольский) булки хлеба и назвал песню, ставшую обменным товаром – «Вечер бродит» (см.: Алексеев С. С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 30. Публикуется впервые).

⁴⁵ См.: Яковлев В. Ф. Советник трех президентов. М., 2022. С. 113–120.

⁴⁶ Алексеев С. С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 30. Публикуется впервые.

⁴⁷ Там же. Л. 20. Публикуется впервые.

на Кавказ (Домбай, Терскол), Карпаты, летние, да – именно летние! – на Саяны, Камчатку. Зарубежные выезды – Болгария, Чехословакия, даже французские Шамони (во время служебной поездки во Францию). Дома два-три раза в неделю – в пригородный Уктус. Затем – Флюс, где с друзьями оборудовали на лесных покатых полянах собственные, пусть небольшие, трассы; и тоже два-три раза в неделю, несколько лет подряд – недельные выезды»⁴⁸.

Об упомянутом выше Флюсе надо сказать подробнее, и опять словами самого Сергея Сергеевича (тем более что эти слова не опубликованы).

«Мой приятель по институту Володя Десятков⁴⁹ (были вместе в комитете комсомола, потом всякие совместные увлечения, празднества) однажды говорит: – Что ты тут, все в городе, на Уктусе на лыжах елозишь, поехали на электричке ко мне на Флюс, всего-то час езды, вот там – катания!

И впрямь – катания на лыжах оказались на Флюсе (так называется небольшая станция около Свердловска) новой радостью. Лыжи и сказочный лес. Сразу прикипел к Флюсу (и я, и все мое многогранное семейство во всех направлениях + мои друзья – Гена⁵⁰, Жора⁵¹, Юра⁵² – у каждого свой ключ). На всю оставшуюся жизнь, пока “мог”. Сначала ютился на даче у Володи. Потом, вопреки былому признанию к дачной собственности, приобрел дачку. И тут же оказался покоренным – не только лыжами, но и тяжкими садовыми работами, и какими-то строительными делами, и грибными походами, и пешими вылазками на самую высокую вблизи Свердловска вершину – Волчиху, и купанием в водохранилище⁵³.

По свидетельству В.Ф. Яковлева, С.С. Алексеев не раз повторял: без походов не было бы половины жизни⁵⁴. Эти слова во многом объясняют любовь Алексеева к туризму. Он сам по себе, как часть жизни, приносит радость – радость от познания мира. И он, туризм, для Сергея Сергеевича, надо полагать, был ценен и тем, что давал возможность передышки от напряженнейшего процесса научного познания (не зря говорят, что лучший отдых – смена рода дея-

⁴⁸ Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 23. Публикуется впервые.

⁴⁹ Десятков Владимир Михайлович (1924–1987) – юрист, доцент кафедры гражданского права Свердловского юридического института; впоследствии перешел на работу в Свердловскую высшую партийную школу. – Прим. авторов настоящей статьи.

⁵⁰ Русаков Геннадий Ермолович (1932–2008) – друг С.С. Алексеева из неюридического круга.

⁵¹ Орлов Георгий Петрович (1928–2022) – философ, зав. кафедрой философии Свердловского юридического института; впоследствии перешел на работу в Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Прим. авторов настоящей статьи.

⁵² Осипов Юрий Кузьмич (1924–1993) – процессуалист, зав. кафедрой гражданского процесса Свердловского юридического института. – Прим. авторов настоящей статьи.

⁵³ Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 20–21. Публикуется впервые.

⁵⁴ См.: Яковлев В.Ф. Указ. соч. С. 113.

тельности). И, наверное, еще – как способ закалки человека, воспитания человеческих качеств, надежности, как средство проверки этих качеств.

«Должен признаться, – писал уже в самом конце жизни патриарх правоведения – я уже в двенадцать-тринадцать лет начал курить и потом курил еще очень долго, до той поры, пока не остановился, серьезно занявшись спортом – горным туризмом. Причем остановился очень быстро, раз – и все»⁵⁵.

В своем твердом убеждении, что нельзя властвовать над людьми, а если уж надо руководить, то только «через себя», добейся сам чего-то достойного, а потом – «делай как я» – Алексеев особенно укрепился «в туристских самодеятельных походах – горных, на сплавах по порожистым рекам, в таежной глухи, в горнолыжных далах. Здесь вообще если не собрал рюкзак среди первых и не первым забросил эту тяжелину за плечи в конце краткой стоянки на маршруте, не первым вошел в ледяную стремнину на горной переправе, не изведал сам при восхождении опасный склон – сам поскорее уходи “в обоз”, уходи вообще, заболей чем-нибудь, что ли»⁵⁶.

Мы хорошо помним, как в начале лета 1988 г. С.С. Алексеев повел в поход сотрудников только что организованного им Института философии и права. Некоторые сотрудники были с детьми. Сергей Сергеевич хотел, видимо, создать туристские традиции в формирующемся коллективе, а заодно и посмотреть кто как себя ведет в походных условиях. Кстати, он где-то раздобыл (между прочим, во времена хронического дефицита) и выделил для похода целый ящик тушеники.

Не оставлял любимого увлечения С.С. Алексеев и во время семилетнего пребывания в Москве. Вспоминал об удобном местоположении своей московской казенной (с учетом своего увлечения – сказочной) квартиры, которую в 1996 г., уезжая в Екатеринбург, без сожаления сдал властям: «после работы спустился в горнолыжном снаряжении, у подъезда пристегнул лыжи – и на склон»⁵⁷.

Наконец, нельзя не сказать о том, что С.С. Алексеев, по роду своей деятельности привыкший к научному осмысливанию действительности, не мог не написать и в 1974 г. написал (в соавторстве с большим любителем и знатоком туризма доцентом Свердловского педагогического института Раисой Борисовной Рубель) книгу о туризме – «Размышления о туризме»⁵⁸. В ней рассказывается

⁵⁵ Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью порталу Закон.ру. Екатеринбург, 2012. С. 6.

⁵⁶ Алексеев С.С. Воспоминания о войне // Алексеев С.С. Избранное. Наука права, общесоциальные проблемы, публицистика. М., 2003. С. 469, 470.

⁵⁷ Алексеев С.С. Демон бодрствует. Повесть о власти // Алексеев С.С. Две повести. О праве. О власти. Екатеринбург, 2002. С. 140.

⁵⁸ Алексеев С.С., Рубель Р.Б. Размышления о туризме / [препод. Г.П. Орлова]. Свердловск, 1974.

об этических, воспитательных и организационных проблемах туризма (и помимо прочего упоминаются наиболее активные студенты-туристы Свердловского юридического института, в том числе Миша Юков, Сережа Запольский и Саша Турбанов, ставшие впоследствии докторами юридических наук).

3. Восхождение

Воззвание права — миссия выдающегося ученого на земле. Главная, центральная идея всех книг, других сочинений С.С. Алексеева (им самим сформулированная⁵⁹) — это исторически и логически обоснованная, проработанная в разных проявлениях и гранях концепция необходимости воззвания права в его развитых формах, использования его уникального, не имеющего альтернативы потенциала в жизни общества.

Его жизнь сполна отдана воззванию права.

Вся его жизнь — восхождение к праву.

«Восхождение к праву» — его главный научный труд.

Первое издание книги «Восхождение к праву. Поиски и решения» вышло в 2001 г.⁶⁰, второе, переработанное и дополненное, — в 2002 г.⁶¹; в редакции второго издания в 2010 г. она вошла в Собрание сочинений⁶². Название монографии «Восхождение к праву» предложено издательством «Норма», по свидетельству автора⁶³, и, надо думать, ему понравилось, коль скоро было принято (какое название было изначальным, установить пока не удалось). Впоследствии так — «Восхождение к праву» был назван музей С.С. Алексеева в Екатеринбурге.

Примечательно, что вслед за первым изданием монографии вышло ее научное резюме (краткое изложение основных выводов), названное «Тайна права»⁶⁴, а через семь лет — второе, переработанное и дополненное издание резюме с несколько измененным названием «Тайна и сила права»⁶⁵ (в редакции второго издания в 2010 г. резюме

⁵⁹ См.: Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 1. С. 14.

⁶⁰ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.

⁶¹ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

⁶² См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6. С. 8—553.

⁶³ См.: Алексеев С.С. Демон бодрствует. Повесть о власти. С. 145.

⁶⁴ Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. Резюме с претензией. М., 2001.

⁶⁵ Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд.,

вашло в Собрание сочинений⁶⁶). Это резюме, в котором обобщаются и в популярной форме излагаются основные выводы, сделанные в «Восхождении к праву», с одной стороны, помогает усвоить материал полномасштабного строгого научного труда, вычленить в нем главное, а с другой — имеет самостоятельное значение, поскольку содержит и постановку проблем, и развитие мысли, и законченные выводы. Мы не припомним второго случая в отечественной юридической литературе, когда бы фундаментальный теоретический труд сопровождался отдельно изданным резюме, рассчитанным на «широкого читателя». В еще более концентрированном и частично уточненном виде основные идеи монографии изложены автором в его докладе 2011 г. «Право — предназначение»⁶⁷. Названные издания далее будут задействованы в пояснениях к монографии.

Книга «Восхождение к праву» — полномасштабная теоретическая научная монография — итог более чем 50-летней работы С.С. Алексеева, т.е. практически всей его жизни, и не только по теоретическим проблемам права, но, по словам самого автора, итог всей его научной, педагогической, законоподготовительной и литературно-публицистической деятельности. По мере достижения известных данных, представлявших интерес в научном, учебно-педагогическом, популяризаторском отношениях, они публиковались в отдельных изданиях. В итоговой книге весь этот материал после многократной проработки, нередко основательного переосмысливания сведен вместе в соответствии с целостной научной концепцией⁶⁸.

Концепция, замысел книги сформулированы ее автором и в сжатом изложении таковы.

Эта книга — попытка подвести правоведение к уровню современной науки, науки XXI в. и последующего времени. Для этого необходимо не только взять на вооружение достижения человеческого духа — высшие ценности постижения мира, духовной культуры, морали, высокие гуманистические идеи.

Прежде всего необходимо просто-напросто встать на путь действительной науки, такой же, как и путь всех других наук, изначально настроенных на решение технико-прикладных задач: естественных, технических, достигших ныне фантастического уровня развития. И на таком пути, опираясь

перераб. и доп. М., 2009.

⁶⁶ См.: Алексеев С.С. Тайна и сила права // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4. С. 189—322.

⁶⁷ Алексеев С.С. Право — предназначение. Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. Екатеринбург, 2011.

⁶⁸ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. С. 742.

на многовековые достижения правоведения и расширяя вместе с тем в соответствии с логикой науки предмет и методы научного освоения действительности, попытаться развить теорию, не покидая почву права, т.е. через постижение самой материи права.

Суть идеи книги в том, чтобы с учетом новых материалов (основанных на современных философских данных) попытаться выйти через анализ самой правовой материи на новый уровень науки. И не окажется ли тогда, что «секреты» права на таком уровне – это и есть высшие человеческие ценности, которые как раз и отвечают глубоким потребностям в праве сообщества людей в нынешнюю эпоху существования и развития человеческого рода?⁶⁹

На страницах итоговой книги С.С. Алексеев ведет восхождение к праву на трех последовательных уровнях познания права⁷⁰:

начинает на уровне аналитической общей теории права, иными словами, на уровне догмы права (часть первая книги);

развивает на уровне инструментальной общей теории права (часть вторая книги);

завершает на уровне философии права (часть третья книги).

На уровне аналитической общей теории права Алексеев исследует право с позиций юридического позитивизма, догмы права, выявляет научный потенциал и пределы догмы права и в ходе этого формулирует, в частности, следующие научные положения (приводятся здесь в сжатом изложении⁷¹).

По своему содержанию юридическая догматика – научная и учебная дисциплина, имеющая характер аналитической юриспруденции, представляет собой атомистическую проработку фрагментов правовых реалий. Эта проработка осуществляется путем научных обобщений, получаемых аналитическим путем, данных (выработка понятий, категорий) на основе текстов законов и иных нормативных документов, судебных решений, юридических дел (казусов), других реальных фактов правовой жизни. Центральным звеном в догме права являются юридические нормы. В юридических нормах и через юридические нормы (по большей части в наших условиях – через нормы законов, иных формализованных источников)

⁶⁹ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6. С. 68, 69.

⁷⁰ Представление С.С. Алексеева об этих уровнях ранее уже было изложено в рубрике «Теоретик» настоящей статьи.

⁷¹ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6. С. 12, 21, 22, 25, 26, 31, 58, 60–68.

определяются и ситуации, требующие правового решения, и порядок таких решений, а главное – правовые средства разрешения правовых ситуаций, юридических дел. Догма права при предельно кратком определении данной категории – это и есть формализованные юридические нормы, закрепляемые «на бумаге», в законах, других правовых актах, в которых они выражаются, существуют.

Наука позитивного права, суммирующая данные аналитической юриспруденции, – это самодостаточная, высокозначимая юридическая наука. Это не дисциплина «низшего теоретического» уровня, а полновесная и высокозначимая область знаний. Юридический позитивизм со своими ответвлениями (историей права, сравнительным правоведением) и в сочетании с социологией права занимает свое достойное место в системе наук и выполняет во всем комплексе юридических знаний свои особые уникальные и незаменимые функции. Пока существует правоведение как особая высокозначимая отрасль специальных человеческих знаний, ее твердой и неизменной, исходной и первичной основой останется аналитическая юриспруденция, ее данные (юридическая догма, юридический позитивизм, специальная формально-юридическая методология).

Краткое, операциональное (на уровне юридической догмы) определение права может быть выражено в такой лаконичной формуле: право (объективное, или позитивное, право в строго юридическом значении) – это система общеобязательных норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным основанием для определения правомерно-дозволенного и юридически недозволенного, запрещенного (а также юридически предписанного) поведения.

В ряде случаев само по себе применение фундаментальных философских категорий к фактическим материалам, охватываемых догмой права (и уже обработанных аналитической юриспруденцией), приводит к новому видению права. К тому, что благодаря этим категориям право как бы обретает новый облик, позволяющий раскрыть его существенные характеристики. К числу категорий философского порядка, расширяющих научные представления о догме права, относятся: а) свойства права; б) право как нормативная система; в) структура права; г) «механизменные» характеристики.

Использование философских положений на материале догмы права показывает, что здесь может быть достигнуто приращение научных знаний и даже, образно говоря, «высечена теоретическая искра» – достигнуто существенное продвижение вперед теории права, намечена перспектива

углубления научных знаний. Фактический материал, охватываемый понятием «догма права», содержит еще немалые резервы, позволяющие и дальше развивать теорию права на основании современных философских представлений. В особенности в отношении ряда направлений философских наук, относящихся к герменевтике, теории информации, синергетики, управлеченческих процессов. В самой догме права (даже без использования каких-либо философских положений) как бы просвечивают не просто новые, а некие глубинные элементы или начала права – дозволения, запреты, обязывания. Материалы догматической юриспруденции, развернутые в новую плоскость в связи с новыми теоретическими подходами (особенно материал из области правовых отношений, их разновидностей), напрямую включаются в качестве необходимой фактической основы в передовые научные разработки, имеющие вместе с тем первостепенную практическую значимость.

При всех достоинствах рассмотрения правовой теории на основе фактических материалов догмы права нельзя упускать из виду и своеобразие этих фактических материалов с точки зрения их известной узости. «Нормативно-регулятивное» видение права далеко не все объясняет в его функционировании, строении, месте и назначении в жизни общества. И поэтому при попытках более основательного теоретического анализа права на основе современных философских представлений приходится выходить за рамки одной лишь юридической догмы. Самый дотошный «философский анализ» материалов догмы права не раскрывает мировоззренческих глубин права, его характеристик как явления человеческой культуры, явления из мира гуманистических ценностей. Своего рода потолком при таком анализе становятся понятия «регулирующая система», «механизм», «агрегат», которые одинаково и с равнозначными результатами работают в любом обществе.

В современном правоведении возникла такая ситуация, когда нет цельной науки права как подразделения научных знаний. А существует два полюса различного научковедческого статуса. С одной стороны, юридический позитивизм – дисциплина невысокого, по мнению ряда авторов, научковедческого уровня. С другой же – философия права, реализующая применительно к правовому материалу философские и социологические ценности высшего порядка – «свободу», «справедливость», «моральные критерии добра и зла».

На уровне инструментальной общей теории права Алексеев ведет поиск новых подходов к праву и, реализуя их, формулирует новые идеи в научном

осмыслении права. Наиболее значимые из них в сжатом изложении⁷² таковы.

Ключевое звено новых подходов к праву – инструментальная теория. Суть идеи инструментального подхода в праве в том, что, во-первых, весь спектр фактических данных юридических знаний остается в сфере права, дело лишь в том, что эти данные не ограничиваются одними юридическими нормами, а охватывают все многообразие правовых (именно правовых!) явлений, выступающих в качестве инструментов правовой регуляции; во-вторых, эта «инструментальная» фактура права ближайшим образом опирается на главное качество права – качество определенности, способность придавать таковую всей социальной жизни (главным образом в виде юридических конструкций) и, что не менее существенно, дать обществу альтернативу тому состоянию «грядущей и, увы, наступающей анархии», которое выражено в насилии и произволе; в-третьих, инструментальная трактовка права является исходной основой для характеристики уникальных особенностей правовой материи, ряда ее принципиально новых характеристик и прежде всего своеобразной логики права, которая придает основательный социальный смысл отмеченным выше качествам права, опирающимся на его качество определенности.

Право – объективная реальность. Исходный, принципиально важный пункт истинно научного понимания права заключается в том, что действующее право, именуемое позитивным, – это не просто и не только мысль. Не просто известные идеи и воля, суждения о должном и возможном поведении, не только порой произвольные решения властей о том, «кто» и «что» вправе делать и «как» поступать. Позитивное право – это факт, т.е. внешняя реальность, строгая объективная данность. Такая реальность, объективная данность, которая каждый момент существует и действует как явление нашего бытия, нечто обособленное и внешнее для каждого человека и для всех социальных институтов, для общества в целом. Право – это особая социальная реальность. Такой поразительный феномен, который относится к субъективной стороне жизни общества, в своем возникновении и действии зависит от людей, от их мнений и воли, и в то же время представляет собой особое явление среди фактов действительности, объективной реальности.

Юридическая материя. Право имеет свое тело как своеобразную материю со своими свойствами, своей жизнью, логикой существования и развития.

⁷² См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6. С. 77, 91, 92, 99–101, 229, 232, 241, 281, 288; *Его же. Право – предназначение. Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года.* С. 5, 6, 9–11, 18, 23.

Материю – не в грубо материалистическом понимание, т.е. не в значении вещественных, злых предметов (хотя в праве есть и такая сторона – законы, другие правовые источники, документы), а в значении социальной, во многом «незримой» реальности. Центральным звеном правовой материи (в силу самой ее природы) являются субъективные права. Они есть своего рода центр, узловый пункт самой сути права, его структуры. К нему, этому узловому пункту, стягиваются все нити правового регулирования, все частицы, атомы правовой материи, из которых в совокупности складывается исконное правовое содержание, его структура. И именно здесь, в отношении субъективных прав, и строится правовая логика.

Право как форма. При всей исключительной важности в жизни человеческого сообщества экономического, политического, нравственного, иного фактического содержания законов, юридических норм в области юриспруденции первостепенное значение принадлежит форме, притом форме внутренней (которая в основном и образует своеобразную юридическую материю). Без своего «проявления вовне» и главное – без обретения необходимых структурных характеристик права как особого, юридического явления просто нет. Само право (именно как форма) имеет свою материю – материю права, выраженную главным образом в его структурных характеристиках. И отсюда же следует, что сила права как формы – это сила собственной материи права, когда право слито с ее внутренней организацией, структурой.

Логика права. Характеристика права как логической системы не исчерпывается тем, что оно как никакое иное социальное явление воплощает в самой своей органике требования и правила формальной логики и подчиняется математическим методам. Ему присуща и своя, особая логика – логика права. Логика права – это математического типа специфические закономерности права как своеобразной объективной реальности, касающиеся юридических норм и вместе с тем всей материи права. Причем так, что определенные факты, процессы в материи права неизбежно, неотвратимо ведут к другим фактам и процессам или даже к явлениям высокой юридической и социальной значимости – предопределяют их наступление.

Юридические конструкции. Юридические конструкции являются собой наиболее развитой уровень правовой материи. Юридические конструкции, будучи результатом типизации в праве, и образуют основное содержание «тела» права в более или менее развитой юридической системе. Именно здесь, в юридических конструкциях, и раскрывается своеобразие права как объективной реальности, состоящей именно во внутренней форме,

т.е. в структурной организации его содержания. Именно здесь, в юридических конструкциях, основа и уникальности права, и его силы, и его незаменимости в условиях цивилизации. Юридические конструкции выступают как органический, всеобщий и наиболее важный по значению элемент собственного содержания права, его внутренней формы. Юридические конструкции с позиций современной науки предстают в качестве такого «сгустка» или «концентрат» юридической материи, который олицетворяет ее важнейшие, наиболее значимые черты и особенности, в том числе те, которые выражают математически строгие соотношения в праве («математику в праве в самом точном значении»), а также особенности права как явления Разума.

Исходное начало науки. Только при признании того, что предметом юридических знаний являются не сами по себе акты власти, не требования той или иной идеологии, не какие-то иные фантомы, а твердая объективная реальность – только при признании этого возможна действительная, истинная наука, имеющая дело с реальными фактами окружающей нас действительности. То есть такая же в принципе наука, как все иные отрасли знаний. Да к тому же наука, призванная практически и теоретически осваивать такие реальные факты действительности, которые в той или иной мере выражают известные идеальные, гуманистические начала и ценности. Такой («естественно-технический» и одновременно гуманистический) характер правоведения придает ему высокозначимый научковедческий статус.

На уровне философии права С.С. Алексеев анализирует право с мировоззренческих позиций, стремится постичь его смысл и предназначение для людей, каждого человека, рассматривает право под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей.

На этом пути он выдвигает предположение, что в связи с оптимистической перспективой формирования права в нашем обществе назрела необходимость *новой эпохи в понимании права* – такого развития, пожалуй, даже *поворота* в правопонимании, который в полной мере отвечал бы принципиально новым потребностям последовательно демократических цивилизаций.

Некоторые направления такого поворота в понимании и характеристиках права, которые способны преодолеть традиционные трактовки и дать ответ на требования времени, ученый разрабатывает в книге. В их числе⁷³:

⁷³ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6. С. 522, 550; *Его же*. Право – предназначение. Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. С. 66, 81.

характеристика права с мировоззренческих позиций, т.е. его понимание как особого мирозданческого явления – самостоятельного, самобытного, уникального звена в процессах бытия и развития человечества. Причем такого звена, которое имеет свои, незаменимые функции и свое предназначение, не сводимое ни к категориям государства, ни к категориям морали, и, быть может, еще и такого, которое обладает качествами природного по своим основам, корням явления;

понимание права в высших его значениях как *права человека*, которое, несмотря на все метаморфозы, «приговорено» служить людям и, что особо существенно, способно осуществить, казалось бы, невыполнимую задачу – не только преодолеть негативные стороны величайшего дара человека – свободы, но и обратить ее в активность человека, его творчество, свершения ума;

характеристика права как феномена Разума и высоких истинно человеческих начал. Причем таких начал (относимых к числу духовных, идеальных), которые, быть может, наиболее близки к самой сути человека как высшего, великого создания природы, что и предопределяет саму возможность признания верховенства права, его оценки как святыни в жизни человека.

Основная идея книги исполнена внутренней силой и убежденностью автора и в то же время в контексте последних событий в мире звучит тревожно и провидчески. Судите сами.

У человечества нет иного пути и иного способа решения глобальных проблем и трудностей, грозящих тяжкими, катастрофическими последствиями для человеческого рода, как поставить в самый центр жизни людей современное право, повсеместно, непоколебимо признать его верховенство. Только оно, право, способно противостоять вполне возможной катастрофе, которая грозит человечеству в обстановке грядущей анархии, вольницы, ненасытного и изощренного потребительства, притом, увы, в условиях, казалось бы, близкого всеобщего процветания.

4. Признание

«Сергей Сергеевич Алексеев для права сделал очень много», – говорил другой выдающийся правовед В.Ф. Яковлев⁷⁴. И получил заслуженное признание, еще при жизни став легендарным. Вот только несколько штрихов, иллюстрирующих сказанное.

С.С. Алексеев награжден орденами «Знак Почета» (1976), Отечественной войны II степени (1985), Дружбы народов (1994), «За заслуги перед Отечеством» III степени (2003), «Данакер» (2004, Кыргызская Республика), а также медалями «За оборону

⁷⁴ Яковлев В.Ф. Сергей Сергеевич Алексеев для права сделал очень много // Закон. 2008. № 7. С. 19–23.

Советского Заполярья» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (1945).

В 1974 г. присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» за заслуги в области юридической науки и многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность.

В 1977 г. присуждена Государственная премия СССР за цикл работ по проблемам марксистско-ленинской теории права, опубликованных в 1966–1975 гг., в который вошли четыре произведения: «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (М., 1966); «Социальная ценность права в советском обществе» (М., 1971); «Структура советского права» (М., 1975); «Проблемы теории права: в 2 т.» (Свердловск, 1972. Т. 1; 1973. Т. 2). За весь период существования Государственной премии СССР (1967–1991 гг.) она была присуждена единолично только нескольким правоведам.

В 2009 г. присвоено почетное звание Свердловской области «Почетный гражданин Свердловской области». В Свердловской области С.С. Алексеев воспринимается как ее достояние.

В 2009 г. присуждена высшая юридическая премия «Юрист года» за выдающийся вклад в развитие юридической науки. С.С. Алексеев стал первым лауреатом этой премии, учрежденной в октябре 2009 г. Общероссийской общественной организацией «Ассоциация юристов России» при согласии Президента РФ. Торжественная церемония вручения премии прошла 4 декабря 2009 г. в Екатеринбурге.

В 2010 г. присуждена Демидовская премия за выдающийся вклад в создание правовых основ современной России. Демидовская премия для ученых учреждена в 1831 г. уральским промышленником П.Н. Демидовым. В 1993 г. она возрождена как общегосударственная неправительственная Демидовская премия, которая присуждается за личный выдающийся вклад в области науки о Земле, физики и математики, экономики и предпринимательства, а также гуманитарных наук. Лауреатов премии определяет Комитет по премиям Научного Демидовского фонда. За всю новую историю Демидовской премии она была присуждена еще только одному правоведу – В.Н. Кудрявцеву (за выдающийся вклад в развитие криминологии, социологии права и работы в области уголовного права).

В 2010 г. увидело свет Собрание сочинений С.С. Алексеева в 10 томах, которое стало самым масштабным из собраний трудов российских правоведов.

В 2013 г. издан Указ Президента РФ⁷⁵, которым отмечены выдающийся вклад С.С. Алексеева

⁷⁵ См.: Указ Президента РФ от 30.09.2013 № 748 «Об увековечении памяти С.С. Алексеева» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III), ст. 5049.

в развитие отечественной науки, подготовку высококвалифицированных юридических кадров, его многолетняя плодотворная общественная деятельность, и в этой связи предусмотрен ряд мер поувековечению его памяти.

В 2014 г. Исследовательскому центру частного права при Президенте РФ присвоено имя С.С. Алексеева.

В 2014 г. в Екатеринбурге на здании Уральского государственного юридического университета и доме, где он жил, установлены мемориальные доски С.С. Алексееву.

С 2014 г. под эгидой Уральского государственного юридического университета проводятся ежегодные Алексеевские чтения. Позже такие же чтения стали проводиться и в Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ.

В 2015 г. в Уральском отделении Российской академии наук учреждена медаль им. С.С. Алексеева для поощрения ученых за научные труды, имеющие большое значение для науки и практики (в области гуманитарных наук).

В 2016 г. в Екатеринбурге открыт музей С.С. Алексеева «Восхождение к праву» (проспект Ленина, д. 101). Музей создан прежде всего стараниями С.А. Степанова, который разработал концепцию музея, организовывал подрядные работы, формировал экспозиции музея, а впоследствии проводил в нем экскурсии. И это неудивительно. В конце 90-х годов С.А. Степанов сблизился с Сергеем Сергеевичем, со временем стал его учеником, незаменимым, верным помощником, занимался, в частности, организацией издания сочинений своего учителя.

В 2017 г. Почтой России выпущена почтовая марка с портретом С.С. Алексеева в серии «Выдающиеся юристы России».

В 2023 г. в Екатеринбурге средней общеобразовательной школе № 1 присвоено имя С.С. Алексеева, который учился в этой школе.

В 2024 г. кафедре теории государства и права Уральского государственного юридического университета присвоено имя С.С. Алексеева, который заведовал этой кафедрой 27 лет.

В 2024 г. Почтой России к 100-летию С.С. Алексеева выпущен почтовый конверт с портретом ученого. Специальное гашение марки на этом конверте состоялось 23 мая 2024 г. в Екатеринбурге на XVII сессии Европейско-Азиатского правового конгресса, посвященной вековому юбилею выдающегося правоведа.

Личность, жизнь и деятельность С.С. Алексеева привлекают к себе все большее внимание. О нем пишут книги, статьи⁷⁶, снимают фильмы⁷⁷.

С.С. Алексеев сделал все возможное для торжества права в российском обществе, ибо был убежден: «Ныне нет важнее для людей задачи, чем понимание и возрождение права. Иного средства добиться формирования гражданского общества и справиться с кризисными и надвигающимися катастрофическими явлениями, кроме развитого права, на свете не существует».

У России есть все основания быть благодарной за все, что С.С. Алексеев для нее сделал – и как солдат на фронтах Великой Отечественной, и как преподаватель, и как ученый, и как государственный деятель, и как мыслитель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Воспоминания о войне // Алексеев С.С. Избранное. Наука права, общесоциальные проблемы, публицистика. М., 2003. С. 469, 470.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 742; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 6. С. 8–553.

⁷⁶ Укажем некоторые из них: Тарасов Н.Н. Служение праву. С. С. Алексеев (заметки на полях биографии) // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 3–14; Юрист, философ, гражданин. Четыре интервью к 80-летию чл.-корр. РАН С.С. Алексеева / подгот. и провела И. Фан // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2004. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 31–63. Интервью с Переваловым В.Д., Руденко В.Н., Гонгало Б.М., Орловым Г.П.; Казанцев М.Ф., Руденко В.Н., Сурина Е.М. Указ. соч.; Лукьянин В.П. «Неисправимый приверженец вечных правовых ценностей» // Вершины уральской науки. Екатеринбург, 2013. С. 148–197; Маковский А. Исследовательский центр частного права – центр имени С.С. Алексеева // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. 25 лет. М., 2016. С. 253–263; Крашениников П.В. Романтик права Сергей Алексеев // Крашениников П.В. 12 апостолов права. 2-е изд. М., 2016. С. 187–203; Наш Сергей Сергеевич. Антология устных рассказов. Екатеринбург, 2019; Семитко А.П. С.С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества // Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург, 2019. С. VII–LXXIX; Гонгало Б.М., Суханов Е.А. Вспоминая Сергея Сергеевича Алексеева... // Алексеев С.С. Частное право. Избранное. М., 2024. С. 20–32.

⁷⁷ См., напр.: Линия права. Сергей Алексеев. Документальный фильм. Фильм второй документальной дилогии «А был ли мальчик?» / автор сценария и режиссер-постановщик Сергей Мартынов. Свердловская киностудия. 2008. 26 мин.; Кинопроект-трилогия «Эпоха Сергея Сергеевича Алексеева». Фильм первый «Восхождение к праву» / автор идеи и сценария Сергей Степанов, постановка, съемка, монтаж – Роман Искаков. 2019. 93 мин.

4. Алексеев С.С. [Выступление на пленарном заседании Конституционного совещания о замечаниях и предложениях по проекту Конституции и его концептуальных положениях, 5 июня 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрай и др. М., 1995. Т. 2. С. 16–21.
5. Алексеев С. С. Демон бодрствует. Повесть о власти // Алексеев С.С. Две повести. О праве. О власти. Екатеринбург, 2002. С. 140, 145.
6. Алексеев С.С. [Доклад на совещании руководителей республик в составе Российской Федерации, глав администраций краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга о концептуальных политико-правовых основах проекта Конституции Российской Федерации, представленного Президентом Российской Федерации, 29 апреля 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрай и др. М., 1995. Т. 1. С. 5–10.
7. Алексеев С.С. Круг замкнулся. Повесть о праве // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 149.
8. Алексеев С.С. Право – предназначение. Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. Екатеринбург, 2011. С. 5, 6, 9–11, 18, 23, 66, 81.
9. Алексеев С. С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью порталу Закон.ру. Екатеринбург, 2012. С. 6.
10. Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 1. С. 14.
11. Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Екатеринбург (Свердловск) – СПб., 1996–2007 // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. Л. 20–21, 23, 29–30.
12. Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. Резюме с претензией. М., 2001.
13. Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
14. Алексеев С. С. Тайна и сила права // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 189–322.
15. Алексеев С.С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 17–34, 38, 39.
16. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 101, 121, 122.
17. Алексеев С.С., Рубель Р.Б. Размышления о туризме / [предисл. Г.П. Орлова]. Свердловск, 1974.
18. Гонгало Б.М., Суханов Е.А. Вспоминая Сергея Сергеевича Алексеева... // Алексеев С.С. Частное право. Избранные. М., 2024. С. 20–32.
19. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 2: 1991 год / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2008. С. 564–608; т. 4: 1993 год. Кн. 1 (январь–апрель 1993 года) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. С. 324–377; 2009. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. С. 769–802.
20. Казанцев М.Ф., Руденко В.Н., Сурина Е.М. Алексеев Сергей Сергеевич. Правовед, Мыслитель, Публицист. Биобиблиография. К 85-летию со дня рождения ученого / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург, 2009.
21. Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрай и др. М., 1995. Т. 1. С. 4, 11–66.
22. Конституция Российской Федерации (Проект). Альтернативный вариант / авторская разработка проекта – С.С. Алексеев, А.А. Собчак при участии Ю.Х. Калмыкова, С.А. Хохлова. М., 1992.
23. Крашенинников П.В. Романтик права Сергей Алексеев // Крашенинников П.В. 12 апостолов права. 2-е изд. М., 2016. С. 187–203.
24. Лукьянин В.П. «Неисправимый приверженец вечных правовых ценностей» // Вершины уральской науки. Екатеринбург, 2013. С. 148–197.
25. Маковский А. Исследовательский центр частного права – центр имени С.С. Алексеева // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. 25 лет. М., 2016. С. 253–263.
26. Наш Сергей Сергеевич. Антология устных рассказов. Екатеринбург, 2019.
27. Семитко А.П. С.С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества // Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург, 2019. С. VII–LXXIX.
28. Тарасов Н.Н. Служение праву. С.С. Алексеев (заметки на полях биографии) // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 3–14.
29. Хроника участия Российского движения демократических реформ в конституционном процессе. [Материалы к альтернативному проекту] // Вестник РДДР. 1992. № 4 (Спец. вып., декабрь 1992 г.). С. 1–12.
30. Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 55–91.
31. Шахрай С.М. Новая Конституция России: искусство возможного и взгляд в будущее // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 6: Дополнительные, мемуарные, справочные материалы / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2010. С. 994–1009.
32. Шахрай С.М. По закону Сергея Алексеева. Пускай каждый россиянин поймет и скажет: «Это моя Конституция!» // Росс. газ. 2013. 21 мая.
33. Юрист, философ, гражданин. Четыре интервью к 80-летию чл.-корр. РАН С.С. Алексеева / подгот. и провела И. Фан // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2004. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 31–63. Интервью с Переваловым В.Д., Руденко В.Н., Гонгало Б.М., Орловым Г.П.

34. Яковлев В.Ф. Сергей Сергеевич Алексеев для права сделал очень много // Закон. 2008. № 7. С. 19–23.
35. Яковлев В.Ф. Советник трех президентов. М., 2022. С. 113–120.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Memories of the war // Alekseev S.S. Favorites. The science of law, general social problems, journalism. M., 2003. Pp. 469, 470 (in Russ.).
2. Alekseev S.S. Ascent to law. Searches and solutions. M., 2001. P. 742; 2nd ed., reprint and add. M., 2002 (in Russ.).
3. Alekseev S.S. Ascent to the law. Searches and solutions // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference volume]. M., 2010. Vol. 6. Pp. 8–553 (in Russ.).
4. Alekseev S.S. [Speech at the plenary session of the Constitutional Meeting on comments and proposals on the draft Constitution and its conceptual provisions, June 5, 1993] // Constitutional Meeting. Transcripts, materials, documents. April 29 – November 10, 1993 / under the general editorship of S.A. Filatov, V.S. Chernomyrdin, S.M. Shakhray et al. M., 1995. Vol. 2. Pp. 16–21 (in Russ.).
5. Alekseev S.S. The demon is awake. The tale of power // Alekseev S.S. Two stories. On the law. On power. Yekaterinburg, 2002. Pp. 140, 145 (in Russ.).
6. Alekseev S.S. [Report at the meeting of the heads of republics within the Russian Federation, heads of administrations of territories, regions, autonomous entities, cities of Moscow and St. Petersburg on the conceptual political and legal foundations of the draft Constitution of the Russian Federation, presented by the President of the Russian Federation, April 29, 1993] // Constitutional Meeting. Transcripts, materials, documents. April 29 – November 10, 1993 / under the general editorship of S.A. Filatov, V.S. Chernomyrdin, S.M. Shakhray et al. M., 1995. Vol. 1. Pp. 5–10 (in Russ.).
7. Alekseev S.S. The circle has closed. The tale of law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference volume]. M., 2010. Vol. 4. P. 149 (in Russ.).
8. Alekseev S.S. Law – purpose. Presentation at the presentation of the 2010 Demidov Prize. Yekaterinburg, 2011. Pp. 5, 6, 9–11, 18, 23, 66, 81 (in Russ.).
9. Alekseev S.S. Freedom at the cost of life. Memoirs // Alekseev S.S. Freedom at the cost of life. Memoirs; Interview to the portal Zakon.ru. Yekaterinburg, 2012. P. 6 (in Russ.).
10. Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference volume]. M., 2010. Vol. 1. P. 14 (in Russ.).
11. Alekseev S.S. Pages of my life. About the experience. Fragments. Yekaterinburg (Sverdlovsk) – SPb., 1996–2007 // Archive of N.S. Alekseeva and I.S. Alekseeva. L. 20–21, 23, 29–30. Published for the first time (in Russ.).
12. Alekseev S.S. The secret of law. Its understanding, purpose, and social value. Summary with a claim. M., 2001 (in Russ.).
13. Alekseev S.S. The mystery and the force of law. The Science of law: new approaches and ideas. The right in the life and destiny of people. 2nd ed., reprint and add. M., 2009 (in Russ.).
14. Alekseev S.S. The mystery and the power of law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference volume]. M., 2010. Vol. 4. Pp. 189–322 (in Russ.).
15. Alekseev S.S. At the origins of the Russian Constitution. Subjective notes. Yekaterinburg, 2009. Pp. 17–34, 38, 39 (in Russ.).
16. Alekseev S.S. Lessons. The hard way of Russia to the law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference volume]. M., 2010. Vol. 4. Pp. 101, 121, 122 (in Russ.).
17. Alekseev S.S., Rubel R.B. Reflections on tourism / [preface by G.P. Orlov]. Sverdlovsk, 1974 (in Russ.).
18. Gongalo B.M., Sukhanov E.A. Remembering Sergei Sergeevich Alekseev... // Alekseev S.S. Private Law. Favorites. M., 2024. Pp. 20–32 (in Russ.).
19. From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols. (10 books). Vol. 2: 1991 / under the general editorship of O.G. Rumyantsev. M., 2008. Pp. 564–608; vol. 4: 1993. Book 1 (January–April 1993) / under the general editorship of O.G. Rumyantsev. Pp. 324–377; 2009. Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993) / under the general editorship of O.G. Rumyantsev. Pp. 769–802 (in Russ.).
20. Kazantsev M.F., Rudenko V.N., Surina E.M. Alekseev Sergey Sergeevich. Lawyer, Thinker, Publicist. Bio-bibliography. To the 85th anniversary of the scientist's birth / ed by V.N. Rudenko. Yekaterinburg, 2009 (in Russ.).
21. Constitutional Conference. Transcripts, materials, documents. April 29 – November 10, 1993 / under the general editorship of S.A. Filatov, V.S. Chernomyrdin, S.M. Shakhray et al. M., 1995. Vol. 1. Pp. 4, 11–66 (in Russ.).
22. The Constitution of the Russian Federation (Draft). Alternative version / author's development of the project – S.S. Alekseev, A.A. Sobchak with the participation of Yu. Kh. Kalmykov, S.A. Khokhlov. M., 1992 (in Russ.).
23. Krasheninnikov P.V. Romanticist of law Sergey Alekseev // Krasheninnikov P.V. 12 apostles of law. 2nd ed. M., 2016. Pp. 187–203 (in Russ.).
24. Lukyanin V.P. "Incorrigible adherent of eternal legal values" // Peaks of Ural science. Yekaterinburg, 2013. Pp. 148–197 (in Russ.).
25. Makovsky A. Research Center of Private Law – S.S. Alekseev Center // S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation. 25 years old. M., 2016. Pp. 253–263 (in Russ.).
26. Our Sergey Sergeevich. An anthology of oral stories. Yekaterinburg, 2019 (in Russ.).
27. Semitko A.P. S.S. Alekseev: the value of law is in affirming the value of the individual, his rights and freedoms, high organization and order in the life of society // Alekseev S.S. The social value of law in Soviet society. Yekaterinburg, 2019. Pp. VII–LXXIX (in Russ.).
28. Tarasov N.N. Service to law. S.S. Alekseev (notes in the margins of the biography) // Civilistic notes: interuniversity collection of scientific works. M., 2004. Iss. 3. Pp. 3–14 (in Russ.).
29. Chronicle of the participation of the Russian Democratic Reform Movement in the constitutional process [Materials

- for an alternative project] // Herald of the RDDR. 1992. No. 4 (Special issue, December 1992). Pp. 1–12 (in Russ.).
30. *Shakhray S.M.* How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era. M., 2021. Pp. 55–91 (in Russ.).
31. *Shakhray S.M.* The new Constitution of Russia: the art of the possible and a look into the future // From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols. (10 books). Vol. 6: Additional, memoir, reference materials / under the general editorship of O.G. Rumyantsev. M., 2010. Pp. 994–1009 (in Russ.).
32. *Shakhray S.M.* According to the law of Sergei Alekseev. Let every Russian understand and say: “This is my Constitution!” // Ross. gas. 2013. May 21 (in Russ.).
33. Lawyer, philosopher, citizen. Four interviews for the 80th anniversary of the corresponding member. RAS S.S. Alekseev / prepared and conducted by I. Fan // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. Yekaterinburg, 2005. Iss. 5. Pp. 31–63. Interviews with Perevalov V.D., Rudenko V.N., Gongalo B.M., Orlov G.P. (in Russ.).
34. *Yakovlev V.F.* Sergey Sergeevich Alekseev did a lot for the law // Law. 2008. No. 7. Pp. 19–23 (in Russ.).
35. *Yakovlev V.F.* Adviser to three presidents. M., 2022. Pp. 113–120 (in Russ.).

Сведения об авторах

КАЗАНЦЕВ Михаил Федорович –

доктор юридических наук,
заведующий отделом права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук;
620108 г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16

РУДЕНКО Виктор Николаевич –

академик Российской академии наук,
доктор юридических наук,
кандидат философских наук, профессор,
вице-президент Российской академии наук,
главный научный сотрудник отдела права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
председатель Уральского отделения РАН;
620108 г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16

Authors' information

KAZANTSEV Mikhail F. –

Doctor of Law,
Head of Law Division Institute
of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
16 Sofya Kovalevskaya str.,
620108 Yekaterinburg, Russia

RUDENKO Victor N. –

Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Candidate of Philosophical
Sciences, Professor,
Vice-President of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher of the Department of Law,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Chairman of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences;
16 Sofya Kovalevskaya str.,
620108 Yekaterinburg, Russia

УДК 340



**НА ИЗЛОМАХ ИСТОРИИ
(МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ АРЖАНОВ –
ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ЭПОХА)**

© 2024 г. В. Н. Плигин, М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 07.05.2024 г.

Аннотация. Статья подготовлена в рамках проекта «Российская академия наук: выдающиеся ученые и правоведы. XX век» по случаю 100-летия Института государства и права РАН и посвящена памяти Михаила Александровича Аржанова – ученого, правоведа, члена-корреспондента АН СССР. М.А. Аржанов воплощал собой тип правоведа XX века, характерного для советской эпохи в истории отечественной юридической науки: сочетал в своей личности свойства ученого-исследователя и одновременно идеолога-пропагандиста. Он один из первых исследователей в Советской России, кто занимался проблемами национализма, изучением фашистского государства как закономерного порождения капиталистической системы и такой насущной проблемой юриспруденции, как соотношение государства и права. В статье кратко освещается жизненный путь, который прошел М.А. Аржанов от деревенского мальчика до члена-корреспондента, приводится краткая характеристика наиболее значимых произведений ученого. Научные работы М.А. Аржанова весьма актуальны. Его труды были положены в основу формирования представления о советском праве в довоенный и непосредственно послевоенный периоды (1930–1960 гг.).

Ключевые слова: М.А. Аржанов, государство, право, регулирование, пропаганда, социализм, демократия, национализм, фашизм, люксембургианство.

Цитирование: Плигин В.Н., Кобзарь-Фролова М.Н. На изломах истории (Михаил Александрович Аржанов – человек, ученый, эпоха) // Государство и право. 2024. № 7. С. 27–39.

DOI: 10.31857/S1026945224070022

AT THE BREAKS OF HISTORY

(MIKHAIL ALEKSANDROVICH ARZHANOV – MAN, SCIENTIST, ERA)

© 2024 V. N. Pligin, M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 07.05.2024

Abstract. The article was prepared within the framework of the project “Russian Academy of Sciences: outstanding scientists and lawyers. XX century” on the occasion of the 100th anniversary of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences and dedicated to the memory of Mikhail Aleksandrovich Arzhanov, scientist, lawyer, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. M.A. Arzhanov embodied the type of lawyer of the XX century, characteristic of the Soviet era in the history of Russian legal science: he combined in his personality the properties of a scientific researcher and at the same time an ideologist-propagandist. He is one of the first researchers in Soviet Russia who was deeply involved in the problems of nationalism, the study of the fascist state as a natural product of the capitalist system, and such an urgent problem of jurisprudence as the relationship between state and law. The article briefly highlights the life path that M.A. Arzhanov went through from a village boy to a corresponding member, and provides a brief description of the most significant works of the scientist. The scientific works of M.A. Arzhanov are very relevant. His works formed the basis for the formation of ideas about Soviet law in the pre-war and immediate post-war periods (1930–1960).

Key words: M.A. Arzhanov, state, law, regulation, propaganda, socialism, democracy, nationalism, fascism, Luxemburgism.

For citation: Pligin, V.N., Kobzar-Frolova, M.N. (2024). At the breaks of history (Mikhail Aleksandrovich Arzhanov – man, scientist, era) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 27–39.

Введение



Уникальные исторические события, к которым прежде всего относятся революции, пронизаны глубочайшими изменениями, происходящими в социальной организации жизни общества, что самым непосредственным образом сопряжено со становлением адекватного правового регулирования.

Процесс создания нового права небыстрый. Он начинается чаще всего с отрицания ранее действовавшего порядка, причем само отрицание на первых стадиях носит характер лавинообразного разрушения. После захвата власти победивший класс или новый управляющий слой обычно стремится максимально дистанцироваться от смещаемого порядка, ему (это му слову) чаще всего наивно представляется, что

именно отказ от предыдущего может в относительном короткий срок создать условия для обозначения легитимности становящейся государственности. В российской истории XX в. указанные процессы происходили неоднократно. Причем уровень отрицания исторически отвергаемого был максимально насыщенным: целиком менялись основополагающие механизмы создания и функционирования государственных институтов, регулирования вопросов собственности и организации труда, наследования и даже семейного права.

Предыдущая легитимность уходила, новая за рождалась и претендовала на свою исключительность. Однако историческая практика неоднократно подтверждала, что ранее действовавшие правовые институты проникали в иную ткань, и только так мог родиться по-настоящему легитимный порядок. Появление этого нового происходит не где-то за пределами человеческого общества, оно является результатом борьбы умов. В сфере права кристаллизация (вычленение) замещающего регулирования идет прежде всего в рамках функционирования политических институтов, однако уже и на этой стадии обычно приглашаются специалисты в области философии и теории права,

и ученые, владеющие необходимым инструментарием знаний в сфере конкретных областей права.

Исключительно важно не только с точки зрения истории права, но прежде всего для понимания генезиса регулирования и возможного использования предыдущего опыта в современной практике понять, как происходило становление собственно правовой мысли и перенос ее в функционирование государства. Разрешение этой задачи возможно при изучении творческого наследия ведущих правоведов.

Одним из таких ученых, работы которого были положены в основу формирования представления о советском праве в довоенный и непосредственно послевоенный периоды (30–60-е годы XX в.), был Михаил Александрович Аржанов, который глубоко затрагивал также и вопросы теории и истории государства и права, философии формирования общественных систем, включая исторически разрушительные – фашизм.

Начало научной карьеры М.А. Аржанова. М.А. Аржанов М.А. родился 14 августа 1902 г. в Николаевской губернии. В юности он проявил себя как активный комсомольский работник, затем как партийный пропагандист. Аржанов окончил украинский Институт марксизма-ленинизма (1927–1930 гг., г. Харьков). В институте обнаружились его способности к научно-познавательной и исследовательской работе, там же он впервые заинтересовался вопросами национализма, различными направлениями социал-демократических течений, в том числе революционно-марксистским течением люксембургианства. Сторонники последнего проводили идею неразрывного сочетания в политической системе социализма и демократии, были одним из первых сообществ, последователи которого ориентировались на защиту гражданских прав и свобод, включая свободу политическую, которая в их представлении была неотделима от нового строя.

Первые статьи Аржанова издаются еще в период его обучения на украинском языке¹.

В сентябре 1931 г. М.А. Аржанов переезжает в Москву. С этого момента начинается его научная карьера. Он поступает на должность старшего научного сотрудника в Ассоциацию востоковедения, где работает до конца 1933 г. Однако, молодого сотрудника больше интересуют вопросы империализма, развитие движения националистов и зарождающийся фашизм. Надо заметить, что первые

¹ См.: Аржанов М.А. Теоретические основы люксембургианства в национальном вопросе // Більшовик України. 1928. № 21–22. С. 113–130; Его же. До теоретико-методологичних помилок люксембургианства в национальном питанні (Методологія люксембургианства) // Прапор марксизму. 1928. № 4. С. 188–209.

аналитические работы М.А. Аржанова были весьма критичными. В них давались весьма жесткие оценки любых идей, не основанных на марксистско-ленинской идеологии.

В 1932 г. М.А. Аржанов публикует статью «Государство Лассалля и фашизация социал-демократии»². В ней он дает представление о возникшей в юридической науке СССР дискуссии по вопросам, касающимся сущности новых форм государства того периода, включая политические режимы и формы правления. Дискуссии были вызваны несколькими объективными причинами. Во-первых, возникновением в результате социалистической революции, государства нового типа – СССР, которое порождало страх на мировом политическом поле. Во-вторых, базисная философско-политическая и экономическая основы нового типа государства, а также избранные векторы политico-правовых ценностей сеяли в европейских правительствах боязнь кризиса и трансформации глобального мироустройства и правопорядка.

В статье М.А. Аржанова содержится критика капиталистической системы, теорий Ф. Лассалля, Э. Бернштейна, К. Каутского и других социал-демократов, отошедших от теории марксизма, и поддерживающих социал-демократическую концепцию государства с «гитлерианством, националфашизмом»³. Автор выводит формулу фашизации социально-демократических идей о государстве и превращения их в социал-фашизм. Особое значение в фашизации социал-демократической идеологии М.А. Аржанов отводит трудам Ф. Лассалля как «платформе прямого, безоговорочного, ничем не прикрываемого союза с фашистским государством».

Молодой исследователь не оценил революционных взглядов Ф. Лассалля и жестко критикует в своей статье его идеи. Неолассальское государство, делает вывод М.А. Аржанов, – «стало теоретическим фундаментом открытого перехода социал-фашистов к национал-фашизму»⁴.

В указанном подходе находит проявление то, на что мы ранее уже обращали внимание. На первых этапах строительства нового государства практически всегда доминирует попытка легитимизировать изменения через отрицание. Отрицание становится фактором, задача которого – оправдать разрушение старого как менее справедливого и продуктивного, а значит, не заслуживающего доверия, внутренне законченного. Однако история

² Аржанов М.А. Государство Лассалля и фашизация с.-д. // Сов. государство. 1932. № 5–6. С. 87–101.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 97.

вносит свои корректизы: черты уступившего общества со временем смягчают только отрицание, а институты, включая право, начинают нести в себе элементы классического предыдущего порядка. Исследователь М.А. Аржанов тогда заблуждался – мягкие формы социал-демократического государства продолжают показывать свою устойчивость.

Непримиримое отношение последователей марксизма к экономическим основам социальной демократии стало лейтмотивом следующей работы Аржанова, в которой он, ссылаясь на Д.З. Мануильского, «написал: фашизм органически вытекает из буржуазной демократии»⁵.

В 1933 г. выходит наиболее известная монография М.А. Аржанова «Гегельянство на службе германского фашизма»⁶. Тогда же издается серия статей, посвященных люксембургианству, фашизму, международному единству пролетариата, критике неогегельянских теорий национализма и проч. Его труды выпускаются одним из ведущих партийных издательств СССР, а рецензии на труды М.А. Аржанову дает И.П. Трайнин.

Монография «Гегельянство на службе германского фашизма» вышла тиражом в 15 тыс. экземпляров и не только вызвала интерес в научном мире, но и привлекла всемирное внимание общественности. В семи главах книги, опираясь на труды В.И. Ленина и К. Маркса, ученый анализирует понятия национализма, буржуазного национализма, империализма, империалистического капитализма, фашизма.

М.А. Аржанов не случайно начинает свою работу с познания и выявления той органической связи национализма, которая имманентна социально-экономическим основам империалистической эпохи. Он исследует черты идеологического лица германского фашизма, изучает признаки империализма и особенности национализма эпохи империализма и пролетарских революций. Ученый выделяет две основные стадии буржуазного национализма: первая – буржуазный либерализм, буржуазная демократия; вторая – фашистская диктатура буржуазии.

Аржанов берет на себя смелость выделить характерные черты империализма и дает им комментарий. В зависимости от того, как они отражаются на особенностях национализма, он выделяет шесть таких черт.

⁵ Аржанов М.А. Государство Лассала и фашизация с.-д. // Сов. государство. С. 87.

⁶ Аржанов М.А. Гегельянство на службе германского фашизма. М., 1933.

1. Империализм есть монополистический капитализм, в котором проявляется ожесточенная борьба за внешние рынки сырья и сбыта товаров.

2. Для империализма характерны качественные структурные изменения в хозяйстве, что создает новые условия и новые предпосылки в развитии национализма.

3. Сращивание финансового капитала и государственного аппарата накладывает специфический отпечаток на буржуазное государство и его функции.

4. Империализм – умирающий капитализм, захвачивающий. Его идеология носит черты «разлагающегося, гниющего на корню капиталистического строя». Отсюда соответствующие методы господства, подавления, носящие в себе элементы реакционности.

5. Особенности классовой борьбы, проявляющиеся в своеобразной социальной мимикрии: «переодевание буржуазных партий... в социалистические одежды», обезвреживание «социализма» национализмом.

6. «Капитализм – строй, который не сойдет добровольно с исторической сцены, он будет бороться всеми силами за свое сохранение, проявляя гибкость и маневренность... Особенно видны эти проявления в период всеобщего капиталистического кризиса... Империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция»⁷.

На основании данных характерных черт М.А. Аржанов делает вывод о том, что «национализм обещает “преодоление” внешних и внутренних противоречий капиталистической системы»⁸. Он дает «выход» фашистской диктатуре, которая была бы освящена «интересами нации, национального единства, национальной чести»⁹. Национализм сущит мелкобуржуазным массам, рабочему классу перспективы, рекомендуется как идеология, которая стоит над марксистской теорией¹⁰.

В монографии «Гегельянство на службе германского фашизма» М.А. Аржанов предпринимает попытку доказать, что легитимизация фашистского господства производна от национализма. Ее истинной целью служит такая организация нации, которая образует политическое единство.

Упоминая о том, что фашизм все больше распространяется по миру и охватил уже не только европейский континент (Австрию, Англию),

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: там же. С. 11.

но и Японию, США, М.А. Аржанов углубляется в исследование и анализ причин и условий возникновения фашизма и национализма в Германии (в период с 1918 по 1923 г.), который, по его мнению, имеет свои особенности, связанные с империалистическими войнами, кризисом экономики начала ХХ в., аграрным и промышленным кризисами, репарациями и пр. Германия превратилась в арену классовой борьбы. Он приходит к выводу о том, что именно «здесь ключ к объяснению факта быстрого роста фашизма в Германии и установления в ней фашистского режима». Германский фашизм — сложный диалектический процесс, который проявился как общий кризис капитализма¹¹.

На монографию М.А. Аржанова «Гегельянство на службе германского фашизма» в журнале «За большевистскую критику» была опубликована рецензия неизвестного автора. Он подписался лишь инициалами — «П.С.». Рецензент отмечал, что советская литература о фашизме периода выхода в свет данной монографии крайне бедна. «Книга Аржанова — первая из серьезных книг, целиком посвященная критике философских основ фашистского национализма и фашистской «теории» государства». «Ценность книжки... в том, что она в известной мере заполняет указанный пробел»¹².

Работа «Гегельянство на службе германского фашизма» носит локальный характер, поскольку ограничивается разбором одного теоретического обоснования фашистской идеологии, а точнее, одного из ее элементов, неогегельянской теории национализма. В то же время автор предпринял попытку выяснить и общие черты,ственные всей идеологии германского империализма. Это относится и к особенностям неогегельянства — весьма модного в империалистическом мире философского течения¹³.

Ученый, теоретик, член-корреспондент М.А. Аржанов. В 1934 г. М.А. Аржанов переходит на работу в Институт советского строительства и права АН СССР (далее — ИССиП АН СССР), куда его принимают на должность старшего научного сотрудника¹⁴. В 30-е годы М.А. Аржанов работает с такими видными учеными, как А.Я. Вышинский, А.А. Карп, Е.Б. Пашуканис, И.П. Трайнин, П.И. Стучка, С.С. Студеникин и др.

¹¹ Аржанов М.А. Гегельянство на службе германского фашизма. С. 20–25.

¹² За большевистскую критику. 1934. № 3. С. 13, 14.

¹³ См.: URL: https://archive.org/stream/neogegeleyanstvo_naslyzhbe_germanskogo_fashizma/djvu.txt. (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁴ В составленных лично М.А. Аржановым автобиографиях имеется разнотечение в датах поступления в ИССиП АН СССР: «с конца 1933 г.»; «с 1934 работаю...».

В 1934–1938 гг. М.А. Аржанов продолжает исследовать проблематику фашизма, сути и основы буржуазного национализма, изучает и анализирует фашистские конституции и постановления. Он выпускает ряд статей, посвященных актуальным в довоенное время вопросам¹⁵. Особый интерес он проявляет к законодательству и иным актам фашистских государств и публикует серию статей, посвященных этой тематике¹⁶.

В статье М.А. Аржанова «Германский фашизм и вопросы Конституции»¹⁷, опубликованной в журнале «Советское государство»¹⁸, отражается конкретный исторический период начала ХХ в. и показывается идеологическое пространство, которое было присуще тому отрезку истории государства и мирового устройства. В своих размышлениях М.А. Аржанов неоднократно упоминает о трансмутации без последующего эволюционного улучшения важных элементов формы немецкого государства: политического режима, государственного устройства, формы правления, неравенства граждан. Он говорит о мутации общечеловеческих ценностей права и их переходу к милитаристскому формату принимаемых законодательных актов и в целом законов, свидетельствующих о неравноправии отдельных социальных групп населения: «закрепощение и бесправность трудящихся»¹⁹. Экономическое неравноправие, приоритет «предпринимателя как руководителя производства, решающего во всех случаях за подчиненных» расценивается М.А. Аржановым «как новое закрепощение труда и открытое декларирование внеэкономического принуждения. Оно отражается в запрете деятельности профсоюзов, стачек и вообще какой-либо формы экономической борьбы рабочих против предпринимателей»²⁰. Свои выводы М.А. Аржанов формулирует на основе анализа вступивших в силу законов Германии «О регулировании национального труда

¹⁵ См.: Аржанов М.А. Режим террора и демагогии и его правовое оформление // Вестник Комакадемии. 1934. № 4. С. 3–15; *Его же*. Ликвидация выборности в фашистских государствах // Пропагандист и агитатор РККА. 1937. № 27; *Его же*. Ликвидация выборов фашизмом // Сов. государство. 1937. № 6. С. 135–149.

¹⁶ См.: Аржанов М.А. Германский фашизм и вопросы конституции // Сов. государство. 1935. № 3. С. 71–81; *Его же*. Конституционные законы фашистских государств // Пропагандист. 1936. № 15. С. 20–29; *Его же*. О фашистских конституциях // Сов. государство. 1936. № 4. С. 64–83.

¹⁷ Аржанов М.А. Германский фашизм и вопросы конституции. С. 71–81.

¹⁸ Ныне — «Государство и право» Российской академии наук (см. подр.: Кроткова Н.В. Журнал «Государство и право» — 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11–28; Клеанров М.И., Кроткова Н.В. Нам — 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/S102694520018751-7).

¹⁹ Аржанов М.А. Германский фашизм и вопросы конституции. С. 77.

²⁰ Там же.

в Германии» (1934), «Об Эрбгофе» (1935) (Закон о защите немецкой крови).

25 августа 1936 г., в преддверии принятия Конституции СССР 1936 г., М.А. Аржанов публикует статью «О фашистских конституциях»²¹, в которой продолжает свое исследование правовой основы фашистских государств. Статья имела особую актуальность, поскольку научным сотрудникам Института была поручена работа, связанная с подготовкой и обсуждением текста («Сталинской конституции») 1936 г. В ней проведено соотношение процессов, происходящих в середине 30-х годов в советском обществе и в обществах, где правят фашистские законы. М.А. Аржанов так формулирует цель своей работы: «выяснить, как в фашистском конституционном законодательстве отражается фашизм, эта террористическая, обнаженная диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических кругов финансового капитала». Следуя данной цели, он строит «схему» изложения и анализа фашистского «конституционного» законодательства. Статья состоит из семи частей.

М.А. Аржанов анализирует наиболее важные законы фашистской Германии и Италии, конституции Австрии и Польши, исследует законодательство по ликвидации буржуазной демократии в области государственного управления, монополизм фашистских партий, противопоставляет советские законы фашистским, показывает роль и значение действующей советской Конституции, ее отличие от фашистских конституций, анализирует иные вопросы, связанные с тематикой статьи.

Фашизм уничтожает остатки буржуазно-демократической законности, устанавливая «режим голого насилия, массового зверского террора». Основное в фашистской диктатуре – уничтожение буржуазно-демократических начал и свобод, установление террора как главного метода политического господства монополистического капитала. Это основное для фашистского режима отличие от режима буржуазно-демократического находит свое отражение и в конституционном законодательстве. М.А. Аржанов особо подчеркивает, что представителям антифашистского фронта весьма важно знать и изучать фашистские законы. Эти знания служат не только целям борьбы против довлеющего влияния фашизма, но и для «тактики “тряинского коня” и в отношении фашистских законов»²².

К этому моменту в открытой и наиболее полной форме режим насилия и массового террора уже установился в Италии и Германии. Закон от 29 ноября 1926 г. «О защите государства» – важнейший конституционный закон фашистской Италии. Он

ставит задачу, которая четкой линией проходит через все его содержание, – любыми мерами подавлять революционное движение трудящихся.

Движение фашизма было поддержано в Германии, где была издана целая серия чрезвычайных террористических законов, носящих по сравнению с итальянскими более развернутый и острый характер. Германские законы предусматривали введение в качестве наказаний смертной казни и многолетней каторги. М.А. Аржанов приходит к выводу о том, что законодательство фашистской Германии начала 30-х годов содержит элементы устрашения и юридического оформления террора, имеет ярко выраженный провокационный и демагогический характер²³. Это, например, Указ президента Германской Республики от 28 февраля 1933 г. «О защите народа и государства», Закон от 29 марта 1933 г. «О вынесении смертного приговора и приведении его в исполнение», Закон в целях отражения политических насильственных действий от 4 апреля 1933 г. и др. Анализ данных правовых актов позволяет М.А. Аржанову сделать вывод о том, что «лейтмотивом всех этих законов является: смертная казнь и каторга, каторга и смертная казнь!»²⁴. К тому же, пишет ученый, в Италии в период 1925–1926 гг., а в Германии в период 1933–1934 гг. полностью была ликвидирована буржуазно-демократическая свобода печати. Они (законы) приняты для устрашения и запугивания масс.

Подводя итог в статье «О фашистских конституциях», М.А. Аржанов указывает, что советская демократия вступила в новый исторический этап своего развития – этап бесклассового социалистического общества. Это опосредовало необходимость принятия новой советской конституции в противоположность фашистским законам и конституциям – подлинно демократической, подлинно народной конституции²⁵.

В рамках работы над поправками к Конституции М.А. Аржанов также подготовил и опубликовал статьи²⁶.

29 июня 1936 г. по совокупности работ М.А. Аржанову Президиумом Академии наук СССР была присвоена ученая степень кандидата государственных и правовых наук без защиты диссертации. Рекомендацию к присвоению ученой степени кандидата наук М.А. Аржанову дал И.П. Трайнин, который охарактеризовал его как вполне подготовленного в научном отношении специалиста.

²¹ См.: там же. С. 66.

²² Там же.

²³ См.: там же. С. 82, 83.

²⁴ См., напр.: Аржанов М.А. Конституция дружбы народов // Рабочий депутат. 1936. № 11–12. С. 6–10; Его же. Конституция пролетарского интернационализма // Революция и национальности. 1936. № 10. С. 20–28.

²¹ Аржанов М.А. О фашистских конституциях. С. 64–83.

²² Там же. С. 64.

10 ноября 1938 г. в совете Института права Академии наук СССР М.А. Аржанов защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. Тема диссертации – «Фашизм – режим бесправия и беззакония». Интересен тот факт, что до этой ноябрьской защиты диссертаций в 1938 г. в Советской России было всего лишь пять докторов юридических наук²⁷.

29 ноября 1938 г. Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (протокол № 38/89) утверждает М.А. Аржанову ученую степень доктора юридических наук. А с 15 октября 1938 г. он становится зав. сектором теории государства и права Института права АН СССР.

28 января 1939 г. Общее собрание Академии наук СССР утверждает произведенные Отделением общественных наук выборы членов-корреспондентов. М.А. Аржанов избран членом-корреспондентом АН СССР.

В предвоенный период работы в Институте права АН СССР (с 1937 по 1940 г.) М.А. Аржановым издано несколько статей²⁸. Ученого особо волнует тематика развития фашистского движения и его влияния на важнейшие свободы граждан. Он ведет аналитическую работу и сравнивает социалистическую и фашистскую избирательную системы, советскую и фашистские конституции и их основные положения²⁹.

Одновременно с развитием темы фашизма в своих работах М.А. Аржанов погружается в исследование проблем социализма, развития социалистического общества. Его интересуют вопросы теории советского права, теоретико-правовые проблемы предмета и метода правового регулирования. По этой тематике журнал «Советское государство и право»³⁰ выпускает его работы³¹.

²⁷ См.: Уманский Я. Защита докторских диссертаций в Институте права Академии наук СССР // Сов. государство и право. 1938. № 6. С. 103–118.

²⁸ В этот период выходят, в частности, статьи: Аржанов М.А. К двадцатилетию книги «Государство и революция» // Сов. государство. 1937. № 5. С. 26–43; Его же. Вопросы права в «К критике политической экономии» К. Маркса // Сов. государство и право. 1939. № 4. С. 59–63; Его же. Вопросы происхождения и развития форм собственности в новой рукописи К. Маркса // Сов. государство и право. 193. № 5. С. 89–96; Его же. 65 лет «Критики Готской программы» // Сов. государство и право. 1940. № 5–6. С. 1–10.

²⁹ См.: Аржанов М.А. Ликвидация выборов фашизмом. С. 135.

³⁰ Ныне – «Государство и право» Российской академии наук (см. подр.: Кроткова Н.В. Указ. соч. С. 11–28; Клеанов М.И., Кроткова Н.В. Указ. соч. С. 7–27).

³¹ См.: Аржанов М.А. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Сов. государство и право. 1939. № 2. С. 125–133; Его же. О принципах построения системы советского социалистического права // Сов. государство

В начале 1941 г. М.А. Аржанов берется за исследование проблематики соотношения государства и права. Эта тема станет весьма значимой в научной жизни ученого³². До войны М.А. Аржанов успевает выпустить только одну статью³³. Вместе с тем именно эта статья явилась началом последующего фундаментального труда. В статье автор исследует проблемные вопросы соотношения и взаимосвязи государства и права, рассматривая их в качестве взаимоотношений внутри общественной надстройки. По мнению ученого, для науки о государстве и праве эти вопросы имеют особенно важное значение. Автор выстраивает цепочку (систему) и демонстрирует диалектическую связь и влияние друг на друга таких институтов (феноменов), как государство, право, нравственность, культура, наука, искусство и другие³⁴. Особое внимание обращено на три наиболее важных аспекта такого соотношения: 1) классовый характер этих феноменов, в чем и есть то самое отличие от других надстроек (общественного сознания, морали, искусства и т.п.); 2) действие мер принуждения. Принуждение связано с волей государства, а меры принуждения закрепляются в актах государства. Принуждение основано на применении специальными органами насилия по отношению к нарушителям велений государства; 3) историческая неотделимость государства и права. Его тезис «право невозможно без государства, способного принудить к соблюдению норм права» является основой для дальнейших рассуждений автора о том, что правовые нормы есть закономерная и необходимая, хотя и не единственная форма, в которой государство осуществляет свою деятельность³⁵.

Несомненным достоинством работы М.А. Аржанова и вкладом в науку теории государства и права стал вывод: без влияния государства, создающего нормы права и обеспечивающего их соблюдение, общественные отношения не могут принять форму правовых. И заключительный вывод: государство и право возникают одновременно и отомрут одновременно по одним и тем же причинам. Их совместное существование не случайно – это следствие их неразрывной связи с происходящими

и право. 1939. № 3. С. 26–35; Его же. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права. В порядке обсуждения // Сов. государство и право. 1940. № 8–9. С. 12–28.

³² См.: Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. М., 1960.

³³ См.: Аржанов М.А. Соотношение государства и права // Сов. государство и право. 1941. № 2. С. 19–37.

³⁴ См.: там же. С. 19.

³⁵ См.: там же. С. 19–21.

историческими процессами (например, классовой борьбы в обществе)³⁶.

Годы Великой Отечественной войны (1941–1946). **М.А. Аржанов – идеолог, политрук.** С началом Великой Отечественной войны, в июне 1941 г., М.А. Аржанов уходит на фронт и вплоть до 1946 г. находится в рядах Красной Армии, служит инструктором 7-го отделения Политуправления 2-го Украинского фронта, ведет партийную работу.

За боевые заслуги перед Отечеством М.А. Аржанов награжден двумя орденами – орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды, а также тремя медалями: «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». За добросовестный труд он также был награжден орденом «Знак Почета»³⁷.

Приказом начальника ГравПУРККА от 14 июня 1946 г. № 01789 М.А. Аржанов демобилизован из Красной Армии с направлением на работу в Академию наук СССР. 16 июля его восстанавливают в должности зав. сектором теории государства и права Института права АН СССР³⁸. Он активно включается в научную работу, входит в состав Ученого совета Института, набирает аспирантов³⁹.

К 1950 г. список научных трудов М.А. Аржанова пополняется главами в учебниках по теории государства и права. Совместно с членом-корр. АН СССР М.С. Строговичем выступает инициатором учебника для вузов страны. В 1948 г. вышел их первый совместный учебник «Теория государства и права»⁴⁰.

М.А. Аржанов совмещает работу в Институте с преподаванием на кафедре права в Академии общественных наук при ЦК КПСС⁴¹. Несмотря на тяжелую болезнь, он собирает материал к монографии «Государство и право в их соотношении», ставшей последним его значимым трудом. В данной работе получили развитие теоретические вопросы соотношения и взаимодействия государства и права, которые в довоенный период остались не полностью реализованными⁴². Монография состоит из трех глав. В ней обобщается собранный за период научно-исследовательской

и аналитической работы исторический, философский и правовой материал.

Особое значение для развития основ юридической науки в ее марксистско-ленинском понимании имеет гл. I «Исходные общетеоретические положения», в которой автор исследует понятия «государство», «право», «международное право» и дает их соотношение.

Ученый показывает влияние каждой стороны политической и социальной жизни государства на право, на каждую его сторону, и наоборот. При этом под основными «сторонами» государства им подразумеваются: функции, деятельность, устройство, механизм⁴³.

Руководствуясь общенациональными и философско-правовыми методами, ученый размышляет и делает вывод, что в действительности все правовые явления связаны самыми разнообразными соотношениями, от соотношений отдельных правовых норм до взаимоотношений всей системы права с иными общественными явлениями: экономикой, политикой, классом, нацией, государством, моралью, искусством, языком и т.д. Соотношения проходят различные стадии развития. То, что в одном соотношении выступает как причина, в другом – становится следствием; существенное может превратиться в несущественное, главное – во второстепенное и т.д.⁴⁴

Анализ соотношения государства и права привел автора к исследованию вопроса о государственной воле. Всякое право, писал М.А. Аржанов, есть выражение воли господствующих классов. Государство есть результат не этой воли, а объективных условий общественной жизни. Ссылаясь на работы К. Маркса и Ф. Энгельса, он доказывал: не государство существует благодаря господствующей воле, а наоборот, возникающее из материального образа жизни индивидов государство имеет также и форму господствующей воли. Действительно, заключает ученый, господствующая воля выступает в виде правовой нормы, установленной или санкционированной государством. Воля воплощается, реализуется в законе, но закон – это в то же время форма или одна из форм, в которой проявляет себя государство. При этом необходимо отличать формальную сторону воли, выраженную государством в праве, от классового содержания воли, определяемого экономическими отношениями⁴⁵. В конечном счете М.А. Аржанов делает вывод о том, что содержание норм права как выражение воли господствующего класса определяется

³⁶ См.: Аржанов М.А. Соотношение государства и права.

³⁷ Архив личного дела. М.А. Аржанов. Л. 75.

³⁸ См.: там же. Л. 33.

³⁹ См.: там же. Л. 37, 38, 42, 43.

⁴⁰ Теория государства и права: учеб. для высш. учеб. заведений / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович; ред. М.П. Карева. М., 1949.

⁴¹ См.: Архив личного дела. М.А. Аржанов. Л. 77.

⁴² См. Аржанов М.А. Соотношение государства и права. С. 19–37.

⁴³ См.: Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. С. 16.

⁴⁴ См.: там же. С. 17.

⁴⁵ См.: там же. С. 37, 38.

всей совокупностью общественных отношений; формальная же, юридическая, сторона этой воли – это результат правотворческой деятельности государства⁴⁶.

Для наиболее полного обоснования своей позиции в гл. II монографии ученый сравнивает государство и право периода феодализма и буржуазного расцвета⁴⁷. Особое внимание при обосновании соотношения буржуазного государства и буржуазного права М.А. Аржанов уделял положениям конституций капиталистических государств. Он полагал, что в современном гражданском праве капиталистических стран существует много таких норм, которые в еще большей степени фальсифицируют те «правовые идеи», которые считаются официальными, государственными идеями, выраженными в конституциях. Например, господствующая «правовая идея» осуждает и запрещает злоупотребления финансовой или промышленной монополии. Между тем, утверждал М.А. Аржанов, гражданское право капиталистических стран подчиняется интересам монополий нередко под видом «борьбы» с ними.

Следует отметить, что в целом книга М.А. Аржанова – это сравнение и буржуазного и социалистического государства и права, демонстрация положительных и отрицательных их сторон. Государство и право, по его мнению, всегда едины по своей классовой природе и целям. Однако это не исключает несоответствий, расхождений и даже противоречий между ними. Такие несоответствия могут быть вызваны неравномерным развитием отдельных сторон государства и права, например, когда организаторская работа государственных учреждений идет впереди нормотворческой деятельности государства, когда законодательство (например, кодификация) в той или иной области не успевает за развитием государства. Такое отставание может быть закономерным (например, относительное отставание законодательства в начальный период возникновения нового государства) или случайным, т.е. зависеть от недостатков, упущений и ошибок в нормотворческой или организаторской работе государственных учреждений. Ученый при этом признает, что такого рода несоответствие проявляется также в социалистическом обществе⁴⁸.

Глава III – «Государство и право в период революций». С точки зрения М.А. Аржанова, вопрос о политической власти и, следовательно, вопрос о государстве является центральным вопросом революции, чего нельзя сказать об искусстве, этике, религии и других элементах надстройки. Особое

⁴⁶ См.: Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. С. 38, 39.

⁴⁷ См.: там же. С. 43.

⁴⁸ См.: там же. С. 144.

внимание ученый уделяет рассмотрению особенностей социалистических революций и их влиянию на право. Социалистическая революция более радикальна по сравнению с иными. Она призвана совершить наиболее глубокие изменения в экономике, политике и культурной жизни общества, и, обладает такими движущими силами, какие революциям иного исторического типа не доступны по их природе⁴⁹.

В гл. III автор продолжил развивать тему убеждения и принуждения. Принудительная сила государства и права, по мнению М.А. Аржанова, исходит от одной классовой сущности. Принудительными, внешне обязательными, правовые нормы становятся благодаря тому, что за ними стоят реальная сила и признание государства. В то же время государством применяются средства убеждения и поощрения. Удельный вес которых неодинаков для разных типов государства и права. Так, для социалистического общества в противоположность эксплуататорским, основным является метод убеждения, а принуждение на базе убеждения имеет вспомогательное значение⁵⁰.

Представляют интерес взгляды ученого на экономическое развитие в контексте государственного и правового воздействия. М.А. Аржанов выявил зависимость экономического развития вследствие воздействия государства и права, которое может быть двойкого рода: либо в направлении, которым идет экономическое развитие, тогда оно его ускоряет, либо оно направлено против экономического развития и препятствует ему. В условиях эксплуататорского общества, утверждал М.А. Аржанов, воздействие государственных и правовых учреждений на экономику неизбежно отражает борьбу классов, которая, как известно, простирается на все области общественной жизни.

Достоинством работы М.А. Аржанова является развитие идей о соотношении государства и права в различные периоды социальной истории, о характере связей государства и права с иными категориями (экономика, мораль, искусство, этика, принуждение и др.). Положения монографии М.А. Аржанова стали частью фундамента формирующейся советской теории государства и права, в основе которой лежала марксистско-ленинская идеология, оказали заметное влияние на развитие научных взглядов советских ученых-юристов.

Заключение

В рамках подготовки к 100-летию Института государства и права РАН и формированию тома, содержащего работы М.А. Аржанова, планируемого

⁴⁹ См.: там же. С. 146–148.

⁵⁰ См.: там же. С. 34.

к изданию Институтом, с позиции оценок дня сегодняшнего, мы неоднократно думали – нужно ли в него включать работы, которые затрагивают вопросы или касаются конкретных имен ученых, получивших далеко несправедливые оценки автора? Однако вряд ли мы имели право на это условно правильное редактирование. История определила уже свои границы понимания истины и продолжает это делать. Нашей задачей было не сладить разыгрывавшиеся драмы, перераставшие в том числе в личностные трагедии, а оставить этот нерв, которым пронизана наша история.

В одной из своих работ М.А. Аржанов пишет о том, что в юридической литературе остаются «неразоблаченными и нераскритикованными вредительские, пашуканиански-стучкианские утверждения о том, что особенностью развития советского права является то, что оно, будучи правом буржуазным, должно поэтому отмирать с момента своего возникновения, что социалистическим право не может стать никогда, ибо социализм и право друг друга исключают, что если советское право и проходит свой путь развития, то это лишь путь отмирания того же буржуазного права...»⁵¹.

М.А. Аржанов стоял на позиции разоблачения контрреволюционных «концепций» пашуканианцев, сосредоточивая свое внимание и подкрепляя свои рассуждения аргументами о социалистическом характере советского права, доказывая, что советское право «уже с момента своего возникновения, социалистическое». И добавляет: «Вредители отрицали такие существенные отрасли советского права, как государственное, административное, колхозное право и др.», тем самым пытались и в этой области «провести свой контрреволюционный тезис о советском праве, как отмирающем, о постепенном свертывании правовой формы и пр.». Он негодует: пашуканианцы прямо отрицали наличие и даже возможность построения социалистической системы права! А потому считал, что задача ликвидации вредительства в этой области – одна из весьма существенных⁵².

Вместе с тем это часть нашей истории. Как отмечал другой авторитетнейший ученый в правоведении М.И. Пискотин, «Октябрьская революция была исторической случайностью, которая дала многое миру и также многое отобрала у нас». Дальнейшее эволюционирование «случайного», увы «наполнило научно-общественную дискуссию рассуждениями о заведомо надуманных идеях, основным доказательным инструментарием в которых были ссылки на непререкаемые авторитеты

⁵¹ Аржанов М.А. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму. С. 125–133.

⁵² См.: там же.

и выдуманные идеи». А многократное повторение указанного уже казалось многим настоящим, сделаво невозможным «лицам, которые их (эти идеи) интерпретируют по-другому, давать самые жесткие оценки, включающие в себя слова “вредительство” и “враждебность”»⁵³.

Смерть помешала М.А. Аржанову довести работу до конца. 22 октября 1960 г. М.А. Аржанова не стало. Он умер в возрасте 58 лет, в полном расцвете сил, которые могли бы быть посвящены науке.

М.А. Аржанов оставил значительное научное наследие, которое является своеобразным юридическим памятником советской эпохи, причем наиболее радикальных ее лет, эпохи бескомпромиссных суждений, основанных на возведенных в абсолютную истину, а потому «непогрешимых» положениях марксистско-ленинской идеологии.

Одной из центральных идей, широко обсуждавшихся в период работы М.А. Аржанова, была идея, связанная с увеличением роли свободы в обществе и отмирании институтов государства и права. М.А. Аржанов с полной уверенностью утверждал: «исходя из марксистского, диалектического детерминизма, воля рабочего класса (определяющая содержание воли всего советского народа и в основном с ней совпадающая) в процессе постепенного перехода к коммунизму становится все более свободной... в смысле более глубокого и успешного учета всем народом осознанной исторической необходимости (свобода – осознанная необходимость), т.е. объективных закономерностей перехода к коммунистическому строю»; «эта воля отражает нашу жизнь, становящуюся все более свободной в смысле господства над природой, отражает во все большей полноте сознательные устремления членов нашего общества к высшей свободе при полном коммунизме». Социалистическое государство и право есть основа для свершения нашим обществом скачка «из царства необходимости в царство свободы»⁵⁴.

Уже впоследствии того, как обозначенная свобода достигнет своего пика, «на высшей фазе коммунизма отпадет надобность в государстве и праве (если не будет капиталистического окружения)». По мере приближения к коммунизму «государство и право будут отражать в себе и закреплять тот факт, что общество становится все более свободным в своих внутренних отношениях, а также и в своем господстве над природой»⁵⁵.

⁵³ Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. С. 39–44.

⁵⁴ Аржанов М.А. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму. С. 125–133.

⁵⁵ Там же.

Почему обращаем внимание на этот фрагмент текста? Он определяет фокус дискуссии: государство и право — суть явления отмирающие; указанная тенденция стала возможна исходя из марксистского, диалектического детерминизма, воспринимаемого как некая данность, не требующая доказательств. Однако, оставаясь глубоким специалистом, М.А. Аржанов ориентирует читателя на сложность процесса и понимание того, что государство и право продолжат играть ведущую роль и продолжать отражать в себе и главное — закреплять процесс общественного развития.

В последних своих работах М.А. Аржанов разрабатывает принципы функционирования права. Идеи ученого весьма актуальны и сегодня. Прежде всего это:

а) некоторые задачи совершенствования законодательства. Под которым «мы разумеем достижение, по существу, и по форме наибольшего соответствия между собой отдельных норм, в частности и особенности, относящихся к одному и тому же предмету правового регулирования. Установление этого соответствия требует систематического взаимного сопоставления норм, что предполагает их расположение в один ряд»⁵⁶.

Под этим подразумевается также идея «“упрощения” и “облегчения” состава норм, устранения повторяющихся, параллельных норм, возможного уменьшения множественности норм, что, бесспорно, имеет важное практическое значение»;

б) содействие кодификации, в смысле «выработки кодексов». Это особо важная задача советского права, в смысле — текущая кодификация законодательного материала, которая «теснейшим образом связана с вопросом о системе права. В целом ряде отраслей права кодексы являются ядром, центром, вокруг которого группируется весь соответствующий нормативный материал».

М.А. Аржанов совершенно четко высказался: зачастую «отрасль права не совпадает с ее кодексом, однако, внутренняя живая связь между ними бесспорна»;

в) «задача облегчения пользования законодательным материалом всеми теми, кто так или иначе со-прикасается с ним — и в процессе подготовки законопроектов и издания таковых, и в административной, судебной и иной практической деятельности. Это должно содействовать правильному и наиболее эффективному применению правовых норм»;

г) указанные задачи «следует рассматривать в свете большой, исторически актуальной

проблемы стабильности, упрочения советской законности»;

д) не менее важна задача теоретического обоснования систематизации правовых норм, «более глубоко, конкретно и убедительно выявить специфическую сущность и особенности» социалистического права и его отраслей, таких как колхозное и трудовое право и др.

Советская наука, «осознав практическую важность работы по систематизации, должна оказать ей всемерное содействие». В этом смысле она действительно оправдывает свое прямое назначение как активный помощник в деле дальнейшего развития и обеспечения расцвета советского права⁵⁷.

Думаем, читатель согласится с тем, что сейчас поднимавшиеся М.А. Аржановым вопросы не просто не решены, а приобретают еще большую остроту. Объем нормативного материала, принимая во внимание число участников нормотворческого процесса, постоянно возрастает. Общества, граждане, правоприменители не имеют практической возможности знакомиться со потоком изменений, наступает отторжение материала, апатия, восприятие нормотворчества как ненужной деятельности.

Особое внимание следует уделять языку нормативного регулирования. Полагаем, читатель согласится с тем, что законодательные акты и подзаконный материал часто бывают перегруженными, язык изложения — искусственно тяжелым.

Процессы, протекающие в нашем государстве в современных условиях, продолжают поднимать многие из тех вопросов, на которые пытались найти ответ наши предшественники. Вновь и вновь возникают дискуссии по действительной роли государства в организации хозяйственной жизни. Следует отметить, что доминирование второго направления привело практически к закрытию целых отраслей экономики государства. В то же время попытки исключительного централизованного регулирования также нарушают баланс и ведут к стагнации общества.

М.А. Аржанов указывал: «Из всего ряда надстроенных явлений выделяются своими особенностями государство и право. Если искусство “показывает”, а наука “доказывает”, то, определяя специфику государства и права, можно сказать, что они “приказывают”»⁵⁸.

«Веления государства и права имеют своей прямой целью непосредственный эффект, результат, выражаемый в действиях, в поступках, которые обязаны совершать члены общества. Хотя нормы права и обращаются к сознанию человека,

⁵⁶ Аржанов М.А. О принципах построения системы советского социалистического права. С. 26–35.

⁵⁷ См.: там же.

⁵⁸ Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. С. 46.

поскольку это волевые действия, они не “регулируют” (это специфическая для государства и права форма воздействия) мысли людей, их переживания, а регулируют поведение и поступки». М.А. Аржанов отдавал себе отчет в том, что не следует противопоставлять государство и право науке, искусству и морали. «Из того, что государство и право “приказывают”, никак не следует, что они не “доказывают”, что они могут игнорировать требования логической и моральной убедительности, что они могут пренебречь средствами “показа”, т.е. эмоционального воздействия». Государство и право существенно отличаются от науки, искусства, морали своим «характером, конкретными задачами и способами своего воздействия на общественную жизнь». Прямое и специальное значение государства и права «в системе всех идеологических форм состоит в том, чтобы особыми методами – властованием, правовым регулированием, организационной деятельностью и пр. – утверждать, охранять, развивать определенные общественные отношения и главным образом экономические отношения, определенный общественный строй и соответствующие ему порядки»⁵⁹.

Работы М.А. Аржанова не только дают богатый материал для осмыслиения противоречивой истории, но и предлагают в целом ряде случаев системный подход к доработке властно-модельных решений. Их восприятие возможно лишь при понимании истории времени написания текстов, в каждом из моментов которого стоял эзистенциональный вызов как для конкретной личности, так и для государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржанов М.А. 65 лет «Критики Готской программы» // Сов. государство и право. 1940. № 5–6. С. 1–10.
2. Аржанов М.А. Вопросы права в «К критике политической экономии» К. Маркса // Сов. государство и право. 1939. № 4. С. 59–63.
3. Аржанов М.А. Вопросы происхождения и развития форм собственности в новой рукописи К. Маркса // Сов. государство и право. 193. № 5. С. 89–96.
4. Аржанов М.А. Гегельянство на службе германского фашизма. М., 1933. С. 10, 11, 20–25.
5. Аржанов М.А. Германский фашизм и вопросы конституции // Сов. государство. 1935. № 3. С. 71–81.
6. Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. М., 1960. С. 16, 17, 34, 37–39, 43, 46, 54–57, 144, 146–148.
7. Аржанов М.А. Государство Лассала и фашизация с.-д. // Сов. государство. 1932. № 5–6. С. 87–101.
8. Аржанов М.А. До теоретико-методологических помилок люксембургианства в национальном питанни (Методо-логия люксембургианства) // Прапор марксизму. 1928. № 4. С. 188–209.
9. Аржанов М.А. К двадцатилетию книги «Государство и революция» // Сов. государство. 1937. № 5. С. 26–43.
10. Аржанов М.А. Конституционные законы фашистских государств // Пропагандист. 1936. № 15. С. 20–29.
11. Аржанов М.А. Конституция дружбы народов // Рабочий депутат. 1936. № 11–12. С. 6–10.
12. Аржанов М.А. Конституция пролетарского интернационализма // Революция и национальности. 1936. № 10. С. 20–28.
13. Аржанов М.А. Ликвидация выборности в фашистских государствах // Пропагандист и агитатор РККА. 1937. № 27.
14. Аржанов М.А. Ликвидация выборов фашизмом // Сов. государство. 1937. № 6. С. 135–149.
15. Аржанов М.А. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Сов. государство и право. 1939. № 2. С. 125–133.
16. Аржанов М.А. О принципах построения системы советского социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.
17. Аржанов М.А. О фашистских конституциях // Сов. государство. 1936. № 4. С. 64–83.
18. Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права. В порядке обсуждения // Сов. государство и право. 1940. № 8–9. С. 12–28.
19. Аржанов М.А. Режим террора и демагогии и его правовое оформление // Вестник Комакадемии. 1934. № 4. С. 3–15.
20. Аржанов М.А. Соотношение государства и права // Сов. государство и право. 1941. № 2. С. 19–37.
21. Аржанов М.А. Теоретические основы люксембургианства в национальном вопросе // Більшовик України. 1928. № 21–22. С. 113–130.
22. За большевистскую критику. 1934. № 3. С. 13, 14.
23. Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Нам – 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/S102694520018751-7
24. Кроткова Н.В. Журналу «Государство и право» – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11–28.
25. Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. С. 39–44.
26. Теория государства и права: учеб. для высш. учеб. заведений / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович; ред. М.П. Карева. М., 1949.
27. Уманский Я. Защита докторских диссертаций в Институте права Академии наук СССР // Сов. государство и право. 1938. № 6. С. 103–118.

REFERENCES

1. Arzhanov M.A. 65 years of “Criticism of the Gothic program” // Soviet State and Law. 1940. No. 5–6. Pp. 1–10 (in Russ.).

⁵⁹ Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. С. 54–57.

2. *Arzhanov M.A.* Questions of law in K. Marx's "Towards a Critique of Political Economy" // Soviet State and Law. 1939. No. 4. Pp. 59–63 (in Russ.).
3. *Arzhanov M.A.* Questions of the origin and development of forms of ownership in the new manuscript of K. Marx // Soviet State and Law. 193. No. 5. Pp. 89–96 (in Russ.).
4. *Arzhanov M.A.* Hegelianism in the service of German fascism. M., 1933. Pp. 10, 11, 20–25 (in Russ.).
5. *Arzhanov M.A.* German fascism and constitutional issues // Soviet State. 1935. No. 3. Pp. 71–81 (in Russ.).
6. *Arzhanov M.A.* State and law in their relation. M., 1960. Pp. 16, 17, 34, 37–39, 43, 46, 54–57, 144, 146–148 (in Russ.).
7. *Arzhanov M.A.* Lassalle's State and fascization of the SD // Soviet State. 1932. No. 5–6. Pp. 87–101 (in Russ.).
8. *Arzhanov M.A.* Before the theoretical and methodological pardons of Luxembourgianism in the national diet (Methodology of Luxembourgianism) // Prapor Marxism. 1928. No. 4. Pp. 188–209 (in Russ.).
9. *Arzhanov M.A.* To the twentieth anniversary of the book "The State and the Revolution" // Soviet State. 1937. No. 5. Pp. 26–43 (in Russ.).
10. *Arzhanov M.A.* Constitutional laws of fascist states // Propagandist. 1936. No. 15. Pp. 20–29 (in Russ.).
11. *Arzhanov M.A.* Constitution of friendship of peoples // Worker's deputy. 1936. No. 11–12. Pp. 6–10 (in Russ.).
12. *Arzhanov M.A.* Constitution of proletarian internationalism // Revolution and nationalities. 1936. No. 10. Pp. 20–28 (in Russ.).
13. *Arzhanov M.A.* Liquidation of electability in fascist states // Propagandist and agitator of the Red Army. 1937. No. 27 (in Russ.).
14. *Arzhanov M.A.* Liquidation of elections by fascism // Soviet State. 1937. No. 6. Pp. 135–149 (in Russ.).
15. *Arzhanov M.A.* Some scientific problems of law during the transition to communism // Soviet State and Law. 1939. No. 2. Pp. 125–133 (in Russ.).
16. *Arzhanov M.A.* On the principles of building a system of Soviet socialist law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. Pp. 26–35 (in Russ.).
17. *Arzhanov M.A.* On fascist constitutions // Soviet State. 1936. No. 4. Pp. 64–83 (in Russ.).
18. *Arzhanov M.A.* The subject and method of legal regulation in connection with the question of the system of Soviet law. In the order of discussion // Soviet State and Law. 1940. No. 8–9. Pp. 12–28 (in Russ.).
19. *Arzhanov M.A.* The regime of terror and demagogic and its legal formalization // Herald of the Comacademy. 1934. No. 4. Pp. 3–15 (in Russ.).
20. *Arzhanov M.A.* The ratio of state and law // Soviet State and Law. 1941. No. 2. Pp. 19–37 (in Russ.).
21. *Arzhanov M.A.* Theoretical foundations of Luxembourgianism in the national question // Bolshevik of Ukraine. 1928. No. 21–22. Pp. 113–130 (in Russ.).
22. For Bolshevik criticism. 1934. No. 3. Pp. 13, 14 (in Russ.).
23. *Kleandrov M.I., Krotkova N.V.* We are 95 years old // State and Law. 2022. No. 2. Pp. 7–27. DOI: 10.31857/S102694520018751-7 (in Russ.).
24. *Krotkova N.V.* State and Law Journal – 85 years old // State and Law. 2012. No. 4. Pp. 11–28 (in Russ.).
25. *Piskotin M.I.* Russia in the XX century: an unfinished tragedy. M., 2001. Pp. 39–44 (in Russ.).
26. Theory of State and law: textbook for higher education institutions / M. A. Arzhanov, S. F. Kecheyan, B. S. Mankovsky, M. S. Strogovich; ed. M. P. Kareva. M., 1949 (in Russ.).
27. *Umansky Ya.* Defense of doctoral dissertations at the Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR // Soviet State and Law. 1938. No. 6. Pp. 103–118 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПЛИГИН Владимир Николаевич –
доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
заведующий сектором
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

КОБЗАР-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PLIGIN Vladimir N. –
Doctor of Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Sector of Administrative Law
and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. –
Doctor of Law, Professor,
Chief Scientist of the Sector Administrative
Law and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

УДК 342



ПРОЕКЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ НА СУВЕРЕННУЮ РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

© 2024 г. Е. В. Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: evsfr@gmail.ru

Поступила в редакцию 14.06.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала когнитивных технологий и их влиянию на трансформацию отечественных историко-правовых ценностей. В качестве задачи исследования определено обозначение необходимости анализа когнитивных технологий как средства влияния на формирующие российскую суверенную государственность общественно-политические взгляды, осознанно искажающих факты историко-правовой реальности.

Исследование суверенной российской государственности – задача, сложность которой предопределена многими факторами. Прежде всего следует отметить, что весьма важно рассматривать ее как систему, состоящую из ряда элементов (государственность, суверенитет и др.). Изучение этой системы предполагает неизбежность ее комплексного междисциплинарного исследования, в котором сложно обойтись без правовых, исторических, философских, политологических, социологических и иных аспектов. Кроме того, анализ всей системы и отдельных ее элементов не предполагает выводов должной степени презентативности без использования сравнительного и ретроспективного методов. Актуальность исследования предопределена трансформациями, происходящими в современной России, обусловленными и внешними факторами, и процессами, меняющими современную политico-правовую реальность, в частности конституционными преобразованиями. Состояние бифуркации системы международного права создает новые смыслы базовых правовых понятий, обусловливающих независимость суверенных государств. Активизировались научные исследования на тему суверенитета и его позиций в условиях глобализации. В статье анализируются механизмы, направленные на формирование искаженных представлений об историко-правовой действительности. Делается вывод, что важно сформировать верифицированные, научно обоснованные подходы к исследованию фактов, имеющих историко-правовое и общественно-политическое значение, основанные на материале, который для доктринальных суждений степени презентативности. Это позволит создать инструменты противостояния когнитивным технологиям трансформации традиционных российских ценностей, применение которых способно влиять на понятия, определяющие правовую природу государственного суверенитета.

Ключевые слова: суверенная государственность, традиционные ценности, когнитивные технологии, трансформация ценностей.

Цитирование: Виноградова Е.В. Проекция когнитивных технологий трансформации ценностей на суверенную российскую государственность // Государство и право. 2024. № 7. С. 40–49.

DOI: 10.31857/S1026945224070034

PROJECTION OF COGNITIVE TECHNOLOGIES OF VALUES TRANSFORMATION ON THE SOVEREIGN RUSSIAN STATEHOOD

© 2024 E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: evsfr@gmail.ru

Received 14.06.2024

Abstract. The article is devoted to the study of the potential of cognitive technologies and their influence on the transformation of domestic historical and legal values. The objective of the study is to identify the need to analyze cognitive technologies as a means of influencing socio-political views that shape Russian sovereign statehood and deliberately distort the facts of historical and legal reality.

The study of sovereign Russian statehood is a task whose complexity is predetermined by many factors. First of all, it should be noted that it is very important to consider it as a system consisting of a number of elements (statehood, sovereignty, etc.). The study of this system presupposes the inevitability of its complex interdisciplinary research, in which it is difficult to do without legal, historical, philosophical, political science, sociological and other aspects. In addition, the analysis of the entire system and its individual elements does not imply conclusions with the proper degree of representativeness without the use of comparative and retrospective methods. The relevance of the study is predetermined by the transformations taking place in modern Russia, caused by both external factors and processes changing the modern political and legal reality, in particular constitutional reforms. The state of bifurcation of the system of international law creates new meanings of basic legal concepts that determine the independence of sovereign states. Scientific research on the topic of sovereignty and its positions in the context of globalization has intensified. The article analyzes the mechanisms aimed at the formation of distorted ideas about historical and legal reality. It is concluded that it is important to form verified, scientifically grounded approaches to the study of facts that have historical, legal, socio-political significance, based on material that is appropriate for doctrinal judgments and the degree of representativeness. This will make it possible to create tools to counter cognitive technologies for transforming traditional Russian values, the use of which can influence the concepts that determine the legal nature of state sovereignty.

Key words: sovereign statehood, traditional values, cognitive technologies, transformation of values.

For citation: Vinogradova, E.V. (2024). Projection of cognitive technologies of values transformation on the sovereign Russian statehood // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 40–49.

Суверенитет – институциональный признак современной государственности. Он признан универсальным принципом международных отношений, обосновывающим право отстаивать национальные интересы и стратегию развития государства. В соответствии с закрепленными Организацией Объединенных Наций положениями суверенитетом обладают все государства. В качестве основополагающего принципа суверенитет установлен в текстах многих международных актов¹. Российская Федерация в соответствии с по-

ложениями норм международного права так же, как и другие суверенные государства, имеет право на независимость и самостоятельность при определении курса своего развития.

Самостоятельность проводимой государством внешней и внутренней политики – формы выражения суверенитета. Независимость в вопросах реализации политических решений, контекстно предопределенная исключительной правосубъектностью государства в вопросах национальной

¹ В частности, он содержится в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 г., Декларации о недопустимости интервенции

и вмешательства в дела государства от 09.12.1981 г., Хартии добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе от 12.02.2000 г. и др.

политики, в последние годы все чаще ставится под сомнение силами, предлагающими дискурс о возможности влияния на самостоятельность государственной политики. Предлагаемые в ходе полемики форматы, ставшие обычными на разных площадках, в том числе в ООН, не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Публично озвученные предложения порождают некую «новую территорию смыслов», не основанную на историко-правовой реальности. Сторонник трансформации международно-правовых основ взаимодействия между государствами на площадке ООН на слушаниях, посвященных проблемам государственного суверенитета, шведский профессор Лундского университета Бертран Рамчаран озвучивает тезис, что «мир радикально меняется, и международное право должно меняться вместе с ним»². Эта идея затем трансформируется в концепции, направленные на коррозию ранее признанных приоритетов и целей, изменение смысла существующих норм. При этом игнорируется мнение государств, участников международных отношений. Опирающиеся на мнение граждан своей страны аргументы политических деятелей, участвующих в этих дискуссиях, остаются без должного внимания.

Приверженность граждан России традиционным подходам в вопросах международных отношений иллюстрируется данными социологических исследований. Начавшийся период «разнотений и умолчаний в мировой политике»³ вызывает у наших соотечественников, атрибутирующих суверенитет России как институциональный признак современной правовой российской государственности, определенную настороженность. Многие россияне (62%, по данным ВЦИОМ) считают, что «деятельность ООН не отвечает интересам России»⁴.

Появившиеся в эпоху глобализации новые взгляды на международные отношения создают состояние, которое политологи определяют как бифуркацию системы международного права⁵. Смысл этого явления состоит в том, что небольшие изменения в параметрах какой-либо системы (исследуемая в этой работе система суверенной

² Рамчаран Б. Новое международное право в области защиты и безопасности // Хроника ООН. 2015. Т. 52. № 4.

³ Выступление В. В. Путина на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2019. 3 окт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719>

⁴ ООН: важнейший международный институт – или до-рогостоящая декорация // ВЦИОМ. 2019. 24 окт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9966>

⁵ См.: Рудакова Е. К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2023.

государственности не исключение) могут привести к кардинальному ее изменению. Вплоть до перехода от стабильного состояния к хаосу (иногда наоборот). В социальных науках бифуркация может описывать моменты, когда общество стоит перед выбором. Важное решение, принятое в конкретный исторический момент, может определить дальнейший путь развития целой страны. Иногда такие решения могут казаться незначительными, но их последствия оказываются глобальными.

Для анализа явления бифуркации весьма важно, что оно может проявляться в самых разных областях – от деликатных процессов в живых организмах до сложных социальных систем. В некоторых случаях это может быть очевидно, как с рекой, разделившейся на два рукава. В политико-правовой реальности для определения точки начала бифуркации потребуются измерение, анализ данных, мониторинг и пр.

Что делает понимание бифуркации особенно важным, это то, что оно позволяет видеть связи между различными явлениями. Кроме того, важно осознавать, что после начала этого процесса вернуть систему в исходное состояние невозможно. Именно поэтому приданье новых смыслов базовым правовым понятиям, как начало бифуркации, полагаем возможным считать частью когнитивных технологий, направленных на разрушение устойчивого понятийного аппарата, определяющего правовую природу тех или иных социально-правовых явлений, формирующих суверенную государственность. Можно предположить, что активизация научных исследований на тему суверенитета и его позиций в условиях глобализации – часть этого процесса. В рамках научного дискурса возникают идеи, с которыми можно согласиться⁶. Некоторые авторы полагают, что «согласие на определенное ограничение, является одним из проявлений государственного суверенитета»⁷. Противники идеи отмирания суверенитета, считают весьма важным не допустить отмены государственного «суверенитета как формальной категории»⁸. Одним из шагов

⁶ См., напр.: Белов П. Г. О критериях оценки и обеспечения государственного суверенитета: материалы Всеросс. науч.-общ. конф. «Проблема суверенности современной России». М., 2014. С. 75–80; Бредихин А. Л. Юридический суверенитет государства: понятие и содержание // Наука. Теория. Практика. 2010. № 1. С. 67; Виноградова Е. В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 66–69; Виноградова Е. В., Захарцев С. И. Суверенитет: государство-личность-государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–164.

⁷ Милушева Т. В., Гадисов С. Р. Суверенитет государства как основной принцип российской Конституции // Правовая культура. 2018. № 4 (35). С. 21–27.

⁸ См., напр.: Бредихин А. Л. Указ. соч. С. 67.

в этом направлении можно считать лоббирование концепции ограниченного суверенитета⁹. В данном контексте признание де-юре независимости государства не исключает модели, при которой для него де-факто ограничивается право на самостоятельность принимаемых решений.

В рамках этого дискурса повышенного внимания заслуживает проблема, связанная с потенциями десуверенизации в мировой политике. Рассматривая суверенитет в аксиологическом аспекте, важно отметить, что именно он в большей степени, чем иные ценности, отражает национальные интересы, которые «всегда являются субъективной картиной мира и ценностной системой, господствующей в данном обществе и государстве»¹⁰.

Воздействие на отражение в политико-правовом пространстве страны системы ценностей происходит с использованием различных механизмов, в том числе когнитивных технологий. В наиболее общем виде это происходит в виде агрессивной трансформации принципов и норм международного права в формате срочного изменения процедур оценок постфактум, толкования, принятия решений, отличающихся от признанных ранее, что можно рассматривать как посягательство на правосубъектность государства. Вряд ли следует считать такие трансформации временными негативными последствиями глобализации и информатизации системы мироустройства, очевидно, их следует оценивать как новые инструменты достижения целей десуверенизации государств. Этим процессам Россия противостоит на протяжении многих лет.

В чем можно видеть перспективы такого противостояния? Прежде всего, суверенность России предопределяется существованием традиций сохранения системы ценностей, своеобразием истории, философии, права.

Стремление закрепить представления о важности сохранения традиционных для российского народа ценностей продиктовано внесением в Конституцию РФ 1993 г. поправок¹¹.

Сложность этого процесса объяснялась многими причинами. Предложение Президента РФ о внесении в Конституцию поправок, озвученное в послании Федеральному Собранию в марте 2020 г., сразу получило поддержку в обществе

⁹ Подробнее см.: Тонконогов А.В. Ограниченный суверенитет Российской Федерации как псевдогосударства? // Закон и право. 2019. № 2. С. 25.

¹⁰ Трухачев В.В. Национальные интересы: теоретические дискурсы проблемы // Вестник РУДН. 2010. № 1. С. 53–65.

¹¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

и вызвало широкий общественный резонанс. Это повлекло формирование процедуры, которая ранее при обсуждении конституционных поправок не применялась. Конституционный Суд РФ выразил свою позицию о конституционности предлагаемых поправок в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3¹². В этом решении высший судебный орган отечественного конституционного контроля установил соответствие положениям Конституции РФ предложенных конституционных преобразований. При этом Конституционный Суд РФ отметил, что дополнительно к положениям гл. 9 Конституции РФ в качестве обязательного условия вступления в силу предлагаемых преобразований Закон о поправке следует вынести на общероссийское голосование, «которое представляет собой форму непосредственного народного волеизъявления»¹³.

Решение о необходимости принятия конституционных поправок 2020 г. всенародным голосованием было усложнено санитарно-эпидемиологической обстановкой в стране. 2020 год стал пиком мировой эпидемии COVID-19 – новой коронавирусной инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2. В условиях необходимости обеспечения инфекционной безопасности принималось решение о переносе первоначально установленных сроков общероссийского голосования.

Вместе с тем при проведении голосования были применены новые методики, которые теперь используются при проведении выборов, – возможность голосования в режиме онлайн и установление для голосования не одного, а нескольких дней.

Конституционными преобразованиями был закреплен приоритет конституционных положений, так как было установлено, что сохранение превалирования положений международного права возможно лишь в случаях, когда они не противоречат Конституции РФ. Казалось бы очевидно, что так и должно быть. Для суверенного государства положения своего Основного закона – это гарантии независимости государственной политики. Однако положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающие приоритет принципов и норм международного права над внутренним законодательством, расположенные в т.н. жесткой части Конституции,

¹² См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениями глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

¹³ См.: там же (п. 2.1 мотивированной части).

не отменены. Парадокс в том, что новые конституционные положения, весьма деликатно закрепляющие суверенность отечественного законодательства, подверглись жесткой критике в общественном дискурсе, настойчиво проповедующем приоритет норм международного права. При том что секретом Полишинеля является факт, что конституции США и ряда других стран не содержат отсылок к нормам международного права, что обуславливает преимущество национальных интересов страны над интересами других государств, международных организаций и пр.

Сегодня для многих очевидно, что конституционные преобразования 2020 года направлены на укрепление конституционных гарантий защиты российской идентичности «с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт»¹⁴. Этоозвучено мнению о необходимости осознания противостояния легализации новых, а подчас и демонтажу ранее созданных концепций, содержащих потенции к профанации важной для любой страны системы сакральных ценностей¹⁵.

Таким образом, один из этапов укрепления независимой государственности – сохранение сакральных ценностей, которые предлагается трансформировать. В этом же ряду призывают переписать историю, отформатировав ее под запросы модных политico-правовых концептов. Искушение написать историю заново, возможно, сделав ее ярче и интереснее, но без опоры на реальные факты, к сожалению, нашло отражение в исследованиях наших соотечественников¹⁶. Поэтому особенно важно сформировать верифицированные, научно обоснованные подходы к исследованию фактов, имеющих историко-правовое и общественно-политическое значение, основанные на материале, который для доктринальных суждений степени препрезентативности. Это позволит сформировать инструменты противостояния когнитивным технологиям трансформации традиционных российских ценностей. Поиск механизмов для такого противодействия лежит в плоскости научного подхода, основанного на историографическом методе развенчания мифов о России, искажающих ее реальный

¹⁴ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

¹⁵ Подробнее см.: Виноградова Е. В. Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент системы сакральных и профанных ценностей // Государство и право. 2023. № 3. С. 24–31.

¹⁶ Подробнее см.: Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Раттум M. B. Российская грань шведского конституционализма. // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 11–34.

позитивный вклад в развитие идей справедливой правовой государственности.

Придавая анализируемым фактам определенное значение, нельзя забывать о том, что их оценка должна происходить с учетом конкретной историко-политической обстановки, т.е. важно исследовать материал в совокупности с происходящими явлениями, оказывающими влияние на решения в это время. Вне контекста реальных событий интерпретация документов может не совпадать с истинными смыслами, определяющими цель принятия того или иного решения. Трудно не согласиться с мнением акад. В.А. Тишкова, утверждающего, что не следует анализировать происходящее ранее с позиций существующего ныне понимания «как если бы людские сообщества постоянно жили по нынешним нормам, имели бы такие же представления о добре и справедливости, моральные и ценностные установки, какие свойственны современному миру»¹⁷. Действительно, интерполируя современные ценностные модели на акты, принятые в иных условиях, можно невольно допустить ошибку в формировании мнения о событии, отдаленном от нас во времени, происходившем в иную историческую эпоху.

Кроме того, следует учитывать и разницу в системе традиционных для России ценностей, имеющих специфику для разных стран. Существует обоснованная точка зрения, что «в строгих заданных рамках определенных западных теорий»¹⁸ оценка событий или документов не всегда может считаться объективной, «поскольку наша реальность не вписывается в эти методологические подходы»¹⁹. Учитывая, что самобытность нашего народа формирует ценности «передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности»²⁰, при этом идентичность «одновременно является категорией научного анализа и категорией практики – частью политической и социальной риторики»²¹.

Оценка событий, даже основанная на анализе реальных источников, должна быть верифицирована, в противном случае создается основа для выводов, не соответствующих исторической правде. Это предопределяет необходимость наряду с анализом

¹⁷ Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 7.

¹⁸ Многоуровневая идентичность / [З. А. Жаде и др.]. М. – Майкоп, 2006. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

²¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 69.

документов, отформатированных с надлежащей степенью научной честности, работы по выявлению речевых и текстовых смыслов, проникающих в правовое пространство из политического дискурса.

Формирование верифицированных научно обоснованных подходов к исследованиям роли России в истории становления современного многополярного мира – задача весьма непростая. Для ее решения необходимы исследования суверенной российской государственности, создание иерархии системы традиционных ценностей, исследования проекций влияния когнитивных технологий трансформации исторических данных и пр. На объективность анализа этих и иных аспектов большое влияние оказывают тенденции, обусловленные политическими мотивами, которые в реалиях сегодняшнего дня создают модели доминирующего подхода, деформирующего отечественные ценности посредством интеграции чуждых для отечественных историко-правовых основ концепций, внедряемых на уровне правовой науки, оказывающих влияние на общественно-политическое сознание.

Международные отношения и национальные интересы должны преломляться через модели эволюции конкретного государства²². Вместе с тем интерпретация оценок событий, атрибутирующих интересы России, в последние годы, как отмечают исследователи²³, все чаще приобретает оттенок презентаций, которые сложно назвать доброжелательными. Оппонируя данным тенденциям, необходимо, основываясь на научных историографических методах, активно противостоять трансформации системы ценностей через понятийно-смысовые подмены.

Латентность когнитивных атак представляет весьма серьезную угрозу суверенитету и безопасности страны. Обладая суверенным правом на собственную модель развития, соответствующую национальным интересам, важно противостоять разрушению традиционных ценностей с использованием когнитивных технологий. Внедрение образовательные стандарты с помощью новых смыслов, искажающих реальность, сформировавшуюся в отечественной системе смыслов сознания суверенной российской идентичности, может привести к распаду структурных поколенческих связей. Если для поколения, у которого эта структура уже сформирована, попытки подобных трансформаций

²² См.: Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политэкс. 2007. Вып. 3. № 3. С. 253–256.

²³ См., напр.: Жуков В.И. Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 335–346; Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / под общ. ред. В.И. Жукова. М., 2010.

вызывают когнитивный диссонанс, то неокрепшая структура системы ценностей детерминирует появление соотечественников с иными взглядами и идеально-ценностными установками. Это приводит к зарождению межпоколенческого конфликта среди граждан одной страны, хаосу и непредсказуемым проявлениям в общественной жизни. Весьма важным видится наличие доктринальных подходов к когнитивным технологиям, в которых должны проводиться междисциплинарные научные исследования, в том числе не в последнюю очередь в рамках общественных наук – истории, философии, права²⁴. Определение и характеристику когнитивных угроз безопасности можно считать новой научной задачей, важность и актуальность которой предопределена тем, что данное направление, за исключением ряда работ, появившихся ранее²⁵, не составляет предмет исследовательского интереса широкого круга отечественных специалистов.

Агрессивное внедрение не имеющих опоры на действительность новых смыслов в юридическую науку трансформирует не только систему, но и структуру ценностей российского общества. Все чаще эти технологии оцениваются как направленные на десуверенизацию, подрывающие безопасность страны, современные методы ведения войны.

Когнитивные технологии деформации суверенных ценностей, появившиеся в исследованиях, курируемых военными ведомствами, переместились в общественное политico-правовое пространство. Они внедряются в социологические, психологические, философские и, к большому сожалению, в правовые дискурсы. Цель их применения – создание устойчивого канала влияния на внедрение в массовое сознание «новых смыслов», искажающих, а затем подменяющих традиционную систему ценностей, определяющую суверенную государственность.

Говоря о когнитивных угрозах, важно отметить, что для общественно-политической «матрицы» большое значение имеют лингвистические технологии, которые конструируются с помощью языковых конструктов. Слово, язык, термин, смысл интерпретируются введением новых научных терминов. Терминологическая дихотомия приводит к размытию терминов через смещение смысловых акцентов. Противостоянию подмене или изменению смыслового содержания в уже существующих терминах и понятиях с целью трансформации

²⁴ Подробнее см.: Виноградова Е.В. Против лома. К вопросу формирования российской правовой идентичности // Право и управление. 2022. № 10. С. 46–49.

²⁵ См., напр.: Смирнова А.Г. Механизмы конструирования угрозы в межгосударственных отношениях: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2013.

их значений необходимо противопоставить нормативно-правовые механизмы в виде закрепления понятий. Именно поэтому весьма важно противостоять создаваемым в научном пространстве других стран доминирующих смыслов, конструирующих новую geopolитическую реальность²⁶. Без трансляции «новых смыслов» в языковую модель суверенного государства отсутствие возможности применения когнитивных технологий в процессе деформации суверенных ценностей очевидно.

На этапе актуализации информационных технологий, влияния на общественное сознание в виде дезинформации, различных фейков создали алгоритмы. В отличие от когнитивных технологий они были рассчитаны на кратковременный эффект. Появление новых когнитивных технологий создает сложно определяемую систему глубокого воздействия на установки, «привязывающие» граждан страны к отечественным ценностям. Это зачастую происходит через профанацию суверенных ценностей. Подрыв социальных норм через презентации моделей поведения в когнитивных технологиях формирует альтернативную парадигму принятым в данном обществе нормам морали и нравственности.

Исследуя когнитивные технологии, Д.Ш. Халидов полагает, что проникновение в сознание «новых смыслов», проходя через этапы – «шок будущего», «стратегия устрашающего хаоса», «метод глубоко проникающего напряжения», «теория управляемого хаоса»²⁷, запускает программу, изменяющую «матрицу» ценностей человека. Весьма иллюстративна его ссылка на американских исследователей, которые отмечают, что «сегодня отклонение от социальных норм и сексуальные извращения стали обычным явлением и не вызывают никакого протеста. Как нация, мы не заметили, что программа “изменение образа человека” коренным образом изменила наш образ жизни»²⁸.

Средства массовой информации в борьбе за приоритеты влияния на сознание людей, по мнению П.Г. Белова, занимают «лидерующие позиции»²⁹. Используя «засекречивание истинных

²⁶ Данная проблема отчасти рассмотрена в работах: *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000; Бурдье П. Начала. М., 1999. С. 25; Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 149.*

²⁷ Халидов Д.Ш. Об информационной войне на Западе и кое-что о geopolитике: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 45.

²⁸ Там же.

²⁹ Белов П.Г. Как оценить и минимизировать вредное влияние российских СМИ: материалы круглого стола

и навязывание ложных видений картины мира, которые и предопределяют состав информационных сообщений»³⁰ когнитивные технологии трансформации традиционных ценностей форматируются в разных видах. Исследователь выделяет «искажение истории»; «опошление верований и идеалов»; «осмение традиций и обычаев»; «подмена общественных доминант»; «вестернизация культуры и ментальности»³¹.

Нельзя не согласиться с мнением, что «зная архетипическую структуру того или иного социума, можно воздействовать на него целевым образом и програмировать его поведение. Цвет, слова-образы, сигналы, различного рода символы – все это может быть применено не для прямой агитации, а в качестве инструментов воздействия на подсознание с заведомо желаемым результатом»³².

Процесс формирования когнитивного воздействия идет через создание представлений, образов, нарративов. На следующем этапе возникает трансформация восприятия информации. Затем она закрепляется в массовом сознании, формируя потребность в легализации в правовом пространстве для закрепления в нормах, предопределяющих правила поведения. В последнее время в российских СМИ можно увидеть примеры манипулирования в пространстве публичного дискурса в направлении подрыва социального единства, доверия к действиям публичной власти.

Отсутствие нормативной базы соответствующего уровня позволяет исследователям утверждать, что «целая пирамида официальных нормативно-правовых документов и построенных на их основе системы госуправления в сфере безопасности»³³ нуждается в надлежащем оформлении.

В российском законодательстве наряду с понятием информационной безопасности необходимо закрепить когнитивную безопасность, которую можно рассматривать как систему противодействия когнитивным технологиям. Определяя

«Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». С. 73–76.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Багдасарян В.Э. Научиться мыслить в парадигме войн нового типа: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». С. 95, 96.

³³ Сулакшин С.С. Информационная война против Российской Федерации: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». С. 6–43.

её цель, можно согласиться, что обеспечение «сохранности и защищенности фундаментальных ценностей (для индивидуального и социального сознания), когнитивных и поведенческих моделей, которые имеют “сберегающее” содержание по отношению к социальной практике, позволяя обеспечить жизнеспособность, “вitalность” как индивида, так и социума...»³⁴, – важная задача государственного значения. Исследователи данной проблематики сходятся во мнении, что противодействие когнитивным угрозам, создающим искажающую мотивацию «поведения и действий»³⁵, трансформирующих суверенные ценности, предполагает создание системы мер государственного реагирования.

Когнитивные технологии подмены основ собственной идентичности в мейдийной риторике оказывают разрушительное влияние на исследовательский научный запрос. В системе общественно-политических знаний эта проблема представляет особую угрозу для создания политico-правовых подходов к процессам государственного управления. Как следствие процессов внедрения когнитивных технологий трансформации в государственно-правовую сферу сегодня можно наблюдать терминологическую неопределенность в документах стратегического планирования. В частности, отсутствует единство в понимании суверенитета, безопасности, идентичности, публичной власти и других важных для определения вектора развития страны понятий. Здесь речь идет не столько о терминологическом единстве, нужно отдать должное и доктрине, и правоприменительной практике, в частности правовыми позициями Конституционного Суда РФ, который на протяжении многих лет заполняет правовые лакуны. Важно закрепление содержания в пространстве смыслов отечественных научных подходов базовых понятий, формирующих российскую суверенную идентичность. Кроме обоснования в концептуально-идеологической сфере необходимо их институциональное и правовое оформление.

В конечном счете эти усилия необходимы для обеспечения безопасного развития современной российской правовой государственности. Это предопределяет необходимость формирования научно-правовой основы противодействия когнитивным технологиям, обладающим разрушительным потенциалом стратегий длительного действия, изменяющим ценностные матрицы. Противостояние должно происходить в «пространстве интеллекта», основанного на установках неприятия без

³⁴ Миронова Н. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление. 2021. № 1 (157). С. 119–125.

³⁵ Сулакшин С.С. Указ. соч. С. 11, 15.

доказательств информации, которая может быть не только ошибочной, но и откровенно ложной. В этом пространстве следует создать фоновое восполнение недостающих знаний истории страны, необходимое для преодоления искаженных небрежным подходом исследователей к имплементации в российское правовое пространство чуждых моделей. Трансляция критического отношения к неверифицированным данным, используемым в формате научного дискурса, вероятно, должна отражать философско-правовое содержание власти сквозь призму социальных конструктов, таких, например как ценности, идентичность, культура.

Рассуждая о сохранении российской суверенной государственности, не следует забывать о том, что попытки искажения традиционных ценностей с использованием когнитивных технологий ни в коем случае нельзя рассматривать как исключительно российскую проблему. Сегодня невозможно назвать ни одной страны в политико-правовом пространстве, которой созданы механизмы, исключающие влияние когнитивных технологий на формирование и оценку событий, происходящих в исторически отдаленном промежутке времени или сейчас.

* * *

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что применение когнитивных технологий, искажающих традиционные для страны ценности, представляет угрозу суверенной государственности. Для снижения потенциальной опасности этого воздействия необходимо объединение усилий. При этом призыв международного сообщества к диалогу по вопросам ценностей, формирующих суверенную государственность, должен быть основан на научных методах, отражающих объективную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян В. Э. Научиться мыслить в парадигме войн нового типа: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 95, 96.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000.
3. Белов П. Г. Как оценить и минимизировать вредное влияние российских СМИ: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 73–76.
4. Белов П. Г. О критериях оценки и обеспечения государственного суверенитета: материалы Всеросс. на-

- уч.-общ. конф. «Проблема суверенности современной России». М., 2014. С. 75–80.
5. *Бредихин А.Л.* Юридический суверенитет государства: понятие и содержание // Наука. Теория. Практика. 2010. № 1. С. 67.
 6. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012. С. 69.
 7. *Бурдье П.* Начала. М., 1999. С. 25.
 8. *Виноградова Е. В.* Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент системы сакральных и профанных ценностей // Государство и право. 2023. № 3. С. 24–31.
 9. *Виноградова Е. В.* Против лома. К вопросу формирования российской правовой идентичности // Право и управление. 2022. № 10. С. 46–49.
 10. *Виноградова Е. В.* Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер международного давления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 66–69.
 11. *Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Рамтур М. В.* Российская грань шведского конституционализма. // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 11–34.
 12. *Виноградова Е. В., Захарцев С. И.* Суверенитет: государство-личность-государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–164.
 13. *Жуков В. И.* Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 335–346.
 14. *Киселев И. Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политэкс. 2007. Вып. 3. № 3. С. 253–256.
 15. *Милушева Т. В., Гадисов С. Р.* Суверенитет государства как основной принцип российской Конституции // Правовая культура. 2018. № 4 (35). С. 21–27.
 16. *Миронова Н.* О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление. 2021. № 1 (157). С. 119–125.
 17. Многоуровневая идентичность / [З. А. Жаде и др.]. М. – Майкоп, 2006. С. 8, 9.
 18. *Рамчаран Б.* Новое международное право в области защиты и безопасности // Хроника ООН. 2015. Т. 52. № 4.
 19. *Рудакова Е. К.* Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2023.
 20. *Смирнова А. Г.* Механизмы конструирования угрозы в международных отношениях: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2013.
 21. Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / под общ. ред. В. И. Жукова. М., 2010.
 22. *Сулакшин С. С.* Информационная война против Российской Федерации: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 6–43.
 23. *Тишков В. А.* Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 7.
 24. *Тонконогов А. В.* Ограниченный суверенитет Российской Федерации как псевдогосударства? // Закон и право. 2019. № 2. С. 25.
 25. *Трухачев В. В.* Национальные интересы: теоретические дискурсы проблемы // Вестник РУДН. 2010. № 1. С. 53–65.
 26. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 149.
 27. *Халидов Д. Ш.* Об информационной войне на Западе и кое-что о geopolитике: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 45.

REFERENCES

1. *Baghdasaryan V. E.* Learning to think in the paradigm of a new type of war: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. М., 2011. Pp. 95, 96 (in Russ.).
2. *Beck U.* Risk society. On the way to another modern / transl. from German by V. Sedelnik and N. Fedorova; afterword by A. Filippov. М., 2000 (in Russ.).
3. *Belov P. G.* How to assess and minimize the harmful influence of the Russian media: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. М., 2011. Pp. 73–76 (in Russ.).
4. *Belov P. G.* On criteria for assessing and ensuring state sovereignty: materials of the All-Russian Scientific.-total. Conf. “The problem of sovereignty of modern Russia”. М., 2014. Pp. 75–80 (in Russ.).
5. *Bredikhin A. L.* Legal sovereignty of the state: concept and content // Science. Theory. Practice. 2010. No. 1. P. 67 (in Russ.).
6. *Brubaker R.* Ethnicity without groups. М., 2012. P. 69 (in Russ.).
7. *Bourdieu P.* The Beginning. М., 1999. P. 25 (in Russ.).
8. *Vinogradova E. V.* New ideas of domestic constitutionalism. Law as an element of the system of sacred and profane values // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 24–31 (in Russ.).
9. *Vinogradova E. V.* Against scrap. On the issue of the formation of the Russian legal identity // Law and management. 2022. No. 10. Pp. 46–49 (in Russ.).
10. *Vinogradova E. V.* Retorsions, reprisals and sanctions. The counterforce of State sovereignty and interstate pressure measures // Law and the State: Theory and Practice. 2022. No. 9. Pp. 66–69 (in Russ.).
11. *Vinogradova E. V., Danilevskaya I. L., Rattur M. V.* The Russian facet of Swedish constitutionalism. // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 5. Pp. 11–34 (in Russ.).
12. *Vinogradova E. V., Zakhartsev S. I.* Sovereignty: state-personality-state // Legal policy and legal life. 2021. No. 1. Pp. 156–164 (in Russ.).

13. *Zhukov V.I.* Sovereignty of Russia: national interests, demographic threats and challenges // Herald of the RUDN. Ser.: Economics. 2018. Vol. 26. No. 3. Pp. 335–346 (in Russ.).
14. *Kiselyov I. Yu.* The problem of the image of the state in international relations: a constructivist paradigm // Politex. 2007. Iss. 3. No. 3. Pp. 253–256 (in Russ.).
15. *Milusheva T.V., Gadisov S.R.* The sovereignty of the state as the basic principle of the Russian Constitution // Legal culture. 2018. No. 4 (35). Pp. 21–27 (in Russ.).
16. *Mironova N.* On the problem of ensuring cognitive security // Economics and management. 2021. No. 1 (157). Pp. 119–125 (in Russ.).
17. Multilevel identity / [Z.A. Zhade et al.]. M. – Maikop, 2006. Pp. 8, 9 (in Russ.).
18. *Ramcharan B.* New International Law in the field of protection and security // Chronicle of the United Nations. 2015. Vol. 52. No. 4 (in Russ.).
19. *Rudakova E.K.* Ensuring the demographic security of Russia in the context of cognitive threats: dis. ... Doctor of Political Science. N. Novgorod, 2023 (in Russ.).
20. *Smirnova A.G.* Mechanisms of threat construction in interstate relations: abstract ... Doctor of Social Sciences. SPb., 2013 (in Russ.).
21. Social changes in Russian society in the context of the global crisis / ed. by V.I. Zhukov. M., 2010 (in Russ.).
22. *Sulakshin S.S.* Information war against the Russian Federation: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. M., 2011. Pp. 6–43 (in Russ.).
23. *Tishkov V.A.* Historical culture and identity // Ural Historical Herald. 2011. No. 2 (31). P. 7 (in Russ.).
24. *Tonkonogov A.V.* Limited sovereignty of the Russian Federation as a pseudo-state? // Law and Law. 2019. No. 2. P. 25 (in Russ.).
25. *Trukhachev V.V.* National interests: theoretical discourse of the problem // Herald of the RUDN. 2010. No. 1. Pp. 53–65 (in Russ.).
26. *Foucault M.* The will to truth. Beyond knowledge, power and sexuality. M., 1996. P. 149 (in Russ.).
27. *Khalidov D. Sh.* About the information war in the West and something about geopolitics: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. M., 2011. P. 45 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна –
доктор юридических наук, профессор,
и.о. первого заместителя директора,
главный научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. –
Doctor of Law, Professor,
Acting First Deputy Director, Chief Researcher,
Sector of Constitutional Law
and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia



ГЛОБАЛИЗМ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПАРАДИГМЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

© 2024 г. В. И. Жуков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: academic.zhukov@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.07.2024 г.

Аннотация. В статье раскрывается роль концепции глобализма в теории познания и системе международных взаимоотношений, обосновываются принципиальные отличия глобальных процессов от цивилизационных. Предпринимается попытка проследить процесс зарождения и развития цивилизационных идей и практику их воплощения в реальные формы. Особое внимание уделяется историко-правовому освящению цивилизационных процессов и последствиям глобализации. По всем дискуссионным вопросам излагается авторская позиция.

Ключевые слова: глобализм, глобалистика, цивилизация, цивилизационное пространство, государственный суверенитет, национальная идентичность.

Цитирование: Жуков В.И. Глобализм и цивилизация в парадигме философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 50–63.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224070047

GLOBALISM AND CIVILIZATION IN THE PARADIGM PHILOSOPHY OF LAW

© 2024 V. I. Zhukov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: academic.zhukov@yandex.ru

Received 19.07.2024

Abstract. The article reveals the role of the concept of globalism in the theory of knowledge and the system of international relations, substantiates the fundamental differences between global processes and civilizational ones. An attempt is made to trace the process of the origin and development of civilizational ideas and the practice of their embodiment in real forms. Special attention is paid to the historical and legal sanctification of civilizational processes and the consequences of globalization. The author's position is stated on all debatable issues.

Key words: globalism, globalization, civilization, civilizational space, state sovereignty, national identity.

For citation: Zhukov, V.I. (2024). Globalism and civilization in the paradigm Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 50–63.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Признаки кардинального изменения мирового правопорядка стали проявляться уже к концу XX столетия, когда началась ревизия существовавших политических, философских, правовых и иных доктрин. К началу XXI в. глобализм, на котором стоял однополюсный мир, стал утрачивать свою привлекательность у всех, кто относился к нему как к фундаментальной и устремленной в вечность доктрине.

Глобализм – это не этап в развитии мировой цивилизации, а агрессивная неоколониальная политика, рассчитанная на построение мира с одним центром силы. Иными словами, глобализм – это идеология однополюсного мироустройства.

К восприятию глобализма как феномена цивилизационного порядка проявили интерес лишь либеральные, конъюнктурно сообразительные ученые. То, что среди них оказались люди эрудированные и талантливые, удивления не вызывает: они всегда были и всегда будут. Важно своевременно реагировать на фальсификацию научных знаний и выполнять своюственную академической науке просветительскую миссию. На ряду с исследовательской и на ее основе.

I

Первые и наиболее чувствительные удары по глобализму нанесли нормы международного права и права человека, т.е. те области знаний, с которыми глобализм, как надеялся его идеологи, расправился.

Глобализм отступает, но оставляет после себя колоссальные глобальные проблемы, часть которых не имеет дипломатического решения и не подчиняется силе международных организаций для гармонизации цивилизационных противоречий¹. Столетие господства «глобальной цивилизации», вопреки прогнозам его теоретиков², в XXI в. не наступило. Ожидания оказались завышенными, а «человечество, став целостным организмом в масштабах планеты» свое единство не осознало и не консолидировало свою деятельность для достижения единства «перед лицом многочисленных угроз глобального характера, перед необходимостью решать сложнейшие задания выживания, освоения

¹ См. подр.: Жуков В. И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена: в 2 т. М., 2022. Т. 2. С. 377–476.

² См.: Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 8.

космоса и т.п., где потребуется объединение усилий и ресурсов всего мирового сообщества, слаженность действий и взаимопонимание»³.

Книжные полки магазинов и книгохранилищ библиотек буквально завалены литературой, в названии которой как мантра звучит слово «глобализация», но идеи, производные от этого термина, приобрели свою противоположность: однополюсный мир как оплот глобализма разваливается; гибнущий миропорядок ввергает страны в кровопролитные конфликты, от которых страдает значительная часть населения. Но обстановка накаляется, и все земные цивилизации по вине дикого глобализма стремительно продвигаются к последней в своей истории мировой войне. Путь от злоупотребления термином до реализации заложенного в нем взрывного потенциала глобальный либерализм прошел быстрее, чем социалистическая романтика, и принес гораздо большие беды, чем социалистические эксперименты.

А. Н. Чумаков правильно пишет: «Современные глобальные тенденции таковы, что ситуация день ото дня становится все более сложной и нет оснований полагать, что в обозримой перспективе она станет ослабевать»⁴. Справедливы и его наблюдения в отношении того, что «огромный разрыв в социально-экономическом развитии между наиболее богатыми и наиболее бедными» продолжает нарастать; «угроза военных конфликтов и загрязнения окружающей среды» не устранена; потребление «невозобновляемых энергетических и сырьевых ресурсов» увеличивается⁵. А. Н. Чумаков заметил и появление новых, никогда прежде не ведомых болезней, что в совокупности, по его мнению, обостряет противоречия глобальной цивилизации.

Из всего сказанного А. Н. Чумаковым не вытекает, что перечисленные проблемы не порождены глобализмом. В силу этого надежд на то, что с глобализмом можно связывать их решения, представляет собой иллюзию: отступая, глобализм будет ужесточать и углублять противоречия, трансформировать их в силовые способы решения проблем.

К сожалению, многие идеологи глобализма, выразили сожаление по поводу того, что реализация политики

³ Там же.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ См.: там же.

глобализма принесла огорчение. Это объясняется тем, что в цели глобализма входило не устранение пороков цивилизационного развития, а достижение именно этих результатов, т.е. проблем и бедствий.

Например, в литературе, посвященной анализу глобальных проблем, много внимания уделяется проблемам демографического развития. При этом сокращение численности населения у глобалистов не вызывает осуждения. Эти процессы вписываются в либеральную доктрину сознательного снижения численности населения за счет сокращения естественно прироста, не эффективной системы здравоохранения, низкого уровня и качества жизни значительной части населения всех континентов.

Объективно фиксируя многие негативные процессы, порожденные глобализмом, некоторые авторы утверждают, что глобализм развивается по нарастающей траектории⁶.

Глобализация как политика англосаксонского центризма принесла народам не высокую культуру, а разрушение международной консолидации и цивилизационного прогресса. С этой точки зрения глобализм и цивилизация концептуально не дополняют друг друга, в связи с чем нельзя воспринять как заслуживающий поддержки основной тезис одной из работ А.Н. Чумакова, который он сформулировал так: «В результате развития и совершенствования культуры, зародившиеся с появлением первых людей, на определенном историческом этапе... возникли и стали совершенствоваться цивилизационные связи, породившие отдельные очаги цивилизации; цивилизационное развитие изначально способствовало унификации общественной жизни и привело к середине второго тысячелетия... к началу реальной глобализации, которая в последнее столетие переросла в глобализацию многоаспектную, обусловив свою очередь формирование мирового сообщества и появление во второй половине XX в. глобальных проблем человечества»⁷.

Вопреки заключениям А.Н. Чумакова либеральная политика глобального центризма не превратилась в созидательный этап цивилизационного развития. Более того, она отвергнута стремительно развивающимися государствами, избравшими курс на установление многополярного мира и цивилизованного международного взаимодействия.

Тем не менее глобализм не сдал свои позиции, и по этой причине в мире льется кровь. Противодействовать этому можно, уяснив смысл одного из утверждений Р. Декарта: «Определите значение слов и вы избавите человечество от половины его заблуждений»⁸. Если смысл политики глобализма как теоретической основы диктатуры и всевластия США будет осознан, то избавиться от второй половины заблуждений можно будет через усиление цивилизационной составляющей прогресса, где утверждается не диктат силы, а господство права.

С философской точки зрения глобализация – это процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в разных сферах общественной жизни. «Глобализация, – как полагают видные философы, – выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе замкнутостью глобального пространства, единственным мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными

коммуникациями и т.п., и которая в таком качестве никем не может быть проигнорирована»⁹.

Если эту философскую доктрину переложить на язык международного права, то читатель получит юридическую формулу правового оформления неоколониального устройства мирового порядка с одним единственным центром силы. В рамках философии права речь идет о теоретической основе оформления однополюсного мира и закрепления в качестве такого полюса диктатуры одной страны, которая может прикрываться бугафорными с точки зрения реальных полномочий международными объединениями (Евросоюз, Всемирная организация здравоохранения и т.д.).

Нельзя признать корректным и формулировку глобализма как явления, характеризующего целостность мира, «когда глобальная компонента становится доминирующей»¹⁰. В парадигме философии и, может быть, политологии глобализм может рассматриваться как «тип сознания, способ видения окружающего мира»¹¹. С точки зрения права – это установление диктата одного центра силы с подчинением ему мироустройства как в масштабах цивилизации, так и в рамках одного отдельно взятого государства.

Нельзя не обратить внимание и на понимание сущности такого понятия, как «глобалистика». В представлении философов это междисциплинарная область научного знания, образованная на «стыке философии, естественных, технических и гуманитарных наук, а также совокупность практических действий... ориентированных на анализ и разрешение противоречий общечеловеческого характера»¹². С точки зрения права, в том числе философии права, глобалистика – это не междисциплинарная наука, а реальная политика установления однополюсного миропорядка. С использованием таких инструментов, как международное право, экономическое и внешнеэкономическое давление, военный диктат и принуждение к подчинению всех стран любыми мерами, включая военную силу. То есть в формате философии права глобализм – агрессивная политика возрождения неоколониализма с одной метрополией в лице США.

Определив среди глобальных проблем «осуществление контроля над демографическими процессами»¹³, А.Н. Чумаков примкнул к тем, кто демографические проблемы сводит к поиску эффективных мер сокращения численности населения мира. Между тем такую позицию не разделяет Россия, не стремится к сокращению численности США, Польша и другие страны. И если для России большая семья и увеличение численности населения есть отражение борьбы за сохранение и укрепление демографического суверенитета, то для других стран это либо способ осуществления агрессивных планов путем увеличения численности вооруженных сил, либо создание благоприятных демографических условий для сохранения привилегированного положения «золотого миллиарда». Хотя уже сейчас понятно, что «белый» по своим этническим признакам «золотой миллиард» становится разноцветным, а «белое» население как США, так и большинства европейских государств в расовом отношении скоро превратится в «национальное меньшинство». Белый человек свое положение глобального

⁶ См.: Чумаков А.Н. Указ. соч. С. 12.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Цит. по: там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 31.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 34.

властелина мира не сохранит: если в семьях мигрантов женщины рожают по пять и большее количество детей, а европейцы поощряют однополые браки, модернизируют и масштабируют искусственное прерывание беременности, используя все более совершенные и «безболезненные» способы, то не за горами то время, когда столицами арабского мира будут не африканские или азиатские города.

II

Стали появляться государства, которые приобрели все признаки мировых держав, не разделяющих идеологию и практику однополюсного миропорядка. КНР, Индия, Россия, Иран, Турция, ряд других государств возродились как великие цивилизации и перестали скрывать свои претензии на многополюсную конфигурацию земной цивилизации.

В противовес этому США, недавний единственный глобальный гегемон, неожиданно для себя лишился внутренней социально-политической и этнической гармонии, погряз в противостоянии лидеров собственных политических партий. Цивилизованная политическая борьба между демократами и республиканцами ушла в прошлое. Более того, напряжение возникает в области государственного строительства, когда отдельные штаты проводят политику, не соответствующую установкам федерального центра. Последний пример такого порядка – противостояние между штатом Техас, поддержаным по вопросам миграционной политики 25 другими штатами, и федеральным центром. Америка разделилась на две равные по численности, но противостоящие по ряду вопросов друг другу части. Авторитет США оказался подорванным теми поражениями, которые США потерпели в Сирии, Ираке, Афганистане, сдали свои позиции в ими же развязанном конфликте на территории Украины.

Важно подчеркнуть и другое: история США – это история становления и развития государства. Все признаки государственности, в том числе суверенитет, они обрели, но цивилизацией США никогда не были и не станут. Кроме того, США не обладают потенциалом, способным реализоваться в цивилизационное пространство, в рамках которого они бы выделялись своей привлекательной культурой, нравами, бытом и т.д.

Не так давно отечественные социологи, историки, археологи и их коллеги, прежде всего философы, объявляли цивилизационные взгляды антинаучными, а истинной наукой признавали только глобалистику¹⁴.

В российскую философию проникал постмодернизм. Движимые стремлением отречься от идеологизированной марксистско-ленинской теории социально-экономических формаций, руководители академических институтов и школ спешили доказать свою непричастность к тоталитарным концепциям, идеология которых совсем недавно они были. Например, А.Я. Гуревич преподносит теорию цивилизаций как реликт эпохи социологизации науки, который, якобы, преодолела «новая историческая наука»¹⁵. Такое утверждение не делает чести современной исторической публицистике.

¹⁴ См.: Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М., 2007. С. 7.

¹⁵ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 66, 125, 238, 254.

Понятия «нация», «этнос», «цивилизация», по мнению Б. Андерсона, уходят на периферию сознания историка¹⁶. Национализм действительно порождает страх, но наивно полагать, что к этому нарастающему явлению ведет теория цивилизационного развития и перечисленные Б. Андерсоном термины.

Вторая причина отторжения цивилизационных моделей социального прогресса – опасения современных экологов по поводу того, что развитие цивилизационных моделей окажет сдерживающее влияние на все еще модную европейскую религию – мультикультурализм.

Так, надуманная идеология «нового расизма» и противостоящая ей концепция мультикультурализма объединились в борьбе с цивилизационными подходами к объяснению типов государств и форм общественного развития. Тот факт, что расизм – новый или старый – в разное время был государственной идеологией, а национализм известен как инструмент этно-националистического диктата и даже геноцида, не мешают им оставаться составными частями цивилизационного процесса.

Оппоненты реальной всемирной истории вынуждены это замечать. Например, в США преподается курс «Американская цивилизация», в рамках которого никто не замирает ни от стыда, ни от ужаса, когда речь ведется (если ведется) об истреблении коренного населения американского континента. Никто из преподавателей ни рассказывает, сколько белые колонизаторы платили за скальп взрослого индейца, а сколько – за скальп ребенка.

Никто не станет отрицать, что в мире существует множество историй, однако все они объединяются единственным накопленным человеческим опытом. И у этого опыта есть начало, есть потери, но есть и одно общее достояние: цивилизация, историческая единица, которая, в отличие от правил арифметики, от деления не уменьшается, поскольку каждая цивилизация и их совокупность в процессе развития приумножаются прогрессивными достижениями за счет взаимодействия, влияния, использования опыта.

Безусловно, многообразие цивилизаций можно представить в виде «раздробленной истории», однако всерьез такой взгляд на феномен цивилизации повлиять не может, поскольку эта «раздробленность» – не реальная, а текстовая, лингвистическая, обладающая публицистической вероятностью, а не историко-правовой достоверностью.

Исторический процесс наполнен противоречиями, противоборством, войнами (локальными и глобальными), но при этом сохраняется совокупный исторический опыт как цивилизационное достояние населения всех континентов. Цивилизация – это мир сложных, неравновесных, не всегда полноценных и не равноправных структур, но в целом – это синергетика, существующая не только как философская категория, но и как реальность, отличающаяся правовым регулированием взаимодействия всех структур.

Цивилизационное восприятие мира становится познавательной базой формирования сознания и вытесняет глобалистское мышление, стремящееся не к гармонизации отношений человека со своей историей, средой обитания и коммуникацией с себе подобными, а к установлению господства, силового превосходства. Такого рода состязание

¹⁶ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

позволяет заключить, что глобализм – это «прыжки в длину и в высоту», а не разумеренный бег на длинную дистанцию.

На гражданском уровне современное историческое сознание формируется без опоры на восприятие всемирной истории на базе достоверного знания, этапов и содержания самого процесса развития. Д. Свифт был прав: из ста кроликов нельзя сделать одну лошадь. Но есть мыслители, которые пытаются слепить однородную цивилизацию из бесчисленного множества обособленных национальных различий, несомнимых обычаев, языков, культур. Понятно, что они никогда не достигнут поставленных целей.

Безусловно, как и любая идеология цивилизационное сознание несет в себе определенные опасности для познания генезиса развития человечества. В определенных случаях оно способно: деформировать образ прошлого как в плане идеализации символов, так и в варианте очернения, искажения пройденного пути; абсолютизировать национальное и минимизировать достижения других наций и народностей; породить эгоистические цивилизационные парадигмы, устроить своего рода гонки памяти в поисках необоснованных приоритетов в происхождении, уровне, масштабах, степени совершенства, в развитии материальной и духовной культуры; разрушить историческую память и исказить достоверную картину зарождения и развития цивилизаций, составить ложное представление о характере взаимодействия соседних (параллельных) цивилизаций; абсолютизировать тот или иной образ локальной цивилизации и фальсифицировать восприятие общей для человечества картины мира.

Согласиться с тем, что «макроисторические... цивилизационные концепции» переживают кризис¹⁷, довольно сложно: кризис переживают ученые, исчерпавшие возможности удовлетворять познавательные потребности читателей и не сумевшие проникнуть вглубь веков, не удаляясь в прошлое, расположенные за барьером IX в. Добившись сноса памятников одним историческим личностям и заставив власть заменить их другими, они ушли из области фундаментальных историко-правовых и философских исследований в сферу противоречивого описания локально-региональных исторических тем.

В отличие от историков палеогеологи, палеоантропологи, генетики, палеоклиматологи и представители других научных направлений не перестают удивлять мир все новыми и новыми открытиями. С этой точки зрения нельзя согласиться с утверждением о том, что «истоки теории цивилизации анализировались начиная с XVI в.»¹⁸.

Первые исследования, концептуально и системно освещающие совокупную деятельность историков, философов, социологов и других ученых, посвященных феномену цивилизации, принадлежат В.М. Хачатуряну, Б.С. Ерасову, И.Б. Орловой, О.А. Сергеевой, К.К. Токаревой, ряду других ученых¹⁹, среди которых выделяется фундаментальное научное исследование И.Н. Ионова «Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия».

Изучение процессов становления и развития славяно-русской цивилизации является главным из оставшихся ресурсов изучения истории государства и права,

философского осмыслиения феномена самоидентификации не личности, а этноса. Для русского ученого цивилизация – это не ушедший в прошлое миф, а стержень познания таких процессов развития мировоззрения и правосознания, который дополняет формационный подход методологией государства-воведения, воспроизводит истоки исторического бытия. Цивилизация не начинается с письменности: начиная с этого времени проблемы цивилизации легче воспроизводить, но только по этой причине считать письменность первым признаком зарождения цивилизации было бы существенным упрощением аналитической, профессиональной деятельности ученого.

И.Н. Ионов пришел к верному выводу: «цивилизационные представления и теории, хотя и утратили свой высокий авторитет для отечественной социально-исторической науки, тем не менее они сохраняют познавательный потенциал и являются актуальным (и даже все более интригующим) объектом исторического исследования»²⁰. При этом, по его мнению, они особенно актуальны для России, Японии, Индии, т.е. стран, «где цивилизационные представления активно используются для самоидентификации и являются ресурсом развития научного знания»²¹. Это утверждение не вызывает возражений.

Трудно согласиться не с этим заключением И.Н. Ионова, а с теми ограничениями и оговорками, с которыми он подходит к одному из своих ключевых выводов. Во-первых, цивилизационная теория, если мы говорим о фундаментальной теории, а не о методах исследования, не может служить инструментом исторического познания²². Во-вторых, для всех стран, а не только для России, Японии и Индии, исследования цивилизационного плана актуальны для поиска «своего» места в истории стран мира: известные и описанные цивилизации – это слагаемые глобального цивилизационного развития, в котором одна цивилизация не важнее другой. Локальные цивилизации – не хуже и не лучше, они – разные. Но взятые в совокупности, они характеризуют одну цивилизацию, а именно ту, которая создана людьми, населяющими планету Земля.

С этой точки зрения важно заметить, что славяно-русской цивилизации повезло меньше других: даже в самых квалифицированных историографических обзорах о ней не упоминается. В частности, термин «славяно-русская цивилизация» не встречается в исследованиях, которые посвящены выяснению роли России в развитии мировой цивилизации²³.

Поскольку на ранних стадиях становления цивилизации ее трудно рассмотреть как бы «изнутри», на помощь исследователю приходят знания, накопленные смежными с историей государства и права, науками: палеоархеологией, палеогеографией, генетикой, палеоэтнографией и т.д. Определенное значение имеет и горизонт личных возможностей исследователя как ученого, имеющего и свои философские предпочтения, и собственное историческое воображение, и укоренившиеся в сознании предрассудки, и даже сформировавшиеся представления о личной самоидентификации.

²⁰ Ионов И.Н. Указ. соч. С. 32.

²¹ Там же. С. 33.

²² См.: там же. С. 34.

²³ См.: Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1992; Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994; Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьбы России (Опыт метаисторического исследования): в 4 ч. М., 2002; Орлова И.Б. Указ. соч.; и др.

¹⁷ См.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ См.: Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002; Ерасов Б.С. Цивилизация. Университет и современность. М., 2002; Орлова И.Б. Современная цивилизация и Россия. М., 2000; Сергеева О.А. Становление цивилизационной концепции. М., 2000.

Образ цивилизации формируется путем проникновения теоретического воображения вглубь веков, а та или иная парадигма есть слагаемое из совокупности исторических гипотез, философского осмыслиения археологических артефактов и письменных источников, дополненных использованием результатов, полученных другими науками, прежде всего имеющими приставку «палео». Вообразить прошлое и отразить его в научных терминах, используемых для построения модели цивилизации, гораздо труднее, чем предсказать экономические, биомедицинские, климатические и другие явления.

Сама тема привлекает, но реальное «путешествие» вглубь веков можно осуществить лишь при помощи теоретической «машины времени». В описании цивилизации одинаково важны как историко-философское воображение, так и обширные научные познания. В этой сфере научной деятельности есть множество гипотез, но нет аксиом. Все необходимо доказывать. Словом, для воссоздания ранних этапов становления цивилизаций, в том числе российской, необходимо признать, что она существует и может быть описана в терминах, характерных для античной, египетской, китайской и любой иной цивилизации; опираться не на версии и политические доктрины, а реальную, достоверно изложенную историю государства как до появления письменности, так и позже; провести самоидентификацию на личностном уровне и составить максимально точную картину этнонационального состава населения на базе «зачисления» себя в цивилизационную российскую историю либо иную этническую культуру.

Цивилизационная самоидентификация, как об этом верно заметил И. Н. Ионов, наиболее далека от научного знания²⁴, но именно она позволяет судить, насколько близка та или иная социально-культурно-этническая форма цивилизации главному действующему субъекту общества – Человеку. Например, русскими считали себя датчанин по происхождению В. И. Даль, потомок Ганнибала А. С. Пушкин, грузин И. В. Сталин, немка Екатерина II, украинец Т. Шевченко, грузин князь П. И. Багратион, мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен и И. Ф. Крузенштерн и тысячи других представителей русской цивилизации. Несмотря на свое происхождение, все они считали себя не безликими европейцами, а русскими. Уже в наши дни журналист и ведущий В. Р. Соловьев говорит: «Я русский человек еврейского происхождения»²⁵.

Проблема самоидентификации исторической памяти остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных в теории познания. Это и понятно: политики используют теорию локальных цивилизаций для обоснования претензий на мировое господство и, абсолютизируя естественные различия народов по верованиям, форме черепа, цвету кожи и так далее, уже развязали не одну войну, а вражду превратили в привычное состояние отношений между странами.

Этому в значительной степени способствует та часть философии и истории, которая не осмысливает логику исторического процесса, а подменяет конкретные исторические события и социальные явления абстрактными предположениями и версиями. Добывание знания уходит на второй план, а на первом господствуют версии (типа сталинизм равен гитлеризму, нацизм – большевизму и т.п.).

²⁴ См.: Ионов И. Н. Указ. соч. С. 37.

²⁵ Телепередача «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 20.10.2023, 00 ч. 05 мин.

Это делает описание мира на базе единых критериев и оценок невозможным, история приобретает националистический или шовинистический характер и становится исторической политикой. Такая политика курируется определенными политическими силами, а всемирная история подгоняется под внутреннюю и внешнюю политику, что сейчас особенно характерно для Польши, Украины, США и других стран.

Важно добиться того, чтобы собственную историю отечественные ученые анализировали и воссоздавали по правилам научного поиска, а не по нормам политического заказа, особенно иностранного, как это было с учебниками по истории России, написанными по заказу Сороса.

Заказные теоретические мутации интеллекта фактически разрушили историческое сознание нескольких поколений российских граждан.

С годами, прошлое меняется, но меняется в двух направлениях: 1) обогащается новыми достоверными знаниями; 2) подвергается изошренной фальсификации. Научная формула «знать или не знать» уступает мистификациям типа «верю – не верю».

В своих фантазиях на тему цивилизаций, особенно так называемых высоких, внеземных, существовавших до появления наших далеких предков, ученые палеофтутурологии, т.е. исследователи прошлого, доходят до самого разрушительного злоупотребления интеллектом, используя для характеристики ранних цивилизаций такие понятия, как «границы», «язык», «торговля», «армия» и даже «правительство». Между знанием и образом, наукой и мифом существует тесная связь, которая тем тоньше, чем глубже разум проникает в истоки и признаки цивилизации.

В тех случаях, когда наука встроена в систему государственного управления и «отвечает» за формирования исторического сознания, чувства патриотизма, мировоззрения в целом, принято делить страны, часть из которых относится к варварским цивилизациям, а часть – к цивилизованным. Идеология в таком случае прокладывает два маршрута познания: один для варварских цивилизаций, другой – для цивилизованных.

Например, советская цивилизация не только сохранила, но и создала условия для динамичного развития всех наций и народностей, входивших в состав православной империи, но европейские ученые не видят в этом препятствий для того, чтобы зачислять Россию в число варварских цивилизаций. Напротив, американцы, не создавшие цивилизацию, были жестокими колонизаторами, практически полностью истребившими коренное население Северной Америки и совершившие как государство несметное количество преступлений, считают, что они живут в цивилизованной стране. Верификация (подкрепление) такой парадигмы – финансовая мощь, военная сила и использование всех средств для навязывания всем собственного государственного символа: Америка – превыше всего.

Гражданство и самоидентификация – понятия, не всегда совпадающие. Например, можно быть гражданином России, но идентифицировать себя с французской, англо-американской, еврейской или европейской цивилизациями. И в прошлом, и сейчас есть граждане Англии и США, которые идентифицировали себя во времена СССР и делают это сейчас с русской цивилизацией. И речь идет не только о тех случаях, когда во времена холодной войны в ущерб своей стране американские ученые передавали секреты создания атомной бомбы советским ученым.

Познавательные стратегии имеют свои границы, которые определяются либо самим исследователем, либо регулятором в виде курирующих научные учреждения чиновников, спонсоров и так далее. В современной российской жизни понятие «свобода творчества» имеет свои особенности и по большинству параметров существенно уступает «тоталитарным» способам влияния на мировоззренческие позиции ученых. Кроме того, участники дискуссии передали манеру телевизионных дебатов и отличаются такой же агрессивностью, как гости В. Соловьева или Б. Норкина.

Многие теле- и радиоведущие чрезмерно амбициозны, категоричны в оценках, выводах (И. Зейналова) и не стремятся подняться до уровня Е. Попова, О. Скабеевой, Т. Кеосаяна. В результате этого они в ряде случаев стимулируют в обществе жаркие споры, а в спорах истина не рождается: семейные споры ведут к разводу, политические – к радикализации и абсолютизации взглядов. Истина рождается в дискуссии, в аргументированном обосновании позиций. За счет этого происходит сближение взглядов, рождается компромисс, происходит обогащение знаний, идет процесс приближения к истине.

Подходы к изучению истоков цивилизации можно выделить не только в процессе исторического поиска и гипотез, приближающих нас к достоверности. Предпосылочные знания позволяют накопить материал и установить определенные тенденции, явления и процессы, которые ведут к пониманию истоков цивилизации. Наибольший эффект при этом достигается при помощи философских приемов феноменологии, философских способов анализа палеолингвистики, приемов гештальт-психологии, углубленного комментария религиозных сюжетов священных книг. Использование таких подходов влияет на формирование цивилизационного сознания, но путь к знанию лежит в конкретных древних фактах, в том числе в палеоантропологии, палеоклиматологии и даже фантазиях писателей, астрологов, прорицателей, специалистов по изучению внеземных цивилизаций, уфологов и т.д. Все это можно объединить в одно понятие – **цивилизационные представления**, создающие базу для научного поиска, продвижения от осознания вероятного к достоверному знанию.

III

Трудно сказать, когда термин «цивилизация» вошел в научный оборот и разговорную речь, но смысловые обозначения феномена, своего рода лингвистические корни, выдающийся немецкий ученый Карл Ясперс обнаружил в период создания мировых религий, то есть в VIII–III вв. до н.э.²⁶

По мнению ряда специалистов (например, В.В. Лапкина и В.И. Пантина), время, названное К. Ясперсом «осенним», было предтечей цивилизационной стадии развития и воплотилось в родоплеменном мифологизированном сознании.

Вероятно, при таком подходе противников версии о появлении цивилизационных смыслов в VIII–III вв. до н.э. не должно быть. Но определенная познавательная неудовлетворенность ограничения времененного пространства VIII–III вв. до н.э. остается, поскольку описывается в терминах «дикость», «варварство», «кровожадность» и т.д. На таком фоне поиски истоков цивилизации выглядят

²⁶ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 32–37.

нерациональными. Но не менее странным, напыщенным смотрится деление цивилизации на греческую и варварскую. Причем одна не предшествовала другой, и оба типа цивилизации существовали одновременно. Более того, они не сосуществовали, а противостояли. В том числе и в форме постоянного военного противоборства.

Вся конструкция – цивилизованная Греция и варварские сообщества – рушится, когда выясняется, что дикость и варварство одерживают верх над воспетыми цивилизациями и присущими им ценностями. Причем «варвары» наносили военные поражения и греческой, и римской цивилизациям. В греческой мифологии диких титанов побеждали цивилизованные боги-олимпийцы, а в реальной жизни греков и римлян громили «варвары». В парадигме К. Ясперса объяснить этот парадокс нельзя. Правда, Гесиод (VII в. до н.э.) намекал на то, что Боги были носителями добродетелей и ценностей, а среди людей нарастала деградация.

Сама конструкция «эллины – варвары» требовала философского осмыслиения и исторического обоснования. Эта миссия выпала на долю философской школы софистов²⁷ и выдающегося историка Геродота. Софисты, отличавшиеся парадоксальностью своего мышления в отношении культуры как структурного элемента цивилизации, проявляли исключительную лояльность и объявляли **все** культуры, в том числе и резко отличающиеся друг от друга, как явления одного порядка. Известный философ-софист Антифонт заявлял, что «от природы мы все абсолютно равны, и греки и варвары»²⁸. По мере приближения к нашей эре «младшие» софисты не отказывались от взглядов своих учителей и наставников, рассматривали обычаи и верования разных народов как нормальное явление. Под влиянием Сократа это направление в философии активизировалось, а дискуссии дополнились рассуждениями о морали, воспитании добродетели и других ценностей.

В контексте софистских философских представлений развивал свои взгляды о культурно-историческом родстве всех эллинов и обосновывал центральное положение Греции в мире Геродот. Теория эллинского превосходства у Геродота дополнялась признанием наличия культурных соседей – «варваров», не имевших своей письменности, а также указанием на то, что до греков существовали более культурные народы, например, египтяне.

Геродот заложил основы «районирования» цивилизаций, обосновав, что на жарком Юго-Востоке ойкумены обитали более древние и культурные варвары, а на холодном Севере – менее культурные. Так родилась и продолжает существовать одна из древнейших догм: концепция географического уменьшения духовности с Юга на Север. По мысли Геродота, Боги отдали Азию «варварам», а Европу – грекам. Но ни те ни другие не имеют права пересекать эту границу (границу)²⁹.

Со времен софистов, Сократа, Геродота, Фукидиды и Платона деление мира на эллинов и варваров сохранилось. Некоторые нюансы сводятся к тому, что Геродот уделял внимание различиям географическим, а Фукидид полагал, что греческая культура и эллинское общество развивались на собственной основе и ничего ни у кого не заимствовали³⁰. Он, по су-

²⁷ См. подр.: Жуков В.И. Истоки философии права в политических учениях Древней Греции // Труды ИГП РАН. 2020. № 2. С. 1–20.

²⁸ Цит. по: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 112.

²⁹ См.: Геродот. История: в 9 кн. М., 1972. Кн. II. С. 112–119.

³⁰ См.: Фукидид. История. Кн. II. С. 36–41.

ществу, впервые систематизировал признаки цивилизации, к числу которых отнес рост благосостояния и личной безопасности граждан, расцвет культуры, роскошный (пышный) образ жизни, а также деформацию общества, выразившуюся в сибаритстве, жадности и честолюбии. Замеченное Фукидидом вырождение человеческой натуры ведет к разрушению общества и ввергает в его кризис³¹.

Платон, ученик Сократа, рассматривал общество как организм, обладающий внутренним порядком, отражающим внешний мировой общественный порядок, сохраняя связь между культурами. Платон, как и его предшественники, отдавал должное утопиям, но считал, что они представляют собой правдоподобную мифологию. С этой точки зрения и Платон, и Ксенофонт изучали истории «варварских» государств (Персия, Египет). Эллины и «варвары» в философии Платона и Ксенофonta — враги по природе, что оправдывало откровенную фальсификацию в подходах к освещению их культуры³².

Платон и Ксенофонт, сторонники имперского государственного устройства, понимали и описывали роль культуры и образования как движение человека к своему идеальному образу. И. Н. Ионов справедливо заметил, что в книгах Платона и Ксенофonta представлен идеал воспитания народа-воина и его вождя как воспитателя добродетели и доблести³³. Не случайно главная книга Ксенофonta носит название «Киропедия», т.е. воспитание Кира, царя Персии.

Тему противопоставления культуры, добродетелей и доблести эллинов манерам и нравам «варваров» продолжили Исократ, Аристотель, ученик Платона и воспитатель 13-летнего Александра Македонского. Для определения причастности человека к цивилизации не так важны этическое состояние или «родство по крови», сколько близость культурно-бытовых ценностей, признание их обязательными для общности. Приходится поражаться той прозорливости, с которой Исократ, родившийся почти на 50 лет раньше мудрейшего из мудрейших Аристотеля, заметил: «Эллинами скорее называют тех, кто причастен к греческому образованию, нежели тех, кто общего с ними происхождения»³⁴. Кстати говоря, утверждения авторов о том, что немцы, грузины, датчане и другие по рождению считали себя русскими, может опираться не только на собственные рассуждения, но и на непоколебимый авторитет Аристотеля.

В V–IV вв. до н.э. противоречие между имперской политикой и рабовладельческой практикой получили философское обоснование о неизбежности противостояния культуры эллинов и «варваров». Собственно, в это время и родилась цивилизационная теория двух миров — высокая культура эллинов и римлян и «варварское» состояние быта, обычаяев, и нравов других народов. Захватнические войны, особенно воспетые всеми победоносные операции Александра Македонского, требовали идеологического обоснования, что и нашло отражение в трудах софистов, Сократа, Платона, Аристотеля.

Само понятие «варварство» в представлении древних греков и римлян означало их несостоительность по линии культуры, воспитания, этики. Обоснование отличий эллинов и «варваров» служило оправданием истребительных

захватнических войн, а теоретической базой апологетики служили труды философов, прежде всего Платона и Аристотеля. Справедливость власти греков над «варварами» Аристотель, например, обосновал в трудах «Никомахова этика» и «Политика»³⁵. Легитимность власти греков над «варварами», как и рабовладение в целом, объяснял нахождением Эллады в центре мира, превосходством греческого государственного устройства в отличие от тирании, в которой жили «варвары»³⁶.

Кризис Римской империи повлиял на развитие политических учений. Многие идеи Аристотеля и Платона были переосмыслены, дополнены их учениками и философами более позднего времени. В частности, Дитеарх, Марк Теренций Варрон, Тит Лукреций Карл проследили процесс развития форм хозяйствования и влияние перехода от охоты, собирательства, затем скотоводства к земледелию. Всеобщая история дополнилась осмыслением влияния форм ведения хозяйства на развитие цивилизации³⁷. Одновременно с этим развивались идеи Аристотеля и Фукидса о признаках перехода от варварства к культуре.

Так, постепенно феномен цивилизации дополнялся все новыми и новыми признаками, в числе которых к концу I в. до н.э. стали относить не только воспитание, манеры, поведение, но и формы хозяйствования, изобретение письменных знаков, учреждение союза племен и возникновение государств, зарождение религии, художественных ремесел, изготовление орудий труда, оружия, доспехов, и, что особенно важно, **появление законов**.

В трудах Цицерона уже крайнее редко встречались термины «римские граждане», а речь шла о «человеческом роде», о защите общественных интересов и соблюдении законов. По мысли Цицерона, людей объединяет не то, что формирует цивилизационное представление о мире, а стремление к предельному благу и универсальной мудрости, к образованию и к жизни по законам природы³⁸.

Как единое целое, т.е. как единую цивилизацию, рассматривали человечество стоики, философы конца старой и начала Новой эры. Наиболее известный римский философ того времени Сенека Старший писал, что люди — «члены огромного тела», они «родились, чтобы жить вместе»³⁹. Особое значение имеет то, что в основе римской государственности лежали законы, а их появление связано с более ранним, чем в истории региональных цивилизаций, сочетанием философии и права, получивших в Риме большее развитие, чем в Древней Греции.

В теорию развития цивилизации внесли свой вклад не только философы, но и астрологи. В частности, Товкому принадлежит заслуга составления карт «семи (или десяти) климатов», вошедших в книгу Клавдия Птолемея. Астрологическая теория определила географические границы, очертившие полосу наиболее благоприятных условий для развития культуры и образования государств. Это — громадная территория от африканского Средиземноморья до Причерноморских степей. Именно

³¹ Там же. Кн. III. С. 82–84.

³² См.: Платон. Соч. Т. III. С. 600; Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 257.

³³ См.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 118, 119.

³⁴ Цит. по: Бузескул В.П. Античность и современность. М., 1924. С. 94.

³⁵ Аристотель. Политика. Кн. I. С. 20–24.

³⁶ См.: Варрон Марк Теренций. Сельское хозяйство. М. — Л., 1963; Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 190–204; и др.

³⁷ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. Кн. V. XIII (38), XXVIII (82), XXXVI (107); Ионов И.Н. Указ. соч. С. 122–125.

³⁸ См.: Сенека. Нравственные письма к Луциллию. М., 1977. С. 238.

здесь располагались наиболее крупные государства – Египет, Греция, Рим, Персия, Вавилон, Индия.

Любопытно то, что во время описания благоприятных для развития государств условий уже существовали крупные цивилизационные конгломерации народов. В частности, географ Страбон упоминает о скифах, дополняя имеющиеся о них сведения из греческих источников описанием того, какое влияние римская цивилизация оказала на другие народы. Он, в частности, заметил: «Принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула также и варварские племена, особенно «кочевников»⁴⁰.

В I–II вв. н.э. преобладали универсальные подходы к описанию истории народов. Но одновременно с универсализмом сохранялась и традиционная абсолютизация, например, греков. Представителем этой концепции был Плутарх. Он осуждал позитивное воспроизведение жизни разных народов-варваров и воспевал греческую цивилизацию, прославляя «закон, общность и гражданственность»⁴¹.

Для римской общности характерно имперское сознание, включавшее в себя распространение по всей территории греческой античной добродетели как общечеловеческой ценности. В данном случае космополитизм не тождественен формуле «цивилизация», а лишь характеризует многонациональный характер государственного устройства. Такие знаменитости, как Сенека Старший, Лукреций, Тит Ливий, полагали, что грек, не знающий греческого языка, не может считаться греком, поскольку не имеет образования и гражданской доблести. Напротив, африканец или германец, образованные, воспитанные и знающие греческий или латинский язык, и могут восприниматься как настоящие греки⁴².

Китайская цивилизация формировалась на базе симбиоза этнического по составу общественного элемента и имперского по форме управления государственного сознания. Странно то, что при высоком уровне материальной и духовной культуры, культа знаний, межэтнический диалог в этой среде отсутствовал. Императорская власть сотрудничала с мудрецами, а наиболее одаренные из них, например Конфуций, были апологетами аристократического стиля правления, возводя его в ранг идеала, в качестве которого воспринималась императорская власть. Современная российская система управления напоминает будни китайской цивилизации: и там и здесь для любого чиновника начальник был идеалом, и это соблюдалось во всех ветвях власти и на всех уровнях. Вплоть до министра, маршала, императора либо равных им величин.

Китайская государственность держалась на беспрекословном подчинении начальнику, соблюдении ритуалов его чинопочтания и цементировалась личными характеристиками китайцев, в сознании и поведении которых тысячелетиями внедрялось уважение к таким ценностям, как справедливость, разумность, благопристойность и законопослушность.

Высочайшие достижения в технике, ремесле, живописи, градостроительстве, транспорте и земледелии объяснялись

культом науки, знания и образования, и все это входило в признаки китайской цивилизации. Китайцы умели то, что не приходило в голову их современникам в других странах.

Так было до распространения буддизма, под влиянием которого сами китайцы признали верховенство Индии в цивилизационном развитии. На V–VII вв. н.э. приходится то время, когда на уровне самоидентификации китайцы стали относить себя к «окраинному» государству. Эта форма самосознания не вписывалась в культуру китайского народа, но сохранялась несколько веков, пока Китай был жертвой колониализма.

История становления и развития китайской цивилизации имеет общую для нее и русского аналога особенность: и там, и там исторические знания развивались и были подвижны, а единой, не подвергавшейся радикальному пересмотру концепции цивилизационного развития Китая и России, не было и нет. Даже в XVI–XVIII вв., когда успехи Китая в развитии экономики, ремесла и культуры были колоссальны и не подвергались сомнению в мире, внутри страны отношение к одним и тем же процессам постоянно менялось. Осознание уникальности своей культуры пришло (правда, на короткий срок) к китайцам одновременно с осознанием своего политического превосходства, воплощалось в историческом сознании и законодательстве.

В центре представлений об арабской цивилизации возвышается пророк Мохаммед, учение которого лишено монотеистического содержания и концентрированно отражено в терминах «адаб» (общая культура человека) и «адиб» – цивилизованный, воспитанный человек. В этом отношении одно из поучений Мохаммеда звучит так: «Если хочешь благоденствия на этом свете – занимайся торговлей, если хочешь благоденствия на том свете – веди праведный образ жизни; если хочешь благоденствия и тут, и там – иди дологой знаний».

Идеологом ранней мусульманской культуры был автор «Трактата о взглядах жителей добродетельного города» философ аль-Фараби. Реалии того мира, в котором жил аль-Фараби, не окружали население благополучием, что и описано в формате «заблудшего города». Аль-Фараби верно заметил, что идеологически и психологически исламский мир наполнен верой, а не разумом. И потому счастье они ждут в загробной жизни. Реальных условий достичь его не было, да к нему при жизни на земле и не стремились⁴³.

Особое место среди мыслителей, изучавших проблемы цивилизационного развития, принадлежит аль-Бируни. Глубокое знание древнегреческого, а также иврита, санскрита и других языков, позволило аль-Бируни провести сравнительный анализ культур народов мира, сопоставив их обычай и нравы, верования и обряды на базе 14 работ античных авторов и сравнения библейских текстов и сделать выводы: греки, зароастрийцы, манихеи, евреи, христиане, индусы и другие сообщества верующих организованы по тем же принципам, что и мусульмане⁴⁴. Познавательные мотивы аль-Бируни нацелены на компаративистику, сравнение религий народов мира, быта религиозных общин, уровня географического и исторического развития и т.д. Проблемы национальной самоидентификации внимания аль-Бируни не привлекли. Историю славянских народов он, современник Древней Руси периода правления Ярослава Мудрого, оставил без внимания.

⁴⁰ Цит. по: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 126.

⁴¹ Лурье С.Я. Геродот. М. – Л., 1947. С. 167.

⁴² Ионов И.Н. Указ. соч. С. 128, 129.

⁴³ См.: Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 305–307, 322–325.

⁴⁴ См.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 141–143.

Теоретики исламской цивилизации унаследовали бо́гатейшее философское наследие аль-Фараби, аль-Бируни, имели достоверное представление о содержании греческого рабовладения и римского имперского правосознания. Центральное место среди них принадлежит духовному наставнику аль-Фараби, философу и судье Вали-д-Дину Абд-ар-Рахману Ибн Хальдуну, современному великих князей московских Дмитрия Ивановича Донского, Василия I Дмитриевича и выдающихся живописцев Феофана Грека и Андрея Рублева.

Именно Ибн Хальдун считается родоначальником современной теории мусульманской цивилизации. Создатель всеобщей истории арабского мира («Муккадима»), Ибн Хальдун опирался на греко-римские традиции правового мышления и правосознания и пытался отреагировать на кризис имперского сознания. В центр исторического действия Ибн Хальдунставил не правление политических деятелей, а бытовое сознание и поведение человека с его возможностями, потребностями и такими мало привлекательными, но влиятельными свойствами личности, как алчность, недальновидность. Их он считал проявлениями естественных качеств общественной жизни. Сущность цивилизации философ и мыслитель видел в потребности человека преодолевать хаос и устанавливать порядок, соответствующий эллинским традициям⁴⁵.

Радикальные изменения в самоидентификации и историческом сознании представителей европейской цивилизации произошли в середине XVIII в. Идеалы цивилизационного прогресса, воплощенные в Священной римской империи германской нации, существовали с XII в., но к середине XVIII столетия стало очевидным отставание европейцев от восточных государств на сотни лет. Подушевое производство железа в Китае в XI в. было равно аналогичной величине в Европе в 1530 г., т.е. в XVI в. (разница – более 400 лет). Уровень грамотности населения в Китае составлял 20–30%, в Индии – 10–15%, в Европе – 1–3%⁴⁶.

По мере приближения к периоду Возрождения начался философско-теологический процесс переосмысливания религиозных постулатов с позиций светского знания. Божий промысел и божественные идеалы представляли в трудах мыслителей как идеалы гуманистические. «Небесное» и «земное» наделялись свойствами гомогенности глобального превосходства. В это время появился и сам термин «цивилизация», начинается его интерпретация, наполнение определенным смыслом, точнее других изложенное Данте Алигьери. По справедливому замечанию И.Н. Ионова, в понимании Данте «слились античный и европейский идеалы добродетели, человечности, образованности и гражданственности»⁴⁷.

В период расцвета эпохи Возрождения и в начале Реставрации идеалы справедливости и милосердия под влиянием утопистов (Т. Мора, Т. Кампанелла, философа Ф. Бэконa и др.) уступили место нормам права. Ослабление «грехопадением» природы человека предполагалось компенсировать при помощи разума и научного знания⁴⁸.

⁴⁵ См.: Игнатченко А.А. Ибн Хальдун. М., 1980. С. 126, 127; Ионов И.Н. Указ. соч. С. 144, 145.

⁴⁶ См.: Мельников В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 57–59.

⁴⁷ Ионов И.Н. Указ. соч. С. 155; Данте А. Малые произв. М., 1968. С. 36–307.

⁴⁸ См.: Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 112, 180–182; Кампанелла Т. Город солнца. М., 1971. С. 146–154, 187–189; Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 514–523; Ионов И.Н. Указ. соч. С. 154–158.

К концу XVI в. циклическая модель развития истории, характерная в целом для философов эпохи Возрождения, подверглась критике французским правоведом Ж. Баденом, который предложил линейную модель исторического развития. Преобладание тех или иных типов цивилизационного развития он связывал с географическим положением стран: жаркий климат в древности объяснял доминирование стран Востока; умеренный климат Средиземноморья – античность; Новое время – время народов Севера. Через все творчество Ж. Бадена проходит сравнительный анализ культур, быта, обычаев⁴⁹.

Цивилизованность как термин широко использовал философ и писатель Мишель Эким де Монтень в знаменитых «Опытах». При этом под цивилизованностью М. Монтень понимал свойства и черты характера, соединение общности и разума, утивость поведения.

Другие авторы противопоставляли цивилизационное дикарскому. Как понятие «цивилизованность» использовалась в качестве глагола, прилагательного либо метафоры. Политико-философский и правовой смысл «цивилизованности» как существительного, необходимого не только для характеристики поведения культуры и нравов, но и для изучения прошлого, формировался длительное время.

Основателем теории цивилизации был признан итальянский философ Дж. Вико, но произошло это уже в XIX в., после перевода его книги «Основание новой науки об общей природе нации» (1725) французским историком и писателем Ж. Мишле. Он подчеркнул ключевое выражение итальянского ученого: «познать принципы цивилизации», «узнать, какими способами общество может возвыситься... на самую высокую ступень цивилизации»⁵⁰.

Именно Дж. Вико, опережая время, обосновал стадиальную конструкцию истории, вырвался на просторы философии права и стремился наполнить историзмом содержание и смысл этапов всемирной истории. С точки зрения юриспруденции Дж. Вико любопытен тем, что он отказался от господствовавшей идеи естественного права и обосновывал историческую природу права, что противоречило базовым идеями Просвещения. На восприятие творчества Дж. Вико негативное воздействие оказала его непримиримая борьба с идеями Д. Декарта, имевшего в науке большой вес.

В целом до середины XVIII в. знания, уже сформировавшие контуры теории цивилизации, стали использоваться для изучения и реконструкции прошлого, а также для формирования национально-территориальных частных теорий цивилизации. Свообразие этого периода научного поиска состоит в том, что смыслам прошлого придавался негативный характер. На этой основе формировался когнитивный потенциал для достижения мировоззренческого общества, сплоченного единым историко-правовым сознанием.

Как это ни покажется странным, но в этом философском отрицании был заложен прогрессивный потенциал, поскольку разрушался религиозный догматизм и утверждалась светская, секулярная парадигма научных концепций. Наиболее показателен в этом отношении французский опыт: сам термин «цивилизация» как результат распространения христианства использовал В. Мирабо Старший

⁴⁹ См.: Баден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000; Ионов И.Н. Указ. соч. С. 158–161.

⁵⁰ Ионов И.Н. Указ. соч. С. 168.

в 1756 г.⁵¹ Но в сознании мыслителей термин «цивилизация» стал стержнем восприятия моральных качеств, т.е. категорией этической. На этой, а не на историко-правовой основе, пробуждались и приобретали цивилизационный вес идеи справедливости как основы настоящей цивилизации, пропагандировалось равновесие гражданских экономических и политических интересов, осуждался аристократический сnobизм, феодальная напыщенность. Целью исторического прогресса провозглашалось установление подлинной цивилизации⁵².

Во Франции с середины XIX в. выделяли шесть этапов в развитии человечества: эпоха дикости, варварства, государственности, цивилизованного поведения, просвещенной монархии и, собственно, цивилизации. Именно так исторический процесс отражен в книге Н.А. Буланже «Древность в свете ее обычаяев», опубликованной уже после смерти автора в 1766 г. В России в это время началась эпоха Екатерины II. Помимо теории цикличности Н.А. Буланже оставил в наследство потомкам теорию разнонаправленного движения истории – регресса на Востоке и прогресса на Западе. И это, несмотря на то что в Европе Россия одерживала одну победу за другой, а Китай и Индия по-прежнему намного опережали европейские страны в своем развитии: Китай Францию в восемь раз, всю Европу – в полтора-два раза⁵³.

В середине XVIII в. понятие «цивилизация» утвердилось в сознании европейцев, прежде всего французов и англичан, не столько как термин, сколько как апологетическая теория колониальных захватов, как способ обоснования права на господство. По справедливому замечанию М.М. Мчедловой, «термин “цивилизация” в это время нес три смысла, обозначая, во-первых, разумное состояние общества как естественную форму его существования; во-вторых, процесс движения к этому состоянию как цели, стимулируемой самой целью (разумом), а также, в-третьих, как полученный результат»⁵⁴.

Один из наиболее крупных мыслителей, создавших культурно-поведенческую концепцию цивилизации, был Франсуа-Мари Аруэ Вольтер, современник и корреспондент Екатерины II, выдающийся просветитель, поэт, прозаик и сатирик, историк и блестящий публицист.

Вольтер различал две истории: «Одну, научную и достоверную – историю цивилизации, и другую – политическую историю». История цивилизации, по Вольтеру, дает «популярные знания, а не только плоды пустой любознательности»⁵⁵. При всей противоречивости своих размышлений Вольтер тем не менее заложил основы теории цивилизации на длительную перспективу. Правдоподобного образа исторического прошлого гипотезы Вольтера не создавали, но они стимулировали поиск парадигмы цивилизационного развития, наполненной историко-философским и этическим содержанием, лишенным господствовавшего ранее религиозного дискурса.

В этом отношении особую роль сыграли труды министра Людовика XVI Анн Робера Жака Тюрго – экономиста, философа, основоположника теории экономического либерализма. Рассуждая о прогрессе разума, науки и торговли, Тюрго

⁵¹ См.: *Kultur und Zivization: Euiropœischer Schlüsserbegriff*. München, 1967. Bd. 3. S. 15.

⁵² См. подр.: Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права // Государство и право. 2021. № 11.

⁵³ См. подр.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 181.

⁵⁴ Мчедлова М.М. Вопросы цивилизации во французском обществознании. М., 1996. С. 15.

⁵⁵ Цит. по: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 185.

утверждал: «Нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют... все части Земного шара и вся масса человеческого рода... существует... ко все большему совершенству»⁵⁶. Либеральный экономист Тюрго был романтиком и не обращал внимание на то, что не вся масса народов и стран движется «ко всеобщему совершенству». Некоторые действительно это делают «медленными шагами», но далеко не последовательно и равномерно и, как правило, за счет ограбления других стран. Сам термин «цивилизация» Тюрго использовал как синоним естественного прогресса истории. При этом важно подчеркнуть, что он считал возможным говорить о цивилизации уже при появлении первых признаков культуры, на ранних стадиях ее развития. Он же сформулировал три стадии развития цивилизации: мифологическую, спекулятивную и научную⁵⁷.

Концептуальные позиции А.Р.Ж. Тюрго получили развитие в трудах Ж.А. Кондорсе, Жана Лерона Д'Аламбера, английских философов Р. Прайса, Дж. Пристли и др.

В целом французская теория цивилизации была европоцентристской, но к концу XVIII в. уже появляются термины «глобальная цивилизация», «мировая цивилизация». То есть в термин «цивилизация» уже вкладывается более широкий, а не только этический, смысл.

Для английской философской школы XVIII столетия было характерным рассмотрение цивилизации в парадигме «либерализм – нация – гражданское общество». Особенно много внимания этим проблемам на рубеже веков уделяли Дж. Локк и Д. Юм. В частности, Д. Юм использовал термин «цивилизация» для анализа гражданского состояния британского общества, основанного на культуре, морали и социальных нормах, лишенных политического характера⁵⁸.

Профессор юриспруденции и истории Московского императорского университета Филипп Генрих Дильтей термин «цивилизация» не использовал, но выделял шесть эр⁵⁹, а также девять эпох⁶⁰.

В начале XIX столетия Англия в еще большей мере, чем Франция и Европа в целом, продолжали отставать от Китая и Индии. В сфере экономики Китай превосходил Англию в 17 раз, Индия – в 13 раз⁶¹. Это обстоятельство влияло на философов, в связи с чем английская исследовательская мысль не связывала цивилизацию с экономическими характеристиками и трактовала сам феномен как путь к преодолению противоречий, росту материального благосостояния. Наиболее полно такую модель цивилизации создал один из лидеров шотландского просвещения Адам Фергюсон, профессор моральной философии Эдинбургского университета, друг Адама Смита. Он считал, что цивилизация – это не стадия экономического развития, а ступень в политическом процессе, где господствуют общественные классы, развиты города, письменность, культура. Таким образом он вписывал Англию в историю мировой цивилизации как моральный идеал. По примеру французского мыслителя А.Р.Ж. Тюрго А. Фергюсон выделял

⁵⁶ Тюрго А.Р.Ж. Избр. философские произв. М., 1937. С. 52, 53.

⁵⁷ См.: там же. С. 111–123.

⁵⁸ См.: Юм Д. Соч.: в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 699, 700.

⁵⁹ См.: Дильтей Ф.Г. Первые основания университетской истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дво-рианства: в 3 ч. М., 1762. Ч. 1. С. 13.

⁶⁰ См.: там же. С. 63–65.

⁶¹ См.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 196.

в развитии человечества три стадии: дикость, варварство, цивилизация⁶².

Е. Г. Ренев в своей кандидатской диссертации справедливо заметил, что основные оценки и выводы А. Фергюсона созвучны с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса, а по ряду позиций предвосхитили их. А. Фергюсон писал о том, что на стадии цивилизации наступают позитивные изменения в сельском хозяйстве и промышленности, происходит разделение труда на умственный и физический, и это разделение приводит к отчуждению людей, порождает противоречия, грозит разрушением демократических институтов⁶³. Но если К. Маркс и Ф. Энгельс из этого наблюдения делали вывод о неизбежности классовой борьбы, настаивали на отмене частной собственности, пришли к идеи диктатуры пролетариата и неизбежности мировой революции, то А. Фергюсон полагал, что в условиях цивилизации власть и богатство можно получить в результате бережливости, трудолюбия. В его представлении цивилизации не свойственно насилие, конфликты между имущими и неимущими, а противоречия между народом и властью разрешаются на основе правовых норм.

Как замечает И. Н. Ионов, близкие концепции Фергюсона идеи высказывали Ж.-Ж. Руссо и И.Г.А. Ферстер⁶⁴, но в этой части представления о цивилизации А. Фергюсона и К. Маркса радикально расходятся: К. Маркс обосновывал формационный подход в развитии цивилизации и доказывал неизбежность роста противоречий между трудом и капиталом, которые, вопреки мнению А. Фергюсона, не разрешаются на основе правовых норм.

Что же касается России, то А. Фергюсон считал ее варварской страной, но к его удивлению, даже в ней люди «считали себя обладателями всевозможных достоинств и ставили себя выше немцев»⁶⁵. Между тем ничего удивительного в этом нет: начиная с Петра I и в течение всего XVIII в. Россия демонстрировала свое превосходство как в военном деле, так и в развитии экономики, образования и культуры. Достаточно сказать, что ту же Англию экономика России превосходила в 2.5 раза и экспортировала в Великобританию не только лес и пеньку, но и чугун.

Осмысление итогов французской революции в первой половине XIX в. привело к созданию новой концепции цивилизации. Правящие круги европейских государств поощряли охранительное содержание гуманитарных исследований. Либеральный идеал национально-цивилизационной самоидентификации остался в прошлом: в наступившей эпохе Просвещения термин «цивилизация» включал в себя консервативные идеалы (общественный порядок, стабильность власти, религиозная мораль, ужесточение законодательства). Авторитет религии и церкви в первой половине XIX столетия был характерен для всех европейских государств. «Прогресс – это развитие порядка», – утверждал вслед за своим учителем Сен-Симоном Клодом Онри де Рувра основатель философии позитивизма Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье Конт⁶⁶.

О. Конт идеализировал правопорядок, а носителем не либерального, как это было в XVIII в., а консервативного идеала

порядка, он считал церковь⁶⁷. О. Конт выделял три стадии цивилизации: религиозную, метафизическую и научную. Он полагал, что рациональное научное знание, а не революция или либеральные формы правления, должны создать условия для решения социальных проблем⁶⁸.

В эпоху Реставрации наиболее популярными были лекции и труды французского историка Франсуа Пьера Гийома Гизо, автора популярных книг «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции». Для Ф. Гизо был характерен взгляд на цивилизацию как не на философский феномен, а как предмет исторического знания. «Цивилизация, – писал Ф. Гизо, – есть факт, подобный всякому другому, факт, который... может сделаться предметом изучения, описания, рассказа»⁶⁹. Специалисты отмечают, что со времен Ф. Гизо теория цивилизации превратилась «в историю общественного и духовного развития, основанную на столкновении разнообразных интересов и борьбе социальных сил»⁷⁰.

Английская модель цивилизации выражена в трудах Генри Томаса Бокля, историка и шахматиста, в планы которого входило написание 15-томной фундаментальной истории цивилизации человечества. По состоянию здоровья он сумел опубликовать только двухтомную «Историю цивилизации в Англии» (1857–1861) (в переводе А. Н. Буйницкого и Ф. Н. Ненарокомова на русском языке вышла в Санкт-Петербурге в 1862–1864 гг.). В дальнейшем в сокращенном варианте «История» до 1899 г. выдержала 16 изданий. В современной России пользуются книгой Г.Т. Бокля «История цивилизации. История цивилизации в Англии» (М., 2000–2002. Т. 1, 2).

Философию истории Г.Т. Бокль сводил к различиям европейской и не европейской цивилизаций. При этом он считал, что в Европе возникло все, что достойно имени «цивилизация», а на Юге и Востоке цивилизация народов развивалась неправильно⁷¹.

Если до XIX в. преобладал взгляд на цивилизацию как этико-культурную характеристику народов и поведения граждан различных регионов, то в середине XIX столетия появились теории исторического описания локальных цивилизаций. Примером целеустремленного творчества в этом направлении служит Генрих Рюккерт, автор двухтомного «Учебника мировой истории в органическом изложении» (Leipzig, 1857). В нем он отвергал происхождение людей от общих предков, доказывал независимость культурных типов друг от друга и не считал европейскую цивилизацию универсальной.

В одно время с Г. Рюккертом создавал свою оригинальную концепцию цивилизации, получившую название расистской, французский дипломат, социолог и писатель, граф Жозеф Артур де Гобино, предтеча расовой теории германской «арийской» нации. Россия вела кровопролитную Крымскую войну, когда вышла в свет книга французского аристократа Ж.А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855). Концептуально в его планы входило осмысление кризиса бытовавших цивилизационных идеалов. Возникший в связи с этим биологизированный взгляд на историю и генезис цивилизаций привел его к поиску ответа на вопрос о причинах старения и гибели цивилизации. Этот феномен он считал непонятным. Пессимистические

⁶² См.: там же. С. 195, 196.

⁶³ См.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 157.

⁶⁴ См.: там же.

⁶⁵ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 295.

⁶⁶ См.: Утопический социализм: хрестоматия. М., 1982. С. 219.

⁶⁷ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 111.

⁶⁸ См. подр.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 215–217.

⁶⁹ Гизо Ф.П.Г. История цивилизации во Франции. М., 1877. Т. 2. С. 245.

⁷⁰ Ионов И.Н. Указ. соч. С. 222.

⁷¹ См.: там же.

идеи немецкого философа Артура Шопенгауэра оказали влияние на французского мыслителя и воплотились в утверждении, что все цивилизации смертны, а европейская цивилизация отличается от других лишь тем, что оказалась способной первой осознать неизбежность своей гибели⁷².

Одновременно с этим Ж.А. де Гобино поразил своих современников утверждением, что индийская и египетская цивилизация созданы ариями⁷³. Американцев он рассматривал как биологически разнородную и быстро идущую к гибели; Россию считал славянской опасностью, стимулятором упадка Европы⁷⁴. Ж.А. де Гобино был одним из тех философов, чьи труды вели к падению авторитета цивилизационных теорий во второй половине XIX в.

В это время на развитие всех областей науки в решающей степени влияли три открытия: появление в 1848 г. «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса; в 1850 г. немецкий физик Рудольф Клаузиус математически описал второе начало термодинамики, из чего было предсказано нарастание хаоса и гибель Вселенной; в 1859 г. Чарльз Роберт Дарвин опубликовал книгу «Происхождение видов». Эти и ряд других научных событий поставили под сомнение и разрушили прежние представления о всеобщей истории. Безусловно, перечисленные открытия не были равнозначны и не все оказались перспективными. Но к первому из них эта оценка не относится.

К. Маркс и Ф. Энгельс совершили подлинный переворот в восприятии эволюционного развития, проложив курс к революционному насилию, классовой борьбе, мировой революции и диктатуре пролетариата. Под влиянием новых идей Г. Спенсер, например, уже не сомневался в том, что «эволюция имеет предел», и утверждал: «Всеобщее существование антагонистических сил, обуславливающих повсеместное существование ритма и разложения каждой силы на расходящиеся силы, в то же самое время приводят к конечному равновесию» с внешними силами, максимальной адаптации к среде обитания⁷⁵.

В целом цивилизация как тема исследований к середине XIX столетия утратила свою этическую привлекательность, перестала интересовать философов и стала социологической категорией. В связи с этим Г. Спенсер именовал человечество как «социальное тело»⁷⁶. Но XX и XXI вв. получили от предшественников такой арсенал знаний, который позволил воспринимать цивилизацию не только как историческую категорию, но и как философское и правовое явление.

Новым содержанием цивилизационные теории наполнились по мере того, как стали изучаться процессы, характерные для возникновения и прогресса русской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 305–307, 322–325.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
3. Аристотель. Политика. Кн. I. С. 20–24.

⁷² См.: Ионов И.Н. Указ. соч. С. 252–255.

⁷³ См.: там же. С. 255.

⁷⁴ См.: там же. С. 256.

⁷⁵ См.: Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Герберта Коллинза. СПб., 1897. С. 38, 39.

⁷⁶ Там же. С. 218.

4. Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 377–379, 383–385, 506, 628, 629.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 111.
6. Баден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.
7. Варрон Марк Теренций. Сельское хозяйство. М. – Л., 1963.
8. Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 514–523.
9. Бузескул В.П. Античность и современность. М., 1924. С. 94.
10. Геродот. История: в 9 кн. М., 1972. Кн. II. С. 112–119.
11. Гизо Ф.П.Г. История цивилизации во Франции. М., 1877. Т. 2. С. 245.
12. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 66, 125, 238, 254.
13. Данте А. Малые произв. М., 1968. С. 36–307.
14. Дильтей Ф.Г. Первые основания университетской истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства: в 3 ч. М., 1762. Ч. I. С. 13, 63–65.
15. Ерасов Б. С. Цивилизация. Универсалы и современность. М., 2002.
16. Жуков В.И. Истоки философии права в политических учениях Древней Греции // Труды ИГП РАН. 2020. № 2. С. 1–20.
17. Жуков В.И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена: в 2 т. М., 2022. Т. 2. С. 377–476.
18. Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права // Государство и право. 2021. № 11.
19. Игнатченко А.А. Ибн Хальдун. М., 1980. С. 126, 127.
20. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М., 2007. С. 7, 15, 17, 32–34, 37, 111–126, 128, 129, 141–145, 154–161, 168, 181, 185, 195, 196, 215–217, 222, 252–256.
21. Кампанелла Т. Город солнца. М., 1971. С. 146–154, 187–189.
22. Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 257.
23. Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 190–204.
24. Лурье С.Я. Геродот. М. – Л., 1947. С. 167.
25. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 57–59.
26. Можайская И. В. Духовный образ русской цивилизации и судьбы России (Опыт метаисторического исследования): в 4 ч. М., 2002.
27. Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 112, 180–182.
28. Мчедлова М.М. Вопросы цивилизации во французском обществознании. М., 1996. С. 15.
29. Орлова И.Б. Современная цивилизация и Россия. М., 2000.
30. Платон. Соч. Т. III. С. 600.
31. Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1992.
32. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизации. М., 1994.
33. Сенека. Нравственные письма к Луциллию. М., 1977. С. 238.
34. Сергеева О.А. Становление цивилизационной концепции. М., 2000.
35. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002.
36. Утопический социализм: хрестоматия. М., 1982. С. 219.
37. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 295.
38. Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Герберта Коллинза. СПб., 1897. С. 38, 39, 218.

39. *Фукидид*. История. Кн. II. С. 36–41; кн. III. С. 82–84.
40. *Цицерон*. Тускуланские беседы. Кн. V. XIII (38), XXVIII (82), XXXVI (107).
41. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 8, 11–13, 15, 34.
42. Юм Д. Соч.: в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 699, 700.
43. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 32–37.
44. Kultur und Zivization: Euiropöeischer Schlüsserwörten. München, 1967. Bd. 3. S. 15.
19. Ignatchenko A.A. Ibn Khaldun. M., 1980. Pp. 126, 127 (in Russ.).
20. Ionov I.N. Civilizational consciousness and historical knowledge. Problems of interaction. M., 2007. Pp. 7, 15, 17, 32–34, 37, 111–126, 128, 129, 141–145, 154–161, 168, 181, 185, 195, 196, 215–217, 222, 252–256 (in Russ.).
21. Campanella T. The City of the Sun. M., 1971. Pp. 146–154, 187–189 (in Russ.).
22. Xenophon. Kiropedia. M., 1977. P. 257 (in Russ.).
23. Lucretius. On the nature of things. M., 1958. Pp. 190–204 (in Russ.).
24. Lurie S. Ya. Herodotus. M. – L., 1947. P. 167 (in Russ.).
25. Melyantsev V.A. East and West in the second millennium: economics, history and modernity. M., 1996. Pp. 57–59 (in Russ.).
26. Mozhaiskova I.V. The Spiritual image of Russian civilization and the fate of Russia (The experience of metahistorical research): in 4 parts. M., 2002 (in Russ.).
27. More T. Utopia. M., 1978. Pp. 112, 180–182 (in Russ.).
28. Mchedlova M.M. Questions of civilization in French social studies. M., 1996. P. 15 (in Russ.).
29. Orlova I.B. Modern civilization and Russia. M., 2000 (in Russ.).
30. Plato. Essays. Vol. III. P. 600 (in Russ.).
31. Platonov O.A. Russian civilization. M., 1992 (in Russ.).
32. Semennikova L.I. Russia in the world community of civilization. M., 1994 (in Russ.).
33. Seneca. Moral letters to Lucilius. M., 1977. P. 238 (in Russ.).
34. Sergeeva O.A. The formation of a civilizational concept. M., 2000 (in Russ.).
35. Theory of civilizations from antiquity to the end of the XIX century. SPb., 2002 (in Russ.).
36. Utopian socialism: a textbook. M., 1982. P. 219 (in Russ.).
37. Ferguson A. The experience of the history of civil society. M., 2000. P. 295 (in Russ.).
38. The philosophy of Herbert Spencer in an abridged version by Herbert Collins. St. Petersburg, 1897. Pp. 38, 39, 218 (in Russ.).
39. Thucydides. History. Book II. Pp. 36–41; book III. Pp. 82–84 (in Russ.).
40. Cicero. Tuscan conversations. Books V. XIII (38), XXVIII (82), XXXVI (107) (in Russ.).
41. Chumakov A.N. Globalization. Contours of the whole world. 2nd ed., reprint and add. M., 2009. Pp. 8, 11–13, 15, 34 (in Russ.).
42. Юм Д. Essays: in 2 vols. М., 1965. Vol. 1. Pp. 699, 700 (in Russ.).
43. Jaspers K. The meaning and purpose of history. М., 1994. Pp. 32–37 (in Russ.).
44. Kultur und Zivization: Euiropöeischer Schlüsserwörten. München, 1967. Bd. 3. S. 15.

REFERENCES

1. *Al-Farabi*. Philosophical treatises. Alma-Ata, 1970. Pp. 305–307, 322–325 (in Russ.).
2. Anderson B. Imaginary communities: reflections on the origins and spread of nationalism. M., 2001 (in Russ.).
3. Aristotle. Politics. Book I. Pp. 20–24 (in Russ.).
4. Aristotle. Essays: in 4 vols. M., 1984. Vol. 4. Pp. 377–379, 383–385, 506, 628, 629 (in Russ.).
5. Aron R. Stages of the development of sociological thought. M., 1993. P. 111 (in Russ.).
6. Baden J. The method of easy knowledge of history. M., 2000 (in Russ.).
7. Varro Marcus Terentius. Agriculture. M. – L., 1963 (in Russ.).
8. Bacon F. Essays: in 2 vols. M., 1972. Vol. 2. Pp. 514–523 (in Russ.).
9. Buzeskul V.P. Antiquity and modernity. M., 1924. P. 94 (in Russ.).
10. Herodotus. History: in 9 books. M., 1972. Book II. Pp. 112–119 (in Russ.).
11. Guizot F.P.G. The history of civilization in France. M., 1877. Vol. 2. P. 245 (in Russ.).
12. Gurevich A. Ya. Historical synthesis and the school of “Annals”. M., 1993. Pp. 66, 125, 238, 254 (in Russ.).
13. Dante A. Small productions. M., 1968. Pp. 36–307 (in Russ.).
14. Diltey F.G. The first foundations of university history with an abbreviated chronology in favor of the studying Russian nobility: in 3 parts. M., 1762. Part 1. Pp. 13, 63–65 (in Russ.).
15. Erasov B.S. Civilization. Universals and modernity. M., 2002 (in Russ.).
16. Zhukov V.I. The origins of the philosophy of law in the political teachings of Ancient Greece // Proceedings of the IGP RAS. 2020. No. 2. Pp. 1–20 (in Russ.).
17. Zhukov V.I. Russian civilization: historical and legal analysis of the phenomenon: in 2 vols. M., 2022. Vol. 2. Pp. 377–476 (in Russ.).
18. Zhukov V.I. Justice in the paradigm of Philosophy of Law // State and Law. 2021. No. 11 (in Russ.).
19. Ignatchenko A.A. Ibn Khaldun. M., 1980. Pp. 126, 127 (in Russ.).
20. Ionov I.N. Civilizational consciousness and historical knowledge. Problems of interaction. M., 2007. Pp. 7, 15, 17, 32–34, 37, 111–126, 128, 129, 141–145, 154–161, 168, 181, 185, 195, 196, 215–217, 222, 252–256 (in Russ.).
21. Campanella T. The City of the Sun. M., 1971. Pp. 146–154, 187–189 (in Russ.).
22. Xenophon. Kiropedia. M., 1977. P. 257 (in Russ.).
23. Lucretius. On the nature of things. M., 1958. Pp. 190–204 (in Russ.).
24. Lurie S. Ya. Herodotus. M. – L., 1947. P. 167 (in Russ.).
25. Melyantsev V.A. East and West in the second millennium: economics, history and modernity. M., 1996. Pp. 57–59 (in Russ.).
26. Mozhaiskova I.V. The Spiritual image of Russian civilization and the fate of Russia (The experience of metahistorical research): in 4 parts. M., 2002 (in Russ.).
27. More T. Utopia. M., 1978. Pp. 112, 180–182 (in Russ.).
28. Mchedlova M.M. Questions of civilization in French social studies. M., 1996. P. 15 (in Russ.).
29. Orlova I.B. Modern civilization and Russia. M., 2000 (in Russ.).
30. Plato. Essays. Vol. III. P. 600 (in Russ.).
31. Platonov O.A. Russian civilization. M., 1992 (in Russ.).
32. Semennikova L.I. Russia in the world community of civilization. M., 1994 (in Russ.).
33. Seneca. Moral letters to Lucilius. M., 1977. P. 238 (in Russ.).
34. Sergeeva O.A. The formation of a civilizational concept. M., 2000 (in Russ.).
35. Theory of civilizations from antiquity to the end of the XIX century. SPb., 2002 (in Russ.).
36. Utopian socialism: a textbook. M., 1982. P. 219 (in Russ.).
37. Ferguson A. The experience of the history of civil society. M., 2000. P. 295 (in Russ.).
38. The philosophy of Herbert Spencer in an abridged version by Herbert Collins. St. Petersburg, 1897. Pp. 38, 39, 218 (in Russ.).
39. Thucydides. History. Book II. Pp. 36–41; book III. Pp. 82–84 (in Russ.).
40. Cicero. Tuscan conversations. Books V. XIII (38), XXVIII (82), XXXVI (107) (in Russ.).
41. Chumakov A.N. Globalization. Contours of the whole world. 2nd ed., reprint and add. M., 2009. Pp. 8, 11–13, 15, 34 (in Russ.).
42. Юм Д. Essays: in 2 vols. М., 1965. Vol. 1. Pp. 699, 700 (in Russ.).
43. Jaspers K. The meaning and purpose of history. М., 1994. Pp. 32–37 (in Russ.).
44. Kultur und Zivization: Euiropöeischer Schlüsserwörten. München, 1967. Bd. 3. S. 15.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Василий Иванович –
академик РАН,
главный научный сотрудник
сектора философии
права, истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information
ZHUKOV Vasiliy I. –
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher of the Sector
of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340



ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ

© 2024 г. В. С. Горбань

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gorbanv@gmail.com

Поступила в редакцию 15.07.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования современной историографической модели политico-правовых знаний. В первую очередь она охватывает вопросы науки истории политической и правовой мысли, истории права и философии права. Отсутствие надлежащих разработок в области историографии политico-правовой мысли является основанием для искажений и фальсификаций этой сферы знаний, оказывает негативное влияние на возможности эффективного развития теоретико-исторических правовых наук и использование историографических контекстов отраслевых юридических дисциплин. Разработка современной историографической модели политico-правовых знаний должна вестись с учетом достижений других социогуманитарных наук, логико-философских и историко-философских исследований, включая существенное обновление используемых методов и приемов познания. Важную роль играет утверждение принципов достоверности, верифицируемости и качественного роста знаний, признание типов развития и культурно-цивилизационного многообразия. В статье обобщаются опыт и результаты уже имеющихся исследований историографии в целом и политico-правовой мысли в частности, раскрываются некоторые ключевые проблемы ее развития, продемонстрированы возможности и направления совершенствования методологических аспектов историографии политico-правовой мысли.

Ключевые слова: историография, политico-правовые учения, российская историографическая модель, литературный анализ, национальные типы развития права, российская цивилизация, методы историографии права, роль языка, общественно-религиозное сознание, фальсификации истории права.

Цитирование: Горбань В. С. Формирование современной историографической модели политico-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224070055

FORMATION OF A MODERN HISTORIOGRAPHICAL MODEL OF POLITICAL AND LEGAL KNOWLEDGE

© 2024 V. S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gorbany@gmail.com

Received 15.07.2024

Abstract. The article deals with the problem of forming a modern historiographical model of political and legal knowledge. First of all, it covers the issues of the science of the history of political and legal thought, the history of law and the Philosophy of Law. The lack of proper developments in the field of historiography of political and legal thought is the basis for distortions and falsifications of this field of knowledge, has a negative impact on the possibilities of effective development of theoretical and historical legal sciences and the use of historiographical contexts of branch legal disciplines. The development of a modern historiographical model of political and legal knowledge should be carried out taking into account the achievements of other socio-humanitarian sciences, logical-philosophical and historical-philosophical research, including a significant update of the methods and techniques of cognition used. An important role is played by the affirmation of the principles of reliability, verifiability and qualitative growth of knowledge, recognition of types of development and cultural and civilizational diversity. The article summarizes the experience and results of existing research on historiography in general and political and legal thought in particular, reveals some key problems of its development, demonstrates the possibilities and directions for improving the methodological aspects of historiography of political and legal thought.

Key words: historiography, political and legal teachings, Russian historiographical model, literary analysis, national types of legal development, Russian civilization, methods of historiography of law, the role of language, socio-religious consciousness, falsifications of the history of law.

For citation: Gorban, V.S. (2024). Formation of a modern historiographical model of political and legal knowledge // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 64–78.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Одной из значимых проблем, связанных с уяснением перспектив надлежащего понимания путей развития юридической науки, является отсутствие историографических решений, которые бы в полной мере удовлетворяли задачам эффективного научного поиска, требованиям современной культуры науки, условиям и вызовам развития современного общества и государства. Проблема историографии – это комплекс сложных и требующих значительных творческих усилий вопросов, отсутствие адекватных ответов на которые вынуждает юридическую мысль часто двигаться наощупь, формировать свою содержательную ткань по лекалам, которые малопригодны для современной юридической науки.

Почему именно историография должна рассматриваться как существенная проблема, от решения которой зависит возможность значимых и принципиальных обновлений в современной системе политico-правовых знаний? Отсутствие надлежащей историографии можно сравнить с отсутствием дороги: трудно было бы двигаться по разбитой и неустроенной дороге, не говоря уже о том, чтобы можно было рассчитывать на сколько-нибудь быстрое достижение цели. Существующие в юридической науке подходы к ее историографии как раз очень напоминают разбитую дорогу либо ее отсутствие вообще. Вопросы историографического характера занимают человеческую мысль по крайней мере с Аристотеля, который связывал получение достоверных представлений о вещах с необходимостью

рассматривать их в развитии с момента зарождения¹. Однако историография как предмет теоретического анализа – это уже детище последних двух столетий, начиная с концепций философии истории Гегеля и других мыслителей XIX в.

Исследования историографического плана ведутся в разных отраслях знаний: в общей истории, истории культуры и искусства, общей литературе, языкоznании и пр. Например, русская историография начала разрабатываться как наука лишь в конце XIX в. Это работы Д.И. Багалея², В.С. Иконникова³, П.Н. Милюкова⁴, в дальнейшем это работы Н.Л. Рубинштейна⁵, в эмиграции Г.В. Вернадского⁶. Важный вклад в развитие историографических исследований, прежде всего их логико-методологических аспектов, внесли работы Н.И. Кареева⁷, Г.Г. Шпета⁸, П.А. Флоренского⁹, историко-философских аспектов: Н.О. Лосского¹⁰, В.В. Зенковского¹¹ и др.

В советском правоведении, общей истории и филологии, истории культуры и других областях знаний появились крупные исследования о роли материальной культуры в реконструкции истории общественной мысли, об истории национальных литератур, особенно древнерусской литературы (акад. Д.С. Лихачев¹²), и многие др. Эти исследования позволяют значительно переосмыслить существующие представления о характере, содержании и направленности политico-правовой мысли, дать более точную и объемлющую характеристику изучаемых источников, расширить источниковую базу и приемы познания. В освещении истории политico-правовой мысли, при отборе материала, его анализе и популяризации

¹ См.: Аристотель. Соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч. М., 1983. Т. 4. С. 376.

² См.: Багалей Д.И. Русская историография: в 2 ч. Харьков, 1911. Ч. 1.

³ См.: Иконников В.С. Опыт русской историографии: [т. 1–2]. Киев, 1891–1908.

⁴ См.: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.

⁵ См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

⁶ См.: Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

⁷ См.: Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913.

⁸ См.: Шпет Г.Г. История как проблема логики: критический методик. исследования. М., 1916. Ч. 1.

⁹ См.: Флоренский П.А. Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2014; Его же. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики). М., 2013. Т. 1, 2.

¹⁰ См.: Лосский Н.О. История русской философии. СПб., 2018.

¹¹ См.: Зенковский В.В. История русской философии: в 2 т. М., 1956.

¹² См.: Лихачев Д.С. Культурология: избр. труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006; Его же. Русская культура. М., 2022. С. 17 и сл.

многое зависит от трактовки истории и исторического знания.

Интерес к историографическим исследованиям последние десятилетия только возрастает. Это связано с изменениями в современном мире, повышением роли национальных культур и цивилизационных исследований, изменениями мировой архитектуры и баланса сил, развитием наук, дающим новые возможности для совершенствования и углубления исторических знаний, сохраняющейся трансляцией искаженных представлений об истории некоторыми центрами влияния, попытками фальсификации истории, идеологическими ограничениями и привычками неверной интерпретации истории других стран и народов и пр.

Россия, в том числе на уровне Конституции и принятых в соответствии с ней доктринальных актов¹³, активно выступает за обеспечение достоверности исторических исследований, верифицируемость научных данных в сфере реконструкции политической и правовой мысли, неукоснительное соблюдение принципа защиты исторической правды, уважение многообразия культур, традиций и народов. Обеспечение достоверности и других принципов исторического познания, в частности, в сфере политico-правовых знаний – это непрерывная и большая работа, текущая и перспективная задача, связанная в том числе с формированием российской историографической модели политico-правовых знаний, в которой должны и находят себе применение передовые практики разработки и освещения различных сторон политico-правовых знаний, критики конкурирующих моделей и подходов, эффективные приемы выявления фальсификаций российской и мировой истории политico-правовой мысли, средства доктринального обеспечения цивилизационного пространства российской культуры.

Историографические исследования активно велись в Англии в XX в. Это в первую очередь работы по философии истории Р. Коллинвуда¹⁴, М. Оукшотта¹⁵, П. Винча¹⁶, особенно многочисленные работы последних двух десятилетий. Причем надо сказать, что в английской и американской литературе

¹³ См.: Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

¹⁴ См.: Collingwood R. G. The principles of history and other writings in philosophy of history. Oxford, 1999.

¹⁵ См.: Oakeshott M. On history and other essays. Totowa; New Jersey, 1983.

¹⁶ См.: Winch P. The idea of a social science and its relation to philosophy. 2nd impr. London, 1960.

подчеркивается антиисторический в привычном классическом понимании вектор знаний в разных областях, особенно в области представлений о праве и государстве¹⁷. Особенно наглядно эта тенденция зафиксирована в работах К. Поппера¹⁸. В немецкой науке разрабатывались многочисленные подходы к пониманию «смысла истории» (К. Ясперс¹⁹ и др.).

В начале XXI в. активные разработки историографии заметны в индийской и английской литературе. В 2005 г. в Нью-Дели в Индии индийским ученым М.М. Рахманом была издана пятитомная «Энциклопедия историографии»²⁰. Аналогичная пятитомная работа с названием «Историография» была подготовлена год спустя коллективом английских ученых²¹.

Историография политических и правовых учений как наука начала формироваться лишь во второй половине XX в.²² Речь идет о предметной разработке вопросов природы политических и правовых учений, применяемых методов и приемов познания, ракурсов о преемственности и новизне, о соотношении истории и современности.

Авторский коллектив пятитомной монографии «История политических и правовых учений» (под ред. В.С. Нерсесянца, ИГП АН СССР) еще в 1985 г. констатировал: «К сожалению, в рамках такой научной дисциплины, какой является история политических и правовых учений, специальных историографических исследований пока нет ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Поэтому устранение отмеченного пробела – актуальная, неотложная задача историков политico-правовой мысли»²³.

Обращаясь к проблематике историографии в науке истории политической и правовой мысли,

¹⁷ См.: Horwitz M.J. "Why Is Anglo-American Jurisprudence Unhistorical?" // Oxford Journal of Legal Studies. 1997. Vol. 17. No. 4. Pp. 551–86.

¹⁸ См.: Popper K. Das Elend des Historizismus. 5, verb. Aufl. Tübingen, 1979.

¹⁹ См.: Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1949.

²⁰ Rahman M.M. Historiography. Vol. 1: Traditions and Historians. New Delhi, India, 2005; Rahman M.M. Encyclopaedia of historiography. Vol. 2: Historiography: evolution and development. 2005; vol. 3: Historiography in India; vol. 4: Historiography: theory and philosophy; vol. 5: Historiography: sources and research.

²¹ См.: Historiography / ed. by R.M. Burns. Historiography. Vol. 1: Foundations; Historiography. 2006; vol. 2: Society; vol. 3: Ideas; vol. 4: Culture; vol. 5: Politics. London, 2006.

²² См.: Мамут Л. С. Становление историографии политico-правовых идей // Из истории развития политico-правовых идей. М., 1984. С. 22–33; Крашенинникова Н.А., Чиркин С.В. Критика теорий буржуазной историографии как составная часть спекуляции «Основные проблемы феодального государства и права» // Методика преподавания юридических дисциплин: сб. науч. тр. М., 1986. С. 47–68.

²³ История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1985. С. 27.

Л.С. Мамут рассматривал, что весьма закономерно, в первую очередь немецкую литературу, в которой впервые создавались модели описания истории философии права²⁴. Именно немецкие шаблоны оказывались в дальнейшем примерами для многих последующих историографических описаний. Этому в основном следовала русская дореволюционная историография политической и правовой мысли. В XX в. в разработке историографической проблематики политico-правовых наук активно стали заявлять о себе англо-американские и французские авторы.

Л.С. Мамут справедливо отмечал отсутствие единства в принципах построения и освещения истории политических и правовых идей как теоретических знаний. Немецких авторов он упрекал за неполноту и тенденциозность изложения материала, произвольность компоновки (в частности, в работах Ю. Штадля, Р. фон Моля), других авторов, таких как англичанин Р. Блэки, за чрезмерное увлечение малозначительными писателями, поверхностность и отсутствие заявленного в работе скрупулезного исследования, у французского автора П. Жане положительно оценивался интерес к изучению древнего Востока. В обзоре литературы XX в. бросается в глаза еще более пестрое разнообразие подходов проанализированных Л.С. Мамутом работ.

Замечания в адрес зарубежных историографов философии права и политической мысли во многом совершенно обоснованы. Действительно, в зарубежной литературе нетнятой теоретической разработки историографической проблематики политico-правовых идей. Однако пока мы довольствуемся лишь, так сказать, контурным представлением. Прежде всего, науке истории политической и правовой мысли недостает подробных исследований национальных литератур. С учетом современного уровня науки было неверно требовать единства подходов. Напротив, в различных национальных историографических моделях нужно учитывать языковые, культурные, общественно-религиозные и другие факторы, которые формируют конечный облик конкретной национальной литературы по вопросам истории политических и правовых учений. По-прежнему совершенно неразработанной является проблематика четкого разграничения истории правовой мысли и истории политической мысли. Внутри истории философии права философское обсуждение права часто просто подменяет любое теоретическое осмысление права юристами, вызывая нередко справедливую критику с их стороны в не-пригодности и неточности чрезмерных абстракций для нужд социальной практики.

Европоцентристское представление об истории политической и правовой мысли является типично

²⁴ См.: там же. С. 42 и сл.

самым простым и удобным форматом, который в каких-то аспектах домысливается. При этом совершенно неоправданно и произвольно из предмета истории политической и правовой мысли в европоцентристском изложении выпадает русская политическая и правовая мысль, как и многие другие. Англо-американская литература предполагает принципиально иной тип изложения, который в основном ориентируется на прагматические сюжеты, а не на четкую хронологию. Французская, как и английская литература, значительно больше внимания уделяет истории общественно-политической мысли, чем собственно юридической. Важной проблемой для определения отбираемого материала является собственно понимание права и государства как предмета юридической науки, несмотря на весь накопленный опыт. История мысли – это в значительной степени история соответствующей литературы, изучение которой требует внимания к сюжетам и мотивам, средствам выразительности, морфологической природе языка, показывающей в том числе характер соотношения бытийного и лингвистического, жанровых особенностей и прочих существенных аспектов литературного анализа.

Отдельным проблемным моментом выступает практика идеологических искажений относительно других национальных литератур. Идеологический характер искажений проявляется в принципиальном отрицании другого альтернативного варианта осмыслиения права и признании лишь одной единственной правильной модели изложения, отбора и компонования материала. Нередко, особенно в наше время, отрицается даже наличие сходных слов и явлений. Например, правосознание описывается как некий интеллектуальный продукт одной страны или группы стран, а аналогичные слова, термины и феномены в других языках и культурах искусственно и произвольно не переводятся, а лишь транскрибируются с целью принципиального отграничения инакомыслия. Такой подход лишает науку всякой перспективы, превращает ее в реликт первобытного мышления.

Любопытный пример современных историографических решений предлагает изданный в 12 томах «Курс правовой философии и общей юриспруденции» в издательстве «Springer» (под ред. итальянского ученого Э. Паттаро²⁵). Это издание, весьма объемное и содержащее немало ценного для науки истории политической и правовой мысли материала, тем не менее совершенно по-своему представляет общую проблематику. Курс разделен

²⁵ См.: A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and The Right; vol. 2: Foundations of Law; vol. 3: Legal Institutions and the Sources of Law; vol. 4: Scientia Juris, Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law; vol. 5: Legal Reasoning, A Cognitive Approach to the Law. E. Pattaro, H. Rottleuthner, R. Shiner, A. Peczenik, G. Sartor. Springer, 2005.

на теоретическую часть (первые пять томов) и историческую часть (остальные семь). Тома издавались в период с 2005 по 2016 г. Авторы прямо заявляют, что это первый многотомный курс по правовой философии и общей юриспруденции, в котором предмет охватывается как с позиции теоретической, так и исторической перспективы. Конечно же, это не соответствует действительности. Разве что речь идет о первом курсе истории философии права в истории американской литературы. История философии права, в том числе взятая одновременно и с теоретической, и исторической точек зрения, – хорошо известное явление в мировой литературе. Достаточно упомянуть пятитомный курс под редакцией В.С. Нерсесянца, а также его индивидуальные работы по философии права. В немецкой и русской историко-философской юридической литературе еще в XIX в. имели место уникальные для своего времени проекты по изложению истории политических и правовых учений (например, «История политических учений» в пяти частях Б.Н. Чичерина, включая его работы по философии права²⁶).

Названный зарубежный «Курс правовой философии и общей юриспруденции», хотя и выполнялся под редакцией итальянского автора, но вместе с тем имеет главную задачу показать выборочно историю философии права с позиции «мира общего права» – установки, которая выступает либо как основной предмет исследования, либо как ориентир для обсуждения всех остальных. В итоге политico-правовая мысль «мира общего права» оказывается фундаментально вписанной в общемировую картину истории. Другие типы литератур показаны во множестве, но в весьма узком хронологическом и содержательном горизонте. Это основательный курс для нужд и целей американской юриспруденции и философии, который выполняет вполне очевидную для квалифицированного читателя идеологическую функцию.

Историография может фокусироваться на теоретическом плане, а именно, когда мы ведем речь о философском или теоретическом восприятии предмета для того, чтобы продемонстрировать прогресс мысли в логико-понятийной составляющей. Однако не менее значимым является представление об историографии как модели конкретной науки, с ее индивидуальными чертами. Историография может рассматриваться как всеобщая, претендующая по крайней мере как пропедевтическая, модель на охват неких общих для мировой истории типовых характеристик возникновения, развития и современного состояния, в частности, политических и правовых идей. В этом искомом качестве она может складываться только в опоре

²⁶ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869–1902. Ч. 1–5.

на принципы полноты, достоверности и проверяемости знаний. Для этого необходимо изучение национальных и региональных типов формирования историографических моделей. И здесь историография политической и правовой мысли выступает как национальная, которая пишется конкретными авторами на конкретном языке.

Ф. М. Достоевский в статьях о русской литературе писал: «Наука, конечно, вечна и незыблема для всех и каждого в основных законах своих, но прививка ее, плоды ее именно зависят от национальных особенностей, то есть от почвы и народного характера»²⁷.

Полученные результаты при установлении, выяснении и разъяснении индивидуальных черт национальных правовых литератур и практик трактовки истории политической и правовой мысли должны сравниваться и сопоставляться с теми образцами, которые позволяют либо проверить соответствующие знания, либо продемонстрировать своеобразие соответствующего описания. Нет никаких сомнений в том, что в истории есть очевидные факты, общеизвестные, своего рода, обстоятельства, не нуждающиеся в доказывании. Например, Французская буржуазная революция или Октябрьская революция в России. Однако то, как соответствующие события формировали политico-правовые представления, как их трансформировали и пр. – все это требует кропотливого и тщательного освещения, избегая случайных и других искажений.

Историография задает тон всем остальным юридическим исследованиям. Она не исчерпывает проблематику юридической науки. Однако она непосредственно способствует формированию идейного содержания права, выступает его несущим каркасом. Это своего рода базовая технология, которая создает определенную почву для развития или отставания всей науки. Если историографические шаблоны и каноны задаются какой-то внешней, устаревшей или чужой моделью, что, однако, может иметь и латентный характер, то внутреннее развитие юридической мысли, ее философских, исторических, догматических и практических компонентов, оказывается всегда в роли отстающего и воспринимающего характер соответствующих институциональных или идейных моментов на ощупь, пытаясь как бы насилино привить себе некоторое понимание. Простой пример идеи «мягкого права» наглядно показывает искаженные представления о природе права и его истории. С незапамятных времен в юридической науке и практике известен такой метод регулирования

как убеждение. Однако в современной литературе он всячески подается в виде транслируемого американской доктриной международного права конструкта “soft law”, создающего даже на уровне юридического словаря парадоксальное мысленное разделение права на «жесткое» и «мягкое», что само по себе уже вредит авторитету права в обществе.

Подобно тому как И. Кант в его «Критике чистого разума» рассуждал о том, что такое аналитические и синтетические суждения, можно сказать, что историография, включающая и догматическую, и критическую составляющие, ведет как раз к расширению знаний, к их критическому восприятию, служит основой критического взгляда на весь сложный многообразный, составленный из различных элементов процесс возникновения и эволюции политico-правового мышления.

Немецкая юридическая наука формирует собственную историографию, в которой значимые события прошлого освещаются как предыстория собственно немецкой мысли, немецкой философии. Аналогичным образом поступают во многих других странах. В этом смысле очень важными являются самосознание, культурная и цивилизационная идентификация. Если такое сознание отсутствует, то происходит копирование чужого опыта, подражание ему и в итоге умышленное или неосознанное пересоздание базовых ценностей другой культуры.

В современной довольно типовой модели реконструкции истории политической и правовой мысли традиционно описывается западноевропейская, усредненная во многих отношениях, последовательность восприятия права и его обсуждения в различных видах литературы. Как правило, чтобы не углубляться в критику, догматически принимается соответствующая модель на веру и описывается более или менее полно. На деле же оказывается, что многое даже внутри самой западноевропейской правовой традиции подается не-полно, недостоверно, в определенном, выгодном для себя свете. В итоге мы имеем зачастую картину политico-правовой мысли в приукрашенном виде, которая сохраняется и возделывается нередко в отрыве от внутренних потребностей тех стран, которые непосредственно включены в соответствующую орбиту. Та же немецкая юридическая мысль XIX в. чрезвычайно продуктивна и разнообразна. Именно в плане основательных и программных теоретических и методологических сочинений в данный период конкурентам немецкой юридической литературе найдется немногого. Однако даже в немецкой литературе по истории права найдется немного исследований, в которых была бы подробно и полно показана и проанализирована история именно юридической мысли, ее

²⁷ Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л., 1978. С. 50.

направлений и познавательных установок. Наряду с этим в современных изданиях к числу наиболее влиятельных юристов и философов права могут отнести, например Б. Обаму, поскольку он поддержал финансирование когнитивных исследований в каком-то научном центре, или А. Розенберга, одного из нацистских преступников, осужденных приговором Нюрнбергского трибунала²⁸.

Каждый вид национальной юридической литературы – будь то немецкая, французская, итальянская, английская или какая-то другая – непременно стремится к такому типу реконструкции юридической мысли, при котором национальный подход оказывается в центре, а все остальное из истории и современности выступает как контрастный фон для соответствующих аргументов и оценок.

История русской политico-правовой мысли обставляется в западной литературе традиционно в очень ограниченном виде и в искаженном представлении. Это зачастую делается сознательно чуть ли не в виде отрицания ее как таковой. К сожалению, такому ложному представлению способствовали на протяжении многих лет и некоторые отечественные авторы разных исторических эпох, испытывавшие особый пытет к западной культуре, не обращая внимания на ее разнообразное содержание, а не только на ее показную внешнюю эстетику.

Например, в немецкой юридической литературе в качестве единственных и показательных имен для характеристики русской политической и правовой мысли называются Л.Н. Толстой, В.И. Ленин, Е.Б. Пащуканис, А.Я. Вышинский, И.В. Сталин²⁹. И на этой основе в наиболее популярных и известных изданиях по истории философии права предлагается судить о содержании и характере русской политico-правовой мысли. Все российские правоведы и государственные деятели в основном оцениваются в негативном ключе. В частности, Л.Н. Толстой объявляется наиболее ярким выразителем якобы характерной для России черты – правового нигилизма. В другом издании Г. Радбрух относил Л.Н. Толстого к тем, кто вообще отрицал положительную ценность права³⁰. В этих оценках русской политической и правовой мысли содержатся в основном искаженные представления. На самом деле нет никакой разницы между верой И. Канта в нравственный закон и аналогичной верой Л.Н. Толстого. Можно разве что показать особенности разъяснения нравственности у обоих мыслителей. Произведения Л.Н. Толстого не призывают

²⁸ См.: *Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Salinger. 9, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016.

²⁹ См.: *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7, neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.

³⁰ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 111, 112.

к анархизму, хаосу, нигилизму. Его критика в небольшом «Письме студенту о праве» в адрес позитивного права не содержит ничего особенного и содержательного – это не более чем эмоциональная и вполне типичная для писателей и поэтов позиция по отношению к позитивному праву, понимаемому как набор властно зафиксированных привилегий и жестоких наказаний, что особенно с исторической точки зрения совершенно не лишено оснований³¹. Для писателей и поэтов, как тех, кто решительно требовал перемен, справедливости, свободы и равенства, было характерно желание порвать с правом, с его принудительно-карающим характером. Они публично отказывались от юридической профессии и пр. Но это не более чем особенности жанра. И тот же Г. Радбрух сам это прямо подчеркивал. Однако Л.Н. Толстого он такого права почему-то лишил. Вероятно, еще и потому, что знакомился Г. Радбрух с идеями русского классика не по произведениям писателя, а лишь в пересказе одного из русских эмигрантов³². Чтобы подчеркнуть простоватость и неточность, с которыми Г. Радбрух взялся за изучение идей Л.Н. Толстого, можно напомнить о письмах В. Гюго к издателям его книг, в которых нередко сообщалось о совершенно бесправном состоянии многих французов и беззаконии в различных жизненных делах во Франции³³. Но разве В. Гюго выражает типичную для французов черту – правовой нигилизм? Кроме того, в западной литературе творчество великого русского писателя постоянно находится в центре внимания исследователей, и интерес к его идеям как философа только возрастает³⁴.

В западной юридической литературе мы найдем при необходимости такое же множество рьяных критиков права, нигилистов, анархистов, как и тех, кто выступал в защиту права. Одной из сквозных, особенно для немецкой юридической и общественно-политической литературы, тем в XIX в. было отмирание права, которая ошибочно приписывается ранним советским юристам. Последние, особенно Е.Б. Пащуканис, лишь попытались подхватить эту тему и развить немного

³¹ См.: Толстой Л. Н. Письмо студенту о праве (1909 г.) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / под общ. ред. В.Г. Черткова; 1909–1910. М., 1936. Т. 38. С. 54–61.

³² См.: Sapir B.M. Tolstoi und Dostojewsky über Probleme des Rechts. Hochschulschrift, 1932.

³³ См.: Гюго В.М. Несчастные / Misérables / пер. О.Н. Поповой и А.Н. Энгельгардт. СПб., 1902. С. II–III. (Роман известен также под названием «Отверженные»).

³⁴ См.: Martin E. Formen der Negation bei Lev Tolstoj. München, 2011; Falkner D. Straftheorie von Leo Tolstoi. Berlin, 2021; Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker / Martin George / Jens Herlitz / Christian Münch / Ulrich Schmid (Hg.). 2. Auflage. Göttingen, 2015; Foster J. B. Transnational Tolstoy: between the West and the world. New York, 2013.

подробнее³⁵. Ю. Кирхманн в 1847–1848 гг. заявил о «бесполезности юриспруденции как науки»³⁶, поверив программным тезисам исторической школы права. К. Маркс спрогнозировал отмирание права по мере устранения классовых противоречий и достижения искомого идеала коммунистического общества³⁷. Были радикальные теории права, объясняющие его через насилие, как у Л. Гумпловича³⁸. В ХХ в. проявились расистские теории «права» в лице прислужников национал-социализма. Приговор Нюрнбергского трибунала дает отчетливое и ясное представление о том, до каких «высот» добралась немецкая мысль³⁹. Отнюдь не сами немцы объявили национал-социализм преступной идеологией. Это стало возможным благодаря советской армии и советскому народу, спасшему очередной раз в истории европейские народы.

В 1815 г. баварский ученый, преподаватель философии и эстетики, университетский библиотекарь и директор школы в г. Эрлангене Готлиб Эрнст Август Мемель опубликовал работу под названием «Чистое учение о праве»⁴⁰. Это первая часть его курса «науки о государстве», который называется «Чистое учение о государстве». Он попытался разработать «Теорию права, или учение о праве» на основе положений философского учения И. Канта, в особенности его «Метафизических начал учения о праве». Данная работа интересна еще и тем, что она демонстрирует логику и происхождение «чистых учений о праве», которых в истории правовой мысли было много. Вдохновил на поиски «чистых учений о праве» прежде всего Кант. Книга Г. Кельзена «Чистое Учение о Праве»⁴¹ представляет собой небольшой эпизод в историографии данной темы.

На титульных страницах названной книги Г. Мемеля содержится следующее посвящение: *Его Величеству Могущественному Кайзеру России Александру⁴², Выдающемуся Ангелу-хранителю*

³⁵ См.: *Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий)*. М., 1924.

³⁶ *Kirchmann J. H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag*. Berlin, 1848.

³⁷ См.: *Маркс К. Манифест Коммунистической партии*. М., 1951. С. 23, 24.

³⁸ См.: *Gumplowicz L. Der Rassenkampf: soziologische Untersuchungen*. 2, durchges. und mit Anhang, enth. die 1875 erschienene Schrift “Rasse und Staat” vers. Aufl. Innsbruck, 1909.

³⁹ См.: *Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира*. М., 2021.

⁴⁰ *Mehmel G. Die reine Rechtslehre*. Erlangen, 1815.

⁴¹ Название книги Кельзена в оригинале написано именно большими буквами, в духе символизма.

⁴² Далее ошибочно указывается «Второму». Книга издана в 1815 г., и речь шла об Александре I.

и Великодушному Освободителю плененных народов, Доблестному, покрытому вечной славой Благодетелю мира, восстановившему правовой порядок в Европе (выд. мною. – В.Г.), с глубочайшим уважением и низким поклоном посвящается.

В исторической панораме политico-правовых идей заметны сквозные темы и общественная озабоченность, которые по-своему пытаются решить мыслители разных эпох. Они являются своего рода маркерами для историографического построения, указателями целостности знаний и попыток лишь по-разному аргументировать. Так, идею Закона и Благодати, где ветхий Закон выступает необходимой предпосылкой для достижения христианской Благодати («положил Закон на предготовление истине и Благодати», «ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и истине», «прежде Закон, потом она, Благодать»⁴³), мы читаем уже у Илариона в XI в., но та же, по сути, тема, с определенными уточнениями, звучит в формулах И. Канта о легальности и моральности, о юридически-гражданском и этически-гражданском состояниях. Немецкий протестантский философ для победы, а точнее перевеса, над «неустанно воинствующим злом» считал необходимым достижение сначала юридически-гражданского (политического) состояния, а затем – возможного только на основе этого первого – этически-гражданского состояния, т.е. основанного только на законах добродетели⁴⁴. Этическое общежитие, как писал Кант, «может существовать в среде политической общности и даже включать всех ее членов (так как если бы политическая общность не лежала в основе этической, люди не смогли бы осуществить эту последнюю)…»⁴⁵. Аналогичным образом размышлял Р. Иеринг о связи права и нравственности, для которого право было лишь необходимым средством для обуздания человеческого эгоизма и становления человека на путь нравственности.

Л.И. Петражицкий убеждал современников, что правовые эмоции, несмотря на свой воинственный характер, все же имеют тенденцию к утверждению порядка и мира в общественной жизни, и при правильно организованной политико-воспитательной работе они (как здоровая правовая психика) будут способствовать более быстрому и осознанному приближению к христианскому идеалу: «Идеалом является достижение совершенно социального

⁴³ *Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина*. М., 1994. С. 31, 33.

⁴⁴ См.: *Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. Религия в пределах разума. Метафизика нравов*. М., 1994. С. 98, 99.

⁴⁵ Там же. С. 99.

характера, совершенное господство действенной любви к человечеству»⁴⁶.

В этом же направлении развиваются представления Г. Елинека и В.С. Соловьева о праве как этическом минимуме.

В учении И.А. Ильина приведенное соображение демонстрирует следующий фрагмент: «Как ни горько и ни суроно звучит это, но право и правопорядок необходимы как своего рода “намордник” для своеокрыстной злой воли и для хищного инстинкта»⁴⁷.

В этих примерах читается созвучность сквозной для человеческой культуры темы о правилах и обрядах инициации, посвящения, составляющих огромный пласт культуры древности, в видоизмененном состоянии присутствующих повсеместно и сегодня. Наглядный пример – система правил посвящения, инициации, а также испытаний, задавания задач, сопровождавших проверку силы и вознаграждение за добродетели у героев народного творчества – в сказках, мифах. Профессор В. Пропп, известный филолог, в своих исследованиях «исторических корней волшебной сказки» писал: «По мере того как развивалась техника, развивалась социальная жизнь – вырабатывались известные нормы правовых и иных отношений, которые были возведены в куль и стали называться добродетелями»⁴⁸. Поэтому «проверка добродетелей» рассматривалась как необходимое условие для продолжения пути мифологического или фольклорного героя.

Корни политico-правовых явлений и идей значительно глубже их литературной обработки. Наряду с выборкой событийных характеристик, которые, безусловно, наиболее показательны для освещения истории политической и правовой мысли, важны и другие аспекты – обыденные, общекультурные, историко-филологические, просветительские, социально-практические и пр.

Что за парадокс добираться до собственного мышления окольными путями, путем выслушивания и воспроизведения всего того, что связано с творческим взрослением других культур?! Да и кто им, этим другим культурам, выдал аттестат зрелости? Разве что они его выписали себе сами. Однако самоаттестация в науке выглядит малоубедительно. Любой факт, любое научное событие, формирующие каркас науки и ее содержание, должны подвергаться тщательному анализу, критике, сравнению. И. Кант, например, убедительно утверждал, что настоящая метафизика

⁴⁶ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 3.

⁴⁷ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 222.

⁴⁸ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2021. С. 103.

должна состоять из доктрины и критики⁴⁹. Конечно, кантовская критика имеет свой характер и не исчерпывает возможностей критики. Однако постановка вопроса выглядит совершенно обоснованной и правомерной.

Мировую историю мысли нужно знать для того, чтобы иметь возможность делать действительно научные выводы о развитии политico-правовых знаний. Но именно мировую, а не ограниченную очень узким горизонтом одного единственного взгляда на мир и историю его развития. Мало того, что движение мысли идет по подсказанным и нередко недостоверным указателям, но оно еще и сопряжено с таким количеством неточностей, искажений, вольных интерпретаций, что в итоге мы получаем часто, может быть даже и весьма изящную, но сюрреалистическую картину политico-правовых знаний, часто лишенную перспективы, света и тени.

История как познавательная область и как наука возделываются с давних времен. Однако логическое понимание истории как развития связано с гегелевской философией, в которой отчетливо выразилось представление о том, что мысль как движитель всего в мире в интерпретации немецкого философа развивается необходимым образом по своему внутреннему закону как в логике (мышлении), так и в истории. А последняя, соответственно, представляет собой по необходимости развивающийся всемирный процесс. Идея, конечно же, не нова. По своей сути она является пересказом на светский лад христианской модели мира и его развития. При этом Гегель далеко не всем народам предоставлял право на историю. По убеждению данного философа, до истории нужно дорасти, а этот рост связан с развитием идеи и сознания государства. У тех народов, у которых политическое мышление не достигло необходимого уровня, не сформировалось представление о государстве как наивысшей нравственной форме реализованной свободы, нет и истории. Аналогичным образом размышляют и о философии, и об истории мысли, и об истории политических и правовых учений. Например, популярный в XX в. немецкий философ М. Хайдеггер утверждает, что философия – это изобретение стран Западной Европы, и что якобы только там знают и понимают, что она из себя представляется. И более того, только там и способны заниматься философией, но не в других странах. Все остальное, независимо, есть оно или нет, знают его товарищи Хайдеггеры или нет, просто *не*-философия. М. Хайдеггер занимает свое почетное место в современной философии, но требовать для себя интеллектуального патента на философию выглядит простовато для подлинной науки. Вообще, нужно сказать, мифическое патентное ведомство, которое традиционно раздает легитимации на право заниматься философией

⁴⁹ См.: Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума.

или политико-правовой мыслью, выглядит каким-то атавизмом средневековья.

К сожалению, требование-претензия М. Хайдеггера неосуществимо еще и потому, что, во-первых, никакой единой западной философии просто не существует и никогда не существовало. Все, что собирает включается в это обозначение, имеет на самом деле индивидуальные черты итальянской, французской, немецкой, английской, шотландской, ирландской и прочих философских национальностей. Именно в своей самобытности и индивидуальности все эти национальные философии по-настоящему интересны и познавательны. Неужели данный философ спутает немецкую и французскую философию? Очевидно, нет. Вся другая *не-немецкая* философия для него будет периферией, фоном для контрастного освещения немецкой философии. Во-вторых, всякая ли часть Европы может похвастаться какой-то значимой философской литературой? Но в истории философии, в том числе философии права, не были до сих пор заметны, скажем, ни португальская, ни бельгийская, ни датская, ни многие другие предполагаемые в обозначении «западная философия» компоненты.

Говоря об истории политической и правовой мысли, истории философии права, мы непременно имеем в виду прежде всего литературную историю, т.е. самую доступную для изучения историю литературы и текстов. При этом, нужно заметить, что литературные источники, безусловно, важны и составляют, по сути, главный предмет исследовательского интереса, но они отнюдь не единственный источник. Это источниковедческая проблема, которая пока еще не получила достаточного освещения в науке истории политической и правовой мысли.

Например, религиозные философы средневековья рассказывают в латинских текстах о своих попытках в доказывании с помощью античной логики христианских постулатов. Их рассуждения о власти и правлении, взаимоотношениях церковной и светской властей, об обязанностях христианина и др. складываются в зарубежной историографии в некую картину последовательного развития и поисков истины, философской культуры и эстетики. Политическая и правовая мысль средневековья образуется из обоснования догматов инославия в виде учения формирующейся католической церкви, выразившегося в спорах номиналистов и реалистов. И здесь мы видим желание средневековых авторов лишь применить античный логический инструментарий, доведенный ими до схоластики. В то же время, например, история общей литературы убедительно показывает, что интеллектуальная культура народов Западной Европы на тот момент была слаборазвита, только формировалась и искала себя в простейших формах церковно-монашеской литературы и фольклора.

Сопоставляя эти процессы, напрашивается вывод, что политическая и правовая мысль средневековья выглядит значительно скромнее, чем представляется традиционно. В итоге даже удачные сочинения отдельных мыслителей выглядят при ближайшей проверке зачастую именно как отдельное явление, как опыт их конкретного ознакомления с античной классикой и ее применения, но не как срез эпохи, не как убедительная характеристика состояния политико-правовой мысли времени.

Мы не ставим вопрос о том, что история политической и правовой мысли в странах Западной Европы является малозначительной. Речь идет о другом, а именно о том, что она не является константой, содержит много пробелов, много архаизмов и ложных интерпретаций даже собственной традиции. Но ее историографическая модель совершенно не позволяет взглянуть на нее критически, так сказать, исправить существующие недостатки и заполнить значительные пробелы. К сожалению, западная историографическая традиция напоминает познавательные установки школы первых европейских юристов – гlosсаторов, которые, задавшись целью изучения римских правовых источников, полагали, что ни знания греческого или латыни, ни знания истории для осуществления их проекта вовсе не требуются, что нередко приводило к бессмысленным и причудливым комментариям⁵⁰.

В истории политической и правовой мысли Западной Европы нет никакого единства и последовательности. Это просто идеологема, популярный миф. Английская юридическая мысль в исполнении юристов появляется со временем Бентама, а до этого она представляет из себя набор тем, обсуждаемых дополнительно некоторыми политическими философами. Научный характер или характер законченной философской системы права она не приобретает. Скорее это ряд высказываний, некоторых размышлений о значении права. Правовые взгляды Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Локка практически не обсуждались в активно развивавшейся юридической мысли XIX в. Германии или Франции. Если мы предметно займемся изучением английской юридической мысли, то внутри нее легко обнаружим, что, например, шотландские или ирландские авторы на протяжении многих веков, вплоть до нынешнего времени, пытаются отграничить свои политико-правовые идеи и даже нередко локальные правовые системы от английской. Поскольку это совершенно невыгодно для английской национальной литературы – выделять какую-то шотландскую правовую мысль, то в общедоступных источниках совершенно замалчивается

⁵⁰ См.: Savigny F. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Teil, Heidelberg, 1815; Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 2001.

информация о правовой культуре и правовой мысли Шотландии. Однако факт остается фактом.

Немецкая юридическая мысль активно развивается только с конца XVIII в., равно как и философия права. Науки, в частности юриспруденция в виде теории права или теоретически оформленной философии права (как дисциплина со своим предметом, методом и внутренней организацией), в современном представлении появляются только вместе с открытием национальных языков, что стало закономерным результатом реального осознания истории и себя в истории. Большой период истории становления юриспруденции и юридической мысли связан с историко-филологическим, антикварным изучением древних источников. Изучались тексты древних, но весьма прогрессивных актов, ставших основной общего европейского права. Однако подлинное развитие науки права происходит только после того, как она приобретает конкретный, национальный характер. Философские рационалистические идеи служат теперь каркасом, который позволяет упорядочить весь материал в систему.

Кантовский критицизм, как и весь немецкий идеализм, — целиком и полностью продукт протестантизма, ищущего опору в философии; критицизм Канта прокладывает прямой путь к реализму и «новому», очередному открытию истории, отказываясь от догматизма, не ограниченного критикой самой способности суждения — или, как гласит протестантская доктрина, *sola scriptura*, а не вся последующая догматика; человек и его индивидуальный опыт богообщения и есть собственно церковь в протестантской трактовке⁵¹. Кант удачно объясняет, как возможно сосредоточиться на самом человеке, на его сознании. Ответ находится просто — так же, как учит протестантская доктрина — непознаваемость вещей в себе, агностицизм. Об этом уже вовсю твердил шотландец Д. Юм. Но в лице Канта это был мощнейший удар по догматике вообще, в том числе по рационалистической доктрине естественного права, господствовавшей долгое время. В итоге Кант и историческая школа права идут рука об руку.

Решающим при этом фактором становится интерес к национальной истории и культуре. В период реакции Гегель пытается примирить действительное с разумным и тем самым не возбуждать революционные настроения в обществе⁵². Историческая школа права активно пропагандирует тезис о невмешательстве в развитие права, так как, по убеждению ее сторонников, оно возникает и эволюционирует исключительно органическим путем подобно языку или

⁵¹ См.: История религий / Митр. Иларион (Алфеев), прот. О. Корыtkо, прот. В. Васечко. М., 2016. С. 346 и сл.

⁵² См.: *Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Berlin, 1821.

растению⁵³. Несмотря на все призывы к преобразованию социальной действительности в лице ровесников юриста Р. Иеринга к «борьбе за право» и социального философа К. Маркса к «пролетарской революции», немецкая юридическая мысль, которая достигла больших успехов в XIX в., оставалась весьма консервативной. Можно даже сказать, что невероятное интеллектуальное разнообразие у немцев мало претворялось в действительности. По крайней мере процесс этот шел крайне медленно. Р. Иеринг жаловался на своих современников, что многие одобрительно киваю, показывая согласие с его взглядами, но подтверждая это в своих сочинениях, не говоря уже о том, чтобы развить их дальше, не решаются.

У французов большую роль играла аналитическая юриспруденция. В наше время ошибочно полагают, что она зародилась в Англии. Это не соответствует действительности. Она представляет собой результат интеллектуальной работы французских юристов. Когда английскую юриспруденцию называют аналитической, то в этом заключается весьма любопытный парадокс и известная хитрость. Английский язык по своему типу аналитический, в отличие от флексивных языков (русский, греческий). После того, как в английскую юриспруденцию проникли идеи лингвистической философии, то в лице Г. Харта появилась версия английского неопозитивизма и своего рода неоаналитической юриспруденции. Дело в том, что те ключевые положения, на которых Харт обосновывает «концепт права»⁵⁴: открытая текстура, контекстуальность и пр. — все это заложено уже в особенностях английского языка как такового. Поэтому то, что говорит Харт о праве, это на самом деле означает — просто думать по-английски о праве. Это даже не школа и не наука в юридической мысли. Это самобытная черта английской языковой и социальной культуры. Изучать и описывать его необходимо несколько иначе в сравнении с теоретическими обобщениями и абстракциями, к которым тяготеет исторически и культурно мысль в странах континентальной Западной Европы, в России.

Именно французская юриспруденция стала аналитическим проектом, так как именно французские юристы являются своего рода изобретателями ее в юридической науке XIX в., а вовсе не англичане. Последние включились в эту работу в своей английской версии — очень замкнутой и консервативной — значительно позже. О том, что именно французам принадлежит первенство в разработке аналитического компонента в юриспруденции, соответствующего набора приемов познания, легко убедиться изучив историю созданий первых в Европе кодексов,

⁵³ См.: *Savigny F. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*. Heidelberg, 1814.

⁵⁴ *Hart H. The concept of law* / ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford, 2012.

появившихся во Франции. Об этом красноречиво пишет П.А. Фейербах в его небольшом сочинении (предисловие к работе одного из его учеников) «Взгляд на немецкое правоведение» (1810)⁵⁵.

В конце XIX в. К. Бергбом в своей знаменательной работе об апологетике юридического позитивизма подробно описывает отсутствие сколь-нибудь значимых изменений в данном вопросе — о влиянии различных национальных школ друг на друга⁵⁶. Особенno это касается отсутствия на протяжении всего XIX столетия значимого взаимного интереса и влияния друг на друга со стороны английских и континентальных юристов.

Колossalную роль в развитии всей интеллектуальной культуры XIX в. играет «открытие» национальных языков, на которых отныне стали писать философскую и научную литературу. Несложно предположить, что известность или точнее ясность философского языка Канта, Фихте или Гегеля не в последнюю очередь связана с тем, что они творили свои сочинения на родном для них и их читателей немецком языке. Он не только делал философию права, юридическую мысль ярче, точнее, образнее, но и показывал ее по-настоящему индивидуальный характер. И вовсе не случайно почти сразу юристы задумались о роли сравнительных методов, так как впервые поняли, что у каждого народа свой «дух» права (П.А. Фейербах, К. Савини, Р. Иеринг и др.). Можно с уверенностью сказать, что не только у каждого народа есть свой дух права, но и у каждого более или менее отчетливого юридического понятия и идеи есть свой интеллектуальный паспорт. Они могут менять прописку, усваивать новые черты. Но суть дела это не меняет. История взаимоотношений римского права и национальных правд, правовых обычаяв народов Западной Европы, идей просвещенной Европы и русской культуры — во всех подобных случаях национальное и народное приходит в столкновение с внешним и заимствованным. В одних случаях внешнее оказывает большую услугу народу и помогает развитию образования, науки, культуры, а в других случаях оно может сдерживать развитие, в том числе, когда национальная культура уже достигла в своем развитии высот, позволяющих ей двигаться самостоятельно. Удивительный, пока малоизученный в истории политической и правовой мысли пример — сравнение состояния церковно-монашеской (основной источник политической философии европейцев) и общей литературы западноевропейских народов в средневековье. Первая обычно выглядит вполне уверено, демонстрирует применение античной логики (прежде

⁵⁵ См.: *Feuerbach P.J.A.* *Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft*. München, 1810.

⁵⁶ См.: *Bergbohm K.* *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen*. Bd. 1: *Einleitung*. Abh. 1: *Das Naturrecht der Gegenwart*. 1892.

всего Аристотеля) к христианским и политическим сюжетам. Состояние же народной литературы (эпосы, мифы, сказки и пр.) значительно точнее показывает пока еще очень слаборазвитую культуру. Для истории политической и правовой мысли важен не только отвлеченный взгляд на логико-понятийные уточнения, споры, введение новых политических сюжетов, но и то, какой познавательный и просветительский характер имели соответствующие работы и идеи, какие культурные факторы определяли действительное состояние мысли, вместе с историко-конкретными описаниями, особенностями материальной культуры и пр.

Известный немецкий историк права XX в. Ф. Виакер, автор знаменательного труда под названием «История частного права Нового времени»⁵⁷, попытался объяснить историю частного права, прежде всего как историю науки и юридической мысли, показывая, что приобщение европейских народов к римской юриспруденции шло медленно, путем влияния и усвоения логических фигур и образов мышления, сформировавшихся в позднелатинской школе. Оно двигалось в направлении обеспечения единства делопроизводства, записей, составления актов, формирования клерикального мышления. Вся последующая история юриспруденции идет путем технического совершенствования приемов указанной работы. Многие века заметна лишь работа юристов по сбору античного материала, его комментированию, составлению выборок, компендиумов, сборников, систематизации (это даже некая новая ступень, проявившаяся не сразу). Идейное содержание было очень скучным, а без него настоящая наука не развивается. Поэтому, когда прорывается написанная, например, в Германии на немецком языке идеалистическая философия, будоражащая теперь умы немцев с помощью понятных для них средств выразительности, а не сухого языка латыни, многовековой технической юриспруденции придается теоретический каркас. Она приобретает скелет, структуру, которая отныне медленно преобразуется в теорию права. На этом строит свои размышления Р. Иеринг во вводной статье, с которой начинается издание «Ежегодника современного римского и немецкого права», о «нашей задаче» в современной юриспруденции, в которой он выделяет низшую техническую юриспруденцию и высшую теоретическую⁵⁸.

⁵⁷ *Wieacker F.* *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung*. 3, durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.

⁵⁸ См.: *Jhering R.* *Unsere Aufgabe* // *Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts*. Bd. 1. 1857. S. 1–52.

* * *

В своем идейном поиске юридическая мысль далеко не сразу осознает себя и свои задачи. Нужна большая историческая работа по технической первичной обработке материала. Историография может показать действительную работу мысли в политической и правовой сферах, срез эпохи с точки зрения ее исторически-конкретного интеллектуального содержания и духовно-нравственных поисков, а для этого нужны большие массивы данных разных наук, но служащих в данном случае задаче надлежащей реконструкции предмета истории политической и правовой мысли. Однако историография может демонстрировать и лишь некоторый избирательный событийный ряд, который будет создавать впечатление об определенной тенденции в исторической легитимации современного положения. Во всяком случае настоящая наука истории политической и правовой мысли может и должна опираться только на принципы достоверности, верифицируемости, признания разнообразия типов развития, уважения многообразия народов и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч. М., 1983. Т. 4. С. 376.
2. Багалей Д.И. Русская историография: в 2 ч. Харьков, 1911. Ч. 1.
3. Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
4. Гюго В.М. Несчастные / Misérables / пер. О.Н. Поповой и А.Н. Энгельгардт. СПб., 1902. С. II–III.
5. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л., 1978. С. 50.
6. Зенковский В.В. История русской философии: в 2 т. М., 1956.
7. Иконников В.С. Опыт русской историографии: [т. 1–2]. Киев, 1891–1908.
8. Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина. М., 1994. С. 31, 33.
9. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 222.
10. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1985. С. 27, 42.
11. История религий / Митр. Иларион (Алфеев), прот. О. Коptyкто, прот. В. Васечко. М., 2016. С. 346.
12. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. Критика чистого разума; т. 6. Религия в пределах разума. Метафизика нравов. С. 98, 99.
13. Карапов Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913.
14. Крашенинникова Н.А., Чиркин С.В. Критика теорий буржуазной историографии как составная часть спецкурса «Основные проблемы феодального государства и права» // Методика преподавания юридических дисциплин: сб. науч. тр. М., 1986. С. 47–68.
15. Лихачев Д.С. Культурология: избр. труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006.
16. Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2022. С. 17.
17. Лосский Н.О. История русской философии. СПб., 2018.
18. Мамут Л.С. Становление историографии политико-правовых идей // Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984. С. 22–33.
19. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. М., 1951. С. 23, 24.
20. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.
21. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924.
22. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 3.
23. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2021. С. 103.
24. Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 111, 112.
25. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
26. Савенков А.Н. Нюорнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
27. Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве (1909 г.) // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. / под общ. ред. В.Г. Черткова; 1909–1910. М., 1936. Т. 38. С. 54–61.
28. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики). М., 2013. Т. 1, 2.
29. Флоренский П.А. Философия культа (опыт православной антроподицей). М., 2014.
30. Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869–1902. Ч. 1–5.
31. Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 2001.
32. Шпет Г.Г. История как проблема логики: критич. и методол. исследования. М., 1916. Ч. 1.
33. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and The Right; vol. 2: Foundations of Law; vol. 3: Legal Institutions and the Sources of Law; vol. 4: Scientia Juris, Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law; vol. 5: Legal Reasoning, A Cognitive Approach to the Law. E. Pattaro, H. Rottleuthner, R. Shiner, A. Peczenik, G. Sartor. Springer, 2005.
34. Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892.
35. Collingwood R.G. The principles of history and other writings in philosophy of history. Oxford, 1999.
36. Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016.
37. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7, neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.
38. Falkner D. Straftheorie von Leo Tolstoi. Berlin, 2021.

39. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
40. *Foster J.B.* Transnational Tolstoy: between the West and the world. New York, 2013.
41. *Gumplovicz L.* Der Rassenkampf: soziologische Untersuchungen. 2, durchges. und mit Anhang, enth. die 1875 erschienene Schrift "Rasse und Staat" vers. Aufl. Innsbruck, 1909.
42. *Hart H.* The concept of law / ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford, 2012.
43. *Hegel.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1821.
44. Historiography / ed. by R.M. Burns. Historiography. Vol. 1: Foundations; Historiography. 2006; vol. 2: Society; vol. 3: Ideas; vol. 4: Culture; vol. 5: Politics. London, 2006.
45. *Horwitz M.J.* "Why Is Anglo-American Jurisprudence Unhistorical?" // Oxford Journal of Legal Studies. 1997. Vol. 17. No. 4. Pp. 551–86.
46. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1949.
47. *Jhering R.* Unsere Aufgabe // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 1. 1857. S. 1–52.
48. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.
49. *Martin E.* Formen der Negation bei Lev Tolstoj. München, 2011.
50. *Mehmel G.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815.
51. *Oakeshott M.* On history and other essays. Totowa; New Jersey, 1983.
52. *Popper K.* Das Elend des Historizismus. 5, verb. Aufl. Tübingen, 1979.
53. *Rahman M.M.* Encyclopaedia of historiography. Vol. 2: Historiography: evolution and development. 2005; vol. 3: Historiography in India; vol. 4: Historiography: theory and philosophy; vol. 5: Historiography: sources and research.
54. *Rahman M.M.* Historiography. Vol. 1: Traditions and Historians. New Delhi, India, 2005.
55. *Sapir B.M.* Tolstoi und Dostojewsky über Probleme des Rechts. Hochschulschrift, 1932.
56. *Savigny F.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Teil, Heidelberg, 1815.
57. *Savigny F.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
58. Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker / Martin George / Jens Herlth / Christian Münch / Ulrich Schmid (Hg.). 2. Auflage. Göttingen, 2015.
59. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3, durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.
60. *Winch P.* The idea of a social science and its relation to philosophy. 2nd impr. London, 1960.
2. *Bagaley D.I.* Russian historiography: in 2 parts. Kharkov, 1911. Part 1 (in Russ.).
3. *Vernadsky G.V.* Russian historiography. M., 1998 (in Russ.).
4. *Hugo V.M.* The Unfortunate / Misérables / O.N. Popova and A.N. Engelhardt. St. Petersburg, 1902. Pp. II–III (in Russ.).
5. *Dostoevsky F.M.* A number of articles about Russian literature // Dostoevsky F.M. Complete collection of works: in 30 vols. / editorial board: V.G. Bazanov (ed.) and others. L., 1978. P. 50 (in Russ.).
6. *Zenkovsky V.V.* History of Russian philosophy: in 2 vols. M., 1956 (in Russ.).
7. *Ikonnikov V.S.* The experience of Russian historiography: [vol. 1–2]. Kiev, 1891–1908 (in Russ.).
8. *Hilarion.* The Word about Law and Grace / reconstruction of Ancient Russian. text by L.P. Zhukovskaya; transl., intro, pp. 5–27, V. Ya. Deryagin. M., 1994. Pp. 31, 33 (in Russ.).
9. *Ilyin I.A.* General doctrine of law and the state. M., 2006. P. 222 (in Russ.).
10. History of political and legal doctrines. The Ancient World / ed. V.S. Nersesyan. M., 1985. Pp. 27, 42 (in Russ.).
11. History of religions / Mitr. Hilarion (Alfeev), proto. O. Korytko, proto. V. Vasechko. M., 2016. P. 346 (in Russ.).
12. *Kant I.* Collection works: in 8 vols. M., 1994. Vol. 3. Criticism of pure reason; vol. 6. Religion within reason. Metaphysics of morals. Pp. 98, 99 (in Russ.).
13. *Kareev N.I.* Theory of historical knowledge. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
14. *Krasheninnikova N.A., Chirkin S.V.* Criticism of theories of bourgeois historiography as an integral part of the special course "The main problems of the feudal state and law" // Methods of teaching legal disciplines: collection of scientific works. M., 1986. Pp. 47–68 (in Russ.).
15. *Likhachev D.S.* Cultural studies: selected works on Russian and world culture. SPb., 2006 (in Russ.).
16. *Likhachev D.S.* Russian Culture. M., 2022. P. 17 (in Russ.).
17. *Lossky N.O.* History of Russian Philosophy. SPb., 2018 (in Russ.).
18. *Mamut L.S.* The formation of historiography of political and legal ideas // From the history of the development of political and legal ideas. M., 1984. Pp. 22–33 (in Russ.).
19. *Marx K.* Manifesto of the Communist Party. M., 1951. Pp. 23, 24 (in Russ.).
20. *Milyukov P.N.* The main currents of Russian historical thought. 3rd ed. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
21. *Pashukanis E.B.* General theory of law and Marxism (Experience of criticism of basic legal concepts). M., 1924 (in Russ.).
22. *Petrazhitsky L.I.* Introduction to the study of law and morality: fundamentals of emotional psychology. 3rd ed. St. Petersburg, 1908. P. 3 (in Russ.).
23. *Propp V. Ya.* Historical roots of a fairy tale. SPb., 2021. P. 103 (in Russ.).
24. *Radbruch G.* Philosophy of Law. M., 2004. Pp. 111, 112 (in Russ.).
25. *Rubinstein N.L.* Russian historiography. M., 1941 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Aristotle.* Essays: in 4 vols. / transl. from ancient Greek M., 1983. Vol. 4. P. 376 (in Russ.).

26. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
27. *Tolstoy L.N.* Letter to a student about law (1909) // Tolstoy L.N. Complete Collection of works / under the general editorship of V.G. Chertkov; 1909–1910. M., 1936. Vol. 38. Pp. 54–61 (in Russ.).
28. *Florensky P.A.* At the watersheds of thought (features of concrete metaphysics). M., 2013. Vol. 1, 2 (in Russ.).
29. *Florensky P.A.* Philosophy of cult (experience of Orthodox anthropodicy). M., 2014 (in Russ.).
30. *Chicherin B.N.* History of political teachings. M., 1869–1902. Ch. 1–5 (in Russ.).
31. *Shershenevich G.F.* History of Philosophy of Law. SPb., 2001 (in Russ.).
32. *Shpet G.G.* History as a problem of logic: critical. and the methodol. research. M., 1916. Part 1 (in Russ.).
33. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and The Right; vol. 2: Foundations of Law; vol. 3: Legal Institutions and the Sources of Law; vol. 4: Scientia Juris, Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law; vol. 5: Legal Reasoning, A Cognitive Approach to the Law. E. Pattaro, H. Rottlenthner, R. Shiner, A. Peczenik, G. Sartor. Springer, 2005.
34. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892.
35. *Collingwood R.G.* The principles of history and other writings in philosophy of history. Oxford, 1999.
36. Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016.
37. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7, neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.
38. *Falkner D.* Straftheorie von Leo Tolstoi. Berlin, 2021.
39. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
40. *Foster J.B.* Transnational Tolstoy: between the West and the world. New York, 2013.
41. *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf: soziologische Untersuchungen. 2, durchges. und mit Anhang, enth. die 1875 erschienene Schrift "Rasse und Staat" vers. Aufl. Innsbruck, 1909.
42. *Hart H.* The concept of law / ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford, 2012.
43. *Hegel.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1821.
44. Historiography / ed. by R.M. Burns. Vol. 1: Foundations; Historiography. 2006; vol. 2: Society; vol. 3: Ideas; vol. 4: Culture; vol. 5: Politics. London, 2006.
45. *Horwitz M.J.* "Why Is Anglo-American Jurisprudence Unhistorical?" // Oxford Journal of Legal Studies. 1997. Vol. 17. No. 4. Pp. 551–86.
46. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1949.
47. *Jhering R.* Unsere Aufgabe // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 1. 1857. S. 1–52.
48. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.
49. *Martin E.* Formen der Negation bei Lev Tolstoj. München, 2011.
50. *Mehmel G.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815.
51. *Oakeshott M.* On history and other essays. Totowa; New Jersey, 1983.
52. *Popper K.* Das Elend des Historizismus. 5, verb. Aufl. Tübingen, 1979.
53. *Rahman M.M.* Encyclopaedia of historiography. Vol. 2: Historiography: evolution and development. 2005; vol. 3: Historiography in India; vol. 4: Historiography: theory and philosophy; vol. 5: Historiography: sources and research.
54. *Rahman M.M.* Historiography. Vol. 1: Traditions and Historians. New Delhi, India, 2005.
55. *Sapir B.M.* Tolstoi und Dostojewsky über Probleme des Rechts. Hochschulschrift, 1932.
56. *Savigny F.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Teil, Heidelberg, 1815.
57. *Savigny F.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
58. Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker / Martin George / Jens Herlitz / Christian Münch / Ulrich Schmid (Hg.). 2. Auflage. Göttingen, 2015.
59. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3, durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.
60. *Winch P.* The idea of a social science and its relation to philosophy. 2nd impr. London, 1960.

Сведения об авторе

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич –
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного Центра
философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. –
Doctor of Law,
Head of the Department of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340



СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК АТРИБУТИВНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

© 2024 г. Л. И. Черкесова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: L5060412@mail.ru

Поступила в редакцию 11.04.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется феномен справедливости в контексте функционирования современного государства. Предпринята попытка обоснования возможности отнесения нравственно-правовой категории «справедливость» к атрибутивной и функциональной характеристикам современного государства. Сделан вывод о наличии государственной функции «справедливость». На основе анализа данной функции, через призму определения сферы юстиции (справедливости), на примере Министерства юстиции Российской Федерации предложены подходы к формированию структуры реализации государством принципа справедливости. Сформулированы вопросы, требующие более глубокого изучения, и направление дальнейшего исследования государственной функции справедливости.

Ключевые слова: справедливость, государство, государственная функция, атрибутивная характеристика государства, сфера юстиции.

Цитирование: Черкесова Л.И. Справедливость как атрибутивная и функциональная характеристика современного государства // Государство и право. 2024. № 7. С. 79–85.

DOI: 10.31857/S1026945224070061

JUSTICE AS AN ATTRIBUTIVE AND FUNCTIONAL CHARACTERISTIC OF THE MODERN STATE

© 2024 L. I. Cherkesova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: L5060412@mail.ru

Received 11.04.2024

Abstract. The article analyzes the phenomenon of justice in the context of the functioning of the modern state. An attempt is made to substantiate the possibility of attributing the moral and legal category “justice” to the attributive and functional characteristics of the modern state. It is concluded that there is a state function of “justice”. Based on the analysis of this function, through the prism of determining the sphere of justice (justice), on the example of the Ministry of Justice of the Russian Federation, approaches to the formation of the structure of the implementation of the principle of justice by the state are proposed. The issues that require a more in-depth study and the direction of further research of the state function of justice are formulated.

Key words: justice, the state, the state function, the attributive characteristic of the state, the sphere of justice.

For citation: Cherkesova, L.I. (2024). Justice as an attributive and functional characteristic of the modern state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 79–85.

Справедливость как нравственный долг в условиях правового государства

Разумеется, ныне, как никогда, первостепенным для государства является формирование единой государственной идеологии, основанной на справедливости и патриотизме, являющихся фундаментом эффективности решения задач по усилению обороноспособности, политической и экономической стабильности, способной обеспечить возможность противостояния внешним негативным проявлениям, развитие и процветание общества и, как следствие, укрепление суверенитета Российской Федерации.

Следовательно, формирование патриотизма гражданского общества, воспитание человека-патриота, способного защитить свою страну и отстоять ее свободу и независимость, одержать победу как на полях сражений, так и в духовно-нравственном плане, являются приоритетной задачей государства.

Патриотизм – как понимается данный термин и что необходимо для его формирования у гражданского общества? Обратившись к словарям, можно увидеть, что определение понятия «патриотизм» раскрывается различными трактовками¹, в то же время общий смысл идентичен и заключается в следующем: патриотизм – это совокупность взаимосвязанных ценностных ориентаций, базовых убеждений и принципов личности, таких как: осознанная любовь к Отечеству, уважение его исторического прошлого, готовность служить ему, защищать государственные интересы и законные права граждан своего Отечества. Ключевой идеей патриотизма можно назвать стремление к исполнению

¹ Так, например: социально-политический и нравственный принцип, отражающий чувство любви к Родине, заботу о ее интересах, готовность к ее защите (см.: Каленникова Т.Г., Борисевич А.Р. Словарь психолого-педагогических понятий: справочное пособие для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения. Минск, 2007. С. 20); любовь к Родине, в том числе к малой, гордость за свой народ и его исторические свершения, готовность служить интересам страны и защищать ее (см.: Мардахеев Л.В. Социальная педагогика: краткий словарь понятий и терминов. М., 2014); социальное чувство, включающее любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за прошлое и настоящее своей Родины, готовность защищать ее интересы (см.: Баринова Т.М., Гарипова И.О., Карапанова В.В. и др. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам. Магадан, 2011); синтез духовно-нравственных, гражданских и мировоззренческих качеств человека, проявляющихся в любви к большой и малой Родине, готовности к сохранению и приумножению национально-культурных традиций и ценностей своего народа (см.: Тютюкова И.А. Педагогический тезаурус: учеб. справ. пособие. М., 2016. С. 87); организующая жизнедеятельность людей ценность, отраженная в стремлении эту ценность отстаивать и защищать (см.: Бабочкин П.И., Козлов А.А., Куприянова Г.В. Основы работы с молодежью: учеб. пособие. М., 2013. С. 109).

нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством.

Не случайно патриотизм в документах стратегического планирования, касающихся государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей² и развития воспитания в Российской Федерации³ определен в качестве национального стратегического приоритета, а воспитание патриотизма – фундаментальной задачи государства.

Можно сколь угодно, воспитывая патриотизм, формировать любовь к Родине, уважение к культурному и историческому наследию и т.д., в том числе с применением информационно-политических технологий. Однако если тезисы, озвучиваемые при этом, не будут находить подтверждения в реальной действительности, человек будет наблюдать отсутствие либо недостаточное наличие справедливости в общественных отношениях – вероятность возникновения патриотичности невелика. Следовательно, справедливость государственных решений, государственного управления общественными процессами – один из основополагающих, фундаментальных принципов формирования патриотизма гражданского общества, и соответственно несокрушимого суверенного государства.

Справедливость как начало и целевой индикатор эффективной системы управления государственными и общественными делами

Справедливость – одна из самых емких и непростых характеристик политico-правовых явлений и феноменов. Она традиционно включена в предметное поле юридической мысли и политической философии, а наиболее острые споры разворачиваются по поводу отнесения ее к собственно правовым или морально-политическим понятиям и атрибутам⁴. Требование справедливости в делах государственного управления и общественной жизни неизменно сопровождает всю историю политico-правовой культуры

² См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809) // С3 РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

³ См.: Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р) // С3 РФ. 2015. № 23, ст. 3357.

⁴ См.: Mahlmann M. Konkrete Gerechtigkeit: eine Einführung in Recht und Rechtswissenschaft der Gegenwart. 6. Auflage. Baden-Baden; Basel, 2022; Schönher-Mann H.-M. Dekonstruktion als Gerechtigkeit: Jacques Derridas Staatsverständnis und politische Philosophie. Baden-Baden, 2019; Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980; Спенсер Г. Справедливость / пер. с англ. под ред. М. Филиппова. СПб., 1898.

и по-разному воплощается в конкретно-исторических практиках.

Например, в гегелевской философии права нравственная идея, которая есть реализованная свобода, т.е. собственно право, находит наиболее полное свое выражение только в государстве, без которого, по мысли Гегеля, невозможна подлинная свобода⁵, да и история как таковая мыслится только как история государства как царства реализованной свободы во всемирно-историческом прогрессе человечества⁶. Р. Иеринг утверждал, что конечной задачей государства является реализация права и справедливости до максимальных их пределов⁷.

Отсюда возникает закономерное предположение: не является ли государство условием и необходимой формой реализации справедливости? В человеческом общении можно представить себе проблему справедливости как часть правосознания. Однако в общественных и государственных делах, в вопросах обеспечения условий данного правового общения может ли обеспечиваться начало, требование и принцип законной справедливости вне государства? Как справляться с чрезвычайными ситуациями или обеспечивать равномерное распределение благ? Как должен повышаться уровень благосостояния?

Очевидно, что для решения таких вопросов необходимо государство, причем суверенное и устойчивое. Не является ли, соответственно, справедливость как законное требование и принцип сосуществования атрибутивным началом современного государства? С функциональной точки зрения здесь нет сомнений. Об этом красноречиво говорят приведенные слова Р. Иеринга. Не является ли обоснованной гегелевская характеристика государства как подлинного и полного воплощения нравственного принципа: права и справедливости?

Обращаясь к научным дискуссиям (не только юристов, но и экономистов, политологов, социологов, философов), предметом которых является феномен справедливости, становится еще более очевидной высокая степень востребованности не только поиска дефиниции справедливости в контексте государства и государственности, но и ответа на вопрос, способна ли справедливость, выступать в качестве центральной, системообразующей идеи права и морали как сфер общественного сознания и поведенческих регуляторов в условиях конкурирующих отношений, в которые вступают люди ради удовлетворения своих материальных и иных потребностей. Может ли *справедливость рассматриваться как требование и принцип в области общения государств и народов, начало устойчивого мирового порядка?*

Член-корреспондент РАН А. Н. Савенков на основе глубокого и всестороннего изучения проблематики государственно-правовых явлений в условиях цивилизационных кризисов точно отметил, что «двацать первый век – эпоха мировых трансформационных процессов, как экономических, так и политических, время активного поиска новых путей развития цивилизации»⁸. В актуальной повестке

⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 279–285.

⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000. С. 57–78, 84–90, 125.

⁷ См. подр.: Горбань В.С. О характере правовых взглядов Р. Иеринга // Правосудие. 2021. Т. 3. № 4. С. 30–41; Его же. О правопонимании Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 4. С. 1–16.

⁸ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 6.

обеспечения безопасности современного государства и условий социального развития также подчеркивается, что «сегодня мы являемся свидетелями изменения модели миропорядка, смещающиеся центры силы экономического и политического влияния. Гегемония единого диктата, доминирования одной сверхдержавы, возникшие после распада СССР, уходят в прошлое, идет объективный исторический процесс формирования многополярного миропорядка»⁹.

При этом государственные решения последних десятилетий, такие как укрепление геополитического и стратегически обоснованного суверенитета; усиление федеральной власти; интеграционные процессы; противодействие санкционным действиям Запада; формирование стратегического партнерства с Китаем и другими странами Востока, Азии, Африканского континента; попытка перехода к оплате межгосударственных договоров национальной валютой и др., позволяют констатировать, что именно Россия является ключевым инициатором переформатирования мирового порядка.

Совершенно очевидно, что Запад, желая сохранить мировое доминирование, готов к применению и реализует все возможные механизмы дестабилизации России и мирового сообщества, в том числе политические, экономические и идеологические, что порождает угрозы и вызовы национальной безопасности Российской Федерации.

Расширяются и углубляются военные конфликты с вынужденным участием России, нарастают и становятся все более агрессивными действия (прежде всего в информационно-идеологическом пространстве), направленные на нагнетание русофобии и разжигание ненависти ко всему российскому. Планомерно усиливаются социальные и экономические санкции в отношении России и ее сторонников.

В этих условиях многократно возрастают требования к морально-психологической устойчивости граждан России, их готовности преодолевать возникшие угрозы и дестабилизирующие воздействия как в своих поступках и действиях, так и в смысловой оценке происходящего, духовно-нравственной регуляции своего поведения¹⁰.

«Справедливость» по своему историческому генезису – в чистом виде общественный продукт. Она появилась как ценность на свет раньше государства в его институциональном и ценностном измерениях. Факт возникновения государства, специфика его устройства и деятельности предопределяются, в числе прочих этических установок народа, – справедливостью¹¹. Исторически именно общество наделило государство возможностью оперировать этой ценностью, включив «справедливость» в механику элитогенеза в качестве ключевой позиции, на которой эта механика ориентирована. По этой причине «справедливость» изначально связана с государством более органично, чем любая другая ценность, та же ценность

⁹ Видеообращение Президента РФ В. В. Путина к участникам встречи глав оборонных ведомств государств – членов ШОС и СНГ 9 декабря 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70057> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁰ См.: Ходякова Н.В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание // Академическая мысль. 2023. № 1 (22). С. 117.

¹¹ См.: Жуков В.Н. Государство как этическая ценность // Право и государство: теория и практика. 2009. № 11 (59). С. 9.

«свободы», например¹². Справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе и государстве¹³.

Справедливость есть ключевой фактор, оказывающий влияние на все аспекты общественных отношений. Только справедливое общество способно обеспечить соблюдение закрепленных Конституцией РФ фундаментальных ценностей и принципов, формирующих основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, где высшее значение имеют права и свободы человека, где права и свободы человека стали приоритетом национальных интересов Российской Федерации¹⁴.

Именно формирование справедливого общества основополагающим документом стратегического планирования по обеспечению национальной безопасности – Стратегией национальной безопасности РФ¹⁵ – заявлено в качестве гаранта процветания России, и, соответственно, справедливость должна быть основным определяющим фактором, атрибутом во всех сферах деятельности государства.

Таким образом, можно говорить о том, что справедливость не только на уровне теоретических познаний, но и нормативно определена как атрибутивная характеристика современного государства, функциональной его характеристике.

Рассмотрим дефиницию «справедливость» в контексте функциональной характеристики современного государства. Допустимо ли говорить о справедливости как о функции государства, функциональной его характеристике.

Основные черты функций государства определяются не только характером государства, но и спецификой стоящих перед ним задач и целей¹⁶. Функции государства – это главные социально значимые направления его деятельности по решению стоящих перед ним задач. Функции как способы достижения поставленных перед государством задач во многом зависят от типа данных задач. Каждая функция представляет устойчивую деятельность государства в той или иной сфере – экономической, политической, социальной или духовной.

Учитывая, что формирование справедливого общества и справедливого государства заявлено в качестве приоритетной задачи обеспечения национальной безопасности нашего государства, представляется логичным и наличие соответствующей государственной функции – функции справедливости. В этой связи следует понять, что подразумевается под функцией справедливости. Экономическая, политическая, социальная и другие государственные базовые функции достаточно прозрачны и очевидны. Государственную функцию справедливости невозможно рассматривать по аналогии с иными функциями, понимание которых доктринально сложилось исходя из многовековой истории государственности.

¹² См.: Шестов Н.И. «Справедливость» и государство // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2015. № 1. С. 75.

¹³ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 264.

¹⁴ См.: Савенков А.Н. Актуальные проблемы конституционной за- конности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 11.

¹⁵ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

¹⁶ См.: Болгов В.А. Шуваева Ю.В. Функции государства: классификация, роль и характер в разные периоды в Российской Федерации // Территория науки. 2017. № 3. С. 172.

Осмысление функции справедливости следовало бы начинать с понимания феномена «справедливость» и понятия «принцип справедливости». Исследованиям данных дефиниций, в том числе и справедливости в контексте государственного управления, посвящено большое количество научных изысканий¹⁷. Большинство философов, правоведов, экономистов, политологов и социологов предпринимали попытки прийти к единому пониманию феномена «справедливость», при этом активно дискутируя о природе данного понятия, является ли оно правовой либо морально-этической категорией. Высказывалось мнение и о возможности его толкования в качестве некого комплексного, специфически многогранного явления, воплощающего в себе во взаимосвязи право, мораль и этику.

В рамках данной работы представляется невозможным изложить результаты анализа процесса формирования, осмысливания и трансформации понятия «справедливость». Современное состояние разработки проблемы справедливости можно охарактеризовать как промежуточное. Феномен справедливости нуждается в дальнейшем теоретическом исследовании и обосновании, обстоятельном, с опорой на эмпирические данные, анализе социального устройства конкретных обществ на предмет справедливости с последующим обобщением полученных результатов.

При изучении справедливости как функциональной составляющей государства полагаем, что данный логос по своей сути необходимо понимать интегрированно и рассматривать целостно, как теоретический конструкт, состоящий из совокупности ряда компонентов – как морально-этических, так и правовых.

Определяя соотношение справедливости и государства, обратимся к ст. 18 Конституции РФ, в которой провозглашено, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. И, как следствие, справедливость государства представляется возможным охарактеризовать как его функционирование в рамках абсолютного соблюдения прав и свобод человека и гражданина. При этом человек должен не только безоговорочно верить в Конституцию и закрепленную в ней идеологию Российского государства, но и непосредственно ощущать по отношению к себе на всех этапах своей жизнедеятельности, что принцип справедливости является фундаментальной основой государства. И только полное подчинение всех видов и уровней государственной власти общей высоконравственной идеи, идеи справедливости, может создать предпосылки для формирования нравственного государства и справедливого свободного общества, что только и должно быть ныне целью общественного развития¹⁸.

Исходя из этого, в контексте задачи по построению справедливого государства можно констатировать, что принцип справедливости должен являться обязательным компонентом, основополагающим требованием, характеристикой государственного функционирования и присутствовать в качестве

¹⁷ Полемика по данному вопросу началась с древних времен – Симонид, Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Джон Ролз, Дж. Локк, Томас Гоббс, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант, Бенедикт Спиноза, Давид Юм, И. Бентама, Дж. Ст. Миль и Дж. Остина, А. Хоннет, Нэнси Фрэзер, Амартия Сен, Авишаи Маргалит, А. Тапарелли, Макс Вебер...

¹⁸ См.: Бабурин С.Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Междунар. журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 15.

определяющего практически во всех сферах государственной деятельности (при отправлении правосудия, установлении налогообложения, принятии мер социальной поддержки, установлении льгот, применении мер государственного регулирования, при формировании законодательства и т.д.).

В этой связи возникает вопрос: государственная функция справедливости – каким образом ее можно трактовать, в чем она заключается? Если принцип справедливости и справедливость как таковая являются обязательными требованиями при реализации большинства функций государства, то справедливость как государственная функция, возможно, регулятивная либо охранительная... Полагаем, что данная функция есть инструмент, посредством которого осуществляется обеспечение применения принципа справедливости в государственной деятельности.

Функция справедливости в системе публичной власти современного государства

Рассмотрим данный вопрос с практической точки зрения, основываясь на очевидные факты государственного функционирования.

Функции государства реализуют органы государственной власти. В структуру федеральных органов исполнительной власти входит Министерство юстиции РФ – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и регулированию в сфере юстиции. Юстиция (justitia) в переводе с латинского есть не что иное, как справедливость.

Таким образом, государство, включая Министерство юстиции РФ в систему органов публичной власти, по существу, декларирует как одно из направлений своей деятельности – сферу юстиции (сферу справедливости), что подтверждает, в свою очередь, наличие функции справедливости. Более того, подчиненность Министерства юстиции РФ непосредственно Президенту РФ подчеркивает фундаментальную значимость функции справедливости.

При формальном подходе вышеуказанные обстоятельства позволяют сделать вывод о наличии государственной функции справедливости и признать справедливость, в качестве функциональной характеристики современного государства.

Однако если за основание брать наличие соответствующего министерства, то следует обратить особое внимание на перечень вопросов, отнесенных Указом Президента РФ в Положении о Министерстве юстиции Российской Федерации (далее – Положение) к сфере юстиции.

По результатам комплексного анализа Положения можно сделать вывод о том, что данный перечень весьма своеобразен, формулировки неточны и больше напоминают перечень полномочий, а не определение сферы юстиции. Остановимся на отдельных его недочетах.

Данный перечень (п. 2 Положения) содержит целый блок вопросов, касающихся совершения юридически значимых действий.

В частности, государственная регистрация ведомственных нормативных правовых актов, в процессе которой проводится их правовая и антикоррупционная экспертиза. Полагаем, что это скорее полномочие, а не сфера юстиции, поскольку действие по их регистрация заключается в присвоении регистрационного номера и занесении в Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти при положительных результатах правовой и антикоррупционной экспертизы. По существу, в данной процедуре факт регистрации ведомственных

нормативных правовых актов подтверждает их легитимность. Ключевыми же являются экспертные процедуры.

Более того, в перечне полномочий Минюста России содержится проведение правовой и антикоррупционной экспертизы проектов законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации (п/п. 1, 2 п. 20 Положения).

Данные действия (правовая и антикоррупционная экспертизы), безусловно, можно трактовать как направленные на контроль соблюдения справедливости нормотворчества. Однако было бы логичнее названные полномочия в качестве компонента сферы юстиции поименовать, например, как «обеспечение единства правового пространства».

Государственная регистрация некоммерческих организаций, с одной стороны, отнесена к сфере юстиции, с другой – в разд. III «Полномочия» указана в качестве сферы осуществления полномочий федерального органа исполнительной власти. При этом как полномочие, данное юридически значимое действие не зафиксировано. Контроль за соблюдением законодательства и единообразных подходов при создании некоммерческих организаций также является важным фактором поддержания справедливости правоприменения. Но как сфера юстиции... – формулировка недостаточно корректна. Возможно целесообразно рассмотреть данное полномочие в совокупности с нотариатом и адвокатурой (которые также отнесены к сфере юстиции) сформировав интегрированное определение данного сегмента сферы юстиции.

Обеспечение граждан бесплатной юридической помощью, правовое информирование и правовое просвещение населения также возможно отнести к репрезентативной характеристике справедливости, однако буквально воспринимается как полномочия. Наиболее приемлемой в качестве сферы юстиции видится «повышение правовой грамотности населения».

Кроме того, основные задачи Минюста России, установленные п. 6 Положения, звучат весьма концептуально и, по нашему мнению, были бы весьма уместны в перечне вопросов сферы юстиции. Например:

защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также обеспечение верховенства закона;

осуществление деятельности, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В то же время при отнесении указанных задач к сфере юстиции необходимо раскрыть их внутреннее содержание в перечне полномочий. И если под защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также под обеспечение верховенства закона в полномочиях Минюста России отдельные позиции можно трактовать как механизмы реализации названной задачи, то в части сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей обращает на себя внимание тот факт, что Положение не содержит полномочий по решению данной задачи.

Более того, если проанализировать функционал иных органов публичной власти, возникают вполне закономерные вопросы:

во-первых, о дублировании отдельных полномочий Минюста России иными федеральными органами исполнительной власти;

во-вторых, наличие и использование понятия «юстиция» в прокуратуре РФ, Следственном комитете РФ, судах

и Министерстве внутренних дел РФ. При этом отдельные полномочия названных органов по своей природе скорее тяготеют к Министру России.

Неоднозначность и неопределенность ряда формулировок Положения позволяют констатировать актуальность и необходимость изучения вопросов справедливости как функциональной составляющей современного государства в целях:

выявления основных определенных государством характеристик функции справедливости в контексте полномочий органов публичной власти;

понимания, насколько государство соотносит Министерство юстиции РФ с реализацией функции справедливости или это наименование исторически сложившееся (Министерству юстиции уже более 220 лет), когда-то заимствованное у западной структуры государственной власти;

определения направления дальнейшего исследования функции справедливости;

выработки дефиниции научно обоснованного понятия «функция справедливости» и формирования оптимального набора инструментов для ее реализации.

Представленную работу (исследование, основанное на наименовании и полномочиях только одного из государственных органов системы публичной власти) можно охарактеризовать как попытку поиска возможных подходов (в данном случае – практического) к анализу такой функциональной составляющей, как справедливость, которая демонстрирует, что в современный период, когда формирование справедливого государства публично, на самом высоком уровне власти, заявлено приоритетным направлением развития России, назрела необходимость выработки не только практических, но прежде всего теоретических научных философско-правовых подходов к данной проблематике. Данное суждение представляется аподиктическим, поскольку «в современных условиях тенденциозной партикуляризации научного знания и диверсификации ряда его сфер, множащихся попыток найти точку опоры вне традиционных, классических парадигм и установок (прагматизм, функциональная социология, концепция “открытого общества”, юриметрические подходы, “эрозия права” и т.п.) все более ощущается потребность в целостном философско-правовом знании»¹⁹.

Эффективность процессов достижения основополагающей цели функционирования государства – формирования справедливого общества и справедливого государства прежде всего зависит от понимания сущности и содержания феномена справедливости в контексте государственно-правового функционирования общества и государства. Следовательно, представляется актуальным изучение и научное обоснование дефиниции «справедливость», а также вопросов выявления и систематизации государственных функций, обеспечивающих формирование справедливого общества (государственной функции справедливости).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабочкин П.И., Козлов А.А., Куприянова Г.В. Основы работы с молодежью: учеб. пособие. М., 2013. С. 109.

¹⁹ Горбань В.С. Зачем философия права сегодня? // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 102.

2. Бабурин С.Н. Нравственное государство как политico-правовая идея, время которой пришло // Междунар. журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 15.
3. Баринова Т.М., Гарипова И.О., Карапова В.В. и др. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам. Магадан, 2011.
4. Болгов В.А. Шуваева Ю.В. Функции государства: классификация, роль и характер в разные периоды в Российской Федерации // Территория науки. 2017. № 3. С. 172.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000. С. 57–78, 84–90, 125.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 264, 279–285.
7. Горбань В.С. Зачем философия права сегодня? // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 102.
8. Горбань В.С. О правопонимании Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 4. С. 1–16.
9. Горбань В.С. О характере правовых взглядов Р. Иеринга // Правосудие. 2021. Т. 3. № 4. С. 30–41.
10. Жуков В.Н. Государство как этическая ценность // Право и государство: теория и практика. 2009. № 11 (59). С. 9.
11. Каленникова Т.Г., Борисевич А.Р. Словарь психолого-педагогических понятий: справочное пособие для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения. Минск, 2007. С. 20.
12. Мардахеев Л.В. Социальная педагогика: краткий словарь понятий и терминов. М., 2014.
13. Савенков А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 11.
14. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 6.
15. Спенсер Г. Справедливость / пер. с англ. под ред. М. Филиппова. СПб., 1898.
16. Тютюкова И.А. Педагогический тезаурус: учеб. справ. пособие. М., 2016. С. 87.
17. Ходякова Н.В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание // Академическая мысль. 2023. № 1 (22). С. 117.
18. Шестов Н.И. «Справедливость» и государство // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2015. № 1. С. 75.
19. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.
20. Mahlmann M. Konkrete Gerechtigkeit: eine Einführung in Recht und Rechtswissenschaft der Gegenwart. 6. Auflage. Baden-Baden; Basel, 2022.
21. Schönherr-Mann H.-M. Dekonstruktion als Gerechtigkeit: Jacques Derridas Staatsverständnis und politische Philosophie. Baden-Baden, 2019.

REFERENCES

1. Babochkin P.I., Kozlov A.A., Kupriyanova G.V. Fundamentals of work with youth: textbook. M., 2013. P. 109 (in Russ.).
2. Baburin S.N. The moral state as a political and legal idea, the time of which has come // International Journal of Constitutional and State Law. 2021. No. 1. P. 15 (in Russ.).
3. Barinova T. M., Garipova I. O., Karanova V. V. et al. The terminological dictionary is a reference book on psychological and pedagogical disciplines. Magadan, 2011 (in Russ.).

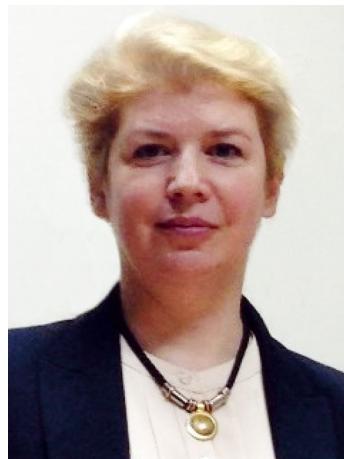
4. *Bolgov V.A. Shuvaeva Yu.V. Functions of the state: classification, role and character in different periods in the Russian Federation // Territory of science. 2017. No. 3. P. 172 (in Russ.).*
5. *Hegel G.V.F. Lectures on the Philosophy of History. SPb., 2000. Pp. 57–78, 84–90, 125 (in Russ.).*
6. *Hegel G.V.F. Philosophy of Law. M., 1990. Pp. 264, 279–285 (in Russ.).*
7. *Gorban V.S. Why Philosophy of Law today? // Theory and practice of social development. 2018. No. 12 (130). P. 102 (in Russ.).*
8. *Gorban V.S. On the legal understanding of R. Iering // Law and Politics. 2017. No. 4. Pp. 1–16 (in Russ.).*
9. *Gorban V.S. On the nature of R. Iering's legal views // Justice. 2021. Vol. 3. No. 4. Pp. 30–41 (in Russ.).*
10. *Zhukov V.N. The state as an ethical value // Law and the State: Theory and Practice. 2009. No. 11 (59). P. 9 (in Russ.).*
11. *Kalennikova T.G., Borisevich A.R. Dictionary of psychological and pedagogical concepts: a reference guide for students of all specialties of full-time and part-time education. Minsk, 2007. P. 20 (in Russ.).*
12. *Mardakhaev L.V. Social pedagogy: a short dictionary of concepts and terms. M., 2014 (in Russ.).*
13. *Savenkov A.N. Actual problems of constitutional legality in the Armed Forces of the Russian Federation and the role of the prosecutor's office in their solution: abstract ... Doctor of Law. M., 2002. P. 11 (in Russ.).*
14. *Savenkov A.N. State and law in the period of crisis of modern civilization. M., 2020. P. 6 (in Russ.).*
15. *Spencer G. Justice / transl. from English ed. by M. Filippov. St. Petersburg, 1898 (in Russ.).*
16. *Tyutkova I.A. Pedagogical thesaurus: textbook. M., 2016. P. 87 (in Russ.).*
17. *Khodyakova N.V. Patriotism as a traditional Russian spiritual and moral value and its upbringing // Academic thought. 2023. No. 1 (22). P. 117 (in Russ.).*
18. *Shestov N.I. "Justice" and the state // Izvestia of the Saratov University. New series. Ser.: Sociology. Political science. 2015. No. 1. P. 75 (in Russ.).*
19. *Ekimov A.I. Justice and socialist law. L., 1980 (in Russ.).*
20. *Mahlmann M. Konkrete Gerechtigkeit: eine Einführung in Recht und Rechtswissenschaft der Gegenwart. 6. Auflage. Baden-Baden; Basel, 2022.*
21. *Schönherr-Mann H.-M. Dekonstruktion als Gerechtigkeit: Jacques Derridas Staatsverständnis und politische Philosophie. Baden-Baden, 2019.*

Сведения об авторе

ЧЕРКЕСОВА Лариса Ивановна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
гражданского и предпринимательского права,
заведующая отделом аспирантуры
и прикрепления
для подготовки диссертации
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHERKESOVA Larisa I. –
PhD in Law,
Leading Researcher, Sector of Civic
and Entrepreneurial Law,
Head of the Department of Postgraduate Studies
and Attachments for Dissertation Preparation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia



ПРАВОСОЗНАНИЕ: ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

© 2024 Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 21.11.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется феномен правового сознания как область ценностных суждений (оценки действительности) и как факт бытия (социальные явления). На основе первоисточников показаны различные трактовки содержания правосознания, его соотношение с принципами права, моралью, предписаниями естественного права.

Ключевые слова: юридическая наука, теория государства и права, философия права, правосознание, принципы права.

Цитирование: Фролова Е.А. Правосознание: из истории философии права // Государство и право. 2024. № 7. С. 86–97.

DOI: 10.31857/S1026945224070074

LEGAL AWARENESS: FROM THE HISTORY OF THE PHILOSOPHY OF LAW

© 2024 Е. А. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 21.11.2023

Abstract. The article analyzes the phenomenon of legal consciousness as an area of value judgments (assessment of reality) and as a fact of being (social phenomena). Based on primary sources, various interpretations of the content of legal consciousness, its relationship with the principles of law, morality, and prescriptions of natural law are shown.

Key words: legal science, theory of state and law, Philosophy of Law, legal awareness, principles of law.

For citation: Frolova, E.A. (2024). Legal awareness: from the history of the Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo-State and Law, No. 7, pp. 86–97.

1. Понятие и содержание правосознания

Под правосознанием принято понимать интеллектуальное и эмоционально-ценостное восприятие правовой действительности, т.е. совокупность возврений, убеждений, эмоций, настроений, оценок в сфере права и государства. В правосознании отражаются начала права, сложившиеся в общественном сознании в разные исторические времена: «без закона нет ни преступления, ни наказания», «никто не должен дважды нести наказание за одно преступление», «сомнения толкуются в пользу обвиняемого», «тяжесть доказательства лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает», «договоры должны выполняться». Это своего рода суждения доктринального правосознания, не требующие доказательств. В современном общественном правосознании содержатся нормы, определяющие основные права и свободы, принадлежащие человеку от рождения (т.н. естественные права). Единства во взглядах на правовое сознание нет: под ним понимают нормы естественного права, официальное и неофициальное право, информацию о позитивном праве, область морали, содержащую оценки права, идеальные правовые построения и др. Столь широкое понимание правового сознания предполагает его многоплановое исследование. Различные трактовки содержания правосознания можно объединить в несколько групп. Так, правосознание: 1) отождествляется с предписаниями естественного права; 2) выступает знанием норм действующего права; 3) является разновидностью морали и с этих позиций оценивает позитивное право.

Правосознание, как и мораль, имеет оценочный и потому нормативный характер. Однако правосознание, в отличие от морали, предполагает *юридическое мышление*, т.е. оценку действий с помощью юридических категорий («имею право», «обязан», «действие законно», «договор не имеет юридической силы», «возмещение причиненного ущерба», «срок давности истек», «лицо подлежит юридической ответственности» и др.). Область правового сознания – это элемент культуры, т.е. факт, относящийся к категории ценности. Независимо от того, насколько реальное право справедливо или несправедливо, его смысл и назначение

заключаются в том, чтобы быть справедливым – правосознание должно вобрать в себя и реализовать идею права. На этом, например, настаивал немецкий юрист Р. Штаммлер, подчеркивая, что всякое установленное право по понятию своему есть попытка быть справедливым правом¹.

Правосознание и принципы права

Феномен правового сознания исследуется как область ценностных суждений (оценки действительности) и как факт бытия (социальные явления). Для того чтобы правовое сознание было творческим и деятельным, оно должно основываться на общезначимых принципах. Эти начала (принципы) складываются в сознании народа и проявляются на практике независимо от их закрепления в действующем законодательстве. Правовое сознание всех уровней опирается на единые общезначимые положения, которые одновременно образуют фундамент правовой культуры народа. Как правило, предписания выстраиваются на заповедях личной справедливости, определяющих качества добродорядочного человека как основу не только правового сознания, но и всей духовной жизни человека.

В политico-правовой мысли юридическое значение принципы правосознания впервые получают со времен деятельности римских юристов, суть которых (принципов) лаконично высказал Ульпиан: «Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать должное»:

1. *Жить честно.* В римском праве данный принцип связывался с добродетелью, нравственным характером поведения человека. Суть этого положения заключалась в том, чтобы сознательно и добровольно подчиняться праву – на уровне правового сознания не допускалось нарушений права и высказывалась идея сделать добровольное недопущение зла чертой характера человека. Впоследствии содержание этого принципа расширилось: добровольное подчинение требованиям права дополняется совершенствованием морально-правового признания – необходимостью сохранения

¹ См.: Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 85.

в отношениях с другими своего достоинства как человека. «Не делай себя только средством для других, а одновременно будь для них и целью» (Кант). Добропорядочный человек не только сам не поступает несправедливо по отношению к другим лицам, но и не допускает унижения своего достоинства.

2. *Ни с кем не поступать несправедливо*. Этот принцип основывается на правовом признании других лиц. В качестве примера этого предписания можно назвать практический императив Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» и одно из главных положений абстрактного права философии права Гегеля: «Будь лицом и уважай другого в качестве лица». Кроме того, данный принцип предполагает, что естественный характер основных прав и свобод человека не допускает каких-либо изъятий и исключений их со стороны государства.

3. *Воздавать каждому должное*. Данный принцип восходит к учению Платона и сводится к необходимости выполнения каждым своей задачи, вмененной со стороны Целого. Позднее эта идея трансформировалась в постулат гарантированности государством предоставленных индивиду прав и свобод человека и гражданина. Суть этого принципа заключена в предписании взаимного и формального (признанного со стороны государства) запрета на совершение любой несправедливости по отношению к другим лицам.

Правосознание как источник права

В качестве социального регулятора правосознание может выступать источником права. Правосознание – своеобразная форма действующего права, особенно при таких источниках права, как прецедент и санкционированный обычай. В период раннего Средневековья право складывалось в результате выборочного санкционирования судами обычаев, содержащихся в общественном правосознании. Санкционированный обычай, ставший образцом для последующих решений аналогичных дел (т.е. прецедентом) представлял собой соединение общеденного правосознания и официального правового сознания. Нормы обычного права содержались и сохранялись в общественном сознании. При этом правосознание выступало формой существования любого прецедента, в том числе решений, вынесенных по усмотрению органа правосудия при рассмотрении конкретного дела. Салическая правда, Русская правда, Кутюмы Бовэзи, Польская правда – примеры записи обычаев, содержащих общественное правовое сознание Средних веков.

Правосознание судей – один из главных источников права в государствах общего права.

Профессиональное правосознание олицетворяет собой право в государствах, где действующее право выражается не только нормативными правовыми актами государства². Так, например, мусульманское право (шариат) содержит фикх (правовую доктрину). Правосознание непосредственным образом связано с пониманием и процессом реализации права и в странах континентальной правовой системы, в которых основным источником права являются законы и иные нормативные правовые акты. Правосознание оценивает факты и отношения, связанные с формальной определенностью права. Общественное правовое сознание во многом предопределяет содержание правовой нормы – в тех случаях, когда официальное правосознание признает такое предписание обязательным, норма получает юридическую силу и, следовательно, государственную защиту в случае ее нарушения.

При любой системе источников право должно быть осознано, только в таком случае оно будет реализовано – забытый прецедент или неизвестный обычай не могут считаться правом, поскольку не оказывают воздействия на поведение людей. Осознание права – сложный и многоуровневый процесс. Он заключается не в механическом запоминании текстов нормативно-правовых актов, а в творческом усвоении идей, содержащихся в правовых установках. В общественном сознании происходит постоянная оценка предписаний действующего права в сравнении с другими социальными нормами, право толкуется логически, грамматически, систематически – на уровне системы национального права и применительно к разным правовым семьям, сравнительно с прошлыми правовыми нормами и с учетом будущих пожеланий. Нормы действующего права корректируются с учетом социальных ожиданий (массового правового сознания), моральных категорий и принципов. Поэтому право каждого народа как нормативная система регулирования общественных отношений реализуется только в той мере, в какой происходит его усвоение и принятие на уровне массового правосознания.

Правосознание как естественное право

Со времен теории Гуго Гроция источником естественного права признается правосознание человека, его способность мыслить и действовать по установленным общим правилам. К предписаниям естественного права голландский юрист относил: воздержание от чужого имущества, возвращение чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по вине

² См. об этом, напр.: Галузо В.Н. О правосознании судей в Российской Федерации (опыт правоприменения в Московском городском суде) // Актуальные исследования. 2020. № 15. С. 62–75.

нарушителя, воздаяние заслуженного наказания. Установленные начала, по Гроцио, считаются достоверными и неизменными, поскольку непоколебима природа человека.

На протяжении истории источники естественного права виделись по-разному (предписания здравого разума человека, божественная воля, принципы морали, ценности цивилизации и др.), но все сторонники этой теории признавали, что предписания естественного права являются *частью правосознания* и выступают в виде идеологического оформления социальных ожиданий членов общества как требований совершенствования права. В Новое время замена сословно-феодального общества гражданским происходила в условиях смены типа общественного правосознания; его главным требованием было установление формального равенства всех перед законом. Аналогичным образом происходила смена парадигм доктринального правосознания. На рубеже XIX–XX вв. сложилась теория «воздорожденного» естественного права, пришедшая на смену господствовавшему до этого времени позитивному праву. Теоретик марбургской школы неокантианства Р. Штаммлер выступил с обоснованием понятия естественного права с изменяющимся содержанием. Согласно его подходу, естественное право – это исторически складывающиеся идеи, содержащиеся в массовом правосознании, требующем реформирования права с точки зрения регулятивных идей (общественного идеала).

Одна из теоретических трактовок содержания естественного права – концепция прав человека. В общественном правосознании стран Западной Европы XVII в. был сформулирован перечень основных прав и свобод человека, ставший впоследствии классическим. Дж. Локк обосновал триаду естественных прав человека – равенство, свободу, собственность. По мысли английского философа, государство должно воплотить их в законодательстве и охранять с помощью системы правосудия и административной власти.

Если для эпохи XVII–XVIII вв. основными требованиями правового сознания были гражданские и политические права, обеспеченные правовым государством, то правосознание эпохи XX–XXI вв. притягивает на гарантированность социальных прав и свобод (права на труд, на всеобщее образование, на бесплатную медицинскую помощь, на социальные пособия малоимущим, инвалидам, больным и др.). Поэтому современному общественному правовому сознанию соответствует задача построения не только правового, но и социального государства. Предписания естественного права в некоторой части признаются официальными и входят в систему права каждого государства, т.е. из области идей переведены в нормы действующего права.

Формальная закрепленность прав и свобод в текстах законов придает им определенность и обеспеченность, однако сам перечень прав и свобод остается открытым. Это означает, что помимо перечисленных прав и свобод государством могут признаваться другие неотчуждаемые права и свободы человека. Однако можно заметить, что чрезмерно расширенный перечень естественных прав и свобод не способен гарантировать их эффективную защиту государством.

В настоящее время продолжаются научные дискуссии о содержании, перечне и необходимости прав человека второго и последующих поколений, которые далеки от своего завершения. Более того, многие из них представляются спорными в плане их практической реализации. С актуальными тревогами населения (массовое правосознание) связаны дискуссии о допустимости или запрете смертной казни, эвтаназии, абортов. Сопоставление в общественном правосознании разных точек зрения на эти проблемы, обсуждение законодательных инициатив по вопросам, связанным с правом на жизнь, чрезвычайно важны для правильного ориентира законодателя (например, «право на однополый брак», «право на нудизм», «право на клонирование человека» на уровне нашего обыденного правосознания отторгается, а потому законодателю не следует воплощать их в позитивное право).

2. Структура правового сознания

Правовое сознание состоит из познания права (рациональное знание о правовой действительности) и ценностно-эмоционального отношения к праву (правовой психологии и правовой идеологии).

Как известно, правовая психология отражает созерцательный аспект познания права (область правовых представлений, эмоций, настроений, переживаний). На этом уровне отношение к политico-правовым явлениям складывается стихийно. Понятия о правовых ценностях формируются на уровне обыденного правосознания в результате практической деятельности индивида. Правовая идеология отражает результаты абстрактного мышления, объединяя концептуальные идеи о праве с необходимостью его совершенствования. Это систематизированные представления о правовой действительности. К правовой идеологии относят идеи неотъемлемых прав и свобод человека, законности и правового порядка, связанные с государством правом. Идеи и принципы, образующие правовую идеологию, выступают одним из способов социального контроля.

Как было отмечено, правовое сознание отличается многоплановостью, разнообразием и противоречивостью своих оценок. При этом оно, в отличие от морали, в большей степени мобилизует членов

общества на проведение назревших политico-правовых реформ. Если мораль не способна существенно изменить социокультурные условия жизни и деятельности людей (средство морального воздействия – воспитание нравственного человека, усовершенствование личности), то общественное правосознание может повлиять на принятие/непринятие конкретного нормативного акта, воздействовать на систему права, изменив правовой порядок в обществе.

Правосознание – идеологический компонент политики государства. Для сплочения людей вокруг какой-либо идеи, необходимы четкие общие представления о правовом идеале в виде абстрактных норм и (или) принципов права (например, массовая поддержка населением средневековой «охоты на ведьм», проявления «революционной законности», поиск «классовых врагов», «врагов народа», «врагов общества», одобрение антитеррористических действий государства и др.). В условиях становления советского государства особое значение имело понятие «классовое правосознание». Советский юрист П.И. Стучка писал: «Само слово “правосознание” было навеяно буржуазной наукой (психологической школой Петражицкого), и на деле, а лишь потом и в теории, получило классовую окраску. <...> Что мы ныне (20-е годы XX в. – Е.Ф.) понимаем под словом “классовое правосознание”? Правосознанием класса можно назвать классовое сознание победившего класса». Такое содержание правосознания, даже «революционное», медленно принималось устоявшимися формами права, что признавали и творцы нового строя, используя характерную фразеологию: «Правосознание, как и само право, всегда кишмя кишит всячими традициями и старыми предрассудками...»³. Иначе оценивалось правовое сознание в философии И. Канта и многочисленных трудах его последователей, в том числе русских юристов, деятельно отстаивающих свободу в рамках любви к своему Отечеству. Этот посыл кантианской философии можно расценивать как основной постулат политики патриотизма, необходимость которой отстаивается и в XXI в.

Мотивы правового поведения

Внутренними стимулами поведения индивида являются его чувства и убеждения. Внешними регуляторами – мотивы правового поведения. Понятия правового чувства, склонности, настроения, мнения и иных проявлений субъективности позволяют видеть в человеке активную и действующую индивидуальность, а не только физическое лицо,

³ Стучка П.И. Марксистское понимание права / Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964 (цит. по: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5. Россия. Конец XIX–XX в. М., 1999. С. 696).

обладающее правосубъектностью. О необходимости борьбы за свое субъективное (конкретное) право писал Р. Иеринг в работе «В защиту права». Немецкий юрист утверждал, что в процессах истец отстаивает не только объект спора, но и идеальную цель – «утверждение самой личности и ее правового чувства». Внутренний голос говорит юристу, что дело идет не только об этом конкретном объекте, но и о его личности, его чести, его правовом чувстве, его самоуважении. Отстаивая свои нарушенные права, каждое лицо охраняет правовой порядок общества в целом: «Право есть непрерывная работа и притом не только государственной власти, но и всего народа. Вся жизнь права, если окинуть взором всю ее историю в целом, представляет нам то же зрелище неустанной борьбы и работы целой нации, какое является ее деятельность в области экономического и духовного творчества. Каждый отдельный человек, встречающийся с необходимостью отстаивать свое право, принимает участие в этой национальной работе, вносит свою скромную лепту в дело осуществления правовой идеи на земле»⁴. Более того, Иеринг называл борьбу за нарушенное право **обязанностью** (выделено мною. – Е.Ф.) управомоченного к самому себе, поскольку такое отношение является заповедью «нравственного самосохранения». Кроме этого сопротивление беззаконию, по мнению немецкого юриста, составляет обязанность одновременно и по отношению к обществу, оно необходимо для того, чтобы «право осуществлялось»⁵.

Право одновременно есть и информация, и способ регулирования поведения. В качестве выражения должного право призвано воздействовать на волевое поведение участников общественных отношений с помощью соответствующих стимулов. По словам Г. Еллинека, норма действует, если она обладает способностью влиять в качестве мотива, определять волю⁶. Мотивом, побуждающим каждого сообразовывать свое поведение с предписаниями права, является осознание собственного интереса. Члену общества выгодно приобрести уверенность, что все сограждане будут сообразовывать свое поведение с установленными нормами права. Поэтому каждый должен (для реализации своих интересов) не выходить из пределов своего права и преграждать другим возможность нарушать чужие права, поскольку лицо понимает, что его собственный пример способен вызвать подражание в том же направлении со стороны других лиц и это может отразиться на нем самом. Чем выше развитие человека, тем яснее он представляет

⁴ Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 24.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 332, 333.

значение правового порядка и его влияние на благополучие каждого члена в отдельности, тем сильнее укрепляется в нем сознание необходимости следовать предписаниям закона.

Аналогичную тенденцию можно наблюдать на уровне правовой культуры. По замечанию Г.Ф. Шершеневича, народ, приученный всем государственным строем к точному соблюдению правовых предписаний, проникается уважением к законному порядку, усваивает наклонность следовать установленным законам. Напротив, народ, воспитанный в постоянном нарушении законов, в требовании сообразовываться с переменными видами правительства, а не с твердыми законами государства, – такой народ равнодушно относится к законности управления, не отличается устойчивостью в правовых представлениях и легко переходит от одного порядка к другому⁷.

Свобода воли и правосознание

Вопрос о свободе воли имеет практическое значение и теоретическую значимость, поскольку затрагивает важные и разнообразные интересы человека, касаясь всех сторон его жизни. В сфере права этот вопрос обуславливает саму возможность существования правовых норм, цель которых заключается в регулировании социальных отношений. Если действия лица направляются посторонними причинами, то нельзя требовать от него подчинения нормам права, так как лицо не располагает собой. Сама мысль регулировать наши отношения правовыми нормами теряет смысл, поскольку невозможно регулировать то, что регулируется силой, не подлежащей нашему воздействию⁸.

Вопрос о свободе воли решался мыслителями на протяжении многих веков. Правы те ученые, которые считали, что не может идти речь о свободе воли в случаях, где отсутствует сознание индивида или там, где поступкам предшествует представление только одного принятого варианта поведения. Иными словами, можно утверждать, что вопрос о свободе воли имеет место 1) только в области свободных действий; 2) только там, где существует выбор вариантов поведения.

Вопрос о внутренней свободе человека – это вопрос о значении нашего разума, как мотива действий. Под разумом понимается способность человека критически оценивать возможные направления своей деятельности. Потенциально все люди должны быть признаны свободными, поскольку мы все наделены разумом, способным подчинять себе поведение. Однако степень свободы, которой

человек располагает в действительности, изменяется в зависимости от его темперамента, природных способностей, воспитания, уровня образования и др. Русский юрист, профессор кафедры энциклопедии и истории философии права Императорского Московского университета Н.А. Зверев замечал: «Люди спокойные по характеру и умные от природы, получившие правильное воспитание и хорошее образование, могут, конечно, лучше управлять собой при помощи своего разума, нежели люди порывистые и горячие, бедные и убогие духовными дарами, невоспитанные и необразованные. Поэтому-то, между прочим, к первым мы всегда относимся в жизни строже, чем ко вторым, будем ли мы подходить к тем и другим с нравственной или юридической оценкой поведения»⁹. Отметим, действует свободно тот, кто в своем поведении руководствуется указаниями своего разума (а не в силу душевного волнения, состояния аффекта, необходимой обороны, по привычке, в силу болезни, исключительности положения и др.). Свободный выбор между двумя возможными действиями заключается в том, что я предпочту одно из них по какому-либо сознательному основанию, т.е. поступлю **разумно**. Выбор варианта поведения – это дело МОИХ рук, за которое Я несу ответственность. При этом действие, будучи необходимым объективно, вполне может быть свободным – это происходит в том случае, если оно избирается моим сознанием. Таким образом, свобода в целом, свобода воли, в частности, заключается в том, что действую Я, выбор поведения принадлежит МНЕ, а не навязывается извне.

3. Виды и уровни правосознания

По социальной основе различают правосознание индивидуальное, групповое, общественное (массовое). *Индивидуальное* правосознание – это правовое сознание каждого отдельного человека. Русский философ И.А. Ильин писал: «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить, значит для человека жить правосознанием ...»¹⁰. Содержание правосознания различно, поскольку различаются не только социальные статусы, но и уровни сознания людей. Тем не менее в отношениях индивидов друг к другу проявляется некая «единая правота», которую можно познать только через внутренний опыт. Подобные переживания свойственны каждому человеку, однако у большинства оно остается неосознанным,

⁷ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Вып. I. С. 246.

⁸ См.: Зверев Н.А. Свобода воли и право. Прибавление к «Энциклопедии права». М., 1898. С. 2.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и с пред. В.А. Томсикова. М., 2003. С. 163.

т.н. инстинктом правоты. Осознать содержание этого «правового чувства» и раскрыть его значение – одна из задач и форм становления зрелого правового сознания. *Групповое* правосознание объединяет правовые представления различных социальных групп (сословий, слоев, классов). Этот вид правового сознания предполагает наличие особых черт, характеризующих социальный статус общественной группы (юридическое сообщество, студенты, предприниматели, криминальные группы). *Общественное* правосознание – правовое сознание общества в целом. На этом уровне отражаются объективные условия жизни всех членов общества. Как правило, этот вид правосознания отличается консервативностью, что, однако, не означает единомыслия и отсутствия разногласий в оценках правовой действительности. Например, в обществе по-разному оцениваются предписания действующего права (отношение членов общества к системе ЕГЭ – как к «начетничеству» и «зубрежке», т.е. системе, не способной продемонстрировать имеющийся уровень знаний выпускника школ или – как к механизму, обеспечивающему равные для всех абитуриентов возможности для поступления в вузы); имеются разные, даже противоположные, взгляды на идеальное право (эвтаназия необходима как акт милосердия, гуманное отношение к человеку из-за невозможности облегчить его физические страдания в случаях тяжелых и неизлечимых болезней или – эвтаназия предосудительна в юридическом, моральном и религиозном смыслах, как процедура, не обеспеченная должным образом юридическими гарантиями, она есть вторжение в «промысел Божий»). Необходимо понимать, что в обществе одновременно может существовать несколько правовых идеологий, но возобладает и будет принята в качестве «общественной» та, которая получит официальную поддержку государства.

В зависимости от отношения к действующему праву различают: *профессиональное, доктринальное* (научное), *массовое* (обыденное) правосознание, которые отличаются своей спецификой восприятия правовой действительности. Важное значение для общества имеет соотношение официального и массового (обыденного) правосознания.

Массовое (обыденное) правовое сознание – это базовый уровень, на основе которого создается в конечном итоге действующее право. Как было отмечено, многие оценки правового сознания санкционируются в качестве обычая и (или) прецедента, и (или) нормативного правового акта государством, придающим таким образом законную силу отношениям, сложившимся на практике. При этом массовость правосознания не означает, что большое количество членов общества одновременно должны задаться вопросами юридических последствий своего поведения или беспрестанно

размышлять о правовых началах своего бытия. Обыденное правосознание всегда ситуационно – содержащиеся в нем моральные и правовые критерии активизируются каждый раз, когда фактические отношения попадают под юридическую регламентацию¹¹. Массовое правовое сознание по-своему оценивает ряд правовых норм, поэтому всегда в чем-то расходится с официальным правосознанием (официальной правовой идеологией). В результате в обществе наряду с системой действующего права формируется и существует «неофициальное правосознание», не тождественное официальному.

Обыденное правосознание может содержать противоречащие действующему праву представления о правовом/неправовом, поэтому оно не всегда способствует укреплению правового порядка. Напротив, нередко случается, что в силу своих неверных представлений о юридически значимых/не имеющих юридическую силу фактах и действиях, лица не получают желаемых правовых последствий (например, неверно оформленный договор не рождает права и обязанности сторон), либо, что много хуже, их действия приводят к печальным последствиям («если бы знал, что за такое поведение последует наказание, не совершил бы его»). Временами недоразумения, правовые споры и конфликты возникают в силу необоснованных притязаний, проявления неосведомленности лиц (обыденное правосознание) о содержании своих прав и обязанностей, способах оформления договоров, сделок, официальных документов.

Уровень массового правосознания снижается в условиях общественных кризисов – в такие периоды разрушаются устоявшиеся системы стереотипов поведения людей, что может приводить к росту правонарушений, к усилению строгости санкций, к созданию в общем правосознании ложного представления, что только чрезвычайные суды и жестокие наказания способны обеспечить порядок и безопасность в обществе. Распространение подобных настроений особенно опасно для стран, не имеющих исторических традиций уважения и доверия к праву. К таким странам относится Россия¹². В настоящее время для российской политико-правовой действительности характерно явление стойкой деформации правового сознания, которое в равной степени может выражаться как в *правовом идеализме*, так и в *правовом нигилизме*. Опасность правового нигилизма (в более мягкой форме – скептицизма) велика, главным образом в сфере прав человека. Однако не менее опасным признается и правовой идеализм – вера

¹¹ См.: Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 201.

¹² См.: там же. С. 211, 212.

во всемогущество права, абсолютизация его предписаний приводит к тем более глубокому разочарованию в нем, чем более глубоким было доверие личности к могуществу права изначально¹³. Правовой нигилизм и правовой идеализм в обществе могут «мирно уживаться и образовывать вместе общую безрадостную картину политико-юридического бескультурья»¹⁴. Причудливость этого соединения заключается в том, что данные явления означают принципиально различные подходы к праву: правовой нигилизм свидетельствует об игнорировании законов, а правовой идеализм, напротив, придает законодательству неоправданно возведенную силу всеисцеляющего средства. Однако в основе и правового нигилизма, и правового идеализма лежит «ущербное правовое сознание». Чрезмерные надежды на силу законодательства, как и отрижение значимости права, социальны вредны.

Правосознание, правопорядок, юридическая наука

Состояние правосознания в каждом государстве непосредственным образом отражается на состоянии правового порядка. Как известно, только лишь на моральном начале нельзя построить конкретные социальные формы, для институционализации права и государства необходимо правовое сознание разных видов (индивидуальное, коллективное, обыденное, профессиональное, доктринальное). Вместе с тем разочарования в праве и его эффективности создают в массовом правовом сознании настроения недовольства, недоверия к праву и в конечном итоге – отчужденное к нему отношение (например, стремление обойтись без правового оформления договоров, обязательств), более того, появляется уверенность, что право «мешает» осуществлению интересов, прав и свобод человека. Кризис правопорядка свидетельствует о кризисе правосознания, о чем применительно к России начала XX в. писали П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, И.А. Ильин и другие правоведы.

Более того, как образно подчеркивал И.А. Ильин, за внешне блестящим правопорядком может скрываться «правосознание озлобленного раба», которое опаснее открытого неприятия внешних запретов – мятежность духа накапливается постепенно и может иметь непредсказуемые формы своего проявления. Такое правовое сознание вынужденно признает силу права, но не уважает правовые предписания, исходящие от государства.

¹³ См.: Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации // Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023. С. 621.

¹⁴ Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая культура. 2008. № 2 (5). С. 40.

«Своекорыстное хотение не исчезает и не искореняется от того, что встречает внешний запрет, угрозу, противодействие и даже наказание. Правда, оно приучается “не сметь” [...], но именно поэтому оно скапливается постепенно, неизжитое, неутоленное, неопределенное – побежденное, но не убежденное – и сосредоточивается в душе, окрашивая всю жизнь в оттенок сдержанного, таящего озлобления. Оно принимает и соблюдает в отношениях законную форму, но молчаливо тяготится ею, испытывая ее как кандалы на цепь», – писал И.А. Ильин¹⁵. Для преодоления кризиса и состояния политического отчуждения¹⁶ важно создать в обществе благоприятный правовой климат, освободив сознание человека от черт, характеризующих «душу раба». Прежде всего необходимо определить границы внешнего (государственного) вторжения в сознание человека. Один из вариантов решения этого вопроса был предложен сторонниками концепции естественного права, считавшими, что государство не имеет фактической силы отслеживать умонастроения людей, а потому публичная власть не должна навязывать индивидам свои убеждения в качестве единственно верных (Б. Спиноза).

В добавление к этому заметим, что покорность формальным внешним велениям только из страха и (или) корысти низводит индивида на уровень существа, лишенного правового и вообще какого-либо сознания. Значение права состоит не в том, чтобы люди выучили тексты нормативных правовых актов и автоматически им следовали, а в том, чтобы в каждом конкретном случае поступали осмысленно в согласии с общим верным правилом поведения, масштаб которого содержит право. Об этом писал И. Кант, различая понятия «моральность» и «легальность». Согласно Канту, личность сообразовывает свое поведение с предписаниями категорического (безусловного) императива – всеобщим общеобязательным законом, содержащемся в практическом разуме. Этот закон требует, чтобы каждый индивид независимо от содержания своих действий поступал так, чтобы правило его личного поведения могло бы стать правилом поведения для всех. Для этого индивиду необходимо иметь высокий уровень развития самосознания и правового сознания. Если правосознание индивида стоит на низком уровне, то значение его как масштаба и правила поведения

¹⁵ См.: Ильин И.А. Указ. соч. С. 190.

¹⁶ Это состояние взаимного недоверия верховной власти и народа блестяще выразил А. Камю в своем романе «Чума». Один из героев романа-притчи риторически вопрошає: «Да разве можно рассчитывать на чиновников? Не затем они сидят в канцеляриях, чтобы понимать людей» (см.: Камю А. Чума. М., 2022. С. 175).

не уменьшается, однако практическое действие права существенно снижается.

Изучение объективно необходимого права требует добросовестного и беспристрастного теоретического подхода, которое характеризует юридическую науку и воспитывается преподаванием (доктринальное правосознание). Правосознание всех уровней и видов находится на высоте только там, где соответствующее место занимают юридические науки, формирующие правовое сознание. Там же, где, как замечал И.А. Ильин, юриспруденция «непредметна и пристрастна или, еще хуже, невежественна и продажна, там вырождается самая сердцевина правового мышления и быстро утрачивается уважение к праву; ученый приближается к типу старого подъячего и от его «научного» крючкотворства быстро меркнет правосознание. В суждениях о праве воцаряется щаткость и злакачественная туманность; в умах все двоится и колеблется». Русский юрист прав: для развития правосознания необходим живой контакт между юридической наукой и сознанием масс. Необходимо, чтобы каждый фактически знал то, что ему по праву «можно», «должно» и «нельзя», чтобы он как бы воочию осязаял пределы своего правового «статуса» в уверенности, что они могут быть изменены по праву, но не против права и не в обход его¹⁷.

Среди способов воздействия юридической науки на народное правосознание, предложенных И.А. Ильиным: популярное преподавание права, общедоступные учебники права, преподавание законоведения в средних школах, введение обязательного курса по правосознанию в высших учебных заведениях для студентов всех факультетов и др. Действительно, необходимо сделать все, чтобы приблизить право к народу, укрепить массовое правовое сознание. Народ должен знать и ценить свои законы с тем, чтобы добровольно соблюдать обязанности и запреты. Право, по мысли русского юриста, должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души. Эти идеи во многом перекликаются с воззрениями социолога и философа К. Мангейма. Право в своем объективном значении и смысловом содержании должно быть осознано мыслью, проверено опытом и признано волей человека. Кризис правового сознания, считал он, не может быть преодолен ни опрометчивым отстранением от возникших проблем, ни попыткой найти спасение в прошлом. Преодоление кризиса возможно только посредством постепенного расширения и углубления обретенного нами сознания (в том числе правового), посредством ряда прозрений на пути к желаемой цели¹⁸.

¹⁷ См.: Ильин И.А. Указ. соч. С. 175.

¹⁸ См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 94.

4. Право, правосознание и правовая культура

Правовая культура дает представление о масштабе духовных ценностей общества. Уровень юридического мышления, характеризующий степень правовой культуры конкретного общества, включает в себя не только знание права, но и уважение к нему со стороны населения, а также результаты правовой деятельности в обществе в виде создания духовных и материальных благ (процедуры по принятию законов, нормативно-правовые акты, судебная практика)¹⁹.

Право, правосознание и правовая культура тесно связаны между собой: право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой силой, правосознание нуждается в праве с тем, чтобы приобрести предметную основу, объективация этих явлений проявляется на уровне правовой культуры.

Основополагающая культурная ценность – само право. Из всех формальных ценностей оно является наиболее значимой, поскольку право придает внешнюю устойчивость поведению людей, дисциплинирует человека в рамках определенной социальной системы, предоставляя гражданину ряд свобод для реализации внутренней свободы. В этом заключено объективное значение права. Неведение закона или несогласие с его предписаниями не означает отсутствие внутреннего смысла права и обязательности исполнения его императивов. Сущность правосознания (и права), по образному сравнению И.А. Ильина, состоит в том, что взяточник, вор, ростовщик, беззаконный правитель и фальшивомонетчик не могут одним своим «несогласием» погасить закон и сделать свое поведение правомерным. Уголовное право поддерживает все свои запреты, несмотря на обилие непойманных воров и высокопоставленных взяточников; конституционное право не искажается и не «исчезает» от того, что есть министры, склонные его нарушать; международное право сохраняет свое значение, несмотря на то, что его слишком часто обходят во время мира и не соблюдают на войне.

Оценки правовой культуры всегда относительны – непреложных истин в этой области нет. Ш.Л. Монтескье, говоря о закономерностях социальной жизни, ввел в научный оборот понятие «дух закона», обозначающее комплекс естественных и социальных факторов. К физическим причинам, определяющим «дух закона», относятся: климат, почвы, размер территории, численность населения; к моральным: принципы политического

¹⁹ См. об этом: Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В. Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9

строя, религия, нравственность, обычаи. Французский юрист полагал, что на юге в силу жаркого климата люди изнежены и работают только из страха наказания; на севере в условиях сурового, холодного климата и бесплодных замель люди свободолюбивы, им свойственны умеренные формы правления (монархия, аристократия, демократия). Для народов на ранних стадиях своего развития определяющими оказываются физические причины, с развитием цивилизации – моральные. Дух законодателя, рассуждал Монтескье, есть «дух умеренности». Законы должны быть точны, ясны, не слишком подробны без необходимости. Мудрый законодатель подобен архитектору, который зондирует почву перед строительством, он не начинает с установления хороших законов, а исследует, сможет ли народ их вынести.

Известный русский философ-интуитивист Н. О. Лосский отмечал высокое развитие в русском народе нравственного опыта, проявляющееся в том, что все его слои проявляют особый интерес к различению добра и зла и чутко подмечают примеси зла к добру. К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит, по его мнению, чуткое восприятие чужих душевных состояний: русский человек переживает мир, исходя не из «я», и не из «ты», а из «мы». Такое непосредственное отношение к душе ближнего приводит к тому, что у русского народа высоко развито личное и семейное общение. Интересно рассуждение Н. Лосского о восприятии чужой душевной жизни: «Англичане, и особенно американцы, не понимают речи собеседника при малейшей ошибке произношения, потому что внимание их сосредоточено на внешней стороне речи, на звуках ее. Наоборот, русский человек обыкновенно понимает собеседника даже и при значительных недостатках произношения; объясняется это тем, что он направляет свое внимание сразу на внутреннюю сторону речи, на смысл ее, непосредственно, т.е. интуитивно, улавливаемый им»²⁰.

Вместе с тем это свойство русского народа применительно к праву оказывает обратное действие. Конечно, создание, уяснение и следование нормам права – важная часть сферы правового сознания и правовой культуры. Однако отношение к необходимости закрепления формальных юридических актов у русского человека, в отличие от европейских народов, можно назвать скептическим. Славянофилы искренне уверяли, что русскому народу чужды «юридические начала» (надежнее руководствоваться внутренним сознанием правды), что правовые и нравственные нормы слиты в русском самосознании воедино. Правовое сознание

объявлялось излишним, надуманным, ненужным. К. С. Аксаков утверждал, «что в то время как “западное человечество” двинулось “путем внешней правды, путем государства”, русский народ пошел путем “внутренней правды”». Юридические гарантии – зло. Где необходима гарантия, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла»²¹. Такое враждебное отношение к праву побудило поэта-юмориста Б. Н. Алмазова вложить в уста К. С. Аксакова стихотворные строки: «По причинам органическим мы совсем не снабжены здравым смыслом юридическим, сим исчадьем сатаны. Широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал»²².

Недоверие к праву (правовому сознанию) в России имеет ряд оснований, одним из которых является пристрастие бюрократического аппарата к подробной процессуальной регламентации многих сторон жизни и деятельности членов общества. Неоправданные процедурные хитросплетения порой создают сложности для законопослушных граждан, а правонарушителям – благодатную почву для коррупции. Как следствие, в исходящих от государства нормах права, граждане видят не столько рациональные правовые убеждения, сколько внешний императив, ограничивающий свободу человека. Это положение блестящим образом охарактеризовал А. И. Герцен: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»²³. Низкий уровень правовой культуры в России – предмет тревог русских философов и юристов разных времен. Более ста лет назад Б. А. Кистяковский констатировал «притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям». У нас, замечал он, нет ни одного правового этюда, имеющего общественное значение: ряд глубоких работ, рассчитанных на доктринально мыслящих лиц или, во всяком случае, хорошо образованных, имеется, однако, где «наш общественный договор»? Или любое другое произведение, где внятно отстаивались бы правовые идеи регулирования общественных отношений?

²¹ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 9.

²² Это неточная цитата из стихотворения «Ученолитературный маскарад. Интермедиа в одном действии» (см.: Алмазов Б. Н. Соч. М., 1892. Т. 2. С. 370, 371).

²³ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 251.

Право, безусловно, выступает важной частью духовной культуры. В отечественной науке есть немало примеров успешного соединения философии и права. Однако если в Германии «философия права» еще в первой половине XIX в. была наиболее распространенной книгой, то в России только спустя век были подняты вопросы необходимости написания подобных работ. Существует расхожее выражение, что русским надо «только переводить», что все уже высказано «до нас». Подобный аргумент достаточно обоснован: русский народ позже других вступил на исторический путь, поэтому нам не надо самим вырабатывать идеи свободы, личности, правового государства – нам надо только заимствовать.

Этот тезис вызывает серьезные возражения. Прямого заимствования в социальных науках быть не может – идеи необходимо пережить, быть всецело ими охваченными с тем, чтобы суметь реализовать их, воплотив в государственно-правовую действительность. Кроме этого единых для всех времен и народов образцов свободы личности, правового строя, конституционного государства не существует: должно быть реальное «наполнение» этих понятий исторически конкретным содержанием с учетом каждого общества в отдельности. Своеобразная окраска предписаний и самобытность уклада жизни народа должны учитываться буквой закона, а сам закон – корректироваться исходя из социальных ожиданий и настроений масштабного уровня правосознания.

Для сферы правореализации важно, чтобы законы народа были извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств с тем, чтобы внешние нормы были органичны и отражали правовую культуру народа. В ином случае все внешние заимствования будут губительны, что неоднократно отмечалось теоретиками правовой и политической мысли прошлого и настоящего (Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Н.М. Карамзин, В.С. Нерсесянц, О.Э. Лейст, Д. Вълчев, Я. Стоилов, В.Н. Жуков, Д.В. Масленников, И.У. Аубакирова и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 9.
2. Алмазов Б.Н. Соч. М., 1892. Т. 2. С. 370, 371.
3. Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации // Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023. С. 621.
4. Галузо В.Н. О правосознании судей в Российской Федерации (опыт правоприменения в Московском городском суде) // Актуальные исследования. 2020. № 15. С. 62–75.

5. Герцен А.И. Собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 251.
6. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 332, 333.
7. Зверев Н.А. Свобода воли и право. Прибавление к «Энциклопедии права». М., 1898. С. 2, 13.
8. Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 24, 35.
9. Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и с пред. В.А. Томсикова. М., 2003. С. 163, 175, 190.
10. Камю А. Чума. М., 2022. С. 175.
11. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 201, 211, 212.
12. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1957. Кн. I. С. 25, 26.
13. Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В. Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9
14. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 94.
15. Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая культура, 2008. № 2 (5). С. 40.
16. Стучка П.И. Марксистское понимание права / Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964 (цит. по: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5. Россия. Конец XIX–XX в. М., 1999. С. 696).
17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Вып. I. С. 246.
18. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 85.

REFERENCES

1. Aksakov K.S. Complete works. М., 1889. Vol. 1. P. 9 (in Russ.).
2. Almazov B.N. Essays. М., 1892. Vol. 2. Pp. 370, 371 (in Russ.).
3. Galkin I.V. The problem of ensuring effective implementation of legislation in the field of human rights protection in the Russian Federation // Law. Order. Values / under the general editorship of E.A. Frolova. М., 2023. P. 621 (in Russ.).
4. Galuzo V.N. On the legal consciousness of judges in the Russian Federation (experience of law enforcement in the Moscow City Court) // Actual research. 2020. No. 15. Pp. 62–75 (in Russ.).
5. Herzen A.I. Collected works. М., 1950. Vol. 7. P. 251 (in Russ.).
6. Jellinek G. The general doctrine of the state. SPb., 2004. Pp. 332, 333 (in Russ.).
7. Zverev N.A. Freedom of will and law. Addendum to the Encyclopedia of Law. М., 1898. Pp. 2, 13 (in Russ.).
8. Iering R. Selected works: in 2 vols. SPb., 2006. Vol. I. Pp. 24, 35 (in Russ.).

9. *Ilyin I.A.* Theory of law and the state / ed. and with prev. V.A. Tomsinov. M., 2003. Pp. 163, 175, 190 (in Russ.).
10. *Camus A.* Chuma. M., 2022. P. 175 (in Russ.).
11. *Leist O.E.* The essence of law. Problems of theory and Philosophy of Law. M., 2002. Pp. 201, 211, 212 (in Russ.).
12. *Lossky N.O.* The character of the Russian people. M., 1957. Book I. Pp. 25, 26 (in Russ.).
13. *Mal'ko A.V., Guryev V.V., Zatonsky V.A., Krotkova N.V.* Legal culture, legal policy and human rights (Review of materials of the scientific and practical conference) // State and Law. 2021. No. 2. Pp. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9 (in Russ.).
14. *Mannheim K.* Ideology and utopia // Mannheim K. Diagnosis of our time. M., 1994. P. 94 (in Russ.).
15. *Matuzov N.I.* Legal idealism as a “birthmark” of Russian public consciousness // Legal culture. 2008. No. 2 (5). P. 40 (in Russ.).
16. *Stuchka P.I.* Marxist understanding of law / Stuchka P.I. Elected speaker according to the Marxist-Leninist theory of law. Riga, 1964 (cit. by: Anthology of world legal thought: in 5 vols. Vol. 5. Russia. The end of the XIX–XX centuries. M., 1999. P. 696) (in Russ.).
17. *Shershenevich G.F.* General theory of law: textbook: in 2 vols. M., 1995. Iss. I. P. 246 (in Russ.).
18. *Stammler R.* The essence and tasks of law and jurisprudence. M., 1908. P. 85 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна –
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории государства
и права и политологии юридического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of State
and Law and Political Science, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia

УДК 343

РОЛЬ ТРАКТАТА «О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ» Ч. БЕККАРИА В ФОРМИРОВАНИИ УТИЛИТАРНОГО ВЗГЛЯДА ДЖ. БЕНТАМА НА УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

© 2024 г. И. В. Колосов

Министерство экономического развития Российской Федерации, г. Москва

E-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.11.2022 г.

Аннотация. В статье автор обосновывает преемственность правовых идей утилитаризма в отношении уголовного наказания, которая привела к формированию целостного учения. Автора работы Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764) принято считать одним из основных теоретиков уголовного права и криминологии. Небезосновательным будет утверждение, что данный трактат имеет утилитарные предпосылки. Вместе с тем традиционно в юриспруденции, в том числе в сфере уголовного права, принцип полезности начинает применяться только в связи с изданием в 1789 г. работы Дж. Бентама «Введение в основания нравственности законодательства». Каким образом трактат Ч. Беккариа повлиял на формирование утилитарного взгляда на уголовное наказание Дж. Бентама? Что было заимствовано у Ч. Беккариа и является ли теория Дж. Бентама оригинальной? В итоге стало возможным создание теоретических основ для прозрачной, последовательной и эгалитарной системы уголовного правосудия, в которой наказание должно быть соразмерным преступлению, применяться быстро и понятным для всех образом. Трактат «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариаоказал значительное влияние сначала на философию Дж. Бентама, а затем и на реформу уголовного права в Западной Европе.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, утилитаризм, полезность, аналитическая философия права, принцип сдерживания, преступление, консеквенциализм, юридическая ответственность, соразмерность наказания.

Цитирование: Колосов И.В. Роль трактата «о преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа в формировании утилитарного взгляда Дж. Бентама на уголовное наказание // Государство и право. 2024. № 7. С. 98–104.

DOI: 10.31857/S1026945224070086

THE ROLE BECCARIA'S ON CRIMES AND PUNISHMENTS ON THE FORMATION OF BENTHAM'S UTILITARIAN THEORY OF CRIMINAL LIABILITY

© 2024 I. V. Kolosov

Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow

E-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

Received 23.11.2022

Abstract. In the article, the author substantiates the continuity of the legal ideas of utilitarianism in relation to criminal punishment, which led to the formation of a holistic doctrine. Beccaria's "On Crimes and Punishments" (1764) been considered a theorist of criminal law and criminology, who proceeded from the principle of utility. At the same time, traditionally in jurisprudence, including in the field of criminal law, the principle of utility begins to be applied only in connection with the publication of the work of Bentham's Introduction to the Foundations of the Morality of Legislation in 1789. How did Beccaria's treatise influence the formation of Bentham's utilitarian view of the criminal liability? What did Bentham borrow from Beccaria? Was Bentham's utilitarianism original? As a result, the theoretical foundations for a transparent, consistent and egalitarian justice system were created, in which punishment should be proportionate to the crime, applied promptly and in a way that is understandable to all. As a result, Beccaria's On Crimes and Punishments had a significant impact, first on the philosophy of Bentham, and then on the reform of criminal law in the Western Europe.

Key words: criminal liability, criminal punishment, utilitarianism, utility, analytic legal philosophy, deterrence principle, crime, consequentialism, legal liability, proportionality of punishment.

For citation: Kolosov, I.V. (2024). The role Beccaria's on crimes and punishments on the formation of Bentham's utilitarian theory of criminal liability // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 98–104.

Дж. Бентама принято считать основателем утилитарного взгляда на право, согласно которому критерием правильности любых юридически значимых действий и решений является наибольшее счастье или полезность. Тем не менее еще до Дж. Бентама значительную роль в становлении утилитарных правовых идей сыграл Ч. Беккариа, его фактически можно назвать предшественником правового утилитаризма. В работе «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа поднимаются многие вопросы, которые в дальнейшем станут традиционными для утилитаризма. В частности, приводится анализ социальной полезности наказания и гедонистической направленности мотивации к противоправному поведению. Во введении Ч. Беккариа указывает, что право следует рассматривать с точки зрения наибольшего счастья для наивозможно большего числа людей¹. На этом основывается цель уголовного наказания – повышение благополучия граждан путем их защиты от опасных элементов общества (специальная функция наказания) и препятствие потенциальным преступникам (общая функция наказания).

В дополнение к этим канонически утилитарным функциям наказания, учение Ч. Беккариа о преступлении и наказании затрагивает и иные аспекты. Ф. Аудегин отмечает, что утилитаризм Ч. Беккариа связан с его приверженностью контрактуализму. Обращение к принципу полезности происходит не потому что это наиболее объективным образом отражает интересы субъектов права, за реализацию которых они борются, а поскольку естественная потребность, влекущая за собой наиболее полезные общественные договоренности, приводит к этому². Так, Ч. Беккариа отмечает: «Одна только необходимость, произошедшая из частных страсти и интересов, привела к идеи общественной полезности, которая является основой человеческой справедливости»³.

Теория наказания по Ч. Беккариа близка таким образом не только к последовавшему сразу после него утилитаризму, но и к контрактуализму, начала которого были положены в предшествовавших теориях школы естественного

права и идеях об общественном договоре, так критикуемых Дж. Бентамом. В этой предпосылке учение Ч. Беккариа хоть и расходится с утилитаризмом Дж. Бентама, но близко к современным интерпретациям контрактуализма, вовравшим в себя многие постклассические утилитарные идеи. Как Дж. Ролз⁴, Т.М. Скэнлон⁵ и Г.Л.А. Харт⁶, Ч. Беккариа соединяет концепцию необходимости объединения людей для совместной реализации интересов с анализом теорий о справедливых условиях сотрудничества с помощью гипотетического договора. Так, Ч. Беккариа указывает, что не было бы необходимости в том, чтобы люди отказывались от своей личной свободы или отчуждали часть ее в результате общественного договора, если бы не нужда в защите от посягательств со стороны других. Объединения людей для создания гарантий по уменьшению рисков таких посягательств обуславливает право наказывать⁷ с целью достижения общего блага и не только в случае наличия действительной угрозы или уже свершившегося антиобщественного деяния, но, в первую очередь, для предотвращения таких угроз и деяний.

Ч. Беккариа явным образом отвергает необходимость жестоких наказаний, причем не только тогда, когда они вредны для достижения общего счастья (как утверждается утилитаристами), но и тогда, когда они противоречат общим ценностям, отстаиваемым в эпоху Просвещения, таким как справедливость и общественный договор⁸. Трактат «О преступлениях и наказаниях» в целом представляет собой манифест правовой реформы, основанный на ценностях эпохи Просвещения: соразмерность, законность, снисходительность и верховенство закона. Вслед за теорией общественного договора сама возможность налагать наказания в нем обуславливается всеобщей договоренностью во имя безопасности в обществе.

За упомянутым изъятием, связанным с контрактуализмом, влияние Ч. Беккариа на создание утилитарного правового

⁴ См.: Baumgold D. Contract Theory in Historical Context: Essays on Grotius, Hobbes, and Locke. Leiden, Boston, Brill, 2010. P. IX.

⁵ См.: Scanlon T.M. What We Owe to Each Other. Cambridge, MA, 1998. P. 153.

⁶ См.: Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford, 1961. Pp. 199, 200.

⁷ См.: Ricciardi M., Santoni de Sio F. Cesare Beccaria: Utilitarianism, Contractualism and Rights. Philosophical Inquiries. II. 2–2014. Pp. 83, 84.

⁸ См.: ibid. P. 21.

¹ См.: Beccaria C. An Essay on Crimes and Punishments. Albany, 1872. Footnote 1. P. 12.

² См.: Audegean P. La Philosophie de Beccaria. Savoir Punir, Savoir Ecrire, Savoir Produire. Paris, 2010.

³ Beccaria C. Op. cit. P. 34.

учения Дж. Бентама было значительным. Сам Дж. Бентам отмечает в своих работах большой вклад Ч. Беккариа в формировании его собственных идей: «именно из небольшого трактата Ч. Беккариа о преступлениях и наказаниях я почерпнул, насколько я хорошо помню, первый намек на принцип, благодаря которому точность, ясность и неопровергимость математических вычислений впервые вводятся в область морали»⁹. Основатель утилитаризма подчеркивает важность идей Ч. Беккариа для формирования принципов рациональной системы уголовного законодательства посредством анализа таких свойств наказания, как его интенсивность, продолжительность, неотвратимость и близость. Дж. Бентам взял эту идею, — «этот намек», как он ее называет, — и обобщил в теорию «размеров» не только наказания, но и всех удовольствий и страданий. Таким образом, она стала источником концепции Дж. Бентама о «моральной арифметике». По некоторым вопросам, например, о применении смертной казни, Дж. Бентам вообще полагал, что Ч. Беккариа сформировал исчерпывающую теорию, которая не требует дальнейших дополнений: «чем больше внимания уделять смертной казни, тем больше становится склонность принять мнение Ч. Беккариа. Этот вопрос умело обсуждается в его книге»¹⁰.

В отношении вопроса о смертной казни как философия права Ч. Беккариа, так и утилитаризм (в том числе постбентамовский) не поддерживают строгое следование *lex talionis*¹¹. В своем рассуждении о смертной казни Ч. Беккариа выступает против ее повсеместного применения, допуская такую возможность только в отношении убийств, а также в отношении некоторых других преступлений, круг которых очень ограничен. В качестве одного из аргументов Ч. Беккариа отмечает, что субъекты, совершающие убийства, могут иметь нестандартные желания и убеждения. Для них смертная казнь — это короткое, пускай и болезненное, но возможно даже в какой-то мере героическое или мученическое публичное испытание. В то время как каторга исключает героизм и продолжается всю жизнь. Не вызывает удивления поддержка Дж. Бентамом взглядов Ч. Беккариа по данному поводу, поскольку последний в духе утилитаризма фактически утверждает, что каторгные работы в качестве уголовного вида наказания являются лучшим сдерживающим от совершения тяжелых преступлений фактором, а значит частое применение смертной казни может привести к большему уровню преступности¹², следовательно, и к большим страданиям.

Дж. Бентам является последователем Ч. Беккариа как в части сферы, в которой философы формировали свои идеи, так и в части задач, которые они перед собой ставили. Основатель утилитаризма отмечает, что Ч. Беккариа первым приступил к критике права и защите реформ, не смешивая эту задачу с описанием реально существовавшего права¹³. Однако, лишь только признание Дж. Бентамом заслуг Ч. Беккариа с отысканными тезисами первого к принципу наибольшего счастья для наивозможно большего числа людей, сформированного последним, само по себе не дает достаточно полного представления о соотношении учений двух философов права. Подробный анализ учения Дж. Бентама позволяет прийти к выводу о том,

⁹ Bowring J. (ed.) *The Works of Jeremy Bentham*. Edinburgh, 1838–1843. Vol. III. Pp. 286, 287.

¹⁰ Bentham J. *Theory of Legislation* / transl. Hildreth. 2nd ed. London, 1874. Pp. 353, 354.

¹¹ Принцип, закон талиона — «око за око, зуб за зуб».

¹² См.: Beccaria C. Op. cit. Ch. XXVIII.

¹³ См.: Bowring J. (ed.) Op. cit. Vol. I. P. 150.

что влияние Ч. Беккариа на его правовой утилитаризм было всепроникающим и при этом гораздо глубже. Есть много идей, сформированных Ч. Беккариа в обобщенной форме, которые были подхвачены Дж. Бентамом, разработаны более подробно и детально, возможно, даже без четкого осознания изначального их источника. Например, в сноске к гл. IV работы Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» отмечено: «слово «обязанность» — одно из тех, которые встречаются в этике значительно чаще, чем в какой-либо другой науке. Обязанность является *segno abbreviativo* рационального рассуждения, а не идеи. Если вы ищете адекватное понятие слова «обязанность» и не находите его, обратитесь к данному понимаю обязанностей»¹⁴.

Здесь Ч. Беккариа в наиболее общих чертах представляет центральную часть логического учения, которому Дж. Бентам придает большое значение. При анализе права и морали Дж. Бентам часто настаивал на том, что многие из наиболее сложных правовых концепций увязаны с такими понятиями, как «долг» и «обязанность»¹⁵, сущность каковых не может быть выявлена обычными методами, как если бы они были подобны конкретным предметам материального мира. Было бы ошибкой предполагать, что между такими понятиями и действительно существующими последствиями их внешнего выражения налицо существует такое же простое отношение как между именем собственным и носителем этого имени. Причина в том, что понятия «обязанность» и «обязательство» являются *segno abbreviativo*.

Эту идею Дж. Бентам расширяет и объясняет следующим образом. Вместо того чтобы искать определение терминов, взятых обособленно, философ утверждает, что необходимо исследовать полные утверждения, в которых используются отдельные слова. Требуется исследовать не обособленное значение слова «обязанность», а смысл утверждения — в чем именно заключается обязанность, ибо этот смысл раскрывает содержание *segno abbreviativo*¹⁶. Дж. Бентам, таким образом, предвосхитил идеи логических конструкций, неполных символов и определений, которые являются характерной чертой философии Б. Рассела¹⁷, и форм аналитической философии и юриспруденции, которые вытекают из нее¹⁸.

Дж. Бентам считал, что только нахождение смысла утверждения в целом, а не отдельных используемых терминов может привести к ясности в условиях плохой метафизики, окружающей понятия прав, обязанностей и обязательств. Небольшое упомянутое примечание Ч. Беккариа, в котором он утверждает, что смысл, действительное содержание обязательства может быть раскрыто через *segno abbreviativo* термина «обязательство», предвосхитило, если не сформировало фактически общую доктрину Дж. Бентама, учитывая, что последний во многих различных местах часто иллюстрирует свое изложение примером обязательств и обязанностей, трактуемых им как *segno abbreviativo* утверждения о том, что человек, вероятно, будет привлечен к санкции, если он не будет вести себя определенным установленным законом образом.

¹⁴ Beccaria C. Op. cit. P. 15, n. 20.

¹⁵ Burns J. H., Hart H. L. A. (ed.) *Of Laws in General: The Collected Works of Jeremy Bentham*. London, 1970. P. 294.

¹⁶ См.: Bowring J. (ed.) Op. cit. Vol. III. Pp. 160, 180, 181, 217; vol. VIII. Pp. 125–127, 206, 207, 247, 248.

¹⁷ См.: Рассел Б. Избр. труды / пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. Новосибирск, 2009. С. 180–191.

¹⁸ См.: Дидикин А. Б. Эпистемология Бертрана Рассела: на пути к нейтральному монизму // Омский науч. вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 1. С. 84–90.

Основоположник утилитаризма, должно быть, ознакомился с идеями Ч. Беккариа еще в период, когда был достаточно молод, чтобы воспринять их в качестве фундамента для формирования своего учения о праве. Англоязычная рукопись работы «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа вышла в свет в 1767 г.¹⁹, когда Дж. Бентам было девятнадцать. Первой работой Дж. Бентама, охватывающей вопросы наказания за преступления и затрагивающей многие из тех же тем, что анализируются в «О преступлениях и наказаниях», была «Теория наказаний и наград». Она была опубликована на английском языке только в 1830 г.,²⁰ но на французском языке появилась уже в 1811 г.²¹ Вместе с тем, как отмечает в предисловии переводчик французского издания П. Дюмон, рукописи, на которых основывалась работа, были написаны Дж. Бентамом еще в 1775 г.²² Ему тогда было двадцать семь лет, труд Ч. Беккариа был доступен на английском языке уже восемь лет. Вполне вероятно, что влияние Ч. Беккариа неявно присутствовало во многих аспектах учения Дж. Бентама о праве.

Философско-правовой взгляд на наказание анализируемых философов права относил жестокость, наличествовавшую в карательных системах того времени, к негативным пережиткам. Такая жестокость продолжала сохраняться, поскольку, как отмечает Ч. Беккариа, «разум почти никогда не был законодателем наций»²³. В то время как, наоборот, для обеспечения справедливости в обществе возможность выносить наказания должна быть ограничена той необходимой степенью, которая требуется для гарантирования безопасности и правопорядка. Соблюдение этого принципа позволяет каждому пользоваться максимально возможной свободой. «Чем справедливее наказание, тем более священной и нерушимой является безопасность и тем большую свободу суверен сохраняет для своих подданных»²⁴.

Пенитенциарные системы того времени, напротив, прибегали к чрезвычайно суровым наказаниям и особенно к смертной казни, отчасти для того, чтобы облегчить чувство враждебности и ненависти в обществе к преступнику, а отчасти для того, чтобы избавиться от необходимости анализа последствий использования различных форм наказаний. Дж. Бентам обобщает этот тезис, указывая, что враждебное чувство или «антитатия» само по себе может быть причиной. Антитатия, отмечает основатель утилитаризма обращаясь к учению Ч. Беккариа, хоть и имеется «против действий, считающихся преступлениями, к лицам, считающимся преступниками... этот ложный принцип провозглашается в сфере уголовного права как тиран. Ч. Беккариа первым осмелился открыто выступить с критикой данного принципа»²⁵.

Уголовное наказание по Ч. Беккариа и Дж. Бентаму, как и всякий другой институт общественной жизни, может и должно подвергаться рациональной критике, а не слепо отдаваться на откуп ненадежным поводьям чувств антипатии или симпатии. Дж. Бентам фактически берет вольно сформулированные принципы Ч. Беккариа и проецирует их на свой

¹⁹ На русский язык в течение XIX в. переводилась пять раз (см.: Юматов Ю.М. Беккария и Россия // Государство и право. 1995. № 7. С. 137).

²⁰ См.: Bowring J. (ed.) Op. cit. Vol. I. Pp. 388–532.

²¹ См.: Bentham J. Theorie des Peines et des Recompenses. Tome 1 / par M. Jeremie Bentham, redigee en françois, d'après les manuscrits, par M. Et. Dumont. 1811. B. Dulau (Лондон).

²² См.: ibid. P. VIII.

²³ Beccaria C. Op. cit. P. 39.

²⁴ Ibid. P. 10.

²⁵ Bentham J. Theory of Legislation / transl. R. Hildreth. 2nd ed. P. 76.

собственный точный, подробный и иногда педантичный язык. Оба философа выступают против жестокости уголовного права. Наказание должно быть наименьшим, т.е. достаточным лишь только для того, чтобы уравновесить выгоду, которую преступники надеются извлечь из совершаемых им деяний. Каждый из анализируемых философов права обосновывает тезис о том, что чрезмерно суровое наказание может привести к эффекту, обратному ожиданиям, — наоборот, увеличить преступность. Происходит это по причине того, что, во-первых, такие наказания влекут невозможность установления шкалы соразмерности, которая бы побуждала совершать менее тяжкие преступления, если такой выбор стоит перед преступником, а, во-вторых, вследствие лишения стимула не совершать новые преступления, ввиду того, что жестокость наказания за уже совершенные преступления не делает для преступника хоть сколько-нибудь значимым «прирост» наказания.

Для Дж. Бентама характерно то, что он представляет взгляд на уголовное наказание в виде некой подробной экономической модели. Страдания от неблагоприятных последствий уголовного наказания для преступников безусловно уменьшают их счастье или полезность, а поэтому они нежелательны не только для преступника, но и для общества в целом, в особенностях в чрезмерном количестве, поскольку утилитаризм ценит счастье каждого при оценке всеобщего счастья. Наименуется это принципом «бережливости», или экономии. Для этого требуется баланс, в рамках которого страдания от наказаний будут рассматриваться как объективная необходимость для предотвращения еще большего вреда в будущем, в то время как размер этих страданий должен быть насколько это возможно минимальным при условии сохранения действенности наказания. В этом экономическом анализе Дж. Бентам развивает ряд правил необходимой «меры» наказания, многие из которых имплицитно содержатся в труде Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях».

Оба философа права, по всей видимости рассчитывали, что различные измерения и расчеты, позволяющие провести оценку удовольствий и страданий, вреда и пользы, а также уровня счастья или всеобщего блага, в конечном итоге будут выполнены с большой точностью. Ввиду невозможности объективно рассчитать данные величины и к настоящему моменту, утилитарный подход к уголовному наказанию подвергается во многом справедливой критике. Некоторая оценка, хоть и неточная, все же возможна. Она не создает математической строгости, но все же не бесполезна, поскольку рассматриваемая модель отражает элементы психологии поведения преступника, которые действительно влияют на принятие им решений.

В известном отрывке «Введение в основания нравственности и законодательства» Дж. Бентам настаивает на том, что даже преступники, наиболее далекие от аналитических рассуждений, в какой-то степени рассчитывают, насколько выгодно совершение преступления и каким при этом является риск понести наказание²⁶. Лучшей проверкой для теории является ее предсказательная сила, а не кажущийся реализм (его отсутствие) допущений. Все увеличивающееся количество исследований, в которых анализируются эмпирические данные²⁷, показывают, что преступники реагируют на изменение

²⁶ См.: Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Dover Publications, 2007. End of Chap. XIV.

²⁷ См.: Ehrlich I. Crime, Punishment, and the Market for Offenses // Journal of Economic Perspectives. 1996. No. 10. Pp. 55–63; Pyle D.J. The Economic Approach to Crime and Punishment // Journal of Interdisciplinary Studies. 1995. No. 1. Vol. 6. Pp. 4–8; Levitt S.D. The Effect of Prison Population Size on Crime Rates: Evidence From Prison Overcrowding Litigation // The Quarterly Journal of Economics. 1996. No. 111. P. 319.

альтернативных издержек, вероятности привлечения к уголовной ответственности, строгости санкций и других факторов так, как будто бы они действительно были рациональными вычислителями. Таким образом, преступники хоть и ограничено, но рациональны и законодательство и правоприменение должно учитывать это, чтобы сократить уровень преступности.

Дж. Бентам²⁸ также вслед за Ч. Беккариа²⁹ отмечает, что наказание должно быть и быстрым, и неотвратимым не только из соображений гуманности, но и поскольку быстрота и определенность требуются для укрепления ассоциации между преступлением и наказанием. Оба философа права считали эту ассоциативную связь наиболее важным аспектом для эффективности механизма наказания. Необходимость быстрых и неотвратимых действий обуславливается выстраиванием результативной своевременной реакции государства на совершенное противоправное действие, которая невольно оценивается как конкретным лицом, совершившим преступление, так и потенциальными преступниками.

Анализируемые учения сходятся и в своих общих взглядах на природу верховенства права и функции законодателя и судьи. Эти взгляды, как правило, не свойственны для англосаксонской семьи права, и по этой причине позитивисты Ч. Беккария и Дж. Бентам, а также Дж. Остин часто казались английскими юристами неанглийскими в своем общем подходе. Так, и Ч. Беккариа³⁰, и Дж. Бентам³¹ настаивали на том, что право должно состоять из общих постановлений законодательной власти и что они должны быть как можно более всеобъемлющими и ясными, а также на том, что судебное правотворчество и усмотрение даже под именем толкования требуется свести к минимуму. По их мнению, функция судьи заключается лишь только в том, чтобы принять решение — были ли нарушен закон, они не должны брать на себя функции правотворца. Судьи, таким образом, обращаясь к словам Ш.-Л. Монтескье, должны быть «верным рупором законодателя»³².

Оба философа права негативно относились к судебному правотворчеству *ex post facto*, поскольку считали важным, чтобы субъекты права, к которым регулирование применяется, могли заранее знать, что от них требуют законы и какова вероятная цена неповиновения. Так, Ч. Беккариа критикует взамен применения «буквы закона» обращение к «духу закона», которое, по его словам, «может быть результатом хорошей или плохой логики судьи или хорошего или плохого дигеста»³³, а Дж. Бентам сравнивает наказание человека, определяемое только при рассмотрении дела и заранее, соответственно, не прогнозируемое, с наказанием собаки³⁴. Конечно, критика Дж. Бентамом судебного правотворчества и стремление к четким и подробным законодательным актам были отчасти результатом его практической работы с системой прецедентного права, тогда как Ч. Беккариа больше осуждал расплывчатость и неоднозначность положений кодексов и статутов. Но, тем не менее, их взгляды по данному вопросу, а иногда и слова очень похожи; оба противопоставляют дух тирании закона

²⁸ См.: *Bowring J. (ed.) Op. cit. Vol. I. Pp. 401, 402, 558, 559.*

²⁹ См.: *Beccaria C. Op. cit. Chaps. XIX, XX.*

³⁰ См.: *ibid. Chaps. IV, V.*

³¹ См.: *Bowring J. (ed.) Op. cit. Vol. I. P. 323; vol. VII. Pp. 311–315.*

³² Цит. по: Кечекян С.Ф. О толковании законов судом // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. межрег. заочной науч. конф. Екатеринбург, 2020. С. 255.

³³ *Beccaria C. Op. cit. Chaps. IV.*

³⁴ См.: *Bowring J. (ed.) Op. cit. Vol. V. Pp. 235, 519, 520.*

духу грамотности или четких всеобъемлющих законодательных актов и считают последнее необходимым для управления обществом свободных людей.

В юридической науке и практике такой подход к правовой политике в целом и к уголовной политике в частности представляется архаичным даже с точки зрения нынешних течений утилитаризма. Только у правоприменителей, в частности судей, есть относительно полная информация о преступниках и преступлениях, обладая которой можно сформулировать выводы о том, какое наказание обеспечит наибольшую степень сдерживания в конкретной ситуации. Агрегировать на законодательном уровне данную информацию для того, чтобы сформировать закон, учитывающий абсолютно все возможные случаи, даже при современном уровне развития науки и техники, которая помимо прочего оперирует технологиями больших данных, не представляется возможным. Нормативные правовые акты не обеспечивают сдерживания от совершения преступлений путем создания «угроз» привлечением к уголовной ответственности за их нарушение персонализированно каждому гражданину. Сдерживание для всех путем объявления наказаний в уголовном законе основывается на неком внешнем стандарте, т.е. поведении «среднего» человека, на что указывал О.У. Холмс³⁵. Поэтому эффективная законодательная система уголовных наказаний будет обращаться к каждому не с индивидуально определенной мерой уголовно-правового воздействия за конкретное возможное преступление, а с целым рядом вероятных наказаний. Это позволит судьям в зависимости от особенностей преступления и личности преступника, используя вариации как видов наказаний, так и их размеров в рамках законодательно установленных перечней и диапазонов обеспечить более эффективным образом сдерживание от совершения преступлений.

Из труда «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа следует, что необходимость придерживаться принципов общей пользы и общего блага должна приводить к осуществлению действий исключительно в рамках закона и не должна приводить к нарушению закона, даже если предполагается, что нарушение направлено на достижение общего блага. Ф.М. Решетников отмечает, что «у Беккариа в отличие от Бентама соображения «общей пользы», какими бы важными они ни были, никогда не должны приводить к нарушению законов, к оправданию несправедливости»³⁶. Ч. Беккариа скорее был источником вдохновения для утилитаристов, нежели чем самостоятельным идеологом утилитарной теории.

Тем не менее многие идеи утилитаризма Дж. Бентама были позаимствованы у Ч. Беккариа. Оба философа права считали, что система уголовного правосудия может способствовать счастью общества, поскольку она обеспечивает снижение количества преступлений. Преступные действия причиняют вред и тем самым, увеличивая количество страданий в обществе, приводят к результату, противоположному достижению счастья. Вместе с тем уголовное наказание может стимулировать снижение уровня преступности различными способами. Философско-правовые учения Ч. Беккариа и Дж. Бентама практически полностью сосредоточены на сдерживании потенциальных преступников от совершения действий, запрещенных уголовным законом. Оно достигается тогда, когда совершение преступления «не окупается» и субъекты права предпочитают законопослушное поведение из-за страха перед наказанием. Данное направление правовой мысли сводится

³⁵ См.: *Holmes O. W. The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. Pp. 457–478.*

³⁶ Решетников Ф.М. Беккария. М., 1987. С. 72.

к тому, что уголовное право рассматривается как объявленная всем системой «угроз» со стороны государства. Если «угрозы» успешны, то субъекты права, которые бы предпочли совершить преступление, все-таки принимают решение подчиниться законодательству во избежание уголовного преследования.

* * *

На основании вышеизложенного представляется возможным отметить, что в утилитарном взгляде Дж. Бентама на уголовное наказание прослеживается преемственность идей Ч. Беккариа, изложенных им в трактате «О преступлениях и наказаниях», ввиду следующего.

1. Идея о необходимости достижения общественной полезности, являясь следствием предположений о свободе воли и рациональном выборе, и по Ч. Беккариа, и по Дж. Бентаму выступает в качестве основы человеческой справедливости, в особенности в сфере привлечения к уголовной ответственности.

2. Взгляды Ч. Беккариа и Дж. Бентама на уголовное наказание были довольно прогрессивными для того времени и не соответствовали уровню развития законодательства, но общественные отношения в рассматриваемый исторический период начали быстро меняться. Само общество и развивающаяся индустриальная система требовали либерализации подхода к уголовному наказанию, что привело к широкому распространению и поддержке работ анализируемых философов права.

3. Цель пенитенциарной системы должна заключаться в разработке наказаний, по степени тяжести достаточных только лишь для обеспечения безопасности и правопорядка в обществе. Жестокость наказания сверх данной меры является тиранней. Повсеместное применение смертной казни, прибегание к пыткам, суворым и унижающим человеческое достоинство наказаниям способствуют лишь только увеличению страданий в обществе, росту уровня преступности и никак не приводят к достижению общего блага. Наказание накладывается на преступника не в карательных целях, а с целью обеспечения превенции.

4. Тяжесть наказания должна строго соизмеряться с совершенным преступлением (причиненным вредом) вплоть до их соотнесения с «геометрической точностью». Наказание должно быть пропорционально совершенному деянию. Не следует точно соблюдать *lex talionis*; наказание хоть и должно быть пропорциональным совершенному деянию, все же должно быть меньшим, чем размер страданий, причиненных преступлением.

5. Эффективность уголовного правосудия в большей мере зависит от определенности и неотвратимости наказания, а не от его тяжести. Именно понимание потенциальным преступником того, какое наказание его ждет в случае совершения преступления, при том, что уйти от этого наказания не представляется возможным, обеспечивает наиболее эффективное сдерживание.

6. Провозглашается принцип, согласно которому уголовная политика должна стремиться к наибольшему благу для наибольшего числа людей. Право становится средством обеспечения общественного порядка путем сдерживания гедонистических и материальных потребностей потенциальных правонарушителей, склонных к девиантному поведению из-за стремления обеспечить реализацию собственных, эгоистических интересов в ущерб благополучию общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Didikin A. B.* Эпистемология Бертрана Рассела: на пути к нейтральному монизму // Омский науч. вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 1. С. 84–90.
2. *Kechekyan S. F.* О толковании законов судом // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. межрег. заочн. науч. конф. Екатеринбург, 2020. С. 255.
3. *Rassell B.* Избр. труды / пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. Новосибирск, 2009. С. 180–191.
4. *Решетников Ф. М.* Беккариа. М., 1987. С. 72.
5. *Юмашев Ю. М.* Беккариа и Россия // Государство и право. 1995. № 7. С. 137.
6. *Audegean P.* La Philosophie de Beccaria. Savoir Punir, Savoir Ecrire, Savoir Produire. Paris, 2010.
7. *Baumgold D.* Contract Theory in Historical Context: Essays on Grotius, Hobbes, and Locke. Leiden, Boston, Brill, 2010. P. IX.
8. *Beccaria C.* An Essay on Crimes and Punishments. Albany, 1872. Footnote 1. Pp. 10, 12, 15, n. 20, 34, 39. Chaps. IV, V, XIX, XX, XXVIII.
9. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Dover Publications, 2007. End of Chap. XIV.
10. *Bentham J.* Theorie des Peines et des Recompenses. Tome 1 / par M. Jeremie Bentham, redigee en francois, d'apres les manuscrits, par M. Et. Dumont. 1811. B. Dulau (Лондон). P. VIII.
11. *Bentham J.* Theory of Legislation / transl. Hildreth. 2nd ed. London, 1874. Pp. 76, 353, 354.
12. *Bowring J. (ed.)* The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh, 1838–1843. Vol. I. P. 150, 323, 388–532, 558, 559; vol. III. Pp. 160, 180, 181, 217, 286, 287; vol. V. Pp. 235, 519, 520; vol. VII. Pp. 311–315; vol. VIII. Pp. 125–127, 206, 207, 247, 248.
13. *Burns J. H., Hart H. L. A. (ed.)* Of Laws in General: The Collected Works of Jeremy Bentham. London, 1970. P. 294.
14. *Ehrlich I.* Crime, Punishment, and the Market for Offenses // Journal of Economic Perspectives. 1996. No. 10. Pp. 55–63.
15. *Hart H. L. A.* The Concept of Law. Oxford, 1961. Pp. 199, 200.
16. *Holmes O. W.* The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. Pp. 457–478.
17. *Levitt S. D.* The Effect of Prison Population Size on Crime Rates: Evidence From Prison Overcrowding Litigation // The Quarterly Journal of Economics. 1996. No. 111. P. 319.
18. *Pyle D. J.* The Economic Approach to Crime and Punishment // Journal of Interdisciplinary Studies. 1995. No. 1. Vol. 6. Pp. 4–8.
19. *Ricciardi M., Santoni de Sio F.* Cesare Beccaria: Utilitarianism, Contractualism and Rights. Philosophical Inquiries. II. 2–2014. Pp. 21, 83, 84.
20. *Scanlon T. M.* What We Owe to Each Other. Cambridge, MA, 1998. P. 153.

REFERENCES

1. *Didikin A. B.* Bertrand Russell's Epistemology: on the way to neutral monism // Omsk Scientific Herald. Ser.: Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7. No. 1. Pp. 84–90 (in Russ.).
2. *Kechekyan S. F.* On the interpretation of laws by the court // Problems of the history of society, state and law: collection of scientific tr. mezhrug. correspondence scientific Conference Yekaterinburg, 2020. P. 255 (in Russ.).
3. *Russell B.* Selected works / transl. from English by V.V. Tselishcheva, V.A. Surovtseva. Novosibirsk, 2009. Pp. 180–191 (in Russ.).

4. *Reshetnikov F.M.* Beccaria. M., 1987. P. 72 (in Russ.).
5. *Yumashev Yu. M.* Beccaria and Russia // State and Law. 1995. No. 7. P. 137 (in Russ.).
6. *Audegean P.* La Philosophie de Beccaria. Savoir Punir, Savoir Ecrire, Savoir Produire. Paris, 2010.
7. *Baumgold D.* Contract Theory in Historical Context: Essays on Grotius, Hobbes, and Locke. Leiden, Boston, Brill, 2010. P. IX.
8. *Beccaria C.* An Essay on Crimes and Punishments. Albany, 1872. Footnote 1. Pp. 10, 12, 15, n. 20, 34, 39. Chaps. IV, V, XIX, XX, XXVIII.
9. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Dover Publications, 2007. End of Chap. XIV.
10. *Bentham J.* Theorie des Peines et des Recompenses. Tome 1 / par M. Jeremie Bentham, redigee en françois, d'apres les manuscrits, par M. Et. Dumont. 1811. B. Dulau (Londres). P. VIII.
11. *Bentham J.* Theory of Legislation / transl. Hildreth. 2nd ed. London, 1874. Pp. 76, 353, 354.
12. *Bowring J. (ed.)* The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh, 1838–1843. Vol. I. P. 150, 323, 388–532, 558, 559; vol. III. Pp. 160, 180, 181, 217, 286, 287; vol. V. Pp. 235, 519, 520; vol. VII. Pp. 311–315; vol. VIII. Pp. 125–127, 206, 207, 247, 248.
13. *Burns J.H., Hart H.L.A. (ed.)*. Of Laws in General: The Collected Works of Jeremy Bentham. London, 1970. P. 294.
14. *Ehrlich I.* Crime, Punishment, and the Market for Offenses // Journal of Economic Perspectives. 1996. No. 10. Pp. 55–63.
15. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. Oxford, 1961. Pp. 199, 200.
16. *Holmes O.W.* The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. Pp. 457–478.
17. *Levitt S.D.* The Effect of Prison Population Size on Crime Rates: Evidence From Prison Overcrowding Litigation // The Quarterly Journal of Economics. 1996. No. 111. P. 319.
18. *Pyle D. J.* The Economic Approach to Crime and Punishment // Journal of Interdisciplinary Studies. 1995. No. 1. Vol. 6. Pp. 4–8.
19. *Ricciardi M., Santoni de Sio F.* Cesare Beccaria: Utilitarianism, Contractualism and Rights. Philosophical Inquiries. II. 2–2014. Pp. 21, 83, 84.
20. *Scanlon T.M.* What We Owe to Each Other. Cambridge, MA, 1998. P. 153.

Сведения об авторе

КОЛОСОВ Игорь Владимирович –
кандидат юридических наук,
начальник отдела законодательства в сферах
финансово-банковской и инвестиционной
деятельности Правового департамента
Министерства экономического
развития Российской Федерации;
123112 г. Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2
ORCID: 0000-0001-9407-8340

Authors' information

KOLOSOV Igor V. –
PhD in Law,
Head of the Division of Legislation in the Spheres
of Financial, Banking and Investment Activities
of the Legal Department, Ministry of Economic
Development of the Russian Federation;
10, bld. 2 Presnenskaya Embankment,
123112 Moscow, Russia

ТРАДИЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

© 2024 г. А. А. Джагарян¹, *, И. М. Сокольщик², **

¹Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

²Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва

*E-mail: schtiller@yandex.ru

**E-mail: isokolshchik@gaugn.ru

Поступила в редакцию 14.12.2023 г.

Аннотация. В статье авторы обратились к пониманию человека в цивилизационном пространстве российской государственности, в национально-конкретном контексте духовно-нравственной и социокультурной среды. Преодоление агрессивных мифологем индивидуалистического либерализма, приведшего к ценностно-мировоззренческому надлому и развивающемуся кризису саму правовую традицию Запада, требует не просто критического (с избеганием при этом рисков скатывания к фанатичному негативизму), а конструктивного, созидательно-творческого подхода, связанного с выявлением и раскрытием самобытных философско-этических основ российского конституционного гуманизма. Осознавая масштаб и характер вынесенных на обсуждение проблем, авторы уделяют внимание главным образом идейно-идеологическим аспектам актуализации конституционной модели правового статуса человека с позиции идентичности отечественного конституционализма. Обосновывается, что в ценностно-мировоззренческом и методологическом плане важно сместить фокус дискуссии вокруг правового статуса человека на исходные начала этико-юридического долженствования и, соответственно, на выявление и систематизацию субъективных обязанностей и долга, сопряженных с духовно-нравственными императивами.

Ключевые слова: российский конституционализм, свобода, долг, традиционные духовно-нравственные ценности, социокультурная обусловленность права, конституционная идентичность, кризис демократии.

Цитирование: Джагарян А.А., Сокольщик И.М. Традиция и идеология правового статуса человека в российском конституционализме // Государство и право. 2024. № 7. С. 105–114.

DOI: 10.31857/S1026945224070091

TRADITION AND IDEOLOGY OF THE HUMAN LEGAL STATUS IN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

© 2024 А. А. Dzhagaryan¹, *, И. М. Sokolshchik², **

¹State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow

²State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow

*E-mail: schtiller@yandex.ru

**E-mail: isokolshchik@gaugn.ru

Received 14.12.2023

Abstract. In the article, the authors addressed the understanding of man in the civilizational space of the Russian statehood, in the national-specific context of the spiritual, moral and socio-cultural environment. Overcoming the aggressive mythologies of individualistic liberalism, which have led to a value-based and worldview schism and are contributing to the evolving crisis in Western legal tradition, requires not merely a critical approach (while avoiding the risks of sliding into fanatical negativism) but a constructive, creatively generative approach. This involves identifying and elucidating the distinctive philosophical-ethical foundations of Russian constitutional humanism. Recognizing the scale and nature of the issues under discussion, the authors primarily focus on the ideological aspects of updating the constitutional model of human legal status from the perspective of the identity of domestic constitutionalism. It is argued that, in terms of value-based worldviews and methodology, it is crucial to shift the focus of the discussion around the legal status of the individual towards the foundational principles of ethical-legal obligation, and consequently, towards identifying and systematizing the subjective duties and obligations associated with spiritual-moral imperatives.

Key words: Russian constitutionalism, freedom, duty, traditional spiritual and moral values, socio-cultural conditionality of law, constitutional identity, crisis of democracy.

For citation: Dzhagaryan, A.A., Sokolshchik, I.M. (2024). Tradition and ideology of the human legal status in Russian constitutionalism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 105–114.

Условия стремительно меняющегося мира в кризисной обстановке глобального цивилизационно-мирозданческого противостояния требуют пристального внимания к ценностно-смысловым аспектам и перспективам конституционного развития. Необходимость демифологизации и актуализированного осмысливания идеино-философских оснований российского конституционализма и обустройства в соответствии с этим направлений культурно-правового просвещения и отраслевого регулирования диктуется связью между принятием (востребованностью) конституционных ценностей в качестве достоверного выражения национальной идентичности и обеспечением общегражданской сплоченности, жизненности всей конституционной системы и ее способности отвечать на вызовы времени. Как было давно замечено, «если для цивилиста главное дело понимание догмы, применимой к данному казусу, то для государства нужнее всего понимание среды, государственного строя, исторически сложившегося»¹. При этом отраженные в системе нормативного (формально-юридического) конституционализма национальные ценности оказывают регулятивное воздействие на все отраслевое регулирование (к примеру, резонно ставится вопрос об исторической российской модели права собственности)².

Прощание с иллюзиями, едва ли простое и не лишенное досады, но, надо признать, безальтернативное и вместе с тем содержащее вполне определенный потенциал для оптимизма, связанного с обретением идеино-исторической цельности, непрерывности отечественного конституционализма и суверенного конституционного идеала, должно быть в первую очередь обращено к пониманию человека в цивилизационном пространстве российской государственности. Правильно ставить этот вопрос в контексте точно подмеченной утраты в общественном сознании доктринального человеческого системообразующего начала, сделавшей это сознание уязвимым для проникновения чуждых нашей культуре жизненных смыслов³.

¹ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. Ч. 1. С. 8.

² См.: Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс. Интервью с А.О. Рыбаловым // Закон. 2023. № 7. С. 8–18.

³ См.: Синюков В.Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал росс. права. 2023. № 5. С. 75–85.

Важно видеть и более широкую перспективу, связанную с настоящей необходимостью глубокого переосмысливания российского государства и права на базе безусловного уважения к собственному цивилизационному наследию, через последовательное избавление от комплекса «конституционного самозванца»⁴. Представляется оправданным подход, в соответствии с которым обосновывается собственный характер российской юридической науки, необходимость теоретического осмысливания научного достояния, которое содержит русская традиция философии права, преодоление дефицита внимания к собственной научной традиции философско-правового осмысливания путей развития общества и государства, гражданина и вообще будущего человечества⁵.

Надо сказать, что проблема преодоления кризиса национальной правовой парадигмы, вызванного привнесенными (займствованными) методологическими подходами и моделями при обсуждении отечественной конституционно-правовой жизни, свойственна не только России. Авторитетные представители китайской академической юриспруденции подчеркивают необходимость формирования теории Конституции КНР с опорой на опыт исторического Китая, «даже если сначала это может стать вызовом научной уверенности в себе современных китайских ученых-юристов»⁶, а также важность конструирования методологических основ философии права Китая с позиции не только суверенного, но и субъектного («субъективного») Китая, т.е. в аспекте его «собственной идеологической субъективности»⁷.

Существенно прояснившие («сгустившие» до степени композиционной целостности, определенности) дух

⁴ Кабышев С.В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2.

⁵ См., напр.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 3-е изд. М., 2023; Савенков А.Н. Философия права в России как идеино-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.

⁶ Li Su. The Constitution of Ancient China / ed. by Zhang Yongle and D.A. Bell. Princeton, 2018. P. 65.

⁷ Чжэнлай Дэн. Предварительный анализ текущей базовой миссии китайской философии права — «Мировая структура» как историческое состояние. URL: <http://wwwaisixiang.com/data/11557.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Конституции РФ поправки, внесенные в нее в 2020 г., обязывают к развитию непротиворечивой концептуальной трактовки позиционирования человека в конституционном строем. Приверженный традиционным духовно-нравственным ценностям не по обстоятельствам времени, а по атрибутивному складу, российский конституционный строй, исходящий, как свидетельствует преамбула Конституции РФ, из восприятия памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, исторически сложившееся государственное единство и общность судьбы на своей земле, утверждает – не в противоречии, а в сопряжении с приверженностью тем же ценностям – права и свободы человека, и даже оговаривает их особую («высшую») ценность (ст. 2). С этим соотносится прямое причисление прав человека к составу государственной традиции в политико-доктринальном, программно-стратегическом плане⁸, и это также требует своего осмысления.

Остановимся на обсуждении этой комплексной, многоаспектной проблематики главным образом в свете политико-правовой конституционной идеологии, имея в виду, между прочим, что конкретно-прикладные аспекты актуализации конституционной модели правового статуса человека многообразны и специфичны, а их реализация, отнюдь не сводящаяся к вопросу конституционной реформы, обусловлена прежде всего системным пониманием Конституции РФ в соотношении с духом и идентичностью исторически сложившегося отечественного конституционализма.

1. Обращаясь к антропологической стороне российского конституционализма, следует в первую очередь оговорить, что сам по себе конституционализм не стоит считать заповедным феноменом только западной правовой цивилизации. Обычно приписываемые ему в обществах данного цивилизационного типа ценности, как мы отчетливо видим сегодня, могут не только обретать многообразие трудносовместимых, двусмысленных и меняющихся трактовок, подверженных селективному применению, но и демонстрировать обширные разрывы между нормативно декларируемыми «вечными» фундаментальными идеалами и социально-нормативной фактическостью. Бюрократические деформации и кризис легитимности западной либеральной демократии, движущейся в сторону «управления пустотой»⁹, развитие юристократии¹⁰, подтачивающее принципы народного представительства, гражданского участия и выводящее вопрос о ценностно-семантических основах конституционного правопорядка в плоскость узко-корпоративной политической культуры, иные подобного рода тенденции намечают остроту проблемы срашивания конституционализма и популизма в виде «авторитарного либерализма»: «конституционализм создает условия для процветания популизма, а авторитарный популизм, в свою очередь, порождает и провоцирует все более авторитарную

⁸ См.: пункт 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // С3 РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351; п. 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809) // С3 РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁹ Майр П. Управляя пустотой. Размытие западной демократии. М., 2019.

¹⁰ См.: Hirschl Ran. Towards Juristocracy. The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Harvard University Press, 2004.

конституционалистскую реакцию»¹¹. По словам Б.Г. Капустина, демократия не просто «перестала быть собственно политическим явлением, став законченно “экономорфной” (функционируя в качестве рынка)», но и «став эмблемой современного общества, приобрела чудовищную приудительную, авторитарную силу над его обитателями, превосходящую даже силу капитала в плане производимых ею “субъективных эффектов”»¹².

Проповедуемая универсальность прав человека разворачивается в приписываемых им значениях «через спектр исторически воплотившихся форм реализации на Западе и, впоследствии, насильственно трансплантированных в мире»; происходит их «герменевтическое смешение с правовыми категориями западной традиции», которые сами по себе воспринимаются как «прототипы реализации прав человека», а эти права «используются в качестве интерфейса для утверждения универсальности правовых и культурных категорий Запада»; это приводит «к исключительной, а не инклузивной практике», и все, что является асимметричным или несоизмеримым с вменяемыми трактовками, «автоматически считается не соответствующим правам человека и, в худших случаях, оказывается заклеймено признаком бесчеловечности»; в данном контексте права человека закономерно воспринимаются как «оружие культурного империализма», а их «универсализм» – просто как риторический прием, и одновременно в противовес «универсализму в западном стиле» возникает «антагонистический универсализм» (исламский, азиатский, тихоокеанский, африканский и т.п.)¹³.

В этой культурно-юридической парадигме, питающей так или иначе межцивилизационную конфронтационность и социальную напряженность на национальном уровне (в особенности в связи с миграционной политикой) и, что немаловажно, этико-юридический субъективный конфликт – вследствие вменяемой толерантности (как предписываемого, в том числе через политическое насилие¹⁴, самоограничения всеобщности собственной моральной позиции ради неприемлемого, порицаемого самовыражения другого), социально-гуманистический потенциал прав человека, покоящийся на идеях просвещения и духовно-культурного развития, обретает парадоксально-искаженный смысл формально-дисциплинарной власти. Давно подмеченный «великий собственнический эгоизм среднего обывателя», ориентированного на «внешнюю правду» человеческих отношений, а не на их нравственное содержание¹⁵, вводится в состояние правового порядка страхом: «страх перед угрозой, – прямолинейно констатировал Г.Ф. Шершеневич, – основной мотив правового поведения, который лишь преобразуется путем долгого и постоянного действия в мотивы иного рода, в готовность

¹¹ Wilkinson M. The Rise and Fall of World Constitutionalism, VerfBlog, 2021/10/07. URL: <https://verfassungsblog.de/the-rise-and-fall-of-world-constitutionalism/>. DOI: 10.17176/20211008-061520-0 (дата обращения: 10.12.2023).

¹² Капустин Б. Г. О демократическом фетишизме // Логос. 2020. Т. 30. № 5. С. 213.

¹³ См.: Ricca M. Intercultural Spaces of Law. Translating Invisibilities. Cham, Switzerland, 2023. Pp. 419–427.

¹⁴ См.: Ильинская С. Г. Терпимость и политическое насилие // Полис. 2004. № 3. С. 122–126.

¹⁵ См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 162.

следовать нормам права, потому что они соответствуют поведению, к которому приучил ранее страх»¹⁶.

Как заметил Н.Н. Алексеев, «западничеством надлежит именовать не попытки использования западной культуры в чужих культурных целях, но стремление к теоретическому и практическому отрицанию особого мира собственной культуры во имя культуры западной»¹⁷. Ставить вопрос таким образом, что конституционализм – система гарантий «расширяющихся прав личности», а «решающее значение имеет либеральная трактовка демократии»¹⁸, что конституция – «детище либерализма», позволяющее человеку «попечевствовать себя защищенным перед осколом Левиафана»¹⁹, – не догматизировать ли партикулярный опыт, обращая его в средство апологии; не предрешать ли немалое расточительство в собственном конституционном наследии? Более века назад проф. В.И. Герье в открытом письме к А.И. Гучкову риторически вопрошал: «Разве существует абсолютное конституционное право, обязательное для всех стран и времен?»²⁰ И если либерализм все еще «призывает к тому, чтобы привести всех к единой системе культуры, чтобы уравнять всех в условиях их духовного развития», то, как не вспомнить по этому поводу тревогу П.И. Новгородцева: «что же станется со своеобразием лиц, с их правом на оригинальное развитие?»²¹.

Конституционализм, освоенный в западной традиции с приоритетом в индивидуалистических трактовках свободы, позднее охвативших также некоторым образом равенство и справедливость, к данному приоритету никак не сводится. Сам индивидуализм, даже в намерениях к абсолютизации, существует лишь в различии и соотнесении всегда существующего индивидуального и коллективного, и это последнее, догматически ретушируемое, отнюдь не отменяется. Либеральные претензии по части конституционализма воспроизводят и фокусируют стремление к интеллектуальной экспроприации социальной семантики, притом, что, в частности, свобода, принятая за системообразующее начало классического либерализма, не создается, а только форматируется в нем. В этом плане весьма примечательно, что в отстаивании самоидентификации юридическая педагогика довольно специфической английской конституционной традиции рассматривает изучение конституции Соединенного Королевства через единство понимания «различных исторических, правовых, философских и политических факторов, которые на протяжении столетий

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 296, 297. В связи с этим методологическим подходом стоит обратить внимание на то, что в условиях советской юриспруденции, порой причисляемой к т.н. потестарной (силовой) парадигме, общеобязательность юридической нормы обосновывалась как основанная «в первую очередь на убежденности народа в ее правильности, поскольку она выражает волю рабочего класса и всех трудящихся, а меры государственного принуждения играют при этом вспомогательную роль»; норма социалистического права рассматривалась как могущая существовать и в виде правила, «и как государственный призыв к определенному поведению» (см.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 141).

¹⁷ Алексеев Н.Н. Русское западничество // Путь. Париж. 1926. № 3. С. 84.

¹⁸ Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. 2-е изд. М. – Берлин, 2015. С. 684, 686.

¹⁹ Шустров Д.Г. Прирученный Левиафан. Государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб., 2014. С. 320, 324.

²⁰ Открытое письмо Александру Ивановичу Гучкову от профессора В.И. Герье // Российские либералы: кадеты и октябрьцы. М., 1996. С. 140.

²¹ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 234.

формировали государство», подчеркивая при этом, что «трудно четко провести демаркационные линии между конституционным правом, историей, философией и политологией»; а в понимании конституционализма акцентирует «легитимность действий правительства», «соответствие широким философским ценностям внутри государства»²².

В онтологическом смысле конституционализм сложился как высшая форма проявления правового самосознания народа, характеризует культурно и этико-религиозно обусловленный духовно-интеллектуальный и регулятивно-практический опыт сбалансирования индивидуального и коллективного в жизни суверенного государственно-организованного народа через устойчивую примиряющую и созидающе-творческую гармонизацию присущих ему ценностей, идеалов и образов будущего, обеспечивающую легитимацию и преемственное, сообразующееся с фундаментальным представлением об идентичности, его развитие. Правильно ставятся вопросы учета в осмыслиении конституционализма его направленности на гарантирование как от произвола публичной власти, так и от «анархического своеvolutionия индивида либо объединения людей»²³; введение такого ракурса анализа современного конституционализма, который позволял бы уяснить логико-понятийные, технико-процедурные и институциональные основы с «жизнесмысловыми, т.е. духовными, началами, ориентирующими... на обеспечение благой и счастливой жизни людей и коллективов в государстве»²⁴.

В этом плане конституционализм неотлучен от национальной социокультуры, цивилизационного и социально-исторического контекста, не может быть втиснут в проектированное ложе единственной правовой системы, традиции или, тем более, определенного институционального дизайна, его постижение и утверждение невозможны в отрыве от правообразующих факторов собственно российской соционормативной и властно-государственной среды в ее геополитическом окружении. Выступая в качестве выражения национальной философии конституционного мировоззрения, российский конституционализм в единстве юридических и тесно связанных с ними иных соционормативных факторов (в том числе культурных, религиозных, нравственных, морально-политических) задает и обеспечивает государственно-правовую идентичность российского народа, что достигается в первую очередь через формирование и гарантирование конституционной идентичности, в том числе в том ее значении, которое характеризует определенность в достоверном понимании Конституции РФ (в единстве буквы и духа) с позиции существа российского конституционализма.

2. Российская конституционная идентичность должна раскрываться с пониманием важности и плодотворности диалогического, эволюционно-исторического подхода²⁵. Нужно учитывать, что диалектика индивидуального

²² Barnett H. Constitutional and Administrative Law. 10th ed. Routledge, 2013. Pp. 4, 5.

²³ Эбзееев Б.С. Конституционное право России. М., 2019. С. 63.

²⁴ Графский В.Г. Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (история и современность) // Философия права и конституционализм (материалы Четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца, 2 октября 2009 г., Москва). М., 2010. С. 50.

²⁵ См. подр.: Кабышев С.В. Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г.Р. Державина для развития современной российской юриспруденции // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 11–19.

и коллективного, свободы и долга, конкуренции и кооперации (солидарности), как и иных подобного рода ценностно значимых категорий, отражает общие закономерности социального развития. Сам по себе примат одних ценностных начал перед другими не служит идентификатором оригинальности политico-правовой культуры и общественно-государственной системы. Важна структурная (соподчиненность) и содержательно-смысловая композиция (наполненность) ценностных доминант, предпосылки, условия и цели, под воздействием которых она формируется и развивается, ее устойчивость и динамика, в особенности в периоды преодоления социальных потрясений, аксиологических кризисов.

Отечественная политico-правовая традиция неоднородна, существует в сложной полифонии, составленной уникальным переплетением патриархально-общинного колективного быта с «равнинной недисциплинированностью» и «славянским индивидуализмом»²⁶, симбиотическим сращением соборной, обществоцентрической, системы с индивидуалистской западноевропейской²⁷. «Наша политическая жизнь, — отмечал К.Д. Ушинский, — совершенно соответствует смешению форм местности азиатской с местностями Европы, — смешению, из которого возникла самостоятельная физиономия нашей страны», и «в этом соединении... скрывается идея назначения нашего государства... самостоятельный тип... а без этой самобытности нет для народа жизни в истории»²⁸. При всей идеально-смысловой напряженности, противоречивости в развитии национальной политico-правовой традиции ее важнейшим и общим энергетическим источником можно считать желание правды (праведности, справедливости, воплощенной истины) в социальном порядке, с осуществлением которого связывается представление об основном предназначении российской государственности. Коллективизм в российской среде, как в идеально-философском, так и в политico-идеологическом плане, не определяется фактом дисциплинарного подчинения личности коллективу, сугубо охранительно-оборонительными началами (равно как, например, борьбой за независимость в ценностно-политической парадигме деколонизации), проистекает главным образом из сознания необходимости взаимного служения, уступчивости, «согородничества», с которыми связывается восприятие, осуществление и личного достоинства (свободного следования своему высшему призванию) человека, и общественного нравственного идеала. По утопической (но не лишенной достоверности в описании желанного) формуле философии общего дела Н.Ф. Федорова: «жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех». При существовании на разных исторических этапах многообразия несовпадающих позиций, отражающих различное видение национальных государственно-правовых перспектив, можно говорить о воспроизведимой преобладающей приверженности коммунитарному укладу, сами отступления (попытки революционного отмежевания) от которого обосновывались разочарованием от утраты государственно-политической системой способности обеспечивать политическую, экономическую, социальную солидарность эффективным образом.

Исторически сложившаяся национально-ценостная традиция оживляется и развивается действующей Конституцией РФ, исходным пунктом отправления которой, отмеченным

²⁶ Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов. М., 2008. Т. 1. С. 429.

²⁷ См.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018. С. 158.

²⁸ Ушинский К.Д. Собр. соч. М. – Л., 1948. Т. 1. С. 117.

первыми же словами конституционной преамбулы, служит признание и утверждение «общей судьбы» многонационального российского народа на своей земле.

Конституционная категория «общей судьбы» подразумевает по крайней мере следующее:

граждане, их объединения, социальные общности, обраzuющие народ, в равной мере связаны его судьбой и должны разделять ответственность за нее, следовать общим целям, ценностям, принципам и нормам, складывающимся на основе исторического социально-государственного взаимодействия и сотрудничества;

сам народ в этом аспекте выступает надвременной, надпоколенческой общностью, рассматривается как взаимосвязанное непрерывное единство сменяющих друг друга прежних, нынешних и будущих поколений, в связи с чем конституционно-правовые интересы народа должны раскрываться и обеспечиваться в их реализации на основе конституционной преемственности, солидарности поколений, в том числе путем допустимых и оправданных исключений в признании воли актуального большинства, если таковая расходится с нравственно-юридическими ценностями, воплощенными в социокультурных основаниях народной субъектности в конституционном строе;

общность судьбы российского народа не только является объективной историко-культурной, политico-экономической и духовно-нравственной основой, с восприятием которой связано формирование общей суверенно-учредительной конституционной воли народа, но также она определяет, пронизывает все содержательно-смысловое наполнение Конституции РФ, в том числе в аспекте систематического построения и согласованной реализации конституционных ценностей.

Соответственно, человек как гражданин, ассоциированный соучастник народного суверенитета исходным образом определяется в конституционном строе с причастностью и верностью общей судьбе народа, его конкретизированное субъектное позиционирование в системе конституционных отношений должно сопровождаться (включая непротиворечивую, взаимо-согласованную интерпретацию применимых конституционных положений) с глубинными социокультурными факторами, определяющими нравственно-юридическую и ценностно-идеологическую парадигму народа. Государство же должно быть ориентировано на обеспечение организации идеологических отношений в целях гарантирования незыблемости юридически опосредованных фундаментальных духовно-нравственных ценностей, как они отражены в национальном самосознании, и формирование прочной идейной убежденности, нормативной установки человека как гражданина, связанного предметным пониманием свободы и ответственности за судьбу как свою и своих близких, так и своего Отечества.

Собственно, идея свободы в ее национальном конституционном понимании не исчерпывается принадлежностью персоне человека, развертывается с охватом лично-собирательных субъектов, включая высшую форму такой исторической коллективной субъектности, как государственно-соединенный народ.

Институционализированный в государстве суверенитет народа, реализующего учредительную волю в Конституции РФ и осуществляющего полноту своей власти на постоянной, непрерывной и универсальной основе, является политico-правовым эквивалентом и одновременно

экспликацией высшей формы коллективной свободы, народодержавие воплощает и одновременно питает (обеспечивает) народоправство.

В этом плане стоит обратить внимание на исконный, сущностно объединительный и созидательный, а не конфликтно-конфронтационный (в соотнесении с западноевропейской традицией) характер российской государственности, которая в основном не принималась в нашей среде за вынужденное зло (во избежание зла большого). Идея суверенной власти отнюдь не риторическим образом размежевывалась понятием самодержавия от самовластия (абсолютизма и деспотизма), обосновывалась с позиции господства нравственного идеала, который единым и равным образом связывает самого суверена. «Царь, – по замечанию Н.А. Бердяева, – был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа», а не только «предотвращал атомизацию России.., сдерживал анархию»²⁹. Л.А. Тихомиров, подчеркивая, что «в России Верховная власть выращена из жизни христианского народа»³⁰, указывал на сопряженность власти и свободы, кои «лишь различные проявления одного и того же факта – самостоятельности человеческой личности»³¹, на суть самого государства, которое «есть в известных отношениях высшее торжество человеческой свободы»³². «Только в государстве, – писал Б.Н. Чичерин, – может развиваться разумная свобода и нравственная личность», оно является «полнейшим выражением общительного естества человека»³³. В духовно-нравственной связи государства и народа В.Н. Лешков видел начала консерватизма, который «не был застоем, а плавным движением целого океана волн, не притягательным только для беглого взгляда»³⁴.

Историческое понимание российской государственности как органической формы цивилизационного, политico-правового бытия и развития объединенных в народ людей, осуществляющих таким образом свое призвание, предназначение в общественной жизни, определяет и особенности восприятия, утверждения правового статуса человека, его свободы.

3. Как заметил С.П. Шевцов, право – условия реализации (полномочия) своей бытийной функции, которая необходимо предполагает целестремительность (целеустремленность), а потому вопрос о первичности и соотношении прав и обязанностей утрачивает актуальность: право (в той мере, в какой оно существует) – всегда и есть обязанность, и наоборот³⁵. Верность этой констатации с позиции принципиального понимания формального механизма правового регулирования и структуры правоотношений (тем более при закреплении в ст. 75¹ Конституции РФ принципа сбалансированности прав и обязанностей), не отменяет, однако, того факта, что определяемое социокультурными особенностями общее восприятие и укоренение в правосознании представлений об исходных началах в положении

и роли человека в обществе и государстве (собственно, в понимании «бытийной функции», которая может быть обращена и на самое себя) оказывает решающее воздействие на функционирование всей правовой системы, ее социальные эффекты, вне зависимости от формального признания юридического доложествования и корреспонденции прав и обязанностей. Коллизионность, рассогласованность в ценностно-мировоззренческих и нормативно-регулятивных аспектах юриспруденции, необоснованное возвеличивание, в частности, индивидуальной свободы как самодовлеющего, целеполагающего начала, создает предпосылки к социальной дезинтеграции и дезорганизации.

Работающая правовая система всегда базируется на социокультурной матрице, должна быть адекватна соотнесена с духом народа. Если в западной правовой традиции исходным элементом данной системы стали права и свободы человека³⁶, то в иных правовых традициях, не приверженных индивидуалистическому типу, проистекающему из господствующей идеи самопринадлежности, неприкосновенности личности, за основу берется выраженный в том или ином виде социально-интегративный и созидательно-служебный элемент, формируемый в виде обязанности, долга.

Попытки всеобъемлющей форсированной имплементации в нашей среде либерально-индивидуалистического типа правового позиционирования человека, в том числе подразумевающие отставание соответствующего концептуально-методологического подхода к интерпретации Конституции РФ с вменением ей исходной приверженности логике персонализма (т.н. суверенитета личности), встречают резистентность в общественном правосознании. Более того, ведут к нагнетанию социального напряжения, размежевывающего крайности фрустрированного анархизма и командно-административного этатизма, ослабляют общегражданский солидарностный потенциал конституционных ценностей, не допускающих пренебрежения к национальным традициям.

Идеологический аспект философии российского конституционного мировоззрения должен быть сфокусирован на раскрытии адекватного социокультурно обусловленного и вос требованного понимания человека в конституционном строе. Данный посыл в сочетании с осознанием важности устойчивого эволюционного развития российского конституционализма и безосновательности в поддержке конституционных интерпретаций, порождающих социально неприемлемый эффект, исключает формально-буквалристское восприятие конституционного текста, ориентирует на системно-ценностное видение конституционного регулирования. Конституция РФ проявляет свое регулятивное воздействие в определенной системе законодательства и в социоисторическом контексте. В публичной аналитике Конституционного Суда РФ развивается подход, в соответствии с которым присущее Конституции РФ начало солидарности «поддерживает осмысление коллективного прошлого многонационального народа России, его настоящего и будущего в ценностных координатах конституционной идентичности, сквозь призму тех ценностей, верность которым на протяжении многих поколений обеспечивала выживание и развитие нашей цивилизации»³⁷.

²⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. С. 36.

³⁰ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 70.

³¹ Там же. С. 19.

³² Там же. С. 21.

³³ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 368–370.

³⁴ Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 446, 447.

³⁵ См.: Шевцов С.П. Метаморфозы права. Право и правовая традиция. М., 2014. С. 361, 362.

³⁶ См.: Невважай И.Д. Право на право как матрица европейской традиции права // Правоведение. 2013. № 2. С. 257–262.

³⁷ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено

При возникновении конституционных коллизий, в том числе доктринально-интерпретационного характера, солидарность в изложенном ее понимании должна брать верх — и как руководящий методологический принцип конституционного диалога и балансировки, и как непосредственно-содержательный аспект осмыслиения правового статуса человека.

Российская правовая традиция, вобравшая в себя представления о ценности прав человека, не абсолютизирует их значение, а исходит из духовно-нравственной обоснованности свободы, ее оснований, содержания, форм и пределов реализации, из осознания неотделимой принадлежности человека к человеческому всеединству (роду), но в первую очередь к своему Отечеству. Один из крупнейших идеологов российского консерватизма Л.А. Тихомиров полагал, что «“сверх-государственный” правом человека можно определить его право на самостоятельное бытие, как существа нравственно-разумного, чувствующего, обладающего способностью осуществлять стремления своего нравственного разумного бытия. С этим правом человек вступает в области государственности, и в ней не может допустить для него ограничений, ибо это “право” вытекает из его “обязанности” в области духовной природы»³⁸.

Раскрывая суть конституционного понимания человека в российской конституционной государственности, Конституционный Суд РФ выработал общий методологический подход, в соответствии с которым Конституция РФ «не предполагает и не допускает, чтобы гарантированные ею права и свободы человека и гражданина использовались для отрицания конституционного строя Российской Федерации, в котором государство... является конституционной ценностью, подлежащей уважению и защите гражданами... а защита Отечества признается не только конституционной — юридической обязанностью, но и прежде всего долгом гражданина»³⁹. При этом сформированные в конституционно-судебной практике нормативно-доктринальные подходы предполагают в том числе необходимость определения оснований и пределов реализации индивидуальной автономии личности во взаимосвязи с конституционно значимыми общественными ценностями в их традиционном, воспринятом от предков понимании⁴⁰; рассмотрения избирательных прав как института суверенной государственности, обусловленного объективным значением ценности связи с Отечеством⁴¹; раскрытия экономической свободы, в том числе в аспекте права собственности, интеллектуальных прав, с позиции общего блага и утверждения таких конституционных ценностей, как гражданский мир и согласие, устойчивый экономический рост (предполагающий скорейшее внедрение инноваций)⁴². Образованный соединением граждан народ сам «связан правом и конституцией» и не может действовать

решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.). С. 8. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

³⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 570, 571.

³⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1398-О // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // С3 РФ. 2014. № 40 (ч. III), ст. 5489.

⁴¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О // С3 РФ. 2007. № 52, ст. 6533.

⁴² См.: постановления Конституционного Суда РФ: от 13.02.2018 № 8-П // С3 РФ. 2018. № 9, ст. 1435; от 24.03.2023 № 10-П // С3 РФ. № 14, ст. 2548.

по принципу “*vox populi — vox Dei*”⁴³, т.е. связан сложившимися в национальной социокультурной среде фундаментальными ценностно-нормативными правовыми идеалами, характеризующими конституционную правосубъектность народа в исторической и цивилизационной перспективе и преемственности.

Традиционно востребованная в целях обоснования либерально-индивидуалистического уклона действующей Конституции РФ формулировка ее ст. 2, определяющая, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», не может быть, однако, верно понята в отрыве от исторического, системно-структурного и цивилизационно-культурного подходов. Смысль данной статьи, отражающей диалог с прошлым с его примерами крайних форм отчужденности человека, состоит в признании не единственности в высшем ранге, но принадлежности к собственно этому рангу (т.е. со смысловым ударением на слово «являются», а не слово «высшей») ценности прав и свобод человека, что согласуется с закреплением данного положения в составе комплекса основ конституционного строя, следом за утверждением российского государства, которое и обязывается, исходя из собственных высших прерогатив конституционной субъектности, признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, определять их нормативное содержание, пределы (путем регулирования) и ограничения.

Как верно замечено, в ст. 2 Конституции РФ права человека «легитимируются постольку, поскольку они служат целям человека в единстве его личностно-индивидуальных, общественно-социальных и публично-государственных проявлений»⁴⁴, а в качестве основных, наиболее значимых идей, составляющих российскую концепцию прав человека, следует выделить: доминантную ценность Родины, благополучие которой является основой и условием для самореализации каждого; понимание свободы с точки зрения возможности и необходимости следования своим склонностям, характеру, предназначению; органическую связь свободы и долга, прав и обязанностей; нравственную детерминацию свободы; идею государства как основной силы, хранящей и обеспечивающей свободу, равенство, справедливость⁴⁵.

В российском доктринальном и практическом конституционализме должны быть предприняты системные усилия, направленные на освоение и развертывание модели правового статуса человека на основе (т.е. через жизненное осмыслиение и творчески-созидающее развитие, а не фанатично-бесплодное воспроизведение) сложившихся в российской социокультурной среде духовно-нравственных традиций, включающих в себя в первую очередь социально-доктринальные ценностные представления традиционных российских конфессий, характеризующиеся принципиальной общностью понимания существа свободы и прав человека.

Так, согласно Основам социальной концепции Русской Православной Церкви «для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны христианину прежде всего для

⁴³ См.: абзац второй п. 2.2 мотивированной части Постановления Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // С3 РФ. 2013. № 43, ст. 5622.

⁴⁴ Кабышев С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М., 2024. С. 51.

⁴⁵ См.: там же. С. 55.

того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к “подобию Божию”, исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами» (п. IV.7)⁴⁶. Социальная доктрина российских мусульман предусматривает: «Ислам уважает права человека, ибо они даны Создателем, но эти права не безграничны, их реализация должна приносить пользу и личности, и обществу... Мусульмане, будучи гражданами государства, вправе влиять на то, чтобы принимаемые законодательным органом страны законы более эффективно служили целям правового сдерживания общественного порока и поощрения общественных добродетелей»⁴⁷. В Основах социальной концепции иудаизма в России отражена идея о том, что «человек сохранил свободу избрать с помощью Б-жией правый путь», а право, содержащее в себе «некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества», является «границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития» (гл. 12 «Иудейская этика и светское право»)⁴⁸.

Представляется, что в ценностно-мировоззренческом (идеологическом) и методологическом плане важно сместить фокус дискуссии вокруг правового статуса человека в российском конституционализме на исходные начала этико-юридического долженствования и, соответственно, на выявление и систематизацию субъективных обязанностей и долга, сопряженных с духовно-нравственными императивами, что принципиально не расходится с логикой, цивилизационными предпосылками действующего конституционного регулирования. В частности, видится перспективным раскрытие механизма правового регулирования и структурной динамики правоотношений с точки зрения корреляции субъективных юридических обязанностей и прав требования, в том числе с позиции влияния данной концепции на предметное строение правовой системы. В частном праве лица не могут принуждать других лиц к исполнению обязанностей, если таковые не направлены на них, тогда как в публичном праве может быть оправданной конструкция, позволяющая настаивать на надлежащем исполнении субъективных публичных обязанностей, в том числе побуждать к их исполнению (что характерно, между прочим, для выходящих за рамки классического частного права и приобретающих выраженную публично-социальную составляющую современных корпоративных отношений). Такое соотношение частного и публичного начал может привести, с одной стороны, к осознанию ответственности каждого перед каждым за достижение общего блага, а с другой – к уточнению пределов вмешательства в жизнь других лиц.

Каждая обязанность (как первичный элемент правовой системы) базируется на другой обязанности более высокого уровня. Осознание выстроенной (и при этом открытой, незавершенной) системы (пирамиды) социально-юридических субъективных обязанностей, развивающейся и имплементируемой через единую систему образования и воспитания, может способствовать предметному, непосредственному уяснению идеи свободы с позиции необходимого деятельного, добросовестного и ответственного осуществления своей индивидуальности.

⁴⁶ См.: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴⁷ Социальная доктрина российских мусульман. М., 2017. С. 27, 28.

⁴⁸ См.: URL: <http://ros-mir.ru/node/2498> (дата обращения: 10.12.2023).

Представляется оправданной (в том числе в свете неутихающих дискуссий о необходимости подвергнуть ревизии установленное Конституцией РФ регулирование идеологического многообразия) постановка вопроса о закреплении на законодательном (подконституционном) уровне ценностно-мировоззренческих основ многонационального российского народа, отражающих в том числе идейно-смысловые ориентиры, касающиеся субъективных публичных обязанностей человека и реализации в соответствии с ними его свободы, с учетом содержательной конкретизации, развития подходов к пониманию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, уже получивших определенное нормативно-правовое оформление.

Российскому конституционализму необходим диалог, не противопоставляющий в противоборстве свободу и долг, а глубоко и нерасторжимо сопрягающий их – в осознании долга, обосновывающего неустранимость и одновременно невозможность неукротимости, нигилистического своеvolutionа свободы. На переломе тысячелетий Е. Евтушенко, взглянувшись в будущность России, вопрошал: «Как сохранить свободу и терпеть нахальную невежливость свободы? Взять в руки крепостническую плеть? Но выпоротый пишет слабо оды». Ответом он видел взаимную честность и ответственность, которые должны быть осознаны и прочны – к себе и между собой – в отношениях человека, народа, высшего руководства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 162.
2. Алексеев Н.Н. Русское западничество // Путь. Париж. 1926. № 3. С. 84.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. С. 36.
4. Графский В.Г. Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (история и современность) // Философия права и конституционализм (материалы Четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца, 2 октября 2009 г., Москва). М., 2010. С. 50.
5. Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018. С. 158; 3-е изд. М., 2023.
6. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов. М., 2008. Т. 1. С. 429.
7. Ильинская С.Г. Терпимость и политическое насилие // Полис. 2004. № 3. С. 122–126.
8. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 141.
9. Кабышев С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М., 2024. С. 51, 55.
10. Кабышев С.В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2.
11. Кабышев С.В. Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г.Р. Державина для развития современной российской юриспруденции // Актуальные проблемы росс. права. 2023. № 8. С. 11–19.
12. Капустин Б.Г. О демократическом фетишизме // Логос. 2020. Т. 30. № 5. С. 213.
13. Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVII века. М., 1858. С. 446, 447.
14. Майр П. Управляя пустотой. Размытие западной демократии. М., 2019.

15. *Медушевский А.Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. 2-е изд. М. – Берлин, 2015. С. 684, 686.
16. Нам нужно учение о вешнем праве, а не изменения в Гражданский кодекс. Интервью с А.О. Рыбаловым // Закон. № 7. С. 8–18.
17. *Невважай И.Д.* Право на право как матрица европейской традиции права // Правоведение. 2013. № 2. С. 257–262.
18. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 234.
19. Открытое письмо Александру Ивановичу Гучкову от профессора В.И. Герье // Российские либералы: кадеты и октябрьцы. М., 1996. С. 140.
20. *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. Ч. 1. С. 8.
21. *Савенков А.Н.* Философия права в России как идеино-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.
22. *Синюков В.Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал росс. права. 2023. № 5. С. 75–85.
23. Социальная доктрина российских мусульман. М., 2017. С. 27, 28.
24. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 570, 571.
25. *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 19, 21, 70.
26. *Ушинский К.Д.* Собр. соч. М. – Л., 1948. Т. 1. С. 117.
27. Чжэнлай Дэн. Предварительный анализ текущей базовой миссии китайской философии права – «Мировая структура» как историческое состояние. URL: <http://www.aisixiang.com/data/11557.html> (дата обращения: 10.12.2023).
28. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 368–370.
29. *Шеевцов С.П.* Метаморфозы права. Право и правовая традиция. М., 2014. С. 361, 362.
30. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 296, 297.
31. *Шустров Д.Г.* Прирученный Левиафан. Государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб., 2014. С. 320, 324.
32. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. М., 2019. С. 63.
33. *Barnett H.* Constitutional and Administrative Law. 10th ed. Routledge, 2013. Pp. 4, 5.
34. *Hirsch Ran.* Towards Juristocracy. The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Harvard University Press, 2004.
35. *Li Su.* The Constitution of Ancient China / ed. by Zhang Yongle and D.A. Bell. Princeton, 2018. P. 65.
36. *Ricca M.* Intercultural Spaces of Law. Translating Invisibilities. Cham, Switzerland, 2023. Pp. 419–427.
37. *Wilkinson M.* The Rise and Fall of World Constitutionalism, VerfBlog, 2021/10/07. URL: <https://verfassungsblog.de/the-rise-and-fall-of-world-constitutionalism/>. DOI: 10.17176/20211008-061520-0 (дата обращения: 10.12.2023).
2. *Alekseev N.N.* Russian Westernism // Path. Paris. 1926. No. 3. P. 84 (in Russ.).
3. *Berdyaev N.A.* Philosophy of inequality. М., 2012. P. 36 (in Russ.).
4. *Grafsky V.G.* Constitution and constitutionalism in interdisciplinary perception (history and modernity) // Philosophy of Law and constitutionalism (materials of the Fourth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyan, October 2, 2009, Moscow). М., 2010. P. 50 (in Russ.).
5. *Zorkin V.D.* Law against chaos. 2nd ed. М., 2018. Pp. 158; 3rd ed. М., 2023 (in Russ.).
6. *Ilyin I.A.* Our tasks. Articles of 1948–1954. М., 2008. Vol. 1. P. 429 (in Russ.).
7. *Ilyinskaya S.G.* Tolerance and political violence // Polis. 2004. No. 3. Pp. 122–126 (in Russ.).
8. *Ioffe O.S., Shargorodsky M.D.* Questions of the theory of law. М., 1961. P. 141 (in Russ.).
9. *Kabyshev S.V.* The Constitution of Russia: traditions of progress (to the 30th anniversary). М., 2024. Pp. 51, 55 (in Russ.).
10. *Kabyshev S.V.* On the paradigm of the Constitutional Law of Russia in new historical realities // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 2. P. 2 (in Russ.).
11. *Kabyshev S.V.* Through dialogue with the past to finding the future: some aspects of G.R. Derzhavin's legacy for the development of modern Russian jurisprudence // Actual problems of Russ. law. 2023. No. 8. Pp. 11–19 (in Russ.).
12. *Kapustin B.G.* On democratic fetishism // Logos. 2020. Vol. 30. No. 5. P. 213 (in Russ.).
13. *Leshkov V.N.* The Russian people and the state. The history of Russian public law before the XVIII century. М., 1858. Pp. 446, 447 (in Russ.).
14. *Mayr P.* Managing the void. The Erosion of Western Democracy. М., 2019 (in Russ.).
15. *Medushhevsky A.N.* Comparative constitutional law and political institutions: a course of lectures. 2nd ed. М. – Berlin, 2015. Pp. 684, 686 (in Russ.).
16. We need the doctrine of property law, not changes to the Civil Code. Interview with A.O. Rybalov // Law. 2023. No. 7. Pp. 8–18 (in Russ.).
17. *Nevvazhay I.D.* The right to law as a matrix of the European tradition of law // Law studies. 2013. No. 2. Pp. 257–262 (in Russ.).
18. *Novgorodtsev P.I.* Introduction to the Philosophy of Law. The crisis of modern legal consciousness. М., 1996. P. 234 (in Russ.).
19. An open letter to Alexander Ivanovich Guchkov from Professor V.I. Guerrier // Russian liberals: Cadets and Octobrists. М., 1996. P. 140 (in Russ.).
20. *Romanovich-Slavatinsky A.V.* The system of Russian State Law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe. Kiev, 1886. Part 1. P. 8 (in Russ.).
21. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law in Russia as an ideological and theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 7–23 (in Russ.).
22. *Sinyukov V.N.* Personality in the Russian legal system: the search for new approaches // Journal of Russ. law. 2023. No. 5. Pp. 75–85 (in Russ.).
23. The social doctrine of Russian Muslims. М., 2017. Pp. 27, 28 (in Russ.).
24. *Tikhomirov L.A.* Monarchical statehood. М., 1998. Pp. 570, 571 (in Russ.).
25. *Tikhomirov L.A.* Guiding ideas of Russian life. М., 2008. Pp. 19, 21, 70 (in Russ.).
26. *Ushinsky K.D.* Collected works. М. – Л., 1948. Vol. 1. P. 117 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Alekseev N.N.* Russian people and the state. М., 2003. P. 162 (in Russ.).

27. *Zhenglai Deng*. A preliminary analysis of the current basic mission of the Chinese Philosophy of Law is the “World Structure” as a historical state. URL: <http://www.aisixiang.com/data/11557.html> (accessed: 10.12.2023) (in Russ.).
28. *Chicherin B.N.* Experiments on the history of Russian law. M., 1858. Pp. 368–370 (in Russ.).
29. *Shevtsov S.P.* Metamorphoses of law. Law and legal tradition. M., 2014. Pp. 361, 362 (in Russ.).
30. *Shershenevich G.F.* General theory of law. M., 1910. Iss. 1. Pp. 296, 297 (in Russ.).
31. *Shustrov D.G.* Tamed Leviathan. The state as an object of constitutional and legal regulation. SPb., 2014. Pp. 320, 324 (in Russ.).
32. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia. M., 2019. P. 63 (in Russ.).
33. *Barnett H.* Constitutional and Administrative Law. 10th ed. Routledge, 2013. Pp. 4, 5.
34. *Hirschl Ran.* Towards Juristocracy. The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Harvard University Press, 2004.
35. *Li Su.* The Constitution of Ancient China / ed. by Zhang Yongle and D.A. Bell. Princeton, 2018. P. 65.
36. *Ricca M.* Intercultural Spaces of Law. Translating Invisibilities. Cham, Switzerland, 2023. Pp. 419–427.
37. *Wilkinson M.* The Rise and Fall of World Constitutionalism, VerfBlog, 2021/10/07. URL: <https://verfassungsblog.de/the-rise-and-fall-of-world-constitutionalism/>. DOI: 10.17176/20211008-061520-0 (accessed: 10.12.2023).

Сведения об авторах

- ДЖАГАРЯН Армен Арменович –**
 доктор юридических наук,
 помощник депутата Государственной Думы
 Федерального Собрания
 Российской Федерации;
 103265 г. Москва, Охотный ряд, д. 1
- СОКОЛЬЩИК Илья Михайлович –**
 кандидат юридических наук,
 декан Юридического факультета
 Государственного академического
 университета гуманитарных наук (ГАУГН);
 119049 г. Москва, Мароновский переулок, д. 26

Authors' information

- DZHAGARYAN Armen A. –**
 Doctor of Law,
 Deputy's Assistant, State Duma
 of the Federal Assembly
 of the Russian Federation;
 1 Okhotny Ryad, 103265 Moscow, Russia
- SOKOLSHCHIK Ilya M. –**
 PhD in Law,
 Dean of the Faculty of Law,
 State Academic University
 for the Humanities (GAUGN)
 26 Maronovsky Lane, 119049 Moscow, Russia



О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

ЧАСТЬ 4. ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ И ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 17.05.2024 г.

Аннотация. В финальной, четвертой, части статьи, публикуемой в 2024 г. в журнале «Государство и право», подводятся определенные итоги проблем, рассмотренных в первых ее трех частях (часть 1 – «Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 г. – конституционная или дисциплинарная ответственность?» (№ 3); часть 2 – «О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов» (в двух разделах) (№ 4, 5); часть 3 – «О дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке» (№ 6)). Делаются выводы о несовершенстве названного механизма с приведением конкретных примеров правоприменительной (и особенно – судебной) практики, в том числе вызванных несовершенством законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. Анализируется опыт работы Дисциплинарного судебного присутствия в 2009–2014 гг. Вносятся конкретные, в том числе радикальные, предложения, направленные на совершенствование и повышение эффективности как в целом названного механизма, так и отдельных его звеньев.

Ключевые слова: суд, судья, дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность судьи, конституционная ответственность судьи, этическая ответственность судьи; специальный орган.

Цитирование: Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы
Часть 4. Подходы к совершенствованию и повышению эффективности организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей // Государство и право. 2024. № 7. С. 115–125.

DOI: 10.31857/S1026945224070107

ON CURRENT PROBLEMS OF THE MECHANISM OF LIABILITY OF JUDGES FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

PART 4. APPROACHES TO IMPROVING AND IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF JUDGES

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 17.05.2024

Abstract. In the final, fourth part of the article, published in 2024 in the journal "State and Law", certain results of the problems considered in its first three parts are summed up (part 1 – "Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility?" (No. 3); part 2 – "On problems of disciplinary responsibility of court heads" (in two sections) (No. 4, 5); part 3 – "On the disciplinary responsibility of retired judges" (No. 6)). Conclusions are drawn about the imperfection of this mechanism with specific examples of law enforcement (and especially judicial) practice, including those caused by the imperfection of legislation in the area of public relations under consideration. Specific, including radical, proposals are being made aimed at improving and increasing the effectiveness of both the named mechanism as a whole and its individual links.

Key words: court, judge, disciplinary offense, disciplinary responsibility of a judge, constitutional responsibility of a judge, ethical responsibility of a judge; special body.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of responsibility of judges for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches

Part 4. Approaches to improving and improving the efficiency of the organizational and legal mechanism of disciplinary responsibility of judges // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7. pp. 115–125.

Все вышеизложенное в предыдущих трех частях данной статьи позволяет сформулировать некоторые выводы и внести конкретные предложения.

Сам организационно-правовой механизм дисциплинарной ответственности судей далек от совершенства и в определенном смысле отдельные его звенья, требующие ясного и определенно непротиворечивого правового регулирования, не в полной мере соответствуют конституционно-правовому смыслу и содержанию взятых в системе и взаимозависимости ст. 10, 15, 118–121 Конституции РФ. Поэтому что:

он, если говорить только о дисциплинарной ответственности судей, включает, де-юре и де-факто, ответственность этическую, то есть здесь смешивается юридическая ответственность судей с неюридической (этической), что недопустимо. Это должны быть два различных механизма. Узаконение

дисциплинарного наказания судей за дисциплинарный проступок с отождествлением его и с этическим (нравственным) в России образовалось еще в конце XIX века. Известный русский ученый И.М. Коршунов, специалист в области русского государственного права того периода, писал: «В отдельных же новейших законах приводится иное, более широкое и правильное понимание дисциплинарной ответственности. Таков прежде всего закон 20 мая 1885 года (2. 959), вошедший теперь в состав Учр. Суд. Уст., в статьи 263, 270, 272, прим., 281, 288, 290, 295–296. Им допущена возможность дисциплинарного преследования судей за непредусмотренные уголовным законом: 1) деяния, по своему значению и многократности свидетельствующие о несоответствии виновного в них судьи занимаемому им положению; 2) противные нравственности или предосудительные поступки, которые, будучи несовместимы с достоинством судейского звания

и получив огласку, лишают совершившего их судью необходимых для сего звания доверия и уважения и 3) за такой образ действий, которым судья ставит себя в месте своего служения в положение, дающее основательный повод сомневаться в дальнейшем спокойном и беспристрастном исполнении им своих обязанностей (Учрежд. Суд. Уст., ст. 295). При этом наложение дисциплинарных взысканий предоставлено судебным установлениям, а для рассмотрения дисциплинарных дел председателей и членов судебных палат, председателей судов, чинов прокурорского надзора при кассационном сенате и палатах и чинов канцелярии кассационного сената образовано при сенате высшее дисциплинарное присутствие (ст. 270) из первоприсутствующих кассационных департаментов, всех сенаторов соединенного присутствия первого и кассационного департаментов и четырех сенаторов кассационных департаментов, Высочайше назначаемых ежегодно (ст. 119)»¹;

он обходит стороной вопрос об отраслевой принадлежности норм об ответственности судей, установленной п. 3 ст. 15 Федерального конституционного закона о судебной системе в Российской Федерации (в ред. от 08.12.2020 № 7-ФКЗ), где установлено: полномочия Председателя Конституционного Суда РФ, его заместителя и судей, Председателя Верховного Суда РФ, его заместителей и судей, председателей, заместителей председателей и судей кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, военного кассационного суда, военного апелляционного суда, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам могут быть прекращены Советом Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента РФ в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, в том числе: несоблюдения ограничений, запретов и требований, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; прекращения гражданства Российской Федерации, приобретения гражданства (подданства) иностранного государства либо получения вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; нарушения судьей, его супругом (супругой) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации,

¹ Цит. по: Административная юстиция: конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Ч. 1 / сост. и вступ. ст. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2004. С. 560, 561.

владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; занятия деятельностью, несовместимой с должностью судьи; в иных случаях, предусмотренных другими федеральными конституционными законами. Названное наделение Совета Федерации судебными (пусть – квазисудебными) полномочиями по определению всех аспектов совершенных названными судьями нарушений и вынесения наказания, причем – единственного по форме (досрочного прекращения полномочий, вне зависимости от степени и тяжести вины и пр.), прямо основано на конституционных нововведениях 2020 г. При этом данные конституционные нововведения – это п. «л» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ, где закреплены полномочия Совета Федерации, а не в гл. 7 Конституции РФ, посвященной судебной власти, где говорится и о комплектовании судейского корпуса;

поскольку комплектование судейского корпуса с любой точки зрения – это конституционно-значимое действие, то и принудительное, за соответствующее прегрешение, изгнание судьи из состава судейского корпуса также должно быть (т.е. должно официализироваться) конституционно значимым действием – всех судей, а не только перечисленных;

он далеко не четко разделил ответственность руководителей судебных органов за допущенные ими нарушения в качестве именно руководителей (т.е., по сути, – это трудовые правоотношения в объеме, которыми руководители наделяются для выполнения руководящих полномочий) от нарушений, которые они совершают в качестве судей. Этот разрыв усугубляется п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей», который прямо провозгласил: «досрочное прекращение полномочий председателя суда, заместителя председателя суда решением соответствующей квалификационной коллегии судей по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6¹ Закона “О статусе судей”, не является дисциплинарным проступком и не влечет дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи». Названный же п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей установил: полномочия председателей и заместителей председателей судов могут быть досрочно прекращены в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей. Но ведь любой руководитель суда – прежде всего судья, и главная его должностная обязанность – непосредственно вершить правосудие (т.е. рассматривать судебные дела лично самому);

сходна ситуация и в отношении судей, пребывающих в отставке. В Решении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2023 г. № АКПИ23-411 относительно

судьи-отставника *A.* провозглашено: в рассматриваемом случае отставка судьи прекращена в связи с выявлением факта несоблюдения запретов и ограничений, а именно запрета иметь гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Данное обстоятельство является самостоятельным основанием для прекращения отставки судьи на основании п/п. 2 п. 6 ст. 15 указанного Закона. Особенностью названных норм является их императивный характер, заключающийся в том, что установление факта наличия обстоятельств, указанных, в частности, в п/п. 5² п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей, влечет принятие квалификационной коллегией судей решения о прекращении отставки судьи... Прекращение отставки судьи не является мерой дисциплинарной ответственности, исчерпывающей перечень которых приведен в ст. 12¹ Закона о статусе судей.

Он по факту признал проступок судьи, пребывающего в отставке, как дисциплинарный (а как иначе его назвать?). Но ведь судья-отставник не осуществляет правосудие, как он может совершить дисциплинарный проступок?

Каким видом ответственности судьи являются (и это – база автоматического, по сути, прекращения его полномочий) установленные в ст. 14 Закона о статусе судей такие основания, как прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства (п. 6 в ред. Федерального закона от 08.12.2020 № 426-ФЗ); нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (п/п. 6¹ введен Федеральным законом от 07.05.2013 № 102-ФЗ)? Но ведь и в семьях, где один из супругов – судья, могут быть ситуации, когда супруг – не судья в глубокой секретности от своего супруга-судьи открывает счет в иностранном банке, расположенном за пределами Российской Федерации – мало ли причин и оснований у него было для этого. А для супруга-судьи, не знавшего об этом, автоматически наступает дисциплинарная, самая тяжкая, ответственность, причем без какой-либо его вины. То же и относительно несовершеннолетних детей судьи, живущих отдельно от него. Да и провокации здесь могут быть. Более того, как отметил Председатель Совета судей РФ В.В. Момотов на семинаре-совещании председателей советов

судей субъектов Российской Федерации, состоявшемся в начале апреля 2024 г., судьи «допускают неосмотрительные случаи приобретения инвестиционных паев российских фондов, скупаящих иностранные ценные бумаги. В итоге человек в мантии становится пользователем иностранных финансовых инструментов. При выявлении подобной информации судья привлекается к дисциплинарной ответственности». В.В. Момотов призвал к «должной осмотрительности при инвестировании своих денег». Или взять отказ судьи от перевода в другой суд в связи с упразднением или реорганизацией суда, а также если судья оказывается состоящим в близком родстве или свойстве (супруг (супруга), родители, дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки, а также родители, дети, родные братья и сестры супругов) с председателем или заместителем председателя того же суда (п. 11 в ред. Федерального закона от 25.12.2008 № 274-ФЗ). И это явно не его дисциплинарный проступок, а значит – не его дисциплинарная ответственность.

А теперь – подробнее относительно обоснования названных позиций.

Главный вопрос, больше того, базовая здесь проблема – понимание (точнее – недопонимание), что такое дисциплинарный проступок судьи и дисциплинарная ответственность судьи в глубинном плане. Здесь следует согласиться с Г.А. Трофимовой, указавшей: при определении оснований применения к лицу дисциплинарной ответственности проблема заключается в наличии в законе оценочных, примерных понятий. В частности, для характеристики разной степени тяжести дисциплинарного проступка используются такие определения, как «малозначительность», «существенное нарушение», «грубое нарушение», дающие основания в каждом конкретном случае варьировать меры ответственности, выбирая меру от наиболее слабой (замечание) до наиболее жесткой (досрочное прекращение полномочий)².

Является ли судья вообще, и в случае применения к нему мер дисциплинарного воздействия за совершение дисциплинарного проступка в особенности, стороной трудовых правоотношений? Вопрос не так уж прост, и однозначного ответа на него нет.

Так, С.Н. Ерёмина и М.В. Джаникян отмечают: дискуссия в юридической литературе по поводу того, являются ли судьи стороной трудового правоотношения ведутся уже продолжительное время³. И в подтверждение этого вывода указывают:

² См.: Трофимова Г.А. Ответственность судей по Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации»: недостатки правового регулирования // Современное право. 2017. № 10. С. 95.

³ См.: Ерёмина С.Н., Джаникян М.В. Правовая природа Дисциплинарного судебного присутствия: проблемы взаимодействия трудового и гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 4.

например, Е.А. Ершова считает, что судьи состоят в трудовых правоотношениях⁴; А.Н. Борисов полагает, что недопустимо применение положений Трудового кодекса РФ по аналогии, в том числе при прекращении полномочий судьи, но в отношении предоставления отпусков судьям должны применяться нормы трудового законодательства⁵. А Г.В. Казакова считает, что на судей трудовое законодательство распространяется только в той части, в какой специальное законодательство соответствующие отношения не урегулировало⁶.

Есть и иные точки зрения. Например, И.Н. Поляков полагает, что речь здесь должна идти об административно-трудовых правоотношениях⁷. Сама же С.Н. Ерёмина, указывая, что содержанием дисциплинарного проступка будут виновные противоправные действия (бездействие) соответствующего субъекта, который находится в трудовых или служебных отношениях, не соответствующие правовым нормам, включая законодательство, нормативные правовые и договорные акты, и что содержательная составляющая дисциплинарного проступка судьи не может рассматриваться за рамками приемов и способов регулирования норм трудового права, считает: «Таким образом, анализ норм действующего законодательства демонстрирует нам то, что правовые нормы, регулирующие дисциплинарную ответственность судей, находятся в сфере действия трудового права. Причем дисциплинарная ответственность судей имеет все признаки принадлежности к специальной трудоправовой дисциплинарной ответственности, которая применяется в тех случаях, когда не может применяться общая дисциплинарная ответственность. Во-первых, это связано со спецификой субъекта, к которому применяются меры специальной дисциплинарной ответственности, определенными видами применяемых дисциплинарных взысканий, наличием особого круга лиц или органов, обладающих правом привлечения к дисциплинарной ответственности и другими обстоятельствами, характеризующими правовой статус субъекта, подлежащего дисциплинарной ответственности»⁸.

⁴ См.: Ершова Е.А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России. М., 2008. С. 53.

⁵ См.: Борисов А.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (постатейный). М., 2008. С. 117.

⁶ См.: Казакова А.Г. Проблемы дисциплинарной ответственности судей. СПб., 2007.

⁷ См.: Поляков И.Н. О дисциплинарной ответственности судей // Администратор суда. 2011. № 3.

⁸ Ерёмина С.Н. К вопросу отраслевой принадлежности дисциплинарной ответственности судей (трудоправовой аспект) // Административное право. 2011. № 2.

И так далее. Налицо серьезная правовая неопределенность в рассматриваемом здесь научном сегменте сферы правоотношений. Она еще более усиливается, если учитывать, что положения трудового законодательства прямо инкорпорированы в Закон о статусе судей. Так, согласно п/п. 14 п. 3 ст. 3 этого Закона судья не вправе прекращать исполнение должностных обязанностей в целях урегулирования трудового спора (значит, федеральный законодатель вопросы спора при обжаловании судьей наложения на него дисциплинарного взыскания относит к трудовым); а в ст. 22 названного Закона провозглашено: «Законодательство Российской Федерации о труде распространяется на судей в части, не урегулированной настоящим Законом».

Напрашивается вывод: проблема взаимодействия положений трудового законодательства (в том числе норм, регулирующих вопросы дисциплинарной ответственности работников – не судей) с положениями законодательства, определяющего статус судей (в том числе и в первую очередь – норм о дисциплинарной ответственности судей), весьма далека от своего не только законодательного решения, но и настоятельно требует предварительной обширной и глубокой научно-правовой проработки.

Понимание дисциплинарной ответственности вряд ли можно свести к собственно дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях, хотя высказывается и такая точка зрения⁹. Более верной представляется позиция Л.В. Тумановой и С.А. Алексиной, которые считают: «Обозначен совершенно уникальный вид ответственности, связанный с самим статусом судьи, который и олицетворяет в своей деятельности судебную власть. Следовательно, такой вид ответственности в большей степени соответствовал бы термину “профессиональная”, нежели понятию “дисциплинарная”»¹⁰.

Но и термин «профессиональная» ответственность представляется несовершенным. Да, он охватывает не только сугубо трудовые правоотношения, но и выходит за их границы. Применительно к судьям он охватывает и этические отношения. Но термин «профессиональная» ответственность помимо судейских проступков не может не включать и отношения, также не только трудовые, и относительно работников, выполняющих: а) воспитательные функции и совершивших аморальный проступок вне места работы); б) работу, связанную с обслуживанием материальных ценностей при совершении

⁹ См., напр.: Крюкова В.В., Сорокалетова М.А. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве как вид юридической ответственности: понятие и основные принципы // StudNet. 2022. № 6. С. 6211–6217.

¹⁰ Туманова Л.В., Алексина С.А. Некоторые вопросы дисциплинарной ответственности судей // Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2023. № 4 (40). С. 51.

проступка, влекущего утрату доверия к ним, что априори является оценочным понятием. Оба эти сегмента проблемы названы самими Л. В. Тумановой и С. А. Алекушиной¹¹.

В идеале и в общепринятом смысловом значении дисциплинарный проступок – это нарушение или неисполнение своих трудовых, служебных, функциональных обязанностей работником, закрепленных в соответствующих нормативных правовых актах или в контракте, исполнителем по которому является этот работник.

Следовательно, действия (бездействие) работника, не имеющие отношение к его названным обязанностям, не могут квалифицироваться в качестве дисциплинарного проступка. Является ли судья в своем судейском статусе исключением из этого правила?

Однако судья Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ Н. Толчев считает, что «любое нарушение, включая аморальное поведение в нерабочее время, может расцениваться как дисциплинарный проступок»¹².

Между тем еще в 2001 г. Конституционный Суд РФ Постановлением от 30 июля 2001 г. № 13-П¹³ сформулировал правовую позицию, согласно которой формальная неопределенность, расплывчатость правовой нормы дает возможность ее произвольного толкования и применения, что ведет к нарушению общеправовых принципов юридической ответственности и нарушению гарантий государственной, в том числе судебной защиты прав и свобод.

И. Б. Михайловская права, указывая, что независимость – это внутреннее, психологическое состояние, отражающее систему ценностей, разделяемых данным лицом, и находящееся вне сферы правового регулирования¹⁴. Но уже посягательство на эту независимость в отношении судей не может находиться вне сферы правового регулирования. Судейский корпус должен быть: а) безопасен от попыток таких посягательств и б) быть уверенным в неизбежности наказания для посягнувших на эту независимость. Причем в обоих случаях это относится и к руководителям судов.

Верным и в настоящее время представляется высказывание известного дореволюционного русского юриста Е. В. Воськовского об ответственности судей: «Судьи не могут быть ни бесконтрольны, ни безответственны. Напротив, за их деятельность

необходим бдительный надзор, а ответственность за нарушения обязанностей службы должна быть даже строже, чем для других должностных лиц, ввиду особой важности возложенной на них функции. Вместе с тем, однако, надзор и порядок ответственности должны быть организованы по отношению к судьям таким образом, чтобы самостоятельность их действий в области отправления правосудия не потерпела ни малейшего ущерба, чтобы они не попали в прямую или косвенную зависимость от органов надзора и дисциплинарной власти. Иначе подвергнется испытанию судейское беспристрастие... Организация дисциплинарной ответственности судей может быть признана целесообразной при наличии следующих условий: 1) если дисциплинарная власть принадлежит органам судебного ведомства; 2) если состав дисциплинарного суда устраняет возможность личного усмотрения и произвола; 3) если дисциплинарная ответственность не распространяется на внутреннюю сторону судейской деятельности и не нарушает свободы судейского убеждения; 4) если само производство дисциплинарных дел обставлено таким образом, что обеспечивает постановление справедливых приговоров»¹⁵.

Вместе с тем вызывает непонимание такая мера наказания судье, как автоматическое – по существу и по форме – прекращение его полномочий по п/п. 6¹ ст. 14 Закона о статусе судей. Этими нормами Закона установлены такие основания прекращения полномочий судьи, как (приходится повторяться): 6) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства (в ред. Федеральных законов от 25.12.2008 № 274-ФЗ, от 08.12.2020 № 426-ФЗ); 6¹) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (п/п. 6¹ введен Федеральным законом от 07.05.2013 № 102-ФЗ).

Если это дисциплинарное наказание, то должно быть соблюдено требование, установленное абз. 2 п. 5 ст. 12¹ Закона о статусе судей (в ред. Федерального закона от 29.07.2018 № 243-ФЗ), которым установлено: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью за нарушение указанных положений

¹¹ См.: Туманова Л. В., Алекушина С. А. Указ. соч. С. 50.

¹² Толчев Н. Интервью члену Президиума Ассоциации юристов России М. Борщевскому «Судейский наказ» // Росс. газ. 2011. 7 июля.

¹³ См.: СЗ РФ. 2001. № 32, ст. 3412.

¹⁴ См.: Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008. С. 10.

¹⁵ Цит. по: Петухов Н. А., Мамыкин А. С. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации // Росс. правосудие. 2013. № 10 (90). С. 40.

при осуществлении правосудия только при наличии жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок».

Но довольно трудно представить (если вообще возможно) соблюдение этих требований при применении ответственности за нарушение ограничений в вопросах прав российского судьи на постоянное проживание на территории иностранного государства или запрета иметь финансы в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Да и правоприменительная практика такое основание досрочного прекращения полномочий судьи видом дисциплинарной ответственности не считает. Например: судья *Б.* заключил с АО «ФИНАМ» договор на брокерское обслуживание и договор на ведение индивидуального инвестиционного счета, и во исполнение указанных договоров в интересах судьи *Б.* за счет его личных денежных средств осуществлялась покупка и продажа ценных бумаг, в том числе иностранных, обращающихся на Московской межбанковской валютной бирже. По состоянию на 31 декабря 2020 г. судья *Б.* владел и пользовался акциями и глобальными депозитарными расписками компаний Великобритании и США.

Несмотря на то что в обращении регионального Совета судей в соответствующую ККС указано: *Б.* «нарушил установленный законом запрет на ведение и пользование судьей иностранными финансовыми инструментами, что является самостоятельным основанием прекращения полномочий судьи. Само по себе установление факта владения и пользования судьей иностранными финансовыми инструментами влечет прекращение полномочий судьи независимо от того, имеются ли условия и основания для наложения на него дисциплинарного взыскания (включая условие о соблюдении срока наложения дисциплинарного взыскания)» (т.е. этот региональный Совет судей квалифицировал данное правонарушение судьи как дисциплинарный проступок), в решении региональной ККС, рассмотревшей это обращение, вопрос о квалификации проступка судьи *Б.* как дисциплинарного обойден и в резолютивной части решения сказано: «прекратить полномочия судьи

Б. на основании подп. 6¹ п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей в связи с нарушением судьей запрета владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами»¹⁶.

Рассматривая административный иск судьи *Б.* на это решение региональной ККС, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в своем Решении от 6 июля 2022 г. № АКПИ22-503 отметила: основанием прекращения полномочий судьи является не факт дисциплинарного проступка, указанного в п. 5 ст. 12 Закона о статусе судей, за совершение которого на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи, а выявленный факт несоблюдения судьей запретов и ограничений, а именно запрета владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Данное обстоятельство является самостоятельным основанием для прекращения полномочий судьи на основании подп. 6¹ п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей. И далее: ККС, установив факт наличия обстоятельств, указанных, в частности, в п/п. 6¹ п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, не переходит к выбору вида дисциплинарного взыскания, а принимает решение о досрочном прекращении полномочий судьи путем тайного голосования¹⁷.

А апелляционная коллегия Верховного Суда РФ, рассматривая апелляционную жалобу судьи *Б.* на это решение, в своем Определении от 13 октября 2022 г. № АПЛ22-384 отметила: особая значимость запрета отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами и, как следствие, безальтернативность наказания за его нарушение подчеркиваются принятием специального закона – Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ и положением его ст. 1, которое связывает рассматриваемый запрет с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации, упорядочением лоббистской деятельности, расширением инвестирования средств в национальную экономику и повышением эффективности противодействия коррупции. И указала: административный истец ошибочно приравнивает нарушение запрета, установленного п/п. 5 п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей, к совершению судьей дисциплинарного проступка, наказание за который на основании ст. 12¹ названного Закона избирается ККС с учетом оценки существенности этого проступка и не всегда связано с прекращением полномочий судьи. Между тем правовая норма, на основании

¹⁶ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 41, 42.

¹⁷ См.: там же. С. 44.

которой прекращены полномочия судьи *Б.*, носит императивный характер. Никаких иных последствий, кроме прекращения полномочий судьи, в случае нарушения запрета, допущенного административным истцом, законодателем не предусмотрено. Несогласие с прекращением полномочий судьи при таких обстоятельствах не является основанием для отмены решения суда, так как фактически свидетельствует о несогласии административного истца с положением федерального закона¹⁸.

Но если судебная практика, включая две инстанции Верховного Суда РФ, пусть и по одному делу, категорически заявляет, что досрочное прекращение полномочий судьи по п/п. 6¹ п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей – за владение и пользование иностранными финансовыми инструментами, не является дисциплинарной ответственностью, а является самостоятельным основанием для прекращения полномочий судьи, то возникает вопрос: или это вообще не ответственность для судьи (что в принципе абсурдно), или это все-таки ответственность, но не дисциплинарная, и она не подпадает под ст. 12¹ Закона о статусе судей.

Но тогда – какая это ответственность (равно и по п. 6 ст. 14 Закона о статусе судей – относительно наличия иностранного гражданства судьи)? Что не этическая – это безусловно. Но из видов юридической какая? Не уголовная же, не гражданская, не административная... Получается – опять – конституционная. Но чтобы так считать – нужно, чтобы она была провозглашена в Конституции РФ, наподобие ответственности для судей высших судов страны, кассационных и апелляционных.

Кроме того, вряд ли может считаться справедливым правосудие (как и квазправосудие, осуществляемое ККС в части исполнения своих обязанностей при применении ответственности в отношении судей), не имеющее возможности дифференцировать применяемую ответственность судьи с учетом его вины и иных обстоятельств дела. А здесь ведь получается, образно: или расстрелять или отпустить.

Ну и как апофеоз: прекращение полномочий судьи по п. 7 ст. 14 (занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи) и по п. 13 ст. 14 (совершение судьей дисциплинарного проступка, за который решением ККС на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи) Закона о статусе судьи, как это можно усмотреть из вышеизложенного, также не является дисциплинарной ответственностью, а является ответственностью конституционной. Но в каком законодательном акте и в какой форме она должна быть закреплена?

¹⁸ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 45, 46.

Нельзя обойти вниманием и не сказать в статье о дисциплинарной ответственности судей за совершение судьей дисциплинарного проступка – и о высказанном в юридической литературе мнении о существовании поощрительных дисциплинарных санкций¹⁹. С одной стороны, это какой-то изощренный филологический изыск (санкции со знаком «плюс»), с другой – если есть наказание, должны быть и поощрения. А в Законе о статусе судей их нет, и это неправильно.

Любое совершенствование российского законодательства, включая совершенствование организационно-правового механизма судейской дисциплинарной ответственности, в том числе и дисциплинарную ответственность руководителей судебных органов, требует стереоскопического подхода: исторического (temporального) и в сфере сравнительного правоведения (ознакомления с тем, как аналогичная проблема решается за рубежом).

В принятом на самом историческом «закате советской власти» Положении о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов РСФСР, утвержденном постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 г., регулирование дисциплинарной ответственности руководителей судов было скучным. В частности, устанавливалось, что ККС Верховного Суда РСФСР рассматривает дела о дисциплинарных проступках председателей верховных судов автономных республик, краевых, областных, городов Москвы и Ленинграда, автономных областей и автономных округов. А ККС автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда, автономных областей, автономных округов рассматривают вопросы о дисциплинарной ответственности председателей, заместителей председателей районных (городских) народных судов.

При этом было установлено, что ККС может налагать следующие дисциплинарные взыскания: а) замечание; б) выговор; в) строгий выговор, и при наложении взыскания должен был учитываться характер нарушения и его последствия, тяжесть проступка, личность и степень его вины. ККС могла и прекратить дисциплинарное производство ввиду нецелесообразности наложения дисциплинарного взыскания в случаях, когда найдет возможность ограничиться лишь рассмотрением материалов производства в заседании.

Что касается такого вида дисциплинарной ответственности руководителей судов, как досрочное

¹⁹ См.: Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал росс. права. 2013. № 6 (198). С. 40–49; Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Об альтернативных поощрительных дисциплинарных санкциях // Власть закона. 2018. № 3.

прекращение их полномочий (в современном понимании), то названное Положение предусматривало досрочное освобождение только в отношении судей и народных заседателей судов РСФСР и лишь: а) по состоянию здоровья, препятствующему продолжению работы; б) вследствие избрания на другую должность или перевода, с их согласия, на другую работу; в) по собственному желанию. Регулированию вопросов отзыва судей и народных заседателей судов РСФСР был посвящен разд. II Положения, где (в п. 22) указывалось, что судьи и народные заседатели судов РСФСР могут быть досрочно лишены своих полномочий за нарушение социалистической законности или совершение порочащего проступка, не совместимого с их высоким званием, а также в силу состоявшегося у них обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу. Что касается отзыва руководителей судов, то о них лишь мельком упоминается в п. 22 Положения, где сказано: материалы, послужившие основанием к возбуждению вопроса об отзыве судьи, направляются для дачи заключения (в частности): председателей и заместителей председателей верховных судов автономных республик, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов, судов автономных областей, автономных округов – ВККС Верховного Суда РСФСР. О том, куда направляются подобные материалы в отношении руководителей районах и городских народных судов – не сказано.

Из чего можно сделать вывод: организационно-правовой механизм дисциплинарной ответственности руководителей судов в РСФСР по Положению от 27 февраля 1990 г. был далеко не цельным, больше того – был лоскутным. Учитывая же высокий профессиональный уровень законопроектной работы того периода, это вряд ли можно посчитать случайным.

Не исключено, что причина в том, что ст. 6 «О руководящей и направляющей роли КПСС» из Конституции СССР была исключена 14 марта 1990 г. III Внеочередным съездом народных депутатов СССР путем принятия Закона «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР», т.е. до принятия названного Положения. И при принятии указанного Положения КПСС и де-юре, и де-факто была (сохраняла) руководящей и направляющей силой в обществе и государстве, в том числе во всех звеньях механизма правосудия, включая дисциплинарную ответственность руководителей судов. При том что ни один из руководителей ни одного из судов тогда не мог стать руководителем, не будучи членом КПСС.

А как реально, не декларативно, проявляется партийная власть относительно судей и руководителей

судов?²⁰ Во-первых, реальной властью в суде (практически в любом) обладал не столько председатель суда, сколько секретарь парторганизации. Они оба (секретарь – по партийной принадлежности, а председатель – по должности) периодически отчитывались на бюро райкомов (обкомов) партии, на партконференциях и проч., где нередко подвергались осуждениям с оргвызовами. Руководили ими (а через них, да и помимо них судьями) как партийные органы всех уровней, так и отдельные партфункционеры. Высшее партийное руководство изредка давало негативную оценку таким действиям (в частности, в постановлении ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан»).

Во-вторых, нередко председатели судов в силу тех или иных причин избирались членами либо кандидатами в члены райкома (бюро райкома) и пр. И в этом качестве (иногда и без избрания в эти органы, а в порядке партийной дисциплины) им поручали плановые и (или) иные показатели на участках, никак не связанных с правосудием. Судья Конституционного Суда РФ Ю.М. Данилов, назначенный в 1976 г. (избранный – безальтернативно) судьей одного из сельских районов Воронежской области, вспоминает: «Через 4 месяца я сдавал экзамен на знание свеклоуборочного комбайна КС-6, поскольку был отряжен на уборку свеклы. Потом мне по блату нарезали самую МТФ – в восьми километрах от районного центра, поскольку у меня не было машины ни служебной, ни какой-нибудь другой для того, чтобы отвечать за надои на молочно-товарной ферме совхоза “Комсомольский” села Самодуровка. Я видел там первую дойку, которая, как вы знаете, в 5 часов состоялась утра...» Судья, имевший партийное поручение подобного рода и не выполнивший совета-указания партфункционера по конкретному судебному делу, рисковал с очень высокой степенью вероятности получить партзыскание не за невыполнение «поручения партии» по конкретному судебному делу, а за низкие надои у коров на молочно-товарной (к примеру) ферме, за которой он по партийной линии был «закреплен». Исключение судьи из партии «за низкие надои у коров» автоматически влекло исключение из судейских рядов в связи с исключением из членов КПСС.

В постсоветском историческом периоде дисциплинарной (и административной) ответственности по Закону о статусе судей первоначально вообще не существовало – ни для руководителей судов, ни для судей. Статья 12¹ «Дисциплинарная ответственность

²⁰ Ниже воспроизводится по: Клеандров М.И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 211; воспоминания судьи Конституционного Суда РФ Ю.М. Данилова (ныне – в отставке) публикуются с его согласия.

судей» была введена в Закон о статусе судей Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ и предусматривала дисциплинарное взыскание лишь в виде предупреждения и досрочного прекращения полномочий судьи. О руководителях судов там вообще не говорилось.

Но жизнь требовала реального решения данного вопроса. Вот пример: *Д.* работал судьей районного суда с 1987 г. 15 ноября 2000 г. его полномочия были региональной ККС прекращены по его письменному заявлению об отставке. Решением ВККС РФ от 15 мая 2001 г. названное решение региональной ККС было отменено и полномочия *Д.* были прекращены с 15 ноября 2000 г. по п/п. 9 и 1 ст. 14 Закона о статусе судей за совершение проступков, позорящих честь и достоинство судьи и умаляющих авторитет судебной власти, с лишением *Д.* второго квалификационного класса (с представлением в ВККС РФ обратился Председатель Верховного Суда РФ).

Обжалованное *Д.*, это решение ВККС РФ было Решением Верховного Суда РФ от 25 июля 2001 г. отменено, а Определением Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 20 сентября 2001 г. № КАСО1-335 это решение от 25 июля 2001 г. оставлено без изменений. При этом в названном Определении было указано: «В соответствии с действующим законодательством судья не несет дисциплинарной ответственности, следовательно, ссылки в кассационной жалобе на нарушение норм трудового закона не состоятельны».

Да и позднее, уже в 2008 г., вопросы дисциплинарной ответственности руководителей судов зачастую инициировались на федеральном уровне. Например, Совет судей РФ постановлением от 13 мая 2008 г. № 202 «Об итогах проверки обращений судей... области» посчитал необходимым привлечь председателя областного суда *Б.* «к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий председателя суда и судьи» за использование *Б.* методов необоснованного администрирования, создания в судейском сообществе области «крайне нездоровой морально-психологической обстановки, породившей массовое обращение судей в вышестоящие органы за защитой своих прав».

Конституционными нововведениями 2020 г. были внесены серьезные изменения и в механизм дисциплинарной ответственности руководителей ряда судов. Помимо корректировки иных законодательных актов эти конституционные нововведения были закреплены в узловом этого механизма Законе – Законе о статусе судей посредством введения в него Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ новой ст. 14¹.

В этой новой статье, в частности, закреплено: полномочия Председателя Конституционного Суда РФ, заместителя Председателя Консти-

туционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ, заместителей Председателя Верховного Суда РФ, председателей, заместителей председателей Кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, арбитражных кругов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам могут быть прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ в следующих случаях: 1) совершение проступка, порочащего честь и достоинство судьи; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами.

Все эти варианты, за исключением первого, вряд ли можно с высокой степенью убежденности квалифицировать в качестве дисциплинарных проступков как судей названных судов, так и их руководителей, влекущих дисциплинарное взыскание единственного, крайнего по суровости вида – досрочного прекращения полномочий.

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административная юстиция: конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Ч. 1 / сост. и вступ. ст. Ю.Н. Старицова. Воронеж, 2004. С. 560, 561.
2. Борисов А.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (постатейный). М., 2008. С. 117.
3. Ерёмина С.Н. К вопросу отраслевой принадлежности дисциплинарной ответственности судей (трудоправовой аспект) // Административное право. 2011. № 2.
4. Ерёмина С.Н., Джанникян М.В. Правовая природа Дисциплинарного судебного присутствия: проблемы взаимодействия трудового и гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 4.

5. Ерикова Е.А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России. М., 2008. С. 53.
6. Казакова А.Г. Проблемы дисциплинарной ответственности судей. СПб., 2007.
7. Клеандров М.И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 211.
8. Крюкова В.В., Сорокалетова М.А. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве как вид юридической ответственности: понятие и основные принципы // StudNet. 2022. № 6. С. 6211–6217.
9. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал росс. права. 2013. № 6 (198). С. 40–49.
10. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Об альтернативных поощрительных дисциплинарных санкциях // Власть закона. 2018. № 3.
11. Михайлова И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008. С. 10.
12. Петухов Н.А., Мамыкин А.С. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации // Росс. правосудие. 2013. № 10 (90). С. 40.
13. Поляков И.Н. О дисциплинарной ответственности судей // Администратор суда. 2011. № 3.
14. Толчев Н. Интервью члену Президиума Ассоциации юристов России М. Борщевскому «Судейский на-каз» // Росс. газ. 2011. 7 июля.
15. Трофимова Г.А. Ответственность судей по Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации»: недостатки правового регулирования // Современное право. 2017. № 10. С. 95.
16. Туманова Л.В., Алексина С.А. Некоторые вопросы дисциплинарной ответственности судей // Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2023. № 4 (40). С. 50, 51.
- of judges in the Russian Federation" (article by article). M., 2008. P. 117 (in Russ.).
3. Eremina S.N. On the issue of branch affiliation of disciplinary responsibility of judges (labor law aspect) // Administrative Law. 2011. No. 2 (in Russ.).
4. Eremina S.N., Dzhanikyan M.V. The legal nature of disciplinary judicial presence: problems of interaction between labor and Civil Procedural Law // Arbitration and Civil Procedure. 2011. No. 6. P. 4 (in Russ.).
5. Ershova E.A. Labor relations of state civil and municipal employees in Russia. M., 2008. P. 53 (in Russ.).
6. Kazakova A.G. Problems of disciplinary responsibility of judges. SPb., 2007 (in Russ.).
7. Kleandrov M.I. Responsibility of a judge. M., 2011. P. 211 (in Russ.).
8. Kryukova V.V., Sorokal'etova M.A. Disciplinary responsibility in Labor Law as a type of legal responsibility: the concept and basic principles // StudNet. 2022. No. 6. Pp. 6211–6217 (in Russ.).
9. Lipinsky D.A., Shishkin A.G. The concept of a measure of legal responsibility // Journal of Russ. law. 2013. No. 6 (198). Pp. 40–49 (in Russ.).
10. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. On alternative incentive disciplinary sanctions // The power of law. 2018. No. 3 (in Russ.).
11. Mikhailovskaya I.B. Courts and judges: independence and manageability. M., 2008. P. 10 (in Russ.).
12. Petukhov N.A., Mamykin A.S. Legal regulation of disciplinary responsibility of judges in the Russian Federation // Russ. Justice. 2013. No. 10 (90). P. 40 (in Russ.).
13. Polyakov I.N. On the disciplinary responsibility of judges // Court Administrator. 2011. No. 3 (in Russ.).
14. Tolcheev N. Interview with member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia M. Borschchevsky "Judicial mandate" // Ross. gaz. 2011. 7 July (in Russ.).
15. Trofimova G.A. Responsibility of judges under the Law of the Russian Federation "On the status of judges in the Russian Federation": shortcomings of legal regulation // Modern law. 2017. No. 10. P. 95 (in Russ.).
16. Tumanova L.V., Alekushina S.A. Some issues of disciplinary responsibility of judges // Herald of the S. Yu. Witte Moscow State University. Ser. 2. Legal sciences. 2023. No. 4 (40). Pp. 50, 51 (in Russ.).

REFERENCES

1. Administrative justice: the end of the XIX – beginning of the XX century: a textbook. Part 1 / comp. and the introductory article by Yu. N. Starilov. Voronezh, 2004. Pp. 560, 561 (in Russ.).
2. Borisov A. N. Commentary to the Law of the Russian Federation dated June 26, 1992 No. 3132-1 "On the status

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of the RAS,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2024 г. В. В. Момотов

Верховный Суд Российской Федерации, г. Москва

E-mail: momotov_vv@vsrf.ru

Поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Аннотация. В настоящей статье анализируется феномен социализации правосудия, его идеологические и исторические источники, а также положение дел с осуществлением правосудия в современной России. При анализе развития гражданского процесса прослеживаются причины перехода в странах континентальной Европы в течение XX в. от либерального к социальному типу процесса, который имел своей целью восполнение фактического неравенства сторон за счет активной роли суда. Выделяются основные черты социального типа процесса и определяется его соотношение со следственным (розыскным) процессом. На примере отечественного законодательства демонстрируется переход от либеральной модели Устава гражданского судопроизводства 1864 г. к социальной модели гражданских процессуальных кодексов РСФСР 1923 и 1964 гг. Обосновывается авторская точка зрения относительно преимуществ и недостатков советского законодательства, демонстрируется его двойственный характер, который был связан с излишней активностью суда при одновременном сохранении фундаментальных состязательных и диспозитивных начал. В заключительной части статьи автор выявляет юридические основания социализации правосудия в Российской Федерации. С опорой на положения Конституции РФ, процессуального законодательства и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ доказывается, что целый ряд институтов российского права воспроизводят логику социализации гражданского процесса. Отмечается, что потребность в установлении в процессе объективной истины предопределяет необходимость отказа от либеральной модели, которая не соответствует опыту ведущих европейских государств.

Ключевые слова: социализация правосудия, социальный тип гражданского процесса, либеральный тип гражданского процесса, Франц Кляйн, принцип состязательности, принцип диспозитивности, принцип объективной истины, активная роль суда.

Цитирование: Момотов В. В. Социализация правосудия как вектор развития гражданского процесса: история и современность // Государство и право. 2024. № 7. С. 126–140.

DOI: 10.31857/S1026945224070113

SOCIALIZATION OF JUSTICE AS A VECTOR OF DEVELOPMENT OF THE CIVIL PROCESS: HISTORY AND MODERNITY

© 2024 V. V. Momotov

Supreme Court of the Russian Federation, Moscow

E-mail: momotov_vv@vsrf.ru

Received 12.04.2024

Abstract. This article analyzes the phenomenon of socialization of justice, its ideological and historical origins, as well as the state of affairs with the administration of justice in the modern Russian Federation. The analysis of the development of the civil process traces the reasons for the transition in the states of continental Europe during the 20th century from a liberal to a social type of process, which aimed to compensate for the actual inequality of the parties due to the active role of the court. The main features of the social type of the process are highlighted and its correlation with the investigative (investigative) process is determined. Using the example of domestic legislation, the transition from the liberal model of the Charter of Civil Procedure of 1864 to the social model of the civil procedure codes of the RSFSR of 1923 and 1964 is demonstrated. The author's point of view regarding the advantages and disadvantages of Soviet legislation is substantiated, its dual nature is demonstrated, which was associated with excessive activity of the court while maintaining fundamental adversarial and dispositive principles. In conclusion, the author identifies the legal grounds for the socialization of justice in the Russian Federation. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, procedural legislation and the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, it is argued and proved that a number of institutions of Russian law reproduce the logic of socialization of civil procedure. It is noted that the need to establish objective truth in the process determines the need to abandon the liberal model, which does not correspond to the experience of leading European states.

Key words: socialization of justice, social type of civil procedure, liberal type of civil procedure, Franz Klein, the principle of competition, the principle of dispositivity, the principle of objective truth, the active role of the court.

For citation: Momotov, V.V. (2024). Socialization of justice as a vector of development of the civil process: history and modernity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 126–140.

Идеологические основания процессуального права

Любые правовые нормы, в том числе и нормы процессуального права, являются отражением определенных идеологических ценностей. Как отмечает А. В. Аргунов, «политическая идеология призвана артикулировать исходные, базовые ценности общества. Доминирующие ценности, воплощенные в разделяемой обществом идеологии, оказывают влияние не только на решения, принимаемые политиками в рамках законодательного процесса, но и на решения, принимаемые в своей работе юристами: судьями, адвокатами, учеными и др.»¹. Особое значение идеологическое содержание норм приобретает при кодификации законодательства. Кодифицированный акт должен не просто представлять собой совокупность норм, но и выражать определенные принципы.

Поэтому, по нашему мнению, юристам не следует категорически отвергать привнесение политических начал в юридические конструкции. Правовая норма всегда имеет перед собой определенную цель, и определение и анализ этих целей также может являться предметом юридических исследований. С учетом этого игнорирование идеологической составляющей правовых норм является контрпродуктивным самообманом. Напротив, следует уделять особое внимание выделению таких стержневых идей, пронизывающих весь нормативный правовой акт, и анализу того, насколько

целесообразно руководствоваться ими в нынешних условиях.

Некоторые юристы, которые скептически относятся к политico-правовому анализу, полагают, что следование юридической доктрине придает им взглядам ценностно-нейтральный характер, что они перестают быть связаны с той или иной политической идеологией. Устоявшиеся в праве конструкции нередко воспринимаются юристами в качестве самоочевидных, но в действительности не являются таковыми. Даже немецкие пандектисты, результатом работы которых стала доктринализация гражданского права, не были свободны от идеологических предубеждений. Предложенная ими система юридических конструкций служила реализации определенной политической повестки, хотя они, конечно, предпочитали об этом умалчивать (а зачастую, возможно, и сами не осознавали детерминированности своих правовых взглядов политическими)².

Все вышесказанное вполне применимо и к гражданскому процессу, который является объектом

¹ Аргунов А. В. О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // СПС «КонсультантПлюс».

² Как подмечает А. Г. Карапетов, «внимательный читатель, который начинает обращать внимание на то, почему те или иные римские нормы пандектистами доктринировались, а другие предавались забвению, мог осознать, что рецептивная избирательность и само направление процесса формирования логических конструкций, возникших пандектистами на основе обобщения римских норм, отражали доминирующие в среде немецких классических правоведов-цивилистов и близких им интеллектуальных и экономических кругах идеологические предпочтения, этические установки и экономические теории (в первую очередь ценности *laissez-faire*, включая невмешательство государства в свободу экономического оборота)» (см.: Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 17, 18).

анализа в данной статье. Как пишут словацкие учёные М. Штевек и Т. Габрис, «необходимость объединяющей концепции, определяющей основные параметры гражданского процесса, на наш взгляд, является безусловной. В противном случае неосмысленный комплекс норм казуистического характера приводит к неясности конечного результата работы по изменению законодательства. Отсутствие базовой системы ценностей дополнительно делает практически невозможным последовательное толкование права как на доктринальном, так и на прикладном уровне»³. С учетом этого представляется необходимым определить на теоретическом уровне те модели, на которых может основываться гражданский процесс, и проанализировать, каким образом они повлияли на законодательство Российской Федерации и зарубежных государств.

История гражданского процесса может быть условно разделена на несколько основных этапов. Длительное время во всех европейских странах безраздельно господствовал следственный (розыскной, инквизиционный) процесс. Но с XIX в. начинается становление состязательного процесса, который, в свою очередь, эволюционно разделился на два типа: либеральный и социальный⁴. Российским юристам хорошо известна типологизация процесса на состязательный и следственный. Между тем выделение либеральной и социальной моделей процесса встречается гораздо реже, хотя в последнее десятилетие целый ряд авторов уделили внимание данной классификации. Со своей стороны отметим, что возможность выделения самостоятельного социального типа гражданского процесса подтверждается при компаративном анализе германской и романской традиций континентального права. Именно поэтому его анализ мы начнем с исследования исторически сложившихся различий между германской и французской доктриной в сфере гражданского процесса.

Прежде всего, в части модели построения процессуальных правоотношений германская доктрина традиционно исходила из того, что гражданский процесс относится к сфере публичного права, поскольку у сторон процесса возникают вертикальные правоотношения с судом, а между самими сторонами существуют не процессуальные, а лишь материальные правоотношения. Французская доктрина исторически делала акцент на том, что гражданский процесс – это форма защиты гражданских (частных) прав, поэтому он

³ Števček M., Gábris T. The Recast Civil Procedure and Legacy of Franz Klein in the Slovak Republic // European Journal of Transformation Studies. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 108.

⁴ См.: Золотова О.И. Реформирование гражданского судопроизводства в России в конце XIX века: признаки социализации // Актуальные проблемы росс. права. 2014. № 6. С. 1033.

является частным делом и выражает интерес прежде всего самих сторон процесса, а не государства. Такой подход согласуется с материально-правовой теорией иска, в рамках которой он является выражением частноправового интереса (субъективного права, существующего в рамках материальных правоотношений)⁵.

Именно Франция в свое время стала образцом либерального типа процесса: французский Гражданский процессуальный кодекс 1806 г. наиболее полно выразил данную модель, усилив с ее помощью принцип состязательности. Как отмечает О.И. Золотова, «либеральный тип состязательной модели исходит из понимания гражданского процесса как борьбы независимых граждан, которые самостоятельно выбирают путь решения их конфликта. Этим постулатом обусловливается и место суда как независимого и беспристрастного арбитра. Суду предоставляются минимальные полномочия в процессе. Соответственно, его главными героями являются стороны»⁶. Таким образом, можно по аналогии с уголовным процессом говорить о разграничении функций различных участников гражданского судопроизводства, своего рода «разделении труда», в рамках которого суду отводится особая функция осуществления правосудия.

Выгоды состязательности довольно очевидны: именно заинтересованным лицам лучше всех известны фактические обстоятельства рассматриваемого судом дела и именно им легче всего собрать доказательства, которые подтверждают их позицию по делу. В свою очередь, практически неограниченная активность суда, свойственная следственному процессу, имеет негативные последствия, поскольку суд фактически становится участником спора сторон и в силу этого утрачивает независимость и беспристрастность. Поэтому французская модель стала образцом для большинства других кодификаций, которые преследовали цель реформирования гражданского процесса, в том числе для отечественного Устава гражданского судопроизводства 1864 г.⁷

Но постепенно стали очевидны недостатки либерального типа процесса, что привело к становлению социального типа процесса. Он был обоснован австрийским процессуалистом Ф. Кляйном в 1890 г., а позднее нашел отражение в Гражданском процессуальном уложении Австрии 1895 г. Кляйн полагал, что разрешение споров не является

⁵ См., в частности: Сахнова Т.В. *Actio – litis contestatio – res iudicata – jus*: в контексте реформ континентального процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4.

⁶ Золотова О.И. Указ. соч. С. 1033.

⁷ См.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. М., 2016. С. 444.

единственной целью судопроизводства, а служит общему благу (Wohlfahrtsfunktion). С этой точки зрения, «господство [сторон] над содержанием процесса – это право направлять судью к ошибочному либо лишь относительно правильному или неточному решению»⁸. Формальное равенство сторон не означает равенства фактического, так что либеральный процесс с характерной для него пассивностью суда может привести к нарушению интересов слабой стороны. Поэтому процессуальные формальности должны быть отодвинуты на второй план, и судья должен не только отвечать за ведение процесса, но и принимать участие в сборе доказательств.

Может возникнуть ощущение, что концепция Кляйна приводит к эрозии принципов состязательности и диспозитивности, которые после длительного доминирования розыскного процесса стали фундаментом судопроизводства XIX в. Действительно, в рамках социализации процесса в состязательный процесс были имплементированы отдельные следственные начала. Однако важно подчеркнуть, что они не посягают на распорядительные права сторон процесса и не замещают полностью активность самих сторон, а лишь дополняют их. Австрийский процессуалист В. Рехбергер подчеркивает, что социальная функция гражданского судопроизводства выражалась у Кляйна не в неограниченной активности суда, а в *принципе сотрудничества между судом и сторонами* (Kooperationsmaxime). ГПУ Австрии 1895 г. вполне в духе состязательного процесса предусматривало, что стороны должны обосновать свои требования путем указания на фактические обстоятельства и представить соответствующие доказательства, в то время как судья по общему правилу не вправе устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, на которые не ссылались стороны⁹. В то же время суд не отказывается от возможности (и обязанности) при необходимости самостоятельно предпринимать усилия по приближению к действительным материально-правовым отношениям сторон.

Таким образом, цель социализации правосудия – отнюдь не отказ от состязательности, а восполнение ее неудовлетворительных результатов со стороны суда в тех случаях, когда сама сторона по объективным причинам не может должным образом представить свою позицию в ходе процесса. Частноправовой интерес сохраняет системообразующее значение для возбуждения и движения гражданского дела, однако государство оказывает содействие в его реализации. Соответственно, процессуальное равенство сторон не является

⁸ Rechberger W.H. Die Ideen Franz Kleins und ihre Bedeutung für die Entwicklung des Zivilprozessrechts in Europa // Ritsumeikan Law Review. 2008. No. 25. P. 103.

⁹ См.: *ibid.*

панацеей. Далеко не всегда они обладают равными возможностями по доказыванию своей позиции, особенно когда одним из участников спора является простой гражданин, а другим – крупная корпорация или государство. Если в таких спорах суды будут занимать пассивную позицию, а законодательство будет игнорировать подобное неравенство, равноправие окажется несогласимо с подлинной состязательностью судопроизводства.

На протяжении XX в. австрийский опыт социализации судебного процесса был воспринят сначала в Германии, а потом и в ряде других европейских государств (не стала исключением и Франция). Даже в Англии принятые в 1999 г. Правила гражданского судопроизводства трансформировали традиционный для английского права состязательный характер судопроизводства, значительно расширив полномочия судьи по ведению процесса, и, как следствие, приблизив его к континентальным моделям. Таким образом, ныне социальный тип процесса не только стал доминирующим в континентальной Европе, но и пустил корни даже в *common law*.

Теперь, после краткого обзора сущности социального правосудия, необходимо рассмотреть еще один вопрос. В российской юридической науке в настоящее время отсутствует четкое понимание того, как соотносятся две классификации процесса: *с одной стороны*, на состязательный и следственный, *а с другой* – на либеральный и социальный. А.В. Аргунов, например, полагает, что указанные «классификации пересекаются, поскольку содержательно основываются на степени активности суда в процессе»¹⁰. При этом, по его мнению, социальный тип процесса может существовать как при состязательном, так и при следственной модели процесса. Однако он не поясняет, почему необходимы две классификации, если обе они основаны, как он утверждает, на критерии степени активности суда в процессе. Необходимо привести более четкую границу между ними, в противном случае социальный процесс (который, по общему признанию, характерен для ряда государств с состязательным типом судопроизводства) может ошибочно отождествляться со следственным.

Другие авторы проводят указанную границу на основе различных критериев. Так, голландский профессор Р. ван Рее придерживается мнения, что специфические черты социального типа процесса связаны отнюдь не только с активностью суда в процессе доказывания. Он выделяет пять ключевых идей Кляйна, направленных на социализацию процесса: 1) снижение роли предварительной защиты ответчика в форме обязанности

¹⁰ Аргунов А.В. Указ. соч.

представления возражения на иск; 2) полномочия судьи по руководству процессом, которые обеспечивают короткие сроки совершения процессуальных действий, и по расследованию фактических обстоятельств дела; 3) разделение процесса на письменную подготовительную стадию и устную основную стадию; 4) строгое соблюдение принципа преклюзии, согласно которому процессуальные действия не могут быть совершены после истечения установленного срока; 5) уведомление *ex officio* стороны-оппонента о процессуальных документах, представленных в суд. Данные идеи, с его точки зрения, свидетельствуют о том, что Кляйн преимущественно искал баланс между полномочиями судьи и сторон, но отнюдь не призывал к отказу от состязательного процесса¹¹.

Схожего мнения, по всей видимости, придерживается и С. В. Лазарев, который посвятил вопросам судебного управления движением дела монографию и диссертацию. Он указывает, что в Австрии, Германии и других странах континентальной Европы «роль суда... при движении дела становится все более активной в ответ на чрезмерную длительность и задержки в отправлении правосудия (возникшие, в том числе, и в результате бездействия суда по управлению ходом процесса)»¹². Иными словами, он связывает социальную направленность процесса в первую очередь с вышеназванным принципом преклюзии, с ускорением судебного разбирательства. О том же пишет и Р. ван Рее: «Его [Ф. Кляйна] целью было создание процессуальных норм, которые способствовали бы быстро и дешевому судебному разбирательству...».

Иначе обосновывает отличие социального состязательного процесса от следственного Т. В. Сахнова. Она полагает, что «активная роль суда в тех странах, где она приветствуется законодательно (немецко-австрийский процесс), вполне сочетаема с состязательным началом. Иными словами, следует различать следственность и активную роль суда в методах цивилистического процесса»¹³. Она также указывает, что «состязательность не сводима к доказательственной сфере и исключительной – вне судебных контролей и координации – инициативе сторон в процессуальных действиях»¹⁴. Таким образом, она исходит из того, что активная роль суда сама по себе не свидетельствует

¹¹ См.: *Rhee van C.H. Civil Litigation in Twentieth Century Europe* // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 2007. Vol. 75. No. 3. P. 309.

¹² Лазарев С. В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 76.

¹³ Сахнова Т. В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.

¹⁴ Там же.

о следственном характере процесса. Однако она не поясняет свою мысль достаточно подробно, поэтому остается не вполне понятным, каким именно образом она разграничивает следственность и активную роль суда.

По нашему мнению, отличием, которое не позволяет социальному состязательному процессу перерasti в следственный, является *субсидиарный характер активности суда*. Ключевой частью процесса доказывания остается представление доказательств самими сторонами процесса, в то время как суд вмешивается в него только для содействия сторонам и восполнения очевидных пробелов в доказательственном материале. Кроме того, более сильная позиция судьи в социальном процессе минимальным образом затрагивает распорядительные права сторон (то есть принцип диспозитивности), начиная с права на предъявление иска и заканчивая правом истца на отказ от иска и правом ответчика на признание иска. При этом трудно отрицать, что важной особенностью социального процесса является привнесение отдельных начал следственного процесса в процесс состязательный (хотя, как уже было сказано, это не единственная особенность). Состязательность не является самоцелью, поэтому использование отдельных элементов следственного процесса не должно вызывать удивление. Важно только подчеркнуть, что эти «социально-следственные» начала не должны подрывать состязательную сущность процесса, а должны органично ее дополнять.

Итак, нами были выявлены основные черты либерального и социального типов гражданского процесса, обосновано соотношение данной классификации с делением процесса на состязательный и следственный типы. Кроме того, мы в общих чертах рассмотрели, как указанные модели организации судопроизводства повлияли на законодательство зарубежных государств. Теперь проанализируем, каким образом было организовано гражданское судопроизводство в пореформенные десятилетия отечественной истории и как в дальнейшем происходила социализация гражданского процесса в советский период и его последующая либерализация в период постсоветский.

Идея социализации процесса в истории отечественного законодательства

Как отмечалось ранее, во французской правовой традиции (на которой основывалось и пореформенное российское законодательство) гражданский процесс воспринимался как форма защиты частных прав, своего рода логичное продолжение материального гражданского права. Поэтому в УГС 1864 г. судейская активность ограничивалась ведением процесса судом в качестве

публично-властного органа и не предполагала какого-либо вмешательства суда в процесс доказывания. Как указывал Е. В. Васьковский, суд не вмешивается в процесс реализации сторонами своих распорядительных прав, но если они принимают решение об их использовании, то суд наблюдает, чтобы процессуальные действия были совершены «правильно, в определенном порядке, без ущерба для нормального и быстрого хода производства. Таким образом, принцип судейского руководства процессом возлагает на суд заботу об обеспечении правомерности, последовательности, удобства и быстроты производства»¹⁵.

Что касается процесса доказывания, то ст. 367 УГС в предельно жесткой форме устанавливала, что суд *ни в каком случае* не собирает сам доказательств или справок, а основывает решение исключительно на доказательствах, представленных тяжущимися. При этом, согласно ст. 368 Устава, если суд полагал, что для некоторых приведенных ими обстоятельств, существенных для разрешения дела, не представлено доказательств, то он объявлял об этом тяжущимся и объявлял срок для разрешения вышеуказанных обстоятельств. Причем Правительствующий Сенат нередко толковал данную статью в том смысле, что суд может указать тяжущимся лишь обстоятельство, которое должно быть доказано, но не вправе указывать, какими доказательствами это можно сделать¹⁶.

Несмотря на критику такого подхода некоторыми учеными, К. Н. Анненков отмечал, что он соответствовал намерениям составителей УГС¹⁷. Он объяснял предусмотренные им правила доказывания следующим образом: «Составители уставов, сознавая вполне весь вред, причиняемый скорому движению процесса и правильному отправлению правосудия правилами прежнего порядка гражданского судопроизводства, обязывавшими сами судебные места пополнять дела справками и доказательствами и боясь, чтобы судебные традиции в этом отношении не повлияли, по крайней мере, на первое время, и на новые судебные учреждения, сочли за лучшее выразить в новом уставе прямое воспрещение суду собирать справки и доказательства»¹⁸. Таким образом, в переформенный период обязанность по сбору и представлению доказательств сознательно целиком возлагалась на стороны, в то время как роль суда оставалась по большей части пассивной. Такой

подход соответствует либеральной модели состязательного процесса.

В советский период сущность гражданского процесса претерпела существенные изменения. Большинство ученых сходятся во мнении, что советское процессуальное законодательство ознаменовало собой значительную корректировку диспозитивных и состязательных начал судопроизводства. Ленинский принцип «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»¹⁹ делал невозможным отношение к гражданскому процессу как к простому средству защиты частных прав. Напротив, и доктрина, и законодательство подчеркивали значимость защиты общественных интересов как цели гражданского процесса.

Подобное отношение к целям процесса четко прослеживается уже в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. Его нормы носили ярко выраженный социально ориентированный характер. Так, в ст. 5 Кодекса было установлено, что суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся и способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду тяжущимся активное содействие и к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы ими во вред. В качестве логичного следствия такого подхода ст. 118 ГПК РСФСР допускала сбор доказательств не только самими сторонами, но и по инициативе суда.

Примечательно, что в данном случае сбор доказательств судом даже не ставился в зависимость от недостаточности доказательств, представленных сторонами. Это позволяет говорить о создании законодателем предпосылок для «упреждающей» активности суда, независимо от степени активности самих сторон. Таким образом, суд выступал в качестве полноценного субъекта процесса доказывания, что демонстрирует высокое значение социальных начал в процессе того периода. В то же время было бы преувеличением говорить о переходе к следственному типу процесса, как минимум потому что ГПК РСФСР в качестве общего правила закреплял обязанность каждой стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений (ст. 118), и допускал представление новых доказательств после начала разбора дела только в случае

¹⁵ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 353.

¹⁶ См.: Боровиковский А. Л. Отчет судьи. Т. 3. Дела мужичьи. СПб., 1909. С. 30.

¹⁷ См.: Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. О доказательствах. СПб., 1887. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. Н. Курскому: 17 мая 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

признания судом причин задержки уважительными (ст. 106).

Специфика ГПК РСФСР 1923 г. проявилась также в ограничении действия принципа диспозитивности. Это неудивительно, поскольку именно принцип диспозитивности наиболее прочно связан с материально-правовым фундаментом гражданского процесса, который при советской власти претерпел радикальные изменения²⁰. В определенной мере относилось к принципу диспозитивности содержание ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г., которая оправдывала выход решения суда за пределы исковых требований. При этом законодатель не решился предусмотреть возможность возбуждения гражданских дел по инициативе суда. Однако, отказавшись от инквизиционной роли суда, он предусмотрел широкие полномочия прокурора. Так, в ст. 2 ГПК РСФСР указывалось, что прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, *по его мнению*, этого требует «охрана интересов государства или трудящихся масс». При этом прокурору не требовалось наличия просьбы лица, в чьих интересах возбуждалось гражданское дело. Фактически прокурор наделялся ничем не ограниченным правом выступать в качестве процессуального истца, что, конечно, представляло собой значимое отступление от диспозитивных начал процесса. Более того, прокурору предписывалось проявлять активность в установлении фактов нарушения прав трудящихся, не ждать поступления жалобы, а самому «идти в рабочие массы», выясняя, не требуется ли его вмешательство в целях устранения выявленных нарушений²¹.

Впрочем, говорить о полном отказе от принципа диспозитивности было бы некорректным. «Основные положения диспозитивности советского гражданского процесса, — пишет А.Ф. Воронов, — были не только законодательно закреплены, но и научно обоснованы уже к концу 20-х гг.

²⁰ При этом «отождествление понятия и природы диспозитивного и состязательного начал и объяснение их особенностями гражданских правоотношений, — пишет О.П. Чистякова, — является неверным и приводит к ошибочным выводам относительно пределов активности суда. Если природу принципа диспозитивности правильно ищут в частном характере общественных отношений, являющихся предметом рассмотрения в гражданском судопроизводстве, то истоки принципа состязательности следует искать в самом процессе, в закономерностях процессуального познания, в необходимости обеспечить установление судебной истины» (см.: Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 40).

²¹ Цит. по: Котловская Я.С., Хлопаева М.Е. Историческое развитие некоторых принципов гражданского процессуального права советского периода и современной России // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12.

прошлого века»²². В вышеупомянутой ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г. были закреплены ключевые распорядительные права. Согласно ей сторона была в любой момент вправе изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования. При этом ограничение диспозитивности имело место и здесь: возможность отказа стороны от принадлежащих стороне прав и судебной защиты ставилась в зависимость от ничем не ограниченного усмотрения суда.

Таким образом, ГПК РСФСР 1923 г., с одной стороны, недвусмысленно разрешил вопрос о роли суда в пользу его широкой активности и в определенной степени ограничил действие принципов состязательности и диспозитивности. С другой — речь шла именно об ограничении, а не об отказе от соответствующих принципов, которые продолжали составлять фундамент, общее правило гражданского процесса. Поэтому мы полагаем, что встречающиеся в научной литературе характеристики процесса того периода как следственно-го являются ошибочными (об этой довольно-таки распространенной характеристике советского процесса скажем далее).

Ключевые особенности социального типа процесса советского образца были сохранены и развиты в ГПК РСФСР 1964 г. С его принятием произошло окончательное утверждение особого социального процесса, который по своим основным чертам соответствовал европейским веяниям XX в., но шел даже дальше них, отражая идеи советской правовой науки²³. К этому моменту феномен социализации гражданского процесса получает в ней полноценное теоретическое осмысление, в особенности в работах А.Ф. Клейнмана. Прежде всего обращает на себя внимание его представление о целях гражданского процесса. По его словам, указанные цели советская юридическая наука определяла, «гармонически сочетаю интересы социалистического общества и советских граждан», исходя из того, что правосудие «защищает права и интересы всего советского народа»²⁴. Он также пишет, что «основные задачи суда в гражданском процессе — это защита общественной социалистической собственности и социалистических отношений, исходя из которых гражданский суд разрешает каждое гражданское дело»²⁵. Таким образом,

²² Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 204.

²³ См.: Сахнова Т.В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.

²⁴ Клейнман А.Ф. Предмет науки советского гражданского процессуального права // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 61.

²⁵ Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учебник для юридических школ и курсов. М., 1940. С. 26.

в силу публицизации отраслей частного права и фактического упразднения частного права как такового «при разрешении гражданско-правовых споров государство не может быть пассивным, а должно вмешиваться, должно защищать интересы государства и трудающихся масс»²⁶. Более того, Клейнман также отстаивал активность и инициативу в процессе не только суда, но и прокуратуры и общественных организаций.

С учетом этого Д.Я. Малешин констатирует, что советское процессуальное законодательство стало ярким примером колlettivistского понимания целей гражданского процесса, которое отдавало приоритет общественным интересам перед частными²⁷. С точки зрения выявления идеологических основ советского права именно анализ целей, которыеставил перед собой советский законодатель, позволяет сформулировать выводы о сущности процесса. Так, в ст. 2 ГПК РСФСР 1964 г. к задачам гражданского судопроизводства было отнесено правильное и быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях охраны общественного и государственного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Примечательно, что указание на защиту прав и законных интересов граждан и организаций в данной статье содержится не *до*, а *после* указания на защиту государственных интересов, что лишний раз подтверждает приоритеты советского законодателя в рассматриваемый период.

Важной частью научного наследия Клейнмана стала и его трактовка *принципа объективной истины*, который являлся ключевым инструментом социализации советского гражданского процесса и позволял суду выходить за рамки исковых требований и самостоятельно собирать доказательства. При этом он не сразу стал рассматриваться ученым именно в качестве самостоятельного принципа. Еще в 1940 г. Клейнман писал, что решение, которое выносится судом, должно соответствовать обстоятельствам дела, существовавшим в действительности, однако он включал данное требование в содержание принципа состязательности. Позднее, в 1954 г., он выделяет объективную истину уже в качестве самостоятельного принципа гражданского процесса. По его словам, «принцип объективной истины состоит в том, что суд при разбирательстве и разрешении дела должен ставить своей целью установить фактические обстоятельства, имевшие место в действительности, должен всемерно стремиться к выяснению действительных взаимоотношений сторон, а судебное решение должно основываться на достоверно

²⁶ Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учеб. для юрид. школ и курсов. С. 27, 28.

²⁷ См.: Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011.

установленных, т.е. доказанных обстоятельствах дела»²⁸. На наш взгляд, с учетом идеологических оснований советского процесса было бы правильнее говорить о *принципе процессуальной активности суда*, который, в свою очередь, есть одно из *средств установления объективной истины*. Впрочем, указанная терминологическая разница, как представляется, не является принципиальной.

Принцип объективной истины к моменту его выдвижения Клейнманом, по сути, уже был закреплен в вышеупомянутой ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г. Ее «преемником» в обновленном законодательстве стала получившая широкую известность ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г., в соответствии с которой суд был обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. Относительно процесса доказывания в ст. 50 ГПК РФСР было предусмотрено, что доказательства представляются прежде всего сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Однако если они недостаточны, суд был вправе собрать дополнительные доказательства по своей инициативе.

Важнейшим вопросом, как и в случае ГПК РСФСР 1923 г., является соотношение указанных норм с принципом состязательности. Здесь позиции разных отечественных исследователей расходятся. Некоторые однозначно характеризуют процесс по ГПК РСФСР 1964 г. как следственный, в то время как другие критикуют преувеличение роли следственных начал в этом ГПК. Так, Т.В. Сахнова обращает внимание на то, что ст. 14 ГПК РСФСР «на суд никогда законом не возлагалось обязанности по наполнению дела доказательствами – это всегда была прерогатива сторон в контексте реализации обязанности доказывания (но не обязанности представления доказательств – как в немецком процессе). Однако суд обязан был содействовать в реализации сторонами их процессуальных прав и обязанностей, но в пределах своих собственных функций, не заменяя полномочием их *officio* инициативы сторон»²⁹. По ее мнению, ч. 1 ст. 50 ГПК РСФСР демонстрирует, что в советском процессе сохранялось свойственное принципу состязательности разграничение функций суда и сторон.

Действительно, если исходить из буквального толкования ст. 50 ГПК РСФСР 1964 г., то активность суда носила субсидиарный характер по отношению к активности сторон (что мы и обосновывали выше в качестве критерия разграничения

²⁸ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: учеб. М., 1954. С. 55.

²⁹ Сахнова Т.В. Указ. соч.

социального состязательного и следственного типов процесса). Кроме того, в ГПК РСФСР 1964 г. появилась оговорка, которой не было в предыдущем Кодексе: суд обязан принимать все *предусмотренные законом* меры, т.е. в пределах тех полномочий, которые ему предоставлены законом (с учетом соотношения функций суда и сторон в доказывании). С.В. Лазарев также отмечает, что основной массив полномочий суда, вытекающих из принципа объективной истины, не содержал специфики по сравнению с обычным состязательным процессом. По его словам, «за исключением обязанности по обеспечению полноты материалов дела, указанные полномочия не содержат какой-то специфики. Их можно применить к судопроизводству любого периода развития цивилистического процессуального права, в том числе и к современному...»³⁰.

Тем не менее юридическая техника ГПК РСФСР все же вызывает определенные нарекания. Статья 50 ГПК РСФСР не ограничивала реализацию активных полномочий суда какими-либо условиями, кроме недостаточности представленных доказательств. Но очевидно, что недостаточность доказательств «может быть вызвана не только объективными причинами, но и простым нежеланием сторон быть активными в доказывании оснований своих требований и возражений»³¹. В свое время еще дореволюционный правовед А.Л. Боровиковский предельно лаконично выразил данную мысль: «Судья, отличай не желающего от не умеющего отстаивать свое право»³². Неизбирательный подход суда к восполнению пробелов в доказательственном материале, представленном сторонами, нарушает отрицательную обратную связь, приводя к «выученной беспомощности». Стороны процесса могут начать полностью полагаться на активную роль суда и не выполнять свою функцию в процессе доказывания. Представляется, что отчасти именно из-за этой не вполне определенной формулировки на практике принцип объективной истины толковался максимально расширительно³³. На чрезмерный характер активности советского суда, который не может быть обоснован целями

³⁰ Лазарев С.В. Указ. соч. С. 68.

³¹ Чистякова О.П. Указ. соч. С. 137.

³² Боровиковский А.Л. Указ. соч. С. 27.

³³ Нельзя игнорировать и то, какой смысл вкладывала в судебную защиту гражданских прав советская доктрина гражданского процесса. Ведущие ученые-правоведы, такие как А.Ф. Клейнман и М.А. Гурвич, придерживались позиции, что суд, осуществляя правосудие, выполняет свою обязанность перед государством, а не стороной, не только защищает субъективное право, но и охраняет объективное право и т.д. (см. подр.: Боннер А.Т. Избр. труды: в 7 т. Т. 3. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 2022. С. 77).

социализации процесса, указывали и некоторые советские ученые³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что гражданское судопроизводство советского периода (как по ГПК 1923 г., так и по ГПК 1964 г.) характеризовалось некоторой двойственностью. С одной стороны, законодательство продолжало основываться на принципах состязательности и диспозитивности (пускай они порой и понимались несколько своеобразно), а с другой — отдельные нормы и в целом реалии советского процесса все же свидетельствуют о том, что активность суда нередко была чрезмерной. Не в последнюю очередь это связано, конечно, и с идеологическими основаниями советского права, отличительной чертой которого было максимально широкое проникновение государства в частные дела граждан в сфере материального права (на что процессуальное право не могло не реагировать).

Социализация правосудия в Российской Федерации

Развитие гражданского процесса в России в постсоветский период было связано с усилением принципа состязательности, что неизбежно означало пересмотр роли суда в процессе. В ч. 3 ст. 123 Конституции РФ закреплено, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. С учетом этого Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ ст. 14 и 50 ГПК РСФСР 1964 г., содержание которых было рассмотрено выше, изложены в новой редакции. Так, в ст. 14 законодатель после долгого перерыва напрямую предусмотрел состязательность сторон в качестве принципа гражданского судопроизводства. В свою очередь, суд должен был лишь создавать необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, однако оказывать содействие сторонам в осуществлении их прав он был вправе в ограниченном числе прямо предусмотренных Кодексом случаев. Согласно ст. 50 доказательства теперь могли представляться лишь сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Суд был вправе лишь предложить им представить дополнительные доказательства и по ходатайству оказывал содействие в собирании доказательств, но только в тех случаях, когда сделать это было затруднительно.

В ГПК РФ 2002 г. в целом были отражены примерно те же веяния, связанные с либерализацией процесса. Сегодня главная задача суда, как отмечает В.М. Жуков, — «организовать такой процесс, в котором лицам, участвующим в деле, были бы созданы все условия для реализации ими

³⁴ См.: там же. С. 82, 83.

своих процессуальных прав и выполнения лежащих на них процессуальных обязанностей»³⁵. В таком виде судейское руководство сформулировано в ч. 2 ст. 12 ГПК РФ. Согласно ей, суд осуществляет руководство процессом и создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Важно подчеркнуть, что это именно *создание условий* для установления объективной истины, которое не предполагает самостоятельного сбора доказательств судом. Это подтверждает ст. 57 ГПК РФ, которая признает в качестве субъектов доказывания только лиц, участвующих в деле.

Вышеописанные изменения в законодательстве дали некоторым ученым основание говорить о переходе Российской Федерации к либеральной модели состязательного процесса (хотя, как правило, ее так не называли) и отказе законодателя от стремления к установлению в рамках судебного процесса объективной истины. Однако недопустимо приходить к таким выводам лишь на основе текстуального анализа положений ГПК РФ, которые закрепляют содержание принципа состязательности и правила доказывания. Следует помнить, что в соответствии со ст. 2 ГПК РФ главной задачей гражданского судопроизводства является *правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел*. В доктрине такой подход находил поддержку еще в дореволюционный период. Е.В. Васьковский писал, что «главное требование, которому должен удовлетворять исковой процесс, заключается в том, чтобы он обеспечивал постановление судами правильных решений»³⁶. Но для достижения данной цели суду, очевидно, необходимо установить действительные обстоятельства дела и затем отразить их в законном и обоснованном решении. Что это, если не стремление к объективной истины? Отличие только в том, что теперь оно закреплено не в качестве принципа, а в качестве задачи судопроизводства.

На значение судейского руководства для гражданского процесса обращал внимание и Верховный Суд РФ. В качестве примера можно привести п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»³⁷. Согласно ему судья обязан уже в стадии подготовки дела создать условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного

³⁵ Жуйков В.М. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Росс. юстиция. 2003. № 6.

³⁶ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 336.

³⁷ См.: Росс газ. 2008. 2 июля.

разрешения дела. Судья разъясняет, на ком лежит обязанность доказывания тех или иных обстоятельств, а также последствия непредставления доказательств. При этом судья должен выяснить, какими доказательствами стороны могут подтвердить свои утверждения, какие трудности имеются для представления доказательств, разъяснить, что по ходатайству сторон и других лиц, участвующих в деле, суд оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств. В данном случае мы также видим некоторое проявление процессуальной активности суда, его стремления к установлению действительных обстоятельств дела еще на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а затем и в рамках процесса доказывания (не случайно Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления отсылает к ст. 57 ГПК РФ, которая посвящена представлению и истребованию доказательств). Подобная активность суда, помимо прочего, необходима и для того, чтобы правосудие было предсказуемым, чтобы стороны понимали, как им следует выстраивать стратегию поведения в процессе.

С учетом вышесказанного мы склонны согласиться с теми учеными, которые продолжают рассматривать стремление суда к установлению объективной истины как неотъемлемую часть гражданского процесса. Современное процессуальное законодательство однозначно нацеливает суд на осуществление реальной, а не формальной судебной защиты, а также на реализацию конституционного права на судебную защиту. Другой вопрос – *как эта истина устанавливается в процессе*, какие инструменты вправе использовать законодатель, чтобы они не вступали в противоречие с конституционными принципами судопроизводства³⁸. Исторически наиболее действенным инструментом показал себя принцип состязательности. Как уже отмечалось выше, именно стороны как непосредственные участники материальных правоотношений могут с минимальными временными и денежными издержками определить подлежащие доказыванию фактические обстоятельства дела и, собственно, доказать их.

Таким образом, стремление к установлению объективной истины как таковое ни в коей мере не противоречит состязательности процесса. Однако еще Ф. Кляйн убедительно обосновал идею

³⁸ Как указывает А.Т. Боннер, в современных условиях «изменились метод или методы достижения истины в процессе... единственным путем к установлению действительных обстоятельств дела должна стать подлинная состязательность сторон в представлении и исследовании доказательств под руководством хотя и беспристрастного, но всемерно заинтересованного в установлении истины суда» (см.: Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел // Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы / под ред. Н.А. Громошиной. М., 2017. С. 54).

о том, что чистая состязательность, свойственная либеральному типу состязательного процесса, в некоторых случаях может оказаться препятствием на пути к истине. «Полагаться целиком на доказательственную деятельность сторон, — пишет О.П. Чистякова, — можно лишь в том случае, когда стороны равны не только в процессе, но и в жизни, т.е. равенство должно быть не только юридическим, но и фактическим»³⁹. Стороны должны быть не только равны в процессуальных правах, но и иметь равные способности по использованию процессуальных возможностей. Но очевидно, что на практике такое фактическое равенство является скорее недостижимым идеалом, нежели реальностью. С учетом этого иногда стороны в процессе ведут себя пассивно не потому, что не желают защищать свой интерес, а поскольку попросту не знают, на какие факты следует сослаться и какие доказательства представлять суду. Поэтому у суда должна быть возможность, сохраняя беспристрастность, направить процесс в правильное русло.

По нашему мнению, при анализе природы и направлений развития российского гражданского процесса необходимо также учитывать, что с принятием Конституции РФ 1993 г. получил конституционное закрепление *принцип социального государства*. В ч. 1 ст. 7 Конституции РФ его содержание сформулировано предельно абстрактно: политика России как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Примеры социальной защиты человека, которые содержатся в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, прямого отношения к процессуальному праву не имеют. Однако из предшествующего анализа становится понятным, что социализация государства и права не ограничивается признанием и защитой социально-экономических прав и т.п. В широком смысле социальное государство — это то государство, в котором во главу угла поставлен человек; государство, которое обеспечивает баланс публичных и частных интересов в правовой системе.

Так, Т.Я. Хабриева указывает, что «социальное государство... призвано... обеспечить такую социальную компенсацию, которая позволила бы исключить возникновение социальных конфликтов вследствие неравномерного распределения ресурсов, не допуская правовой, социальной, культурной изоляции определенных социальных групп»⁴⁰. По мнению Е.В. Киричека, при характеристике достойной жизни в рамках социального государства необходимо использовать расширительное

толкование данного понятия, включающее не только материальные, но и нематериальные блага⁴¹. Представляется, что к числу таких благ можно отнести и доступ к правосудию, возможность лица защитить принадлежащее ему право в судебном порядке. В этом смысле активность суда, которая компенсирует фактическое неравенство сторон процесса, также является проявлением принципа социального государства. Поэтому неслучайно кляйновскую модель имеют социальным типом гражданского процесса. Таким образом, на наш взгляд, в современной России существует не только потребность в социализации процесса, но и корреспондирующее ей конституционное требование.

Теперь следует проанализировать то, каким образом указанное конституционное требование получило воплощение в текущем законодательстве. Прежде всего отметим, что сегодня в России действует не только Гражданский процессуальный кодекс РФ, но и Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Соответственно, российское законодательство дифференцирует роль суда в зависимости от того, являются ли сторонами процесса обычные граждане, хозяйствующие субъекты или же частный субъект и орган, наделенный публично-властными полномочиями. А.В. Аргунов отмечает, что «процесс должен следовать выбору критерия распределения благ в материальном праве... Так, например, арбитражный процесс, по всей видимости, должен и реально в большей степени воплощает идею свободы, нежели гражданский процесс... Процесс по социально значимым делам, по всей видимости, должен находиться на противоположном спектре дилеммы свободы — равенство, т.е. дальше от свободы и ближе к равенству, что, в свою очередь, должно влечь большую степень активности суда в процессе в сравнении с процессом по экономическим спорам»⁴². Таким образом, активная роль суда прежде всего является безусловно необходимой в делах с социальной составляющей, где одна из сторон может быть признана слабой, социально незащищенной по отношению к другой, сильной стороне (потребительские, трудовые, семейные и т.п. споры). В.В. Ярков также соглашается с тем, что и пределы активности суда по установлению объективной истины зависят от категории дел: «Так, в делах, связанных с рассмотрением споров о детях, вряд ли можно говорить о классической состязательности, учитывая

³⁹ Чистякова О.П. Указ. соч. С. 130.

⁴⁰ Цит. по: Арановский К.В., Киязев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 85.

⁴¹ См.: Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России — социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7.

⁴² Аргунов А.В. Указ. соч.

необходимость повышенной правовой защиты несовершеннолетних лиц»⁴³.

Еще одна специфическая категория дел, на которую следует обратить особое внимание, – это дела, которые возникают из публичных правоотношений (но для которых законодатель, тем не менее, избрал исковую, цивилистическую форму процесса). Речь идет о делах, рассматриваемых по правилам КАС РФ. Как указано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами КАС РФ»⁴⁴, к административным делам по смыслу КАС РФ относятся дела, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Нормы КАС РФ стали наглядным примером того, каким образом можно удачно имплементировать в современный процесс нормы об активности суда таким образом, чтобы они не подрывали его состязательный характер. В первую очередь обращает на себя внимание формулировка принципа состязательности в КАС РФ. В ст. 6 КАС РФ он именуется «принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда». В ч. 2 ст. 14 КАС РФ за судом не только признаются полномочия по руководству судебным процессом и содействию сторонам в реализации ими своих процессуальных прав, но и предусмотрено, что суд принимает предусмотренные КАС РФ меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств. Н.А. Громошина выделяет три проявления активности суда в рамках ч. 2 ст. 14: «Во-первых, суд не только создает условия, но и принимает меры, предусмотренные Кодексом. Во-вторых, требуется всестороннее и полное установление всех фактических обстоятельств по административному делу. В-третьих, суд выявляет и истребует доказательства по собственной инициативе»⁴⁵. Пожалуй, именно возможность истребования доказательств не только по ходатайству сторон, но и по инициативе самого суда является самым ярким отличием КАС РФ от других процессуальных кодексов.

⁴³ Ярков В.В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4.

⁴⁴ См.: Росс. газ. 2016. 3 окт.

⁴⁵ Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4.

Происхождение анализируемых норм КАС РФ, которые можно условно рассматривать в качестве специальных по отношению к общим правилам ГПК РФ, объясняется довольно просто. Государство, которому оппонирует частное лицо в административном процессе, – это гигантская машина с огромными финансовыми ресурсами и аппаратом юристов с высоким уровнем подготовки, которая, к тому же, вправе применять принуждение к частным лицам, что по понятным причинам создает риск злоупотребления соответствующими полномочиями. Несспособность формального равенства обеспечить реальную состязательность и, как следствие, принятие правильного решения становится в данном случае настолько очевидной, что законодатель был вынужден предусмотреть своего рода «систему сдержек и противовесов» для процессуального равенства⁴⁶. При этом даже в административном процессе суд не должен становиться «представителем» той или иной стороны в процессе, выполняя инквизиционную функцию в отношении другой стороны. Его процессуальная активность, таким образом, все еще имеет субсидиарный характер.

Помимо анализа норм КАС РФ считаем важным более конкретно продемонстрировать проникновение социальных начал в ординарный гражданский процесс на примере некоторых правовых институтов. Их анализ также подтверждает, что социализация гражданского процесса связана не только с активной ролью суда и не только со стадией доказывания. Так, очевидным проявлением социализации процесса являются предусмотренные для некоторых категорий гражданских дел правила альтернативной подсудности. Речь идет о следующих категориях дел: дела о взыскании элементов и об установлении отцовства, о восстановлении пенсионных, жилищных, трудовых прав, о защите прав потребителей, а также иски о расторжении брака, если при истце находится несовершеннолетний или по состоянию здоровья выезд к месту жительства ответчика представляется для него затруднительным (ст. 29 ГПК РФ).

Соответствующие нормы предоставляют истцу возможность выбрать из нескольких судов тот, который будет для него удобнее с точки зрения территориального расположения. Если, например,

⁴⁶ Это особенно ярко проявляется даже не в вышеуказанных нормах, а в распределении бремени доказывания по делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, обладающих нормативными свойствами. Часть 2 ст. 62 КАС РФ закрепляет процессуальную презумпцию незаконности соответствующих актов: обязанность доказывания законности соответствующих актов, а также решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо.

потребитель уехал на непродолжительное время в отпуск в другой город и приобрел товар, который оказался некачественным, то для него было бы крайне неудобно в последующем предъявлять иск в суд по адресу организации. Это означало бы, что ему необходимо либо вновь совершить личный визит в другой город, либо найти в другом городе представителя; оба варианта могут быть связаны со значительными издержками. Поэтому в данном случае следует позитивно оценить закрепление законодателем дополнительных гарантий прав и свобод граждан.

Еще одним примером реализации социальных начал в гражданском процессе является *участие в гражданском деле прокурора или лица, выступающего в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица* (ст. 45–47 ГПК РФ). В исключительных случаях своим обращением в суд они могут восполнить отсутствие инициативы стороны материального правоотношения, а в некоторых других случаях – вступают в процесс для дачи заключения. В обоих случаях речь идет именно о реализации социальной функции гражданского процесса. Так, прокурор в рамках первой группы случаев защищает права социально уязвимых групп населения (которые не могут сами обратиться в суд по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и т.д.), в рамках второй – обеспечивает соствязательность по важнейшим социально значимым делам (которые затрагивают право на жилище, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, образование и т.д.) Причем когда речь идет о защите прав социально уязвимых лиц, прокурор может выступить в качестве процессуального истца без какого-либо уполномочивания со стороны того лица, чьи права он защищает.

Следует также обратить внимание на Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ, которым в ч. 5 ст. 52 АПК РФ были внесены изменения, предусматривающие возможность вступления прокурора в дело в целях обеспечения законности, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются жилищные права граждан. Д. Я. Малешин также указывает на позитивную роль новелл Федерального закона от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ, связанных с введением в российское право *института группового иска*. Он отмечает, что «подавать иск в защиту социально незащищенных групп лиц сможет теперь не только прокурор или орган государственной власти, но и любой заявитель, проявляющий активность в гражданском процессе. Поэтому институт группового иска можно рассматривать как гарантию социального государства»⁴⁷.

⁴⁷ Малешин Д. Я. Новеллы групповых исков // Журнал росс. права. 2020. № 5. С. 101.

Одна из характерных черт отечественного процесса, которая представляет собой некоторое отступление от принципа диспозитивности в сторону социализации, – *несвязанность суда правовым основанием иска*. Это означает, что неправильная юридическая квалификация истцом обстоятельств дела не должна влечь для него негативных последствий, поскольку правовую квалификацию *ex officio* осуществляет суд в силу принципа *jura novit curia* («суд знает право»). В настоящее время исследователи отмечают постоянно возрастающую сложность положений законодательства, в результате чего «язык даже самых простых законов сложнее языка произведений художественной литературы, даже самых сложных – классической немецкой философии»⁴⁸. В такой ситуации было бы несправедливо требовать точного знания и, что еще более важно, толкования применимых положений закона, в особенности от простых граждан. С учетом этого возможное незнание сторонами процесса правовых норм восполняется активностью суда как органа, который профессионально занимается применением права.

Несвязанность суда правовой квалификацией отношений сторон неоднократно подчеркивалась Верховным Судом РФ. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» установлено, что поскольку основанием иска являются фактические обстоятельства, то указание истцом конкретной правовой нормы в обоснование иска не является определяющим при решении судьей вопроса о том, каким законом следует руководствоваться при разрешении дела. Позднее в п. 9 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» было указано, что, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения, а также и для отказа в удовлетворении заявленного требования. В п. 25 постановления от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»⁴⁹ Пленум в очередной раз подтвердил, что даже в арбитражном процессе суд не связан правовой квалификацией правоотношений, предложенной лицами, участвующими в деле.

⁴⁸ Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Н. Л. Григорьева, А. В. Кнутов, С. М. Плаксин и др. М., 2020. С. 78.

⁴⁹ См.: Росс. газ. 2022. 14 янв.

* * *

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать вывод о том, что с конца XIX в. общепризнанным путем развития гражданского процесса в государствах континентальной Европы постепенно становится его социализация. Данный процесс был связан с недостатками либерального типа процесса, его неспособностью обеспечить должный уровень защиты прав социально уязвимых групп населения. По внешним признакам некоторые из начавшихся изменений выглядели как привнесение в процесс следственных начал, однако активность суда в социальном типе процесса носит субсидиарный характер, поскольку имеет своей целью лишь восполнение недостающей активности самих сторон (но не заменяет ее полностью). Даже отечественные ГПК 1923 и 1964 гг., несмотря на существенное изменение понимания принципов состязательности и диспозитивности под влиянием социалистической идеологии и концепта объективной истины А.Ф. Клейнмана, сохранили их в качестве общего правила и в этом смысле сохраняли связь с континентальным правом. Критика советских кодексов современными учеными нередко основывается на устаревших догматах либеральной модели, от которых отказались ведущие европейские правопорядки, и в силу этого не всегда является обоснованной.

Что касается текущего положения дел в Российской Федерации, то нами было продемонстрировано, что в настоящее время целый ряд институтов российского права воспроизводят логику социализации гражданского процесса. Отдельно следует еще раз отметить принятый в 2015 году КАС РФ, который основывается на классических принципах гражданского судопроизводства, но удачно модифицирует их с учетом специфики споров, вытекающих из публичных правоотношений. С учетом этого представляется, что текущее законодательное регулирование в целом заслуживает положительной оценки. Российскому законодателю удалось найти баланс между противоположными идеологическими полюсами, не подрывая фундамент процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков К.Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. О доказательствах. СПб., 1887. С. 17, 19.
2. Арановский К.В., Князев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 85.
3. Аргунов А.В. О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // СПС «КонсультантПлюс».
4. Боннер А.Т. Избр. труды: в 7 т. Т. 3. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 2022. С. 77, 82, 83.
5. Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел // Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы / под ред. Н.А. Громошиной. М., 2017. С. 54.
6. Боровиковский А.Л. Отчет судьи. Т. 3. Дела мужчины. СПб., 1909. С. 27, 30.
7. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. М., 2016. С. 336, 353, 444.
8. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 204.
9. Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4.
10. Жуков В.М. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Росс. юстиция. 2003. № 6.
11. Золотова О.И. Реформирование гражданского судопроизводства в России в конце XIX века: признаки социализации // Актуальные проблемы росс. права. 2014. № 6. С. 1033.
12. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 17, 18.
13. Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России – социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7.
14. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учеб. для юрид. школ и курсов. М., 1940. С. 26–28.
15. Клейнман А.Ф. Предмет науки советского гражданского процессуального права // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 61.
16. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: учеб. М., 1954. С. 55.
17. Котловская Я.С., Хлопаева М.Е. Историческое развитие некоторых принципов гражданского процессуального права советского периода и современной России // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12.
18. Лазарев С.В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 68, 76.
19. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.Н. Курскому: 17 мая 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.
20. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011.
21. Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков // Журнал росс. права. 2020. № 5. С. 101.
22. Сахнова Т.В. *Actio – litis contestatio – res iudicata – jus*: в контексте реформ континентального процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4.
23. Сахнова Т.В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.
24. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Н.Л. Григорьева, А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М., 2020. С. 78.

25. Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 40, 130.
26. Ярков В.В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннепа // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4.
27. Rechberger W.H. Die Ideen Franz Kleins und ihre Bedeutung für die Entwicklung des Zivilprozessrechts in Europa // Ritsumeikan Law Review. 2008. No. 25. P. 103.
28. Rhee van C.H. Civil Litigation in Twentieth Century Europe // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 2007. Vol. 75. No. 3. P. 309.
29. Števček M., Gábris T. The Recast Civil Procedure and Legacy of Franz Klein in the Slovak Republic // European Journal of Transformation Studies. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 108.

REFERENCES

1. Annenkov K.N. The experience of commentary on the Statute of civil proceedings. Vol. II. On evidence. St. Petersburg, 1887. Pp. 17, 19 (in Russ.).
2. Aranovsky K.V., Knyazev S.D., Khokhlov E.B. On human rights and social rights // Comparative Constitutional Review. 2012. No. 4. P. 85 (in Russ.).
3. Argunov A.V. On the relationship between political ideology and procedural law // SPS "ConsultantPlus" (in Russ.).
4. Bonner A.T. Selected works: in 7 vols. Vol. 3. Principles of Civil Procedural Law. Application of normative acts in Civil Proceedings. M., 2022. Pp. 77, 82, 83 (in Russ.).
5. Bonner A.T. Establishing the circumstances of civil cases // Civil process of modern Russia: problems and prospects / ed. by N.A. Gromoshina. M., 2017. P. 54 (in Russ.).
6. Borovikovsky A.L. Judge's report. Vol. 3. The affairs of the peasants. St. Petersburg, 1909. Pp. 27, 30 (in Russ.).
7. Vaskovsky E.V. Course of Civil Procedure. M., 2016. Pp. 336, 353, 444 (in Russ.).
8. Voronov A.F. Principles of Civil Procedure: past, present, future. M., 2009. P. 204 (in Russ.).
9. Gromoshina N.A. On the principle of court activity in administrative proceedings // Herald of Civil Procedure. 2019. No. 4 (in Russ.).
10. Zhuikov V.M. The principle of adversarial proceedings in civil proceedings // Ross. Justice. 2003. No. 6 (in Russ.).
11. Zolotova O.I. Reformation of civil procedure in Russia at the end of the XIX century: signs of socialization // Actual problems of Russ. law. 2014. No. 6. P. 1033 (in Russ.).
12. Karapetov A.G. Economic analysis of law. M., 2016. Pp. 17, 18 (in Russ.).
13. Kirichek E.V. Constitutional paradigm of a decent life in Russia – a social state // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 7 (in Russ.).
14. Kleinman A.F. Civil Procedure: textbook for law schools and courses. M., 1940. Pp. 26–28 (in Russ.).
15. Kleinman A.F. The subject of science of Soviet Civil Procedural Law // Soviet State and Law. 1940. No. 3. P. 61 (in Russ.).
16. Kleinman A.F. The Soviet Civil Process: textbook. M., 1954. P. 55 (in Russ.).
17. Kotlovskaya Ya. S., Khlopaeva M.E. The historical development of some principles of Civil Procedural Law of the Soviet period and modern Russia // Arbitration and Civil Procedure. 2006. No. 12 (in Russ.).
18. Lazarev S.V. Judicial management of the case in the civil process: theoretical problems: dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2024. Pp. 68, 76 (in Russ.).
19. Lenin V.I. On the tasks of the People's Commissariat of Justice in the context of the new economic policy. Letter to D.N. Kurksky: May 17, 1922 // Lenin V.I. The complete works. Vol. 44. P. 398 (in Russ.).
20. Maleshin D. Ya. Civil procedural system of Russia. M., 2011 (in Russ.).
21. Maleshin D. Ya. Novellas of class actions // Journal of Russ. law. 2020. No. 5. P. 101 (in Russ.).
22. Sakhnova T.V. Actio – litis contestatio – res iudicata – jus: in the context of reforms of the continental process // Arbitration and Civil Procedure. 2011. No. 4 (in Russ.).
23. Sakhnova T.V. On the unity of the Civil Process in the context of legislative reforms and historical experience // Herald of the Civil Procedure. 2023. No. 3 (in Russ.).
24. The complexity of Russian laws. The experience of syntactic analysis / N.L. Grigorieva, A.V. Knutov, S.M. Plaksin et al. M., 2020. P. 78 (in Russ.).
25. Chistyakova O.P. The problem of court activity in the civil procedure of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 1997. Pp. 40, 130 (in Russ.).
26. Yarkov V.V. The role of the court in establishing the circumstances of the case through the prism of research by Professor A.T. Bonner // Herald of Civil Procedure. 2022. No. 4 (in Russ.).
27. Rechberger W.H. Die Ideen Franz Kleins und ihre Bedeutung für die Entwicklung des Zivilprozessrechts in Europa // Ritsumeikan Law Review. 2008. No. 25. P. 103.
28. Rhee van C.H. Civil Litigation in Twentieth Century Europe // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 2007. Vol. 75. No. 3. P. 309.
29. Števček M., Gábris T. The Recast Civil Procedure and Legacy of Franz Klein in the Slovak Republic // European Journal of Transformation Studies. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 108.

Сведения об авторе

МОМОТОВ Виктор Викторович –
доктор юридических наук, профессор,
секретарь Пленума Верховного Суда РФ;
121260 г. Москва, ул. Поварская, д. 15, стр. 1

Authors' information

МОМОТОВ Victor V. –
Doctor of Law, Professor,
Secretary of the Plenum of the Supreme
Court of the Russian Federation;
15, bld. 1 Povarskaya str., 121260 Moscow, Russia

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ
ДЕТЬМИ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ:
РОССИЙСКИЕ ПРАКТИКИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

© 2024 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**, Е. А. Сорокина***,
В. И. Чехарина****

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

***E-mail: sorokina_ea@mail.ru

****E-mail: chekharina@mail.ru

Поступила в редакцию 24.08.2023 г.

Аннотация. Вовлеченность детей с миграционной историей в российскую систему образования – необходимое условие их интеграции в принимающее общество, будущей экономической и социальной успешности. Однако в школах обучается менее 20% детей-мигрантов, проживающих в нашей стране. В процессе обучения они сталкиваются с серьезными проблемами в связи с плохим знанием русского языка и пробелами в общеобразовательной подготовке, воспитанием в иной этнокультурной среде, часто отличающейся по своим ценностям и принятым правилам поведения. В России и зарубежных государствах реализуются разнообразные правовые и организационные меры, направленные на решение данных проблем и социальную адаптацию детей-мигрантов. Предметом настоящей статьи является анализ и обобщение наиболее эффективных практик.

Ключевые слова: право на образование, дети-мигранты, доступ к образованию, организация обучения, социальная адаптация, правовое регулирование, наилучшие практики.

Цитирование: Варламова Н.В., Васильева Т.А., Сорокина Е.А., Чехарина В.И. Реализация права на образование детьми с миграционной историей: российские практики и зарубежный опыт // Государство и право. 2024. № 7. С. 141–154.

DOI: 10.31857/S1026945224070124

REALIZATION OF THE RIGHT TO EDUCATION
BY CHILDREN WITH MIGRATION HISTORY:
RUSSIAN PRACTICES AND FOREIGN EXPERIENCE

© 2024 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**, E. A. Sorokina***,
V. I. Chekharina****

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

***E-mail: sorokina_ea@mail.ru

****E-mail: chekharina@mail.ru

Received 24.08.2023

Abstract. Involvement of children with migration history in the Russian education system is a necessary condition for their integration into the host society, their future economic and social success. Less than 20% of migrant children living in our country attend schools. But even their education causes serious problems due to poor knowledge of the Russian language, gaps in general education, and upbringing in a different ethno-cultural environment, often differing in its values and accepted rules of behavior. Russia and foreign states are implementing a variety of legal and organizational measures aimed at solving these problems and social adaptation of migrant children. The subject of this article is the analysis and generalization of the most effective practices.

Key words: right to education, migrant children, access to education, organization of education, social adaptation of migrant children, legal regulation, best practices.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A., Sorokina, E.A., Chekharina, V.I. (2024). Realization of the right to education by children with migration history: Russian practices and foreign experience// Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 141–154.

Введение

Активная межгосударственная миграция – значимый фактор, оказывающий влияние на жизнь едва ли не каждой страны и мирового сообщества в целом¹. Значительную часть международных мигрантов составляют дети: по данным ЮНИСЕФ в 2020 г. – 36 млн². Ситуация в России в целом аналогична общемировой: по состоянию на 2020 г. доля детей и подростков в возрасте до 17 лет в общем числе международных мигрантов составляла 21.6%, при этом с 2011 г. она возросла почти в два с половиной раза (с 8.9%)³.

С одной стороны, социальная адаптация детей к новым условиям жизни, по сравнению со взрослыми, является более легкой задачей и ведет к наиболее полной и успешной интеграции в принимающее общество, но с другой – именно дети испытывают наибольший психологический стресс от попадания в иноязычную и инокультурную среду, что следует учитывать при организации работы с ними.

Необходимое условие интеграции детей с миграционной историей⁴ в российское общество и их будущей экономи-

¹ В 2020 г. в мире насчитывалось около 281 млн международных мигрантов, что составляет 3.6% населения планеты; каждый 30-й человек на Земле является мигрантом (см.: International Organization for Migration. World migration report 2022 // IOM. UN Migration. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>) (дата обращения: 21.08.2023).

² См.: Child Migration. UNICEF. URL: <https://data.unicef.org/topic/child-migration-and-displacement/migration/> (дата обращения: 21.08.2023).

³ См.: Семья и дети в России. 2021: стат. сб. М., 2021. С. 67.

⁴ Данный термин представляется наиболее удачным для характеристики детей, нуждающихся в специальной поддержке для адаптации к российской системе образования, так как он охватывает детей с различным официальным статусом, в том числе и являющихся гражданами России, но происходящими из семей мигрантов. Исследователи отмечают, что серьезные образовательные проблемы из-за плохого знания русского языка испытывают и дети-россияне иностранного происхождения, и дети-россияне, переехавшие в другие регионы из национальных республик, прежде всего из сельской местности (см.: Полетаев Д.В. Адаптация и интеграция детей мигрантов на примере Москвы: науч.-практ. конф. Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России: сб. материалов. 15 ноября 2018 года г., Санкт-Петербург. СПб., 2018. С. 101). Определенная поддержка требуется даже приехавшим из других стран детям, знающим русский язык (см.: Троицкий К.Е. Всеобщее право не для каждого. Доступ к школьному образованию для детей беженцев и трудовых мигрантов в России. Доклад Комитета «Гражданское содействие». М., 2017. С. 8. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-o-dostupek-obrazovaniyu.pdf> (дата обращения: 21.08.2023)). В дальнейшем изложении термины «дети с миграционной историей», «дети-мигранты» и «дети

ческой и социальной успешности – вовлеченность в систему российского образования. Пока она охватывает далеко не всех детей-мигрантов. Так, по данным на 8 апреля 2021 г. в систему российского школьного образования было включено только 140 тыс. из 800 тыс. детей-мигрантов (17.5%)⁵.

Такие же проблемы существуют и в зарубежных государствах. В ЕС признается неблагоприятное положение детей-мигрантов в сфере образования⁶, подчеркивается необходимость эффективного равного доступа к качественному инклюзивному образованию для всех учащихся, включая учащихся из числа мигрантов⁷. При этом обеспечение доступа детей с миграционной историей к образованию рассматривается как часть защиты их прав⁸.

В процессе обучения детей-мигрантов работники российских образовательных учреждений сталкиваются с целым рядом проблем. Несмотря на то что большинство мигрантов приезжает в Россию из государств СНГ, дети, прибывшие к нам в последние десятилетия, по мнению экспертов, существенно отличаются от мигрантов предыдущих волн⁹. Они практически не владеют русским языком, воспитаны в этно-культурной среде, часто отличающейся от российской по своим ценностно-нормативным образцам¹⁰. Дети

из семей мигрантов» используются как синонимы, если различиями в их юридическом и социальном статусе можно пренебречь.

⁵ См.: В администрации президента рассказали, сколько детей мигрантов обучаются в школах России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11095469> (дата обращения: 21.08.2023).

⁶ См.: European Commission. Green Paper. Migration & mobility: challenges and opportunities for EU education systems. Brussels, 3.7.2008. Com (2008) 423 final // Publications Office of the European Union. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7a1f2071-3a01-4ced-aee9-dbf9310f6da3/language-en> (дата обращения: 30.03.2023).

⁷ Council of the European Union. Council Recommendation of 22 May 2018 on promoting common values, inclusive education and the European dimension of teaching (preamble, para 16) // OJ. C195. Vol. 61. 7 June 2018. Pp. 1–5.

⁸ См.: Devine D. Value'ing Children Differently? Migrant Children in Education // Children and Society. 2013. Vol. 27. Iss. 4. Pp. 282–294; Huttova J., Kalaycioglu E., Molokotos-Liederman L. The Education of Migrant Children. An NGO Guide to EU Policies and Actions. NY, 2010. P. 17.

⁹ По данным опроса, посвященного проблемам защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, который был проведен в г. Москве в 2017 г., из 529 мигрантов-родителей, приехавших из 21 страны мира, 15.8% составляли граждане Узбекистана, 15.2% – Таджикистана, 12.3% – Молдовы, 11.7% – Киргизстана, 10.8% – Афганистана (см.: Полетаев Д.В. Указ. соч. С. 98, 99, 107).

¹⁰ См.: Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Соц. исследования. 2013. № 2. С. 82.

с миграционной историей не представляют собой однородную социальную группу, но большую их часть объединяют две характеристики: принадлежность к этническим, языковым и (или) культурным меньшинствам и повышенный риск маргинализации и общей социальной неблагополучности из-за совокупности факторов социально-экономического и социально-психологического характера. Это необходимо учитывать при организации языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан¹¹.

В ходе опроса в г. Екатеринбурге 160 учителей и воспитателей детских дошкольных учреждений¹² респонденты указали на такие проблемы, как: плохое знание детьми-мигрантами русского языка (82.6%), их низкий уровень общей подготовки и невысокие показатели в учебе (70.1%), плохие знания или их полное отсутствие по отдельным предметам учебной программы (68.8%), незнание местных традиций и общепринятых правил поведения (39.1%), недостаточные представления учителей о национальных, религиозных и культурных традициях приезжих (43%), нежелание или невозможность из-за плохого знания русского языка родителей участвовать в образовательном процессе (45.2%), сложности в общении учителей с родителями учеников, в том числе в связи с незнанием родителями русского языка (50.9%).¹³

Представляется, что в ходе этого опроса были выявлены проблемы, имеющие общероссийское значение. Интеграция детей с миграционной историей в российское образовательное пространство предполагает обучение их русскому языку и восполнение пробелов в общеобразовательной подготовке, а также их общесоциальную адаптацию, усвоение социокультурных норм и практик общения региона проживания с одновременным обеспечением возможностей для сохранения своей этнической, языковой и религиозной идентичности. Условием успешного решения данных задач является поддержка педагогов, работающих с детьми-мигрантами, а также вовлечение в образовательный процесс родителей и других родственников, которым также нужна помощь в адаптации к российской образовательной среде.

В Российской Федерации на федеральном, региональном и муниципальном уровне реализуются разнообразные правовые и организационные меры, направленные на решение данных проблем. Интересный опыт по адаптации детей-мигрантов накоплен в зарубежных странах.

Правовые основания интеграции детей с миграционной историей в российское образовательное пространство

Право на образование закреплено во всех универсальных и региональных международных актах, направленных на защиту и продвижение прав человека¹⁴, и в конститу-

¹¹ См.: Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан (п. 2) (письмо Министерства просвещения РФ от 16.08.2021 № НН-202/07) // Администратор образования. 2021. № 22.

¹² Данные лица работали в общеобразовательных школах (56.9%), лицеях (6.9%), гимназиях (2.5%), детских садах (20.6%), других образовательных учреждениях (8.8%) Екатеринбурга и Свердловской области.

¹³ См.: Куприна Т.В. Обучение детей мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. Т. 9. С. 69.

¹⁴ Подробный анализ см.: Beiter K.D. The Protection of the Right to Education by International Law: Including a Systematic Analysis of Article 13 of the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights. Leiden; Boston, 2005.

циях подавляющего большинства стран мира. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.¹⁵ закрепляет право ребенка на образование (ст. 28, 29) и предусматривает меры, которые должны предпринимать государства-участники с целью постепенного достижения осуществления этого права на основе равных возможностей (ч. 1 ст. 28).

Всеобщность данного права подтверждена Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г.,¹⁶ которая, в частности, взыгает на государства-участники обязанность предоставлять иностранным гражданам, проживающим на их территории, такой же доступ к образованию, что и своим гражданам (п. «е» ст. 3), а также разрабатывать, развивать и проводить в жизнь общегосударственную политику, направленную на обеспечение равенства возможностей и отношения в области образования (ст. 4). Международная конвенция о защите прав всех трудающихся-мигрантов и членов их семей 18 декабря 1990 г.¹⁷ устанавливает, что ребенку трудащегося-мигранта не может быть отказано в посещении государственных дошкольных учебных заведений или школ либо ограничено их посещение по причине отсутствия постоянного статуса любого из его родителей или самого ребенка в государстве работы по найму (ст. 30).

В ноябре 2017 г. Комитет по защите прав всех трудающихся-мигрантов и членов их семей и Комитет по правам ребенка приняли два совместных замечания общего порядка, которые содержат разъяснения положений обеих конвенций и в равной мере применимы к участникам каждой из них¹⁸. Это самостоятельные документы, дополняющие друг друга и подлежащие совместному прочтению и осуществлению¹⁹.

Специалисты отмечают, что такие совместные акты являются редкой практикой договорных органов ООН в сфере защиты прав человека. В данном случае ситуация примечательна еще и тем, что государства – участники конвенций, на положениях которых они основываются, различны. Если к Конвенции о правах ребенка присоединились все государства – члены ООН, за исключением США, то Международную конвенцию о защите прав всех трудающихся-мигрантов и членов их семей ратифицировало только 51 государство, причем все они, кроме Аргентины, являются странами происхождения мигрантов, а не их приема и трудаустройства²⁰. Таким образом, принятие

¹⁵ См.: постановление Верховного Совета СССР от 13.06.1990 № 1559-1 «О ратификации Конвенции о правах ребенка» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 497.

¹⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.07.1962 № 254-VI «О ратификации Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования» // Ведомости ВС СССР. 1962. № 27, ст. 291.

¹⁷ Все документы ООН здесь и далее приводятся по: United Nations URL: <https://www.un.org/>, иное специально оговаривается.

¹⁸ См.: Joint general comment No. 3 (2017) of the Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families and No. 22 (2017) of the Committee on the Rights of the Child on the general principles regarding the human rights of children in the context of international migration. 16 November 2017. CMW/C/GC/3-CRC/C/GC/22 (Para. 4).

¹⁹ См.: Joint general comment No. 4 (2017) of the Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families and No. 23 (2017) of the Committee on the Rights of the Child on State obligations regarding the human rights of children in the context of international migration in countries of origin, transit, destination and return. 16 November 2017. CMW/C/GC/4-CRC/C/GC/23 (Para. 2).

²⁰ См.: Kiseleva E.V., Osipova M.N., Emelianova N. The Right to Education for Migrant Children in Light of the Latest General Comments by the UN Treaty Bodies // Proceedings of the 2018 2nd International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS2018). Paris, 2018. P. 1768.

совместных заключений позволяет распространить гарантии прав детей-мигрантов практически на все государства мира. В частности, они действуют и в отношении Российской Федерации.

Совместное замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав детей в контексте международной миграции, подтверждает позицию Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, выраженную в Заявлении от 13 марта 2017 г.,²¹ согласно которой защита от дискриминации не может зависеть от урегулированного правового статуса лица в принимающей стране, и что все дети, находящиеся в каком-либо государстве, в том числе не имеющие документов, удостоверяющих их личность, имеют право на получение образования (п. 6).

Комитеты подчеркнули, что препятствия, с которыми могут сталкиваться дети-мигранты при получении доступа к образованию могут отрицательно влиять на их физическое, психическое, духовное, моральное и социальное развитие (п. 40).

Совместное замечание общего порядка № 4 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 (2017) Комитета по правам ребенка об обязательствах государств в отношении прав детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита, назначения и возвращения содержит специальный разд. I, посвященный праву на образование и профессиональную подготовку. Комитеты подчеркнули, что государства должны принимать меры для обеспечения равного доступа к качественному и инклюзивному образованию всех детей-мигрантов независимо от их миграционного статуса. Дети-мигранты должны при необходимости иметь доступ к программам альтернативного обучения, сдавать экзамены в полном объеме и получать свидетельство о пройденном курсе обучения (п. 59).

Комитеты призвали государства незамедлительно изменить действующие правила и практику, не позволяющие детям-мигрантам, в частности детям, не имеющим документов, записываться в школы и другие учебные заведения. Кроме того, государства должны не допускать взаимодействия между учебными заведениями и иммиграционными властями и запретить представление данных об учащихся, а также операции по проверке миграционного режима в школах или вблизи них. Хотя доступ к образованию более высокого уровня не является обязательным, принцип недискриминации обязывает государства предоставлять его всем детям без какой-либо дискриминации на основании их миграционного статуса или по другим запрещенным основаниям (п. 60).

Государства должны принять надлежащие меры для признания уже имеющегося у детей-мигрантов образования путем подтверждения ранее полученных школьных аттестатов и/или выдачи новых свидетельств на основе оценки способностей и возможностей ребенка (п. 61).

Они обязаны ликвидировать любую дискриминацию в отношении детей-мигрантов в системе образования. По мере необходимости следует принимать адресные меры, включая организацию дополнительных занятий для

²¹ См.: Duties of States towards refugees and migrants under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Statement by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 13 March 2017. E/C.12/2017/1.

обучения языку страны пребывания, выделение дополнительного персонала и оказание межкультурной поддержки в иных формах. Государствам рекомендовано выделять специальных сотрудников для облегчения доступа к образованию для детей-мигрантов и содействовать их интеграции в систему школьного образования. Они должны принимать меры с целью запрещения и предотвращения какой бы то ни было сегрегации в сфере образования для обеспечения того, чтобы дети-мигранты учили язык страны пребывания как действенный инструмент интеграции. Государственные программы должны предусматривать организацию обучения в раннем детстве, а также оказание психолого-социальной поддержки. Необходимо обеспечивать возможности повышения квалификации учителей и обучения детей социальным навыкам (п. 62).

Конституция РФ провозглашает, что каждый имеет право на образование, подчеркивая таким образом его принадлежность не только гражданам страны, но и всем находящимся на ее территории (ст. 43).

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»²² устанавливает, что иностранные граждане обладают равными с гражданами Российской Федерации правами на получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, а также профессионального обучения по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих в пределах освоения образовательной программы среднего общего образования на обще доступной и бесплатной основе (ч. 2 ст. 78). В соответствии с Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»²³ лицо, признанное беженцем, и прибывшие с ним члены его семьи имеют право на получение содействия в устройстве детей в государственные или муниципальные дошкольные образовательные организации и общеобразовательные организации, профессиональные образовательные организации и образовательные организации высшего образования наравне с гражданами Российской Федерации, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации (п/п. 11 п. 1 ст. 8).

Вместе с тем в России вопросы обеспечения особых образовательных потребностей детей-мигрантов не урегулированы на законодательном уровне. Отсутствует и общая концепция языковой, социально-психологической и социально-культурной адаптации детей из семей иноэтнических мигрантов. В частности, эти вопросы никак не затрагиваются в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.²⁴, не упоминаются они и среди приоритетов, целей и задач государственной политики в сфере реализации государственной программы «Развитие образования»²⁵ и Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 г.²⁶

²² См.: С3 РФ.2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

²³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12, ст. 425.

²⁴ См.: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // С3 РФ. 2018. № 45, ст. 6917.

²⁵ См.: постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // С3 РФ. 2018. № 1 (ч. II), ст. 375.

²⁶ См.: распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 678-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 4 сентября 2014 г. № 1726-р» (вместе с «Концепцией развития дополнительного образования детей до 2030 года») // С3 РФ. 2022. № 15, ст. 2534.

Отдельные аспекты отношений, связанных с интеграцией детей с миграционной историей в российскую систему образования, регламентируются рекомендательными актами профильного министерства.

Письмом Министерства общего и профессионального образования РФ от 7 мая 1999 г. № 682/11-12 утверждены Рекомендации по организации обучения детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации²⁷. С момента издания данного письма прошло более 20 лет и система организации школьного образования во многом изменилась, но Рекомендации продолжают действовать, и многие из их положений сохраняют свою актуальность.

Более конкретные и развернутые рекомендации в целом по тем же направлениям деятельности содержатся в Методических рекомендациях органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан (письмо Министерства просвещения РФ от 16.08.2021 № НН-202/07). Были разработаны также Методические рекомендации об организации работы общеобразовательных организаций по оценке уровня языковой подготовки обучающихся несовершеннолетних иностранных граждан (письмо Министерства просвещения РФ от 06.05.2022 № ДГ-1050/07 «О направлении методических рекомендаций»²⁸), содержащие принципы и методики организации языковой диагностики и примеры диагностических материалов, модели организации дополнительной языковой подготовки, список учебных пособий и литературы для подготовки к урокам с использованием методики преподавания русского языка как иностранного.

Рекомендации Министерства просвещения РФ предусматривают учет индивидуальных образовательных потребностей ребенка, уважение и сохранение его национально-культурной и религиозной идентичности, в целом соответствуют международным стандартам и лучшим образцам зарубежной практики, однако реализация их положений в силу рекомендательного характера зависит от региональных и муниципальных властей, а также администрации образовательных организаций.

На региональном уровне необходимость мероприятий по организации обучения детей-мигрантов русскому языку и их социокультурной адаптации в стране предусматривается в документах программного характера, направленных на определение приоритетов социально-экономического развития²⁹, образования и воспитания³⁰, миграционной политики³¹. Аналогичные акты принимаются и на муни-

²⁷ См.: Вестник образования. 1999. № 9; Официальные документы в образовании. 1999. № 24.

²⁸ В официальных источниках опубликовано не было.

²⁹ См., напр.: постановление Правительства Калужской области от 15.12.2022 № 970 «О Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2040 года» (стратегическая инициатива 5 разд. 6) // Весть – Собрание нормативных правовых актов органов государственной власти Калужской области. 2022. № 51.

³⁰ См., напр.: постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 16.09.2013 № 95-п «Об утверждении Концепции развития поликультурного образования в Республике Хакасия» (п. 3.4) // В официальных источниках опубликовано не было.

³¹ См., напр.: распоряжение Правительства Белгородской области от 02.12.2013 № 594-рп «Об утверждении Концепции миграционной политики Белгородской области на период до 2025 года» (п. 3.4–3.6) // В официальных источниках опубликовано не было.

ципальном уровне³². При этом только в некоторых субъектах Федерации и муниципалитетах разрабатываются акты, непосредственно имеющие своим предметом регулирование отношений по интеграции детей с миграционной историей в российскую систему образования и принимающее общество³³.

Представляется, что надлежащее овладение детьми с миграционной историей русским языком и их успешная адаптация в нашей стране имеет большое значение для консолидации российского общества, что образует важную составляющую обеспечения национальной безопасности. В связи с этим основные вопросы, связанные с интеграцией детей-мигрантов в российскую систему образования, должны быть урегулированы на законодательном уровне путем внесения необходимых дополнений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Наличие в законах и иных нормативных правовых актах об образовании специальных положений, направленных на удовлетворение особых потребностей детей-мигрантов, характерно для многих стран. Например, в Швеции в Закон об образовании³⁴ в 2016 г. были внесены изменения на основе подготовленного Министерством образования Предложения 2014/15:45 «Образование новоприбывших учеников – прием и обучение»³⁵. Специальная глава об организации обучения детей, прибывающих из-за рубежа, включена в 2016 г. в польский Закон об образовании (гл. 7)³⁶. В ней, в частности, предусматривается, что министр, отвечающий за школьное образование, после консультации с министром, курирующим вопросы культуры и охраны национального наследия, своим постановлением определяет: (1) условия и порядок приема в государственные учреждения дошкольного образования, школы, учебные заведения лиц, не являющихся гражданами Польши, и польских граждан, посещавших школы в других странах, виды документов, подтверждающих уровень образования и здоровья этих лиц, и способы определения их готовности к обучению в соответствующем классе или семестре; (2) условия создания, организации и функционирования подготовительных классов для лиц, не владеющих польским языком или знающих его на уровне, недостаточном для получения

³² См., напр.: постановление администрации Сампурского района Тамбовской области от 17.12.2021 № 680 «Об утверждении Программы развития воспитания в Сампурском районе на период до 2025 года» (направление 3 п. 3) // Официальный вестник Сампурского района Тамбовской области. 2021. № 10.

³³ См., напр.: письмо Министерства образования и науки Пермского края от 07.04.2015 № СЭД-26-01-21-527 «О направлении методических рекомендаций по обучению детей-мигрантов» // Официальных источниках опубликовано не было; приказ Министерства образования и науки Республики Ингушетия от 27.05.2022 № 328-п/а «Об утверждении плана мероприятий по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования, на период до 2025 года» // В официальных источниках опубликован не был.

³⁴ См.: Skollag (2010:800) // Sveriges Riksdag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfatningssamling/skollag-2010800_sfs-2010-800 (дата обращения: 21.08.2023).

³⁵ См.: Regeringens proposition 2014/15:45 “Utbildning för nyanlända elever – mottagande och skolgång” // Regeringskansliet. URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/493eacd6499d4701855e4bcfd0c5dfcd/utbildning-for-nyanlunda-elever-mottagande-och-skolgang-prop.-20141545> (дата обращения: 21.08.2023).

³⁶ См.: Ustawa z 14 grudnia 2016 r. Prawo oświatowe (tekst jedn.) // Dziennik Ustaw RP. 2021. Poz. 1082.

образования; (3) порядок организации дополнительного изучения польского языка и дополнительных компенсационных занятий, а также организации изучения учащимися языка и культуры страны происхождения с учетом количества учебных часов и минимального числа лиц, для которых организуется изучение языка и культуры страны происхождения (ч. 16 ст. 165).

Испанское законодательство рассматривает детей беженцев и ищущих убежища как лиц с особыми образовательными потребностями, имеющими право на доступ к специальным программам обучения³⁷. Вопросы, связанные с защитой прав несовершеннолетних и управлением системами образования, регламентируются на региональном уровне. Например, в Каталонии законодательство предусматривает создание специальных классов для детей-мигрантов, обучение их каталонскому языку и поддержку школ, реализующих такие меры³⁸.

В Греции с 1985 г. действует законодательство³⁹, в соответствии с которым на всей территории страны создаются межкультурные школы. Программы и занятия, предлагаемые в них, разработаны с учетом специфических потребностей детей, в частности, мигрантов, беженцев, лиц, ищущих убежища.

Во Франции циркуляр Министерства образования 2012 г. определяет порядок приема и обучения учащихся иностранного происхождения. Циркуляр предусматривает создание единой системы обучения (UPÉ2A), в рамках которой такие учащиеся включаются в обычные классы, однако для них организуются специальные ежедневные занятия для обучения французскому языку в течении определенного времени, которое определяется с учетом их потребностей⁴⁰.

Во многих европейских государствах принято т.н. интеграционное законодательство, направленное на облегчение адаптации мигрантов в принимающем обществе, в котором, как правило, учитываются и особые потребности детей из семей мигрантов. Например, в Финляндии Закон о содействии интеграции иммигрантов 2010 г.⁴¹ предусматривает разработку для мигранта индивидуального интеграционного плана (§ 11–14). При этом муниципалитеты могут разрабатывать интеграционные планы и для несовершеннолетних совместно с самим ребенком и его родителями или опекуном/представителем (§ 15). Такой план согласовывается с интеграционным планом для семьи, который составляется с учетом общей ситуации в семье, необходимости родительского воспитания, поддерживающего и направляющего развитие ребенка, а также потребности самих родителей в поддержке и обучении (§ 16).

³⁷ См.: The Status of the Right to Education of Migrants: International Legal Framework, Remaining Barriers at National Level and Good Examples of States' Implementation // UNESCO. Global Education Monitoring Report, 2019. P. 53. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265927> (дата обращения: 21.08.2023).

³⁸ См.: Ley 10/2010, de 7 de mayo, de acogida de las personas inmigradas y de las regresadas a Cataluña // DOGC núm. 5629 de 14 de Mayo de 2010; BOE núm. 139 de 08 de Junio de 2010.

³⁹ См.: Greek Law No. 1566/1985 “Structure and operation of primary and secondary education and other provisions” // Government Gazette. No. 167. 30.09.1985. Issue ‘A’; Law No. 2413/1996 “Greek education abroad, intercultural education, and other provisions”// Government Gazette No. 124. 14.06.1996. Iss. ‘A’.

⁴⁰ См.: Organisation de la scolarité des élèves allophones nouvellement arrivés. Circulaire n° 2012-141 du 2 du octobre 2012. URL: <https://www.education.gouv.fr/bo/12/Hebdo37/MENE1234231C.htm> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴¹ См.: The Act on the Promotion of Immigrant Integration (1386/2010) // Finlex. URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2010/en20101386> (дата обращения: 21.08.2023).

В России Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁴² и Федеральный закон «О беженцах» мер по социальной интеграции мигрантов не предусматривают. По мнению специалистов, отсутствие в России сформированной модели интеграции мигрантов осложняет работу с обучающимися в российских образовательных организациях детьми с миграционной историей⁴³.

Организация обучения детей с миграционной историей

Международные стандарты, законодательство и практика большинства стран предусматривают, что дети-мигранты должны сразу по прибытии получить доступ к образованию без задержек и независимо от их статуса и статуса их родителей⁴⁴.

В Российской Федерации в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию может быть отказано только по причине отсутствия в ней свободных мест (ч. 4 ст. 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Вместе с тем п. 26 Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования⁴⁵ устанавливает, что родители или законные представители ребенка, являющегося иностранным гражданином или лицом без гражданства, должны предъявить документ, подтверждающий право ребенка на пребывание в Российской Федерации⁴⁶. Исследователи отмечают, что родители с неурегулированным статусом боятся обращаться с заявлениями о приеме ребенка в школу и тем более оспаривать отказ, поскольку это может иметь для них неблагоприятные последствия вплоть до выдворения из страны⁴⁷.

Доля детей с миграционной историей среди учащихся школ в России относительно невелика и составляет около 0,7%⁴⁸. Однако они неравномерно распределены по регио-

⁴² См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3032.

⁴³ См.: Плогина И.В. Правовые средства адаптации иностранных граждан, обучающихся в Российской Федерации // Ежегодник росс. образовательного законодательства. 2021. Т. 16. № 21. С. 109.

⁴⁴ См.: Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe: National Policies and Measures. P. 19.

⁴⁵ Утверждены приказом Министерства просвещения РФ от 02.09.2020 № 458 (зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ 11.09.2020 № 59783) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.09.2020.

⁴⁶ Такие положения содержались в и действовавшем ранее Порядке приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, утвержденном приказом Министерства образования и науки РФ от 22.01.2014 № 32 (см.: Росс. газ. 2014. 11 апр.). Верховный Суд РФ, рассматривая дело о признании частично недействующими абз. 11 и 13 п. 9 данного акта, указал, что эти нормативные положения по своему смыслу не предполагают отказа в приеме в образовательную организацию ребенка, законно находящегося с одним из родителей (законных представителей) в Российской Федерации (см.: Верховный Суд РФ. Дело № АКПИ15-694. Решение от 27.08.2015 г. URL: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1367310 (дата обращения: 21.08.2023)).

⁴⁷ См.: Троицкий К.Е. Всеобщее право не для каждого. С. 59, 60.

⁴⁸ По данным Министерства просвещения РФ, в российских школах учится более 15 млн человек, из них более 100 тыс. детей – граждане иностранных государств (см.: Рудашевская О. «Для детей мигрантов все, что учитель говорит на уроке, звучит как шум дождя». Интервью с филологом Маргаритой Русецкой – членом Совета по русскому языку при Правительстве РФ // Газета.ru. 2022. 25 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/family/2022/05/25/14898422.shtml?updated> (дата обращения: 21.08.2023)).

нам и школам. Президент РФ в марте 2021 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям указал на необходимость поддержания оптимального соотношения детей-мигрантов и детей из российских семей в образовательных учреждениях: «Количество детей мигрантов в наших школах должно быть таким, чтобы это позволяло не формально, а фактически глубоко адаптировать их к российской языковой и культурной среде, чтобы они могли погружаться в систему российских ценностей»⁴⁹.

В связи с этим встает задача экспертного научно-обоснованного определения такого соотношения с учетом региональной специфики, а также стран происхождения детей-мигрантов, исходного уровня владения языком и интегрированности в российскую культуру. В Докладе о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2021 г. отмечалось, что, по мнению специалистов-социологов, бесконфликтная среда будет сохраняться, если детей иностранцев в школе будет не более 50% от общего числа обучающихся⁵⁰. Другие специалисты не считают такое соотношение оптимальным. Президент Федерации мигрантов России В. Коженов отметил, что дети-мигранты прекрасно адаптируются, если составляют не более 10% учащихся в классе. В связи с этим он предложил ввести квоты для детей-иностранных в российских школах⁵¹. Рабочая группа Министерства просвещения по организации адаптации детей-мигрантов к российской системе образования исходит из того, что если в школе 3% детей, не знающих русский язык, то она должна относиться к учреждениям с высокой концентрацией детей-инофонов. При этом существенно не только количество таких детей в школе, но и их концентрация в классе⁵². Данная проблема требует дальнейшего изучения, а реализация предложенных подходов предполагает внесение необходимых корректировок в правила зачисления в общеобразовательные учреждения.

Эта проблема актуальна и для других стран. В Дании специалисты также выступают за уменьшение количества детей-мигрантов в классе, поскольку это позволяет уделять больше внимания каждому ребенку в процессе обучения⁵³. В Польше считают, что небольшое число иностранных учащихся в классах способствует их лучшей интеграции: если в классе мало иностранцев, они начинают взаимодействовать не только между собой, но и с польскими учениками⁵⁴.

Шведские исследователи отмечают, что т.н. гиперсегрегированные школы, т.е. школы, в которых подавляющее большинство учеников имеют миграционную историю и низкий социально-экономический статус, ощутимо отстают по своим показателям, несмотря на предпринимаемые

⁴⁹ Путин В.В.: Доля детей мигрантов в школах должна позволять адаптировать их к среде // ТАСС. 2021. 30 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028815> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵⁰ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2021 г. С. 419. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/August2022/OucV7OrXsDXYb6xBrHFF.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵¹ См.: Коженов предложил изменить систему образования для детей мигрантов в России // Sputnik Таджикистан. 09.02.2022. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220209/obrazovanie-deti-migranty-russia-1045678717.html> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵² См.: Рудашевская О. Указ. соч.

⁵³ См.: Educational Community and School Systems: Denmark. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2019. P. 20.

⁵⁴ См.: Buland A., Kościółek J., Majcher-Legawiec U. Educational Community and School Systems: Poland. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2019. P. 21.

муниципалитетами меры по их финансовой и организационной поддержке. При этом существует общее понимание того, что плохие результаты, демонстрируемые детьми мигрантов в таких школах, определяются недостатком их общения со своими сверстниками – этническими шведами, что затрудняет их интеграцию в местное общество и культуру, приобретение необходимых языковых навыков. Вместе с тем проблемы гиперсегрегированных школ имеют глубокие социально-географические корни; они расположены «в стигматизированных районах» массового расселения мигрантов, где сложно привлечь иной контингент учащихся⁵⁵.

При этом следует учитывать, что обучение детей-мигрантов порождает определенные сложности для школ, поскольку приводит к снижению их общих рейтинговых показателей и требует дополнительных профессиональных навыков для педагогических и административных кадров⁵⁶. В связи с этим необходима корректировка методик оценки показателей школ и их потребностей в финансировании. Например, в Австрии ребенку-мигранту на срок до двух лет может присваиваться статус «необыкновенного ученика» (*„außerordentliche SchülerInnen“*), если учителя считают, что он недостаточно хорошо знает немецкий язык, и для поддержки таких детей школы получают дополнительное финансирование⁵⁷.

Министерство просвещения РФ не рекомендует включать образовательные результаты детей с миграционной историей в общую оценку уровня эффективности деятельности общеобразовательной организации. Возможным подходом является оценка эффективности деятельности образовательной организации по динамике образовательных результатов детей-мигрантов путем сравнения итогов входной (в начале года) и итоговой (в конце учебного года) диагностики⁵⁸.

Знание языка страны пребывания детьми из семей мигрантов является первым и необходимым условием освоения ими образовательных программ различного уровня и в целом успешной социальной адаптации в принимающем обществе. Уровень знания языка может быть фактором, ограничивающим возможность формирования социальных связей с принимающим обществом⁵⁹. «Существование на языке общества», в которое человек мигрирует, может способствовать тому, что он будет находиться в уязвимом положении из-за возникающих сложностей со словарным запасом и грамматикой, а также из-за того, что говорит с иностранным акцентом⁶⁰. Так, в евро-

⁵⁵ См.: Osman A., Lund S. Local School Desegregation Practices in Sweden // Education Sciences. 2022. Vol. 12. Iss. 8. Pp. 1, 2, 13, 14.

⁵⁶ См.: Трудненко Д.А. К вопросу о перспективе обучения детей-мигрантов русскому языку при помощи технологии работы в сотрудничестве // Развитие современной науки: опыт теоретического и эмпирического анализа: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф.. Петрозаводск, 2022. С. 130–136.

⁵⁷ См.: Educational Community and School Systems: Austria. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2019. P. 15.

⁵⁸ См.: Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан (письмо Министерства просвещения РФ от 16.08.2021 № НН-202/07) (п. 7).

⁵⁹ См.: Heisler B.S. The Sociology of Immigration: From Assimilation to Segmented Integration // Migration Theory: Talking Across Disciplines / ed. by C. B. Brettell, J. F. Hollifield. NY; London, 2000. P. 83.

⁶⁰ См.: Szymczyk A., Popan C., Arun S. Othering through Language: English as an Additional Language in England's Educational Policy and Practice // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2022. Vol. 22. Iss. 2. Pp. 117–131.

пейских странах дети из семей иммигрантов из-за плохого знания языка часто учатся в классах более низкого уровня, чем соответствует их возрасту, имеют более низкую успеваемость по сравнению с учащимися из принимающей страны, составляют значительную долю выпускников, которые не сдали выпускные экзамены⁶¹.

Изучение языка – достаточно длительный процесс. В частности, для развития навыков устной речи требуется от трех до шести лет, а для овладения языком на уровне академических компетенций – от четырех до семи лет⁶².

Для определения образовательной стратегии каждого ребенка большое значение имеет первичная оценка знаний языка принимающего государства. В Дании, например, она осуществляется на стадии ранней подготовке к школе в возрасте трех лет. Дети, испытывающие особые трудности, проходят курс стимулирования языковой подготовки в детских садах. С теми, кто не ходит в сад, проводятся занятия в объеме 15 часов в неделю. Впоследствии это упрощает задачи школьного обучения⁶³.

В ФРГ Закон Нижней Саксонии «О школьном образовании» 1998 г.⁶⁴ предусматривает, что начальные школы обязаны в течение учебного года, предшествующего поступлению в школу, принять меры по обеспечению языковой поддержки детей, чьи знания немецкого языка недостаточны для успешного посещения занятий (п. 3 § 64, п. 1 § 71). В России также выдвигаются предложения ввести дошкольную подготовку для детей мигрантов, которая поможет им изучить русский язык до поступления в школу, чтобы они испытывали меньше проблем с самого начала обучения⁶⁵.

Методические рекомендации об организации работы общеобразовательных организаций по оценке уровня языковой подготовки обучающихся несовершеннолетних иностранных граждан (письмо Министерства просвещения РФ от 06.05.2022 № ДГ-1050/07) рассчитаны на проверку языковой компетенции детей младшего школьного возраста, аналогичные рекомендации и методики необходимо подготовить для оценки уровня владения русским языком подростков-мигрантов, поступающих в российские образовательные учреждения. Для выстраивания образовательной траектории подростков необходимо также выявить и их базовые знания по другим предметам школьной программы⁶⁶.

⁶¹ См.: *Education and Migration Strategies for Integrating Migrant Children in European Schools and Societies*. Friedrich Heckmann. NESSE Report, 2008. URL: <https://nesetweb.eu/en/resources/library/education-and-migration-strategies-for-integrating-migrant-children-in-european-schools-and-societies/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁶² См.: *Cummins J. Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire*. Clevedon, 2006. P. 35.

⁶³ См.: *Siarova H., Essomba M.Á. Language Support for Youth with a Migrant Background. Policies that Effectively Promote Inclusion* // Sirius Network Policy Brief Series. 2014. Iss. 4. P. 2.

⁶⁴ См.: *Niedersächsisches Schulgesetz (NSchG)*. In der Fassung vom 3 März1998 (Nds. GVBl. S. 137) // Justiz-online. URL: http://www.lexsoft.de/cgi-bin/lexsoft/justizportal_nrw.cgi?xid%20=173129,1 (дата обращения: 21.08.2023).

⁶⁵ См.: Коженов предложил изменить систему образования для детей мигрантов в России.

⁶⁶ В Рекомендациях по организации обучения детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации (письмо Министерства общего и профессионального образования РФ от 07.05.1999 № 682/11-12) отмечается, что для поступающих в 5–7 классы целесообразно определить уровень их знаний по русскому языку и математике, а в 8–10 классы – по русскому языку, математике, физике, химии с тем, чтобы определить

Опрос, проведенный в г. Москве в 2017 г. Центром миграционных исследований по заказу Уполномоченного по правам человека г. Москвы, показал, что во многих школах детей мигрантов принимают в школу с потерей одного – двух классов в связи с плохим знанием русского языка или несоответствия знаний ребенка школьным требованиям, в том числе в связи с различиями в школьных программах в стране происхождения и пребывания. У 12% родителей дети учатся в классах, не соответствующих возрасту. Наиболее высока доля таких детей среди мигрантов из Сирии (45%), Киргизстана (23%), Узбекистана (16%), Таджикистана (15%) и Афганистана (11%)⁶⁷. Специалисты также отмечают, что до сих пор нерешенным остается вопрос, что целесообразнее определение детей в классы в соответствии с их возрастом или уровнем подготовки⁶⁸.

При этом социологи подчеркивают особые потребности представителей так называемого полуторного поколения детей-мигрантов, которые приехали в Россию в относительно взрослом возрасте и сохраняют память о стране происхождения, ее укладе, нормах поведения и традициях. В 2012 г. было проведено исследование адаптации и интеграции таких детей в школах Астрахани и Самары, в ходе которого были опрошены 314 старшеклассников – детей мигрантов из Средней Азии и Азербайджана в возрасте от 14 до 18 лет, приехавших в Россию в возрасте от семи до 15 лет; 71,2% из них имели российское гражданство, остальные рассчитывали его получить. Большинство опрошенных жили в России в среднем около семи лет, 51% ранее учились в школах государства происхождения. До приезда в Россию лишь 17% опрошенных хорошо знали русский язык, 52% знали язык неплохо, 30% не знали русский язык. Дети, приехавшие из сельской местности, испытывали большие проблемы, чем городские дети, в освоении русского языка (82% против 52%) и в учебе в целом (78% против 52%)⁶⁹.

В литературе обращается внимание на необходимость вариативности правовой регламентации обучения детей русскому языку, поскольку в настоящее время учителя не могут отступать от требований Федеральных государственных образовательных стандартов, которые разработаны для русскоязычных детей и не учитывают специфику обучения детей с миграционной историей⁷⁰. Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан (письмо Министерства просвещения РФ от 16.08.2021 № НН-202/07), предусматривают возможности (1) интенсивного обучения языку

возможность их обучения в соответствующем классе. При этом необходимо учитывать, что адекватно определить уровень знаний этих предметов может мешать слабое владение подростком русским языком. Для разработки соответствующих методик и пособий может быть полезен опыт вузов, где обучается значительное количество иностранных студентов и имеются хорошие традиции преподавания русского языка как иностранного.

⁶⁷ См.: *Полетаев Д.В.* Указ. соч. С. 100.

⁶⁸ См.: *Антонова Л.Н., Боярская С.П., Черникова И.И.* Обучение и интеграция детей-мигрантов в социум // *Academica*. Педагогический журнал Подмосковья. 2018. № 4. С. 4.

⁶⁹ См.: *Мукомель В.И.* Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение»*. 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–195, 202.

⁷⁰ См.: *Железнякова Е.* Краткосрочное обучение детей мигрантов русскому языку как неродному: опыт Ленинградской области // *Альманах «ЭТНОДИАЛОГИЯ»*. 2017. № 2 (53). С. 133.

в течение года в отдельной группе, после чего дети включаются в общий образовательный процесс; (2) сочетание занятий в обычном классе с дополнительными занятиями по русскому языку и возможностью организации обучения по индивидуальному плану; (3) обучение в обычном классе (полное погружение в новую языковую и культурную среду) с возможностью получения периодических консультаций. При этом выбор модели языковой адаптации зависит от возраста детей-мигрантов, их уровня владения языком и численности в классе (п. 4.2).

На практике реализуются три формы языковой адаптации детей-инофонов – индивидуальные или групповые дополнительные занятия⁷¹; создание специальных (экспериментальных) классов из детей мигрантов⁷² и направление детей мигрантов в классы коррекции⁷³. В субъектах Российской Федерации, где есть образовательные учреждения с этнокультурным компонентом, в которых русский язык преподается как неродной, изучение русского языка детьми-мигрантами может быть организовано на их базе с использованием соответствующих методических наработок⁷⁴.

Введение дополнительных занятий сопряжено с определенными сложностями: учителя, как правило, не обладают специальной подготовкой для работы с детьми-инофонами, дети не всегда хотят посещать занятия сверх обычной школьной нагрузки, а у родителей часто нет возможности покупать необходимую учебно-методическую литературу⁷⁵. Обучение в специальных классах для детей-мигрантов также порождает определенные проблемы: состав обучающихся нестабилен, дети находятся вне единой школьной языковой среды, не слышат правильных образцов русской речи, кроме речи педагога, не устанавливают социальных связей с русскоязычными сверстниками, и в целом такие классы в школе подвергаются стигматизации⁷⁶.

В г. Москве приказом Департамента образования от 30 июня 2006 г. № 402 в каждом из округов были созданы «школы русского языка» – структурные подразделения в рамках обычных школ, где дети мигрантов и дети, плохо владеющие русским языком, изучали его в течение

⁷¹ Например, распоряжение Правительства Белгородской области от 02.12.2013 № 594-рп «Об утверждении Концепции миграционной политики Белгородской области на период до 2025 года» предусматривает организацию бесплатного (за счет средств областного бюджета) обучения русскому языку нуждающихся детей из семей мигрантов (п. 3.5). На основании письма Министерства образования и науки Пермского края от 07.04.2015 № СЭД-26-01-21-527 «О направлении методических рекомендаций по обучению детей-мигрантов» организуются занятия по дополнительному курсу русского языка «Занимательное языковедение».

⁷² Например, согласно постановлению Администрации города Ноябрьска Ямало-Ненецкого автономного округа от 2 марта 2023 г. № П-293 «О внесении изменений в постановление Администрации города Ноябрьска от 3 декабря 2013 г. № П-1588 «Об утверждении муниципальной программы муниципального образования город Ноябрьск ‘Повышение уровня здоровья и безопасности условий жизни населения города Ноябрьска’ на 2014–2025 годы»» организуются группы (классы) для изучения русского языка как государственного для лиц школьного возраста, не владеющих русским языком.

⁷³ См.: Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Указ. соч. С. 84.

⁷⁴ Такой опыт имеется в Пермском крае (см.: Омельченко Е.А. Образование детей международных мигрантов как вклад в устойчивое развитие? // Вестник МГПУ. Сер.: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 313).

⁷⁵ См.: Куликова О.П. Обучение русскому языку детей мигрантов в рамках центра культурно-языковой адаптации (из опыта работы) // Обучение и воспитание: методика и практика. 2015. № 19. С. 124.

⁷⁶ См.: Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Указ. соч. С. 84.

года. По мнению экспертов, эти школы показали свою эффективность, но вместе с тем способствовали изоляции детей-инофонов и в определенной степени тормозили их интеграцию. В ходе реформы образования «школы русского языка» были переведены в разряд дополнительного образования и лишины государственного финансирования. К 2016/2017 учебному году продолжила работу только одна из них на платной основе⁷⁷, а в 2017/2018 учебном году их работа была полностью прекращена⁷⁸. В г. Москве в 68 школах действуют группы дополнительного образования, где дважды в неделю дети-мигранты занимаются русским языком⁷⁹.

Во многих странах (Австрия, Бельгия, ФРГ, Дания, Испания, Италия, Финляндия, Франция и др.) учащиеся-мигранты с низким уровнем или вообще без знания языка страны пребывания проходят обучение в т.н. приемных классах, где им предоставляется интенсивное обучение языку и в некоторых случаях адаптированная учебная программа по другим дисциплинам с целью подготовки их к лучшей интеграции в общеобразовательные классы. При этом на уроках, где они могут участвовать в занятиях даже с ограниченными языковыми навыками (физкультура, рисование, музыка) дети-мигранты присоединяются к учащимся общеобразовательных классов⁸⁰. В ФРГ в ряде федеральных земель вновь прибывшие дети-мигранты первоначально изучают немецкий язык в отдельных классах (классы изучения языка, курсы языковой поддержки, интенсивные классы – *Sprachlernklassen, Sprachförderkursen, Intensivklassen*)⁸¹. В Польше дети с миграционной историей обязаны участвовать в обычных школьных занятиях независимо от уровня знаний польского языка, а дополнительные языковые занятия организуются после уроков⁸².

В Дании приемные классы больше не являются обязательными, и вновь прибывшие дети-мигранты могут зачисляться в обычные классы. Но и приемные классы, и обучение детей-мигрантов в общеобразовательных классах рассматриваются как препятствующие интеграции. В первом случае – потому, что и ученики, и учителя изолированы от общей образовательной среды, во втором – в связи

⁷⁷ См.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве. Проблемы защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, в городе Москве. М., 2018. С. 78–80 // Уполномоченный по правам человека в городе Москве. URL: <https://ombudsman.mos.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-129-src-1654688658.824.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

⁷⁸ См.: Омельченко Е.А. Указ. соч. С. 312, 313.

⁷⁹ См.: Королёва Л.В. Проблемы образования детей мигрантов в городе Москве // Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки». 2019. № 2 (30). С. 30.

⁸⁰ См.: Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe: National Policies and Measures. Eurydice Report. P. 13; Educational Community and School Systems: Austria. P. 15.

⁸¹ См.: Weiser B. Recht auf Bildung für Flüchtlinge – Rahmenbedingungen des Zugangs zu Bildungsangeboten für Asylsuchende, Schutzberechtigte und Personen mit Duldung (schulische oder berufliche Aus- und Weiterbildung). Berlin: Informationsverbund Asyl und Migration, 2016. S. 18. Например, в Бранденбурге предусматривается посещение курсов языковой поддержки (Закон Бранденбурга «О школьном образовании» 2002 г. (п. 2 § 37)). Brandenburgisches Schulgesetz. In der Fassung der Bekanntmachung vom 2 August 2002 (GVBl. I/02, [Nr. 08]. S.78). URL: <https://bravors.brandenburg.de/gesetze/bbgschulg> (дата обращения: 21.08.2023).

⁸² См.: Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z 4 października 2001 r. w sprawie przyjmowania osób niebędących obywatelami polskimi do publicznych przedszkoli, szkół, zakładów kształcenia nauczycieli i placówek//Dziennik Ustaw RP z 2001 r. No. 131. Poz. 1458.

с тем, что языковые проблемы не позволяют детям полноценно учиться и участвовать в жизни класса⁸³.

Совершенно недопустимо объединение детей из семей мигрантов в одни учебные классы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, это не способствует надлежащей социальной адаптации и обучению ни тех ни других, поскольку у них разные социальные и образовательные сложности и потребности⁸⁴. Однако исследователи отмечают, что в России достаточно распространена практика определения детей-мигрантов (особенно подростков) в классы коррекционно-развивающегося обучения в связи с тем, что психолого-медицинско-педагогические комиссии⁸⁵ фиксируют у них наличие языкового барьера и задержки психического развития. Дети с миграционной историей составляют от 20 до 30% обучающихся в таких классах, что способствует их социальному отторжению и закреплению в низших социальных слоях⁸⁶.

С учетом сложностей, испытываемых детьми-мигрантами, необходимо скорректировать систему оценивания освоения образовательных программ. Например, в Словении наиболее распространенной практикой является включение ребенка-мигранта в процесс обучения без предварительной подготовки. Как в начальных, так и в средних школах Словении в первый год поступления в школу дети-мигранты имеют возможность не проходить аттестацию. Однако такая практика критикуется как демотивирующая, поэтому поощряется система, когда успехи детей сначала оцениваются по предметам, которые не зависят от языковых навыков (музыка, рисование, физкультура), а когда они освоят словенский язык, то и по другим предметам с некоторыми корректировками⁸⁷. В целом дети-мигранты могут переводиться из класса в класс без формального выставления оценок по отдельным предметам; только при переходе на следующий уровень образования им выставляются оценки по всем изучавшимся предметам⁸⁸.

Рекомендации по организации обучения детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации, утвержденные письмом Министерства общего и профессионального образования РФ от 7 мая 1999 г. № 682/11-12, предусматривают возможность допуска к государственной (итоговой) аттестации обучающихся-мигрантов, имеющих неудовлетворительную отметку по одному предмету учебного плана, с обязательной сдачей экзамена по этому предмету. При этом в качестве итогового экзамена по русскому языку в 9 классе для таких детей предлагается изложение без грамматических заданий, как для учащихся школ с родным (нерусским) языком обучения, а в 11 классе – сочинение, для которого могут использоваться темы сочинений,

⁸³ См.: *Educational Community and School Systems: Denmark*. Pp. 14, 18.

⁸⁴ См.: *Омельченко Е.А.* Указ. соч. С. 313.

⁸⁵ См.: Рекомендации Министерства образования и науки Российской Федерации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере образования, по организации деятельности психолого-медицинско-педагогических комиссий в Российской Федерации (письмо Министерства образования и науки РФ от 23.05.2016 № ВК-1074/07 «О совершенствовании деятельности психолого-медицинско-педагогических комиссий») // Администратор образования. 2016. № 16–18.

⁸⁶ См.: *Мукомель В.И.* Указ. соч. С. 196.

⁸⁷ См.: *Sedmak M., Gornik B., Medarić Z. et al.* Op. cit. Pp. 22, 24, 25.

⁸⁸ См.: *Burner T., Carlsen C. Integrating Migrant Children in Primary Education: An Educator Survey in Four European Countries* // *Moving English Language Teaching Forward* / ed. by M. Dypedahl. Oslo, 2022. Pp. 75, 76.

предлагаемые для школ с родным (нерусским) языком обучения. Такие возможности завершения обучения детей-мигрантов сейчас проблематичны в связи с переходом на систему ОГЭ и ЕГЭ⁸⁹, но, представляется, что и при проведении этих форм государственной итоговой аттестации должны учитываться особые потребности детей с миграционной историей и разрабатываться соответствующие контрольно-измерительные инструменты.

Интересные способы дополнительной поддержки детей-мигрантов выработаны в зарубежных странах, многие из них можно адаптировать к российским условиям. В Польше каждый ребенок, не являющийся польским гражданином или являющийся гражданином, который не знает польский язык или знает его на недостаточном уровне, имеет право на дополнительные бесплатные уроки польского языка в школе продолжительностью не менее двух часов в неделю в течение не более чем 24 месяцев, а также право на дополнительные бесплатные выравнивающие занятия в количестве одного урока в неделю на каждый предмет в течение первых 12 месяцев. Вопрос о необходимости таких занятий решает учитель, который ведет занятия по соответствующему предмету, а еженедельный график занятий и их количество устанавливает директор школы по согласованию с учителями. Занятия могут быть индивидуальными или групповыми, в зависимости от ситуации в конкретной школе. Общая продолжительность дополнительных занятий по польскому языку и выравнивающих занятий по другим предметам не может превышать пять часов в неделю на одного ученика (гл. 7 Закона об образовании 2016 г.).

В Италии в школах разрабатываются индивидуальные образовательные планы для каждого ребенка-мигранта⁹⁰. В Словении Руководство по интеграции детей-мигрантов в детские сады и школы 2012 г. предусматривает, что для каждого ребенка-мигранта учителя должны подготовить индивидуальную программу в сотрудничестве с ребенком и его семьей, в которой будут определены виды соответствующей деятельности, их цели, критерии оценки достигнутых результатов, меры дополнительной педагогической поддержки. Однако такая практика распространяется только на начальную школу⁹¹.

Повышенное внимание уделяется к развитию разговорной речи детей-мигрантов. В некоторых школах Великобритании в этих целях на специальных уроках изучается поэзия, что стимулирует познавательную активность и развивает языковое мышление школьников⁹². В Польше для приобретения навыков владения польским языком в практических ситуациях учителям предлагается посещать вместе с детьми-мигрантами рынки, магазины, пекарни и т.п.⁹³ В Австрии учителя полагают, что помимо дополнительных занятий по немецкому языку его более успешному изучению способствует вовлечение детей-мигрантов в спортивные мероприятия, экскурсии, что также помогает им быстрее стать активной частью школьного сообщества⁹⁴.

⁸⁹ Однако и в данной сфере есть позитивный опыт. В Москве выходцы из Киргизии организовали фирмы по обучению соотечественников русскому языку и подготовки к сдаче ЕГЭ и ОГЭ (см.: *Королёва Л.В.* Указ. соч. С. 30).

⁹⁰ См.: *Burner T., Carlsen C.* Op. cit. P. 74.

⁹¹ См.: *Sedmak M., Gornik B., Medarić Z. et al.* Op. cit. P. 23.

⁹² См.: *Educational Community and School Systems: United Kingdom. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe*. Koper, 2019. P. 27.

⁹³ См.: *Bulandra A., Kościółek J., Majcher-Legawiec U.* Op. cit. P. 21.

⁹⁴ См.: *Educational Community and School Systems: Austria*. P. 25.

Зарубежные исследователи предлагают, чтобы в классе, где учатся дети-мигранты, работало несколько учителей, это позволит им лучше справляться с процессом обучения⁹⁵. В штате школы необходимы переводчик, психолог, специалисты, имеющие опыт работы в межкультурной среде и с детьми-мигрантами, социальные работники⁹⁶.

Поддержка детей-мигрантов требуется на всех стадия обучения, чему может способствовать система тьюторства. В Польше, например, Законом об образовании (ч. 8 ст. 165) предусмотрен институт помощника учителя (ранее – помощник по культуре). Это специально нанятый директором школы человек, владеющий языком страны происхождения детей-мигрантов и оказывающий помочь учителям во взаимодействии с ними. Такая помощь ребенку предоставляется на срок до 12 месяцев. Помощниками учителя могут быть местные жители, а также родители обучающихся в школе детей-мигрантов, которые владеют польским языком и уже достаточно интегрированы в государстве⁹⁷.

Введению данного института предшествовал эксперимент, проведенный в 2008 г. в Варшаве, где помощниками по культуре были назначены матери детей-мигрантов. Проект был направлен на поддержку процесса интеграции учащихся и одновременно на трудоустройство женщин-иммигрантов. Его результаты получили высокую оценку. Дети и их родители были вовлечены в школьную жизнь, польские учащиеся больше узнали о культуре своих новых одноклассников, что способствовало преодолению национальных и религиозных предрассудков и стереотипов, утверждению взаимной терпимости. Помощники были высоко мотивированы, и им было легче понять проблемы и детей-иммигрантов, и польских учеников в случае возникновения межкультурных разногласий. Они выступали своего рода связующим звеном между детьми-мигрантами, польскими учащимися, их родителями, учителями и школьной администрацией. Помощники были источником информации для учителей о культуре происхождения детей-иностранцев, объясняли некоторые культурно обусловленные модели их поведения, помогая учителям лучше понимать детей. Одновременно они пресекали попытки детей-мигрантов отказаться от выполнения определенных обязанностей или школьных занятий, прикрываясь ложно понятыми культурными или религиозными запретами⁹⁸.

В некоторых польских школах дети-мигранты составляют от одной четверти до половины учащихся класса. В такой ситуации наличие помощника учителя является насущной необходимостью. Это помогает не только быстрее адаптироваться детям-мигрантам, но и осваивать

⁹⁵ См.: Educational Community and School Systems: Denmark. P. 20; *Sedmak M., Gornik B., Medarić Z. et al.* Op. cit. P. 28; Educational Community and School Systems: Spain. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2019. P. 22.

⁹⁶ См.: Educational Community and School Systems: Spain. P. 21; *Bulandra A., Kosićtek J., Majcher-Legawiec U.* Op. cit. P. 30; Educational Community and School Systems: Austria. P. 25.

⁹⁷ См.: *Chrzanowska A.* Asystent kulturowy – innowacyjny model pracy w szkołach przyjmujących dzieci cudzoziemców // Stowarzyszenie Interwencji Prawnej. Analizy. Raporty. Ekspertyzy. 2009. Nr. 5. URL: <https://interwencjaprawna.pl/wp-content/uploads/2020/04/ARE-509-asystent-miedzykulturowy.pdf> (дата обращения: 12.08.2023); Uczniowie z różnych kultur w szkole. Ministerstwo edukacji narodowej. Ośrodek Edukacji Narodowej. URL: <https://bezppeczna szkoła.men.gov.pl/wp-content/uploads/2015/10/uczniowie-z-roznych-kultur-w-szkole.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

⁹⁸ См.: *Chrzanowska A.* Op. cit.

школьную программу польскими учениками без серьезных проблем⁹⁹.

Аналогичные институты существуют и в других странах. В Ирландии, Финляндии, Королевстве Испания, Нидерландах, Люксембурге, Португалии, Италии в школах работают социокультурные консультанты/посредники, занимающиеся преодолением трудностей и недопониманий, возникающих из-за языковых и социально-культурных различий¹⁰⁰. В школах Дании предусматриваются наставники для детей-мигрантов, а также специалисты по обучению чтению и психологи. В некоторых школах существует практика нанимать интегрированных беженцев из страны происхождения детей-мигрантов в качестве консультантов. Добровольцы из датского Красного Креста выступают в роли помощников для детей-мигрантов по выполнению домашних заданий¹⁰¹. В Великобритании также введена «программа наставничества» – поддержки и помощи вновь прибывшим иностранным учащимся со стороны учителя, старшего товарища, человека из местного сообщества, чаще всего принадлежащего к той же этнической группе, что и ученик¹⁰². В Словении сверстники помогают в учебе прибывшим иностранным учащимся со стороны учителя, старшего товарища, человека из местного сообщества, чаще всего принадлежащего к той же этнической группе, что и ученик¹⁰³.

В Дании рекомендованы «программы дружеского общения», когда вновь прибывшим ученикам подбирают сверстников со знанием датского и их родного языка, который будет помогать им в школе в течение первых недель¹⁰⁴. В Королевстве Испания в начальной и средней школе развита практика наставничества, когда ученики, знающие языки, на котором говорят вновь прибывшие дети-мигранты, сопровождают их в течение первой недели обучения¹⁰⁵.

Вместе с тем специалисты отмечают, что в России система тьюторства, а также «наставничество» представителей гражданского общества, взрослых мигрантов и товарищей по школе вряд ли будут очень эффективными, поскольку русский язык относится к числу сложных, и для его преподавания и даже помощи в освоении нужны особые компетенции¹⁰⁶.

Подготовка детей из семей мигрантов к успешному освоению образовательных программ не может ограничиваться только изучением русского языка, но предполагает общесоциальную адаптацию, усвоение социокультурных норм и практик общения региона проживания. Некоторым детям нужна специальная помощь в связи с прежним травматическим опытом жизни. Для удовлетворения их потребностей школам требуется дополнительный штат специалистов.

Желательно обеспечить представительство детей-мигрантов в школьных органах самоуправления в целях

⁹⁹ См.: *ibid.*

¹⁰⁰ См.: *Todorovska-Sokolovska V.* Integracja i edukacja dzieci imigrantów w krajach UE. Ośrodek Rozwoju Edukacji // Instytut Spraw Publicznych. URL: <https://www.isp.org.pl/uploads/drive/oldfile/1788070880897304001270035288.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁰¹ См.: Educational Community and School Systems: Denmark. P. 17.

¹⁰² См.: *Todorovska-Sokolovska V.* Op. cit.; First Tutors. United Kingdom // Academic. URL: <https://www.firsttutors.com/uk/> (дата обращения: 12.08.2023); Mosaic: The Power of Positive Thinking. URL: <https://www.forwardladies.com/mosaic-power-positive-thinking/> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁰³ См.: *Sedmak M., Gornik B., Medarić Z. et al.* Op. cit. P. 24.

¹⁰⁴ См.: Educational Community and School Systems: Denmark. P. 19.

¹⁰⁵ См.: Educational Community and School Systems: Spain. P. 15.

¹⁰⁶ См.: *Рудашевская О.* Указ. соч.

выражения их интересов и потребностей. Школы должны стать безопасной и дружественной территорией, где существует толерантное отношение к детям, имеющим миграционную историю, отсутствуют практики дискриминации, преследования, буллинга и насилия на основе национального происхождения, расы, религии. В школах со значительным присутствием мигрантов целесообразно разработать специальные протоколы, препятствующие формированию таких практик¹⁰⁷.

Образовательная подготовка и социальная адаптация детей из семей мигрантов должна осуществлять в тесном контакте с их родителями (законными представителями) и иными родственниками¹⁰⁸. Их следует привлекать к участию в жизни класса и родительского сообщества по максимально широкому кругу вопросов. С учетом того, что многие из них также не в полной мере владеют русским языком и социальными навыками поведения в российском обществе, образовательным учреждениям следует способствовать вовлечению родителей и родственников обучающихся в доступные в регионе интеграционные программы для взрослых мигрантов (в том числе курсы по изучению русского языка).

При школах (дошкольных учреждениях), в которых обучаются значительное количество детей-мигрантов, желательно создавать специальные курсы или консультационные кабинеты для родителей. Для постоянной коммуникации с родителями детей-мигрантов в школе может быть выделен специальный человек, способный понятным языком разъяснить особенности обучения в государстве. К такой деятельности целесообразно привлекать и самих родителей, уже достаточно интегрировавшихся в стране. Так, в ФРГ объединения родителей турецкого происхождения сотрудничают со школами, консультируют родителей и учителей, способствуют их коммуникации, взаимному пониманию национальных культурных традиций¹⁰⁹.

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Л.Н., Боярская С.П., Черникова И.И. Обучение и интеграция детей-мигрантов в социум // Academia. Педагогический журнал Подмосковья. 2018. № 4. С. 4.
2. Железнякова Е. Краткосрочное обучение детей мигрантов русскому языку как неродному: опыт Ленинградской области // Альманах «ЭТНОДИАЛОГИ». 2017. № 2 (53). С. 133.
3. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Соц. исследования. 2013. № 2. С. 82, 84.
4. Королёва Л.В. Проблемы образования детей мигрантов в городе Москве // Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки». 2019. № 2 (30). С. 30.
5. Куликова О.П. Обучение русскому языку детей мигрантов в рамках центра культурно-языковой адаптации (из опыта работы) // Обучение и воспитание: методика и практика. 2015. № 19. С. 124.
6. Куприна Т.В. Обучение детей мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. Т. 9. С. 69.
7. Мукомель В.И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–196, 202.
8. Омельченко Е.А. Образование детей международных мигрантов как вклад в устойчивое развитие? // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 312, 313.
9. Плюгина И.В. Правовые средства адаптации иностранных граждан, обучающихся в Российской Федерации // Ежегодник росс. образовательного законодательства. 2021. Т. 16. № 21. С. 109.
10. Полетаев Д.В. Адаптация и интеграция детей мигрантов на примере Москвы: науч.-практ. конф. Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России: сб. материалов. 15 ноября 2018 года г., Санкт-Петербург. СПб., 2018. С. 98–101, 107.
11. Рудашевская О. «Для детей мигрантов все, что учитель говорит на уроке, звучит как шум дождя». Интервью с филологом Маргаритой Русецкой – членом Совета по русскому языку при Правительстве РФ // Газета.ru. 2022. 25 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/family/2022/05/25/14898422.shtml?updated> (дата обращения: 21.08.2023).
12. Семья и дети в России. 2021: стат. сб. М., 2021. С. 67.
13. Троицкий К.Е. Всеобщее право не для каждого. Доступ к школьному образованию для детей беженцев и трудовых мигрантов в России. Доклад Комитета «Гражданское содействие». М., 2017. С. 8, 59, 60. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-o-dostupe-k-obrazovaniyu.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).
14. Трудненко Д.А. К вопросу о перспективе обучения детей-мигрантов русскому языку при помощи технологии работы в сотрудничестве // Развитие современной науки: опыт теоретического и эмпирического анализа: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2022. С. 130–136.
15. Beiter K.D. The Protection of the Right to Education by International Law: Including a Systematic Analysis of Article 13 of the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights. Leiden; Boston, 2005.
16. Bulandra A., Kościółek J., Majcher-Legawiec U. Educational Community and School Systems: Poland. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2019. Pp. 21, 30.
17. Burner T., Carlsen C. Integrating Migrant Children in Primary Education: An Educator Survey in Four European Countries // Moving English Language Teaching Forward / ed. by M. Dypedahl. Oslo, 2022. Pp. 74–76.
18. Chrzanowska A. Asystent kulturowy – innowacyjny model pracy w szkołach przyjmujących dzieci cudzoziemców // Stowarzyszenie Interwencji Prawnej. Analizy. Raporty. Eksperyty. 2009. Nr. 5. URL: <https://interwencjaprawna.pl/wp-content/uploads/2020/04/ARE-509-asystent-miedzykulturowy.pdf> (дата обращения: 12.08.2023).
19. Cummins J. Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon, 2006. P. 35.
20. Devine D. Value'ing Children Differently? Migrant Children in Education // Children and Society. 2013. Vol. 27. Iss. 4. Pp. 282–294.

¹⁰⁷ См.: *Jalušić V.* EU Policy Brief. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2022. P. 11.

¹⁰⁸ При этом Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан (письмо Министерства просвещения РФ от 16.08.2021 № НН-202/07) ориентируют на то, что категорически не следует требовать от родителей говорить с ребенком дома только по-русски, это противоречит принципу бикультурности и билингвизма. Целесообразно проанализировать языковую ситуацию в семье (на каком языке говорят все члены семьи) и совместно с родителями выработать меры поддержки русского языка: читать ребенку вслух книги, смотреть вместе и обсуждать фильмы, выделить час в день, когда дома будут говорить только по-русски и т.п. (п. 6).

¹⁰⁹ См.: *Siarova H., Essomba M.A.* Op. cit. P. 4.

21. *Heisler B.S.* The Sociology of Immigration: From Assimilation to Segmented Integration // Migration Theory: Talking Across Disciplines / ed. by C. B. Brettell, J. F. Hollifield. New York; London, 2000. P. 83.
22. *Hutova J., Kalaycioglu E., Molokotos-Liederman L.* The Education of Migrant Children. An NGO Guide to EU Policies and Actions. New York, 2010. P. 17.
23. *Jalušić V.* EU Policy Brief. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2022. P. 11.
24. *Kiseleva E.V., Osipova M.N., Emelianova N.* The Right to Education for Migrant Children in Light of the Latest General Comments by the UN Treaty Bodies // Proceedings of the 2018 2nd International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS2018). Paris, 2018. P. 1768.
25. *Osman A., Lund S.* Local School Desegregation Practices in Sweden // Education Sciences. 2022. Vol. 12. Iss. 8. Pp. 1, 2, 13, 14.
26. *Siarova H., Essomba M.Á.* Language Support for Youth with a Migrant Background. Policies that Effectively Promote Inclusion // Sirius Network Policy Brief Series. 2014. Iss. 4. Pp. 2, 4.
27. *Szymczyk A., Popan C., Arun, S.* Othering through Language: English as an Additional Language in England's Educational Policy and Practice // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2022. Vol. 22. Iss. 2. Pp. 117–131.
28. *Todorovska-Sokolovska V.* Integracja i edukacja dzieci imigrantów w krajach UE. Ośrodek Rozwoju Edukacji // Instytut Spraw Publicznych. URL: <https://www.isp.org.pl/uploads/drive/oldfiles/17880708880897304001270035288.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).
29. *Weiser B.* Recht auf Bildung für Flüchtlinge – Rahmenbedingungen des Zugangs zu Bildungsangeboten für Asylsuchende, Schutzberechtigte und Personen mit Duldung (schulische oder beru liche Aus- und Weiterbildung). Berlin: Informationsverbund Asyl und Migration, 2016. S. 18.
9. *Plyugina I.V.* Legal means of adaptation of foreign citizens studying in the Russian Federation // Yearbook of Russian educational legislation. 2021. Vol. 16. No. 21. P. 109 (in Russ.).
10. *Poletaev D.V.* Adaptation and integration of migrant children on the example of Moscow: Scientific and Practical Conference. Integration and adaptation of migrants and refugees in Russia: collection of materials. November 15, 2018, St. Petersburg. SPb., 2018. Pp. 98–101, 107 (in Russ.).
11. *Rudashevskaya O.* “For migrant children, everything the teacher says in class sounds like the sound of rain”. Interview with philologist Margarita Rusetskaya, member of the Russian Language Council under the Government of the Russian Federation // Газета.ру. 2022. May 25. URL: <https://www.gazeta.ru/family/2022/05/25/14898422.shtml?updated> (accessed: 21.08.2023) (in Russ.).
12. Family and children in Russia. 2021: stat. sat. M., 2021. P. 67 (in Russ.).
13. *Troitsky K.E.* Universal law is not for everyone. Access to school education for children of refugees and migrant workers in Russia. Report of the Committee “Civil Assistance”. M., 2017. Pp. 8, 59, 60. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-odostupe-k-obrazovaniyu.pdf> (accessed: 21.08.2023) (in Russ.).
14. *Trudnenko D.A.* On the issue of the perspective of teaching migrant children the Russian language using the technology of work in cooperation // Development of modern science: experience of theoretical and empirical analysis: collection of articles II International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2022. Pp. 130–136 (in Russ.).
15. *Beiter K.D.* The Protection of the Right to Education by International Law: Including a Systematic Analysis of Article 13 of the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights. Leiden; Boston, 2005.
16. *Bulandra A., Kościółek J., Majcher-Legawiec U.* Educational Community and School Systems: Poland. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2019. Pp. 21, 30.
17. *Burner T., Carlsen C.* Integrating Migrant Children in Primary Education: An Educator Survey in Four European Countries // Moving English Language Teaching Forward / ed. by M. Dypedahl. Oslo, 2022. Pp. 74–76.
18. *Chrzanowska A.* Asystent kulturowy – innowacyjny model pracy w szkółach przyjmujących dzieci cudzoziemców // Stowarzyszenie Interwencji Prawnej. Analizy. Raporty. Eksperzy. 2009. Nr. 5. URL: <https://interwencjaprawna.pl/wp-content/uploads/2020/04/ARE-509-asystent-miedzykulturowy.pdf> (accessed: 12.08.2023).
19. *Cummins J.* Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon, 2006. P. 35.
20. *Devine D.* Value'ing Children Differently? Migrant Children in Education // Children and Society. 2013. Vol. 27. Iss. 4. Pp. 282–294.
21. *Heisler B.S.* The Sociology of Immigration: From Assimilation to Segmented Integration // Migration Theory: Talking Across Disciplines / ed. by C. B. Brettell, J. F. Hollifield. NY–London, 2000. P. 83.
22. *Hutova J., Kalaycioglu E., Molokotos-Liederman L.* The Education of Migrant Children. An NGO Guide to EU Policies and Actions. New York, 2010. P. 17.
23. *Jalušić V.* EU Policy Brief. Migrant Children and Communities in a Transforming Europe. Koper, 2022. P. 11.
24. *Kiseleva E.V., Osipova M.N., Emelianova N.* The Right to Education for Migrant Children in Light of the Latest General Comments by the UN Treaty Bodies // Proceedings of the 2018 2nd International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS2018). Paris, 2018. P. 1768.
25. *Osman A., Lund S.* Local School Desegregation Practices in Sweden // Education Sciences. 2022. Vol. 12. Iss. 8. Pp. 1, 2, 13, 14.

REFERENCES

1. *Antonova L.N., Boyarskaya S.P., Chernikova I.I.* Education and integration of migrant children into society // Academia. Pedagogical journal of the Moscow region. 2018. No. 4. P. 4 (in Russ.).
2. *Zheleznyakova E.* Short-term teaching of migrant children to Russian as a non-native language: the experience of the Leningrad region // Almanac “ETHNODIALOGY”. 2017. No. 2 (53). P. 133 (in Russ.).
3. *Zborovsky G.E., Shuklina E.A.* Education of migrant children as a problem of their social adaptation // Social research. 2013. No. 2. Pp. 82, 84 (in Russ.).
4. *Koroleva L.V.* Problems of education of migrant children in the city of Moscow // Herald of the Moscow State Pedagogical University. Ser. “Philosophical Sciences”. 2019. No. 2 (30). P. 30 (in Russ.).
5. *Kulikova O.P.* Teaching the Russian language to migrant children within the framework of the center for cultural and linguistic adaptation (from work experience) // Education and upbringing: methodology and practice. 2015. No. 19. P. 124 (in Russ.).
6. *Kuprina T.V.* Education of migrant children in Russian schools: problems and solutions // Multilingualism in the educational space. 2017. Vol. 9. P. 69 (in Russ.).
7. *Mukomel V.I.* Features of adaptation and integration of migrant children – representatives of the “one and a half generation” // Izvestiya Irkutsk State University. Ser. “Politologiya. Religious studies”. 2013. No. 2 (11). Part 2. Pp. 192–196, 202 (in Russ.).
8. *Omelchenko E.A.* Education of children of international migrants as a contribution to sustainable development? // Herald of the RUDN. Ser.: International Relations. 2019. Vol. 19. No. 2. Pp. 312, 313 (in Russ.).

26. *Siarova H., Essomba M.Á.* Language Support for Youth with a Migrant Background. Policies that Effectively Promote Inclusion // Sirius Network Policy Brief Series. 2014. Iss. 4. Pp. 2, 4.
27. *Szymczyk A., Popan C., Arun, S.* Othering through Language: English as an Additional Language in England's Educational Policy and Practice // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2022. Vol. 22. Iss. 2. Pp. 117–131.
28. *Todorovska-Sokolowska V.* Integracja i edukacja dzieci imigrantów w krajach UE. Ośrodek Rozwoju Edukacji // Instytut Spraw Publicznych. URL: <https://www.isp.org.pl/uploads/drive/oldfiles/17880708880897304001270035288.pdf> (accessed: 21.08.2023).
29. *Weiser B.* Recht auf Bildung für Flüchtlinge – Rahmenbedingungen des Zugangs zu Bildungsangeboten für Asylsuchende, Schutzberechtigte und Personen mit Duldung (schulische oder berufliche Aus- und Weiterbildung). Berlin: Informationsverbund Asyl und Migration, 2016. S. 18.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталья Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна –
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СОРОКИНА Елена Александровна –
кандидат юридических наук,
научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧЕХАРИНА Валентина Ивановна –
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. –
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher,
Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher,
Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SOROKINA Elena A. –
PhD in Law,
Research Fellow,
Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHEKHARINA Valentina I. –
PhD in Law, Associate Professor,
Senior Researcher,
Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2024 г. А. В. Ефимов

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: av_efimov@inbox.ru

Поступила в редакцию 16.11.2023 г.

Аннотация. Адекватное и гибкое воздействие права на экономику невозможно без дифференциации правового регулирования. При этом правовой режим деятельности конкретных лиц должен быть обусловлен их индивидуальными экономическими характеристиками. Философской основой для построения такого правового регулирования, которое могло бы учитывать экономические характеристики отдельных лиц, является методологический индивидуализм. В рамках методологического индивидуализма предполагается, что исследование социальных процессов должно начинаться с исследования поведения отдельных индивидов. Кроме того, правовое воздействие на общество (в частности, на экономику) возможно только путем правового воздействия на поведение отдельных лиц, осуществляющих экономическую деятельность. С позиций методологического индивидуализма могут быть переосмыслены многие проблемы права. В частности, в статье рассматривается функциональный подход к конструированию норм права, благодаря которому в гипотезах норм учитываются экономические характеристики, способные индивидуализировать участников экономической деятельности; высказываются аргументы в пользу того, что предметом правового регулирования является деятельность (экономическая); критикуется использование деонтических операторов в нормах права и классическое определение понятия правового положения; приводится новый взгляд на теорию юридических фактов.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, социальные институты, экономическая деятельность, экономические характеристики, правовое регулирование, правовой режим, дифференциация, деонтические операторы, правовое положение, юридические факты.

Цитирование: Ефимов А.В. Методологический индивидуализм и правовое регулирование экономической деятельности // Государство и право. 2024. № 7. С. 155–165.

DOI: 10.31857/S1026945224070132

METHODOLOGICAL INDIVIDUALISM AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

© 2024 A. V. Efimov

Russian State University of Justice, Moscow

E-mail: av_efimov@inbox.ru

Received 16.11.2023

Abstract. An adequate and flexible impact of law on the economy is impossible without differentiation of legal regulation. At the same time, the legal regime for the activities of persons must be determined by their individual economic characteristics. The philosophical basis for constructing such legal regulation, which could consider the economic characteristics of individuals, is methodological individualism. Within the framework of methodological individualism, it is assumed that the study of social processes should begin with the study of the behavior of individual individuals. In addition, legal influence on society (in particular, on the economy) is possible only through legal influence on the behavior of individuals engaged in economic activity. From the standpoint of methodological individualism, many problems of law can be rethought. In particular, the article examines the functional approach to the construction of legal norms, thanks to which the hypotheses of norms take into account economic characteristics that can individualize participants in economic activity; arguments are made in favor of the fact that the subject of legal regulation is (economic) activity; the use of deontic operators in legal norms and the classical definition of the concept of legal status are criticized; provides a new look at the theory of legal facts.

Key words: methodological individualism, social institutions, economic activity, economic characteristics, legal regulation, legal regime, differentiation, deontic operators, legal status, legal facts.

For citation: Efimov, A.V. (2024). Methodological individualism and legal regulation of economic activity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 155–165.

Дифференциация правового регулирования

Право является одним из важнейших инструментов обеспечения экономического порядка. Учитывая тесную связь экономики и права, стоит подчеркнуть, что эффективность воздействия права на экономику во многом зависит от того, насколько право точно накладывается на реальный экономический ландшафт. Поскольку участники экономической деятельности различаются по многочисленным экономическим характеристикам, установление общих для всех правил поведения без учета их индивидуальных характеристик (по принципу “one size fits all”, т.е. «один размер подходит всем») грозит неадекватностью правового регулирования. Поэтому на фоне общих для всех лиц правил поведения выделяются специальные принципы и нормы права.

Описывая систему правового регулирования экономической деятельности, И.В. Ершова показательно называет дифференциацию тенденцией развития законодательства, подчеркивая, что в рамках общего правового режима «все большее число видов и сфер экономической деятельности обеспечивается специальным правовым регулированием»¹. При этом дифференциация традиционно рассматривается как вторичный этап, следующий за обеспечением единства правового регулирования. Предполагается, что изначально существует общий для всех правовой режим, но в дальнейшем он подвергается внутренней дифференциации с соответствующим выделением специальных правовых режимов. А.А. Мохов пишет, что при сочетании таких критериев, как определенная

совокупность правовых средств, территория и период их действия, можно выделить общий, специальные и особые правовые режимы осуществления экономической деятельности². Обобщая опыт принятия отдельных законов о проведении различных социальных мероприятий, об особых статусах отдельных территорий, об особых статусах субъектов права, об отдельных видах деятельности, Н.А. Власенко отмечает схожую закономерность развития современного российского законодательства, называя ее индивидуализацией³. На примере регулирования обязательственных правоотношений А.Е. Кирпичев показывает дифференциацию права на общее для всех и на особенное право (*jus proprium*) для отдельных категорий субъектов, прежде всего предпринимателей, которое позволяет учесть особенности конкретных субъектов, отличающие их от «стандартных» участников оборота⁴. Таким образом, регулирование реальных экономических процессов невозможно без дифференциации права, воспринимающего и реагирующего на различное экономическое положение участников оборота.

Выделение специальных правил поведения на фоне общих правил свойственно методологическому холизму, в рамках которого специальные правила воспринимаются как исключения, подводимые под определенный контекст общественных отношений. Вместе с тем, поскольку любому

² См.: там же. С. 125 (автор главы – А.А. Мохов).

³ См.: Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал росс. права. 2015. № 12. С. 11–17.

⁴ См.: Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 164.

¹ Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. М., 2019. С. 52. (автор главы – И.В. Ершова).

субъекту экономической деятельности изначально свойственны конкретные экономические характеристики, правовой режим деятельности каждого лица является по-своему специальным. Тем самым специальные правовые режимы целесообразнее понимать не как исключения из общего правила, а как совокупности правовых последствий, установленные для лиц, обладающих определенным набором экономических характеристик. Представляется, что при таком подходе отпадают основания для выделения общего правового режима, и все право может восприниматься как состоящее из специальных правовых режимов. Иными словами, дифференциация правового регулирования осуществляется не на фоне общего правового режима, а право изначально дифференцировано постольку, поскольку оно воспринимает многочисленные экономические характеристики, к которым привязаны различные правовые последствия.

Рассматривая идею дифференциации правового регулирования, О. Бен-Шахар (O. Ben-Shahar) и А. Порат (A. Porat) пишут о необходимости изначального учета в праве тех факторов, которые способны индивидуализировать конкретных лиц⁵. В противовес методу контекстуализации, в рамках которого правила поведения рассчитываются по некоторым «усредненным» представлениям о лицах и общественных отношениях, они предлагают метод персонификации правового регулирования, согласно которому правило поведения для конкретного лица должно определяться на основе его индивидуальных характеристик. В рамках такого подхода право может состоять из формул, включающих определенные индивидуализирующие переменные. При этом производя подстановку конкретных показателей в данные формулы, лица смогут устанавливать конкретные правовые последствия в отношении себя, т.е. свой собственный правовой режим деятельности.

Понятие методологического индивидуализма

Учитывая потребность изначальной дифференциации правового регулирования, особая проблема заключается в выборе и обосновании конкретной философской основы. В этой связи проявляется серьезный разрыв с традиционным подходом к правовому регулированию, который основан на идеи права якобы общего для всех, но предлагающего некоторые исключения. Если отталкиваться от специальных режимов, многообразие которых и создает образ права, свойственного конкретно историческому типу общества, то методологический холизм может быть заменен методологическим индивидуализмом.

⁵ См.: Ben-Shahar O., Porat A. Personalized Law: Different Rules for Different People. Oxford University Press, 2021. P. 22.

В самом общем смысле методологический индивидуализм представляет собой подход, в рамках которого общество описывается как мир решений, которые принимаются отдельными лицами. При этом социальные изменения анализируются с точки зрения множества индивидуальных решений и их совокупных эффектов, а благополучие общества в целом понимается как функция от благополучия его членов⁶.

Основные черты индивидуализма можно описать словами Ф. Хайека: «нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения. Этот аргумент нацелен прежде всего против собственно коллективистских теорий общества, которые претендуют на способность непосредственно постигать социальные целостности (вроде общества и т.п.) как сущности *suī generis*, обладающие бытием независимо от составляющих их индивидов»⁷. Индивидуализм объясняет, что изменяющееся состояние общества в целом является результатом действий отдельных лиц. В этой связи при исследовании общества акцент в первую очередь должен делаться не на обществе как таковом, а именно на поведении отдельных участников общества.

Признавая значительный потенциал методологического индивидуализма, К.Х. Момджян вместе с тем высказывает ряд опасений, связанных с неправильным пониманием индивидуализма, перехлестами и ошибочным суждением об индивидуализме как о гипериндивидуализме, где игнорируется значение социальных институтов⁸. На данную опасность также обращают внимание А.Е. Шаститко и Л.А. Тутов, указывая, что в рамках методологического индивидуализма не отрицается сверхсуммативное в коллективных действиях и отношениях как факт⁹. Впрочем, значение социальных институтов по-разному оценивается исследователями методологического индивидуализма.

С точки зрения исторических тенденций развития методологического индивидуализма Л. Уден (L. Udéhn) пишет, что методологический

⁶ См.: Маккай И. Право и экономика для континентальной правовой традиции / пер. с англ. под науч. ред. Д. Раскова. М., 2019. С. 56.

⁷ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой под ред. Р.И. Капелюшникова. М.; Челябинск, 2016. С. 8.

⁸ См.: Момджян К.Х. К вопросу о конструировании социальной реальности // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 46, 47.

⁹ См.: Шаститко А.Е., Тутов Л.А. Заметки о методологическом индивидуализме в экономических исследованиях: есть ли границы применения? // Вестник Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. 2023. № 1. С. 6.

индивидуализм прошел путь «от экстремальной версии методологического индивидуализма, проиллюстрированной теорией социального контракта и теорией Вальраса об общем рыночном равновесии, к австрийцам (представителям австрийской экономической школы), которые понимали людей как социальных существ, к Попперу, который ввел социальные институты как объективные ограничения действий отдельных лиц, и наконец, к социологам, которые ввели оригинальную идею о целостности социальной структуры состоящую из позиций (должностей), связанных друг с другом, независимо от персонального состава лиц, которые их занимают»¹⁰. Таким образом, исторический вектор развития индивидуализма от «сильного» к «слабому» показывает усиление роли социальных институтов при исследовании действий отдельных лиц.

В любом случае при исследовании поведения индивида учет социальных институтов не противоречит индивидуализму. Даже яркий представитель австрийской экономической школы Л. фон Мизес призывал уделять весьма серьезное внимание социальным институтам. Так, он писал, что «методологический индивидуализм вовсе не оспаривает значимость коллективных целостностей, считая одной из основных своих задач описание и анализ их становления и исчезновения, изменяющейся структуры и функционирования. Он выбирает единственный метод, позволяющий добиться удовлетворительного решения этой проблемы. Прежде всего мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику»¹¹.

С позиций методологического индивидуализма при конструировании норм права вовсе не исключаются общественные цели в угоду эгоизма отдельных лиц. Так, Ф. Хайек писал, что «главной заботой великих индивидуалистов было действительно отыскать набор институтов, которые могли бы побуждать человека по его собственному выбору и на основании мотивов, направляющих его обычное поведение, вносить максимально возможный вклад в удовлетворение потребностей всех остальных»¹². Впрочем, этические вопросы лежат за гранью самого по себе методологического индивидуализма. Методологический индивидуализм не отдает приоритет ни личности,

¹⁰ *Udéhn L. The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. No. 28. P. 498.*

¹¹ *Мизес Л. фон* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. Челябинск, 2005. С. 43.

¹² *Хайек Ф.* Указ. соч. С. 16.

ни обществу в контексте вопроса о том, чьи интересы важнее. Вопрос подобного приоритета относится к этике, в то время как индивидуализм лишь обозначает, что при исследовании социальных (экономических) процессов необходимо отталкиваться от индивидов.

Исследование макросоциальных процессов через призму поведения отдельных индивидов обусловливается тем, что состояние общества в целом зависит от действий отдельных лиц. Фактически речь идет о том, что исследование макросоциальных процессов может быть лучше раскрыто через призму различных теоретико-игровых ситуаций, в которых оказываются индивиды. Примечательны в этом смысле слова Э. Норберта, описывающего совокупное историческое изменение человечества: «каждый отдельный шаг также определяется желаниями и планами отдельных людей; но то, что образовалось на этом пути сегодня, наш стандарт поведения и наше душевное строение, определенно не были замыслены и не являлись целью отдельных людей»¹³. Получается так, что состояние общества является некоторым результатом взаимодействия отдельных индивидов. При этом чтобы понять механизм формирования того или иного состояния общества, стоит сосредоточиться на поведении отдельных лиц и на их взаимодействиях. Из этого также следует, что изменение общества и иных макросоциальных образований возможно только посредством воздействия на индивида. Только создавая для индивидов определенные стимулы поведения, можно рассчитывать на то, что конкретные индивиды будут поступать согласно стимулам, в результате чего могут изменяться характеристики макросоциальных образований. В свою очередь, при определении стимулов поведения индивидов необходимо отталкиваться от их определенных характеристик.

Восприимчивость права к экономическим характеристикам

С позиций методологического индивидуализма правовое регулирование достигает своих целей только посредством воздействия на конкретных лиц, так как именно конкретные лица составляют общество, и любой социальный (экономический) процесс выражается в их действиях. Конкретные лица при совершении каждого действия относят или по крайней мере имеют возможность соотнести свою социальную активность с теми последствиями, которые предусмотрены в праве. Тем самым, если говорить о регулировании их экономической деятельности, право должно быть восприимчиво к собственно экономическим

¹³ *Элиас Н.* Общество индивидов / пер. с нем. М., 2001. С. 99.

характеристикам, которые могут быть свойственны конкретным субъектам.

Данная проблема может быть решена с помощью функционального подхода к конструированию норм права. Как известно, понятие функции означает некую переменную, которая рассматривается по отношению к другой переменной, через которую она может выражаться и от значения которой зависит ее собственное значение¹⁴. Показательно, что норма права имеет функциональную структуру, поскольку определенное правовое последствие (диспозиция, санкция) зависит от гипотезы. Если в гипотезах норм права закреплять определенные экономические характеристики, то субъект экономической деятельности будет со-поставлять свои собственные экономические характеристики с теми, которые указаны в норме права, оценивая при этом перспективы наступления тех или иных правовых последствий.

Следует подчеркнуть, что экономическая деятельность описывается системой микро-, мезо- и макроэкономических характеристик (начиная от показателей платежеспособности конкретного лица, заканчивая показателями валового внутреннего продукта). Методологический индивидуализм открывает путь для конструирования дифференцированных норм права, позволяющих учитывать экономические характеристики (показатели) лиц, позволяющие их индивидуализировать, соотнесенные с экономическими характеристиками (показателями) более общих уровней (мезо- и макроуровни). При таком подходе отпадает необходимость выделения общих и специальных норм права, поскольку каждая норма будет «специальной», т.е. рассчитанной на определенные наборы экономических характеристик, свойственным конкретным субъектам.

К такому набору могут быть привязаны различные правовые последствия, которые в сложившихся представлениях о системе права имеют отраслевую принадлежность (гражданско-правовые, уголовные и т.д.), но в совокупности преломляются к конкретным субъектам, которым такие характеристики свойственны. Однако в настоящее время в гипотезах системно не закреплены экономические характеристики, а правовые последствия распылены по многочисленным правовым актам. Субъектам права весьма сложно ориентироваться в такой обстановке, не считая даже таких проблем норм права, как коллизии, пробелы и т.д.

Упростить задачу преломления различных правовых последствий к лицам, обладающим конкретными экономическими характеристиками, способно компьютерное программирование. Во многих

¹⁴ См.: Фосс А. Э. Сущность математики / пер. с нем. 3-е изд. М., 2009. С. 83.

языках компьютерного программирования используется конструкция «если – то» (if–then или if–then–else). Данная конструкция подобно норме права имеет функциональную структуру, поэтому язык программирования способен описывать гипотезы (if) и правовые последствия (then). Ориентируясь на собственные экономические характеристики, субъект экономической деятельности становится подобен водителю автомобиля, который находит нужный маршрут по навигатору, показывающему относительно конкретного водителя все возможные варианты маршрутов. Тем самым персонализация правового регулирования достигается посредством определения всей совокупности правовых последствий, преломленных к конкретным лицам, имеющим определенные экономические характеристики.

Прикладное значение функционального подхода к конструированию норм права может быть продемонстрировано на примере совершения сделки по отчуждению определенного имущества. Данная сделка может быть для конкретного субъекта одновременно крупной (ст. 78 Закона об АО¹⁵, ст. 46 Закона об ООО¹⁶), сделкой экономической концентрации (ст. 27–29 Закона о защите конкуренции¹⁷), подозрительной сделкой (ст. 61.2 Закона о несостоятельности¹⁸) и т.д. Если в нормах права подобные квалификации будут обусловлены экономическими характеристиками, которые свойственны определенным лицам, то квалификация будет возможна только в контексте индивидуальных масштабов деятельности конкретных лиц. Кроме того, если будут преломляться сразу все правовые последствия, то в таком случае исходя из индивидуальных масштабов деятельности конкретный субъект будет иметь возможность одновременно оценить возможные корпоративные, антимонопольные, банкротные, уголовные и иные правовые последствия и принять решение о ее совершении или несовершении.

Предмет правового регулирования: экономические отношения или экономическая деятельность?

Вытекающий из методологического индивидуализма тезис о том, что правовое воздействие на экономику реализуется посредством воздействия на участников экономической деятельности, актуализирует вопрос о предмете правового

¹⁵ См.: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3434.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

регулирования. В юридической науке предметом правового регулирования обычно называются общественные отношения. Впрочем, как справедливо отмечает А. Я. Курбатов, «в рамках общественных отношений можно выделить три уровня поведения: действия, операции, деятельность»¹⁹. При этом С. Н. Братусь справедливо подчеркивал, что «право, регулируя поведение людей, воздействуя на их волю, тем самым оказывает воздействие на производственные отношения. Регулируя поведение людей, право закрепляет и развивает производственные отношения, возникающие независимо от воли людей, как объективный результат их деятельности»²⁰. Таким образом, право прежде всего оказывает воздействие на поведение конкретных лиц, которые совершают определенные действия, из которых в итоге и складываются общественные отношения.

Именно при осуществлении экономических действий отдельные лица начинают определенным образом относиться друг к другу, занимая те или иные социальные роли. М. Вебер писал, что говорить об общественных отношениях можно только тогда, когда поведение нескольких людей соотносится по своему смыслу друг с другом и ориентируется на него²¹. Другими словами, общественные отношения как результаты взаимодействий производны от действий отдельных лиц, они невозможны без действий отдельных лиц.

При этом можно обратить внимание на доктринальный подход Ю. К. Толстого, который понимает «правоотношения как особые идеологические отношения, возникающие в результате наступления предусмотренных правовой нормой юридических фактов, как отношения, при посредстве которых (через которые) норма права регулирует фактические общественные отношения»²². В этом контексте идея регулирования общественных отношений основывается на представлении о некоей идеальной модели общественных отношений с заранее обозначенными социальными ролями, вступая в которые лица приобретают соответствующие правовые статусы. Получается так, что «настраивается» именно такая идеальная модель, с которой лица соотносят свои действия. Вместе с тем данный подход фактически означает, что лица

¹⁹ Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения. М., 2022. С. 12.

²⁰ Братусь С. Н. О роли советского права в развитии производственных отношений. М., 1954. С. 12, 13.

²¹ См.: Вебер М. Избр. произв. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 630.

²² Толстой Ю. К. К теории правоотношения // Толстой Ю. К. Избр. труды о собственности и правоотношениях / сост. и вступ. ст. А. А. Иванова. 2-е изд., доп. М., 2022. С. 78.

соотносят свои действия с теми правами и обязанностями, которые закреплены в праве в отношении конкретных социальных ролей. В итоге «настройка» правоотношений как идеологических отношений осуществляется именно для того, чтобы воздействовать на поведение субъектов, которые соотносят свои действия с этой идеальной моделью. В таком случае обнаруживается, что регулируется не сама по себе идеальная модель отношений, а именно поведение (действия) лиц.

Значительные наработки о деятельности как о предмете правового регулирования были сделаны представителями хозяйственного (предпринимательского) права. О смещении акцента в сторону хозяйственной деятельности писал В. В. Лаптев²³. Подчеркивая важность деятельностного подхода, В. К. Андреев также отмечает, что гражданским и иным законодательством регулируются не общественные отношения сами по себе, а «прежде всего экономическая деятельность граждан и юридических лиц»²⁴. Продолжая данную логику, стоит отметить, что каждый субъект действует в своем собственном правовом режиме. Например, при заключении и исполнении потребительского (b2c) договора (например, различная купля-продажа) правовой режим поведения потребителя отличается от правового режима предпринимателя. Это наглядно проявляется в различном режиме одностороннего отказа от исполнения обязательств (ст. 310 ГК РФ), гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства (ст. 401 ГК РФ), возможности компенсации морального вреда (ст. 15 Закона о защите прав потребителей²⁵), соблюдения требований технического регулирования и т. д. Несмотря на общее для них правоотношение, на каждого из них распространяются совершенно разные (специальные) правовые последствия, что обусловлено их разными экономическими характеристиками. Таким образом, несмотря на возможное признание правоотношения, в действительности правовое регулирование осуществляется в виде сообщения тем или иным лицам их правового режима деятельности. Тем самым регулируются не сами экономические отношения, а именно экономическая деятельность лиц.

Использование деонтических операторов в нормах права

При осуществлении экономической деятельности лицо соотносит свои действия с теми последствиями, которые предусмотрены в праве.

²³ См.: Лаптев В. В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010.

²⁴ Андреев В. К. Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал росс. права. 2016. № 5. С. 36.

²⁵ См.: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // С3 РФ. 1996. № 3, ст. 140.

Следовательно, совершение того или иного действия во многом зависит от того, насколько установленные правовые последствия желательны для лица. Выражаясь языком экономического анализа права²⁶, нормы права определяют стимулы и поведение лиц за счет того, что содержат точную информацию о «цене» того или иного поведения. В этом смысле субъект свободен реализовать любую поведенческую стратегию, однако с разными правовыми последствиями (т.е. по различной «цене»). Фактически задача правового регулирования сводится именно к тому, чтобы сообщить субъектам все цены за те или иные действия. Однако возникает вопрос, насколько оправданным является использование деонтических операторов (вправе, обязан, запрещено и т.д.) в нормах права, которые выражают моральное отношение государства или иного регулятора к деятельности субъектов?

Сообщая лицам меру их должного поведения регулятор выражает в праве свои моральные представления. Видимо, практика использования деонтических операторов основывается на изначальном синкретизме социальных норм, в которых не различались юридические и моральные свойства. При этом важно отметить, что представления регулятора о должном не обязательно будет совпадать с представлением участников экономической деятельности о должном. С точки зрения как регулирования, так и воспитания гораздо важнее не просто навязать свое представление о должном, а создать внутреннее убеждение у субъектов о том, что именно является должным.

Сами по себе моральные оценки регулятора о должном являются не столь эффективными. В регулятивном плане они вообще не относятся ни к гипотезам, ни к правовым последствиям. В качестве примера можно взять обязанность продавца передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи (п. 1 ст. 456 ГК РФ). Несмотря на обозначение обязанности, в действительности ситуация разбивается на два сценария, в одном из которых продавец передает обозначенный товар, а в другом – не передает. В каждом из двух сценариев наступают конкретные правовые последствия. В итоге вопрос о том, какой сценарий будет предпочтительнее для продавца, решается самим продавцом, исходя из соответствующих правовых последствий, а вовсе не из самой по себе обязанности. Соотнося возможные правовые последствия со своими действиями, участники экономического оборота ориентируются на свои собственные представления о должном.

²⁶ См.: Одинцова М.И. Экономика права: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 11, 12; Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 60.

По справедливому замечанию И. Бентама, «каждый делает сам себя судьей своей пользы»²⁷. Имеется в виду, что любое внешнее долженствование способно побудить субъекта к определенным действиям только в том случае, если оно соответствует собственному представлению субъекта о должном и может выступать одним из источников действий²⁸. Более того, вполне вероятно, что если за неисполнение определенной обязанности или за нарушение запрета субъект получит большую экономическую выгоду, чем за исполнение обязанности или соблюдения запрета, то, несмотря на формально выраженную обязанность в норме права, субъект предпочтет не выполнить вмененную обязанность.

Пример с продавцом наглядно показывает, что лицо самостоятельно выбирает модель поведения, исходя из своих собственных представлений о должном, которые формируются в том числе под влиянием системы правовых последствий. Поэтому вместо многочисленных моральных оценок в виде использования деонтических операторов в нормах права регулятору стоило бы лучшим образом выстроить систему «цен». В этой связи надо сделать так, чтобы работал механизм трансформации системы правовых последствий в субъективные представления о должном. Иными словами, задача регулятора может заключаться лишь в том, чтобы выстраивать такие связи юридических фактов и правовых последствий, чтобы стимулировать субъектов права на те или иные модели поведения.

Использование деонтических операторов органически связано с наделением субъектов правами, обязанностями, запретами и иными элементами, которые, как принято считать, образуют их правовой статус. Вместе с тем в рамках методологического индивидуализма отпадает необходимость говорить о правах, обязанностях, запретах и иных «традиционных» элементах правового статуса (последования) субъектов, ведь субъект фактически свободен как не исполнять обязанности, так и нарушать запреты, принимая на себя соответствующие правовые последствия. Лицо свободно совершать любые действия, но реализация различных проявлений свободы «стоит» по-разному.

С точки зрения художественной интерпретации приведенной модели субъект подобен былинному витязю, столкнувшемуся с веющим камнем на распутье. Показательно, что витязь был способен

²⁷ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 33.

²⁸ См.: Рыскельдцева Л. Т. О деонтологии, долженствовании и эстетизме // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 1. С. 152, 153; Прокофьев А. В. Обоснование морали и обоснование утилитаризма в этике Иеремии Бентама // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 15.

принимать решения согласно своим индивидуальным целям и ценностям без деонтических операторов. Согласно былине²⁹, на камне не было деонтических операторов, были лишь следующие формулировки: «в одну дорожку ехать – богату быть, в другую дорожку ехать – женату быть, а в третью ехать – убиту быть». Витязь свободен совершить любое действие, то есть выбрать любой путь, соотнося свои представления с обозначенными последствиями.

Представляется, что и правовое регулирование может быть подобно надписям на всем камне, которые сообщают участникам оборота последствия их собственных действий. Дело не в том, что государство вообще не должно заниматься дополнствованием, а в том, как эти дополнствования могут выражаться. Если дополнствование выражается прямым использованием деонтических операторов и наделением субъектов правами, обязанностями и т.д., то такое дополнствование является внешним принуждением, которое, как бы парадоксально это ни звучало, не имеет собственно юридического значения. Если регулятор хочет побудить субъектов к определенному поведению, то надо создавать реальные стимулы и настройки «правил игры», которые были бы выгодны не только государству и должностным по мнению регулятора для субъектов, а были бы наиболее выгодны и субъектам, и регулятору. Именно так регулятор сможет не навязывать свои представления о должном, а воспитывать и иным образом участвовать в формировании образа должного поведения у участников экономической деятельности.

Юридические факты

Осуществление экономической деятельности предполагает принятие решений. Таким образом, регулирование экономической деятельности становится возможным постольку, поскольку при принятии решений лица соотносят свои действия с различными факторами, в число которых входят и возможные правовые последствия за совершенные действия. В специальной литературе по теории принятия решений отмечается, что «задача принятия решения есть выбор одной из набора альтернатив A . После выбора альтернативы A_i возникает набор условий B_j , называемый состояниями или ситуациями, которые вместе с альтернативой влияют на принятие решения и определяют следствия C_{ij} »³⁰.

Данная модель объясняет, что решения (как альтернативы) принимаются в заданных параметрических ситуациях. С решениями связаны следствия,

²⁹ См.: Три поездки Ильи Муромца // Русские былины. Вып. 1. Богатыри киевские. М., 1904. С. 48.

³⁰ Панин С.Д. Теория принятия решений и распознавание образов: курс лекций: учеб. пособие. М., 2017. С. 85, 86.

которые могут быть представлены в виде правовых последствий. Поскольку правовые последствия ставятся в зависимость от конкретных обстоятельств, такие обстоятельства рассматриваются в качестве юридических фактов. С юридической точки зрения экономическая деятельность лиц состоит из определенных действий, которые являются юридическими фактами. По мере совершения действий у лица изменяются присущие ему экономические характеристики, описывающие его экономическое положение. Кроме того, при изменении экономических характеристик изменяется и правовое положение лица, так как ему в новых точках экономического пространства становятся свойственны новые «цены» как варианты следствий совершения новых действий. В целом влияние права на экономическую деятельность обосновывается тем, что при совершении действия, имеющего экономическое значение, наступают правовые последствия, которые, в свою очередь, с необходимостью переносят лицо в новую точку экономического пространства.

Как отмечает В. Залуский, теория принятия решений изучает решения в параметрических ситуациях, которые можно разделить на два типа: 1) ситуации, в которых есть только один человек, который «взаимодействует» с «миром»; 2) ситуации, в которых присутствует большое количество лиц, результаты решения каждого лица зависят от решений других лиц, но различные возможные решения других лиц должны рассматриваться каждым лицом как «состояния мира», потому что по вычислительным причинам невозможно сформировать отдельные ожидания относительно решения каждого другого человека³¹. В первом случае речь идет о таких действиях (решениях), которые в современной юриспруденции называются односторонними сделкам, когда для их совершения в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны (п. 2 ст. 154 ГК РФ), а в последнем случае – про принятие коллективных решений (например, договоры, решения съездов). Таким образом, при осуществлении экономической деятельности правовые последствия относительно конкретного лица бывают обусловлены либо индивидуальными решениями, либо коллективными решениями, в принятии которых участвует такое лицо.

При этом, поскольку каждое лицо действует в своем собственном правовом режиме, стоит говорить о том, как те или иные юридические факты влияют не на правоотношение в целом, а именно на правовое положение конкретного лица. Иными

³¹ См.: Załuski W. Game Theory in Jurisprudence. Copernicus Center Press, 2013. P. 20.

словами, юридические факты должны исследоваться не применительно к правоотношению в целом, а относительно конкретных лиц (принцип относительности юридических фактов). Дело в том, что даже если рассматривать договорное правоотношение с участием двух лиц, действие одного лица для него самого будет являться собственным действием, а для его контрагента – событием, т.е. некоторым внешним обстоятельством, которое он должен учитывать как данность, частью параметрической ситуации, в контексте которой будут приниматься его дальнейшие решения.

Из этого следует, что к собственно действиям как юридическим фактам будут относиться только действия лица, основанные на его индивидуальных решениях (например, односторонние сделки). В свою очередь, различные коллективные решения (договоры, решения собраний) будут являться для конкретного лица, участвующего в их принятии, относительными событиями. Дело в том, что при заключении договора или при принятии решения собрания конкретное лицо выражает свою волю, но общий результат взаимодействия, к которому привязаны определенные правовые последствия, зависит от волеизъявления остальных лиц. Например, оферта и акцепт являются индивидуальными решениями каждого конкретного контрагента, однако заключенный договор для каждой из сторон является результатом их взаимодействия, который зависел не только от воли одного лица. Для конкретного лица договор и решение собраний – это внешние обстоятельства, которые корректируют его правовое положение, которые формируют параметрическую ситуацию, в условиях которой принимаются другие решения.

Поскольку правовые последствия ставятся в зависимость не только от индивидуальных решений, но и от коллективных, представляется возможным просчитать все варианты таких взаимодействий. В.В. Кулаков резонно указывает на невозможность выделения в правовом дискурсе непоименованных договоров, поскольку в праве закреплен исчерпывающий перечень объектов гражданских прав и ограниченный круг возможных действий при исполнении обязательств по их поводу³². Развивая данную идею, следует подчеркнуть, что правовые последствия различных взаимодействий участников оборота могут быть поставлены в зависимость от различных, но также определенных индивидуализирующих экономических характеристик и их комбинаций. Это позволит не подгонять конкретную экономическую деятельность под фрагментарные договорные правоотношения, закрепленные в правовых актах, а непосредственно

³² См.: Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14.

сразу предусматривать и квалифицировать правовые последствия, поставленные в зависимость от взаимодействия лиц, имеющих те или иные характеристики.

Результаты взаимодействия лиц могут быть систематизированы следующим образом:

№ взаимодействия	Критерий 1	Критерий 2	...	Критерий q
1	+	+	...	+
2	+	+	...	-
...
p	-	-	...	-

По правилам комбинаторики количество вариантов взаимодействий конечно. Это значит, что ко всем взаимодействиям можно привязать правовые последствия. Если критерием 1 обусловлено правовое последствие a, критерием 2 обусловлено правовое последствие b, ..., критерием q обусловлено правовое последствие z, то при наличии признаков по всем таким критериям (1, 2, ..., q) получается взаимодействие с порядковым номером 1, которое создает для определенного участника экономической деятельности правовые последствия a, b, ..., z. Формирующиеся варианты взаимодействия для каждого конкретного лица, участвующего в таком взаимодействии, будут представлять часть параметрической ситуации, в контексте которой им будут приниматься индивидуальные решения.

Впрочем, не только индивидуальные и коллективные решения влияют на правовое положение участников экономической деятельности. В этой связи не только относительные события, основанные на коллективных решениях (договоры, решения собраний), но и иные события выступают в роли своеобразных внешних корректировщиков правового положения.

В этой связи следует отметить то, как Верховный Суд РФ давал разъяснения по вопросу, является ли пандемия коронавируса обстоятельством непреодолимой силы. Так, было указано, что «признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в силу чего существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом

обстоятельств конкретного дела (в том числе срока исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника и т.д.)»³³. Таким образом, на примере пандемии подчеркивается идея о необходимости следования принципу относительности юридических фактов, поскольку об обстоятельствах непреодолимой силы можно говорить, только в контексте деятельности конкретного лица и при преломлении правовых последствий, которые обусловлены данным событием, к правовому положению определенных лиц.

Выводы

Методологический индивидуализм открывает горизонт для системной дифференциации правового регулирования. Исходя из того, что в рамках методологического индивидуализма предполагается вектор исследования от индивидов к макросоциальным образованиям, любое преобразование на макроуровне невозможно без воздействия на конкретных лиц. При этом в целях решения задач экономической политики необходимо формировать такое право, которое было бы максимально восприимчивым к экономическим характеристикам, способным индивидуализировать деятельность конкретных лиц. Адаптивное правовое регулирование необходимо для того, чтобы каждое лицо, имеющее определенный набор экономических характеристик, могло соотнести предполагаемую стратегию поведения с закрепленными правовыми последствиями. Методологический индивидуализм позволяет переосмыслить такие проблемы права, как конструирование норм права, использование деонтических операторов, а также по-новому посмотреть на предмет правового регулирования, понятие правового положения, теорию юридических фактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев В.К.* Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал росс. права. 2016. № 5. С. 36.
2. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 33.
3. *Братусь С.Н.* О роли советского права в развитии производственных отношений. М., 1954. С. 12, 13.
4. *Вебер М.* Избр. произв. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 630.
5. *Власенко Н.А.* Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал росс. права. 2015. № 12. С. 11–17.
6. *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 60.
7. *Кирпичев А. Е.* Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 164.
8. *Кулаков В. В.* Сложные обязательства в гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14.
9. *Курбатов А.Я.* Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения. М., 2022. С. 12.
10. *Лаптев В. В.* Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010.
11. *Маккай И.* Право и экономика для континентальной правовой традиции / пер. с англ. под науч. ред. Д. Раскова. М., 2019. С. 56.
12. *Мизес Л. фон* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. Челябинск, 2005. С. 43.
13. *Момджян К.Х.* К вопросу о конструировании социальной реальности // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 46, 47.
14. *Одинцова М.И.* Экономика права: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 11, 12.
15. *Панин С.Д.* Теория принятия решений и распознавание образов: курс лекций: учеб. пособие. М., 2017. С. 85, 86.
16. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. М., 2019. С. 52 (автор главы – И.В. Ершова), 125 (автор главы – А.А. Мохов).
17. *Прокофьев А. В.* Обоснование морали и обоснование утилитаризма в этике Иеремии Бентама // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 15.
18. *Рыскельдиева Л. Т.* О деонтологии, долженствовании и эстетизме // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 1. С. 152, 153.
19. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения // Толстой Ю.К. Избр. труды о собственности и правоотношениях / сост. и вступ. ст. А.А. Иванова. 2-е изд., доп. М., 2022. С. 78.
20. Три поездки Ильи Муромца // Русские былины. Вып. 1. Богатыри киевские. М., 1904. С. 48.
21. *Фосс А.Э.* Сущность математики / пер. с нем. 3-е изд. М., 2009. С. 83.
22. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой под ред. Р.И. Капелюшникова. М.; Челябинск, 2016. С. 8, 16.
23. *Шаститко А. Е., Тутов Л.А.* Заметки о методологическом индивидуализме в экономических исследованиях: есть ли границы применения? // Вестник Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. 2023. № 1. С. 6.
24. *Элиас Н.* Общество индивидов / пер. с нем. М., 2001. С. 99.
25. *Ben-Shahar O., Porat A.* Personalized Law: Different Rules for Different People. Oxford University Press, 2021. P. 22.

³³ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020 г.) // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.

26. *Udéhn L.* The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. No. 28. P. 498.
27. *Załuski W.* Game Theory in Jurisprudence. Copernicus Center Press, 2013. P. 20.
14. *Odintsov M.I.* Economics of Law: textbook for universities. 2nd ed., reprint and add. M., 2020. Pp. 11, 12 (in Russ.).
15. *Panin S.D.* Theory of decision-making and pattern recognition: a course of lectures: textbook. M., 2017. Pp. 85, 86 (in Russ.).
16. Legal regulation of economic activity: unity and differentiation / ed. by I.V. Ershov, A.A. Mokhov. M., 2019. Pp. 52 (author of the chapter – *I.V. Ershova*), 125 (author of the chapter – *A.A. Mokhov*) (in Russ.).
17. *Prokofiev A.V.* Justification of morality and justification of utilitarianism in the ethics of Jeremy Bentham // Philosophical Journal. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 15 (in Russ.).
18. *Ryskeldieva L.T.* On deontology, duty and aestheticism // Philosophical Journal. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 152, 153 (in Russ.).
19. *Tolstoy Yu. K.* Towards the theory of legal relations // Tolstoy Yu. K. Selected works on property and legal relations / comp. and the introductory article by A.A. Ivanov. 2nd ed., add. M., 2022. P. 78 (in Russ.).
20. Three trips of Ilya Muromets // Russian epics. Iss. 1. Bogatyr of Kiev. M., 1904. P. 48 (in Russ.).
21. *Foss A.E.* The essence of mathematics / transl. from German. 3rd ed. M., 2009. P. 83 (in Russ.).
22. *Hayek F.* Individualism and Economic order / transl. from English by O.A. Dmitrieva, ed. by R.I. Kapelyushnikov. M.; Chelyabinsk, 2016. Pp. 8, 16 (in Russ.).
23. *Shastitko A.E., Tutow L.A.* Notes on methodological individualism in economic research: are there limits to application? // Herald of the Moscow University. Ser. 6: Economics. 2023. No. 1. P. 6 (in Russ.).
24. *Elias N.* Society of individuals / transl. from German. M., 2001. P. 99 (in Russ.).
25. *Ben-Shahar O., Porat A.* Personalized Law: Different Rules for Different People. Oxford University Press, 2021. P. 22.
26. *Udéhn L.* The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. No. 28. P. 498.
27. *Załuski W.* Game Theory in Jurisprudence. Copernicus Center Press, 2013. P. 20.

REFERENCES

1. *Andreev V.K.* Legal entities as subjects of economic activity // Journal of Russ. law. 2016. No. 5. P. 36 (in Russ.).
2. *Bentham I.* Introduction to the foundations of morality and legislation. M., 1998. P. 33 (in Russ.).
3. *Bratus S.N.* On the role of Soviet law in the development of industrial relations. M., 1954. Pp. 12, 13 (in Russ.).
4. *Weber M.* Selected work. / transl. from German; comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov; preface by P.P. Gaidenko. M., 1990. P. 630 (in Russ.).
5. *Vlasenko N.A.* Individualization as a pattern of development of modern Russian legislation // Journal of Russ. law. 2015. No. 12. Pp. 11–17 (in Russ.).
6. *Karapetov A.G.* Economic analysis of law. M., 2016. P. 60 (in Russ.).
7. *Kirpichev A.E.* Entrepreneurial obligations of subjects of the public sector of the economy: dis. ... Doctor of Law. M., 2018. P. 164 (in Russ.).
8. *Kulakov V.V.* Complex obligations in Civil Law: abstract ... Doctor of Law. M., 2011. P. 14 (in Russ.).
9. *Kurbatov A. Ya.* Entrepreneurial Law: problems of theory and law enforcement. M., 2022. P. 12 (in Russ.).
10. *Laptev V.V.* Entrepreneurial (Economic) Law and the real sector of the economy. M., 2010 (in Russ.).
11. *Mackay I.* Law and economics for the continental legal tradition / transl. from English under the scientific editorship of D. Raskov. M., 2019. P. 56 (in Russ.).
12. *Miszcz L. von* Human activity: a treatise on economic theory / transl. from the 3rd rev. English edition by A.V. Kuryaev. Chelyabinsk, 2005. P. 43 (in Russ.).
13. *Momdjian K. Kh.* On the question of constructing social reality // Philosophical Journal. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 46, 47 (in Russ.).
14. *Odintsov M.I.* Economics of Law: textbook for universities. 2nd ed., reprint and add. M., 2020. Pp. 11, 12 (in Russ.).
15. *Panin S.D.* Theory of decision-making and pattern recognition: a course of lectures: textbook. M., 2017. Pp. 85, 86 (in Russ.).
16. Legal regulation of economic activity: unity and differentiation / ed. by I.V. Ershov, A.A. Mokhov. M., 2019. Pp. 52 (author of the chapter – *I.V. Ershova*), 125 (author of the chapter – *A.A. Mokhov*) (in Russ.).
17. *Prokofiev A.V.* Justification of morality and justification of utilitarianism in the ethics of Jeremy Bentham // Philosophical Journal. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 15 (in Russ.).
18. *Ryskeldieva L.T.* On deontology, duty and aestheticism // Philosophical Journal. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 152, 153 (in Russ.).
19. *Tolstoy Yu. K.* Towards the theory of legal relations // Tolstoy Yu. K. Selected works on property and legal relations / comp. and the introductory article by A.A. Ivanov. 2nd ed., add. M., 2022. P. 78 (in Russ.).
20. Three trips of Ilya Muromets // Russian epics. Iss. 1. Bogatyr of Kiev. M., 1904. P. 48 (in Russ.).
21. *Foss A.E.* The essence of mathematics / transl. from German. 3rd ed. M., 2009. P. 83 (in Russ.).
22. *Hayek F.* Individualism and Economic order / transl. from English by O.A. Dmitrieva, ed. by R.I. Kapelyushnikov. M.; Chelyabinsk, 2016. Pp. 8, 16 (in Russ.).
23. *Shastitko A.E., Tutow L.A.* Notes on methodological individualism in economic research: are there limits to application? // Herald of the Moscow University. Ser. 6: Economics. 2023. No. 1. P. 6 (in Russ.).
24. *Elias N.* Society of individuals / transl. from German. M., 2001. P. 99 (in Russ.).
25. *Ben-Shahar O., Porat A.* Personalized Law: Different Rules for Different People. Oxford University Press, 2021. P. 22.
26. *Udéhn L.* The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. No. 28. P. 498.
27. *Załuski W.* Game Theory in Jurisprudence. Copernicus Center Press, 2013. P. 20.

Сведения об авторе

ЕФИМОВ Анатолий Викторович –
кандидат юридических наук,
заместитель заведующего, доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета
правосудия; 117418 г. Москва,
ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

EFIMOV Anatoly V. –
PhD in Law,
Deputy Head, Associate Professor
of the Department of Business and Corporate Law
of the Russian State University of Justice;
69 Novocheremushkinskaya str.,
117418 Moscow, Russia

ТРУДОВОЕ ПРАВО
И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ»
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ТРУДЕ И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ**

© 2024 А. В. Серова

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

E-mail: a.v.serova@icloud.com

Поступила в редакцию 20.09.2023 г.

Аннотация. Современные политico-экономические вызовы обострили проблему высокого уровня безработицы среди молодых специалистов и одновременно породили проблему острой нехватки квалифицированных кадров. Причины такой диспропорции могут быть обнаружены в несбалансированности молодежной политики и политики в области труда и содействия занятости населения. Налаживание механизма их взаимодействия следует начать с решения вопроса неточности понятийного аппарата, используемого в правовых основах данных направлений отечественной социальной политики. Прежде всего необходимо пересмотреть подход к определению понятия «молодой специалист». Цель исследования – научно обосновать модернизацию понятия «молодой специалист» для целей законодательства о труде и занятости населения. Задачи исследования: выявить и проанализировать правовое содержание категории «молодой специалист» в контексте вопросов труда и занятости населения; систематизировать гарантии трудовых прав и прав в области содействия занятости молодых специалистов; сформулировать предложения по реформированию российского законодательства в исследуемой области. Сделан вывод о том, что занятость является одним из базовых компонентов качества трудовой жизни молодых специалистов. В связи с этим обоснована необходимость адаптации понятия «молодые специалисты», закрепленного в правовых основах молодежной политики, для целей законодательства о труде и занятости населения. Выявлено многообразие сложившихся в правотворческой деятельности подходов к определению признаков понятия «молодой специалист». Для обеспечения единообразной практики предложено на основе динамического подхода сформулировать определение данного понятия и закрепить его в Законе о занятости населения.

Ключевые слова: молодые специалисты, молодежная политика, качество трудовой жизни, занятость, политico-экономические вызовы, отраслевые соглашения, трудовое законодательство, законодательство о занятости населения, понятийный аппарат, профессиональное развитие.

Цитирование: Серова А. В. К вопросу о понятии «молодой специалист» в законодательстве о труде и занятости населения // Государство и право. 2024. № 7. С. 166–173.

DOI: 10.31857/S1026945224070146

**ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF “YOUNG PROFESSIONALS”
IN THE LEGISLATION ON LABOR AND EMPLOYMENT**

© 2024 А. В. Серова

Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

E-mail: a.v.serova@icloud.com

Received 20.09.2023

Abstract. Modern political and economic challenges have exacerbated the problem of high unemployment among young professionals and at the same time have created the problem of an acute shortage of qualified personnel. The reasons for this disparity can be found in the imbalance of youth policy and policy in the field of labor and employment promotion. The establishment of a mechanism for their interaction should begin with solving the issue of the inaccuracy of the conceptual apparatus used in the legal foundations of these areas of domestic social policy. First of all, it is necessary to reconsider the approach to the definition of the concept of “young professionals”. The purpose of the study is to scientifically substantiate the modernization of the concept of “young professionals” for the purposes of labor and employment legislation. Research objectives: to identify and analyze the legal content of the “young professionals” category in the context of labor and employment issues; to systematize guarantees of labor rights and rights in the field of employment promotion of young professionals; to formulate proposals for reforming Russian legislation in the field under study. The methodological basis of the research is the general scientific dialectical method of cognition of objective reality, various general scientific logical techniques, the method of content analysis and private legal methods of cognition (formal legal, comparative legal, historical and legal methods and the method of system analysis). Considerable attention is paid to the study of a large array of strategic planning documents and regulatory legal acts adopted at the federal and regional levels, as well as industry agreements. It is concluded that employment is one of the basic components of the quality of working life of young professionals. In this regard, the necessity of adapting the concept of “young professionals”, enshrined in the legal framework of youth policy, for the purposes of labor and employment legislation is justified. The variety of approaches developed in law-making activity to the definition of the signs of the concept of “young specialist” is revealed. To ensure uniform practice, it is proposed to formulate a definition of this concept on the basis of a dynamic approach and fix it in the legislation on employment of the population.

Key words: young professionals, youth policy, quality of working life, employment, political and economic challenges, industry agreements, labor legislation, employment legislation, conceptual framework, professional development.

For citation: Serova, A.V. (2024). On the issue of the concept of “young professionals” in the legislation on labor and employment // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 166–173.

Новые политico-экономические вызовы придают осо- бую злободневность вопросам качества трудовой жизни российских граждан. В фокусе внимания находятся разные социально-демографические группы и категории работни- ков. Не исключением являются и молодые специалисты.

Официальные статистические данные показывают по- явление тенденции снижения уровня занятости молодых специалистов: уровень безработицы среди выпускников образовательных организаций высшего и среднего про- фессионального образования 2019–2021 гг. выпуска вырос с 5.8 до 11.2%.¹ Недаром в разгар распространения пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 30 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон № 489), в котором был повышен возраст моло- дежи и молодых специалистов с 30 до 35 лет, 14 декабря 2021 г. распоряжением Правительства РФ № 3581-р была утверждена Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года, а 18 марта 2022 г. в пост- становлении Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362 (ред. от 24.09.2021) «О государственной поддержке в 2021 году юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при трудоустройстве безработных граждан» перечень граж- дан, трудоустройство которых дает работодателям возмож- ность получить финансовую поддержку от государства, был дополнен отдельными категориями молодежи в возрасте до 30 лет². В январе 2023 г. в Государственную Думу РФ

был внесен законопроект № 275599-8 «О занятости насе- ления в Российской Федерации», в котором предлагается ряд новелл, связанных с регулированием вопросов содействия занятости молодежи, в том числе молодых специалистов³.

Парадоксально, но в последнее время при таком низ- ком уровне занятости молодых специалистов стала прояв- ляться другая проблема – работодатели начали испыты- вать дефицит рабочей силы. Конечно, в любое время есть отрасли экономики, для которых данная проблема не яв- ляется новой. Но, скажем, развитие цифровой экономики породило потребность в подготовке ИТ-специалистов, в связи с чем в рамках национальной программы «Цифро- вая экономика Российской Федерации» был предусмотрен Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»⁴. В 2022 г. особенно остро кадровый дефицит проявился в связи с объявлением 21 сентября частичной мобилиза- ции, когда часть граждан была призвана на военную служ- бу, но еще большее количество людей выехало за пределы России. Причем для отдельных отраслей экономики (об-рабатывающие производства, водоснабжение, хранение, транспортировка⁵, легкая промышленность, машиностро-

2021 № 362» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 21.03.2022. № 0001202203210028.

³ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴ См.: Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 № 16) // СПС «Гарант».

⁵ См.: Дмитриева Д. Кадровая дыра: дефицит рабочей силы стал страшнее безработицы. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/04/28/Kadrova-dira> (дата обращения: 05.09.2023).

ение, пищевые производства⁶) такая ситуация стала крайне критичной. По различным оценкам в сфере строительства не хватает около 200 тыс. работников, а в ЖКХ – 90 тыс. работников⁷. При таких условиях происходит смена полупосов: теперь не соискатели борются за рабочие места, а работодатели начинают конкурировать друг с другом за кадры.

В дополнение к этому все эти отрицательные явления на рынке труда происходят на фоне еще одной негативной демографической тенденции, которая также делает актуальной проблему занятости молодых специалистов, – старение российского населения.

Приведенные данные в очередной раз доказывают справедливость высказываемого в научной литературе мнения о том, что занятость – базовый элемент качества трудовой жизни молодых специалистов⁸. Она определена в качестве флагманского направления молодежной политики на самом высоком уровне политической деятельности. Так, эта идея была базовой в выступлении Председателя Комитета Государственной Думы по молодежной политике А.П. Медведева на одном из заседаний Комитета в феврале 2022 г.⁹ Актуальные вопросы занятости молодых специалистов 22 декабря 2022 г. были предметом обсуждений на заседании Государственного Совета РФ¹⁰, а в январе 2023 г. по его итогам Президент РФ В.В. Путин утвердил Перечень поучений, посвященных вопросам молодежной политики¹¹.

Очевидно, что повышение качества трудовой жизни молодых специалистов требует комплексного подхода и взаимодействия многих субъектов. Законодательство о труде и занятости населения в этом контексте рассматриваются в качестве направляющих, базовых отраслей. Поэтому настояще исследование сконцентрировано преимущественно на изучении того, каким потенциалом уже обладают названные отрасли российского законодательства и какими должны стать векторы их модернизации, но подразумевая необходимость их взаимодействия с иными отраслями законодательства (об образовании, социальном обеспечении, налогах и прочих).

На пути к достижению поставленной цели одной из первостепенных задач является определение круга тех лиц, кого следует относить к числу молодых специалистов. В юридической литературе существует немало научных работ, посвященных данному вопросу. Особенно активно научные изыскания проводились учеными до момента, пока в законодательстве

⁶ См.: Бирюков М. ЦБ заметил усиление нехватки рабочей силы на фоне мобилизации. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/482622-cb-zametil-usilenie-nehvatzki-rabocej-sily-na-fone-mobilizacii> (дата обращения: 05.09.2023).

⁷ См.: В Минстрое заявили о нехватке рабочих в строительстве. URL: <https://media-mig.ru/indicators/v-minstroe-zayavili-o-nehvatzke-rabochih-v-stroitele/> (дата обращения: 05.09.2023).

⁸ См.: Сафина Л.М., Сафина Д.М. Проблемы формирования и развития качества трудовой жизни молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 4. С. 54.

⁹ См.: На заседании профильного комитета предложили пути решения ключевых проблем в трудоустройстве российской молодежи. URL: <http://duma.gov.ru/news/53480/> (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁰ См.: Заседание Государственного Совета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/70169> (дата обращения: 05.09.2023).

¹¹ См.: Перечень поручений по итогам заседания Госсовета. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 05.09.2023).

не появилось его нормативное определение¹². Но и впоследствии данный вопрос не был оставлен без внимания¹³. Большинство ученых традиционно признают, что сущность понятия «молодой специалист» складывается из системы следующих признаков: возраст, уровень образования, отсутствие опыта работы. Некоторые дополняют этот список еще и сроком сохранения статуса.

Нормативно понятие «молодой специалист» закреплено в ст. 2 Закона № 489. Из содержания его определения следует, что ключевыми характеристиками молодых специалистов являются: возраст до 35 лет включительно; факт завершенности процесса обучения; трудоустройство по полученной квалификации; такое трудоустройство должно осуществляться в первый раз.

В Трудовом кодексе РФ, как известно, данный термин не используется, к тому же в нем не всегда определяются возрастные границы для молодых работников. Возникает закономерный вопрос: необходимо ли в Трудовой кодекс РФ ввести нормативное определение понятия «молодой специалист» и будет ли оно как-то отличаться от того варианта, который предусмотрен в Законе № 489?

Для ответа на этот вопрос нами был проведен анализ имеющихся в Трудовом кодексе РФ законодательных уставновлений, которые прямо или косвенно имеют привязку к работникам молодого возраста. Условно их можно объединить в три группы: нормы, регулирующие труд несовершеннолетних; нормы, устанавливающие гарантии совмещения работы и получения образования; нормы, регулирующие особенности содержания трудового договора лиц, завершивших обучение. Из названных последняя группа норм наиболее близка по своему содержанию к вышеупомянутому определению понятия «молодой специалист», поскольку они имеют четко выраженный адресный характер ввиду непосредственной направленности на лиц, получивших образование или прошедших обучение (ст. 57, 70, 207, 249 ТК РФ). Во взаимосвязи друг с другом они являются воплощением так называемого метода «кнута и пряника», с помощью которого достигается цель обеспечения стабильности трудовых отношений после завершения процесса получения образования или прохождения обучения: работодатель не имеет возможности в облегченном для него порядке расторгнуть трудовой договор с работником, а увольнение работника по его желанию сдерживается риском возмещения работодателю затрат, связанных с обучением работника. Но главное отличие таких положений Трудового кодекса РФ – в них отсутствуют возрастные ограничения. Данное обстоятельство позволяет отметить более благоприятный для работников характер положений Кодекса, которые применяются в связи с фактом завершения процесса получения образования и обучения. Поэтому уже на этом этапе анализа можно сделать вывод о том, что во введении в понятийный аппарат Трудового кодекса РФ понятия «молодой специалист» нет необходимости, поскольку это может сузить объем гарантий, обеспечивающих стабильность трудовых отношений граждан

¹² См., напр.: Болотова Е.Л. Есть ли правовой статус у молодого специалиста? // Народное образование. 2010. № 2. С. 132, 133; Жукова А.С. Молодые специалисты – особая категория? // Кадровик. 2011. № 6. С. 88–95; Парягина О.А. Молодой специалист: эволюция понятия в современных условиях // Право и образование. 2009. № 1. С. 98–110; Смирнова Д.А. Определение статуса «молодой специалист государственной гражданской службы» // Вестник науки и образования. 2019. № 3 (57). Ч. 2. С. 31.

¹³ См.: Ткачева К.А. Особенности заключения трудового договора с молодым специалистом // Теория и практика современной науки. 2021. № 6 (72). С. 298–301.

после получения ими профессионального образования или прохождения профессионального обучения. Более того, если вспомнить о концепции обучения в течение всей жизни, то именно безразличное отношение к возрасту положений Трудового кодекса РФ делает их способными претворить ее в жизнь. Вследствие этого целесообразнее видится развитие положений Трудового кодекса РФ именно в рамках данного концептуального подхода (особенно когда речь идет о стажировках, наставничестве и адаптации, которые очевидно нужны не только молодым специалистам). Единственное, к чему можно отнести критически, – это ограничение в один год на применение гарантий, установленной в ст. 70 ТК РФ, в то время как Закон № 489 его не устанавливает. Снятие данного барьера в Трудовом кодексе РФ могло бы способствовать расширению возможностей трудоустройства молодых специалистов и тем самым содействовать более эффективной реализации молодежной политики. Но мы прекрасно понимаем, что трудоустройство гражданина по полученной квалификации по прошествии более длительного периода времени будет означать утрату им части навыков, на восстановление которых потребуется дополнительное время и затраты. Поэтому с позиции обеспечения баланса интересов сторон трудовых отношений временное ограничение действия гарантий прав в сфере труда и занятости для молодых специалистов следует признать в качестве допустимого.

Однако полностью отказываться от введения в понятийный аппарат трудового права в целом категории «молодой специалист» было бы неправильно. Анализ правотворческой практики в сфере труда разного уровня позволяет выявить причины формирования дифференцированного подхода в регулировании правового статуса молодых специалистов. Среди них ярко выраженный характер имеют негативные структурные изменения на рынке труда, когда работодатели начинают испытывать нехватку кадров. Причем такие проблемы можно рассматривать с разных ракурсов, каждый из которых имеет четкое правовое воплощение.

В первую очередь следует отметить, что в правовых актах прослеживается разная степень дифференциации правового регулирования. В одних случаях принимаются акты, касающиеся молодых специалистов в целом. При этом вопросы качества трудовой жизни могут быть включены в более широкий предмет правового регулирования (например, если нормативный документ касается вопросов занятости населения¹⁴), а в некоторых случаях принимаются нормативные правовые акты, посвященные исключительно молодым специалистам¹⁵. Более глубокая степень дифференциации наблюдается тогда, когда предпринимаются меры по устранению кадрового дефицита в рамках определенных профессий и специальностей. В настоящее время особое внимание уделяется молодым специалистам – медицинским работникам¹⁶, молодым

¹⁴ Они отнесены к лицам, испытывающим трудности в поиске работы, в п. 2 ст. 5 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (см.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 18, ст. 566), в п. 1 ст. 1 Закона г. Москвы от 22.12.2004 № 90 «О квотировании рабочих мест» (см.: Тверская, 13. 2004. 30 дек.).

¹⁵ См.: Закон Калужской области от 04.02.2005 № 25-ОЗ «О молодом специалисте в Калужской области» // Весть. 2005. 9 февр.

¹⁶ См., напр.: Перечень поручений по итогам совещания по вопросам модернизации первичного звена здравоохранения (утв. Президентом РФ 02.09.2019 № Пр-1755) // СПС «Гарант»; постановление Правительства РФ от 09.10.2019 № 1304 «О модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 10.10.2019; Закон Еврейской автономной области от 30.10.2013 № 390-ОЗ «О мерах

специалистам – педагогическим работникам¹⁷, молодым ученым¹⁸, молодым специалистам в области искусственно-го интеллекта¹⁹.

Другой угол рассмотрения данного вопроса предопределен структурными диспропорциями на рынке труда в территориальном и (или) отраслевом разрезе. Отраслевой разрез отражает потребности отдельных отраслей экономики в пополнении своего кадрового потенциала молодыми кадрами (в целом или по определенным профессиям и специальностям). В этом отношении распространенной является практика социальных партнеров, направленная на закрепление дополнительных гарантий по повышению качества трудовой жизни молодых специалистов в отраслевых соглашениях²⁰. В отношении муниципальной службы Президентом РФ в июне 2023 г. дано поручение представить предложения по разработке механизмов привлечения молодых специалистов и узких специалистов на муниципальную службу²¹.

Структурные диспропорции на рынке труда, имеющие территориальный характер, могут касаться, например, отдельных субъектов Российской Федерации, районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, сельской местности. Применительно к субъектам Российской Федерации такие проблемы могут решаться с помощью реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов (ст. 22.2–22.3 Закона о занятости населения). Несмотря на то что они напрямую не предусматривают обязательство работодателей по трудоустройству молодых специалистов, но в отношении некоторых должностей, относительно которых работодатели испытывают

по привлечению медицинских работников для работы в областных учреждениях здравоохранения и их закреплению» // Биробиджанская звезда. 2013. 15 нояб.

¹⁷ См., напр.: распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 678-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 г. и плана мероприятий по ее реализации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 04.04.2022. № 0001202204040022; Закон г. Москвы от 20.06.2001 № 25 «О развитии образования в городе Москве» // Тверская, 13. 2001. 12–21 сент.; постановление Кабинета министров Чувашской Республики от 13.09.2013 № 377 «Об утверждении Примерного положения об оплате труда работников государственных учреждений Чувашской Республики, занятых в сфере образования и науки» // Вести Чувашии. 2013. 21 сент.

¹⁸ См., напр.: пункт 76 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 03.07.2021. № 0001202107030001; Указ Президента РФ от 18.06.2015 № 312 «Об утверждении Положения о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 18.06.2015.

¹⁹ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 11.10.2019.

²⁰ См., напр.: раздел 8 Отраслевого соглашения по финансируемым из федерального бюджета подведомственным Росморречфлоту учреждениям в сферах внутреннего водного транспорта Российской Федерации и образования Российской Федерации на 2022–2025 годы // СПС «Гарант»; гл. 7 Отраслевого соглашения по агропромышленному комплексу Российской Федерации на 2021–2023 годы // СПС «Гарант»; разд. 7 Отраслевого соглашения по организациям текстильной, легкой и фарфоро-фаянсовой промышленности Российской Федерации на 2021–2023 годы // СПС «Гарант».

²¹ См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (утв. Президентом РФ 04.06.2023 № Пр-111) // СПС «Гарант».

нехватку квалифицированных кадров, может быть предусмотрена такая мера поддержки работодателей, как компенсация расходов на оплату обучения работника перед его трудоустройством²². Так же, хотя и не так активно, используется потенциал регионального законодательства о занятости населения²³. Вместе с тем привлечение молодых специалистов в сельскую местность и на территории районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в федеральном масштабе не осуществляется. Если для сельской местности оправданным является точечное решение данного вопроса в отношении конкретных видов профессиональной деятельности, то для содействия кадровому обеспечению территорий районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей это можно рассматривать как упущение трудового законодательства, о чем неоднократно отмечалось в деятельности Федерации независимых профсоюзов России²⁴.

Следует отметить, что встречаются примеры смешанного подхода для устранения структурных диспропорций на рынке труда, когда принимаемые политико-правовые меры одновременно направлены на решение проблемы нехватки квалифицированных кадров с точки зрения и отраслевого (профессионального), и территориального аспекта. Такая ситуация наблюдается, например, в отношении системы образования²⁵, здравоохранения²⁶, агропромышленного комплекса²⁷, железнодорожного транспорта²⁸, физической культуры и спорта²⁹, Росархива и подведомственных

²² См.: постановление правительства Красноярского края от 27.07.2015 № 391-п «Об утверждении региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов» // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>), 29.07.2015.

²³ См., напр.: Закон г. Москвы от 22.12.2004 № 90 «О квотировании рабочих мест»; Закон Республики Татарстан от 24.07.2006 № 60-ЗРТ «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите» // Республика Татарстан. 2006. 28 июля.

²⁴ См.: постановление Генерального совета Федерации независимых профсоюзов России от 24.11.2021 № 10-4 «О задачах профсоюзов по защите социально-экономических прав трудаящихся районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, Дальнего Востока и Арктики» // СПС «Гарант».

²⁵ См.: Программа «Земский учитель» (постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 29.12.2017).

²⁶ См., напр.: Программа «Земский доктор» (постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 29.12.2017); Закон Еврейской автономной области от 30.10.2013 № 390-ОЗ «О мерах по привлечению медицинских работников для работы в областных учреждениях здравоохранения и их закреплению».

²⁷ См.: Закон Рязанской области от 03.08.2009 № 96-ОЗ «О государственной поддержке молодых специалистов агропромышленного комплекса Рязанской области» // Рязанские ведомости. 2009. 6 авг.

²⁸ См.: пункт 22 распоряжения ОАО «РЖД» от 18.07.2017 № 1397р «Об утверждении Положения о молодом специалисте ОАО «РЖД»» // СПС «Гарант».

²⁹ См.: пункт 11.6 Трехстороннего отраслевого соглашения по организациям сферы физической культуры и спорта Российской Федерации на 2021–2023 годы // СПС «Гарант».

ему организаций³⁰, МЧС России и подведомственных ему организаций³¹.

Конечно, не всегда причины, побуждающие к выстраиванию определенного курса молодежной политики в сфере труда в отношении молодых специалистов, обладают негативной коннотацией. К примеру, это может быть элементом политики корпоративной социальной ответственности. Данное обстоятельство также необходимо иметь в виду.

Как видно из примеров, круг правовых актов, с помощью которых принимаются меры, направленные на повышение качества трудовой жизни молодых специалистов, весьма широк. Он включает в себя политico-правовые акты (поручение Президента РФ, стратегии, концепции развития, государственные программы, региональные программы и другие), с помощью которых определяются основные направления развития государственной политики, предлагающие принятие мер нормативно-правового характера, и тем самым подчеркивается их стратегически важное значение для Российского государства. Основную массу, безусловно, составляют правовые акты разного уровня (федерального, регионального, отраслевого и иных) и вида (нормативные правовые акты и акты социального партнерства).

Отдельно следует отметить разнообразие подходов к определению содержания понятия «молодой специалист» при формировании дифференцированного правового регулирования в решении проблемы повышения качества трудовой жизни данной категории работников:

- 1) понятие полностью дублируется из Закона № 489³²;
- 2) по аналогии со ст. 70 ТК РФ устанавливается период времени, в течение которого выпускник трудоустраивается к работодателю с момента завершения обучения (три месяца³³, шесть месяцев³⁴, один год³⁵, три года³⁶);

³⁰ См.: пункт 6.3.7 Отраслевого соглашения между Федеральным архивным агентством, организациями, подведомственными Федеральному архивному агентству и Общероссийским профессиональным союзом работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации на 2023–2025 годы // СПС «Гарант».

³¹ См.: пункт 7.3.7 Отраслевого соглашения между Министерством РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Общероссийским профессиональным союзом работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации на 2023–2025 годы // СПС «Гарант».

³² См.: Федеральное отраслевое тарифное соглашение в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации на 2023–2025 годы // СПС «Гарант».

³³ См.: статья 2 Закона Калужской области от 04.02.2005 № 25-ОЗ «О молодом специалисте в Калужской области».

³⁴ См.: статья 2 Закона Самарской области от 06.07.2015 № 76-ГД «О молодом специалисте в Самарской области» // Волжская коммуна. 2015. 7 июля.

³⁵ См.: пункт 2 ст. 1 Закона Сахалинской области от 31.03.2010 № 15-30 «О денежных пособиях молодым специалистам в Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2020. 7 апр.

³⁶ См., напр.: пункт 2.7 постановления Кабинета министров Чувашской Республики от 13.09.2013 № 377 «Об утверждении Примерного положения об оплате труда работников государственных учреждений Чувашской Республики, занятых в сфере образования и науки»; п. 7.1 Отраслевого соглашения по организациям и медицинским учреждениям, находящимся в ведении Федерального медико-биологического агентства, на 2022–2024 годы // СПС «Гарант».

3) устанавливается период времени, в течение которого работник имеет статус молодого специалиста после трудоустройства к работодателю (например, три года³⁷);

4) определяется иной возрастной ценз (18–25 лет³⁸; 18–24 года – для выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования и 21–26 – для выпускников высшего профессионального образования³⁹);

5) ограничивается круг работодателей (например, государственные и муниципальные учреждения⁴⁰);

6) понятие заменяется на категорию «молодой работник»⁴¹.

Рассмотренные подходы не всегда можно оценить как соответствующие избранному государством курсу развития молодежной политики. В настоящее время государство стремится расширить круг получателей дополнительных гарантий в сфере труда и занятости путем повышения возраста признания граждан в качестве молодых специалистов с 30 до 35 лет. Поэтому положения нормативных правовых актов, устанавливающие более низкую возрастную планку, представляются необходимым привести в соответствие с правовыми основами молодежной политики в части установления возрастного ценза. Кроме того, многовариативность в определении периода действия гарантий с момента трудоустройства вряд ли можно оценить положительно. Предпочтительнее видится формирование единого подхода.

Еще один важный вывод заключается в том, что в целом решение проблемы повышения качества трудовой жизни молодых специалистов решается в направлении поиска ответа на вопрос даже не столько с точки зрения создания гарантий для трудоустройства, сколько о том, как сформировать эффективную мотивационную систему привлечения их на работу по полученной квалификации. Для этого государством и социальными партнерами задействуется весьма широкий перечень правовых инструментов:

1) содействие в выборе профессии: профориентационная работа среди школьников и студентов; проведение дней открытых дверей в организациях; мероприятия по популяризации престижности труда в конкретной отрасли и иные;

2) в период получения профессионального образования: участие работодателей в разработке и актуализации профессиональных стандартов, а в дальнейшем внедрение их в свою кадровую политику; оказание содействия развитию материально-технической базы образовательных организаций; организация проведения производственной практики студентами, направление специалистов для участия в образовательном процессе;

3) начало профессиональной деятельности:

а) гарантии в области трудоустройства: квотирование или создание рабочих мест для трудоустройства молодых

³⁷ См.: пункт 7.1 Отраслевого тарифного соглашения в электроэнергетике Российской Федерации на 2022–2024 годы // СПС «Гарант».

³⁸ См., напр.: пункт 2 ст. 5 Закона о занятости населения; п. 3 ст. 2 Закона Республики Татарстан от 24.07.2006 № 60-ЗРТ «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите».

³⁹ См.: пункт 1 ст. 1 Закона г. Москвы № 90 от 22.12.2004 «О квотировании рабочих мест».

⁴⁰ См.: статья 2 Закона Калужской области от 04.02.2005 № 25-ОЗ «О молодом специалисте в Калужской области».

⁴¹ См.: пункт 10.1 Отраслевого соглашения в оценочной деятельности и в других видах экономической деятельности, связанных с определением стоимостей в Российской Федерации на 2021–2023 годы // СПС «Гарант».

специалистов; обязательное трудоустройство по специальности молодых работников; формирование резерва молодых специалистов; финансовая поддержка работодателей, трудоустраивающих молодых специалистов;

б) гарантии, направленные на обеспечение стабильности трудовых отношений молодых специалистов: осуществление наставничества; проведение конкурсов профессионального мастерства; дополнительные выплаты в составе заработной платы; оказание работодателем и (или) профсоюзом материальной помощи молодым работникам; осуществление единовременной компенсационной выплаты; содействие созданию молодежных организаций; различные льготы молодым специалистам в иной социальной сфере (для занятия физкультурой и спортом, художественной самодеятельностью; помочь в решении жилищных вопросов).

Как видно из приведенного перечня правовые инструменты используются не только из ресурсов трудового права, но и иных отраслей права и законодательства (права социального обеспечения, законодательства о занятости населения и иных), что подтверждает высказанный в самом начале тезис о необходимости междисциплинарного подхода к решению исследуемой проблемы. Кроме того, такие правовые инструменты предполагаются к использованию не только с момента, когда личность молодого специалиста фактически сформировалась, они предусматриваются для каждого из этапов его профессионального развития, к числу которых в психологии как раз и относятся выбор профессии, получение профессионального образования и начало профессиональной деятельности⁴². Условно такой подход можно обозначить как динамический, который, как показывают приведенные примеры, имеет четкое правовое закрепление в российском законодательстве. Более того, в последнее время наметилась тенденция по его усилению, о чем свидетельствуют законодательные новеллы о разрешении студентам при определенных условиях заниматься педагогической деятельностью или работать в образовательных организациях высшего образования и научных организациях⁴³, об упрощении процедуры трудоустройства лиц в возрасте 14 лет⁴⁴, о формировании у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам⁴⁵. В Государственную Думу РФ был внесен также законопроект о регулировании в Трудовом кодексе РФ вопросов стажировки⁴⁶. В рамках динамического подхода утверждена Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 г. Кроме того, одобрения заслуживает предложение об изменении определения понятия «молодой специалист» в Законе № 489 путем замены фразы «впервые устраивающейся на работу»

⁴² См.: Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование). СПб., 2015.

⁴³ См.: законопроект № 162738-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и ст. 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/162738-8> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴⁴ См.: Федеральный закон от 13.06.2023 № 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru)), 13.06.2023. № 0001202306130093.

⁴⁵ См.: законопроект № 365972-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/365972-8> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴⁶ См.: законопроект № 333871-8 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/333871-8> (дата обращения: 05.09.2023).

на «осуществляющий трудовую деятельность»⁴⁷. Тем самым факт завершенности процесса обучения и трудоустройство по полученной квалификации впервые перестают иметь юридическое значение для квалификации субъекта в качестве молодого специалиста, вследствие чего данное понятие начинает расширяться по своему объему: теперь оно начинает затрагивать две стадии в профессиональном развитии молодого специалиста и охватывать более широкий круг получателей преференций, а первая стадия продолжает оставаться в рамках статуса молодежи.

Таким образом, с целью унификации правотворческой практики с учетом динамического подхода, подразумевая необходимость конкретизации специфики правового статуса молодых специалистов в сфере труда и занятости населения, модернизировать российское законодательство можно следующим образом.

1. Закрепить понятие «молодой специалист» в Законе о занятости населения. Фактически в скором времени это уже может произойти, если будет принята обновленная версия Закона о занятости населения. Что касается трудового права, то, как уже было отмечено, для него введение такого понятия в Трудовой кодекс РФ будет нецелесообразным ввиду риска снижения действующих гарантий. Более выгодным является вариант его точечного использования в иных нормативных актах для конкретных трудоправовых целей, улучшающих положение молодых специалистов в силу причин объективного характера (например, если это необходимо в целях усиления кадрового ресурса применительно к отдельным профессиям/специальностям, отраслям или территориям) или субъективного характера (например, в контексте проводимой работодателями политики корпоративной социальной ответственности).

2. Закрепить дефиницию понятия «молодой специалист» и определить ее особенности для целей законодательства в сфере труда и занятости населения, поскольку в Законе № 489 должен быть сохранен универсальный вариант, имеющий общее значение для любых сфер его применения.

В новой версии Закона о занятости населения предлагаются похожие нововведения, но в них преимущественно используется категория «молодежь», а в отношении молодых специалистов говорится только о содействии в их закрепляемости. При этом не уточняется, что под этим понимается. Преимущественно закрепляемость означает факт трудоустройства. Но подразумевает ли это предшествующий этап по содействию в поиске работы? Сегодня для лица, не имеющего квалификации, подходящей считается работа, которая не требует предварительной подготовки⁴⁸, а это значит, что студентам служба занятости населения не должна предлагать такие варианты работы, которые соответствуют пока еще получаемой ими квалификации. Важными вопросами являются и вопросы о том, учитывается ли при оценке закрепляемости длительность возникших трудовых отношений и всегда ли в таком контексте

⁴⁷ См.: законопроект № 387179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О молодежной политике в РФ”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387179-8> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴⁸ См.: пункт 4 Требований к подбору подходящей работы, утв. постановлением Правительства РФ от 02.11.2021 № 1909 «О регистрации граждан в целях поиска подходящей работы, регистрации безработных граждан, требованиях к подбору подходящей работы, внесении изменения в постановление Правительства РФ от 08.04.2020 № 460, а также о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 10.11.2021. № 000120211100005.

будет идти речь только о позитивных для молодого специалиста мерах? Представляется, что взгляд на решение проблемы должен быть с иным уклоном: следует задуматься не только об их закрепляемости, но и о стимулировании обоюдно как молодых специалистов, так и работодателей в привлечении таких кадров на работу по определенной квалификации. Поэтому в качестве методологической основы для формулирования определения понятия «молодой специалист» следует избрать динамический подход. Это позволит решить вопрос о содействии занятости обучающимся гражданам четко в направлении получаемой ими квалификации. Вслед за этим они смогут пользоваться иными преференциями, предоставляемыми молодым специалистам соразмерно их положению (можно распространить на них гарантию ст. 70 ТК РФ о запрете установления испытания при приеме на работу, дополнительные выплаты в составе зарплаты), а также факт работы по квалификации в период обучения не будет препятствовать им в получении статуса молодого специалиста в дальнейшем. Возможный вариант определения может быть таким: это гражданин Российской Федерации в возрасте до 35 лет включительно, обучающийся или завершивший обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения, осуществляющий трудовую деятельность в соответствии с получаемой или полученной квалификацией.

Статус молодого специалиста не должен быть как одномоментным, так и чрезвычайно длительным. Для правотворческой практики традиционным является установление трехлетнего срока его действия. Считается, что этого времени достаточно для получения первоначального опыта работы. Важно определить также момент начала его течения, как это, например, сделано в Сахалинской области. Таковым может быть день, следующий за днем, указанным в дипломе как дата присвоения квалификации, если молодой специалист к этому моменту уже был трудоустроен к работодателю, иначе – день начала осуществления трудовой деятельности у работодателя после завершения обучения, либо иной момент времени, установленный федеральным законом (например, после окончания отпуска по беременности и родам или отпуска по уходу за ребенком, если они были предоставлены в период обучения). В данный срок не нужно включать трудовую деятельность по квалификации во время обучения. Но, имея в виду риск утраты некоторой доли знаний, умений и навыков, для второго случая следует сделать ограничение в один год для начала осуществления трудовой деятельности. По примеру Самарской области стоит еще задуматься и об основаниях приостановления течения такого срока (например, нахождение в отпуске по беременности и родам, отпуске по уходу за ребенком, прохождение военной службы, в том числе по мобилизации, или альтернативной гражданской службы и иные). С целью предотвращения рисков злоупотребления правом со стороны молодых специалистов допустимо также ограничить возможность многократного использования определенных гарантий (если это касается, например, разовых выплат).

3. В случае реализации законодательной инициативы по закреплению понятия «молодой работник» в правовых основах молодежной политики⁴⁹ следует продумать вопросы о том, как оно будет соотноситься с понятием «молодой

⁴⁹ См.: законопроект № 387179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387179-8> (дата обращения: 05.09.2023).

специалист» и какие специальные гарантии в сфере труда и занятости населения будут предоставлены гражданам, относенным к числу молодых работников.

* * *

Таким образом, уточнение понятия «молодой специалист» для целей законодательства в сфере труда и занятости, предполагается, станет заделом для построения сбалансированной системы гарантий прав в сфере труда и занятости для молодых специалистов, что поможет как им, так и работодателям, а равно государству в преодолении на рынке труда негативных последствий современных политico-экономических вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков М. ЦБ заметил усиление нехватки рабочей силы на фоне мобилизации. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/482622-cb-zametil-usilenie-nehvatkai-rabocej-sily-na-fone-mobilizacii> (дата обращения: 05.09.2023).
2. Болотова Е.Л. Есть ли правовой статус у молодого специалиста? // Народное образование. 2010. № 2. С. 132, 133.
3. Дмитриева Д. Кадровая дыра: дефицит рабочей силы стал страшнее безработицы. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/04/28/Kadrovaaja-dira> (дата обращения: 05.09.2023).
4. Жукова А.С. Молодые специалисты – особая категория? // Кадровик. 2011. № 6. С. 88–95.
5. Парягина О.А. Молодой специалист: эволюция понятия в современных условиях // Право и образование. 2009. № 1. С. 98–110.
6. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование). СПб., 2015.
7. Сафина Л.М., Сафина Д.М. Проблемы формирования и развития качества трудовой жизни молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 4. С. 54.
8. Смирнова Д.А. Определение статуса «молодой специалист государственной гражданской службы» // Вестник науки и образования. 2019. № 3 (57). Ч. 2. С. 31.
9. Ткачева К.А. Особенности заключения трудового договора с молодым специалистом // Теория и практика современной науки. 2021. № 6 (72). С. 298–301.

REFERENCES

Сведения об авторе

СЕРОВА Алена Вадимовна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового права
Уральского государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева;
620137 г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
ORCID: 0000-0002-7444-9690

Authors' information

SEROVA Alena V. –
PhD in Law,
Associate Professor
of the Department of Labor Law,
Yakovlev Ural State Law University;
21 Komsomolskaya str.,
620137 Yekaterinburg, Russia



ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА КАК ИНСТИТУТ ПРАВОВОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА
И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024 г. Т. А. Полякова^{1, *}, Г. Г. Камалова^{2, **}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: gulfia.kamalova@gmail.com

Поступила в редакцию 15.04.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам модернизации института государственной тайны в интересах укрепления государственного суверенитета и безопасности в условиях необходимости усиления государственности Российской Федерации. В работе проведен информационно-правовой анализ существующих проблем института государственной тайны в контексте совершенствования российского законодательства в данной области в условиях обострения новых вызовов, рисков и угроз, связанных с проведением специальной военной операции, продолжающейся цифровизации и процессов формирования многополярного мира. Авторами выделен ряд приоритетов в области правовой защиты государственной тайны, заслуживающих особого внимания и развития в теории информационного права. Это также позволило обосновать правовые средства их решения на основе применения системного, формально-логического и иных методов исследования.

Ключевые слова: государственный суверенитет, национальная безопасность, национальные интересы России, информационное право, информационная безопасность, информация ограниченного доступа, государственная тайна, институт права, правовой режим информации, режим секретности, цифровые технологии, юридическая ответственность.

Цитирование: Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 7. С. 174–183.

Статья подготовлена в соответствии с Государственным заданием FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

DOI: 10.31857/S1026945224070159

STATE SECRET AS AN INSTITUTION OF LEGAL SUPPORT FOR NATIONAL SOVEREIGNTY AND SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 T. A. Polyakova^{1, *}, G. G. Kamalova^{2, **}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*
²*Udmurt State University, Izhevsk*

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru
**E-mail: gulfia.kamalova@gmail.com

Received 15.04.2024

Abstract. The article is devoted to the urgent problems of improving the institution of state secrets in the interests of strengthening the state sovereignty of the Russian Federation. The paper provides an information and legal analysis of the existing problems of the institute of state secrets in the context of improving Russian legislation in this area in the context of risks and threats of ongoing digitalization and conducting a special military operation determined by the processes of formation of a multipolar world. The authors have identified a number of problems in the field of legal protection of state secrets and proposed solutions based on the use of systematic, formal-logical and other research methods.

Key words: state sovereignty, national security, national interests of Russia, information law, information security, restricted access information, state secret, institute of law, legal regime of information, secrecy regime, digital technologies, legal responsibility.

For citation: Polyakova, T.A., Kamalova, G.G. (2024). State secret as an institution of legal support for national sovereignty and security of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 174–183.

The article was prepared in accordance with the State Task FMUZ-2024-0035 "Ensuring digital sovereignty and information security by legal means".

Введение

Закону РФ «О государственной тайне»¹, принятие которого явилось правовой вехой для публично-правовой сферы обеспечения национальной безопасности в сложных условиях постсоветского периода и перехода к демократическим институтам управления в ранее закрытой сфере государственных секретов, в июле 2023 г. исполнилось тридцать лет. Следует признать, что такой значительный период его действия – практически треть века – свидетельствует о его качестве и теоретической проработанности механизма защиты государственной тайны. Вместе с тем сохраняются и определенные сложности в этой области, связанные с тем, что как правоприменение, так и совершенствование законодательства в области защиты государственной тайны осуществлялись на переломе двух веков, когда менялись субъекты Федерации, осуществлялся переход к информационному обществу с его новыми подходами, законами и принципами. Среди новых трендов, несомненно, выделяются как особо значимые: открытость и доступность информации, цифровая трансформация общества и государства.

¹ См.: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I), ст. 6164.

Естественно, что эти и другие факторы развития и модернизации как российского общества, так и государственного управления, условий его функционирования, внешнеполитической и социально-экономической ситуации за три десятилетия, во многом революционного развития науки и технологий значительно изменили контур и характер регулируемых общественных отношений. Кроме того, с учетом происходящих процессов претерпело значительные изменения и национальное законодательство, а также модернизировалась система государственного управления (например, административная реформа 2003–2004 гг.), что затронуло и вопросы защиты государственной тайны. В этих условиях закономерно сформировалась необходимость переосмысливания и совершенствования положений Закона РФ «О государственной тайне», что и определило мотивацию авторов работы.

Государственный суверенитет – стратегический приоритет национальной безопасности России

В связи с происходящими тектоническими изменениями мироустройства и активизацией недружественной политики элит ряда западных государств возрастает актуальность обеспечения национальной безопасности и защиты интересов государства,

общества и граждан Российской Федерации в условиях возрастающих угроз безопасности. Указанные обстоятельства в значительной степени детерминировали необходимость модернизации всего комплекса публично-правовых наук и совершенствования законодательства (начиная с внесения поправок в Конституцию РФ). Этого требует и разворачивающийся в настоящее время «пересмотр ранее существовавших позиций и научных подходов, определяя основные тенденции развития правового обеспечения информационного пространства России»².

Однако в противовес обострению обстановки в мире и консолидации усилий недружественных государств происходит укрепление национального суверенитета в разных областях (научно-технологической, цифровой, информационной, экономической, финансовой, социальной и др.). Это определяет ключевую роль дальнейшего развития правового обеспечения системы публичного управления, в том числе в целях преодоления санкционного давления и рестрикций, формирования экономики данных, достижения технологического суверенитета России и успешного завершения специальной военной операции, что детерминирует внимание к стратегическим задачам научно-технологического развития, включая и значение фундаментальных научных исследований публично-правовой сферы.

Теоретико-методологические аспекты и практические вопросы обеспечения государственного суверенитета в связи с многовекторностью государственной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности, традиционно представляют значительный интерес и находятся в фокусе внимания научного сообщества, что определяет широкий спектр разноплановых исследований по этой тематике. Вместе с тем следует признать, что в последние годы интерес к проблеме обеспечения суверенитета значительно возрос и активизировались процессы переосмыслиния содержания самого понятия «суверенитет», в том числе в связи с трансграничностью информационного пространства и революционной динамикой использования информационно-коммуникационных технологий, включая развитие прорывных цифровых технологий, играющих ключевую роль для выхода России на передовые рубежи построения экономики данных и достижения цифровой зрелости.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что все чаще исследователями и специалистами используются понятия «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «технологический суверенитет» или «научно-технологический суверенитет» и иные, что является

закономерным результатом формирования современной системы причинно-следственных связей между достигнутым и перспективным уровнем развития отечественных продуктов и решений на базе информационных технологий и необходимым состоянием защищенности национального суверенитета Российской Федерации. Представляется, что это объясняется как динамикой информационной сферы и ее масштабным воздействием на процессы реализации публичной власти, потребностью в повышении прозрачности и подконтрольностью многих процессов, так и формированием новых вызовов и рисков безопасности в сфере государственного управления. Следует отметить, что очевидным трендом в результате расширения применения самых современных информационных технологий и активизации информационного обмена (цифрового оборота данных) является усиление влияния и конкуренция в борьбе за умы граждан.

Более того, в условиях роста масштабности цифрового пространства российского общества все более активно используются феномены информационных и гибридных войн, что влечет значительное повышение нагрузки на государство, его публичные институты власти, их систему и актуализирует стратегические задачи их укрепления. В связи с этим, учитывая, что цифровая трансформация, по всей вероятности, носит необратимый и долгосрочный характер, следует особое внимание уделить информационно-правовым институтам публично-правовой отрасли, которые направлены на обеспечение национальных интересов в целях защиты суверенитета и безопасности России.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации вопросы обеспечения обороны страны, государственной, общественной, экономической, экологической и информационной безопасности, научно-технологического развития и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, включая культуру и историческую память, определены как стратегические приоритеты³. Анализ показывает, что в указанном документе стратегического планирования, а именно он определен в Основах стратегического планирования⁴ как базовый, термин «суверенитет» использован 16 раз. При этом обращает внимание тот факт, что более чем половина таких положений связана с обеспечением информационной и культурной безопасности. Это представляется оправданным, поскольку

³ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 46, ст. 7676.

² См.: Полякова Т.А., Минбаев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104.

детерминируется повышением их социально-правового значения и, безусловно, большими вызовами и угрозами, возрастающими в информационной сфере в условиях изменения миропорядка.

Активизация применения цифровых технологий для осуществления актов вмешательства во внутренние дела государства, подрыва суверенитета и территориальной целостности требуют разработки и проведения значительного комплекса неотлагательных технических, организационно-правовых, экономических и иных мер в этой области, которые позволят эффективно противостоять актам недружественных государств. Полагаем, что это закономерно обуславливает возрастающую потребность максимального повышения внимания к вопросам правовой охраны информации ограниченного доступа, являющейся ключевым объектом процессов защиты информации, и особенно государственной тайны как наиболее значимого для обеспечения национальной безопасности вида информации.

Изучение генезиса института государственной тайны свидетельствует о том, что факторами, определяющими специфику динамики правового института государственной тайны в любой стране, являются исторические особенности его формирования, внешнеполитическая и внутренняя социально-экономическая ситуация, а также уровень развития науки и техники. Особое значение при этом имеет наличие «недружественного» окружения нашего государства, по сути, коалиции недружественных государств, обуславливающего активизацию деятельности иностранных разведывательных и специальных служб в условиях военных действий и продолжения военной операции. Безусловно, недружественная деятельность в информационной сфере, направленная против национальных интересов России, требует принятия адекватных мер противодействия, включая правовые. В связи с этим внимание исследователей к институту государственной тайны в силу ее значения для обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны, суверенитета Российской Федерации носит устойчивый характер и не только не ослабевает, но и возрастает в последние годы⁵.

Активизация процессов защиты государственной тайны и исследований проблем в этой области обусловлена рядом факторов, среди которых наиболее значимыми представляются: усиление роли государственно значимых сведений в военной и экономической сфере; высокая степень изощренности при

⁵ См., напр.: Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации / под общ. ред. М.А. Вуса, А.В. Федорова. СПб., 2003; Фатянов А.А. Законодательство Российской Федерации о государственной тайне: проблемы и перспективы // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (57). С. 45–49.

выборе методов деструктивного воздействия со стороны иностранных разведывательных и иных специальных служб; грандиозный для национального суверенитета Российской Федерации ущерб, который может быть нанесен в случае разглашения или утечки сведений, охраняемых в режиме государственной тайны.

Правовой институт государственной тайны в Российской Федерации

Правовой институт государственной тайны в России является комплексным и, развиваясь на стыке информационного и административного права, включает в себя, кроме норм указанных отраслей, также нормы конституционного, трудового, уголовного права и иных отраслей. При этом укрепление конституционных основ охраны государственной тайны сегодня является приоритетным вектором государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. В связи с этим неслучайно поправками, внесенными в Конституцию РФ в 2020 г.⁶, значительно усилены конституционные основания охраны государственно значимой информации в целях обеспечения национальной безопасности, в том числе при использовании цифровых технологий и обороте цифровых данных, что отражает трансформацию общественных отношений в связи с ростом воздействия таких технологий на все сферы жизни общества, государства и личности.

Возрастающее значение совершенствования правового обеспечения государственной тайны также усиливается в связи с необходимостью достижения технологического суверенитета Российской Федерации, включая цифровой суверенитет, так как суверенитет современного государства определяется не только традиционными факторами, но и способностью противодействия со стороны общества, государства и отдельной личности деструктивному информационному воздействию, в том числе на их информационную инфраструктуру.

Теоретико-методологические подходы к научным исследованиям, связанным с обеспечением государственной тайны и правовыми механизмами обеспечения режима секретности, среди исследователей существенно различаются – от попыток полного отрицания целесообразности совершенствования действующего законодательства в этой области до весьма критических позиций. Однако в условиях обострения межгосударственного противоборства в информационном пространстве, ведения гибридной и информационной войны против России и ее

⁶ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

национальных интересов государствами т.н. коллективного Запада в ходе формирования многополярного мира требования к защите государственной тайны закономерно усиливаются.

Значительный рост кибератак на российскую информационную инфраструктуру⁷, усиление вызовов, угроз и рисков информационной сферы в связи с продолжающейся специальной военной операцией являются не только фактами агрессии против России в информационном пространстве со стороны недружественных государств, но и попытками интеграции различных сил в ходе стремления оказать деструктивное влияние на социально-экономические процессы в стране путем раскачивания ситуации, что проявляется в попытках подрыва и дестабилизации обстановки изнутри с помощью деятельности иногенертов, различных сетевых изданий, ведущих антироссийскую пропаганду. Это влечет распространение идей русофобии, терроризма и экстремизма, стимулируя деятельность отдельных лиц против национальных интересов России, формирование деструктивных групп, а также иные негативные процессы, усиливающие угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Оценка состояния российского законодательства в области защиты государственной тайны

Полагаем, что в таких условиях особенно назрела необходимость анализа и оценки законодательства, направленного на защиту государственной тайны на предмет соответствия его современной государственной политике и выявления существующих проблем.

Даже юридико-лингвистический анализ действующего законодательства Российской Федерации в рассматриваемой области позволяет констатировать, что термин «государственная тайна» как слово-сочетание встречается в текстах более чем в двадцати пяти тысячах российских нормативных правовых актов, а также в их названиях – около одной тысячи документов. Полагаем, что уже это свидетельствует о масштабе открытой части правового регулирования в данной области на современном этапе развития российского законодательства. Правовой режим государственной тайны формировался на основе сложившегося в советский период времени правового механизма защиты секретности и, развиваясь последние три десятилетия, приобрел многоуровневый характер, образовав сравнительно стройную совокупность правовых норм, которая, вместе с тем,

⁷ См.: Кибербезопасность-2023 в цифрах, прогнозы 2024 // Центр международной торговли. Москва. URL: <https://wtcmoscow.ru/company/news/5334/?ysclid=lupqfc7kd162536871> (дата обращения: 03.04.2024); Кибербезопасность в 2023–2024 гг.: тренды и прогнозы // Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/kiberbezopasnost-v-2023-2024-gg-trendy-i-prognozy-chast-ryataya/> (дата обращения: 03.04.2024).

не лишена и некоторых недостатков, традиционно отмечаемых исследователями⁸.

Результаты анализа состояния законодательства в этой сфере показывают, что в целом оно обладает достаточно высоким уровнем стабильности и теоретической обоснованности применяемых механизмов защиты информации. В связи с этим следует согласиться, что «в системе правовых режимов информации ограниченного доступа режим государственной тайны является наиболее разработанным и устойчивым»⁹. Вместе с тем были определенные периоды весьма значительных изменений в законодательстве о государственной тайне, включая изменения, внесенные в 2012–2022 гг., а также в 2023 г., обусловленные политическими процессами, происходящими в России и мире, потребностями обеспечения национальных интересов на разных этапах развития страны в первой четверти XXI в., а также вызванные необходимостью минимизации существующих коллизий с нормами иного действующего законодательства Российской Федерации, включая нормы отраслей гражданского и уголовного законодательства.

Представляется, что существенные, можно даже сказать кардинальные, изменения в Закон РФ «О государственной тайне» были внесены летом 2023 г., многие из них вступили в силу в феврале 2024 г. Оценивая сегодня такую модернизацию базового Закона в рассматриваемой области, следует констатировать, что их детерминантами в значительной степени явились изменение мироустройства, интеграция антироссийской политики, усиление вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Новеллы, внесенные в Закон о государственной тайне Российской Федерации в 2023 г.

Анализ содержания новелл, внесенных в августе 2023 г. в Закон о государственной тайне, позволяет сделать вывод о том, что они направлены на расширение предмета регулирования, оптимизацию правового механизма обеспечения режима секретности и включили изменения следующих вопросов правового регулирования в данной области: сфера действия закона, оптимизация понятийного аппарата, расширение полномочий Президента РФ и Правительства РФ, усиление правового режима государственной тайны посредством повышения юридической значимости норм права в этой области, совершенствования процедуры допуска к государственной тайне, в том числе расширения круга лиц,

⁸ См.: Фатянов А.А. Указ. соч. С. 45–49; Верютин В.Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 313–323.

⁹ Камалова Г.Г. Вопросы формирования объекта правового режима государственной тайны // Национальная безопасность. 2016. № 4 (45). С. 472.

допускаемых в особом порядке, а также уточнение целого ряда законодательных формулировок.

В связи с этим обращает особое внимание оптимизация понятийного аппарата в новой редакции рассматриваемого Закона, в котором нашла законодательное закрепление новая дефиниция ключевого понятия «государственная тайна». В новой редакции данное понятие стало, с одной стороны, шире в связи с исключением существовавшей ранее привязки его к определенным видам деятельности, а с другой – стало более лаконичным и соответствующим правилам юридической техники, сохранив все существенные признаки сведений, охраняемых в специальном правовом режиме государственной тайны. Полагаем, что такой подход законодателя является оправданным и научно обоснованным, поскольку способствует конкретизации информационно-правовых понятий на основе их смыслового анализа и отказа от лишних сущностей.

Кроме того, в рассматриваемый Закон введено понятие «режим секретности», охватывающее массив тех требований, правил и мер, которые применяются при защите сведений, охраняемых в специальном правовом режиме государственной тайны. Правовое регулирование общественных отношений в сфере охраны государственной тайны традиционно опосредовано использованием императивного метода, что влечет определенное сочетание правил и требований в этой области, позволяющих характеризовать правовой режим государственной тайны как наиболее жесткий. Это определяет значительную специфику данного правового режима информации.

Полагаем, что законодательное закрепление специального термина «режим секретности» для определения совокупности применяемых требований, правил и мер при таком подходе следует приветствовать. Однако необходимо обратить внимание на использование этого термина в теории и практике защиты информации, в том числе государственной тайны, что отмечалось нами и ранее¹⁰. Кроме того, рассматриваемое понятие ранее использовалось и в законодательстве Российской Федерации¹¹, причем в ряде случаев в совокупности с понятием «режим конфиденциальности»¹². Таким образом, полагаем, дефинирование в Законе о государственной тайне понятия «режим секретности» явилось лишь законодательным закреплением существующей практики. Вместе с тем это, на наш взгляд, позволяет существенно усилить правовую определенность

¹⁰ См.: Камалова Г.Г. Указ. соч. С. 477.

¹¹ См., напр.: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5, ст. 375; Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 15, ст. 1269.

¹² Например: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3.

национального законодательства при условии размежевания рассматриваемого понятия с понятием «режим конфиденциальности».

Кроме того, следует отметить, что в новой редакции указанного Закона существенно изменено понятие «допуск к государственной тайне», которое теперь определено как «право лица на доступ к охраняемым сведениям». Полагаем, это способствует гармонизации российского законодательства о государственной тайне с законодательством государств – участников ЕАЭС и Содружества Независимых Государств. Обращает также внимание то, что ранее российское законодательство допуск к государственной тайне определяло как процедуру оформления соответствующего права. Однако понимание допуска как процедуры сохранилось в подзаконных актах.

Следует отметить, что законодательство о государственной тайне непосредственно взаимосвязано со сложной динамикой формирования и развития нормативно-правовых положений о служебной тайне. Как известно, в советский период использовалась категория «государственные секреты», объединявшая государственную и служебную тайну. Принятие в 1993 г. Закона о государственной тайне привело к отказу от этой категории и началу, впоследствии сохранившейся сегодня неопределенности в отношении служебной тайны.

Необходимость регулирования правовой охраны конфиденциальности служебных сведений в режиме служебной тайны сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Исследователи длительное время обращались к этой тематике, всесторонне проанализировав ее с позиции различных отраслевых наук. Однако длительное сохранение состояния неопределенности в отношении этой тайны сформировало в определенной степени современное безразличие исследователей к данной проблеме. В связи со сложившейся ситуацией в отношении законодательного регулирования отношений, связанных со служебной тайной, наметилась тенденция регулирования в этой области по конкретным сферам ее применения, что представляет собой, по нашему мнению, отход от научно обоснованного системного подхода в развитии правового регулирования информации ограниченного доступа.

В связи с этим в условиях специальной военной операции на Украине и усиления недружественных проявлений со стороны государств, ведущих токсичную политику в отношении национальных интересов России, осуществления агрессивной внешней политики со стороны этих государств т.н. коллективного Запада целесообразно в настоящем исследовании также остановиться на понятии «военная тайна», которая также имеет длительную историю существования в России, в том числе в советский

период развития¹³. Уже нередко исследователи поддерживают идеи возвращения понятие «военная тайна» в рамках института государственной тайны в области обороны¹⁴, а также служебной тайны военнослужащих.

Однако полагаем, что законодательное закрепление дефиниции такого нового понятия как «служебная тайна в сфере обороны», с одной стороны, снижает уровень актуальности такого подхода, а с другой, позволяет вновь поднять вопрос о целесообразности системного правового регулирования охраны конфиденциальности в режиме служебной тайны. К тому же значимость специального правового режима служебной тайны усиливается в сложной современной обстановке в связи с повышенными требованиями к защите сведений, составляющих государственную тайну, поскольку с позиции теории информационной безопасности по общему правилу обобщение сведений с более низкой степенью секретности или конфиденциальности может позволить получить сведения с более высокой степени секретности или конфиденциальности. В связи с этим считаем, что научно обоснованные подходы в данной области детерминируют целесообразность достижения правовой определенности в отношении служебной тайны во всех значимых взаимосвязанных областях посредством принятия общих законодательных норм о служебной тайне. Кроме того, в рамках научного дискурса об информационном кодексе и задач разработки цифрового кодекса, наметивших новые процессы систематизации и кодификации информационного законодательства, задача принятия решения о служебной тайне обретает новые перспективы.

Поддерживая в целом позицию о необходимости в государственных и общественных интересах совершенствования российского законодательства о государственной тайне, вместе с тем, полагаем, что, к сожалению, определенные ранее отмечавшиеся проблемы сохранились. Одной из них является использование в Законе о государственной тайне и соответствующих подзаконных актах такой конструкции, как «организации, предприятия и учреждения». Вместе с тем, как показало исследование, такое устойчивое словосочетание было характерно для законодательства советского периода, но в настоящее время его использование представляется неоправданным как не соответствующее положениям

¹³ См.: Камалова Г.Г. Некоторые вопросы правовой охраны информации ограниченного доступа в военной сфере // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 139–142.

¹⁴ См.: Балдин А.К., Редкоус В.М. К вопросу о возвращении понятия «военная тайна» в законодательство Российской Федерации: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6 (210). С. 146–151.

современного законодательства, включая гражданское, регулирующее организационно-правовые формы организаций¹⁵. Обращает внимание, что такое словосочетание фактически сохранилось только в законодательстве о государственной тайне и не используется при регулировании иных общественных отношений. С позиции юридической техники указанное словосочетание может быть заменено термином «организация», позволяющим более лаконично и четко изложить положения норм законодательства о государственной тайне.

Научный интерес в части возможного усиления правовой однозначности регулирования представляют также положения ст. 22 Закона о государственной тайне, в которых устанавливаются основания для отказа в доступе к государственной тайне. Обращает внимание, что в положения этой статьи не единожды вносились изменения, что способствовало существенному повышению определенности используемых формулировок и приближению к положениям действующего уголовного и иного отраслевого законодательства. Вместе с тем нельзя не отметить, что перечень оснований для отказа в доступе имеет перспективы дальнейшего совершенствования посредством разделения на основания отказа, носящие: безусловный и абсолютный характер, при их наличии допуск не может быть оформлен; относительный характер, при их наличии может быть отказано в доступе на основании решения уполномоченного лица.

Это позволит уменьшить меру административного усмотрения государственных органов и организаций, принимающих соответствующие решения. К основаниям, носящим безусловный характер, полагаем, должны быть отнесены: наличие медицинских противопоказаний, выявление в результате проверочных мероприятий действий лица, несущих угрозу безопасности Российской Федерации, признание лица недееспособным или ограниченно дееспособным, наличие у лица судимости за соответствующие преступления и включение его в реестр иностранных агентов.

Новеллами Закона о государственной тайне на первый взгляд выглядят положения ст. 21², устанавливающие обязанности должностных лиц и граждан, допущенных к государственной тайне, а также их социальные гарантии. Однако, по нашему мнению, в целом указанная норма не может рассматриваться как нечто абсолютно новое для законодательства в данной области, так как такие положения уже ранее содержались в Законе и в подзаконных актах. Между тем им был придан статус специальной законодательной нормы. С позиции правоприменительной практики, касающейся деятельности по защите

¹⁵ См.: Камалова Г.Г. Перспективы совершенствования правового регулирования государственной тайны в глобальном информационном обществе // Информационное право. 2018. № 4. С. 9.

государственной тайны, следует приветствовать законодательное закрепление ряда положений подзаконных актов, включая, например, принятие решения о допуске и прекращении допуска не только решением руководителя организации, но и решением уполномоченного им лица, что решает ряд проблем правоприменительной практики.

Как представляется, расширение круга лиц, допускаемых к государственной тайне в особом порядке, включая глав муниципальных образований, явилось весьма назревшим изменением, поскольку такая необходимость отмечалась ранее как исследователями, так и результатами судебной практики. Безусловно, положительно, на наш взгляд, следует оценить допуск в особом порядке участников судопроизводства, так как в этом вопросе имелся значительный пробел в прежней редакции Закона. Так, еще в 2013 г. в статье, посвященной государственному контролю в области защиты государственной тайны, О.Ю. Бакаева отмечала, что отсутствие допуска у лиц, участвующих в деле, их представителей или переводчиков не может быть основанием для их отстранения¹⁶.

Таким образом, законодатель устранил возможность ущемления прав граждан и организаций в данном вопросе. Вместе с тем в рассматриваемой законодательной норме по-прежнему не нашел отражения особый порядок допуска присяжных заседателей, предусмотренный п. 24 ст. 328 УПК РФ. Хотя коллегия присяжных заседателей может пониматься как составная часть суда, полагаем, специальное указание на присяжных заседателей как субъектов, допускаемых в особом порядке, во многом бы способствовала конкретизации норм законодательства о государственной тайне. Не случайно Конституционный Суд РФ в своем постановлении отметил, что при решении вопроса о допуске должен учитываться статус участника судопроизводства¹⁷.

При определении приоритетов совершенствования законодательства о государственной тайне в фокусе внимания находится проблема уточнения правовой нормы ст. 10 Закона о государственной тайне, предусматривающей ограничение прав собственности на информацию в случае ее засекречивания, так как действующее законодательство позволяет толковать это положение исключительно как ограничение права интеллектуальной собственности. Как справедливо отмечено Л.К. Терещенко, в этой норме

¹⁶ См.: Бакаева О.Ю. Государственный контроль в сфере защиты государственной тайны: актуальные вопросы правового регулирования // Информационная безопасность регионов. 2013. № 1 (12). С. 95.

¹⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко // СЗ РФ. 2017. № 49, ст. 7530.

к публично-правовым отношениям применена терминология частного права¹⁸. При этом обращает внимание, что с 2006 г. термин «собственник информации» в информационном праве и законодательстве не используется. Вместе с тем положения рассматриваемой статьи непосредственно связаны с инновационной деятельностью, направленной на создание результатов интеллектуальной деятельности. В условиях роста экономики данных в России, разработки и внедрения новейших отечественных технологических решений требуется дальнейший научный поиск адекватного правового механизма защиты прав субъектов инновационной деятельности, а также компенсации правообладателям ограничения возможности свободно распоряжаться и использовать сведения в связи с их засекречиванием.

В условиях роста компьютерных атак на российскую информационную инфраструктуру, включая критическую, фактов мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий, деструктивного информационно-психологического воздействия на граждан, общество и отдельные социальные группы населения ключевое значение для обеспечения национальной информационной безопасности Российской Федерации и национального суверенитета сегодня приобрело обеспечение культуры информационной безопасности граждан, в том числе в отношении обработки информации ограниченного доступа. В связи с этим закономерно в конце 2022 года была утверждена Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации¹⁹.

Правовые аспекты развития уровня культуры информационной безопасности граждан России в настоящее время в условиях информационной войны, ведущейся странами «коллективного запада», приобрели ключевую роль в защите информационного пространства Российской Федерации, что справедливо отмечается и обосновывается учеными с позиции информационного права²⁰. В связи с этим важной стороной процесса защиты государственной

¹⁸ См.: Терещенко Л.К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 69.

¹⁹ См.: распоряжение Правительства РФ от 22.12.2022 № 4088-р «Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 52, ст. 9726.

²⁰ См.: Полякова Т.А., Минбаев А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144; Полякова Т.А. Формирование культуры информационной безопасности: правовые векторы // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики: сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. / науч. ред.: Г.Г. Камалова, В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова. Ижевск, 2023. С. 3–10.

* * *

тайны продолжает оставаться обучение граждан и повышение их осведомленности в отношении разнообразных рисков и угроз информационной сферы, способов воздействия представителей разведывательных и иных специальных служб иностранных государств, а также обучение методам и средствам защиты информации.

Формирование правовых требований владения средствами и методами защиты информации усиливается в связи с расширением использования отечественных устройств, стратегических задач и программных решений в целях достижения технологического суверенитета страны. Это заставляет обратить пристальное внимание исследователей на вопросы технического регулирования, сертификации средств защиты информации и аттестации объектов информатизации, что приобретает высокую актуальность в условиях развития средств электронного шпионажа.

Исследование показывает, что важно не только повышение культуры информационной безопасности, но развитие ценностных ориентиров граждан России, которые позволяют им эффективно противостоять деструктивному информационно-психологическому воздействию, сформировав необходимые мотивы и модели поведения в системе «человек–государство». Кроме того, как справедливо отмечает А.Ю. Звонарева, в современных экономических условиях демократического государства, когда личные интересы граждан преобладают над государственными, важны не только образовательные и воспитательные мероприятия, но и меры экономического стимулирования, которые позволяют индивидуальные ценностные ориентиры координировать с национальными интересами²¹.

Определенное воспитательное и превентивное значение в современных условиях сложной международной остановки имеют и меры юридической ответственности. В настоящее время активизировались как иностранные разведывательные и иные специальные службы, так и экономическая и иная разведывательная деятельность, действующая под прикрытием различных экологических, гуманистических и иных негосударственных организаций. В этих условиях следует признать оправданным в России усиление мер уголовной ответственности за неправомерные действия в связи с защитой государственной тайны и иной информации ограниченного доступа.

²¹ См.: Звонарева А.Ю. Государственная тайна в системе обеспечения национальной безопасности: материалы науч.-практ. конф. «Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие» // Сетевое издание «Академическая мысль». 2022. № 4 (21). С. 162.

Таким образом, подводя итоги настоящего исследования, можно сделать вывод о том, что тенденции развития законодательства о государственной тайне детерминированы сложной динамикой общественных отношений в условиях формирования много极ного мира и повышением роли Российской Федерации в мировом сообществе, влекущими необходимость дальнейшего развития правовых механизмов противодействия большим вызовам и угрозам информационной сферы, включая враждебную пропаганду, кибератаки на российскую инфраструктуру, и противодействие деятельности иностранных разведывательных и специальных служб, активизировавшихся на фоне противостояния стран «коллективного Запада» усилиям России по укреплению своей национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакаева О.Ю. Государственный контроль в сфере защиты государственной тайны: актуальные вопросы правового регулирования // Информационная безопасность регионов. 2013. № 1 (12). С. 95.
2. Балдин А.К., Редкоус В.М. К вопросу о возвращении понятия «военная тайна» в законодательство Российской Федерации: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6 (210). С. 146–151.
3. Верютин В.Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 313–323.
4. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации / под общ. ред. М.А. Вуса, А.В. Федорова. СПб., 2003.
5. Звонарева А.Ю. Государственная тайна в системе обеспечения национальной безопасности: материалы науч.-практ. конф. «Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие» // Сетевое издание «Академическая мысль». 2022. № 4 (21). С. 162.
6. Камалова Г.Г. Вопросы формирования объекта правового режима государственной тайны // Национальная безопасность. 2016. № 4 (45). С. 472, 477.
7. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы правовой охраны информации ограниченного доступа в военной сфере // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 139–142.
8. Камалова Г.Г. Перспективы совершенствования правового регулирования государственной тайны в глобальном информационном обществе // Информационное право. 2018. № 4. С. 9.
9. Полякова Т.А. Формирование культуры информационной безопасности: правовые векторы // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики: сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. / науч. ред.: Г.Г. Камалова, В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова. Ижевск, 2023. С. 3–10.
10. Полякова Т.А., Минбалиев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104.

11. Полякова Т.А., Минбалиев А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144.
12. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 69.
13. Фатянов А.А. Законодательство Российской Федерации о государственной тайне: проблемы и перспективы // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (57). С. 45–49.
6. Kamalova G.G. Issues of formation of the object of the legal regime of state secrets // National security. 2016. No. 4 (45). Pp. 472, 477 (in Russ.).
7. Kamalova G.G. Some issues of legal protection of restricted access information in the military sphere // Actual problems of law in Russia and the CIS countries: materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference. 2016. Pp. 139–142 (in Russ.).
8. Kamalova G.G. Prospects for improving the legal regulation of state secrets in the global information society // Information Law. 2018. No. 4. P. 9 (in Russ.).
9. Polyakova T.A. Formation of information security culture: legal vectors // Ensuring information security: issues of theory and practice: collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference / scientific editors: G.G. Kamalova, V.G. Ivshin, G.A. Reshetnikova. Izhevsk, 2023. Pp. 3–10 (in Russ.).
10. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Main trends and problems of the development of the science of Information Law // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 94–104 (in Russ.).
11. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Troyan N.A. Formation of a culture of information security of citizens of the Russian Federation in the context of new challenges: public law problems // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 131–144 (in Russ.).
12. Tereshchenko L.K. The legal regime of information: dis. ... Doctor of Law. M., 2011. P. 69 (in Russ.).
13. Fatyanov A.A. Legislation of the Russian Federation on state secrets: problems and prospects // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notary. 2020. No. 2 (57). Pp. 45–49 (in Russ.).

REFERENCES

1. Bakaeva O. Yu. State control in the field of protection of state secrets: topical issues of legal regulation // Information security of regions. 2013. No. 1 (12). P. 95 (in Russ.).
2. Baldin A.K., Redkous V.M. On the issue of the return of the concept of “military secret” to the legislation of the Russian Federation: legal aspects // Law and the State: Theory and Practice. 2022. No. 6 (210). Pp. 146–151 (in Russ.).
3. Veryutin V.N. Public relations arising in the field of attribution of information to a state secret // Herald of the Tambov University. Series: Humanities. 2010. No. 4. Pp. 313–323 (in Russ.).
4. State secret and its protection in the Russian Federation / under the general ed. M.A. Vusa, A.V. Fedorov. SPb., 2003 (in Russ.).
5. Zvonareva A. Yu. State secret in the national security system: materials of the Scientific and Practical Conference “Extreme situations, conflicts, social harmony” // Online publication “Academic thought”. 2022. No. 4 (21). P. 162 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-3791-2903

КАМАЛОВА Гульфия Гафиятовна –
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой информационной
безопасности в управлении
Удмуртского государственного университета;
426034 г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher, Acting Head
of the Sector of Information Law
and International Information Security,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KAMALOVA Gulfiya G. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Information Security
in Management, Udmurt State University;
1 Universitetskaya str., 426034 Izhevsk, Russia.



КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© 2024 Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovany@mail.ru

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы теории, связанные с отсутствием в нормах законодательства Российской Федерации определения понятия правового статуса ребенка, элементов, определяющих его содержание, что не позволяет выявить специфику правового положения такого особого субъекта права, как ребенок. Такое законодательное положение весьма неблагоприятно сказывается на правоприменении, а в конечном счете и на самом ребенке, его правах, что требует пересмотра сформировавшихся в теории права основ о правовом статусе личности, их современной «адаптации» применительно к ребенку.

Автор приходит к выводу, что тенденции развития законодательства, нормы которого направлены на регулирование отношений с участием ребенка, степень его активности в отношениях разноотраслевого вида свидетельствуют о потребности выделения не только общего, но и специального и индивидуального правового статуса ребенка, содержание которых позволит точнее выявить специфику его правового положения по сравнению с иными участниками гражданского оборота.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государство, ребенок, несовершеннолетние, правовой статус, правовое положение, общий статус, специальный статус, индивидуальный статус, права и обязанности, гарантии, принципы, защита прав ребенка.

Цитирование: Летова Н. В. Концептуальные подходы к определению правового статуса ребенка в современных условиях // Государство и право. 2024. № 7. С. 184–191.

DOI: 10.31857/S1026945224070162

CONCEPTUAL APPROACHES TO DETERMINING THE LEGAL STATUS OF A CHILD IN MODERN CONDITIONS

© 2024 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovany@mail.ru

Received 04.12.2023

Abstract. The article deals with the problems of theory related to the absence in the norms of the legislation of the Russian Federation of the definition of the concept of the legal status of a child, the elements that determine its content, which does not allow us to identify the specifics of the legal status of such a special subject of law as a child. Such a legislative provision has a very unfavorable effect on law enforcement, and ultimately on the child himself and his rights, which requires a revision of the foundations formed in the theory of law about the legal status of the individual, their modern "adaptation" in relation to the child.

The author comes to the conclusion that the trends in the development of legislation, the norms of which are aimed at regulating relations with the participation of a child, the degree of his activity in relations of a diversified type, indicate the need to highlight not only the general status, but also a special, individual legal status of the child, the content of which will allow more accurately identify the specifics of its legal status in comparison with other participants in civil circulation.

Key words: Constitution of the Russian Federation, state, child, minors, legal status, legal status, general status, special status, individual status, rights and obligations, guarantees, principles, protection of the rights of the child.

For citation: Letova, N.V. (2024). Conceptual approaches to determining the legal status of a child in modern conditions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 184–191.

Введение

Значительные преобразования, произошедшие в стране, оказали влияние не только на социально-экономические отношения, но и потребовали системных изменений законодательства Российской Федерации, нормы которого направлены на регулирование различных отношений с участием несовершеннолетних. Сегодня их положение в обществе настолько изменилось, что требует дополнительных исследований традиционно сложившихся в теории права взглядов относительно определения правового статуса личности, их некоторой «адаптации» применительно к статусу ребенка с учетом современных вызовов и реалий.

Дети, являясь участниками самых разных отношений (гражданских, семейных, трудовых, процессуальных)¹, относятся к категории особых субъектов права, что обусловлено влиянием на их правовой статус многих факторов, в частности возраста, гендерной принадлежности, индивидуальных особенностей, наличия семьи, участия законных представителей и др., поэтому требуется пересмотреть концептуальные подходы к определению правового положения несовершеннолетних. В современной интерпретации нуждается не только определение понятия правового статуса ребенка, но и оценка юридической значимости структурных элементов, составляющих его содержание².

¹ См.: Летова Н. В., Чуча С. Ю., Соловяненко Н. И., Михайлов Е. В. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.

² Отдельные авторы указывали на необходимость теоретической разработки такого важного конституционного феномена, как статус личности (см.: Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2010. С. 250; Теория государства и права: курс лекций под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2001. С. 268; Воеводин Л. Д. Юридический статус

дополнительного осмыслиения требует исследование правового статуса ребенка как разновидности межотраслевой категории, в содержании которой прослеживается система разнообразных социальных связей и отношений с его участием³. Нормативной предпосылкой для такого подхода стали произошедшие в российском законодательстве изменения, прежде всего в Конституции РФ, согласно положениям которой дети определены в качестве приоритета политики государства (ст. 67.1), что актуализировало возрождение интереса к некогда высказанной в литературе идеи о закреплении конституционного статуса ребенка в отдельной норме Основного Закона⁴.

личности в России: учеб. пособие. М., 1997. С. 31–36; *Его же. Индивидуальное и коллективное в конституционном статусе личности* // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1997. № 5. С. 3; *Лазарев Л. В. Комментарий к Конституции РФ* / под ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 273, 274; и др.).

³ В литературе неоднократно отмечалось, что разрешение вопросов, связанных с правовым статусом ребенка, в гражданском и семейном праве, имеет важное теоретическое и практическое значение. Так, гражданско-правовой статус ребенка в Гражданском кодексе РФ представлен без учета специальных положений и ориентированы насовершеннолетнего гражданина, за исключением ст. 26–28. В Семейном кодексе РФ вовсе не приводятся основные элементы правового статуса ребенка, его право- и дееспособность, ограничены лишь перечислением его имущественных и личных неимущественных прав. Такое законодательное положение сказывается весьма неблагоприятно на правоприменении, а в конечном счете и на самом ребенке и его правах

⁴ См.: Борисова Н. Е. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 16; Курбанов Р. А. Краткий обзор положений об обеспечении прав детей в Конституции Российской Федерации и конституциях зарубежных стран // Экономика. Право. Общество. 2015. № 1 (1). С. 5–10; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учеб. 2-е изд. М., 2000. С. 154, 155; Баглай М. В. Конституционное право Российской

Такое законодательное решение позволило бы устранить имеющееся «несоответствие», когда в Конституции РФ дети обозначены в качестве приоритетного направления политики государства, в связи с чем им предоставлены особые меры социальной помощи, гарантирована защита в приоритетном порядке, при этом ни в Основном Законе, ни в других федеральных законах, нормы которых направлены на регулирование отношений с их участием, о правовом статусе не упоминается. Считаем, что присутствие в законодательстве отдельных норм, определяющих особенности правового регулирования отношений с участием детей, которые не обозначены в качестве самостоятельной категории субъектов права⁵, свидетельствует о пробеле в их регламентации.

Конституционные основы правового статуса ребенка.

Новые положения Конституции Российской Федерации, направленные на защиту традиционных семейных ценностей, обеспечили основу необходимую для законодательных условий по определению правового статуса ребенка в нормах законодательства РФ, в том числе отраслевого.

Теоретическая и практическая потребность в современном обосновании правового статуса ребенка обусловлена его участием в разноотраслевых отношениях, специфику которых необходимо учитывать в аспекте их взаимосвязи не только с понятием статуса ребенка, но и с иными смежными категориями (правоспособность, дееспособность, деялкостспособность и др.), юридическое назначение которых должно найти свое выражение не только в соответствующих нормах отраслевого законодательства, но и в содержании статуса.

Не отвергая сформировавшиеся в теории права взгляды относительно определения понятия правового статуса личности, попытаемся определить их «жизнеспособность», устойчивость применительно к определению понятия правового статуса ребенка как особого субъекта права. Теоретические изыскания по данному вопросу осложнены не только присутствием в литературе полярных мнений относительно определения понятия статуса личности, в частности ребенка⁶, но и отождествлением терминов «правовое

Федерации: учеб. М., 2000. С. 24; Чиркин В.Е. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М., 2003. С. 31; Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. М., 2000; Исаева К.М. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 7. С. 52; и др.

⁵ Уместно напомнить, что формирование современной системы правового статуса как личности, так и ребенка, началось только в начале XX в. Первым международным документом, предусматривающим существование особых прав детей, стала Женевская конвенция 1924 г., согласно которой ребенок рассматривался как субъект права и объект защиты, которому должны быть обеспечены фундаментальные потребности для его развития.

⁶ Так, одни авторы определяют правовой статус ребенка как «совокупность его прав, законных интересов, обязанностей, право- и дееспособности и других элементов юридического и естественного характера»; другие – как «статичную категорию, которая фиксирует правовое положение ребенка» и одновременно как «динамичную, изменяющуюся под влиянием ряда факторов»; третьи – как «объективированные и формализованные в праве возможности, необходимые личности ребенка для его всестороннего развития»; четвертые авторы – как «систему прав, свобод и обязанностей человека с рождения до достижения восемнадцатилетнего возраста» (см.: Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11; Летова Н.В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 17; Бутыко О.В. Правовой статус ребенка (Теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 12;

положение» и «правовой статус», традиционно применяемых при характеристике правового положения личности в рамках общетеоретической модели.

В отраслевых юридических науках чаще употребляется термин «статус», что позволяет точнее отразить именно отраслевые особенности прав ребенка, выделяя отдельные отраслевые его статусы, например гражданско-правовой, семейно-правовой, трудовой или процессуальный. Полагаем, что указанные статусы и разграничение категорий «правовое положение» и «правовой статус» имеют определяющее значение именно в случаях и в отношении характеристики такого субъекта, как ребенок. Принимая во внимание, что в законодательстве используется разная терминология для обозначения ребенка: «дети», «ребенок», «несовершеннолетние», «лицо, не достигшее совершеннолетия», в смысле его принадлежности к единой группе – «дети», логичнее применять термин – «правовое положение», а в случае характеристики конкретного ребенка – «правовой статус».

Дополнительная дифференциация таких категорий, на наш взгляд, раскрывается в содержании отдельных видов правовых статусов ребенка. Так, категория «правовое положение» определяется через категорию общего статуса, а «правовой статус» через категорию специального или индивидуального. В некотором смысле схожую позицию высказывают отдельные авторы, отмечая, что точнее различать два самостоятельных понятия – «правовое положение (статус) личности» в широком смысле и «правовое положение (статус)» в узком смысле, определяя их как смежные и не совпадающие между собой категории⁷.

Несмотря на имеющиеся различия в подходах относительно определения данных категорий, их назначение остается неизменным: правовой статус определяет юридически закрепленное положение личности в обществе, общий статус является единым для всех и представляет совокупность основных прав, свобод и обязанностей, принадлежащих ребенку от рождения и гарантированных Конституцией РФ⁸.

Своеобразие правового статуса ребенка проявляется в присутствии у него специальных прав, льгот или ограничений, которые указывают на его принадлежность к отдельной категории детей (дети-сироты, дети-инвалиды, дети-беженцы и др.) и определяют содержание его

Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. С. 15; и др.

⁷ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 116; Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // Юрид. мир. 2006. № 2; и др.

⁸ К правам, которые ребенок приобретает с момента рождения, относятся: право на жизнь (ст. 6 Конвенции о правах ребенка, ч. 1 ст. 20 Конституции РФ); право на имя, отчество и фамилию – с момента регистрации (ст. 7 Конвенции о правах ребенка, ст. 58 Конституции РФ); право на гражданство (ст. 7 Конвенции о правах ребенка); право знать своих родителей, право жить и воспитываться в семье; право на всестороннее развитие и уважение человеческого достоинства (ст. 27 Конвенции о правах ребенка); право на защиту своих прав и законных интересов родителями, органами опеки и попечительства, прокурором и судом (ст. 3 Конвенции о правах ребенка, ст. 56, 57 СК РФ); имущественные права (ст. 9, 12 Конвенции о правах ребенка, ст. 60 СК РФ). Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

специального правового статуса⁹. Наличие у ребенка прав, обусловленных его возрастом, гендерной принадлежностью, присутствием семьи, его персональными способностями, наклонностями, определяет содержание его индивидуального правового статуса.

Отличие правового положения ребенка от иных субъектов права проявляется в последовательной взаимосвязи всех трех видов правового статуса (общего, специального и индивидуального), каждый из которых оказывает самостоятельное влияние на содержание его статуса. Их значение различно, что обусловлено неоднородной динамикой прав ребенка, зависимой от его принадлежности к той или иной группе, персональных особенностей, возраста, пола и пр. Так, права ребенка, составляющие содержание специального и индивидуального правового статуса, отличаются высоким уровнем их подвижности по отношению к правам, образующим содержание его общего правового статуса. Принадлежность ребенка в зависимости от его возраста к той или иной возрастной группе, определяет динамику его прав, которая наглядно проявляется в связи с участием ребенка в отношениях разноотраслевого вида (семейных, гражданских, трудовых)¹⁰, что позволяет рассматривать его как вид *междисциплинарного критерия*. Их «движение» в некотором смысле зависит от степени активности ребенка как субъекта в таких правоотношениях, что определяет не только изменчивость его прав, но и в конечном счете формирует содержание соответствующих статусов.

Подвижность прав ребенка, оказывающая влияние прежде всего на содержание его специального и индивидуального статуса, не влияет на его общий статус, поскольку на основе общих норм возможна конкретизация специальных и индивидуальных прав ребенка, так как общие нормы определяют основу, необходимую для формирования содержания его специальных и индивидуальных прав. Иными словами, признание и существование последних невозможно без присутствия общих прав в содержании правового статуса ребенка, так же как не может быть общего без частного.

Вместе с тем следует признать, что по мере «нахождения» ребенка в той или иной возрастной группе, его «переход» из одной возрастной категории в другую по мере его взросления обеспечивает разную «наполняемость» его специального и индивидуального статуса, поскольку с достижением разного возраста законодатель связывает наступление разных правовых последствий, обусловленных возможностями, предоставленными ему законом. В этом смысле, именно специальный и индивидуальный статус ребенка наиболее динамичны, в отличие от общего, который статичен, поскольку реализация прав ребенка, составляющих его содержание, связана с достижением им совершеннолетия. В любом случае, вне зависимости от степени

⁹ Так, только в одном федеральном законе предусмотрено более 13 категорий (групп детей), обладающих специальным правовым статусом: дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды; дети, имеющие недостатки в психическом и (или) физическом развитии; дети – жертвы вооруженных и международных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий (ст. 1) и др. (см.: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802).

¹⁰ В литературе выделяют т.н. отраслевые виды статусов лица, например трудовой статус, включающий в себя трудовую правоспособность, трудовую дееспособность, конкретные права и обязанности (см.: Зайцева О.Б. Трудовая правосубъектность как правовая категория. Оренбург, 2006. С. 55; Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972. С. 63; и др.).

активности ребенка, подвижности его правовых статусов, полноценная характеристика его правового положения возможна при условии обеспечения их единства, что позволит выявить его специфику как особого субъекта права.

В теоретическом осмыслинении нуждается не только определение соотношения понятий «правового статуса» и «правового положения» ребенка, характеристика отдельных видов его статусов, но и оценка юридической значимости элементов, составляющих их содержание. Так, содержание общего статуса ребенка рассматривается через «призму» таких элементов, которые определяют законодательные возможности для каждого ребенка, независимо от его индивидуальных качеств, возраста, гендерной принадлежности, места проживания, культурной принадлежности и пр. К числу таких элементов относятся правосубъектность, права, свободы, обязанности, ответственность, гарантии, принципы, гражданство и др. Такое число элементов, определяющих содержание общего статуса, указывает на его понимание в широком значении¹¹. Отдельные авторы, напротив, считают, что содержание того же статуса может быть ограничено лишь единственным элементом, а именно основными правами, свободами и обязанностями, конкретизация которых осуществляется в процессе реализации отраслевых норм права¹².

Определение значимости указанных элементов в содержании правового статуса ребенка имеет некоторые «изъятия» по сравнению со статусом совершеннолетнего. Так, например, такой элемент, как обязанности, являясь базовым в содержании правового статуса личности, представлен в содержании правового статуса ребенка в «усеченном» виде (гл. 11 «Права несовершеннолетних детей» СК РФ), что предусматривает положение о возложении на несовершеннолетнего ребенка не только прав, но и обязанностей при условии, что он признан полностью дееспособным до достижения им совершеннолетия (ч. 1 ст. 56 СК РФ). Таким образом, можно признать, что такой элемент, как обязанности ребенка, в содержании его правового статуса формируется по мере достижения им определенного возраста, расширения объема дееспособности, в связи с признанием его полностью дееспособным по достижении им возраста 18 лет. Присутствие в законе таких норм предопределяет поиски ответа на вопрос, можно ли признать наличие общего статуса у такого ребенка?

Полагаем, что наличие в Конституции РФ положений прямого действия, направленных на охрану материнства, отцовства, детства, определяющих назначение детско-родительских отношений, оказывают в равной степени влияние и на его права и обязанности (гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», которая определяет основы правового статуса личности, ст. 64). По существу в этой главе formalизован конституционно-правовой статус личности, который проецируется на статус ребенка и служит определенной предпосылкой, необходимой для его специальных

¹¹ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 1999. С. 46; Витрук Н.В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1974. № 12. С. 11; Советское государственное право / под ред. А.И. Лепешкина. М., 1971. С. 211–213; Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 189–205; Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 15; и др.

¹² См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2002. С. 92; Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 96; Спирidonов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С. 181; и др.

и индивидуальных прав, формирующих содержание соответствующих правовых статусов.

Отличительными признаками характеризуется и такой элемент правового статуса, как принципы, которые применительно к статусу ребенка имеют системообразующее значение в том смысле, что они, по сути, определяют не только основополагающие начала регулирования отношений с участием детей, но и механизмы реализации направлений политики государства в сфере детства. Так, например, принцип приоритетной защиты прав и интересов детей применяется в нормах отраслевого законодательства (ч. 3 ст. 1 СК РФ, ст. 211 ГПК РФ) и одновременно может учитываться в содержании специального и индивидуального статусов ребенка. В этой связи если в содержании общего статуса ребенка принципы, как и обязанности, нереализуемы, то в специальном или индивидуальном они фактически определяют защиту прав и интересов конкретного ребенка (ч. 2 ст. 56, ч. 2 ст. 62 СК РФ). В содержании статуса ребенка их значение условно трансформируется из публичного в частное, когда защита его прав и интересов является обязанностью государства, социальная политика которого направлена на поддержку семей с детьми, в то время как приоритетная защита отдельного ребенка возложена на его законных представителей, полномочия которых определены нормами Семейного кодекса РФ (ст. 62, 64, 65).

Определение значения указанных элементов в содержании общего правового статуса ребенка представляет теоретический интерес не только в аспекте их влияния на содержание статуса ребенка, но и с учетом их взаимосвязи с принципом равноправия, предполагающего установление единых прав и возможностей для всех категорий детей независимо от пола, расы, возраста, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и проч. (ст. 19 Конституции РФ).

Изложенное позволяет признать наличие у ребенка общего правового статуса, содержание которого составляет совокупность его прав, обязанностей, принципов, гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, определяющих основу для специальных и индивидуальных прав и обязанностей ребенка, формирующих содержание соответствующих правовых статусов.

Отдельные виды правового статуса ребенка, их специфика и содержание

Особенности правового статуса ребенка четче проявляются именно в процессе реализации его специальных прав, специфика которых оказывает влияние на содержание его специального правового статуса. Сложности в его выявлении обусловлены тем, что нормы отдельных кодифицированных актов, Гражданского кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, отдельных федеральных законов не только не содержат такого понятия, но и не предлагают единобразия в наименовании субъекта, статус которого подлежит определению. Так, в одних нормах он поименован как лицо¹³, ребенок, в других – как несовершеннолетний. Полагаем, что во всех

¹³ Согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка, ребенок – это каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия (см.: Аблеева Г.Р. Конвенция ООН «О правах ребенка» как основной документ в формировании прав ребенка // Наука и Мир. 2014. Т. 2. № 2 (6). С. 168; Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определяет ребенка как лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия) (ст. 1) // С3 РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

случаях, независимо от применяемой законодателем терминологии, презюмируется, что речь идет о применении разноотраслевых норм в отношении лица, не достигшего совершеннолетия.

Разные наименования одного и того же субъекта обусловлены спецификой отраслевых норм, поскольку именно их правовая природа определяет выбор законодателя в обозначении ребенка как субъекта отраслевых отношений, содержание которых определяется сферой их регулирования. Так, например, гл. 3 ГК РФ называется «Граждан (физические лица)» и содержит нормы, определяющие дееспособность несовершеннолетних от 14 до 18 лет (ст. 26), дееспособность малолетних (ст. 28), акцентируя внимание на сделках гражданско-правового вида, которые могут совершать указанные субъекты либо самостоятельно, либо с согласия своих законных представителей¹⁴.

Использование законодателем в указанных нормах термина «несовершеннолетние» или «малолетние» фокусирует внимание прежде всего на объеме их дееспособности в отношениях гражданско-правового вида. Полагаем, что отсутствие в таких нормах прямого упоминания термина «ребенок» свидетельствует о расширении самостоятельности данного субъекта с учетом его возраста, не учитывая его юридической связи с родителями (наличие кровного родства), что характерно для отношений семейного вида или наследственных. Так, в случае наследования к числу наследников первой очереди по закону относятся дети (ст. 1142 ГК РФ), а несовершеннолетние или нетрудоспособные дети упоминаются, когда речь идет об определении круга лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ).

Нетрудно заметить, что отсутствие единого подхода в наименовании субъекта, являющегося участником наследственных отношений, обусловлено не только правовой природой таких отношений, но и разной степенью влияния юридического факта, связывающего наследников

¹⁴ С достижением разного возраста возможности ребенка, предоставленные ему законом, расширяются. Так, у ребенка, достигшего 14-летнего возраста, есть право давать согласие на изменение своего гражданства (ст. 9 Закона «О гражданстве Российской Федерации»), право отмены усыновления (ст. 142 СК РФ), право требовать установления отцовства в отношении своего ребенка в судебном порядке (ст. 62 СК РФ), право без согласия родителей распоряжаться заработком (стипендияй) и иными доходами, право без согласия родителей осуществлять права автора результатов своей интеллектуальной деятельности, право самостоятельно совершать некоторые сделки, нести ответственность за заключенным сделкам (ст. 26 ГК РФ), а также за причиненный вред от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих), право самостоятельно обращаться в суд для защиты своих интересов (ст. 56 СК РФ), право быть принятным на работу в свободное от учебы время для выполнения легкого труда (ст. 63 ТК РФ), право работать не более 24 часов в неделю (ст. 92 ТК РФ), право на поощрение за труд (ст. 191 ТК РФ); право на ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 31 календарный день в удобное для себя время (ст. 267 ТК РФ); право на объединение в профсоюзы (ст. 21 ТК РФ); право и обязанность иметь паспорт (см.: постановление Правительства РФ «Об утверждении положения о паспорте гражданина Российской Федерации»). С 15 лет у него есть право соглашаться или не соглашаться на медицинское вмешательство (ст. 24 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан); право быть принятным на работу в случаях получения основного общего образования, либо продолжение его освоения по иной, чем очная, форме обучения, либо оставления его в соответствии с законодательством (ст. 63 ТК РФ); с 16 лет – право работать не более 35 часов в неделю (ст. 92 ТК РФ); право на признание членом кооператива (ст. 26 ГК РФ); право с разрешения органа местного самоуправления при наличии уважительной причины вступить в брак (ст. 13 СК РФ); право самостоятельно осуществлять родительские права (ст. 62 СК РФ); и др.

и определяющего их статус в наследственных правоотношениях. Полагаю, что в тех нормах, назначение которых ориентировано на особое значение факта кровного родства между наследниками, в законе используется термин «ребенок», в частности, тех, которые направлены на охрану его интересов при разделе наследства (ст. 1166 ГК РФ). Напротив, в нормах, в содержании которых применяется термин «несовершеннолетние», на наш взгляд, усиливается степень самостоятельности самого ребенка по мере его взросления, возможности совершать различные сделки, в том числе в отношении имущества, переданного в порядке наследования.

Участие ребенка в семейных отношениях не только определяет особенности его правового положения, в которых чаще всего используется термин «ребенок» (ст. 1, 47, 48, 54–56, 60 СК РФ), но их содержание основано и на факте кровного родства, происхождении ребенка от родителей, определяющего сущность родительско-детских отношений. Их назначение оказывает влияние на статус ребенка, содержащего права, которые определяют его отношения в сфере семьи, включая право на воспитание, заботу со стороны родителей, его личные неимущественные и имущественные права. Нормы семейного вида ориентированы на создание семьи, рождение и воспитание потомства, обеспечивают нормативную основу для определения специального правового статуса ребенка, содержание которого учитывает специфику его участия в семейных отношениях. Так, в отдельных нормах Семейного кодекса РФ законодатель применяет не только термин «несовершеннолетний», но и дополняет его другим, указывающим на наличие у него семейных прав и обязанностей, «несовершеннолетний родитель или супруг» (ст. 28).

Свообразие семейного статуса ребенка проявляется не только в отождествлении разных по значению терминов, используемых законодателем для обозначения одного субъекта, но и в отсутствии точного определения основного элемента, образующего содержание его статуса: его обязанности¹⁵. Как отмечалось, гл. 11 СК РФ, которая посвящена правам несовершеннолетнего ребенка, не упоминает в содержании о его обязанностях, т.е. статус ребенка в сфере семейных отношений представлен в усеченном объеме. Считаем, что такое законодательное решение с учетом изменившейся активности несовершеннолетних в самых разных отношениях нуждается в пересмотре. Представляется, что отсутствие в содержании правового статуса ребенка такого элемента, как обязанности, за исключением тех, которые распространяются на несовершеннолетнего, но признанного дееспособным до достижения совершеннолетия (ст. 56 СК РФ), выглядит весьма противоречиво по отношению к ст. 62 СК РФ, предусматривающей только права несовершеннолетних родителей, которые они могут осуществлять самостоятельно по достижении ими возраста 16 лет (ч. 2 ст. 62).

¹⁵ См.: Мамошин А. И. Особенности правового положения несовершеннолетних родителей // Евразийский союз ученых. 2020. № 3–5 (72). С. 55; Летова Н. В. Специальная правоспособность и правовой статус ребенка // Государство и право. 2012. № 9. С. 75; Рабец А. М. Соотношение частных и публичных интересов в сфере государственной поддержки семьи в Российской Федерации // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 3. С. 48; Тарусина Н. Н. Об активной позиции суда в процессе защиты субъективных семейных прав и интересов ребенка // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 37; Якимов А. Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 10; и др.

На наш взгляд, допускание рождения ребенка у несовершеннолетнего родителя, законодатель не только не возлагает никаких обязанностей на такого родителя, но и такой родитель продолжает находиться под опекой, как правило, его родителей, которые, по сути, находятся в весьма нестандартной ситуации, когда фактически они выполняют «двойную нагрузку»: несут ответственность за несовершеннолетнего родителя, являющегося их ребенком, и его детей, являющихся их внуками. Наличие таких нетипичных, «законочных» правовых статусов не добавляет определенности в правовом положении ребенка, поскольку отсутствие у него обязанностей не позволяет ему быть полноценным участником таких отношений и нести ответственность за свои действия. По причине отсутствия у ребенка полной дееспособности часть его полномочий возложена на родителей (иных законных представителей), поэтому его права и обязанности не просто могут считаться условными, но и при определенном аспекте их рассмотрения, статично-декларативными, поскольку их реализация ребенком либо невозможна самостоятельно и требует участия в соответствующих правоотношениях его законных представителей, либо требует наступления определенных событий, например достижение им определенного возраста, либо юридических фактов, с которыми закон связывает наступление тех или иных правовых последствий (например, вступление ребенка в брак, эмансипация), возникновение которых в жизни ребенка приобретает особое значение и позволяют ему реализовать права и обязанности, которые принадлежат по закону совершеннолетним.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что правовой статус ребенка приравнен к статусу совершеннолетнего в некотором смысле условно, поскольку он наделен не всеми правами и обязанностями, которыми он может обладать по достижении возраста 18 лет. Такая ситуация, по нашему мнению, нетипична, когда законодатель приравнивает в правовом положении статус несовершеннолетнего к совершеннолетнему не в связи с соблюдением требования закона, достижения совершеннолетия, а в результате совершеннего им юридического факта, например регистрации брака до достижения возраста 18 лет. В такой ситуации статус ребенка отличается спецификой, так как он сочетает элементы разных статусов одновременно, когда, обладая статусом несовершеннолетнего, он может вступить в брак и стать родителем. Определенности правового статуса такого родителя не добавляет содержание гл. 12 СК РФ («Права и обязанности родителей»), системный анализ которой позволяет прийти к выводу, что несовершеннолетний по достижении им возраста 18 лет имеет право на брак, вступать в супружеские отношения, иметь детей, но не реализовать иные права и обязанности, которые перечислены в указанной главе (права и обязанности по воспитанию и образованию детей, права и обязанности по защите прав и интересов детей, ст. 63, 64 СК РФ).

Можно предположить, что присутствие ст. 62 СК РФ, которая определяет только права несовершеннолетних родителей, внесена ошибочно в содержание гл. 12 СК РФ, в которой указаны и права, и обязанности родителей, или законодатель предполагал, что они в полной мере распространяются и на несовершеннолетних родителей, хотя прямо это не следует из текста закона. С нашей точки зрения, такой пробел необходимо устранить путем полного приравнивания в правах и обязанностях несовершеннолетних родителей к правовому статусу совершеннолетних.

Присутствие таких норм в Семейном кодексе РФ обусловлено не только спецификой семейных отношений

с участием ребенка, но и практической потребностью в обеспечении синхронного применения разноотраслевых норм, прежде всего семейных и гражданских, с тем чтобы гарантировать стабильность и определенность содержания специального правового статуса ребенка. Некоего единобразия можно было бы достичь посредством разграничения соответствующих норм, в тех, в содержании которых упоминаются и права, и обязанности, целесообразно определять правовой статус несовершеннолетнего на основе положений Гражданского кодекса РФ, а в нормах, где упоминаются только права, статус формируется на основе норм Семейного кодекса РФ.

Полагаем, что по мере усиления цивилистических основ в сфере семейных отношений нормативные предпосылки для формирования такого элемента статуса ребенка, как его обязанности, будут расширяться, аявление новых отношений с участием ребенка потребует законодательных решений, направленных на определение его правового статуса.

Выводы

Тенденции развития законодательства Российской Федерации, нормы которого направлены на регулирование отношений с участием ребенка, потребуют реформирования основ, определяющих его правовой статус, что позволит признать его в качестве особого субъекта права. Такое решение предполагает закрепление статуса ребенка в Конституции РФ с тем, чтобы обеспечить гарантированность государством его прав и обязанностей, их приоритетную защиту.

Поступательное развитие отношений, активным участником которых является ребенок, потребует учета в его правовом статусе разноотраслевых прав и обязанностей, своеобразие которых можно выявить только в рамках специального или индивидуального статусов ребенка, которые очевидно будут иметь преобладающее значение по отношению к его общему статусу, фундаментальное значение которого останется неизменным.

Потребность в оценке специфики правовой природы отношений с участием ребенка, расширение их границ, определение влияния фактов, направленных на возникновение, изменение или прекращение тех или иных правоотношений, возраста, индивидуальных особенностей, наклонностей и других критериев, потребуют дополнительных теоретических исследований и законодательных решений, направленных на определение правового статуса ребенка, его отдельных видов, их содержания, что позволит обеспечить стабильность его правового положения в гражданском обороте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблеева Г.Р. Конвенция ООН «О правах ребенка» как основной документ в формировании прав ребенка // Наука и Мир. 2014. Т. 2. № 2 (6). С. 168.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2002. С. 92.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М., 2000. С. 24.
4. Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // Юрид. мир. 2006. № 2.
5. Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972. С. 63.
6. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11.
7. Борисова Н.Е. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 16.
8. Бутько О.В. Правовой статус ребенка (Теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 12.
9. Витрук Н.В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1974. № 12. С. 11.
10. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 116.
11. Воеводин Л.Д. Индивидуальное и коллективное в конституционном статусе личности // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1997. № 5. С. 3.
12. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М., 1997. С. 31–36.
13. Зайцева О.Б. Трудовая правосубъектность как правовая категория. Оренбург, 2006. С. 55.
14. Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. М., 2000.
15. Исаева К.М. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 7. С. 52.
16. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 2-е изд. М., 2000. С. 154, 155.
17. Курбанов Р.А. Краткий обзор положений об обеспечении прав детей в Конституции Российской Федерации и конституциях зарубежных стран // Экономика. Право. Общество. 2015. № 1 (1). С. 5–10.
18. Лазарев Л.В. Комментарий к Конституции РФ / под ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 273, 274.
19. Летова Н.В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 17.
20. Летова Н.В. Специальная правоспособность и правовой статус ребенка // Государство и право. 2012. № 9. С. 75.
21. Летова Н.В., Чуча С.Ю., Соловяненко Н.И., Михайлова Е.В. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.
22. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 96.
23. Мамошин А.И. Особенности правового положения несовершеннолетних родителей // Евразийский союз ученых. 2020. № 3–5 (72). С. 55.
24. Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 189–205.
25. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 15.
26. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 1999. С. 46.
27. Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2010. С. 250.
28. Рабец А.М. Соотношение частных и публичных интересов в сфере государственной поддержки семьи в Российской Федерации // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 3. С. 48.
29. Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. С. 15.
30. Советское государственное право / под ред. А.И. Лепешкина. М., 1971. С. 211–213.
31. Спиридовон Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С. 181.

32. Тарусина Н.Н. Об активной позиции суда в процессе защиты субъективных семейных прав и интересов ребенка // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 37.
33. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 268.
34. Чиркин В.Е. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М., 2003. С. 31.
35. Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 10.
15. Isaeva K.M. The constitutional and legal status of the child in the Russian Federation // Law and Legislation. 2015. No. 7. P. 52 (in Russ.).
16. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional Law of Russia: textbook. 2nd ed. M., 2000. Pp. 154, 155 (in Russ.).
17. Kurbanov R.A. Brief review of the provisions on ensuring the rights of children in the Constitution of the Russian Federation and the constitutions of foreign countries // Economics. Law. Society. 2015. No. 1 (1). Pp. 5–10 (in Russ.).
18. Lazarev L.V. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by Yu. V. Kudryavtsev. M., 1996. Pp. 273, 274 (in Russ.).
19. Letova N.V. The legal status of the child in Civil and Family Law: abstract ... Doctor of Law. M., 2013 P. 17 (in Russ.).
20. Letova N.V. Special legal capacity and legal status of the child // State and Law. 2012. No. 9. P. 75 (in Russ.).
21. Letova N.V., Chucha S. Yu., Solovyanenko N.I., Mikhailova E.V. Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 66–74 (in Russ.).
22. Livshits R.Z. Theory of law. M., 1994. P. 96 (in Russ.).
23. Mamoshin A.I. Features of the legal status of minor parents // Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 3–5 (72). P. 55 (in Russ.).
24. Matuzov N.I. Personality. Right. Democracy. Theoretical problems of subjective law. Saratov, 1972. Pp. 189–205 (in Russ.).
25. Mitskevich A.V. Subjects of Soviet law. M., 1962. P. 15 (in Russ.).
26. Nersesyan V.S. General theory of law and state: textbook. M., 1999. P. 46 (in Russ.).
27. Human rights / res. ed. E.A. Lukasheva. M., 2010. P. 250 (in Russ.).
28. Rabets A.M. The ratio of private and public interests in the sphere of state support for the family in the Russian Federation // Nauka-Rastudent.ru. 2016. No. 3. P. 48 (in Russ.).
29. Sadina O.V. The legal status of a minor in Russian legislation: theoretical and legal analysis: dis. ... PhD in Law. Saransk, 2009. P. 15 (in Russ.).
30. Soviet State Law / ed. by A.I. Lepeshkin. M., 1971. Pp. 211–213 (in Russ.).
31. Spiridonov L.I. Theory of government and law. M., 1996. P. 181 (in Russ.).
32. Tarusina N.N. On the active position of the court in the process of protecting the subjective family rights and interests of the child // Herald of Demidov Yaroslavl State University. Series Humanities. 2015. No. 1. P. 37 (in Russ.).
33. Course of lectures / ed. N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. M., 2001. P. 268 (in Russ.).
34. Chirkov V.E. Constitutional Law of the Russian Federation: textbook. M., 2003. P. 31 (in Russ.).
35. Yakimov A. Yu. The status of the subject of law (theoretical issues) // State and Law. 2003. No. 4. P. 10 (in Russ.).

REFERENCES

1. Ableeva G.R. The UN Convention “On the Rights of the Child” as the main document in the formation of the rights of the child // Science and the World. 2014. Vol. 2. No. 2 (6). P. 168 (in Russ.).
2. Alekseev S.S. General theory of law. M., 2002. P. 92 (in Russ.).
3. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: textbook. M., 2000. P. 24 (in Russ.).
4. Baranenkov V.V. Correlation of the concepts “legal status”, “legal status” and “legal personality” of a legal entity // Legal world. 2006. No. 2 (in Russ.).
5. Begichev B.K. Labor capacity of Soviet citizens. M., 1972. P. 63 (in Russ.).
6. Bespalov Yu. F. Family legal status of a child: problems of family legislation of the Russian Federation // Family and Housing Law. 2016. No. 5. P. 11 (in Russ.).
7. Borisova N.E. Constitutional foundations of the legal status of minors in the Russian Federation (problems of theory and practice): abstract ... Doctor of Law. M., 2004. P. 16 (in Russ.).
8. Butko O.V. The legal status of the child (theoretical and legal analysis): dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2004. P. 12 (in Russ.).
9. Vitruk N.V. On the categories of the legal status of the individual in a socialist society // Soviet State and Law. 1974. No. 12. P. 11 (in Russ.).
10. Vitruk N.V. General theory of the legal status of the individual. M., 2008. P. 116 (in Russ.).
11. Voevodin L.D. Individual and collective in the constitutional status of the individual // Herald of Moscow State University. Ser. 11. Law. 1997. No. 5. P. 3 (in Russ.).
12. Voevodin L.D. Legal status of the individual in Russia: textbook. M., 1997. Pp. 31–36 (in Russ.).
13. Zaitseva O.B. Labor personality as a legal category. Orenburg, 2006. P. 55 (in Russ.).
14. Zinoviev A.V. Constitutional Law of Russia: problems of theory and practice. M., 2000 (in Russ.).
15. Isaeva K.M. The constitutional and legal status of the child in the Russian Federation // Law and Legislation. 2015. No. 7. P. 52 (in Russ.).
16. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional Law of Russia: textbook. 2nd ed. M., 2000. Pp. 154, 155 (in Russ.).
17. Kurbanov R.A. Brief review of the provisions on ensuring the rights of children in the Constitution of the Russian Federation and the constitutions of foreign countries // Economics. Law. Society. 2015. No. 1 (1). Pp. 5–10 (in Russ.).
18. Lazarev L.V. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by Yu. V. Kudryavtsev. M., 1996. Pp. 273, 274 (in Russ.).
19. Letova N.V. The legal status of the child in Civil and Family Law: abstract ... Doctor of Law. M., 2013 P. 17 (in Russ.).
20. Letova N.V. Special legal capacity and legal status of the child // State and Law. 2012. No. 9. P. 75 (in Russ.).
21. Letova N.V., Chucha S. Yu., Solovyanenko N.I., Mikhailova E.V. Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 66–74 (in Russ.).
22. Livshits R.Z. Theory of law. M., 1994. P. 96 (in Russ.).
23. Mamoshin A.I. Features of the legal status of minor parents // Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 3–5 (72). P. 55 (in Russ.).
24. Matuzov N.I. Personality. Right. Democracy. Theoretical problems of subjective law. Saratov, 1972. Pp. 189–205 (in Russ.).
25. Mitskevich A.V. Subjects of Soviet law. M., 1962. P. 15 (in Russ.).
26. Nersesyan V.S. General theory of law and state: textbook. M., 1999. P. 46 (in Russ.).
27. Human rights / res. ed. E.A. Lukasheva. M., 2010. P. 250 (in Russ.).
28. Rabets A.M. The ratio of private and public interests in the sphere of state support for the family in the Russian Federation // Nauka-Rastudent.ru. 2016. No. 3. P. 48 (in Russ.).
29. Sadina O.V. The legal status of a minor in Russian legislation: theoretical and legal analysis: dis. ... PhD in Law. Saransk, 2009. P. 15 (in Russ.).
30. Soviet State Law / ed. by A.I. Lepeshkin. M., 1971. Pp. 211–213 (in Russ.).
31. Spiridonov L.I. Theory of government and law. M., 1996. P. 181 (in Russ.).
32. Tarusina N.N. On the active position of the court in the process of protecting the subjective family rights and interests of the child // Herald of Demidov Yaroslavl State University. Series Humanities. 2015. No. 1. P. 37 (in Russ.).
33. Course of lectures / ed. N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. M., 2001. P. 268 (in Russ.).
34. Chirkov V.E. Constitutional Law of the Russian Federation: textbook. M., 2003. P. 31 (in Russ.).
35. Yakimov A. Yu. The status of the subject of law (theoretical issues) // State and Law. 2003. No. 4. P. 10 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ЛЕТОВА Наталия В. –
Doctor of Law,
Chief Researcher of the Sector
of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГАРМОНИЗАЦИЯ КОЛЛИЗИОННОЙ АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН И РЕГУЛЯТИВНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

© 2024 г. Н. Ю. Ерпылева*, И. В. Гетьман-Павлова**, А. С. Касаткина***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

*E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

**E-mail: getmanpav@mail.ru

***E-mail: akasatkina@hse.ru

Поступила в редакцию 19.02.2024 г.

Аннотация. Практика показала, что ни активное международное сотрудничество в области разработки соглашений, прямо регулирующих отношения сферы международного частного права (МЧП), ни многочисленные акты *lex mercatoria* не могут устраниć необходимости решать коллизионный вопрос. В связи с этим неудивительно, что современный *lex mercatoria* включает в себя не только материальные нормы, но и правила выбора применимого права. «Вершиной» коллизионного *lex mercatoria* на данный момент являются Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим контрактам, разработанные Гаагской конференцией по МЧП в 2015 г. Гаагские принципы – целостный систематизированный документ, который кодифицирует самостоятельный комплексный институт МЧП – право субъектов трансграничных частных отношений самим выбирать компетентный правовой регулятор. Гаагские принципы подробно освещают основные вопросы коллизионной автономии воли и содержат чрезвычайно важные понятия и установления. В настоящем исследовании анализируется потенциал Гаагских принципов в процессе регулятивной конкуренции с точки зрения двух аспектов: необязательный характер документа и требование «интернациональности» коммерческого контракта. При написании статьи использовались методы сравнительного анализа и сравнительного правоведения, формальной логики, буквального и контекстного толкования. В статье сделан вывод, что с точки зрения регулятивной конкуренции необязательный характер Гаагских принципов является их преимуществом, поскольку в международной торговле, безусловно, выигрывает «мягкое право». Гаагские принципы – это свод наилучших практик, составленный с учетом и международного, и национального опыта регулирования коллизионной автономии воли. Если государство воспримет их как образец для подражания, это позволит ему повысить конкурентоспособность собственно права и шансы на его выбор как наиболее эффективного применительно к международным коммерческим контрактам. Однако не все решения Гаагских принципов представляются позитивными с точки зрения регулятивной конкуренции. В частности, ограничение их применения только коммерческими контрактами, имеющими объективные связи с двумя и более правопорядками, снижает их конкурентоспособность. В современном мире стороны внутрихозяйственных сделок также должны иметь возможность использовать акты *lex mercatoria* как нейтральное сбалансированное право, эффективное с точки зрения международных сделок.

Ключевые слова: международное частное право, *lex mercatoria*, Гаагские принципы выбора права, применимого к международным коммерческим контрактам, регулятивная конкуренция, необязательный характер, интернациональность коммерческого контракта.

Цитирование: Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Гармонизация коллизионной автономии воли сторон и регулятивная конкуренция // Государство и право. 2024. № 7. С. 192–204.

DOI: 10.31857/S1026945224070171

HARMONIZATION OF CONFLICT OF LAWS PARTY AUTONOMY AND THE REGULATORY COMPETITION

© 2024 N. Yu. Erpyleva*, I. V. Get'man-Pavlova**, A. S. Kasatkina***

National Research University Higher School of Economics, Moscow

*E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

**E-mail: getmanpav@mail.ru

***E-mail: akasatkina@hse.ru

Received 19.02.2024

Abstract. Practice has shown that neither active international cooperation in the development of agreements directly regulating relations in the field of private international law (PIL), nor numerous acts of lex mercatoria can eliminate the need to resolve a conflict of laws issue. In this regard, it is not surprising that the modern lex mercatoria includes not only material norms, but also rules for choosing the applicable law. The “pinnacle” of the conflict of laws lex mercatoria at the moment are the Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts, developed by the Hague Conference on PIL in 2015. The Hague Principles are a holistic, systematized document that codifies an independent integrated institution of PIL – the right of subjects of cross-border private relations to choose a competent legal regulator themselves. The Hague Principles cover in detail the main issues of the conflict of laws party autonomy and contain extremely important concepts and definitions. This study analyzes the potential of the Hague Principles in the process of regulatory competition from the point of view of two aspects: the non-binding nature of the document and the requirement of “internationality” of the commercial contract. When writing the article, the methods of comparative analysis and comparative jurisprudence, formal logic, literal and contextual interpretation were used. The article concludes that from the point of view of regulatory competition, the non-binding nature of the Hague Principles is their advantage, since “soft law” certainly wins in international trade. The Hague Principles are a set of best practices, compiled taking into account both international and national experience in regulating conflict of laws party autonomy. If the state perceives them as a role model, this will allow it to increase the competitiveness of its own law and the chances of choosing it as the most effective in relation to international commercial contracts. However, not all decisions of the Hague Principles appear to be positive from the point of view of regulatory competition. In particular, limiting their use only to commercial contracts with objective links to two or more legal systems reduces their competitiveness. In the modern world, parties to domestic transactions should also be able to use lex mercatoria acts as a neutral, balanced law, effective from the point of view of international transactions.

Key words: Private International Law, lex mercatoria, The Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts, regulatory competition, non-binding nature, internationality of a commercial contract.

For citation: Erpyleva, N. Yu., Get'man-Pavlova, I.V., Kasatkina, A.S. (2024). Harmonization of conflict of laws party autonomy and the regulatory competition // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 192–204.

Введение

С заключением во второй половине XIX в. первых международных договоров, унифицирующих материально-правовое регулирование трансграничных частных отношений, в доктрине зародилась уверенность в том, что проблема выбора применимого права в будущем исчезнет, поскольку прямой материальный метод вытеснит косвенный коллизионный. Эта уверенность еще более укрепилась с появлением в 1950-х годах концепции «нового lex mercatoria»¹, предрекавшей скорый отказ от использования коллизионных норм; «новый новый lex mercatoria» также утверждал возможность такого «избавления» и позиционировался как полная альтернатива коллизионному регулированию, во всяком случае, в области международной торговли. Одной из главных целей разработки основного

акта «нового нового lex mercatoria» – Принципов международных коммерческих контрактов УНИДРУА (далее – Принципы УНИДРУА) – было именно преодолеть сложность и неопределенность коллизионного права, сделать вопрос о выборе компетентного закона излишним, сведя существующие договорные правовые системы к общему ядру². Однако практика показала, что ни активное международное сотрудничество в области разработки соглашений, прямо регулирующих отношения сферы международного частного права (далее – МЧП), ни многочисленные акты lex mercatoria, разработанные в течение XX в., ни его «материализация» с принятием Принципов УНИДРУА не смогли устраниć необходимость решать коллизионный вопрос и использовать, соответственно, эксклюзивный метод МЧП – косвенный, опосредованный, предполагающий выбор применимого права.

В связи с этим вполне естественным было появление отдельных коллизионных норм в актах кодификации lex mercatoria. Первые подобные положения появились уже

¹ О концепциях «нового lex mercatoria» и «нового нового lex mercatoria» см.: Michaels R.C. Umdenken für die UNIDROIT-Prinzipien: Vom Rechtswahlstatut zum Allgemeinen Teil des transnationalen Vertragsrechts // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2009. Bd. 73. S. 867–888.

² См.: ibid. S. 872.

в начале 1990-х годов – ст. 5 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международных кредитовых переводах (1992) закрепляет, что права и обязанности, вытекающие из платежного поручения, регулируются правом, выбранным сторонами; при отсутствии договоренности применяется право государства банка-получателя платежа. Принципы УНИДРУА (ред. 2016 г.) в ст. 7.4.9 устанавливают, что при определении средней банковской ставки в качестве ставки процентов годовых необходимо обращаться к закону государства валюты платежа.

В XXI в. эта тенденция отнюдь не исчезла, а наоборот, резко интенсифицировалась – в 2003–2011 гг. ряд международных научных учреждений разработали и предложили проекты принципов для разрешения трансграничных споров в сфере интеллектуальной собственности, включая правила выбора применимого права³. Ученые-юристы, играющие основную роль в выработке формулировок *lex mercatoria* и его основных трендов, отказались, таким образом, от не оправдавшей себя на практике идеи отмирания коллизионного регулирования, и современный *lex mercatoria* демонстрирует готовность к включению в свой состав целостных нормативных блоков мягкого права, специально предназначенных для решения коллизионных вопросов.

«Вершиной» коллизионного *lex mercatoria* на данный момент являются Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим контрактам (далее – Гаагские принципы)⁴, разработанные Гаагской конференцией по МЧП и официально одобренные ЮНСИТРАЛ в 2015 г. Это первый в истории Гаагской конференции акт мягкого права, принятый под ее эгидой: «Для деятельности Гаагской конференции такой подход является новым... это ее первый опыт работы по подготовке необязательного свода правил»⁵. При этом в Преамбуле Гаагских принципов не акцентируется их официальный статус как «добровольного» документа (в отличие от Преамбулы Принципов УНИДРУА), наоборот, в арбитражном разбирательстве арбитры могут ссылаться на Гаагские принципы как на «надлежащие» или «международные» коллизионные нормы⁶.

³ Принципы интеллектуальной собственности, регулирующие юрисдикцию, выбор применимого права и судебные решения в трансграничных спорах (Американский институт права); Предложение транспарентности о юрисдикции, выборе права и признании и исполнении иностранных судебных решений в области интеллектуальной собственности (Японский университет); Принципы рассмотрения споров в области международного права интеллектуальной собственности (Ассоциация международного частного права Южной Кореи); Принципы коллизионного регулирования отношений интеллектуальной собственности (Европейский институт Макса Планка). Об этих инициативах см.: Луткова О. В. Принципы правового регулирования трансграничных авторских отношений // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2016. № 12. С. 63–92). Принципы интеллектуальной собственности, разработанные ALI, уже использовались в американской судебной практике (дело *Fairchild Semiconductor Corp. v. Third Dimension (3D) Semiconductor* (2008)) (см.: Суспицьна М. В. Формирующиеся подходы к коллизионному регулированию интеллектуальной собственности // Юрид. образование и наука. 2012. № 2).

⁴ См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts (approved on 19 March 2015). Introduction. Text and Commentary [Electronic resource] available at URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Зыкин И. С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого обогата: сб. ст. М., 2016. С. 73–92.

⁶ См.: Nishitani Y. Party Autonomy in Contemporary Private International Law – The Hague Principles on Choice of Law and East Asia // Japanese Yearbook of International Law. 2016. Vol. 59. P. 337.

Гаагские принципы – это целостный систематизированный документ, который при этом не является сводом коллизионных норм мягкого права, а кодифицирует самостоятельный комплексный институт МЧП, лежащий в его основе и составляющий один из главных его принципов (практически общепризнанных в наше время) – право субъектов трансграничных частных отношений самим выбирать компетентный правовой регулятор. Гаагская конференция позиционирует Принципы как признанный на международном уровне Кодекс современной наилучшей практики в отношении выбора применимого к коммерческим контрактам права, включающий в том числе определенные новаторские решения⁷. Несмотря на свой довольно скромный объем (всего 12 статей), Принципы подробно освещают основные вопросы коллизионной автономии воли и содержат чрезвычайно важные понятия и установления, которые не являются абсолютно новыми, но впервые формулируются в определенном содержательном контексте. Этот документ уже внимательно анализировался как в отечественной, так и в зарубежной доктрине, и получил в общем и целом благосклонные оценки⁸.

Практически каждое положение Принципов представляет собой богатый материал для размышления, который во многом уже может быть проиллюстрирован правоприменительной практикой (или ее отсутствием, что также позволяет сделать определенные выводы), восприятием на национальном или региональном уровне, доктринальными дискуссиями. Объем одной научной статьи не позволяет предложить всестороннего исследования данного документа, поэтому авторы ограничиваются анализом потенциала Гаагских принципов в процессе регулятивной конкуренции с точки зрения всего двух аспектов: необязательный характер документа и требование «интернациональности» коммерческого контракта.

1. Регулятивная конкуренция и коллизионная автономия воли сторон

Согласно Преамбуле среди предусмотренных субъектов применения документа на первом месте указываются законодатели, для кого Принципы представляют собой модель, которая может быть использована с целью создания новых или дополнения и развития существующих правил о выборе права (на национальном, региональном и универсальном уровнях)⁹. Таким образом, одна из целей данного свода наилучших практик – гармонизация законодательства в сфере регулирования коллизионной автономии воли сторон. При этом в официальном Комментарии четко

⁷ См.: The Draft Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Preliminary Document No 6 – revised of July 2014 for the attention of the Council on General Affairs and Policy of the Conference. The Hague, 2014. Р. 1.

⁸ См., напр.: Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis* // Lex russica. 2021. № 12; Стригунова Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: в 2 т. М., 2017; Царева Л. Гаагские принципы выбора права в международных коммерческих контрактах: сфера применения и основные положения // Юстиция Беларуси. 2016. № 4. С. 1–4; Basedow J. The Hague Principles on Choice of Law: their addressees and impact // Uniform Law Review. 2017. Vol. 22. Pp. 304–315; Douglas M., Loadesman N. The Impact of the Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Melbourne Journal of International Law. 2018. Vol. 19(1). Pp. 1–23; Marshall B. The Hague Choice of Law Principles, CISG, and PICC: A Hard Look at a Choice of Soft Law // American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66. Pp. 175–217.

⁹ См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. P. 26.

указывается, что Принципы не являются «модельным законом, который государствам рекомендуется принять.., это необязательный набор принципов, которые Гаагская конференция призывает государства включать в свои внутренние правовые режимы таким образом, чтобы это соответствовало обстоятельствам каждого государства»¹⁰. Однако, поскольку Принципы используют стиль кодификации континентального европейского типа, они, без сомнения, подходят в качестве модельного закона. Противоположное утверждение Комментария, возможно, предназначено для предотвращения недопонимания, что Принципы обращены не только к законодательным органам, но и к судебной власти и другим субъектам¹¹.

В определенной степени цель гармонизации коллизионной автономии воли сторон успешно реализуется – в Парагвае в 2015 г. был принят Закон о праве, применимом к международным контрактам (далее – Закон Парагвая)¹², проект которого разрабатывался одновременно с Принципами, составившими его основу. В 2015 г. были приняты новый Кодекс МЧП Панамы и Закон Бахрейна о конфликте законов в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом, в 2020 г. – Закон о МЧП Уругвая; во всех этих актах воспринята одна из фундаментальных новелл Принципов – возможность выбора в качестве применимого к контракту права норм негосударственного происхождения. В Австралии планируется принять Закон о международном гражданском праве, и Принципы должны стать одной из составных частей этого Закона. Аналогичная ситуация наблюдается и на региональном уровне – с 2018 г. африканские ученые разрабатывают проект Африканских принципов права, применимого к международным коммерческим контрактам (далее – Африканские принципы; документ планируется принять в рамках Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА)); ученые из стран Восточной и Юго-Восточной Азии – проект Азиатских принципов МЧП; оба проекта называют Гаагские принципы в числе главных источников своих концептуальных построений.

Процесс активного восприятия Гаагских принципов в качестве законодательной модели порождает вопрос: смогут ли они стимулировать регулятивную конкуренцию и что такая конкуренция привнесет – «гонку наверх» или «гонку вниз»?¹³ Теория регулятивной конкуренции основана на экономической теории юрисдикционной конкуренции, разработанной американским экономистом Чарльзом М. Тибутом (Charles M. Tiebout)¹⁴, и она предполагает, что создание законов обусловлено механизмами спроса и предложения: субъекты коммерческой деятельности ищут правовые нормы, отвечающие их потребностям, а государства

¹⁰ См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. P. 26.

¹¹ См.: Basedow J. Op. cit. P. 309.

¹² Тексты всех иностранных законов по МЧП даны по сайту НИУ ВШЭ «Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» [Electronic resource] available at URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹³ Об этом подробнее см.: Ruhl G. Regulatory Competition and the Hague Principles of Choice of Law in International Commercial Contracts (March 13, 2020) // Rishi Gulati, Thomas John & Ben Koehler (eds.), Elgar Companion on the Hague Conference on Private International Law, Edward Elgar Publishing, Cheltenham/Camberley/Northampton, 2020 [Electronic resource] available at URL: <https://ssrn.com/abstract=3553808> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁴ См.: Tiebout C. A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64. No. 5. P. 416.

пытаются предложить такие нормы. В соответствии с теорией регулятивной конкуренции, если частные субъекты свободны в выборе применимого права, то рыночные механизмы в конечном счете заставят государства принять правила, отвечающие потребностям цивилизованного бизнеса¹⁵.

Таким образом, регулятивная конкуренция возникает тогда, когда частные лица имеют возможность выбирать между правовыми нормами. Если международные контрагенты могут по своей воле отказаться от применения неэффективных материальных законов, то государство вынуждено конкурировать за качество своего законодательства¹⁶. Если такой возможности у контрагентов нет, то и у регулирующих органов отсутствует стимул корректировать свои законы и конкурировать с регуляторами из других юрисдикций. Свобода сторон в выборе применимого права приводит в движение регулятивную конкуренцию и выступает ее основным источником. Коллизионные нормы, предусматривающие применение автономии воли, способствуют межюрисдикционной конкуренции законов за право считаться более эффективными¹⁷.

Автономия воли «является, пожалуй, самым загадочным принципом»¹⁸ в МЧП. В отличие от других коллизионных норм, основанных на объективных связующих факторах, автономия воли основана исключительно на субъективном намерении частных лиц определить применимое право. Воля сторон формирует коллизионную привязку, т.е. представляет собой решающий связующий фактор, и становится *lex privata*, с которым обязаны считаться и правоприменительные органы, и другие частные субъекты. Кстати, именно то, что коллизионная автономия воли «фактически приводит к созданию законодательного органа из двух лиц, которые заключают договор», всегда выступало одним из основных возражений против возможности предоставлять частным субъектам право самим выбирать применимый закон (в частности, в теории приобретенных прав Альберта В. Дайси и Джозефа Х. Билля)¹⁹.

В современном мире коллизионная автономия воли – общепризнанный принцип МЧП, воспринятый на глобальном уровне, хотя до сих пор он не отражен в законодательстве отдельных государств²⁰. Поскольку современное МЧП – это право защиты прав человека, то в юридической доктрине право сторон подчинять свои сделки правовой системе *ad libitum* утверждается как одно из догосударственных, фундаментальных субъективных прав, происходящее из свободы и врожденного достоинства личности в соответствии с идеями Руссо и Канта. Коллизионная автономия воли – это средство самоприсоединения индивида к правовой системе, которое превращает индивида из объекта коллизионного права в его субъект и проистекает

¹⁵ См.: Kerber W. Interjurisdictional Competition Within the European Union // Fordham International Law Journal. 1999. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 217, 224.

¹⁶ См.: O'Hara E.A., Ribstein L.E. The Law Market. Oxford University Press, 2009. Pp. 644, 645.

¹⁷ См.: ibid. P. 643.

¹⁸ Nishitani Y. Op. cit. P. 307.

¹⁹ См.: Pertegas M., Marshall B.A. Party Autonomy and its Limits: Convergence through the New Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Brooklyn Journal of International Law. 2014. Vol. 39. Iss. 3. P. 991.

²⁰ Прежде всего стран общего права и Латинской Америки, некоторых арабских стран, хотя в судебной практике этих стран признается практически повсеместно.

из фундаментального конституционного права на «свободное развитие личности»²¹.

Сторонники экономической теории права утверждают, что правила выбора права могут оказывать значительное влияние на всеобщее экономическое благополучие: они повышают глобальное благосостояние, если устанавливают применение более эффективного материального права. Правильно сформулированные коллизионные нормы могут снизить социальные издержки судебной деятельности, способствовать международному общению и оптимальной контрактной среде, ограничить монополию на регулирование²². Обычно законодатель ориентируется на внутренние издержки и выгоды предлагаемых законов, но, как правило, не акцентирует внимания на их экстерриториальном значении²³. В результате могут быть приняты законы, эффективные внутри страны, но неэффективные применительно к трансграничным сделкам, т.е. законы, которые «не желают» быть избранными²⁴ для регулирования международной коммерции. Свобода сторон в выборе права способна побудить правительства асимилировать экстерриториальные издержки, что приведет к появлению материально-правовых законов, более эффективных в глобальном масштабе²⁵.

Востребованный и широко распространенный выбор права какого-либо определенного государства для регулирования международных сделок может принести этому государству вполне определенные выгоды. Это и освобождение финансовые приобретения – изучение местной судебной практики (базы которой в подавляющем большинстве случаев являются платными), знакомство с доктриной (соответственно, покупка книг и журналов), оплата услуг местных юридических фирм, которые являются основными поставщиками информации о местном праве и специфике его применения, приглашение местных специалистов в процесс. Могут быть и более ощутимые инвестиции – регистрация компаний в «удобной» правовой среде²⁶. Главная выгода, однако, не в этом – куда более значимыми выступают репутационные дивиденды, общепринятое восприятие данного правопорядка как наиболее подходящего и эффективного применительно к трансграничным бизнес-отношениям. Современная практика показывает, что акторы международной торговли имеют четкие преференции в отношении конкретного права: в финансовых операциях лидирует выбор английского права и права штата Нью-Йорк; в корпоративных спорах – права штатов Нью-Йорк и Делавэр; в международном арбитраже – законы Великобритании, Швейцарии, Сингапура и Франции;

в международных морских сделках и страховании – английского права²⁷.

Как это ни парадоксально, но ученые-юристы – представители наиболее востребованных правопорядков – зачастую сами не слишком высоко оценивают качество своего национального права и недоумевают по поводу его популярности в международной коммерции. Например, Рой Гуд (Roy Goode), один из самых выдающихся профессоров английского права, весьма критично высказывается по поводу английских законов: «Когда я посещаю... Канаду и Соединенные Штаты, я испытываю огромное впечатление ввиду их заботы о том, чтобы поддерживать свое коммерческое законодательство в актуальном состоянии. Когда я возвращаюсь в Англию, я чувствую... подавленность... нашей инертностью и верой во врожденное превосходство английского коммерческого права... Как получилось, что мы чувствуем себя способными вступить в XXI век с принятыми в XIX законами о коммерческом праве?» Аналогичную оценку собственного правопорядка можно встретить и в швейцарской доктрине, в частности, у Ингеборг Швенцер (Ingeborg Schwenzer) – известного эксперта по швейцарскому праву: «Многие... вопросы договорного права еще не были решены Верховным судом Швейцарии, а если и были решены, то решение могло быть вынесено несколько десятилетий назад и оспаривается в научных работах. Это делает исход спора зачастую довольно непредсказуемым..., может помешать стороне реализовать свои права по договору»²⁸.

Регулятивная конкуренция, поощряемая доктриной и востребованная практикой, может стать хорошим стимулом для законотворца, поскольку качество права является одним из факторов, определяющих его выбор сторонами. Как пишет проф. Гизела Рюль (Giesela Rühl), существуют эмпирические доказательства того, что государства действительно заинтересованы в применении своих договорных законов и готовы адаптировать их к потребностям бизнеса и потребителей. Ряд государств, включая Великобританию, Францию и Германию, недавно принял участие в «битве брошюр»: в серии публикаций описывались преимущества национальных договорных законов по сравнению с договорным правом других государств²⁹. Большое количество юрисдикций (Германия, Франция, Эстония, Венгрия, Литва, Нидерланды, Польша, Румыния) в 2000–2020 гг. пересмотрели свое договорное законодательство, чтобы адаптировать его для общеевропейского пространства; Австралия в 2012 г. начала процесс реформ, направленный на модернизацию права коммерческих контрактов; аналогичные процессы идут в странах американского континента, что демонстрируют, в частности, новые акты кодификации гражданского и торгового права в Аргентине и Пуэрто-Рико.

Стороны, заключая соглашение о выборе права, с самого начала должны провести глубокий анализ избранного законодательства. В действительности это случается довольно редко – и ученые, и юристы-практики отмечают, что зачастую стороны даже не утруждают себя исследованием выбранного закона, прежде чем заключить

²¹ Nishitani Y. Op. cit. P. 311.

²² См.: Whinck M.J., Keyes M., Posner R. Policy and Pragmatism in the Conflict of Laws. Aldershot: Ashgate/Dartmouth Publishing, 2001. Pp. 27–30.

²³ См.: Guzman A. T. Choice of Law: New Foundations // The George Town Law Journal. 2002. Vol. 90. P. 897.

²⁴ См.: Symeonides S. C. Choice of Law in the American Courts in 2010: Twenty-Fourth Annual Survey // American Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 58. P. 71.

²⁵ См.: Guzman A. T. Op. cit. P. 897.

²⁶ Например, в штате Делавэр. Есть даже отдельное понятие «Делавэрская нормативная конкуренция», которая оценивается как «гений» американского корпоративного права (см.: [Electronic resource] available at URL: <https://dzen.ru/a/XdBgZ9YBLi0WFnl3> (дата обращения: 01.02.2024)).

²⁷ См.: Lehmann M. Liberating the Individual from Battles between States: Justifying Party Autonomy in Conflict of Laws // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 41. P. 393; Coyle J.F. The Canons of Construction for Choice-of-Law Clauses // Washington Law Review. 2017. Vol. 92. P. 634.

²⁸ Bonell M.J. The law governing international commercial contracts and the actual role of the UNIDROIT Principles // Uniform Law Review. 2018. Vol. 23. Pp. 16, 17.

²⁹ См.: Ruhl G. Op. cit. P. 6.

коллизионную оговорку, не проводят детального анализа того, работают ли законы данной юрисдикции в их пользу или нет: «Если у вас нет хрустального шара [камня видения, магического кристалла], то вы не узнаете, какие именно проблемы вас ждут, и не понимаете, о чем следует беспокоиться»³⁰. В большинстве случаев каждая сторона хочет, чтобы применялось ее собственное законодательство, но (как показывает практика) она стремится к этому «не на основе какого-либо глубокого знания такого закона, а скорее на смутно ощущаемом предпочтении иметь дело с тем, что кажется знакомым, а не незнакомым»³¹. Довольно часто имеют место ситуации, когда сторона «одержала победу» в переговорах, и было избрано право ее страны, но в процессе судебного разбирательства выясняется, что какое-либо существенное условие договора является низкожным именно в соответствии с этим правом³².

Не реже можно встретить ситуации, когда выбирается право третьего государства как «нейтральное», т.е. якобы в равной степени неизвестное обеим сторонам право, чтобы никто не имел информационного преимущества. При этом «не следует забывать, что даже при выборе третьего закона, якобы одинаково незнакомого обеим сторонам, этот закон может иметь более тесную связь с законом одной из сторон, чем с законом другой стороны. Это может привести к тому, что, опять же, одна из сторон воспользуется преимуществом быть более близкой к применимому праву, чем другая»³³. Помимо того, что презумпция «равной неизвестности» зачастую оказывается ошибочной, «нейтральное» право (которое, как правило, действительно недостаточно хорошо известно сторонам) преподносит сторонам разнообразные непредсказуемые сюрпризы, отнюдь не соответствующие их ожиданиям.

В связи с этим актуальность определения надлежащего права с помощью правил, которые являются предсказуемыми и определенными, еще больше повышается, учитывая огромное количество коммерческих споров. Плохо сформулированные коллизионные нормы приводят к сохранению неэффективных материальных законов, тогда как удачно сформулированные коллизионные нормы могут способствовать оптимизации материального права, таким образом, конкуренция коллизионных норм способна повлиять на эволюцию материального права³⁴. По мнению Гизель Рюль, значение норм МЧП заключается еще и в том, что они могут ограничивать свободу сторон в выборе применимого права, следовательно, ограничивать регулятивную конкуренцию там, где такая конкуренция способна иметь негативные последствия. МЧП может способствовать обеспечению надлежащего функционирования регулятивной конкуренции – точно так же, как конкурентное право помогает обеспечить надлежащее функционирование конкуренции на рынках товаров и услуг. Это, конечно,

не означает, что МЧП является волшебной пулевой регулятивной конкуренции³⁵.

В доктрине подчеркивается, что для модели частного права экономический анализ должен фокусироваться на индивидах как рациональных агентах, поэтому коллизионные нормы необходимо формулировать так, чтобы дать индивидам оптимальные стимулы максимизировать глобальное благосостояние³⁶. В коллизионных нормах следует закреплять правила, которые позволяют благоприятствовать сделкам, оказывающим позитивное влияние на благосостояние, но которые делают недействительными сделки, чье влияние является негативным (например, не допускать применения правопорядка, ориентированного исключительно на то, чтобы издержки покрывались иностранцами, а доходы получали бы только местные лица)³⁷.

2. Необязательный характер Гаагских принципов

По мнению большинства исследователей, Гаагские принципы надлежащим образом адаптированы к их предполагаемому использованию. Они призваны помочь законодателям реформировать нормы, устанавливающие коллизионную автономию воли в международных коммерческих контрактах. Для государств, которые законодательно не признают автономии воли сторон, Принципы могут служить моделью законодательства или правовой реформы *de lege ferenda*, для государств, признающих автономию, они способны помочь интерпретировать, дополнить и уточнить правила этого института, заполнять пробелы *de lege lata*³⁸. Как любой документ «мягкого права», Гаагские принципы имеют необязательный характер. Это рекомендация, модель, субсидиарное средство для восполнения пробелов и толкования права. Возникает вопрос: с точки зрения регулятивной конкуренции необязательный характер Принципов – это плюс или минус?

В литературе по этому поводу высказываются диаметрально противоположные точки зрения. Например, Гизела Рюль самым большим недостатком Гаагских принципов считает именно их природу, т.е. то, что, будучи инструментом «мягкого права», они не имеют обязательной силы. Даже если Принципы будут приняты, государства, суды и арбитраж вольны изменять и корректировать их положения по своему усмотрению. Следовательно, неясно, приведут ли Гаагские принципы когда-нибудь к единой глобальной структуре коллизионной автономии воли. Для этого нет никаких гарантий, наоборот, есть вероятность, что останутся принципиальные различия: государства не заинтересованы в эффективной регулятивной конкуренции – как и конкуренты на рынках товаров и услуг, государства заинтересованы в предотвращении конкуренции со стороны регулирующих органов других государств, чтобы обеспечить применение своих собственных законов³⁹.

Однако такая оценка не разделяется большинством других исследователей. Профессора Марта Пертегас (Marta Pertegas) и Брук Адель Маршалл (Brooke Adele Marshall) подчеркивают, что необязательный характер документа дает ему значительные преимущества. Одной из целей

³⁰ См.: *Coyne J.F.* Op. cit. P. 633.

³¹ *Gruson M.* Governing Law Clauses in Commercial Agreements – New York's Approach // *Columbia Journal of Transnational Law*. 1980. Vol. 18. Pp. 323, 325.

³² См.: *Coyne J.F.* Op. cit. P. 633.

³³ *Ogunranti A.* The Hague Principles – a new dawn for developing countries? // *Dutch Journal on Private International Law*. 2017. Iss. 4. P. 737.

³⁴ См.: *Carbonara E., Parisi F.* Choice of Law and Legal Evolution: Rethinking the Market for Legal Rules. Univ. of Minn. Law Sch. Legal Research Paper Series, Research Paper. 2007. No. 07-38 [Electronic resource] available at URL: <http://ssrn.com/abstract=1011376> (дата обращения: 01.02.2024).

³⁵ См.: *Ruhl G.* Op. cit. Pp. 1, 9.

³⁶ См.: *Whytock C.A.* Myth of Mess? International Choice of Law in Action // *New York University Law Review*. 2009. Vol. 84. P. 737.

³⁷ См.: *Guzman A.T.* Op. cit. Pp. 896, 897.

³⁸ См.: *Pertegas M., Marshall B.A.* Op. cit. P. 982; *Nishitani Y.* Op. cit. P. 337.

³⁹ См.: *Ruhl G.* Op. cit. P. 20.

Принципов является их имплементация в кодексы МЧП и в конечном счете существенная гармонизация того, что в настоящее время является разрозненными наборами национальных или региональных норм в области выбора права в международных контрактах. Необязательный характер документа позволяет избежать какого-либо риска конфликта мягкого глобального стандарта с обязательными региональными (Регламент Рим I или Мексиканская конвенция) или универсальными документами (различные Гаагские конвенции о применимом праве)⁴⁰. Аналогичное мнение высказывается и в австралийской литературе: необязательный характер Принципов будет способствовать их принятию государствами. Модель «мягкого права» позволяет избежать подводных камней обязательных документов: государства могут отказаться присоединяться к определенной конвенции, несмотря на общее согласие с текстом, ввиду какого-то конкретного камня преткновения. В тех случаях, когда унификация невозможна, желательна гармонизация международного коммерческого права⁴¹.

Известный японский исследователь Юко Нишитани (Yuko Nishitani) расценивает необязательный характер как преимущество Гаагских принципов, поскольку у государств остается необходимая свобода действий – будут ли они придерживаться предлагаемой модели и в какой степени. Гаагские принципы справедливо воздерживаются от какой-либо позиции и просто ссылаются на применимые нормы МЧП по вопросам, в которых трудно достичь единогласия. Это может повысить уровень признания и облегчить имплементацию документа в различные правовые системы. Кроме того, очевидное преимущество Гаагских принципов заключается в их простоте, гибкости, функциональности и адаптивности как модели. В качестве «мягкого права» Принципы учитывают различные потребности юрисдикций гражданского и общего права. Благодаря своему необязательному характеру они позволили включить некоторые новаторские правила (выбор негосударственного права, определение соглашения о выборе права в ситуации «битвы форм» и др.). Возможно, в перспективе стоит подумать о том, чтобы в большей степени обращаться к необязательным документам в области МЧП⁴².

Достоинства необязательных международных моделей подчеркиваются и в документах различных региональных организаций: мягкая гармонизация подразумевает разработку правил и положений, которые не навязываются участвующим государствам, а предлагаются в качестве своего рода рекомендации или модельного закона, который как государства, так и отдельные лица могут свободно включать в свои правовые системы или отношения. Преимущество такого мягкого характера состоит в том, что он позволяет разрабатывать более совершенные, сложные и менее политически обусловленные правила и предложения по гармонизации⁴³.

Представляется, что с точки зрения регулятивной конкуренции в международной торговле, безусловно, выигрывает «мягкое право». Гибкие диспозитивные правила, минимум государственного диктата и вмешательства

в бизнес-процессы, благоприятствование общим принципам права, международным деловым обычаям и устоявшейся торговой практике – именно в таких правовых установлениях нуждаются стороны международных коммерческих контрактов. Это касается не только материальных правил, но и соглашений о выборе применимого права: контрагентам необходимы общие требования к таким соглашениям, которые они могут изменять и модифицировать ввиду своих конкретных потребностей. В связи с этим субъекты международной торговли, естественно, выберут такой правопорядок, в соответствии с которым их соглашение о выборе права будет оцениваться с разумной степенью определенности и одновременно гибко, с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

Гаагские принципы – это свод наилучших практик, составленный с учетом и международного, и национального опыта регулирования коллизионной автономии воли. В работе над текстом документа принимали участие профессиональные ученые из разных стран мира, поэтому Принципы с полным правом можно расценивать как квалифицированную, передовую, наиболее взвешенную доктрину МЧП. В регулятивной конкуренции доктрина играет важнейшую роль, что наглядно показывает и Второй свод о конфликте законов (1971 г.), разработанный Американским институтом права и оказавший огромное влияние на современные кодификации МЧП во всем мире, и Принципы УНИДРУА, служащие основой современных национальных реформ договорного права. Если государство воспримет Гаагские принципы как «рафинированное» право, оптимальный образец для подражания, это позволит ему повысить конкурентоспособность собственного права и шансы на его выбор как наиболее эффективного применительно к международным коммерческим контрактам.

Чрезвычайно важным моментом является и то, что, не будучи международным договором, Гаагские принципы не подлежат длительному и сложному процессу подписания, присоединения и ратификации. Опыт работы Гаагской конференции по МЧП наглядно демонстрирует, как сложно идут процессы вступления в силу всех конвенций, разработанных под ее эгидой, как много конвенций, разработанных и открытых для подписания в течение XX в., так и не набрали (и уже не наберут) необходимого количества участников. Как гибкий инструмент, акт мягкого права, необязательная инициатива авторитетной международной организации, Принципы имеют больше шансов на успешную имплементацию в национальное законодательство.

3. Международный характер коммерческого контракта

Для применения Гаагских принципов необходимо, чтобы контракт удовлетворял двум критериям – был как международным, так и коммерческим. Требование «интернациональности» соответствует традиционному пониманию, что МЧП применяется только к трансграничным делам. Определение международного характера контракта в ст. 1.2. дано негативным способом – контракт не является международным, если предприятия каждой из сторон находятся в одном и том же государстве и взаимоотношения между сторонами и всеми другими соответствующими элементами независимо от выбранного права связаны только лишь с этим государством. Таким образом, Принципы априорно не применимы к внутрихозяйственным коммерческим сделкам, по воле сторон подчиненным иностранному закону.

В Комментариях к Принципам дана «дорожная карта», какие факторы являются нерелевантными, чтобы контракт мог быть квалифицирован как международный. Прежде

⁴⁰ См.: *Pertegas M., Marshall B.A.* Op. cit. P. 983.

⁴¹ См.: *Douglas M., Loadsman N.* Op. cit. P. 24.

⁴² См.: *Nishitani Y.* Op. cit. P. 344.

⁴³ См.: OHADC Principles on International Commercial Contracts 2015 [Electronic resource] available at URL: <https://www.ohadac.com/textes/2/ohadac-principles-on-international-commercial-contracts.html?lang=en> (дата обращения: 01.02.2024).

всего к ним относится субъективное намерение сторон подчинить их отношение иностранному праву: «Фраза “независимо от выбранного права” в статье 1(2) означает, что выбор права сторонами не является важным элементом для определения международного характера. Иными словами, стороны не могут установить международный характер договора исключительно путем выбора иностранного права, даже если этот выбор сопровождается выбором иностранного суда или арбитражного суда, если все соответствующие объективные элементы сосредоточены в одном государстве» (п. 1.21)⁴⁴. Единственные договоры, которые исключаются как не обладающие международным характером, – это те, в которых каждая сторона имеет свое представительство в одном и том же государстве, а отношения сторон и все другие соответствующие элементы независимо от выбранного права связаны только с этим государством, т.е. отсутствует соответствующий элемент, устанавливающий международный характер (п. 1.14, 1.20).

Вторым нерелевантным фактором, который ограничивает применение Гаагских принципов, является то обстоятельство, что они не рассматривают коллизии законов между различными территориальными единицами в пределах одного государства (например, в Австралии, Канаде, Нигерии, Испании, Великобритании или США) (п. 1.22 Комментария). Расположение каких-либо элементов контракта в разных территориальных единицах в пределах одного государства не определяет международного характера контракта в смысле ст. 1.2 Принципов. Однако законодатель по собственной воле свободно может расширять сферу применения Принципов на внутригосударственные коллизии законов.

Не очень понятны причины, ввиду которых авторы Принципов отказались от их распространения на внутренние коллизии законов «по умолчанию». Подобное ограничение сферы применения представляется необоснованным, особенно для государств с сильными интерлокальными коллизиями, не менее сложными, нежели международные, и к ним приравненными (в частности, США). Хотелось бы упомянуть, что Проект Африканских принципов (по крайней мере в буквальном его понимании) предлагает иное, на наш взгляд, более взвешенное решение. В ст. 1.1 Проекта предусмотрено, что сфера действия документа – это ситуации, связанные с конфликтом законов в международных договорных обязательствах по гражданским и коммерческим вопросам⁴⁵. Такая формулировка позволит распространить действие Принципов на все случаи коллизии законов, в том числе внутренние. Правда, проблема определения термина «международный» все равно остается.

Установление международного статуса контракта может потребовать тщательного анализа каждого конкретного случая и включать в себя два этапа (п. 1.16–1.19):

1. Решение вопроса о «национальности» сторон – если предприятия расположены в разных государствах, контракт является международным, и Принципы применяются. Если у стороны имеется более одного предприятия, соответствую-

⁴⁴ См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts.

⁴⁵ «These Principles apply, in situations involving a conflict of laws, to international contractual obligations in civil and commercial matters, where each party is acting in the exercise of its trade or profession» (см.: *Neels J. L. African Principles on the Law Applicable to International Commercial Contracts*. Johannesburg, 2023. P. 7).

шим учреждением⁴⁶ считается то, которое имеет наиболее тесное отношение к договору на момент его заключения (даже если это учреждение не является основным).

2. Когда первый критерий неприменим, контракт все равно считается международным, если какой-либо «другой соответствующий элемент» расположен за границей. Такими соответствующими элементами могут быть, например, место заключения договора, место исполнения, гражданство стороны, место регистрации или учреждения стороны (подчиненные предприятия, которые не были учтены на первом этапе, также могут быть приняты во внимание). Перечень «других соответствующих элементов» является неисчерпывающим, открытым и имеет альтернативный, а не накопительный характер.

Международный характер контракта – руководящее начало Гаагских принципов, пороговое требование для их применения. Это соответствует устойчивым представлениям о том, что сфера действия МЧП – исключительно трансграничные дела, объективно связанные с правопорядком двух и более государств. Однако автономия воли сторон представляет собой особое коллизионное правило, позволяющее субъективно обозначить компетентное правовое регулирование, опираясь только на намерения сторон. Отказ от использования более широкого современного подхода, в соответствии с которым субъективный выбор сторонами применимого права может представлять собой значимый элемент и привносить характер «интернациональности», довольно сильно сужает предметную сферу действия Гаагских принципов. Это, естественно, вызывает дискуссию в академической среде: насколько данное решение является адекватным и как оно отразится на регулятивной конкуренции, что может простилировать – «гонку вниз» или «гонку наверх»?

Точки зрения обычно высказываются диаметрально противоположные (что для доктрины является совершенно естественным и само собой разумеющимся, поскольку в науке единобразие и единодушие представляют собой патологию и тормозят развитие юридической мысли). В частности, по мнению профессора Юко Нишитани, как и большинства других японских авторов, МЧП должно применяться исключительно к случаям, имеющим по крайней мере один объективный иностранный элемент (как это и предусмотрено в ст. 1.2 Гаагских принципов), т.е. ограничения автономии воли возможны ввиду требования интернациональности контракта⁴⁷. Этую позицию разделяет и немецкий ученый Дитер Мартини (Dieter Martiny), акцентирующий внимание на том, что связь между сторонами и государством является объективным критерием применимости Принципов. Субъективное подчинение контакта иностранному праву само по себе не является достаточным связующим фактором. Такое самоограничение Принципов позволяет избежать многих коллизий и трудных вопросов императивного права⁴⁸.

⁴⁶ Термин «учреждение» включает в себя «административный или управленческий центр, штаб-квартиру, основные и второстепенные места ведения бизнеса, филиал, агентство и любое другое постоянное и непрерывное место ведения бизнеса. Для создания учреждения требуется физическое присутствие стороны, с минимальной степенью экономической организованности и постоянством во времени. Таким образом, юридический адрес компании сам по себе не подпадает под понятие учреждения» (п. 1.23).

⁴⁷ См.: Nishitani Y. Op. cit. P. 331.

⁴⁸ См.: Martiny D. Die Haager Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts: Eine weitere Verankerung der Parteiautonomie // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2015. Bd. 79. S. 633, 634.

Большая группа ученых, наоборот, считает недостатком Принципов тот факт, что сфера их применения не распространяется на внутренние контракты, по субъективному намерению сторон подчиненные иностранному праву. Профессор Гизела Рюль пишет, что с точки зрения регулятивной конкуренции такое ограничение не является необходимым. Эффективная конкуренция требует ограничения свободы выбора только в том случае, если можно ожидать, что неограниченная конкуренция побудит законодательные органы принимать неэффективные законы, систематически благоприятствующие какой-либо одной стороне. Неясно, почему выбор иностранного права для внутреннего контракта повлечет такие последствия. Ограничение автономии воли снижает давление на государства, чтобы они приспосабливали свое законодательство к потребностям частных лиц, при том, что предоставление сторонам права выбора иностранного права в чисто внутренних отношениях не снижает способности государства защищать свои публичные интересы с помощью защитных оговорок. Ограничивая сферу своего применения путем исключения внутрихозяйственных сделок, Гаагские принципы упускают возможность внести позитивный вклад в процесс регулятивной конкуренции⁴⁹.

Довольно жестко требование интернациональности критикуют Саги Пири (Sagi Pari) и Салони Кхандерия (Saloni Khanderia). Они справедливо отмечают, что традиционно дела по МЧП отличались от внутригосударственных дел наличием некоего «иностранных» элемента в фактической основе иска. Однако насколько этот традиционный подход корректен для современного мира и почему наличие «иностранных элемента» должно влиять на возможность сторон устанавливать свои права и обязанности? Такое требование представляется анахроничным в глобальном мире. Кроме этого, Интернет – это трансграничичная, внетерриториальная среда, феномен, бросающий вызов традиционной классификации отрасли. Интернет сам по себе является встроенным чужеродным элементом, а интернет-коммерция ведет к тому, что транснациональный по своей сути феномен онлайн-бизнеса становится почти исключительным средством совершения сделок. В этих условиях представляется нежелательным концептуально, и особенно практически, придерживаться формального традиционного разграничения между внутренними и международными контрактами. Все онлайн-дела должны быть отнесены к МЧП, и стороны всегда должны иметь возможность осуществлять автономию воли в интернет-коммуникациях. Иностранный элемент в настоящее время можно найти практически везде⁵⁰.

Законодательные решения и судебная практика демонстрируют различные подходы к возможности своих национальных субъектов подчинять их внутрихозяйственные сделки иностранному праву. В некоторых странах законодательство по МЧП содержит прямой запрет выбора иностранного права к внутренним отношениям⁵¹. Однако подобная модель встречается нечасто, в основном современный законодатель воздерживается от установления

⁴⁹ См.: *Ruhl G.* Op. cit. P. 13.

⁵⁰ См.: *Pari S., Khanderia S.* Party Autonomy in the Choice of Law: Some Insights from Australia // Liverpool Law Review. 2021. Vol. 42. Pp. 278, 279.

⁵¹ «Контракт является международным, если стороны имеют постоянное место жительства или учреждения в разных государствах, или у договора есть соответствующие объективные связи с более чем одним государством. Контракт не может быть интернационализирован по простой воле сторон» (ст. 44 Закона о МЧП Уругвая (2020)).

столы однозначного запрета. Чаще всего в законе просто перечисляются признаки, когда отношение является международным и, соответственно, может по воле сторон регулироваться иностранным правом⁵². Перечень, как правило, не является исчерпывающим и сформулирован гибким образом: «Спор считается международным.., если один или несколько его составных элементов связаны более чем с одним государством. Эти элементы могут быть связаны с фактами... местонахождением предмета спора, с национальностью... или с каким-либо другим моментом связи между сторонами»⁵³.

В большинстве юрисдикций национальные нормы о коллизионной автономии воли сторон судебной практикой и доктриной толкуются расширительно, как позволяющие подчинять иностранному праву и внутрихозяйственные сделки. Например, японский ученый Масато Догаучи (Masato Dogauchi) утверждает, что Закон о МЧП Южной Кореи позволяет выбор иностранного права к внутренним контрактам⁵⁴, и такое решение является оптимальным, поскольку МЧП должно применяться ко всем контрактам, включая чисто внутренние случаи, ради единобразия и практичности⁵⁵. Один из разработчиков и Гаагских принципов, и Закона Парагвая проф. Хосе Антонио Морено Родригес (José Antonio Moreno Rodríguez) считает, что «практический эффект парагвайского решения заключается в том, что для «интернационализации» контрактов вполне может быть достаточно только воли сторон»⁵⁶.

В Российской Федерации право субъектов предпринимательской деятельности выбирать иностранный закон для регулирования их внутрихозяйственных сделок косвенным образом закреплено в актах высших судебных инстанций. В частности, в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» подчеркивается: «По смыслу данной нормы [п. 5 ст. 1210 ГК РФ] суд применяет любые императивные нормы российского законодательства вне зависимости от их квалификации в качестве норм непосредственного применения в значении статьи 1192 ГК РФ, если в спорном отношении полностью отсутствует имеющий значение для дела иностранный элемент»⁵⁷. Такая формулировка показывает, что стороны внутрироссийских контрактов вправе подчинять свои отношения иностранному праву, интернационализируя их исключительно путем субъективного фактора, по собственной воле.

Невозможность применения Гаагских принципов к коллизионной автономии воли во внутрихозяйственных

⁵² См., напр.: статья 68 Кодекса МЧП Панамы (2015).

⁵³ Código Civil de Puerto Rico de 2020. Exposición de motivos. P. 4 [Electronic resource] available at URL: <https://bvirtualogp.pr.gov/ogp/Bvirtual/leyesreferencia/PDF/55-2020.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵⁴ См.: статья 25 Закона Республики Корея о коллизиях законов 1962 г. (в ред. 2001 г.).

⁵⁵ Точку зрения Масато Догаучи см.: *Nishitani Y.* Op. cit. P. 331.

⁵⁶ Moreno Rodríguez J.A. The New Paraguayan Law on International Contracts: Back to the Past? // The Age of Uniform Law. Essays in honour of Michael Joachim Bonell to celebrate his 70th birthday. Vol. 2. Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2016. P. 1154. При этом в ст. 2 Закона «Международный характер контрактов» прямо установлено: «Сфера применения данного Закона должна интерпретироваться наиболее широким из возможных образов. Данный Закон будет неприменим для контрактов, все значимые элементы которых связаны лишь с одним государством».

⁵⁷ См.: СПС «КонсультантПлюс».

контрактах с точки зрения регулятивной конкуренции представляется весьма серьезным недостатком этого документа. Процессы глобализации экономики и интернационализации коммерческой активности породили широко воспринятое в разных странах практику, когда стороны внутрихозяйственных сделок включают в свои контракты оговорку о применении к их спорам иностранного права. В большинстве случаев такая коллизионная оговорка совпадает с юрисдикционной, т.е. когда стороны договариваются о рассмотрении споров иностранным судом (в качестве нейтрального суда) в соответствии с его собственным правом⁵⁸. Нередки также ситуации, когда выбор определенного иностранного закона объективно обусловлен его общезвестным высоким уровнем или повсеместным признанием в качестве международного стандарта, обеспечивающего единообразное регулирование (например, в морских, страховых или финансовых сделках доминирует английское, швейцарское право или право штата Нью-Йорк)⁵⁹.

Такая практика объективно способна стимулировать законодателя к оптимизации собственного регулирования в сфере коммерческих отношений. От экстерриториального распространения своих правовых моделей и своего правосознания государства могут получить вполне ощущимые инвестиционные дивиденды (хотя и в меньшей степени, нежели от выбора иностранцами их правосудия; но это во многом взаимосвязанные явления). Стремление государства подчинить хозяйственную деятельность его субъектов на его территории только его собственному правопорядку, запрет коллизионной автономии воли во внутренних контрактах свидетельствует о том, что это государство боится регулятивной конкуренции, осознавая (может быть, интуитивно) недостаточный уровень своего законодательства, его неспособность быть привлекательным и эффективным для акторов современной экономической активности. Напротив, возможность частных лиц отказаться от применения собственного неэффективного закона в пользу более развитого иностранного может заставить законодателя пересмотреть национальное регулирование и привести его в соответствие с потребностями современного бизнеса.

Судебная практика развитых стран давно уже демонстрирует тенденцию отказа от навязывания субъектам своей предпринимательской деятельности обязанности подчиняться исключительно национальному праву и национальному правосудию. Так, уже более 50 лет назад (в 1972 г.) в деле *M/S Bremen v. Zapata Off-Shore Co.* Верховный суд США подчеркнул: «Расширение американского бизнеса и промышленности вряд ли будет поощряться, если, несмотря на торжественные контракты, мы будем настаивать на узкой церковно-приходской концепции, согласно которой все споры должны разрешаться в соответствии с нашими законами и в наших судах... Мы не можем вести торговлю и коммерцию на мировых рынках и в международных водах исключительно на наших условиях, регулируемых нашими законами и решаемых в наших судах»⁶⁰.

Потуги публичной власти воспрепятствовать реализации свободы договоров посредством ограничения коллизионной автономии воли сторон приводят к снижению предпринимательской активности и несут в себе серьезную коррупционную

⁵⁸ См.: *Khanderia S., Peari S.* Party autonomy in the choice of law under Indian and Australian private international law: some reciprocal lessons // Commonwealth Law Bulletin. 2020. Vol. 46. No. 4. P. 721.

⁵⁹ См.: *Nishitani Y.* Op. cit. P. 311.

⁶⁰ *Lehmann M.* Op. cit. P. 394.

составляющую. Кроме того, они влекут за собой попытки масштабного обхода закона. Кстати, п. 1.19 Комментария к Гаагским принципам открывает для этого широкие возможности — место заключения контракта намеренно может быть выбрано за границей, исключительно с целью искусственно интернационализовать свой контракт и получить возможность подчинить его иностранному праву. В связи с этим представляется, что узкое традиционалистское толкование понятия «международность», сведение его только к наличию объективных связующих факторов, отказ учитывать субъективное желание сторон интернационализировать свои отношения и, соответственно, невозможность применения Гаагских принципов только по воле сторон к любым их коммерческим контрактам снижают потенциал этого документа в регулятивной конкуренции. Противоположное решение могло бы усилить такой потенциал и послужить прекрасной моделью для улучшения национального коллизионного и материального регулирования.

Заключение

Типовые модели, направленные на достижение единобразия договорного права на международном уровне, разработанные учреждениями, созданными специально для достижения такой цели (Гаагская конференция по МЧП или ЮНСИТРАЛ), на национальном уровне целесообразно принимать или даже копировать в максимально возможной степени. В данном случае законодателям не зазорно выступать в качестве «отъявленных воров» (по выражению «легендарного» Дж. Уолтона), наоборот, им следует аплодировать, если они копируют успешные модели, чтобы внедрить их в свои юрисдикции⁶¹. Подобная политика повысит конкурентоспособность их законов, их эффективность и востребованность.

Гаагские принципы — это действительно руководство по передовой, надлежащей практике, указывающее законодателям, как следует обращаться с соглашениями о выборе права. Они отражают всеобъемлющий мандат Гаагской конференции по МЧП: провести постепенную унификацию правил выбора применимого права в целях повышения правовой определенности трансграничной деятельности и поощрения трансграничной торговли. Принципы нацелены на выработку единобразных подходов в национальном регулировании коллизионной автономии воли сторон. В регулятивной конкуренции документ имеет высокий потенциал — их восприятие на национальном уровне повысит качество внутренних правил о коллизионных оговорках. Этот потенциал является высоким, в том числе и за счет того, что Принципы — акт «мягкого права», не имеющий обязательного характера, поэтому восприятие их государствами предполагает гибкое, свободное понимание, возможность изменений и дополнений.

Не все решения Принципов представляются позитивными с точки зрения регулятивной конкуренции. В частности, ограничение их применения только коммерческими контрактами, имеющими объективные связи с двумя и более правопорядками, снижает конкурентоспособность Принципов. В современном глобальном мире стороны внутрихозяйственных сделок также должны иметь возможность использовать акты *lex mercatoria* как нейтральное сбалансированное право, единственно понимаемое в большинстве юрисдикций и эффективное с точки зрения международных сделок.

В заключение хотелось бы подчеркнуть еще один момент. Как писал Ральф Майклс (Ralf Michaels), изначально

⁶¹ См.: *Moreno Rodríguez J.A.* Op. cit. Pp. 1174, 1175.

«исследователи коллизионного права испытывали отвращение к идеи признания негосударственного права, не в последнюю очередь потому, что они опасались за основные принципы своей области»⁶². Одной из главных целей разработки Принципов УНИДРУА было именно преодоление неопределенности коллизионного права. Цель состояла не в том, чтобы добавить еще одну правовую систему к множеству уже имеющихся, а в том, чтобы сделать выбор такой правовой системы вообще излишним⁶³.

В этом отношении Гаагские принципы выполняют важную сигнальную функцию и открывают новые горизонты. Специалисты по МЧП могут не волноваться за судьбу своей отрасли – принятие авторитетной международной организацией целостного свода правил *black letters*, устанавливающих коллизионную автономию воли сторон в качестве нормы для трансграничных коммерческих сделок, однозначно показывает, что «даже в очень далекой перспективе говорить об исчезновении коллизионного регулирования и международного гражданского процесса столь же наивно, сколь и утверждать о неизбежности отмирания права при коммунизме. Бессспорно, и *lex mercatoria*, и унификация права международного гражданского и торгового оборота должны всемерно поощряться, но только в сочетании с правом коллизий законов и правом коллизий юрисдикций»⁶⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жильцов А.Н., Муранов А.И. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право. Иностранные законодательство. М., 2000. С. 43.
2. Зыкин И.С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. М., 2016. С. 73–92.
3. Луткова О.В. Принципы правового регулирования трансграничных авторских отношений // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 12. С. 63–92.
4. Мажорина М.В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis* // Lex russica. 2021. № 12.
5. Стригунова Д.П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: в 2 т. М., 2017.
6. Суспицына М.В. Формирующиеся подходы к коллизионному регулированию интеллектуальной собственности // Юрид. образование и наука. 2012. № 2.
7. Царева Л. Гаагские принципы выбора права в международных коммерческих контрактах: сфера применения и основные положения // Юстиция Беларуси. 2016. № 4. С. 1–4.
8. Basedow J. The Hague Principles on Choice of Law: their addressees and impact // Uniform Law Review. 2017. Vol. 22. Pp. 304–315.
9. Bonell M.J. The law governing international commercial contracts and the actual role of the UNIDROIT Principles // Uniform Law Review. 2018. Vol. 23. Pp. 16, 17.
10. Carbonara E., Parisi F. Choice of Law and Legal Evolution: Rethinking the Market for Legal Rules. Univ. of Minn. Law Sch. Legal Research Paper Series, Research Paper. 2007. No. 07-38 [Electronic resource] available at URL: <http://ssrn.com/abstract=1011376> (дата обращения: 01.02.2024).
11. Coyle J. F. The Canons of Construction for Choice-of-Law Clauses // Washington Law Review. 2017. Vol. 92. Pp. 633, 634.
12. Douglas M., Loadsman N. The Impact of the Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Melbourne Journal of International Law. 2018. Vol. 19(1). Pp. 1–24.
13. Gruson M. Governing Law Clauses in Commercial Agreements – New York's Approach // Columbia Journal of Transnational Law. 1980. Vol. 18. Pp. 323, 325.
14. Guzman A. T. Choice of Law: New Foundations // The Georgetown Law Journal. 2002. Vol. 90. Pp. 896, 897.
15. Kerber W. Interjurisdictional Competition Within the European Union // Fordham International Law Journal. 1999. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 217, 224.
16. Khanderia S., Peari S. Party autonomy in the choice of law under Indian and Australian private international law: some reciprocal lessons // Commonwealth Law Bulletin. 2020. Vol. 46. No. 4. P. 721.
17. Lehmann M. Liberating the Individual from Battles between States: Justifying Party Autonomy in Conflict of Laws // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 41. Pp. 3, 394.
18. Marshall B. The Hague Choice of Law Principles, CISG, and PICC: A Hard Look at a Choice of Soft Law // American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66. Pp. 175–217.
19. Martiny D. Die Haager Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts: Eine weitere Verankerung der Parteiautonomie // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2015. Bd. 79. S. 633, 634.
20. Michaels R. C. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Duke Law School Faculty Scholarship Series. 2007. Paper 150. P. 449.
21. Michaels R. C. Umdenken für die UNIDROIT-Prinzipien: Vom Rechtswahlstatut zum Allgemeinen Teil des transnationalen Vertragsrechts // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2009. Bd. 73. S. 867–888.
22. Moreno Rodríguez J.A. The New Paraguayan Law on International Contracts: Back to the Past? // The Age of Uniform Law. Essays in honour of Michael Joachim Bonell to celebrate his 70th birthday. Vol. 2. Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2016. Pp. 1154, 1174, 1175.
23. Nishitani Y. Party Autonomy in Contemporary Private International Law – The Hague Principles on Choice of Law and East Asia // Japanese Yearbook of International Law. 2016. Vol. 59. Pp. 307, 311, 331, 337, 344.
24. Ogunranti A. The Hague Principles – a new dawn for developing countries? // Dutch Journal on Private International Law. 2017. Iss. 4. P. 737.
25. O'Hara E.A., Ribstein L. E. The Law Market. Oxford University Press, 2009. Pp. 643–645.
26. Peari S., Khanderia S. Party Autonomy in the Choice of Law: Some Insights from Australia // Liverpool Law Review. 2021. Vol. 42. Pp. 278–279.
27. Pertegas M., Marshall B.A. Party Autonomy and its Limits: Convergence through the New Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Brooklyn Journal of International Law. 2014. Vol. 39. Iss. 3. Pp. 982, 991.
28. Ruhl G. Regulatory Competition and the Hague Principles of Choice of Law in International Commercial Contracts (March 13, 2020) // Rishi Gulati, Thomas John & Ben Koehler (eds.), Elgar Companion on the Hague Conference on Private International Law, Edward Elgar Publishing, Cheltenham/Camberley/Northampton,

⁶² Michaels R.C. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Duke Law School Faculty Scholarship Series. 2007. Paper 150. P. 449.

⁶³ См.: Michaels R.C. Umdenken für die UNIDROIT-Prinzipien. P. 872.

⁶⁴ Жильцов А.Н., Муранов А.И. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право. Иностранные законодательство. М., 2000. С. 43.

2020. Pp. 1, 6, 9, 13, 20 [Electronic resource] available at URL: <https://ssrn.com/abstract=3553808> (дата обращения: 01.02.2024).
29. *Symeonides S.C.* Choice of Law in the American Courts in 2010: Twenty-Fourth Annual Survey // American Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 58. P. 71.
30. *Tiebout C.* A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64. No. 5. P. 416.
31. *Whincop M.J., Keyes M., Posner R.* Policy and Pragmatism in the Conflict of Laws. Aldershot: Ashgate/Dartmouth Publishing, 2001. Pp. 27–30.
32. *Whytock C.A.* Myth of Mess? International Choice of Law in Action // New York University Law Review. 2009. Vol. 84. P. 737.

REFERENCES

1. *Zhilsov A.N., Muranov A.I.* National codifications in modern International Private Law. Trends and contradictions in its development on the threshold of the third Millennium // International Private Law: Foreign Legislation. M., 2000. P. 43 (in Russ.).
2. *Zykin I.S.* Hague principles on the choice of applicable law to the international commercial contracts // Actual legal aspects of modern practice of international commercial turnover: collection of articles. M., 2016. Pp. 73–92 (in Russ.).
3. *Lutkova O.V.* Principles of legal regulation of transboundary copyright relations // Herald of Kutafin University. 2016. No. 12. Pp. 63–92 (in Russ.).
4. *Mazhorina M.V.* The right to choose wrong: how to open Pandora's box with the help of *lex voluntatis* // Lex russica. 2021. No. 12 (in Russ.).
5. *Strigunova D.P.* Legal regulation of international commercial contracts: in 2 vols. M., 2017 (in Russ.).
6. *Suspitsyna M.V.* Forming approaches to conflict of laws regulation of intellectual property // Legal Education and Science. 2012. No. 2 (in Russ.).
7. *Tsareva L.V.* Hague principles of choice of law in international commercial contracts: scope of application and main provisions // Justice of Belarus. 2016. No. 4. Pp. 1–4 (in Russ.).
8. *Basedow J.* The Hague Principles on Choice of Law: their addressees and impact // Uniform Law Review. 2017. Vol. 22. Pp. 304–315.
9. *Bonell M.J.* The law governing international commercial contracts and the actual role of the UNIDROIT Principles // Uniform Law Review. 2018. Vol. 23. Pp. 16, 17.
10. *Carbonara E., Parisi F.* Choice of Law and Legal Evolution: Rethinking the Market for Legal Rules. Univ. of Minn. Law Sch. Legal Research Paper Series, Research Paper. 2007. No. 07-38 [Electronic resource] available at URL: <http://ssrn.com/abstract=1011376> (accessed: 01.02.2024).
11. *Coyle J.F.* The Canons of Construction for Choice-of-Law Clauses // Washington Law Review. 2017. Vol. 92. Pp. 633, 634.
12. *Douglas M., Loadsman N.* The Impact of the Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Melbourne Journal of International Law. 2018. Vol. 19 (1). Pp. 1–24.
13. *Gruson M.* Governing Law Clauses in Commercial Agreements – New York's Approach // Columbia Journal of Transnational Law. 1980. Vol. 18. Pp. 323, 325.
14. *Guzman A.T.* Choice of Law: New Foundations // The Georgetown Law Journal. 2002. Vol. 90. Pp. 896, 897.
15. *Kerber W.* Interjurisdictional Competition Within the European Union // Fordham International Law Journal. 1999. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 217, 224.
16. *Khanderia S., Peari S.* Party autonomy in the choice of law under Indian and Australian private international law: some reciprocal lessons // Commonwealth Law Bulletin. 2020. Vol. 46. No. 4. P. 721.
17. *Lehmann M.* Liberating the Individual from Battles between States: Justifying Party Autonomy in Conflict of Laws // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 41. Pp. 3, 394.
18. *Marshall B.* The Hague Choice of Law Principles, CISG, and PICC: A Hard Look at a Choice of Soft Law // American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66. Pp. 175–217.
19. *Martiny D.* Die Haager Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts: Eine weitere Verankerung der Parteiautonomie // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2015. Bd. 79. S. 633, 634.
20. *Michaels R.C.* The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Duke Law School Faculty Scholarship Series. 2007. Paper 150. P. 449.
21. *Michaels R.C.* Umdenken für die UNIDROIT-Prinzipien: Vom Rechtswahlstatut zum Allgemeinen Teil des transnationalen Vertragsrechts // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2009. Bd. 73. S. 867–888.
22. *Moreno Rodríguez J.A.* The New Paraguayan Law on International Contracts: Back to the Past? // The Age of Uniform Law. Essays in honour of Michael Joachim Bonell to celebrate his 70th birthday. Vol. 2. Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2016. Pp. 1154, 1174, 1175.
23. *Nishitani Y.* Party Autonomy in Contemporary Private International Law – The Hague Principles on Choice of Law and East Asia // Japanese Yearbook of International Law. 2016. Vol. 59. Pp. 307, 311, 331, 337, 344.
24. *Ogunranti A.* The Hague Principles – a new dawn for developing countries? // Dutch Journal on Private International Law. 2017. Iss. 4. P. 737.
25. *O'Hara E.A., Ribstein L.E.* The Law Market. Oxford University Press, 2009. Pp. 643–645.
26. *Peari S., Khanderia S.* Party Autonomy in the Choice of Law: Some Insights from Australia // Liverpool Law Review. 2021. Vol. 42. Pp. 278–279.
27. *Pertegas M., Marshall B.A.* Party Autonomy and its Limits: Convergence through the New Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Brooklyn Journal of International Law. 2014. Vol. 39. Iss. 3. Pp. 982, 991.
28. *Ruhl G.* Regulatory Competition and the Hague Principles of Choice of Law in International Commercial Contracts (March 13, 2020) // Rishi Gulati, Thomas John & Ben Koehler (eds.), Elgar Companion on the Hague Conference on Private International Law, Edward Elgar Publishing, Cheltenham/Camberley/Northampton, 2020. Pp. 1, 6, 9, 13, 20 [Electronic resource] available at URL: <https://ssrn.com/abstract=3553808> (accessed: 01.02.2024).
29. *Symeonides S.C.* Choice of Law in the American Courts in 2010: Twenty-Fourth Annual Survey // American Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 58. P. 71.
30. *Tiebout C.* A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64. No. 5. P. 416.
31. *Whincop M.J., Keyes M., Posner R.* Policy and Pragmatism in the Conflict of Laws. Aldershot: Ashgate/Dartmouth Publishing, 2001. Pp. 27–30.
32. *Whytock C.A.* Myth of Mess? International Choice of Law in Action // New York University Law Review. 2009. Vol. 84. P. 737.

Сведения об авторах

ЕРПЫЛЕВА Наталия Юрьевна –
доктор юридических наук, профессор,
руководитель департамента правового
регулирования бизнеса факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА Ирина Викторовна –
кандидат юридических наук,
доцент департамента правового
регулирования бизнеса факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

КАСАТКИНА Александра Сергеевна –
кандидат юридических наук,
доцент департамента правового регулирования
бизнеса факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

ERPYLEVA Natalia Yu. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Legal Regulation
of Business, Faculty of Law, National Research
University Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

GET'MAN-PAVLOVA Irina V. –
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal
Regulation of Business, Faculty of Law,
National Research University
Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

KASATKINA Alexandra S. –
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal
Regulation of Business, Faculty of Law,
National Research University
Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ON DIGITAL IDENTIFICATION OF ACTIONS PERSONALITY

© 2024 О. А. Степанов, М. М. Степанов

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: soa-45@mail.ru

Received 20.10.2023

Abstract. The article deals with the problem of digital identification of personal actions. It draws attention to the fact that the use of virtual space creates an alternative social reality in which the functioning of personality takes place. Three main components characterizing the digital identification of personal actions as a phenomenon are singled out: digital profile, digital image and digital trace. It is assumed that further comprehension of the idea of digital identification of personal actions can be associated with the emergence of a program construct (digital avatar) based on the use of seamless digital ecosystems (SMART-environment), which will be able to fully replace a person in the network in legally significant situations.

Key words: virtual space, digital identification of personal actions, digital profile, digital image, digital footprint.

For citation: Stepanov, O.A., Stepanov, M.M. (2024). On digital identification of personal actions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 205–210.

DOI: 10.31857/S1026945224070185

О ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЧНОСТИ

© 2024 г. О. А. Степанов, М. М. Степанов

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: soa-45@mail.ru

Поступила в редакцию 20.10.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика цифровой идентификации действий личности. Обращается внимание на то, что использование виртуального пространства создает альтернативную социальную реальность, в которой происходит функционирование личности. Выделяются три основных компонента, характеризующих цифровую идентификацию действий личности как явления: цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след. Предполагается, что дальнейшее осмысление идеи цифровой идентификации действий личности может быть связано с появлением программного конструкта (цифрового аватара) на основе использования бесшовных цифровых экосистем (SMART-среды), который будет способен полностью замещать человека в Сети в юридически значимых ситуациях.

Ключевые слова: виртуальное пространство, цифровая идентификация действий личности, цифровой профиль, цифровой образ, цифровой след.

Цитирование: Степанов О.А., Степанов М.М. О цифровой идентификации действий личности // Государство и право. 2024. № 7. С. 205–210.

Digitalization of social life in the first quarter of the XXI century has led to the fact that important social phenomena related to personal data of a person began to find their virtual representation in the network space.

The need not only to individualize, but also to identify and authenticate the user in the network has led to the fact that the network began to transmit data about a particular person, characterizing his or her actions. In addition, there are people who practically “live” and “earn” on the Internet, who actively form their online image. Even the phenomenon of “digital nomadism” has emerged, which has a significant impact on people’s life activities, including in business.

All this puts a person in the position of a certain information unit, subject to classification and ranking based on the assessment of his/her actions (production indicators, economic situation, health, individual preferences, interests, location or movement, etc.) in order to develop various measures, including legal measures.

Comprehension of digital identification of personal actions in virtual space is relevant both from the point of view of psychology, sociology, anthropology, philosophy, pedagogy, and other sciences. At the same time, a proper analysis of the virtualization of personal actions associated with the assessment of their legal consequences has not been carried out so far.

It should be noted that in recent years in scientific literature the concept of “network personality” has become very actively used, which is based on the possibility of using a social network, in the space of which an alternative (network) identity is distinguished.

Similar to the concept of “network personality” is the concept of “virtual personality”¹. Sometimes they are considered as synonyms, sometimes as different concepts. Along with this, the concept of “digital image”² has emerged which is proposed to be used in the framework of digital identification of personality actions.

However, the genesis of digital identification of personal actions is still very little studied. At the same time, it is possible to distinguish two main approaches to its comprehension.

The first approach is based on the idea of personal actions as a subject of virtual space with its unique individuality³. It is based on the integration of the real and virtual environment, which allows us to establish a sign of equality between the actions of a person in society and the actions of a person in virtual

¹ Gotskaya I.B., Zhuchkov V.M. Modern interpretations of the concepts of “network personality” and “virtual personality” // Letters to Emission. Offline. 2018. No. 2. Pp. 25–84; Gotskaya I.B., Gotskaya A.I., Zhuchkov V.M. Analysis of approaches to the interpretation of the concepts of “network personality” and “virtual personality” // Modern Education: traditions and innovations. 2019. No. 1. Pp. 77–82; Karasik V.I. Network linguistic personality // Herald of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. No. 6 (848). Pp. 33–45.

² Shakhrai S.M. Digital Constitution. Basic rights and freedoms of the individual in a total information society // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 12. Pp. 1077; Stepanov O.A. The problem of ensuring the security of the individual when correlating a person with his digital image // Modern Law. 2021. No. 12. Pp. 25–28; Chernyshenko I.G. Legal protection of the digital image of a person // Legislation. 2022. No. 4. Pp. 54–58; Shubenkova K.V. Legal problems of protection of digital image of personality in the Russian Federation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 10. Pp. 226–230.

³ See: Popova D.A. Identity as a basic construct of digital personality in interpersonal Internet discourse // Herald of Buryat State University. Language. Literature. Culture. 2018. No. 2. Pp. 63–69; Popova D.A. Digital personality as a central element of interpersonal Internet discourse // Herald of Buryat State University. Language. Literature. Culture. 2019. No. 2. Pp. 87–91.

space (when a person is understood equally as a participant of relations both in society and in virtual space, which has its own individuality).

The second approach is based on the technological component of digital identification of personal actions. It assumes that the content of this process is a set of coded information about a particular person, fixed on the corresponding material carrier, with the properties of transmission in virtual space, taking into account the possibility of its processing with the help of artificial intelligence.

Taking this into account, digital identification of personal actions can be considered both as a process and as a result of digitization of personal data, individual needs (attitudes), biographical information, personal characteristics and habits⁴.

Regardless of the approach used, it is currently acceptable to distinguish three main components characterizing the idea of such identification as a phenomenon: digital profile, digital image and digital trace⁵.

Digital profile is a set of personal and other related data about an individual in the Internet space, contained in information bases authorized for their processing by the subjects. The main prerequisites for the creation of a digital profile as an element of a digital identity are related to the need for processing in the virtual environment of personal data of an individual by authorized subjects, as well as the need to identify a person when interacting with state and non-state bodies and organizations. Since the content of the digital profile is determined by a person’s personal data, the infrastructure of the digital profile, in particular, underlies the functioning of the Portal of State and Municipal Services and the Unified System of Identification and Authentication in the Russian Federation⁶.

In recent years, the term “digital profile” has been actively used in the legislation of the Russian Federation. However, there is still no legislative definition of this concept, which leads to various risks⁷.

There is no unified view on the concept of “digital profile” in legal science. At the same time, all available approaches are united by the idea of digital profile as a set of personal data contained in the information bases of public authorities and institutions.

It should be noted that this approach significantly limits the list of subjects receiving and processing the information included in the digital profile of a citizen. Banks, insurance companies, medical institutions and other organizations that do not belong to the public sector, as well as individuals whose services are used by an individual, generalize personal data, process them and provide him/her with the possibility to access these data using the Internet.

⁴ See: Ershova R.V. Digital socialization of personality in the era of global changes // Applied psychology in the service of developing personality. Collection of scientific articles and materials of XVI Scientific Practical Conference with international participation. 2019. Pp. 49–54.

⁵ See: Stepanov O.A., Stepanov M.M. Legal regulation of the genesis of digital personality // Law enforcement. 2022. Vol. 6. No. 3. Pp. 20–32.

⁶ See: Resolution of the Government of the Russian Federation of 03.06.2019 No. 710 “On conducting an experiment to improve the quality and connectivity of data contained in state information resources” // NW RF. 2019. No. 23, art. 2963; Order of the Ministry of Digital Economy of Russia from 30.06.2022 No. 505 “On approval of methods for calculating the indicators of federal projects of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus” and others.

⁷ See: Polubinskaya S.V., Galyukova M.I. Big Data in healthcare: information security and legal protection of personal data // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 149–160.

Thus, a significant number of primarily commercial legal entities possess information that is part of a citizen's digital profile. However, under this approach, their activities would not be considered as related to the digital profile and therefore would not be regulated accordingly⁸.

A citizen's digital profile is also defined as a unique database that includes a set of identifiers and other confidential and publicly available information reflecting various aspects of a person's private and public life⁹. In our opinion, this definition unreasonably expands the content of the digital profile, including all information about an individual contained in virtual space, while the digital profile includes only personal and related data about a person. The complete database of data about the subject in virtual space constitutes the content of the digital personality.

It is not possible to agree with the statements that the digital profile of a person is identified with the digital twin of a particular individual¹⁰, and that the digital profile of a person forms its "digital twin", which will be supplemented by data collected in the course of video surveillance systems, identification and use of various Internet resources¹¹.

A digital profile of an individual is formed only by his/her personal and related data in digital form. A digital twin of a natural person is a much broader concept than a digital profile; in terms of the amount of information it contains, it can rather be identified with the digital personality as a whole. It should also be noted that the information that appears about the subject as a result of the use of video surveillance systems and Internet resources refers to the digital footprint, which will be discussed below, and not to the digital profile of the individual.

The concept of "digital twin" is actively used in technical sciences and industry. It refers to a copy of a physical object or process that helps optimize business performance. Digital twins are designed to help businesses detect physical problems faster, predict their outcomes more accurately, and produce better products. In foreign scientific literature, a digital twin is understood as an integrated model of an already built product, which is designed to contain information about all the defects of the product and regularly updated in the process of physical use; or a digital model derived from information from sensors installed on a physical object, which allows simulating the behavior of the object in the real world¹². Based on the above, it seems inappropriate to borrow the well-established technical term "digital twin" and make it identical to the concept of "digital identity".

The next component characterizing the idea of digital identification of personal actions is a digital image, which is a construct

⁸ See: *Naumov V.B.* Information-legal issues of identification when using a digital profile // *Agrarian and Land Law*. 2020. No. 6 (186). P. 138; *Baidina A.V., Oreshina M.N.* Main directions of development of the concept of digital profile. Foreign experience and development prospects // *University Bulletin*. 2020. No. 7. P. 29; *Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaev A.V.* Digital profile: concept, mechanisms of regulation and problems of realization // *Law enforcement*. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 8; *Tsirin A.M.* Digital profiling in public service: concept and prospects of legal regulation // *Journal of Russian law*. 2022. Vol. 26. No. 10. Pp. 97–109.

⁹ See: *Naumov V.B.* Op. cit. P. 141.

¹⁰ See: *Dokuchaev V.A., Maklachkova V.V., Statoev V. Yu.* Digitalization of personal data subject // *T-Comm: Telecommunications and Transport*. 2020. Vol. 14. No. 6. Pp. 27–32.

¹¹ See: *Naumov V.B.* Op. cit. P. 140.

¹² See: *Kupriyanovsky V.P., Klimov A.A., Voropaev Yu. N. et al.* Digital twins based on the development of BIM technologies, connected ontologies, 5G, IoT and mixed reality for use in infrastructure projects and IFRABIM // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 55–74.

independently (creatively) created by an individual and containing information about his or her own image, image, biography, identity, self-presentation in the virtual world¹³. Examples of digital image are accounts and profiles of people in social networks, messengers, computer games, etc. At the same time, a digital image can be endowed with attributes that do not necessarily coincide with the real ones, as it is actually a territory of freedom, where the user is not restricted in any way, except for specifying the real method of communication (e-mail address, phone number)¹⁴.

The reason for creating a digital image is a person's desire to communicate, to establish various channels of communication with other people, because in virtual space people find points of contact, talk about themselves, find friends¹⁵.

The content of a user's digital image consists of information in the account and profile (static part), as well as participation in communication in the Internet space (dynamic part). The account is needed to log in and personalize the subject. The user profile is filled out by the individual and characterizes him/her for other users, reflects individual features of the personality. Through his digital image, the individual has the freedom to express his opinion and participates in the discussion of various topics, problem situations, etc. The most common ways of expressing one's opinion in the Internet space are posting by an individual in some kind of information, commenting, reposting and reposting. The importance of communication and self-expression of the individual in the world of the Internet is so great that it even allowed us to formulate a hypothesis about the reincarnation of a real personality in the network space into a virtual linguistic personality¹⁶.

The digital image (or a part of it) can be changed or supplemented at any time at the will of its owner. Often it depends not only on the internal reasons of the individual, but also caused by his target audience, environment and other circumstances. Taking them into account, the individual can manipulate his own virtual image, change it, following his own or other people's wishes. At the same time, he must constantly provide new information about himself in order to confirm his existence and not to lose the interest of other users.

The subject's participation in communication in the network space is carried out through the operation of appreciation, which is the evaluation of a subject or phenomenon from his or her point of view, taking into account his or her own understanding and attitude to the issues under discussion, rather than from the point of view of universal moral, social, aesthetic and other values¹⁷. In this case, the individual is strongly influenced by the audience with whom she is in discourse, which has an impact, sometimes decisive, on the results of her self-expression online.

The most important feature of the digital image is its ability to have a major impact on the formation and change of an individual's personality in the offline space. The personality of a person who spends a considerable amount of time, for example, in an online game, is exposed to a variety of factors – from the special slang of players to certain behavioral practices that do

¹³ See: *Stepanov O.A., Stepanov M.M.* Op. cit. P. 20.

¹⁴ All personality characteristics, including age, appearance, gender identity, sexual orientation, etc., can be freely constructed.

¹⁵ See: *Petrov A.A.* Pros and cons of information and electronic sources of data about a person // *Chronos*. 2020. No. 7 (44). P. 75.

¹⁶ See: *Agapova O.V.* Formation of linguistic personality in the digital era // *Voprosy pedagogiki*. 2020. No. 7–1. Pp. 9–12.

¹⁷ See: *Charaudeau P.* *Grammaire du sens et de l'expression*. Paris, 1992.

not always correspond to the moral and ethical foundations of the real world. Taking into account, for example, that the duration of systematic practice of immersion in the digital reality of MMORPG American teenagers is about 22 hours a week¹⁸, the impact of the digital image on the personality of an individual should be recognized as a real factor in its formation. There is even a special term – “Proteus paradox” (“Proteus effect”), which means changes in behavior in real life due to the fact that a person controls his character in a network multiplayer game in virtual space¹⁹. Video bloggers, Instagram bloggers and other actors of the Internet space in social networks have an even greater impact on the real personality.

Thus, a digital image has three fundamental differences from a digital profile: first, it may not contain true information about its owner and is the result of an individual's free construction, rather than its objective description. Secondly, a digital image can be easily changed, supplemented or even deleted at the will of its owner without any unfavorable legal consequences. Thirdly, a digital image has an impact on the personality of the individual who created it. Sometimes this impact is so strong that it leads to a change in the qualities of the real personality.

The third component characterizing the idea of digital identification of the actions of a person is a digital trace – a set of information left by the subject in the virtual space when he performs any actions²⁰.

In a broad sense, a digital footprint can be defined as any action of an individual in a virtual space that has changed it.

The results of an individual's presence in the network are displayed in administrative and security logs, computer registry, log files, etc. As a rule, the digital footprint is formed regardless of the subject's desire (only in some cases the subject voluntarily consents to the processing of personal data), and its volume depends on the individual's activity in the virtual space. The greater the number of actions performed in the network, the greater the amount of information about the user is recorded and stored.

The sources of digital trace include, first of all, acts of communication (e-mails, messages in messengers, calls, sms messages, etc.), activity on the Internet and social networks (opened applications and files, purchases, requests, likes, etc.), as well as the results of video surveillance cameras.

The development of the digital services market increases the amount of digital footprint left by a person in virtual space, primarily due to the use of smartphones. In addition, as a result of active use of Big Data technology, new information characterizing a person with completely new qualities is created, which also forms the digital trace left by a person. According to this information it will be possible to identify a person, establish his personal data and make a fairly complete portrait of a person with his preferences, inclinations, moral and psychological qualities, social circle and ability to pay. However, the almost complete absence of legal regulation in this area presents

¹⁸ See: Schiano D.J., Nardi B., Debeauvais T. et al. A new look at World of Warcraft's social and scape // 6th International Conference on Foundations of Digital Games. Bordeaux, 2011. Pp. 174–179.

¹⁹ See: Yee N., Bailenson J.N. The Proteus Effect: The Effect of Transformed Self-Representation on Behavior // Human Communication Research. 2007. Vol. 33. Pp. 271–275; Yee N. The Proteus Paradox: How Online Games and Virtual Worlds Change Us – And How They Don't. Yale University Press, 2014.

²⁰ See: Stepanov O.A., Stepanov M.M. Op. cit. P. 20.

a significant legal problem, directly affecting human rights, first of all, the right to privacy²¹.

* * *

In conclusion, it is acceptable to note that digital identification of a person's actions is associated with the reflection of a person's behavior in virtual space, as well as with the encoding of information about a particular person in such a space, fixed on the corresponding material medium.

Digital profile, digital image and digital trace can be considered as key components characterizing the content of digital identification of personal actions.

It seems that further understanding of the problem of digital identification of personal actions can be conditioned by the emergence of a program construct (digital avatar) based on the use of seamless digital ecosystems (SMART-environment), which will be able to fully replace a person in the network in legally significant situations.

REFERENCES

1. Agapova O. V. Formation of linguistic personality in the digital era // Voprosy pedagogiki. 2020. No. 7-1. Pp. 9–12 (in Russ.).
2. Badiina A. V., Oreshina M. N. Main directions of development of the concept of digital profile. Foreign experience and development prospects // University Herald. 2020. No. 7. P. 29 (in Russ.).
3. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris, 1992.
4. Chernyshenko I. G. Legal protection of the digital image of a person // Legislation. 2022. No. 4. Pp. 54–58 (in Russ.).
5. Dokuchaev V.A., Maklachkova V.V., Statoev V. Yu. Digitalization of personal data subject // T-Comm: Telecommunications and Transport. 2020. Vol. 14. No. 6. Pp. 27–32 (in Russ.).
6. Ershova R. V. Digital socialization of personality in the era of global changes // Applied psychology in the service of developing personality. Collection of scientific articles and materials of XVI Scientific Practical Conference with international participation. 2019. Pp. 49–54 (in Russ.).
7. Gotskaya I. B., Gotskaya A. I., Zhuchkov V. M. Analysis of approaches to the interpretation of the concepts of “network personality” and “virtual personality” // Modern Education: traditions and innovations. 2019. No. 1. Pp. 77–82 (in Russ.).
8. Gotskaya I. B., Zhuchkov V. M. Modern interpretations of the concepts of “network personality” and “virtual personality” // Letters to Emission. Offline. 2018. No. 2. Pp. 25–84 (in Russ.).
9. Karasik V. I. Network linguistic personality // Herald of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. No. 6 (848). Pp. 33–45 (in Russ.).
10. Kupriyanovsky V.P., Klimov A.A., Voropaev Yu. N. et al. Digital twins based on the development of BIM technologies, connected ontologies, 5G, IoT and mixed reality for use in infrastructure projects and IFRABIM // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 55–74 (in Russ.).
11. Naumov V. B. Information-legal issues of identification when using a digital profile // Agrarian and Land Law. 2020. No. 6 (186). Pp. 138, 140, 141 (in Russ.).
12. Petrov A. A. Pros and cons of information and electronic sources of data about a person // Chronos. 2020. No. 7 (44). P. 75 (in Russ.).

²¹ See: Talapina E. V. Big data and human rights: on the way to legal regulation // State and Law. 2023. No. 7. Pp. 129–138.

13. *Polubinskaya S.V., Galyukova M.I.* Big Data in healthcare: information security and legal protection of personal data // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 149–160 (in Russ.).
14. *Popova D.A.* Digital personality as a central element of interpersonal Internet discourse // Herald of Buryat State University. Language. Literature. Culture. 2019. No. 2. Pp. 87–91 (in Russ.).
15. *Popova D.A.* Identity as a basic construct of digital personality in interpersonal Internet discourse // Herald of Buryat State University. Language. Literature. Culture. 2018. No. 2. Pp. 63–69 (in Russ.).
16. *Schiano D.J., Nardi B., Debeauvais T. et al.* A new look at World of Warcraft's social and scape // 6th International Conference on Foundations of Digital Games. Bordeaux, 2011. Pp. 174–179.
17. *Shakhry S.M.* Digital Constitution. Basic rights and freedoms of the individual in a total information society // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 12. P. 1077 (in Russ.).
18. *Shubenkova K.V.* Legal problems of protection of digital image of personality in the Russian Federation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 10. Pp. 226–230 (in Russ.).
19. *Stepanov O.A.* The problem of ensuring the security of the individual when correlating a person with his digital image // Modern Law. 2021. No. 12. Pp. 25–28 (in Russ.).
20. *Stepanov O.A., Stepanov M.M.* Legal regulation of the genesis of digital personality // Law enforcement. 2022. Vol. 6. No. 3. Pp. 20–32 (in Russ.).
21. *Talapina E.V.* Big data and human rights: on the way to legal regulation // State and Law. 2023. No. 7. Pp. 129–138 (in Russ.).
22. *Tsirin A.M.* Digital profiling in public service: concept and prospects of legal regulation // Journal of Russian law. 2022. Vol. 26. No. 10. Pp. 97–109 (in Russ.).
23. *Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaev A.V.* Digital profile: concept, mechanisms of regulation and problems of realization // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 8 (in Russ.).
24. *Yee N.* The Proteus Paradox: How Online Games and Virtual Worlds Change Us – And How They Don't. Yale University Press, 2014.
25. *Yee N., Bailenson J.N.* The Proteus Effect: The Effect of Transformed Self-Representation on Behavior // Human Communication Research. 2007. Vol. 33. Pp. 271–275.
7. *Ершова Р.В.* Цифровая социализация личности в эпоху глобальных перемен // Прикладная психология на службе развивающейся личности: сб. науч. ст. и материалов XVI науч.-практ. конф. с междунар. участием. Коломна, 2019. С. 49–54.
8. *Карасик В.И.* Сетевая языковая личность // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 33–45.
9. *Куприяновский В.П., Климов А.А., Воропаев Ю.Н. и др.* Цифровые двойники на базе развития технологий ВИМ, связанные онтологиями, 5G, IoT и смешанной реальностью для использования в инфраструктурных проектах и IFRABIM // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 3. С. 55–74.
10. *Наумов В.Б.* Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 138.
11. *Петров А.А.* Плюсы и минусы информационно-электронных источников данных о человеке // Chronos. 2020. № 7 (44). С. 75.
12. *Полубинская С.В., Галюкова М.И.* Big Data в здравоохранении: информационная безопасность и правовая охрана персональных данных // Государство и право. 2023. № 6. С. 149–160.
13. *Попова Д.А.* Идентичность как базовый конструкт цифровой личности в межперсональном интернет-дискурсе // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2018. № 2. С. 63–69.
14. *Попова Д.А.* Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 87–91.
15. *Степанов О.А.* Проблема обеспечения безопасности личности при соотнесении человека с его цифровым образом // Современное право. 2021. № 12. С. 25–28.
16. *Степанов О.А., Степанов М.М.* Правовое регулирование генезиса цифровой личности // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 20–32.
17. *Талапина Э.В.* Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию // Государство и право. 2023. № 7. С. 129–138.
18. *Цирин А.М.* Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 10. С. 97–109.
19. *Чернышенко И.Г.* Правовая охрана цифрового образа личности // Законодательство. 2022. № 4. С. 54–58.
20. *Шахрай С.М.* Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в totally информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1077.
21. *Шубенкова К.В.* Правовые проблемы охраны цифрового образа личности в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 226–230.
22. *Charaudeau P.* Grammaire du sens et de l'expression. Paris, 1992.
23. *Schiano D.J., Nardi B., Debeauvais T. et al.* A new look at World of Warcraft's social and scape // 6th International Conference on Foundations of Digital Games. Bordeaux, 2011. Pp. 174–179.
24. *Yee N.* The Proteus Paradox: How Online Games and Virtual Worlds Change Us – And How They Don't. Yale University Press, 2014.
25. *Yee N., Bailenson J.N.* The Proteus Effect: The Effect of Transformed Self-Representation on Behavior // Human Communication Research. 2007. Vol. 33. Pp. 271–275.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азапова О.В.* Формирование языковой личности в цифровую эпоху // Вопросы педагогики. 2020. № 7-1. С. 9–12.
2. *Бадынина А.В., Орешина М.Н.* Основные направления развития концепции цифрового профиля. Зарубежный опыт и перспективы развития // Вестник Университета. 2020. № 7. С. 29.
3. *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбайев А.В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 8.
4. *Готская И.Б., Готская А.И., Жучков В.М.* Анализ подходов к трактовке понятий «сетевая личность» и «виртуальная личность» // Современное образование: традиции и инновации. 2019. № 1. С. 77–82.
5. *Готская И.Б., Жучков В.М.* Современные трактовки понятий «сетевая личность» и «виртуальная личность» // Письма в Эмиссию. Оффлайн. 2018. № 2. С. 25–84.
6. *Докучаев В.А., Маклакова В.В., Статьев В.Ю.* Цифровизация субъекта персональных данных // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Т. 14. № 6. С. 27–32.
1. *Азапова О.В.* Формирование языковой личности в цифровую эпоху // Вопросы педагогики. 2020. № 7-1. С. 9–12.
2. *Бадынина А.В., Орешина М.Н.* Основные направления развития концепции цифрового профиля. Зарубежный опыт и перспективы развития // Вестник Университета. 2020. № 7. С. 29.
3. *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбайев А.В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 8.
4. *Готская И.Б., Готская А.И., Жучков В.М.* Анализ подходов к трактовке понятий «сетевая личность» и «виртуальная личность» // Современное образование: традиции и инновации. 2019. № 1. С. 77–82.
5. *Готская И.Б., Жучков В.М.* Современные трактовки понятий «сетевая личность» и «виртуальная личность» // Письма в Эмиссию. Оффлайн. 2018. № 2. С. 25–84.
6. *Докучаев В.А., Маклакова В.В., Статьев В.Ю.* Цифровизация субъекта персональных данных // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Т. 14. № 6. С. 27–32.
7. *Ершова Р.В.* Цифровая социализация личности в эпоху глобальных перемен // Прикладная психология на службе развивающейся личности: сб. науч. ст. и материалов XVI науч.-практ. конф. с междунар. участием. Коломна, 2019. С. 49–54.
8. *Карасик В.И.* Сетевая языковая личность // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 33–45.
9. *Куприяновский В.П., Климов А.А., Воропаев Ю.Н. и др.* Цифровые двойники на базе развития технологий ВИМ, связанные онтологиями, 5G, IoT и смешанной реальностью для использования в инфраструктурных проектах и IFRABIM // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 3. С. 55–74.
10. *Наумов В.Б.* Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 138.
11. *Петров А.А.* Плюсы и минусы информационно-электронных источников данных о человеке // Chronos. 2020. № 7 (44). С. 75.
12. *Полубинская С.В., Галюкова М.И.* Big Data в здравоохранении: информационная безопасность и правовая охрана персональных данных // Государство и право. 2023. № 6. С. 149–160.
13. *Попова Д.А.* Идентичность как базовый конструкт цифровой личности в межперсональном интернет-дискурсе // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2018. № 2. С. 63–69.
14. *Попова Д.А.* Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 87–91.
15. *Степанов О.А.* Проблема обеспечения безопасности личности при соотнесении человека с его цифровым образом // Современное право. 2021. № 12. С. 25–28.
16. *Степанов О.А., Степанов М.М.* Правовое регулирование генезиса цифровой личности // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 20–32.
17. *Талапина Э.В.* Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию // Государство и право. 2023. № 7. С. 129–138.
18. *Цирин А.М.* Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 10. С. 97–109.
19. *Чернышенко И.Г.* Правовая охрана цифрового образа личности // Законодательство. 2022. № 4. С. 54–58.
20. *Шахрай С.М.* Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в totally информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1077.
21. *Шубенкова К.В.* Правовые проблемы охраны цифрового образа личности в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 226–230.
22. *Чародеев П.* Grammaire du sens et de l'expression. Paris, 1992.
23. *Schiano D.J., Nardi B., Debeauvais T. et al.* A new look at World of Warcraft's social and scape // 6th International Conference on Foundations of Digital Games. Bordeaux, 2011. Pp. 174–179.
24. *Yee N.* The Proteus Paradox: How Online Games and Virtual Worlds Change Us – And How They Don't. Yale University Press, 2014.
25. *Yee N., Bailenson J.N.* The Proteus Effect: The Effect of Transformed Self-Representation on Behavior // Human Communication Research. 2007. Vol. 33. Pp. 271–275.

Authors' information

STEPANOV Oleg A. –
 Doctor of Law, Professor,
 Chief Researcher of the Centre of Judicial Law,
 Institute of Legislation and Comparative Law
 under the Government of the Russian Federation;
 34 B. Cheremushkinskaya str.,
 117218 Moscow, Russia

STEPANOV Mikhail M. –
 PhD in Law, Associate Professor,
 Leading Researcher of the Department
 of Theory of Law and Interdisciplinary
 Research of Legislation,
 Institute of Legislation and Comparative Law
 under the Government of the Russian Federation;
 34 B. Cheremushkinskaya str.,
 117218 Moscow, Russia

Сведения об авторах

СТЕПАНОВ Олег Анатольевич –
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник центра судебного
 права Института законодательства
 и сравнительного правоведения
 при Правительстве Российской Федерации;
 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

СТЕПАНОВ Михаил Михайлович –
 кандидат юридических наук, доцент,
 ведущий научный сотрудник
 отдела теории права и междисциплинарных
 исследований законодательства
 Института законодательства
 и сравнительного правоведения
 при Правительстве Российской Федерации;
 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34



ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЛИЧНОСТИ: В ПОИСКАХ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Обзор Международной конференции
«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ВЫЗОВЫ ХХI ВЕКА»,
приуроченной к 30-летию Конституции РФ
и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

© 2024 г. Д. В. Пожарский¹, *, Н. В. Кроткова², **

¹Академия управления МВД России, г. Москва

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: dimapozharskiy@yandex.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.05.2024 г.

Аннотация. В статье дан обзор Международной конференции «Российская государственность и вызовы ХХI века», приуроченной к 30-летию Конституции РФ и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Форум проводился в смешанном (очном и онлайн) формате на трех дискуссионных площадках (парламентарное заседание, круглый стол и трибуна молодого ученого).

Ключевые слова: Конституция РФ, российская государственность, вызовы, Академия управления МВД России, кафедра государственно-правовых дисциплин.

Цитирование: Пожарский Д. В., Кроткова Н. В. Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия

Обзор Международной конференции «Российское государство и вызовы ХХI века», приуроченной к 30-летию Конституции РФ и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России // Государство и право. 2024. № 7. С. 211–222.

DOI: 10.31857/S1026945224070196

THE RIGHTS AND DUTIES OF THE INDIVIDUAL: IN SEARCH OF CIVIL CONSENT

Review of the International Conference “THE RUSSIAN STATEHOOD AND THE CHALLENGES OF THE XXI CENTURY”, dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th anniversary of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

© 2024 D. V. Pozharsky¹, *, N. V. Krotkova², **

¹*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow*

²*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

*E-mail: dimapozharskiy@yandex.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 21.05.2024

Abstract. The article provides an overview of the International Conference “The Russian statehood and challenges of the XXI century”, dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th anniversary of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The forum was held in a mixed (face-to-face and online) format on three discussion platforms (a plenary session, a round table and a rostrum of a young scientist).

Key words: Constitution of the Russian Federation, Russian statehood, challenges, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of State and Legal Disciplines.

For citation: Pozharsky, D.V., Krotkova, N.V. (2024). The rights and duties of the individual: in search of civil consent

Review of the International Conference “The Russian statehood and the challenges of the XXI century”, dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th anniversary of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 211–222.

30-летие Конституции Российской Федерации – серьезный повод для размышлений об итогах и перспективах государственного строительства и развития правовой системы России. Это событие объединило участников Международной конференции «Российская государственность и вызовы XXI века», которая состоялась в Академии управления МВД России (далее – Академия) 8 декабря 2023 г. В этот день в Академии дискутировали не только о Конституции. Собравшиеся поздравляли кафедру государственно-правовых дисциплин (далее – кафедра), отметившую в августе 2023 г. свое 40-летие и широко известную своими учеными, в разные годы работавшими в ее коллективе (А.П. Косицын, Л.А. Григорян, В.Д. Зорькин, В.В. Лазарев, Н.В. Витрук, В.С. Афанасьев, Н.Л. Гранат, Р.С. Мулукасев, В.Н. Бутылин, А.В. Корнев и др.). Форум проводился в смешанном (очном и онлайн) форматах на трех дискуссионных площадках (пленарное заседание, круглый стол и трибуна молодого ученого).

С поздравительными письмами и телеграммами к участникам конференции обратились:

Председатель Конституционного Суда РФ, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ В.Д. Зорькин, обозначивший необходимость решения проблемы общественного согласия, дальнейшего правового развития российского общества и отметивший значимость проведения форума в «легендарной образовательной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф., заслуженный юрист РФ Т.Н. Москалькова, подчеркнувшая остроту проблемы прав и обязанностей человека на современном этапе и пожелавшая успехов участникам форума;

депутат Государственной Думы, руководитель фракции «Единая Россия», канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ В.А. Васильев, отметивший достойный вклад Академии в науку конституционного права и подготовку специалистов для правоохранительной системы.

Открывая официальную часть мероприятия и обращаясь с приветственными словами к участникам круглого стола, начальник Академии управления МВД России,

генерал-лейтенант полиции, д-р юрид. наук, доц. С.А. Синенко отметил торжественный характер форума, посвященного знаменательному событию – 30-летию со дня принятия Конституции РФ.

На каждом этапе развития нашей страны Конституция выполняла важную роль, но на современном этапе действующий Основной Закон особенно значим и важен. С.А. Синенко особо подчеркнул, что в подготовке Конституции принимали непосредственное участие некоторые из присутствующих на конференции ученых. Конституция способствует созданию благоприятных взаимоотношений в обществе и остается фундаментом, определяющим направления деятельности. Исследуя проблемы в различных отраслях юридической науки, мы всегда обращаемся к конституционным положениям. Для конференции примечательно и то, как указал С.А. Синенко, что сегодня вместе с нами размышляют и дискутируют известные государственные деятели, представители органов государственной власти, вполне возможно, что обсуждаемые проблемы и идеи послужат определенным ориентиром для развития юридической науки и совершенствования законодательства. С.А. Синенко выразил глубокую благодарность всем участникам конференции и поздравил всех с 30-летием Основного Закона нашей страны.

Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по науке и высшему образованию, канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ С.В. Кабышев, обратившись с приветственными словами к участникам конференции, выступил с докладом на тему **«Конституционная концепция правового статуса человека и гражданина: обретение ценностей и смыслов гражданского согласия»**. Одним из ключевых вопросов доклада стала проблема отчужденности и правового понимания свободы и в целом правового статуса человека и гражданина от сложившегося общественного контекста, социокультурной и исторической специфики. По мнению докладчика, это приводит к серьезным дефектам и дисфункциям права, которое перестает рассматриваться как форма выражения суверенной воли и интересов народа, теряет легитимность и убедительность.

С.В. Кабышев также подчеркнул, что отчужденность правового понимания свободы и в целом правового статуса человека и гражданина от сложившегося общественного контекста, социокультурной и исторической специфики приводит к серьезным дефектам и дисфункциям в праве, которое перестает рассматриваться как форма выражения суверенной воли и интересов народа, теряет легитимность и убедительность. Российская юриспруденция долгое время находилась в плену и до сих пор еще не избавилась от иллюзорного научно-гуманитарного превосходства Запада. Квинтэссенция национальной модели права человека заключается в идеях доминантной ценности Родины, благополучие которой является основой и условием для самореализации каждого ее члена.

Среди стоящих перед Российским государством на современном этапе его развития основных, системных вызовов следует особым образом выделить имеющий концептуальное, ценностно-мировоззренческое и одновременно общее практическое значение вопрос о месте человека в конституционном строе, с решением которого связано гармоничное законодательное и правоприменительное согласование интересов личности, общества и государства во всех сферах. В этой связи перед современной российской юриспруденцией стоит двуединая задача.

Во-первых, это преодоления инерции интеллектуального западничества, избавление от иллюзорного ощущения

западного научно-гуманитарного превосходства. Очевидно, что в кривом зеркале навязываемых в качестве глобальных стандартов либеральной демократии и прав человека мы никогда самих себя не узнаем и не поймем, а будем видеть только запограммированные уничижительные картинки. Данный подход ни в коем случае не подразумевает некую идеино-философскую автаркию, но означает принципиальный отказ от ущербного подражательства и ориентацию на объективно-критическое осмысление опыта западной правовой цивилизации с учетом приоритета национальных ценностей.

Во-вторых, развитие российской конституционной юриспруденции, в том числе применительно к позиционированию человека в обществе и государстве, не может замыкаться в негативно-охранительных (оборонительных) рамках, а должно носить главным образом позитивный, смыслообразующий и целеполагающий характер. Верно замечено, что в современном мире в целом главным является поиск баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями – с другой, а в formalизованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, присутствует в каждом конституционном институте, каждой норме и статье конституции¹. В этом плане одна из важнейших задач отечественной конституционной юриспруденции состоит в последовательном системном обосновании национальной парадигмы прав человека с учетом российских традиционных духовно-нравственных ценностей и культурно-исторического типа связей личности, общества и государства и, что исключительно важно, исходя из безусловного уважения к Конституции России и конституционному строю.

В выступлении был сделан акцент на правовом воспитании, которое, по мнению докладчика, предполагает обязанность педагога проявлять особую ответственность и сдержанность в критических оценках, стремление избегать всего того, что могло бы привести к подрыву авторитета и дискредитации Конституции РФ и основанного на ней законодательства, не допускать суждений, способных дезориентировать обучающихся. Педагогическая деятельность, служащая целям формирования патриотизма, гражданственности и в конечном счете единого суверенного народа, юридически скрепленного верховенством Конституции, не может рассматриваться как допускающая то же пространство плюрализма мнений, которое объективно свойственно научной (академической) свободе. Особенно важно обеспечить принципиальную согласованность образовательных программ по конституционному праву Российской Федерации в части, касающейся изучения основ конституционного строя Российской Федерации.

Начальник Договорно-правового департамента МВД России, генерал-лейтенант внутренней службы, заслуженный юрист РФ А.Г. Авдейко поздравил участников конференции от имени представителей юридической службы МВД России с предстоящим Днем Конституции РФ. В своем выступлении А.Г. Авдейко отметил, что обеспечение верховенства Конституции и укрепление конституционного правопорядка стали возможными во многом благодаря основному целеполагающему документу, который очертил

¹ См.: Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. М., 2014. С. 172.

основные направления развития Российской Федерации – России как государства, высшей ценностью которого является Человек, его права и свободы.

Конституция предопределяет неразрывную связь прав и обязанностей человека, институтов общества и государства, ветвей государственной власти и местного самоуправления, а также основных условий ее действия и применения для признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Будучи правовым документом высшей юридической силы, Конституция выступает в качестве общественного договора, на основе которого достигается коллективное согласие, формируется доверие между обществом и публичной властью. Безусловно, ни один, даже самый высший документ, мало что значит без веры в его создательный потенциал, веры в его способность изменить жизнь в лучшую сторону, веры в людей, которые воплощают его положения в реальной действительности.

Закрепленная в Конституции система сдержек и противовесов предполагает, что интересы одного не должны разрешаться в ущерб интересам другого. По крайней мере все условия для этого Конституцией и законодательством созданы, при этом выбор пути созидания каждому гарантируется. Вместе с тем сохраняются и рычаги сдерживания тех, кто может выбрать путь разрушения себя и других. Сегодня это особенно и отчетливо видно.

Современные geopolитические вызовы, актуализация проблем мира гражданского согласия, обеспечение национальной безопасности, сохранение конституционной идентичности, укрепление суверенитета объективно потребовали конституционных изменений, которые прошли в 2020 г.

В 2022 г. мы стали свидетелями исторического события, которое продемонстрировало единство всей нации. Выбор, который сделан миллионом жителей Донецкой, Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, показал всему миру нашу общую судьбу и тысячелетнюю историю. В заключение А.Г. Авдейко поделился авторским стихотворным изложением преамбулы Основного Закона.

В поздравлении зав. сектором отдела безопасности и правопорядка Администрации Президента Республики Казахстан, д-ра юрид. наук, доц. Н.А. Биекенова прозвучали слова благодарности от имени всех выпускников Академии управления МВД России из Казахстана. Докладчик отметил, что 30 лет действующей Конституции РФ – доказательство того, что она стала прочной основой общественного согласия, политической стабильности и динамичного социально-экономического развития страны. Трудно переоценить значение Основного Закона, если учитывать, что после распада Советского Союза обнажились острые проблемы в экономике, противоречивые политические интересы и сложная криминогенная обстановка. В этих условиях Конституция России определила совершенно новую парадигму развития личности, общества и государства. Правовые ценности, закрепленные в ней, играют определяющую роль в установлении правопорядка, отвечают национальным интересам и обеспечивают защиту прав человека. Особая роль в системе обеспечения охраны и защиты конституционных ценностей отведена правоохранительным органам, в частности полиции. При этом ее полноценное функционирование напрямую связано с новыми вызовами и угрозами, а также необходимостью смены всей парадигмы восприятия гражданами представителей правоохранительного блока. Поэтому дальнейшее развитие конституционализма в России сегодня продиктовано временем и необходимостью, в первую очередь для укрепления

государственности, сохранения стабильности общества и улучшения качества жизни населения.

Большую лепту в эту деятельность внесла и продолжает вносить Академия управления МВД России как флагман научной мысли и колыбель управленческой элиты полиции страны. Мне посчастливилось обучаться в докторантуре на кафедре государственно-правовых дисциплин. Вспоминая с теплотой свою учебу, хотелось бы еще раз отметить творческий дух, который царит на кафедре благодаря ее корифеям. Не забуду, как Роланд Сергеевич Мулукаев корректировал план моей докторской диссертации...

Активная научная деятельность кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России хорошо знакома ученым из Казахстана. Искренне рад, что между нашими странами сложились крепкие, деловые, дружеские отношения, соединенные живой связью выпускников Академии управления МВД России. Мы и впредь будем делать все от нас зависящее для этого укрепления. Огромную благодарность хочу выразить профессорско-преподавательскому составу кафедры за поддержку наших аспирантов. Надеюсь, что они станут настоящими учеными и прославят российскую науку в Казахстане. По сути, они являются гарантом и основой дальнейшего нашего сотрудничества.

Заведующая кафедрой финансового права Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Е.Ю. Гречева поделилась своими воспоминаниями об учебе и работе на кафедре государственно-правовых дисциплин.

В 1981 г. я пришла в аспирантуру Академии МВД СССР. Этот путь подсказал мой научный руководитель – А. М. Васильев, тогда он был заместителем директора Института государства и права АН СССР. Мне посчастливилось оказаться на кафедре, которой руководил замечательный человек – В. С. Афанасьев, которому я обязана очень многим в своей жизни. Представьте себе – попасть на кафедру, на которой работают В.Д. Зорькин, Н.В. Витрук, Г.Н. Манов, Л.А. Григорян, В.А. Дозорцев и многие другие. Через некоторое время кафедра преобразовалась, ее руководителем стал Герой Советского Союза, д-р юрид. наук, проф. А. П. Косицын, при котором я защищала свою кандидатскую диссертацию по теории государства и права. (На кафедре, которой я заведую, доцентом работает внук проф. А. П. Косицына.) Когда пришло время уходить из Академии, кафедру возглавил В. В. Лазарев, с которым мы тоже сохранили добрые дружеские отношения. Когда я пришла работать в Коптево² на кафедру, мне сказали: «Знаешь, у нас теоретиков много, а вот финансовым правом заниматься некому, взялась бы ты...». Так оно и получилось, что без малого 40 лет я занимаюсь проблемами финансового права. Всю жизнь я благодарна тому, что начинала с изучения теории права и государства. Это фундамент, основа юридической науки.

Лучшим показателем того, что судьба у кафедры звездная и успешная, является то, что сегодня в зале мы видим самых ярких представителей теории государства и права, конституционного права и других юридических наук. Это свидетельствует о том, что кафедра творчески развивается и растет, у нее яркое будущее. Позвольте пожелать моей родной кафедре, на которой состоялось начало моей судьбы в юридической науке, всего самого доброго и заверить в верной дружбе, преданности

² До 2002 г. – Московский институт МВД России; с 2002 г. входит в структуру Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

тем именам, которые здесь работали, творили и создавали современную юридическую науку...

Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ С.А. Авакян в докладе на тему «*Перспективы российского конституционализма: размышления в связи с юбилеем*», говоря о достоинствах Основного Закона, отметил качество преамбулы Конституции РФ, «она написана идеально. Когда говорят, есть ли у нас в Конституции идеино-идеологические позиции, то могут быть правы те, кто отправляет к преамбуле как идеологической основе нашей системы, строя и Конституции. Я также хотел бы обратить внимание, что основные директивные институты, которые отражены в Конституции, сохраняются и функционируют. Разумеется, мы должны обсуждать их совершенствование, но тем не менее они работают, и то, что касается системы государственных органов, и то, что можно отнести к статусу человека и гражданина, статусу личности – это все те позиции Основного Закона, которыми нужно гордиться. В них отражены общемировые ценности, которые были еще в советский период признаны в нашей стране и зафиксированы в том числе в советских Конституциях.

Не могу не сказать о тех нормах, которые были включены в Основной Закон нашего государства в 2020 г., и в этом смысле это большой шаг вперед по совершенствованию политической системы и нашего конституционного строя. Я всегда отмечал необходимость совершенствования Конституции в своих трудах. 7 октября 2013 г. в связи с 20-летием Конституции Президент РФ пригласил около 30 руководителей кафедр конституционно-правовых дисциплин, мне удалось присутствовать на данном мероприятии вместе со своим большим другом Владимиром Терентьевичем Кабышевым. В ходе выступлений мы отразили идеи совершенствования Конституции Российской Федерации, и Президент РФ высказал свое мнение о выступлениях во фразе: «Нужно подумать о ваших предложениях». После чего мы увидели в 2020 г. внесение идей и их отражение в Конституции РФ.

А теперь перейду к некоторым суждениям об улучшении будущего нашей Конституции. В новой ст. 75¹ Конституции РФ появилось выражение о “взаимном доверительном отношении государства и общества”, на что мы обратили внимание, что есть понятие “государство и общество”... В ст. 114 Конституции РФ говорится о содействии правительства институтам гражданского общества в их участии в формировании и реализации государственной политики. Если такие понятия, как “общество” и “гражданское общество” наконец-то появились в нашей Конституции, можем ли мы говорить о конституционной культуре, которая помимо прочего предполагает располагать каждое понятие на своем месте. Специалисты в области конституционного права рассуждают о таком явлении, как “пересмотр Конституции”. Если это касается гл. 1, 2 и 9, то это невозможно, необходимо принятие новой Конституции. И что нас в этом случае останавливает? Можно наблюдать появление научных публикаций о разработке новой Конституции, где на соответствующих местах, например, в гл. 1 были бы отражены понятия “общество” и “гражданское общество”.

Хотел бы отметить, что для усовершенствования необходимо повернуться от “европейской либеральной модели Конституции” к нашей отечественной действительности. Конституция РФ должна быть документом государства, которое занимает ведущие позиции во всех вопросах, в том числе касающихся политического и экономического

развития. Когда читаешь ст. 8 Конституции РФ и находишь слова о признании и равной защите государственной, частной и муниципальной собственности, что мне хочется сказать о такой категории, как “общенародная собственность”. “Общенародная собственность” с точки зрения конституционных взглядов отражается в понятии государственной собственности, необходимо подумать об усилении государственных начал в руководстве экономикой, в том числе в вопросах собственности.

В ст. 9 и 36 Конституции РФ говорится о том, что природные ресурсы могут быть в государственной и частной собственности, полагаю, что явление природные ресурсы... должно быть в “общенародной собственности”. Не призываю к отмене частной собственности... Но с точки зрения конституционно-правовой материи такие объекты должны находиться во владении всех граждан Российской Федерации. Это должно быть неким политическим символом “Это наше!”. Сказанное не исключает случаев аренды и других форм участия в реализации собственности. В будущем тексте Конституции хотелось бы отразить предназначение природных ресурсов как владение всего нашего народа.

Некоторые явления, которые нашли отражение в Конституции РФ в 2020 г., с моей точки зрения, должны быть отражены в гл. 1 Основного Закона. Роль “государство-образующего” народа у нас отразилась при помощи государственного языка. Вспоминаю 1977 год, когда готовилась Конституция СССР и одновременно работала группа по подготовке Конституции РСФСР, в которой я состоял. Мной была предложена формулировка ст. 1 Конституции РСФСР, которая звучала так: “Российская Федерация олицетворяет государственное единство русского народа и других народов Российской Федерации”, не получившая в итоге отражение в Основном Законе государства. Я хотел бы сказать, что многие конституционные положения, касающиеся статуса личности, очень радуют, и что ст. 2 Конституции РФ взаимодействует со специальной главой, посвященной правам и свободам и одновременно обязанностям граждан. Но я считаю, что в данной статье наряду с обязанностью государства обеспечивать интересы личности допустима оговорка об обязанностях личности заниматься интересами государства, способствовать их реализации, например, как это сделано в ряде стран.

Актуальной проблемой является включение категории “публичная власть” в текст Конституции. Мной было предложено включение конкретной статьи, посвященной понятию “публичная власть”, чего не было сделано. Возникают противоречия, а именно: в ст. 132 Конституции РФ появляются слова о том, что местное самоуправление вместе с государственной властью является единой публичной властью, а в ст. 3 Основного Закона говорится о народовластии, народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы власти и органы местного самоуправления. Предлагается усилить ст. 3 Конституции РФ, сказав о том, что народ осуществляет свою публичную власть. Категория “публичная власть” нуждается в дальнейшем совершенствовании, в связи с этим хотелось бы сказать о том, что “муниципальное местное самоуправление” и “муниципальный уровень власти” также нуждаются в закреплении в соответствующем федеральном законе, принятие которого откладывается уже не первый год. Нами предлагалось представить “местное самоуправление развитием государственной власти” – это местный уровень развития государственной власти и одновременно это категория народного самоуправления».

В завершении С.А. Авакян обратился к проблемам, связанным с организацией государственной власти, ее центральным уровнем и т.д. «Мое мнение выражается в идее “деконцентрации власти”... В соответствии со ст. 80 Конституции РФ “Президент РФ обеспечивает мир и согласие в обществе” – это функция главы государства. Однако что касается формирования государственной системы, то здесь необходимо подумать об участии президента и парламента. Отдельный вопрос, касающийся конституционного правосудия, количества судей и их возрастающих полномочий, звучит как право Конституционного Суда РФ предварительного нормоконтроля по обращению Президента РФ. При введении данной категории необходимо отследить последствия данного явления, как позитивного, так и негативного характера. В некоторых субъектах Российской Федерации были конституционные суды, теперь принято решение об их ликвидации, на замену пришли “конституционные советы”, при органах законодательной власти – консультативный орган. Мы должны посмотреть, как на местах эта проблема будет решаться. Мы предлагали разные варианты, чтобы одновременно учитывались интересы субъектов Российской Федерации и их ветвей власти, например создание на уровне федерального округа соответствующего конституционного органа, пока эти вопросы находятся в стадии обсуждения. Таким образом, хотелось бы сказать, что движение всегда идет по принципу прогресса или регресса, и мы должны исходить из того, что некоторые аспекты пора регулировать в пользу государства и общества, исходя из своих интересов, и этому служит Конституция РФ. Будет ли достаточно действующей Конституции, можно ли жить с этой Конституцией? Хочу сказать, как ученый, что в Конституции РФ есть много хороших позиций и аспектов, которые нужно реализовывать в нашем государстве».

Старейший по возрасту докладчик **главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ Р.С. Мулукав** поздравил участников мероприятия с юбилеем кафедры и отметил ее исторически неизменный научный и учебный профиль: «Она давала характеристику государственного строя, основы организации государственной власти. Кафедра государственно-правовых дисциплин всегда отличалась высококвалифицированным преподавательским составом, благодаря которому пользовалась большим авторитетом по всей стране и за ее пределами. На кафедре сложились устойчивые традиции ответственного отношения к своим обязанностям, к тому делу, которому служишь, и надо сказать, что эти традиции восприняты современным составом кафедры, и сегодня кафедра государственно-правовых дисциплин продолжает хранить свой престиж. Личный состав кафедры продолжает традиции своих предшественников, обеспечивая высокий теоретический уровень преподавания». В завершение своего выступления Р.С. Мулукав пожелал ее коллективу продолжать сохранять высокий уровень преподавания, который был всегда характерной чертой кафедры.

Главный научный сотрудник ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ С.Н. Бабурин выступил с докладом **«Личность в системе духовно-нравственных координат государства»**. Конституционная реформа 2020 года заложила в Конституцию России столь значимую систему духовно-нравственных координат, что впору говорить о новых смыслах многих существующих с 1993 г. конституционных норм, а также о возвращении в содержание признаков государства, забытых за последние тридцать лет социальных и духовных категорий. Среди последних

особенно важны для социального и нравственного государства понятия личности, ее достоинства, прав, свобод и обязанностей.

В Конституции СССР 1977 г. и принятых на ее основе конституциях союзных республик подчеркивалось, что задачей социалистического общества является создание благоприятных условий для всестороннего развития личности. Отношениям государства и личности был посвящен полностью второй раздел Конституции СССР, начинавшийся с вопросов гражданства, регламентации прав, свобод и обязанностей граждан. Статья 57 Конституции СССР провозглашала уважение личности. Охрана прав и свобод граждан объявлялась обязанностью всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. Уважение личности трактовалось прежде всего как социальная и нравственная черта общества.

Следует признать, что нормы Всеобщей декларации прав человека 1948 г., подготовленной при активном участии СССР, по разным причинам были учтены в советском праве далеко не в полной мере. Но, бросившись в период перестройки их инкорпорировать, отечественный конституционализм утратил многие достижения советского конституционализма, отошел от собственных национальных архетипов, от духовно-нравственных принципов традиционного общества. Конституция РФ 1993 г. использует понятие личности лишь в ст. 21, провозглашая принцип «достоинство личности охраняется государством» и фактически понимая достоинство личности лишь как телесную неприкосненность, лишь физическое свойство человека как высшей ценности. Вопрос о личности как социализированном человеке подвергнут конституционному умолчанию. Достоинство личности даже не относится к высшим ценностям, которыми объявлены только человек, его права и свободы (ст. 2 Конституции РФ). Об обязанности государства создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека (но не личности), гласит ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, поскольку именно наличие указанной политики и делает государство социальным.

Принесение в Конституции РФ социальной роли личности в жертву правам и свободам человека имело конкретные политические причины и было далеко не безобидным. То был важный элемент унификации российского конституционализма под культурно-исторические стандарты Запада. Человеком рождаются, личностью становятся. Становятся те, кому посчастливилось. В извечном споре о конечной цели права – справедливости или пользе – достоинство личности не может и не должно стоять ниже гарантий прав и свобод человека. Отсюда глубокий ценностный смысл конституционной реформы 2020 года. Отсюда отнесение достоинства личности к традиционным духовно-нравственным ценностям многонационального народа России (российской нации), очерченным Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809). В этом важнейшем документе достоинство личности представлено в либеральной интерпретации как достоинство человека, что принципиально снижает его социально-политический смысл. Впрочем, среди указанных в Основах традиционных ценностей как нравственных ориентиров, передаваемых от поколения к поколению и формирующих мировоззрение граждан России, нет и других первейших для традиционной русской и православной культуры ценностей, таких как любовь, вера, Отечество, святыни, нравственность. Между тем даже ход специальной военной операции России на Украине показывает, что

российские воины ради своего Отечества или сбережения своей души, сохрания свою честь и достоинство, порой жертвуют своей жизнью. Честь и душа – превыше жизни. Жизнь, безусловно, для человека – высшая социальная ценность. Но для личности Русского мира да и любого традиционного общества приоритет высших ценностей имеет духовно-нравственный характер.

Для Запада, превратившего свободу во вседозволенность, культивирующего личностный эгоизм и человеческие аномалии, личность оказалась оторванной от ее Божественного предназначения. Государство Запада задает личности не духовно-нравственные координаты развития и совершенствования, а частноправовые критерии успеха и процветания. Украд, сумел безнаказанно скрыться, разбогател – герой! Для человека культурно-исторической традиции подобный образ жизни немыслим. Он грехован и преступен. Духовно-нравственные координаты традиционного государства задают личности совершенно иные параметры оценок, среди которых: жизнь по совести во имя спасения души, солидарность и сострадание, ответственность за Родину, за семью и близких. Жизнь, построенная на любви. Любви к близким, любви супружеской, любви родительской, любви к Отечеству, любви к Богу. Экономическая выгода для личности в этой системе координат не самоцель, а лишь средство достижения высоких целей. В этой связи продолжение конституционной реформы необходимо в том числе и для того, чтобы вернуть в Конституцию РФ роль личности.

В докладе зав. кафедрой теории государства и права Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-ра юрид. наук, проф. А. В. Корнева на тему «*Некоторые размышления накануне юбилейной даты*» наряду с оценкой Конституции РФ как современного демократического Основного Закона государства обращено внимание на те противоречия, которые были заложены в Конституции в момент ее принятия и создают риски государственно-правового развития России на современном этапе.

Накануне юбилеев и памятных дат по обыкновению тянет на размышления и воспоминания, а иногда и на подведение итогов. Большинству участников торжеств и заседаний по всей стране, особенно тем, кто в сознательном возрасте наблюдал воочию события, которые предшествовали принятию Конституции РФ, на этих мероприятиях придется тщательно подбирать слова, чтобы высказать свое мнение. В наибольшем дефиците окажется искренность, но вот осторожности в оценках будет много.

Более молодым значительно проще, поскольку в их выступлениях, вероятнее всего, будут преобладать мажорная тональность и позитивные настроения. Вполне понятно, почему – они воспитаны на неприятии всего советского, которое до недавнего времени культивировалось в нашей стране. И если быть до конца честным, то такая практика в том или ином виде продолжает иметь место и сегодня. Более молодое поколение скорее всего будет говорить о конституционном закреплении курса на построение правового государства (что вполне понятно), о том, что впервые в нашей недолгой конституционной истории человек, его права и свободы закреплены в качестве высшей ценности, а многонациональный народ объявлен носителем суверенитета и единственным источником власти.

Можно приводить примеры и дальше. Даже откровенные критики современной российской конституционной модели не находят серьезных поводов упрекать наше государство в отходе от устоявшихся стандартов. Поэтому

главный вывод состоит в том, что Конституция РФ является собой вполне современный, демократический Основной Закон страны. Хотя такая формулировка будет не совсем корректной. И все-таки, остается какая-то неопределенность, отсутствие четко выраженной общественной позиции. Понятно, что люди не могут думать одинаково, и то, что их оценки будут разными, как раз свидетельствует о неоднозначности (воистину волшебное слово) предстоящей даты. Но и здесь есть нечто неоспоримое – мы должны признать относительную долговечность Российской Конституции, ибо в мире средняя «продолжительность жизни» конституций составляет порядка 15–20 лет. Чем не повод для позитивных политico-правовых настроений? А теперь несколько тезисных мнений...

Есть аналитики, которые называют Конституцию РФ колониальной, разработанной по рекомендациям западных научно-экспертных центров. Чаще всего называют юридический факультет Гарварда. Между прочим, эту версию полностью отрицать не следует. Президент РФ В. В. Путин неоднократно говорил об участии сотрудников американских спецслужб в разработке плана приватизации стратегических предприятий. Почему нельзя исключать «иностранные» влияние в проведении правовой реформы? На наш взгляд, не только можно, но и нужно. Конечно, «отцы», «матери» и многочисленные «племянники» Конституции РФ будут оспаривать это предположение. Хотя для некоторых исследователей оно не предположение, а очевидный факт.

Далее. Все прошедшие тридцать лет не покидает сомнение в легитимности Конституции РФ. Кровавая связь «конституционного» конфликта 3–4 октября 1993 г. была государственным переворотом, если оценивать эти события по действующему на тот момент законодательству. Завидную волю проявил на тот момент Конституционный Суд РФ и лично его Председатель В. Д. Зорькин. Разумеется, это не обошлось без последствий. В силу этого всякие попытки уйти от правовых оценок в политические неуместны, а именно они и преобладают. Даже сегодня события 1993 года нередко оценивают только как борьбу различных бюрократических кланов. Может быть, так оно и было. Но где же тогда правовые экспертные мнения? Причем, хотелось бы официальных. Набрала ли Конституция необходимое для ее принятия количество голосов или нет – вопрос для многих открытый.

Лично для меня, отметил докладчик, Конституция РФ «сделана» под развал России как самостоятельного и независимого государства. Победившая на тот момент политическая группировка была откровенно проамериканской. Она быстро приватизировала государство и некогда общенародную собственность. Статьи 5 и 13, как и многие другие, стали минами замедленного действия. «Вагнеровский путь» и недавние события в Дагестане показывают, насколько внутренне уязвима наша страна. Вот над чем нужно серьезно подумать, и судя по реакции высших органов власти, такая работа уже началась. Вольно или невольно, но и Конституция РФ 1993 г. «повинна» в том разочаровании, которое имеет место у значительной части нашего общества. «Реформы» отбросили нашу страну назад. Запредельная поляризация населения. Тезисный жанр не позволяет это обосновать. Да, собственно говоря, особенно доказывать ничего не нужно. В российском обществе появились усталость и разочарование. Очередная попытка стать частью западного мира не удалась, он не считает нас своими. Конституция, как многим казалось, была пропуском в него. Не сработало.

Лично я не мог поддержать эту Конституцию на референдуме 12 декабря 1993 г. потому, что к этому времени у меня не было никаких иллюзий. Было ощущение выбора, сделанного за меня и против моей воли. Однако в 2020 г. я с большими надеждами решил поддержать В. В. Путина и лично уговорил многих людей прийти на избирательные участки и поддержать вносимые поправки. Они, правда, не до конца и не в главном подкорректировали Конституцию. Тем не менее появилась надежда. Разумеется, это вызвало бешеную злобу у наших «заключенных партнеров». Было же приказано умирать. А мы не захотели этого делать. Тогда нас стали уничтожать. Правда, пока чужими руками.

Нам нужно всем как можно скорее освободиться от нездоровых надежд и иллюзий и, конечно же, победить. Сегодня это главное. Воюют не за конституции, а за свою землю, право на ней свободно жить и говорить на своем языке. Многих смущило конституционное упоминание о Боге. Бог не оставит Россию своей защитой до того момента, пока она будет помнить Его. А Конституция...? Она не должна расходиться с главными вопросами бытия. Англичане говорят, что конституция и есть их религия. Вот почему мы – не они. И не надо к этому стремиться. Победим, тогда и будем разбираться с другими проблемами...

Главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, д-р юрид. наук В. В. Лапаева выступила с докладом на тему «*Гражданское согласие в вопросе о собственности как условие правового развития России в новых реалиях*». Главной идеей выступления стало обращение к историческим особенностям формирования новой социально-экономической основы российского общества в свете конституционных поправок 2020 года, а также обоснование основных контуров гражданского согласия в данной сфере.

В. В. Лапаева отметила, что, пережив тяжелейший XX век, пройдя через две революции, Первую мировую войну, Гражданскую войну, сложнейший процесс восстановления экономики, Вторую мировую войну, период послевоенного строительства социализма, крах социалистической системы и распад СССР, в последнее десятилетие этого века новая, уже постсоциалистическая, Россия приняла путем всенародного голосования Конституцию РФ, обозначившую начало постсоветского этапа новейшей истории страны. По мнению многих юристов и политиков, принятие Конституции РФ позволило преодолеть опасность гражданского противостояния, обеспечить сохранение территориальной целостности страны, политико-правовую и социально-экономическую стабильность. При этом остался не проясненным вопрос о том, была ли новая Российской Конституция итогом рода общественного договора об основах социально-экономического и политико-правового устройства общества.

Об актуальности проблемы общественного согласия свидетельствует и внесение в 2020 г. в текст Конституции поправок, дополнивших ст. 75 и 80 положениями о том, что в Российской Федерации создаются условия «для взаимного доверия государства и общества, гарантируются... социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность», что Президент РФ «поддерживает гражданский мир и согласие в стране». Очевидно, что в новых geopolитических реалиях, точкой отсчета которых для России стало начало специальной военной операции, социально-экономическая солидарность граждан приобретает особое значение. Это выдвигает в актуальную повестку дня проблему преодоления социально-экономического

раскола российского общества, сложившегося по итогам приватизации социалистической собственности.

Характерная для всего постсоциалистического периода развития России крайне высокая и опасная степень экономического неравенства, отмечаемая многими специалистами, в немалой степени стала результатом того, что Конституция РФ, принятая в период слома прежней социалистической системы общественных отношений, оставила за рамками правового пространства ключевую проблему этой грандиозной социальной трансформации – проблему правового механизма преобразования отношений собственности. В Конституцию общества, осуществлявшего переход от социализма к капитализму, не были заложены правовые принципы разгосударствления социалистической (общенародной по своей сути) собственности. В итоге процесс приватизации пошел с нарушениями не только конституционно-правового принципа формального равенства, но и действовавшего на тот момент весьма несовершенного с правовой точки зрения законодательства³. Очевидно, что в новых реалиях проблема требует серьезного внимания, широкого общественного обсуждения и соответствующей реакции со стороны законодателя. Важная роль здесь принадлежит представителям юридической науки, от научной компетенции и гражданской позиции которых во многом будет зависеть, насколько успешно страна пройдет очередной исключительно трудный для нее исторический период. При этом теоретическая сложность проблемы правового преобразования отношений собственности требует участия в ее осмыслении специалистов в области теории и философии права (тем более что в отечественной философии права есть хороший научный задел, который может быть использован для дальнейшей работы⁴).

Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ Р. А. Ромашов в докладе на тему «*Понимание человека и народа в контексте циклического политогенеза Российского государства*» обозначил центральную проблему – «человек в конституционном формате».

В представлении докладчика, термин «политогенез» предполагает процессы и результат развития государства как формы политической организации общества от начальных форм к завершенным. При этом, когда говорим о политогенезе Российского государства, то, как правило, стоим на позиции линейного политогенеза, т.е. Российское государство, когда-то возникнув как централизованное национальное государство, существует в направлении бесконечности. В частности, если говорим о культурном контексте, можно вспомнить слова из советской песни: «Есть у революции начало, нет у революции конца». В словах гимна и Советского Союза, и Российской Федерации четко просматривается стремление к линейному политогенезу государственности.

Линейный политогенез на конституционном уровне закреплен в ст. 67¹, внесенной в результате поправок: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохранив память предков, передавших нам идеалы и веру

³ Счетной палатой РФ был выявлен целый ряд серьезных типовых нарушений законодательства в ходе приватизации (см.: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы. М., 2005. С. 77).

⁴ См.: Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизм. М., 2001.

в Бога, преемственность развития российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Российская Федерация, Россия – это официальное название государства, закрепленное в Конституции только в 1993 г. Если говорим о циклическом политогенезе, то он предполагает дискретность, разрывность государственной формы и обусловленные этой формой традиции. В качестве последней следует рассматривать порядок государственного устройства и систему основополагающих духовно-нравственных ценностей, сложившихся, сохранившихся и передающихся без существенных изменений в трех и более поколениях гражданского общества. Государство, представляя собой форму социально-политической жизни на определенных исторических этапах, формируется и прекращает свое существование, уступая место иным политико-правовым формам, проживая, подобно человеку, собственную, в чем-то традиционную, повторяющуюся, возможно, уникальную, жизнь. В контексте циклического политогенеза Московское государство, Российская Империя, РСФСР, СССР, Российская Федерация – это разные как по форме, так и по системно-ценностному восприятию политические образования. Их объединяет элемент названия, кстати, формально отсутствующий в названии Союза Советских Социалистических Республик и в персонифицированной модели структурирования публичной политической власти. В отличие от западного политогенеза, в рамках которого тип государства – *polis* сменяется собственно государством *kingdom*, а затем государством *state*, Россия во всех циклах политогенеза являлась именно государством, в котором менялось название страны и должности правителя, но не менялась политическая сущность его персональной власти.

Понимание сущности человека и народа следует рассматривать также применительно к определенному этапу политогенеза Российского государства. Как представляется, можно выделить три основных этапа: это российская монархия, советская республика и современная российская президентская республика. Именно об этом, кстати, Президент РФ сказал: «Россия – это сильная президентская республика, которая будет в обозримой перспективе». Поэтому восприятие слов «человек» и «народ» следует рассматривать применительно к конкретному циклу политогенеза.

Понятие «народ» в качестве конституционной категории впервые было закреплено в Конституции СССР 1977 г. и в Конституции РСФСР 1978 г. Кстати, в Конституции РСФСР 1978 г. единственный раз в советском конституционализме упоминается слово «русский народ». Преамбула Конституции 1978 г. гласит: «Образование РСФСР обеспечило русскому народу, всем нациям и народностям Российской Федерации благоприятные условия для всестороннего экономического, социально-культурного развития в братской семье советских народов». При этом, если говорим о конституционной преемственности, то она в Советском Союзе являлась абсолютно юридическим фактором, потому что когда говорим о преемственности применительно к современному российскому конституционализму, то это только ст. 67 Конституции РФ. Ни слова не сказано о том, что в рамках преемственности мы опираемся на советские Конституции. А вот в советских Конституциях это было: «Народ РСФСР, сознавая себя неотъемлемой частью всего советского народа, сохраняя преемственность идеи и принципов Конституции РСФСР 1918 года, Конституции РСФСР 1937 года, в соответствии с Конституцией СССР принимает, провозглашает настоящую Конституцию».

Сегодня есть основания говорить о современном, особом понимании терминов «народ» и «человек». Если говорим

о народе, то возникает интересная проблема: преамбула и ст. 3 Конституции оперируют понятием «народ» как единым целостным системным образованием. Источником власти, носителем суверенитета в Российской Федерации является многонациональный народ. Исходя из этого понимания, государствообразующим народом Российской Федерации является многонациональный народ Российской Федерации. Статья 68 Конституции РФ, соответственно, гласит, что есть русский язык, на котором говорит государствообразующий народ, входящий в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации, и он является государственным языком нашей страны. Сегодня не прозвучала, по мнению докладчика, революционная концепция внешней политики Российской Федерации на 2023 год. Она оперирует тем, что современное Российское государство – самобытное государство-цивилизация, сплотившее русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность русского мира. Когда говорим о ст. 2 Конституции РФ, то возникает абсолютно четкий вопрос: человек – это кто? В настоящее время любой ли человек с правами и свободами представляет основную ценность? Наряду вот с этой в достаточной степени метафоричной конституционной статьей говорим о том, что существуют определенные дискриминационные положения в отношении личности. Существует перечень Росфинмониторинга организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Можно ли сказать о том, что человек, который признан, соответственно, причастным к терроризму, будет рассматриваться как носитель высших ценностей? Это иностранные агенты, представители ЛГБТ-сообщества. Поэтому, как представляется, когда говорим о солидаризме, то используем понятие «народ». Когда же используем понятие «человек» в качестве ценности, следует помнить о том, что есть метафоры, и они могут использоваться в науке, в литературе. Но когда говорим о законодательной практике, то следует четко понимать: какие люди, с какой ценностью подлежат конституционной защите, что такое народ, интересы каких электоральных групп отстаивают парламентские партии и государство.

Профессор кафедры теории государства и права Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования Т.Н. Радько в докладе на тему «Конституция Российской Федерации – точку ставить рано...» изложил собственную точку зрения относительно основных векторов конституционно-правового развития России.

Докладчик обратил внимание на сложные условия, в которых принималась действующая Конституция. Политические страсти были накалены до предела. Проект Конституции был опубликован практически через месяц после расстрела (по указанию Б.Н. Ельцина) Верховного Совета РСФСР, когда в стране было очень неспокойно. Но Конституцию принимать было необходимо – без нее было бы еще хуже. Она в какой-то мере успокоила часть общества, какую-то часть остановила от дальнейших протестных действий, третья часть отнеслась к ней безразлично. Поддерживали ее либеральная оппозиция и люди, которые по различным причинам были недовольны советской властью. Это были незаконно репрессированные и их дети, советские пролетарии и просто обыватели, недовольные жизнью. Их было меньшинство, но это было активное меньшинство. В их руках находилось самое эффективное для такой ситуации средство – пресса, а именно радио, телевидение и печать, что позволяло им навязывать свою

идеологию, отрицательно оценивать все советское, рекламировать западные ценности, а также особенно яростно критиковать КПСС. И тем не менее голосование по Конституции проходило пассивно, о чем свидетельствуют результаты ее поддержки.

После принятия Основного Закона многим стало очевидно, что это был не совсем тот документ, который хотело иметь общество. Поэтому вслед за восторгами новой Конституцией последовала ее критика. Отмечались очевидные пробелы, коллизии, несуразности и т.п. Многие были удивлены исчезновением такого всем понятного права на труд или тем, что земля и ее недра не являются собственностью российского народа, а могут быть в частных руках, бесплатность и доступность высшего образования сформулирована туманно и т.д. Специалисты в сфере теории и истории государства и права, многие государствоведы сразу заметили нетрадиционность ряда положений Конституции. В частности, появление института президентства, принципа разделения властей, исключение из механизма государства органов местного самоуправления, запрет государственної идеологии, акцентированное внимание на право и охрану частной собственности, введение института двойного гражданства, беспредельное расширение прав и свобод человека и сведение к минимуму его обязанностей. Смущало также право свободного въезда и выезда из страны, поскольку военное, экономическое и политическое противостояние еще сохранялось. Многих юристов удивляло и возмущало отсутствие преемственности новой Конституции с советскими Конституциями. Сегодня прилагается много усилий отдельными государствоведами, чтобы доказать, найти эту преемственность. Но сделать это нелегко, поскольку ее практически нет. Об этом прямо пишет проф. М.В. Баглай, по мнению которого о преемственности в развитии российского конституционного права можно говорить весьма условно или даже негативно. Нынешний демократический тип конституционного права принципиально отрицает тоталитарный тип⁵.

«Я согласен с таким суждением, но оценка моя прямо противоположная. Профессор М.В. Баглай считает, что это хорошо, а я считаю, что это плохо. Из истории страны невозможно изъять период трех Конституций, с которыми она добилась выдающихся успехов в экономическом, политическом, социальном и культурном развитии...».

Все тридцать лет в Конституцию вносились поправки, они улучшали ее качество, делали более совершенной, работа в этом направлении еще не завершена. Необходимо честно записать, что в России четыре ветви власти, преклоняться перед устаревшей теорией деления власти на три ветви не стоит. Она была верна для своего времени. Развитие государства расширило масштабы государственной деятельности далеко за пределы трех ветвей, и это надо учить в современных конституциях. В России президентская власть достаточно очевидна, и не учитывать это в Конституции неправильно. Необходимо убрать прокуратуру из главы «Судебная власть». Ей место в отдельной главе «Контрольно-надзорная власть», куда включить Счетную палату, Центральную избирательную комиссию, Общественную палату, Центральный банк. Нужно решиться и исключить ст. 12 из первой главы или вообще ее изъять из текста Конституции. Именно она убила российскую деревню, небольшие поселки и города, а отнесение органов

местного управления к системе публичной власти мало что дает.

Следует продолжить совершенствование структуры Российской Федерации. Некоторые автономные округа сделать самостоятельными по типу Чукотского, а другим (Ненецкому с населением чуть больше 40 тыс. человек) войти в состав области. Отмечая 30-летие Конституции России, нельзя успокаиваться, а следует думать и работать над улучшением ее качества. Есть у конституции начало, нет у конституции конца...

Профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.С. Прудников в своем выступлении раскрыл значение Конституции РФ для патриотического воспитания подрастающего поколения в период проведения специальной военной операции. По мнению выступающего, духовные и нравственные процессы, происходящие в нашем обществе, особенно остро затрагивают молодежную среду, поэтому патриотическое воспитание есть одно из ключевых направлений морально-психологического обеспечения деятельности подрастающего поколения, в том числе для курсантов, слушателей и студентов.

Учитывая исключительную важность этого направления, в настоящее время в нашем государстве органами публичной власти реализуется комплекс организационно-практических мероприятий по таким направлениям, как морально-психологическая подготовка, организация и проведение единых дней государственно-правового информирования, организация деятельности общественных формирований молодежных коллективов, организация и сопровождение деятельности педагогов-кураторов. Здесь следует напомнить, что Указом Президента РФ от 27 июня 2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации года педагога и наставника» 2023 год объявлен годом наставника и педагога в честь высочайшей общественной значимости профессии учителя и 200-летия со дня рождения К.Д. Ушинского.

Важным знаковым событием для нашего государства также стало принятие 9 ноября 2022 г. Указа № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где закреплена система целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета и определены духовно-нравственные ценности, среди которых жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Как подчеркнул А.С. Прудников, в нем обозначены угрозы нашим традиционным ценностям, в том числе деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия США и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц, запрещенных на территории Российской Федерации.

В условиях негативного информационно-психологического воздействия на подрастающее поколение, угрозы

⁵ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 35.

традиционным ценностям на передний план выходят вопросы организации морально-психологического обеспечения, в том числе эффективной воспитательной работы молодежи. Важно отметить, что в системе МВД России 15 марта 2023 г. на постоянно действующем семинаре-совещании затронут вопрос: «Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как один из приоритетов государственной политики Российской Федерации» и принято решение, что проблемы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей напрямую связаны с вопросом сохранения и приумножения исторической памяти.

Изучение деятельности учебных заведений МВД России показало, что за последние годы созданы или открываются муейно-выставочные комплексы, которые являются базой для патриотического и профессионально-нравственного воспитания как приоритетных направлений работы с подрастающим поколением. Деятельность муейно-выставочного комплекса строится на приоритете традиционных российских духовно-нравственных ценностей: государственности, патриотизме, верности служебному долгу, чести и достоинстве, готовности защищать интересы граждан и государства и многих других⁶.

В заключение докладчик подчеркнул, что в настоящее время для патриотического воспитания подрастающего поколения необходимо человекоцентричное обучение, когда они находятся в центре образовательного и воспитательного процесса. Здесь должны применяться персонификация образования молодого поколения, индивидуально направленное обучение для целостного нравственного мировоззрения и другие инструменты по нравственно-патриотической тематике. В молодое поколение должен быть заложен гуманистический аспект, который и носит ценностный характер, так как курсанты, слушатели, студенты – это люди будущего со своими сильными и слабыми сторонами, особенностями индивидуального развития и семейно-нравственного воспитания. И здесь от профессорско-преподавательского состава требуется большой концентрации и индивидуализации учебно-воспитательной работы, учитывая индивидуальные особенности восприятия знаний у курсантов, слушателей, студентов.

В тезисах **начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, д-ра юрид. наук, доц. Д. В. Пожарского** были показаны основные трансформации полиции (милиции) в фокусе 30-летней практики конституционно-правового развития России. Наряду с главным поводом, 30-летием Конституции, докладчик справедливо отметил: «Поскольку мы собирались в одном старейших и авторитетнейших вузов Министерства внутренних дел РФ, то вполне логично и справедливо обратить внимание на то, как менялась и изменилась ли вообще отечественная полицейская система, прежде всего с конституционно-правовой точки зрения». Основой сообщения стало сравнение первичных (исходных) норм, содержащихся в двух основополагающих нормативных правовых актах – Законе РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-І

⁶ Например, в Московском университете МВД России им. В.Я. Кикотя имеются экспонаты, отражающие вехи отечественной истории, четыре зала (Зал истории Университета, Зал Славы и традиций, Зал Истории российской полиции, Зал Калашникова).

«О милиции»⁷ и Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁸.

Рассуждая о нормах-дефинициях, докладчик отметил, что сравнение вышеуказанных Законов позволяет обнаружить отсутствие в действующем Законе понятия полиции в отличие от действовавшего ранее законодательства, определявшего милицию в качестве системы государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения. В действующем Законе содержится скромное упоминание о том, что полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

По мнению Д. В. Пожарского, если искать и анализировать дух (смысл) норм-целей сравниваемых Законов, то по своему содержанию они идентичны, хотя их буква не совпадает. Целевая составляющая полиции на современном этапе по-прежнему заключается в охране и защите базовых, конституционно закрепленных ценностей (жизнь и здоровье, права и свободы человека, общественный порядок, безопасность, собственность). И несмотря на отсутствие в тексте Основного Закона упоминания о полиции, последняя – уникальный компонент государственного механизма, поскольку иные институты публичной власти не имеют своим прямым назначением защиту такого объема фундаментальных конституционных ценностей.

Что касается норм-принципов, то в данном случае также можно было бы ограничиться констатацией некоего общего смыслового совпадения (гуманизм, включая его юридическую основу – уважение прав и свобод человека; законность; гласность; взаимодействие с институтами власти и объединениями людей), да и разница в количестве не велика. Однако в данном случае необходимо сделать серьезную оговорку. Дело в том, что в «новом» Законе идеи, приближающие полицию к народу, обрели нормативное закрепление. Имеется в виду ст. 9, закрепившая в качестве принципа общественное доверие к полиции и ее поддержку гражданами. В образе полиции здесь явно видны очертания публичной власти, поскольку полиция относится к тем институтам, концептуальное обоснование которых дает существенную характеристику любой политической модели. Полиция – важнейшая институция государства, и Гегель не случайно рассматривал ее в античном, полисном смысле, включив в структуру гражданского общества. Разумеется, доверие и поддержка обществом, как и иные принципы, для полиции в некотором смысле – «костюм на вырост». Такова природа категории «принцип» (здесь преобладает должное, в отличие от признака, отражающего сущее). Изложенные выше рассуждения вовсе не означают того, что советская милиция была отчуждена от народа. Как представляется, доверие народа (трудящихся) к государственной власти, к каждому ее звену считалось очевидным, априорным. Вполне вероятно, что законодатель считал избыточным закреплять это в отношении милиции. Кстати, фундаментальное право человека – право на жизнь в советских Конституциях также не закреплялось, видимо, по аналогичным соображениям.

Тем не менее принцип социальной поддержки и доверия позволяет дискутировать с теми, кто полагает, что

⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16, ст. 503.

⁸ См.: СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

полиция — классический атрибут буржуазного строя, карательно-репрессивный инструмент в руках эксплуататорского класса. Сложно не обращать внимания на частную собственность, свободу предпринимательства, разделение властей, поддержку конкуренции и иные конституционно-правовые «приметы» буржуазной ориентации. Однако еще сложнее утверждать, что российская полиция стала буржуазным институтом, особенно если принять во внимание увеличение объема ее внеклассовых (общесоциальных) функций.

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы. М., 2005. С. 77.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 35.

Сведения об авторах

ПОЖАРСКИЙ Дмитрий Владимирович —
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии управления МВД России;
125993 г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

КРОТКОВА Наталья Викторовна —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной
юстиции Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

3. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. М., 2014. С. 172.
4. Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.

REFERENCES

1. Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003. М., 2005. P. 77 (in Russ.).
2. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. М., 1999. P. 35 (in Russ.).
3. Bondar N.S. Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in theory and practice of constitutional justice. 2nd ed., add. М., 2014. P. 172 (in Russ.).
4. Nersesyan V.S. The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto of Civilization. М., 2001 (in Russ.).

Authors' information

POZHARSKY Dmitry V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of State and Legal
Disciplines of the Management Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation;
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str.,
125993 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. —
PhD of Law,
Leading Researcher, Sector of Constitutional Law
and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

К ВОПРОСУ О МНОГООБРАЗИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ

Эдвард Дж. Свон. ИНТЕРНЕТ-ПРАВО: КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ВО ВСЕМ МИРЕ

© 2024 г. А. А. Тедеев^{1, 2, 3, *}, К. Р. Ошманкевич^{1, **}

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

²Университет МГУ-ППИ в Шэнчжэне, КНР

³Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: ast7819@gmail.com

**E-mail: 89169630172@mail.ru

Поступила в редакцию 21.02.2024 г.

Аннотация. Работа зарубежного исследователя Эдварда Дж. Свона (Edward J. Swan) посвящена обзору нормативно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в области использования информации, в частности в сети Интернет, но не ограничивается этим. Автор формулирует свое видение интернет-права как набора международных и национальных правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения, приводит систему и структуру интернет-права в его понимании. Приводит обзор основных международных правовых актов в рассматриваемой области, последовательно переходя к рассмотрению правового регулирования отдельных вопросов интернет-права в различных государствах, в том числе США, Европы, странах Азии и Африки. В заключение исследования автор формулирует свое видение перспектив развития данной новой отрасли и влияния интернет-технологий на соответствующие общественные отношения и их регулирование.

Ключевые слова: информационное право, технологии, цифровые технологии, цифровые отношения, Интернет, цифровизация, информация, интернет-право, права человека, защита данных.

Цитирование: Тедеев А.А., Ошманкевич К.Р. К вопросу о многообразии национальных моделей регулирования информационных (цифровых) отношений
Эдвард Дж. Свон. Интернет-право: краткое руководство по регулированию во всем мире // Государство и право. 2024. № 7. С. 223–228.

DOI: 10.31857/S1026945224070207

ON THE ISSUE OF THE DIVERSITY OF NATIONAL MODELS OF REGULATION OF INFORMATION (DIGITAL) RELATIONSHIPS

Edward J. Swan. INTERNET LAW: A CONCISE GUIDE TO REGULATION AROUND THE WORLD

© 2024 A. A. Tedeev^{1, 2, 3, *}, K. R. Oshmankevich^{1, **}

¹*Lomonosov Moscow State University*

²*Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China*

³*Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

*E-mail: ast7819@gmail.com

**E-mail: 89169630172@mail.ru

Received 21.02.2024

Abstract. The work of a foreign researcher Edward J. Swan is devoted to an overview of the legal regulation of social relations in the field of information use, in particular, on the Internet, but not limited to this. The author formulates his vision of Internet law as a set of international and national legal regulations governing the relevant social relations, provides the system and structure of Internet law according to his understanding. The author provides an overview of the main international legal acts in this area, consistently moving on to the consideration of the legal regulation of certain issues of Internet law in various states, including the United States, Europe, Asia and Africa. In conclusion, the author formulates his vision of the prospects for the development of this new industry and the impact of Internet technologies on the relevant social relations and their regulation.

Key words: Information Law, technologies, digital technologies, digital relations, Internet, digitalization, information, Internet law, human rights, data protection.

For citation: Tedeev, A.A., Oshmankevich, K.R. (2024). On the issue of the diversity of national models of regulation of information (digital) relationships

Edward J. Swan. Internet law: a concise guide to regulation around the world // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 223–228.

Рассматриваемая книга д-ра права, проф. Эдварда Дж. Свона «Интернет-право: краткое руководство по регулированию во всем мире»¹, формально называясь руководством кратким, на самом деле выступает подробнейшим справочным обзором состояния правового регулирования отношений, связанных с оборотом и защитой информации в сети Интернет. В частности, автором затрагиваются важные и актуальные формирования соответствующей модели регулирования информационных (цифровых) отношений вопросы: запреты и ограничения, связанные с доступом в сеть Интернет, конфиденциальность и защита персональных данных, обработка т.н. больших данных, регулирование искусственного интеллекта и квантовых вычислений², оборот криптовалют, вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети Интернет, а также сложности международных отношений, связанных использованием различного рода кибер-ресурсов в попытках обеспечить политическое влияние либо противодействовать такому влиянию со стороны других государств.

¹ Swan Edward J. Internet law: a concise guide to regulation around the world. Alphen an den Rijn: Wolters Kluwer Law International, 2023.

² См. подр.: Полякова Т.А., Минбаев А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

Актуальность поднятых проблем в современном мире сложно переоценить. Сегодня век бурного развития информационных (цифровых) технологий, результаты которого, как отмечает автор книги, зачастую невозможно предсказать. Информация стремительно становиться больше, чем просто средством обмена знаниями между людьми³. Сейчас это и ценный актив, материальное благо, дающее субъектам экономических отношений различного рода преимущества, если говорить, к примеру, о коммерческой тайне или иной конфиденциальной информации, без соглашений о защите которых не обходится ни один проект. Кроме того, информация – это ресурс, который сам по себе генерирует доход, если говорить о деятельности различного рода ИТ-гигантов, получающих доход за сам факт предоставления доступа к информации и ее обработке; безусловно, информация – это также и своего рода оружие, все чаще используемое как в локальных конфликтах, например, для очернения конкурентов, поиска компрометирующих

³ См. подр.: Бачило И.Л. О праве на информацию в Российской Федерации. М., 1997. С. 3–6; Ее же. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды ИГП РАН. 2016. № 3 (55). С. 5–8; Полякова Т.А., Минбаев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171; Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Ценностные изменения развития информационного права России // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2 (72). С. 53–59; и др.

данных в отношении политических деятелей, так и в глобальных международных противостояниях.

Следует отметить, что многообразие форм информации и способов ее использования неизбежно заставляет государства реагировать на те вызовы и угрозы, которые появляются в результате цифровизации. К сожалению, крылатая фраза «благими намерениями вымощена дорога в ад» не теряет своего смысла и здесь – мы это можем видеть на примере Интернета, который изначально создавался для военных целей (что, впрочем, лишь условно можно назвать благой целью, но оборона так или иначе является важной составляющей в любом государстве), затем стал Всемирной сетью, способной давать доступ к знаниям всего человечества и делать этот мир лучше, и который в итоге по большей части используется для развлекательного контента, неконтролируемых сбора и обработки данных, не говоря уже о других противоправных и (или) безнравственных способах его использования. В данном случае государство, будучи публичным политическим институтом, обладающим властными полномочиями и таким мощным инструментом, как правовые нормы, одновременно выполняет задачи как самозащиты, стараясь не допустить анархии и попыток свержения власти, так и защиты общества от негативных последствий активного использования информации.

Сложность здесь в том, что право, всегда в определенной мере отстающее от развивающихся общественных отношений, в случае с информацией отстает еще больше – слишком велика скорость распространения информации (в буквальном смысле – со скоростью света при помощи оптико-волоконных кабелей или электромагнитных волн) и слишком уж богатой является фантазия людей, придумывающих все новое применение «всемирной паутины». К примеру, между изобретением книгоиздания Иоганном Гутенбергом в 1445 г. и изданием Конвенции об охране литературных и художественных произведений прошло чуть более четырехсот сорока лет – столько времени понадобилось мировому сообществу для выработки базовых норм, представляющих современную основу авторского права. Пожалуй, на сегодняшний день у человечества нет столько времени на раздумья, новые явления цифровой современности могут распространяться по миру за считанные годы, и возможно даже месяцы. Известная криптовалюта биткойн появилась на свет в 2009 г., но до сих пор не все отдельные государства, не говоря уже о мировом сообществе в целом, смогли определиться с подходом к тому, как он и ему подобные активы должны быть урегулированы. Хорошим примером является активная разработка и внедрение государствами цифровых валют, что, впрочем, не решает проблему унификации и интернационализации – в отличие от обычной или цифровой валюты, информация в целом границ не знает.

Примечательно, что сравнительно молодые конституции ряда государств уже содержат в себе нормы, касающиеся прав человека в области информации⁴. Этим может похвастаться и Конституция РФ – стоит лишь обратиться к ст. 24 о недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лиц без их согласия или ч. 4 ст. 29 о праве каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Отметим, что данные нормы были включены

⁴ Сюда, к примеру, можно отнести Конституцию Республики Молдова от 29.07.1994 г. (ст. 34 – Право на информацию), Конституцию Республики Армения от 05.07.1995 г. (ст. 27, включающая в свободу слова в том числе свободу поиска, получение и распространение сведений и идей через любые средства информации, независимо от государственных границ), Конституцию Республики Казахстан от 30.08.1995 г. (ст. 20 о праве свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом).

с самого момента ее принятия 12 декабря 1993 г. и не претерпели изменений.

Все эти и иные причины делают особенно важными и ценными научные труды и исследования в области информационного права, в которых исследуется общемировое состояние правового регулирования отношений в области высоких технологий, цифровизации и сети Интернет. Рассматриваемая работа проф. Эдварда Дж. Свона, безусловно, к таковым относится.

Автор начинает исследование с общей характеристики интернет-права, в связи с чем стоит отметить методологию и использование системно-структурного подхода, переходя затем к методу сравнительно-правовому, описывая правовое регулирование на международном уровне и в отдельно взятых странах.

Примечателен оригинальный подход автора к тому, что вообще можно считать регулирующими факторами для сети Интернет, и в этом плане он не ограничивается собственно нормами права. Так, к ним автор (1) относит собственно структуру и технологические возможности, чем и определяется существование данной всемирной сети как таковой, (2) коммерческий фактор, то есть рыночные и экономические механизмы, влияющие на то, как интернет может быть использован, (3) обычаи, причем имеются в виду в широком смысле этого слова, не ограничиваясь правовыми, и только на последнем месте приводятся (4) разного рода политики, законы и международно-правовые акты. Тем самым автор наглядно показывает одну из важных особенностей Интернета как некой информационной среды, которая более подвержена саморегулированию либо регулированию неправовыми механизмами, что и определяет вектор развития интернет-индустрии. Как мы уже говорили выше, право лишь догоняет то, что образовалось в результате использования данной Всемирной сети.

Далее автор фокусируется на том, как различные государства ведут политику в отношении ограничений или, наоборот, расширения доступа к сети Интернет, вполне ожидаемо приводя примеры таких стран, как КНР, Индия и Российская Федерация, а также ряд других африканских, азиатских или ближневосточных государств, в качестве «государств-ограничителей» и описывая нормы, направленные на развитие доступности сети Интернет, принятые в ЕС и США. Так, применительно к России упоминается т.н. Закон о суверенном интернете, под которым имеется в виду Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»⁵, создающий условия для обособленного функционирования российской части сети Интернет (он же Рунет), вносящий требования по использованию операторами связи отечественного оборудования в ряде случаев, а также расширяющий полномочия Роскомнадзора. В целом такой подход автора представляется хоть и не совсем безосновательным, поскольку тот же российский закон тоже вызывал немало дискуссий в профессиональных сообществах и в стране в целом, но тем не менее односторонним и не в полной мере учитывающим условия принятия тех или иных решений в этих государствах, а также предпосылки и причины, по которым страны вынуждены ограничивать доступ в сеть Интернет.

Глава 3 посвящена международному регулированию Интернета, где автор приводит характеристику таких основополагающих международных актов, как Всеобщая декларация прав человека, Базовое соглашение по телекоммуникациям (полное наименование – Четвертый протокол к Генеральному

⁵ См.: СЗ РФ. 2019. № 18, ст. 2214.

соглашению по торговле услугами, ГАТС), Модельный закон ЮНСИТРАЛ по электронной коммерции, Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Договор ВОИС по авторскому праву, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, Будапештская конвенция о киберпреступности, Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция), Модельный закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах и ряд иных. Не обходит вниманием автор и специализированную международную организацию – Корпорацию по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN), а также входящие в ее структуру или подчиненные ей подразделения, занимающиеся регулированием основополагающих вопросов, связанных с Интернетом – координация деятельности регистраторов доменных имен, распределение IP-адресов и иные функции.

Автор отдельно отмечает пока что безуспешную попытку распространить базовые права человека на интернет-среду, упоминая до сих пор не принятую резолюцию ООН 2012 г. о правах человека в сети Интернет, которая предполагала распространить на эту сферу ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, что еще раз подчеркивает сложность унификации правовых норм и регулирования отношений в сфере сети Интернет в целом. Отдельно отмечается также нежелание ряда стран в силу политических или религиозных особенностей распространять нормы международного права без учета этих особенностей, приводя в пример мусульманские страны, принявшие Каирскую декларацию прав человека в исламе. Книга ограничивается констатацией данного факта, равно как и того, что тенденция к сопротивлению полной либерализации и ограничениям в сети Интернет будет сохраняться и далее.

Главы 4–13 посвящены рассмотрению законодательства в сфере сети Интернет в отдельно взятых странах. Автор достаточно детально рассматривает регулирование данных вопросов в США, Европейском союзе (общееевропейское регулирование), а также, что примечательно, в КНР. С учетом принадлежности автора к англосаксонской школе права, представляется вполне обоснованным и логичным фокус на описании нормативного регулирования вопросов в области сети Интернет в государствах Америки и Запада, что представляет большой интерес для всех зарубежных, в том числе и для российских читателей.

Применительно к США автор рассматривает основные законодательные акты в данной сфере, такие как небезызвестный DMCA (Закон об авторском праве в цифровую эпоху), Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях 1986 г., Закон США о доменных именах и ряд иных актов. С учетом того, что ранее упомянутая ICANN расположена в США, вполне ожидаемо, что политики и правила, издаваемые данной организацией будут так или иначе подвержены влиянию англосаксонской правовой семьи и соответствующей юридической технике. Так, автором рассматривается UDRP – Единая политика разрешения споров о доменных именах, представляющая собой внесудебную процедуру разрешения споров, касающихся доменных имен, действующую для некоторых доменных зон верхнего уровня (.biz., .com., .info., .name., .net., .org и иных). Автором также рассматриваются конкретные известные случаи и судебные дела (в английской терминологии – “cases”) с участием крупных компаний, таких как Domino’s Pizza и Apple, касающиеся защиты данных.

Применительно к европейскому регулированию автор придерживается схожего принципа, рассматривая как базовые акты

ЕС (сам Договор о Европейском Союзе, Общий Регламент о защите персональных данных – знаменитый GDPR), а также отдельные дела с участием крупных международных корпораций. Примечательно, что автором отдельно выделяется проблема соответствия деятельности технологических компаний США европейским законам, иллюстрируя излюбленную американскими компаниями и государственными органами политику экстерриториальности собственного регулирования, стремления распространять его на отношения, складывающиеся за пределами государства. Отдельного внимания заслуживает обзор того, как различные страны ЕС наказывают за нарушения в области защиты данных, поскольку европейские регуляторы и ими налагаемые санкции за соответствующие нарушения известны своей суровостью.

Выбор автором КНР для подробного рассмотрения законов о сети Интернет вполне объясним. С одной стороны, КНР является одной из ведущих цифровых экономик, где доля использования высоких технологий заметно превосходит весь остальной мир. С другой – регуляторы КНР заметно преуспели и в области регулирования соответствующих отношений, что соответствует уровню развития использования технологий в данном государстве. Вполне ожидаемо, автор рассматривает такие явления деятельности КНР как различного рода ограничивающие нормы, «Великий китайский файрвол», вопросы регулирования в контексте отношений КНР с обособленными административными территориями – Гонконг и Макао, отношения между государством и крупными технологическими гигантами – Alibaba и Tencent и ряд иных вопросов. Таким образом, читатель имеет возможность ознакомиться с достаточно подробным «западным» видением интернет-права КНР.

Автор также приводит обзор регулирования в сфере Интернет в ряде других стран⁶. К сожалению, Российская Федерация, несмотря на достаточно объемный массив нормативных правовых актов в сфере информации, защиты персональных данных и информационной безопасности, не представлена среди стран, рассмотренных автором, что не позволяет узнать оценку зарубежного ученого в отношении состояния регулирования в Российской Федерации.

Главы 14–16 рецензируемой книги посвящены отдельным институтам или подотраслям, так или иначе регулирующим отношения, связанные с информацией, а именно: право интеллектуальной собственности, конкурентное (анти monopольное) право и законодательство о защите персональных данных.

Применительно к праву интеллектуальной собственности автор приводит обзор основных международно-правовых актов в данной сфере (Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Соглашения ВТО и ТРИПС), а также ряда национальных законов в контексте защиты прав на интеллектуальную собственность в сети Интернет. Интересными представляются рекомендации автора, представляющие собой базовые правила защиты интеллектуальной собственности, например соблюдение мер предосторожности при использовании общих сетей, использование последних обновлений программного обеспечения, использование сложных паролей и средств шифрования, что скорее можно отнести к общим рекомендациям по защите данных в принципе, не ограничиваясь только лишь интеллектуальной собственностью. Представляет также интерес приведенный автором отчет

⁶ Таких как Япония, Южная Корея, Индия, Сингапур, Куба, Чили, Франция, Соединенное Королевство, Кыргызстан, Иран, Турция и ряд иных государств.

Торгового представительства США 2020 г., в котором ведомство категорировало страны с самым плохим уровнем защиты интеллектуальной собственности и страны, вызывающие обеспокоенность в сфере защиты интеллектуальной собственности. В первую категорию вошли в том числе КНР, Индия, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Украина, Венесуэла, во вторую – Канада, Египет, Греция, Ливан, Мексика, ОАЭ, Узбекистан, Вьетнам и ряд других. Разумеется, эта оценка представляет собой достаточно субъективный взгляд американского регулятора, и автор вполне допускает, что читатель может и не согласиться с таким распределением, однако для бизнеса этот отчет может служить своего рода индикатором, используемым при принятии решений.

В контексте конкурентного права автор рассуждает о деятельности т.н. технологических гигантов – Apple, Amazon, Google и иных, рассматривая наряду с общей характеристикой соответствующей отрасли права в странах США и Европы также и отдельные споры с участием регуляторов и технологических компаний. Действительно, все увеличивающиеся масштабы деятельности таких организаций, их капитализация, сопоставимая с государственным бюджетом некоторых стран, дают им возможность монополизировать отдельные сектора экономики (рынок рекламы, определенных технологических услуг), что не может не вызывать беспокойство регуляторов. В исследовании приводится российский пример с booking.com, который был оштрафован за злоупотребление доминирующим положением.

Говоря о защите персональных данных, автор ограничивается обзором законодательства США и Европейского Союза. Отметим, что фраза «законодательство о защите персональных данных» характерна больше для российского понимания соответствующего набора норм. В английской терминологии *privacy law* дословно означает «право конфиденциальности», что отражает ориентированность норм на защиту конкретной личности и его права контролировать данные о себе, передаваемые в том числе в сеть Интернет и обрабатываемые там, что отчасти перекаётся и, несомненно, связано с таким русскоязычным правовым понятием как «тайна частной жизни».

Применительно к США автор дает характеристику нормативного регулирования не только и не столько федерального законодательства, сколько норм отдельно взятых штатов (25 из 50), что демонстрирует разнообразие и в какой-то степени разрозненность регулирования в области защиты персональных данных в данном государстве. Напротив, в ЕС был принят упомянутый ранее GDPR – Общий регламент о защите персональных данных (полное название – Регламент N2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС»), которому в книге уделяется отдельное внимание и который стал поистине мировым стандартом в области защиты персональных данных. Примечательно, что даже с точки зрения российского регулятора, Роскомнадзора, США не отнесены к Перечню иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных⁷, что важно при регулировании вопросов трансграничной передачи персональных данных, и наоборот, в этот перечень входят страны ЕС. Однако стоит оговориться, что это не дань GDPR, а заслуга Конвенции Совета

⁷ См.: приказ Роскомнадзора от 05.08.2022 № 128 «Об утверждении перечня иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных» (Зарегистрирован в Минюсте России 20.09.2022 № 70152) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.09.2022.

Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных.

В гл. 17 книги приводится небольшое исследование вопроса искусственного интеллекта и проблем его правового регулирования. Данная глава примечательна тем, что в ней рассматривается достаточно сложный и комплексный вопрос, затрагивающий сферы технологии, биоинженерии, права и этики, а именно использование технологических средств и искусственного интеллекта во взаимодействии с человеческим организмом. Справедливости ради отметим, что автор высказывает вполне обоснованные опасения в том, что уже современный уровень развития технологий позволяет говорить о необходимости разработки комплекса мер, в том числе правового характера, направленного на защиту личности при разного рода технологических вмешательствах в работу организма, приводя в пример технологии мозго-машинного интерфейса, когда человек силой мысли может управлять техническими устройствами – компьютером, бионическими протезами и т.п. Обратной стороной этого может послужить то, что при помощи того же интерфейса одни люди научатся вмешиваться в сознание других, и то, что раньше считалось не более чем невероятным режиссерским замыслом, сейчас уже вполне может стать реальностью. Таким образом, мы можем видеть совершенно новый аспект проблемы неприкосновенности личности и защиты ее от совершенно нового вида посягательств, а свобода мысли в данном ключе приобретает совершенно новый смысл.

Далее автор продолжает исследование, переходя к вопросу кибервалюты (гл. 18) и давая характеристику основным их видам и реакции регуляторов различных государств, а также Базельского комитета по банковскому надзору. Автор приходит к выводу, что вопрос кибервалют остается до сих пор сложным и нерешенным, а принципы их функционирования несовместимы с тем, что сейчас собой представляет регулирование денежного обращения и валют – это однозначно монополия государств. Различного рода крипто- и кибервалюты не укладываются в данную концепцию, поскольку могут эмитироваться различными системами, в том числе частными, могут быть децентрализованными и в то же время – ничем не обеспеченными, что делает такие валюты скорее инструментами спекуляций, что в то же время не мешает им набирать популярность в контексте общей цифровизации экономики и в силу ряда полезных характеристик, например той же быстроты и удобства транзакций.

В гл. 19 и 20 автор подробно рассматривает негативную сторону информатизации и цифровизации, а именно киберпреступления и кибервойны, акцентируя внимание на таких явлениях, как вымогательство, международное финансирование терроризма и отмывание денег, мошенничество, кибербуллинг (травля в сети Интернет), технология «дипфейк», а также использование технологий в рамках масштабных атак на крупные корпорации, государственные органы и целые сектора экономики, например известные вирусы-шифровальщики WannaCry и NotPetya. Данные вопросы рассматриваются с позиции активизации усилий стран ЕС и США по борьбе с названными явлениями и при одновременном приведении примеров хакерских атак из КНР и Российской Федерации, что может рассматриваться как своего рода противопоставление данных государств друг другу, что представляется тоже не совсем объективным подходом, игнорирующим усилия последних стран в области кибербезопасности.

В завершение исследования автор предлагает собственное видение перспектив развития Интернет-права применительно к вопросам защиты личности в Интернете, персональных

данных, финансовых и др. Автор справедливо отмечает, что Интернет – это всеобщая уязвимость, и глобальные сбои в работе как самой Сети, так и отдельных технологических корпораций, сильно осложняют жизнь, принося огромный ущерб экономикам и грозя глобальным кризисом в случаях более масштабных сбоев.

* * *

Таким образом, книга Эдварда Дж. Свона «Интернет-право» – емкое и комплексное юридическое исследование, которое отличает значительный набор использованных источников, последовательность изложения и оригинальность выводов автора. Несмотря на то что ряд вопросов рассмотрен в определенной степени кратко либо поверхностно, или с одной единственной точки зрения, информация и выводы, полученные в книге, создают хорошую методологическую и научно-теоретическую базу для дальнейшего изучения отдельных вопросов конституционного, гражданского, международного права, связанных с информацией, а также собственно информационного права и опыта различных государств в данных отраслях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бачило И.Л.* О праве на информацию в Российской Федерации. М., 1997. С. 3–6.
2. *Бачило И.Л.* Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды ИГП РАН. 2016. № 3 (55). С. 5–8.

Сведения об авторах

ТЕДЕЕВ Астамур Анатольевич –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственного аудита
Высшей школы государственного аудита
(факультет) Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус);
профессор центра сравнительного правоведения
Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР),
главный научный сотрудник центра
сравнительного государствоведения
Института Китая и современной Азии
Российской академии наук

ОШМАНКЕВИЧ Ксения Романовна –
кандидат юридических наук,
стажер-исследователь кафедры государственного
аудита Высшей школы государственного аудита
(факультет) Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13 (4-й учебный корпус)

3. *Полякова Т.А., Камалова Г.Г.* Ценностные изменения развития информационного права России // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2 (72). С. 53–59.
4. *Полякова Т.А., Минбалиев А.В., Кроткова Н.В.* Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.
5. *Полякова Т.А., Минбалиев А.В., Наумов В.Б.* Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.
6. *Swan Edward J.* Internet law: a concise guide to regulation around the world. Alphen an den Rijn: Wolters Kluwer Law International, 2023.

REFERENCES

1. *Bachilo I.L.* On the right to information in the Russian Federation. M., 1997. Pp. 3–6 (in Russ.).
2. *Bachilo I.L.* Conceptual apparatus of Information Law and information security system // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 3 (55). Pp. 5–8 (in Russ.).
3. *Polyakova T.A., Kamalova G.G.* Value changes in the development of Information Law in Russia // The Rule of Law: theory and practice. 2023. No. 2 (72). Pp. 53–59 (in Russ.).
4. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the doctrine of Russian Information Law in the context of transition to a data economy // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 158–171 (in Russ.).
5. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world // State and Law. 2022. No. 5. Pp. 104–114 (in Russ.).
6. *Swan Edward J.* Internet law: a concise guide to regulation around the world. Alphen an den Rijn: Wolters Kluwer Law International, 2023.

Authors' information

TEDEEV Astamur A. –
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State Audit
of the Higher School of State Audit (Faculty)
of the Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 (4th academic building)
Leninskiye Gory, 119991, Moscow, Russia;
Professor at the Center for Comparative Law
of the Shenzhen MSU-BIT
University (Shenzhen, China),
Chief Researcher
at the Center for Comparative Government
Studies of the Institute of China and Modern Asia
of the Russian Academy of Sciences

OSHMANKEVICH Ksenia R. –
Candidate of Law,
Intern Researcher of the State Audit Department
of the Higher School of State Auditing (Faculty)
of the Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 (4th academic building)
Leninskiye Gory, 119991, Moscow, Russia